

Сатсварупа дас Госвами

ПРАБХУПАДА ЛИЛАМРИТА

Биография Его Божественной Милости
А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады

ачарьи-основателя Международного общества сознания Кришны

ТОМ ВТОРОЙ

Annotation

Подробная биография А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады (1896 — 1977), выдающегося религиозного деятеля и философа, познакомившего западный мир с древней духовной традицией *бхакти*, которая испокон веков являлась краеугольным камнем индийской духовности. Для широкого круга читателей.

- [Прабхупада-лиламрита. Том 2. Гл. 22-36](#)
- [О книге](#)
- [Введение](#)
- [22 «Свами приглашает хиппи»](#)
- [23 Афера мистера Пэйна](#)
- [24 Нью-Джаганнатха-Пури](#)
- [25 Наш учитель еще не закончил свой труд](#)
- [26 Отъезд Свамиджи](#)
- [27 Снова в Индии. Часть первая](#)
- [28 Снова в Индии. Часть вторая](#)
- [29 Масса возможностей и мало времени](#)
- [30 Лондон: мечта сбылась](#)
- [31 ИСККОН в опасности](#)
- [32 Индия: танцующие белые слоны](#)
- [33 Предстоит большая работа](#)
- [34 Паривраджакачарья реактивного века](#)
- [35 «Этот далекий край»](#)
- [36 В каждом городе и деревне](#)
- [Приложения](#)
 - [Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том третий \(главы 22-28\).](#)
 - [Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том четвертый \(главы 29-36\).](#)
 - [Основные события жизни Шрилы Прабхупады в период с 1967 по 1971 г.](#)
 - [Словарь имен и терминов](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Прабхупада-лиламрита. Том 2. Гл. 22-36

ЕС Сатсварупа дас Госвами

Эта книга повествует о выдающемся человеке и его удивительном подвиге. Этот человек — А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, философ, ученый, духовный лидер, святой; подвиг же его заключается в том, что впервые в мировой истории ему удалось пересадить на западную почву неподвластную времени духовную культуру Древней Индии.

В 1967 году Шрила Прабхупада переехал из Нью-Йорка в Сан-Франциско и поселился там в районе Хайт-Эшбери — столице американской контркультуры. Здесь он продолжил свою проповедь, призывая американскую молодежь строить жизнь на возвышенных духовных принципах и повсюду распространять святое имя Кришны. Кроме того, на страницах второго тома «Прабхупада-лиламриты» мы видим Шрилу Прабхупаду в Англии (где он знакомится с «Битлз»), в Голландии, в Японии, в Африке, в России, а также становимся свидетелями его триумфального возвращения в Индию с группой западных последователей, которых он называл «танцующими белыми слонами».

Благодаря твердой вере в Кришну и самоотверженной преданности наказу духовного учителя Шрила Прабхупада совершил то, чего не удавалось никому до него. Он принес сознание Кришны во многие страны, тем самым положив начало исполнению пророчества Шри Чайтаньи Махапрабху, предсказавшего, что Его имя будут петь в каждом городе и каждой деревне мира.

Тысячи часов интервью с сотнями людей, лично знавших Шрилу Прабхупаду, дневники и воспоминания его учеников, свыше семи тысяч писем самого Прабхупады — таков результат поисков, проведенных исследовательской группой под руководством автора этой книги. Впоследствии все эти материалы были тщательно изучены и обработаны и легли в основу повествования, живо и рельефно изображающего одного из самых выдающихся людей нашего времени.

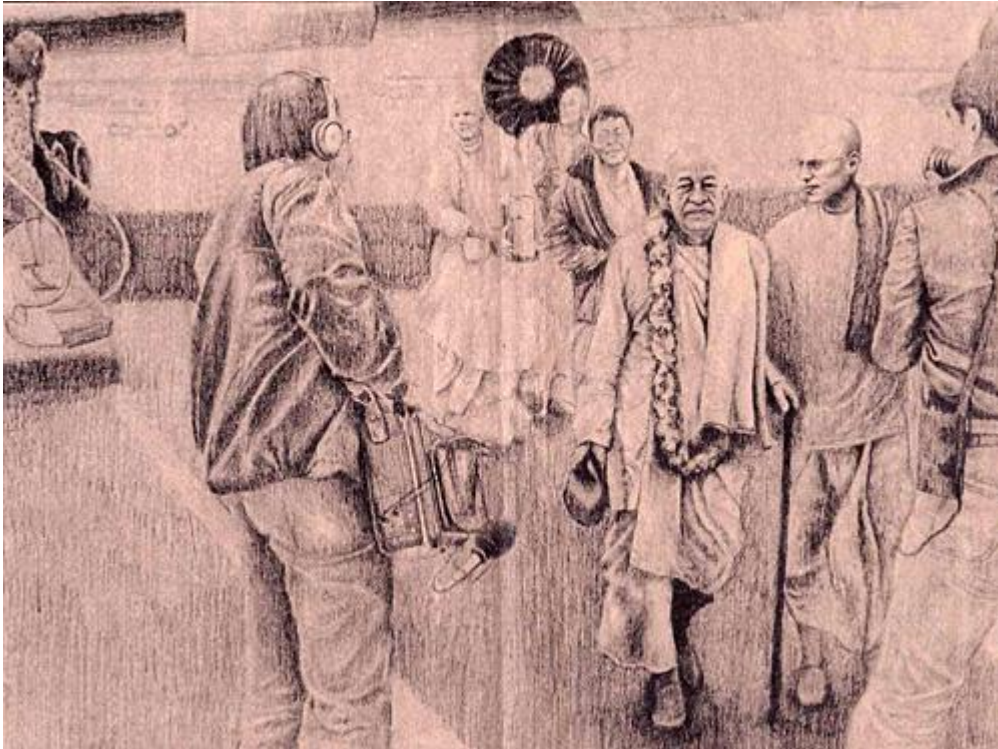

Сатсварупа дас Госвами — один из первых американских последователей Шрилы Прабхупады, автор множества книг, посвященных сознанию Кришны.

«На этих страницах рассказана история жизни проповедника и духовного учителя, который видел, в каком хаосе находится нынешняя цивилизация, и старался возродить духовные ценности, противопоставляя их материальным ценностям современного общества, в котором восторжествовал дух потребительства и гедонизма. Эта книга знакомит нас со святым, который одухотворял существование всех окружающих его людей и давал им не просто абстрактную философию, а целый образ жизни».

*Шалиграм Шукла,
профессор лингвистики,
Джорджтаунский университет*

Введение

Во втором томе «Прабхупада-лиламриты» рассказывается о том, как в 1967 году, в самую пору расцвета движения хиппи, Шрила Прабхупада отправляется в Сан-Франциско, где останавливается в районе Хайт-Эшбери и знакомит его обитателей с сознанием Кришны, подобно тому, как это недавно было в Нью-Йорке. Однако в мае 1967 года, перенеся тяжелый сердечный приступ, Прабхупада возвращается в Индию, чтобы поправить здоровье. После этого становится окончательно ясно, что Движение сознания Кришны — и само его существование, и рост — держится лишь на нем одном. Хотя к тому времени к Движению примкнули уже несколько десятков искренних преданных, посвятивших себя служению Кришне, без личного руководства духовного учителя все они чувствовали свою беспомощность и некомпетентность — не только в том, что касается миссионерской деятельности, но и в собственной духовной жизни. Без него им было трудно хранить твердость в своих духовных обетах, подразумевающих отказ от недозволенных половых отношений, одурманивающих средств, азартных игр и употребления в пищу мяса. В декабре 1967 года Шрила Прабхупада вновь вернулся в Америку, к своим духовным детям.

Как впоследствии признавал сам Шрила Прабхупада, Движение сознания Кришны по-настоящему начало развиваться лишь после его возвращения в Штаты в декабре 1967 года. Время было ограничено, и сердечный приступ послужил тому напоминанием. Теперь Прабхупаде нужно было завершить свою миссию, сколько бы времени ему ни было на это отведено. Международное общество сознания Кришны постепенно росло и расширялось, превращаясь из простой и веселой компании единомышленников в духовную организацию, занявшую довольно заметное положение даже среди мировых религий.

Во втором томе описана та часть жизни Шрилы Прабхупады, когда он, будучи единственным лидером ИСККОН, Международного общества сознания Кришны, принимал наиболее активное участие в его деятельности. В 1968 году у Шрилы Прабхупады было примерно пятьдесят учеников, а ИСККОН насчитывал шесть центров. Хотя число преданных возросло, большинство из них были хоть и искренними, но все-таки неофитами. С Прабхупадой мог лично пообщаться любой из его учеников. При этом Прабхупада по-прежнему сам управлял каждым центром ИСККОН. Позднее, в июле 1970 года, Шрила Прабхупада создает управляющий орган своего Общества — Джи-би-си, и постепенно передает в руки его секретарей бразды правления ИСККОН. Однако Шрила Прабхупада по-прежнему продолжает активно руководить деятельностью Общества, которое к 1971 году насчитывало уже шестьсот последователей и шестьдесят пять центров.

Пытаясь проповедовать любовь к Господу в мире, где процветает безбожие, Прабхупада сталкивался со множеством трудностей. Иногда он встречал противодействие со стороны властей, средств массовой информации и религиозных лидеров, в том числе индийских. И даже в созданном им Обществе ему доводилось сталкиваться с проблемами, возникавшими, когда его молодые ученики пленялись соблазнами материального мира. Но и перед лицом трудностей Шрила Прабхупада всегда оставался очень терпеливым, добрым и исполненным непоколебимой решимости, которая отличает чистого преданного Господа Кришны.

С материальной точки зрения может показаться невероятным, что человек такого возраста постоянно путешествует, решает организационные проблемы, борется с противодействием и одновременно с этим переводит священные ведические писания — один том за другим.

За тридцать лет до Шрилы Прабхупады несколько его духовных братьев тоже предприняли поездку в Европу с целью проповеди. Но тогда их попытки не увенчались успехом. Скорее, наоборот, прибавили уверенности, что жители Запада никогда не воспримут сознание Кришны. Но Шрила Прабхупада, исполняя пророчество Господа Чайтаньи (предсказавшего, что Его имя будут петь в каждом городе и каждой деревне мира), много путешествовал по всему миру сам и посылал своих учеников открывать центры в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Бостоне, Монреале, Буффало, Сиэтле. Он направлял своих учеников за границу — в Англию и другие страны. И везде им сопутствовал успех, которого так и не добились духовные братья Шрилы Прабхупады.

Но Шрила Прабхупада (и об этом также рассказывается в этом томе) путешествовал не только чтобы увеличивать число последователей и знакомить с сознанием Кришны жителей все новых и новых стран, но и чтобы укрепить то, что уже было создано им. Прекрати он свои поездки по храмам, перестань заботиться об учениках — давать им наставления, следить за их духовным ростом, исправлять их ошибки, повышать духовные стандарты, — разве смогли бы преданные продолжать свой путь в сознании Кришны? Потому-то вновь и вновь Прабхупада объезжал планету.

Благодаря вере в Кришну, самоотверженной преданности наказу духовного учителя и благословениям Господа Чайтаньи он совершил то, чего не удавалось никому до него. Как сказано в «Чайтанья-чаритамрите», *кршна-шакти вина нахе тара правар-тана* — «Тот, кто не уполномочен Кришной, не способен проповедовать движение *санкиртаны*».

22 «Свами приглашает хиппи»

16 января 1967 года

КОГДА самолет компании «Юнайтед эйрлайнз» пошел на снижение над заливом Сан-Франциско, Бхактиведанта Свами повернулся к Раначоре и сказал:

— Дома похожи на спичечные коробки. Представляешь, как это выглядит с точки зрения Кришны?

Бхактиведанте Свами шел уже семьдесят первый год, но на самолете он летел впервые. Раначора, девятнадцатилетний юноша в костюме и галстуке, должен был исполнять обязанности его секретаря. Он получил посвящение недавно, но собрал кое-какие деньги и попросился со Свамиджи в Сан-Франциско.

Во время перелета Бхактиведанта Свами был немногословен. Он повторял: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Держа правую руку в матерчатом мешочке для четок, он перебирал бусины и тихонько повторял мантру. Когда самолет только поднялся над Нью-Йорком, он смотрел в иллюминатор, наблюдая, как здания становятся все меньше и меньше, но затем самолет вошел в облака. Облака показались Свамиджи похожими на океан в небе. Он пожаловался, что от давления у него заложило уши, и больше ничего не говорил — только повторял имена Кришны. Теперь, когда самолет шел на посадку, он продолжал едва слышным голосом повторять: «Кришна, Кришна, Кришна...» — а из иллюминатора тем временем открывался вид на тысячи домиков, похожих на спичечные коробки, и улиц, растянувшихся во всех направлениях, словно на карте.

Когда громкоговорители в зале ожидания объявили о посадке самолета компании «Юнайтед эйрлайнз», следующего рейсом номер 21 из Нью-Йорка, с полсотни хиппи, которые пришли в аэропорт встречать Свами, придвинулись друг к другу и замерли в ожидании. Какое-то мгновение они казались почти испуганными — они не знали, чего ждать и какой он, этот Свами.

Роджер Сегал: *Даже для сан-францисского аэропорта мы выглядели довольно экстравагантно. Мукунда облачился в мантию волшебника Мерлина, разрисованную пестрыми квадратами. На Сэме был марокканский плащ из овечьей шерсти — от него даже пахло овчиной, а на мне — синяя в белую крапинку накидка ручной работы, как у японских самураев. На шее у всех висели длинные четки. Кожаные штаны, сапоги, гимнастерки; люди в маленьких круглых солнцезащитных очках — словом, сан-францисская фантасмагория во всей ее красе.*

Из этой толпы только несколько человек знали Свамиджи: Мукунда и его жена Джанаки, Равиндра-Сварупа, Рая-Рама — все из Нью-Йорка. Был там и Аллен Гинзберг. (Всего за несколько дней до этого Аллен выступал в роли одного из организаторов мероприятия «Хьюман би-ин» в Голден-Гейт-парк, на которое собралось более двухсот тысяч человек — «сборище племен и народов... чтобы вдоволь покричать, повеселиться от души и принять участие в „Хороводе мира“».) Аллен приехал специально, чтобы встретиться Свами Бхактиведанту, с которым познакомился несколько месяцев назад в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде и в *киртанах* которого принимал участие.

— Свамиджи будет доволен, — напомнил каждому Мукунда, — если все будут петь *мантру* Харе Кришна, когда он выйдет из ворот.

Они уже были знакомы с *мантрой* Харе Кришна и слышаны о том, как Свамиджи пел ее в нью-йоркском парке, а многие из них читали статью о Свамиджи и его *мантре* в местной неофициальной газете «Оракул». Утром этого дня они собрались в Голден-Гейт-парк (большинство пришло, откликнувшись на распространенные Мукундой листовки) и около часа пели там перед тем, как сесть в машины и поехать в аэропорт. Сейчас многие из них — также в ответ на листовки Мукунды — держали в руках благовония и цветы.

Входя в здание аэропорта и поднимаясь по эскалатору, только что прилетевшие пассажиры с изумлением взирали на группу поющих людей с цветами в руках. Однако те равнодушно скользили взглядами по безликой толпе обыкновенных, утомленных полетом пассажиров, ища глазами того единственного, ради которого они здесь собрались. Внезапно они увидели идущего прямо на них Свамиджи, облаченного в ярко-шафрановые одежды.

Он услышал пение еще до того, как вошел в здание аэропорта, и лицо его озарила улыбка. Он был удивлен и обрадован. Вглядываясь в лица встречавших его людей, он узнал лишь нескольких, а там собралось около пятидесяти человек. Пятьдесят человек встречали его пением *мантры* Харе Кришна, хотя он пока не сказал ни слова!

Мукунда: *Едва завидев Свамиджи, мы тут же склонились перед ним — я, моя жена и друзья, которых я привел, Сэм и Мелани. И все собравшиеся, и юноши, и девушки, последовали нашему примеру и тоже склонились перед Свамиджи, уверенные, что так и надо.*

Толпа хиппи выстроилась по обе стороны узкого прохода, по которому должен был пройти Свамиджи, и, пока он шел, десятки рук тянулись к нему, предлагая цветы и благовония. Он с улыбкой принимал все, что ему предлагали, а Раначора стоял в стороне, с изумлением наблюдая за происходящим. Аллен Гинзберг с огромным букетом цветов выступил вперед, и Бхактиведанта Свами изящным жестом принял цветы у него из рук. Затем он начал раздавать полученные подарки всем, кто мог до них дотянуться. Так он прошествовал через все здание аэровокзала, а толпа молодых людей, не переставая петь, двигалась за ним.

На несколько минут он задержался у стойки для получения багажа, всматриваясь в лица окружавших его людей. Взмахом рук он дал им знак петь

громче, и толпа встречавших его хиппи запела с новой силой, а он тем временем стоял среди них, хлопая в ладоши и подпевая. Затем, величаво подняв руки над головой, он стал танцевать, переступая с ноги на ногу и раскачиваясь.

У работников аэропорта и пассажиров вид толпы, которая вместе со Свамиджи ожидала получение багажа, вызвал смешанное чувство недоумения и досады. Кто-то с трудом прятал улыбку. Получив багаж, Свами в сопровождении своей свиты вышел на улицу и сел в ожидающий его автомобиль — черный «Кадиллак-Флитвуд» образца 1949 года. Свамиджи расположился на заднем сиденье вместе с Мукундой и Алленом Гинзбергом. Вплоть до того момента, как автомобиль тронулся с места, Свамиджи, улыбаясь, продолжал раздавать цветы всем, кто пришел приветствовать его, посланца Кришны, принесшего сознание Кришны на Запад.

«Кадиллак» принадлежал Харви Коэну, тому самому, который около года назад предоставил в распоряжение Свамиджи свою мансарду на Бауэри. Харви сидел за рулем, но из-за шоферской фуражки (купленной в лавке Армии спасения), черного костюма и бороды Свамиджи не узнал его.

— А где Харви? — спросил он.

— За рулем, — ответил Мукунда.

— Так это ты? А я и не узнал тебя.

Харви улыбнулся:

— Добро пожаловать в Сан-Франциско, Свамиджи.

Свамиджи был счастлив оказаться еще в одном большом городе Запада с миссией своего духовного учителя, Бхактисиддханты Сарасвати, и Господа Чайтаньи. Чем дальше на Запад, говорил Господь Чайтанья, тем сильнее в людях материалистические наклонности. Но Он же предсказал, что сознание Кришны должно распространиться по всему миру. Духовные братья Свамиджи часто недоумевали, не зная, что думать о предсказании Господа Чайтаньи, который говорил о том, что наступит время, когда имя Кришны будут петь в каждом городе и каждой деревне. «Может быть, это аллегория? — рассуждали они. — Иначе что еще могут означать эти слова — „Кришна в каждом городе“?» Однако Бхактиведанта Свами всегда непоколебимо верил в пророчество Господа Чайтаньи и наказ своего духовного учителя. И вот теперь он здесь, на далеком Западе, в Сан-Франциско, где люди уже поют имя Кришны. Они восторженно встретили его — с цветами и *киртаном*. И таких городов в мире очень много.

Храм, в котором обосновались Мукунда и его друзья, находился на Фредерик-стрит в районе Хайт-Эшбери. Как и храм на Второй авеню в Нью-Йорке, этот храм располагался в помещении бывшего магазинчика с витринами на улицу. Вывеска над витриной гласила: «ХРАМ ШРИ ШРИ РАДХИ-КРИШНЫ». Кроме того, в соседнем доме Мукунда и его друзья сняли трехкомнатную квартиру на третьем этаже для Свамиджи. Это была маленькая, пустая и давно требующая ремонта квартира с окнами, выходившими на улицу.

В сопровождении нескольких автомобилей, заполненных преданными и просто любопытными, Свамиджи подъехал к дому номер 518 на Фредерик-стрит и вошел в храм, единственным украшением которого было несколько полотнищ полосатой ткани, висевших на стенах. Усевшись на приготовленную для него подушку, он провел *киртан*, а затем произнес небольшую речь, призывая всех присутствующих принять сознание Кришны. После лекции он вышел из храма, вошел в соседний подъезд и поднялся на третий этаж, в свою квартиру номер 32. Следом за ним двинулись не только ученики и почитатели, но и репортеры двух крупнейших газет Сан-Франциско — «Кроникл» и «Игземинер». Пока преданные готовили обед, а Раначора распаковывал его чемодан, Свамиджи беседовал с репортерами, которые, сидя на полу, делали заметки в своих блокнотах.

Репортер: *Там внизу вы говорили, что приглашаете присоединиться к Движению сознания Кришны всех. Относится ли это к богеме и битникам с Хайт-Эшбери?*

Бхактиведанта Свами: *Да, это относится ко всем, включая вас и любого другого. Мы приглашаем всех: наркоманов, хиппи и так далее. Но когда человек становится учеником, он меняется и перестает быть тем, кем был раньше.*

Репортер: *Что нужно, чтобы стать членом вашего Движения?*

Бхактиведанта Свами: *Я предъявляю к своим ученикам четыре требования. Они должны отказаться от недозволенных половых отношений. Я запрещаю им употреблять одурманивающие средства, в том числе кофе, чай и сигареты. Я запрещаю им употреблять в пищу мясо и не разрешаю играть в азартные игры.*

Репортер: *Распространяются ли эти запреты на ЛСД, марихуану и другие наркотики?*

Бхактиведанта Свами: *Я отношу ЛСД к одурманивающим средствам и не позволяю своим ученикам употреблять ЛСД, так же как и любой другой наркотик. Я приучаю их вставать рано утром и сразу принимать душ. Трижды в день мы собираемся вместе, чтобы петь святое имя Бога. Члены нашего Движения должны воспитывать в себе аскетизм. Мы проповедуем науку о Боге.*

Бхактиведанте Свами было хорошо известно, что репортеры обычно ничего не пишут о его философии, но он воспользовался случаем, чтобы рассказать собравшимся о сознании Кришны. Даже если репортеры не желают углубляться в философию, этого хотят его последователи.

— Самая большая ошибка современной цивилизации, — продолжал Свамиджи, — состоит в том, что она посягает на чужую собственность, считая ее своей. Это создает множество ненужных проблем. В конечном счете все во Вселенной принадлежит Богу. И когда люди поймут эту истину, когда они поймут, что Бог — это лучший друг всех живых существ и тот, кому предназначены все жертвоприношения, только тогда на земле воцарится мир.

Репортеры задали Свамиджи несколько вопросов о его прошлом, и он кратко рассказал о том, как приехал из Индии и основал в Нью-Йорке

Движение сознания Кришны.

После того как репортеры ушли, Свамиджи продолжил говорить, обращаясь к молодым людям, собравшимся в его комнате. Мукунда, который к тому времени отпустил бороду и волосы, но носил на шее большие красные четки, полученные от Свамиджи при посвящении, представил ему некоторых своих друзей и сообщил, что они живут вместе и хотят помочь Свамиджи познакомить молодежь Сан-Франциско с сознанием Кришны. Жена Мукунды, Джанаки, спросила Свамиджи, как он перенес полет. Он сказал, что лететь ему понравилось, если не считать того, что немного заложило уши.

— Сверху дома кажутся маленькими, как спичечные коробки, — сказал он, показывая большим и указательным пальцами их размер.

Он прислонился спиной к стене и стал снимать с себя гирлянды, которые на него надели в тот день, пока на шее у него не осталась только нитка бус — обыкновенная, дешевая, с маленьким колокольчиком посередине. Свамиджи подержал ее, посмотрел на качество работы и стал вертеть в руках.

— Это особая вещь, — сказал он, глядя на бусы, — потому что она сделана с любовью.

Он продолжал рассматривать бусы, словно этот подарок был для него главным событием дня.

Когда принесли *прасад*, он раздал понемногу каждому из присутствующих, после чего Раначора решительно и даже несколько бестактно попросил гостей выйти из комнаты и дать Свамиджи возможность поесть и немного отдохнуть.

А на улице и в магазинчике все только и говорили что о Свамиджи. Разочарованных не было. Все, что рассказывал им Мукунда, оказалось правдой. Особенно им понравилось, как Свамиджи говорил о необходимости смотреть на все с точки зрения сознания Кришны.

В тот вечер по телевидению в одиннадцатичасовом выпуске новостей передали сообщение о приезде Свамиджи, а на следующий день об этом написали газеты. Статья в «Игземинер» была помещена на второй полосе и называлась «Свами приглашает хиппи». Она сопровождалась фотографией храма, заполненного преданными, и несколькими снимками Свамиджи, который выглядел на них необыкновенно серьезным. Свамиджи попросил Мукунду прочесть статью вслух.

— «Духовный учитель, — начал Мукунда, — очень рослый, облаченный в развевающиеся длинные одежды, сидящий со скрещенными ногами на большом тюфяке...»

— А что это за слово — «рослый»? — прервал его Свамиджи.

Мукунда объяснил, что это значит «высокий».

— Не знаю, почему они так написали, — добавил он. — Может, потому, что вы сидели, выпрямив спину. Вот им и показалось, что вы очень высокого роста.

Далее в статье описывались хиппи, пришедшие встретить Свамиджи в аэропорту. Автор называл их «компанией длинноволосых, бородатых людей в сандалиях».

Самая крупная газета Сан-Франциско, «Кроникл», также поместила статью, под заголовком «Свами в царстве хиппи — святой открывает в Сан-Франциско храм». Статья начиналась так: «Святой человек из Индии, которого его друг, поэт-битник Аллен Гинзберг, называет одним из наиболее консервативных представителей его религии, начал вчера свою миссионерскую деятельность в раю сан-францисских хиппи».

Свамиджи не понравилось, что его называли консерватором:

— Консервативный? Что он имеет в виду?

— Наверное, ваше отношение к сексу и наркотикам, — предположил Мукунда.

— Конечно, в этом смысле мы консерваторы, — сказал Свамиджи. — Но это означает лишь то, что мы следуем *шастрам*. Мы не можем отступать от «Бхагавад-гиты». Однако консервативным меня никак нельзя назвать. Чайтанья Махапрабху был настолько строг, что даже не смотрел в сторону женщин, а мы принимаем в наше Движение всех, независимо от пола, касты, положения в обществе и так далее. Мы приглашаем каждого присоединиться к нам и петь вместе с нами *мантру* Харе Кришна. В этом — милость Чайтаньи Махапрабху, Его великодушие. Нет, какие же мы консерваторы?

* * *

Бхактиведанта Свами встал с постели и включил свет. Был час ночи. Будильник не звонил, и его никто не будил — он поднялся сам. В квартире было холодно и тихо. Закутавшись в *чадар*, он сел за свой сундучок, набитый рукописями, который обычно заменял ему письменный стол, и в глубокой сосредоточенности стал повторять на четках *мантру*.

Он читал *мантру* в течение часа, а затем приступил к работе. За два года, прошедшие с тех пор, как он опубликовал третий, заключительный том Первой песни «Шримад-Бхагаватам», ни одной книги опубликовано не было, но он продолжал работать над книгами каждый день. Иногда он работал над переводом и комментариями ко Второй песни «Бхагаватам», однако его главным трудом была «Бхагавад-гита». В сороковые годы в Индии он сделал полный перевод «Бхагавад-гиты», снабдив его подробными комментариями, но единственный экземпляр его рукописи исчез при загадочных обстоятельствах. В 1965 году, через несколько месяцев после приезда в Америку, он начал все сначала и в своей комнатке на Семьдесят второй улице в Нью-Йорке надиктовал обширное введение к «Бхагавад-гите». Сейчас в его сундуке лежали тысячи страниц рукописи — полного перевода «Гиты» с комментариями. Если его ученик из Нью-Йорка, Хаягрива, в прошлом

преподаватель английского, сможет отредактировать текст, а другие ученики — издать книгу, это будет большой победой.

Но похоже, что издавать книги в Америке не так-то просто — намного труднее, чем в Индии. В Индии он был один, и тем не менее за три года ему удалось напечатать три тома. Здесь, в Америке, у него много последователей, но чем больше последователей, тем больше ответственность. Кроме того, до сих пор никто из его учеников не проявил особого желания взяться перепечатать рукопись, отредактировать ее и вступить в переговоры с американскими издательствами. Однако, несмотря на то, что реальных перспектив издать «Бхагавад-гиту» не было, Бхактиведанта Свами приступил к переводу следующей книги, «Чайтанья-чаритамриты», — одного из главных писаний бенгальских вайшнавов, которое повествует о жизни Господа Чайтаньи и излагает Его учение.

Надев очки, Свамиджи раскрыл свои книги и включил диктофон. Он внимательно прочел тексты на бенгали и санскрите, затем взял в руку микрофон, нажал на клавишу записи — загорелась красная лампочка индикатора — и начал диктовать: «Господь пел и танцевал, и тысячи людей следовали за Ним...» За один раз он произносил не больше одной фразы, затем делал паузу, задумывался и диктовал следующую: «Некоторые из них плакали, некоторые — смеялись... кто-то пел, кто-то танцевал... а кто-то падал ниц, выражая почтение Господу». Свамиджи то говорил, то останавливался, включая и выключая диктофон, при этом он сидел, выпрямив спину, иногда слегка раскачиваясь или кивая головой в такт словам. Временами он низко склонялся над страницами и внимательно изучал их через свои очки.

Прошел час. Свамиджи продолжал работать. Во всем доме свет горел только у него. Ночную тишину нарушал лишь звук его голоса и щелканье диктофона. На нем был серый шерстяной *чадар*, накинутый поверх тонкого бледно-оранжевого свитера. Он недавно встал с постели, и потому его шафрановое *дхоти* было слегка помято. Не умывшись и не приняв душа, он сидел, углубившись в работу. Он ценил эти ночные часы, потому что они были единственным временем суток, когда на улице и в храме Радхи-Кришны стояла тишина.

Все это: ночь, царящее вокруг безмолвие и он, занятый своим трансцендентным литературным трудом, — мало чем отличалось от того, что происходило в ранние утренние часы в храме Радхи-Дамодары во Вриндаване. Правда, там у него не было диктофона, но работал он в то же самое время и над тем же текстом — «Чайтанья-чаритамритой». Когда-то он уже начинал переводить стихи и писать комментарии к ним. Позднее он написал несколько обзорных глав, и вот теперь, оказавшись на другом конце земли, за тысячи километров от тех мест, где проходили игры Господа Чайтаньи, он приступил к первой главе нового английского варианта «Чайтанья-чаритамриты». Он назвал свою книгу «Учение Шри Чайтаньи».

Свамиджи строго следовал давно заведенному распорядку дня: поднимался рано утром и писал, излагая философию сознания Кришны,

полученную им по *парампаре*. Забыв обо всем на свете и не обращая никакого внимания на окружающую обстановку, он погружался в неподвластную времени трансцендентную мудрость Вед. Это было его главным служением Бхактисиддханте Сарасвати. Желание опубликовать как можно больше книг и распространить их по всему миру заставляло Бхактиведанту Свами просыпаться каждую ночь и вдохновенно работать над переводами.

Бхактиведанта Свами переводил до рассвета. Затем он прерывал работу, приводил себя в порядок и спускался в храм на утренний *киртан*.

* * *

Несмотря на возражения некоторых его нью-йоркских учеников, Свамиджи все же решил принять участие в музыкальном шоу «Мантра-рок данс» в танцзале «Авалон». Преданные в Нью-Йорке считали, что со стороны сан-францисских преданных было не совсем тактично приглашать своего духовного учителя в подобное место. Танцзал — это ревущие электрогитары, грохочущие барабаны, бьющие в глаза огни прожекторов и сотни одурманенных наркотиками хиппи. Кто в таком месте сможет услышать его чистое послание?

Однако в Сан-Франциско Мукунда и его друзья уже несколько месяцев занимались организацией «Мантра-рок данса», рассчитывая, что концерт привлечет тысячи молодых людей и принесет сан-францисскому храму Радхи-Кришны тысячи долларов. Поэтому, если в Нью-Йорке в разговорах с учениками Свамиджи выражал сомнения, то здесь он обошел эту тему молчанием, решив не охлаждать пыл своих сан-францисских последователей.

Сэм Спирстра, друг Мукунды и один из организаторов «Мантра-рок данса», рассказал о своем замысле Хаягриве, недавно приехавшему из Нью-Йорка:

— Здесь, в Сан-Франциско, зарождается новое направление в музыке. «Грэйтфул дэд» уже записали свой первый диск. Их участие в этом вечере сделает нам рекламу, в которой мы сейчас так нуждаемся.

— Но Свамиджи говорит, что даже Рави Шанкар — это *майя*, — возразил Хаягрива.

— Да нет, все уже устроено, — заверил его Сэм. — Все группы соберутся на сцене, потом Аллен Гинзберг представит Свамиджи сан-францисской публике. Свамиджи скажет несколько слов и начнет петь *мантру* Харе Кришна, а музыканты присоединятся к нему. Затем он уйдет. В зале соберется около четырех тысяч человек!

Бхактиведанта Свами знал, что ничем не скомпрометирует себя: он придет, споет и сразу же уйдет оттуда. Самое главное — познакомить с *мантрой* Харе Кришна как можно больше людей. Что плохого в том, что тысячи молодых людей, собравшихся на концерт рок-музыки, получат возможность слушать и петь имена Бога? Бхактиведанта Свами был

проповедником и для того, чтобы распространять сознание Кришны, готов был отправиться куда угодно. Поскольку *мантра* Харе Кришна абсолютна, каждый, кто услышит или произнесет имена Кришны — в любом месте и при любых обстоятельствах, — избежит рождения в низших формах жизни. Эти молодые хиппи тянутся к духовности, но не знают, где ее искать. Сбитые с толку, они принимают свои галлюцинации за духовные видения. Но вместе с тем они искренне стремятся к подлинной духовной жизни, как и их ровесники из Нижнего Ист-Сайда. Поэтому Бхактиведанта Свами решил принять участие в готовящемся представлении. Этого хотят его ученики, а он — их слуга и слуга Господа Чайтаньи.

Мукунда, Сэм и Харви Коэн уже встречались с организатором рок-концертов Четом Хелмсом, который согласился предоставить в их распоряжение свой «Авалон». Они договорились, что если им удастся заполучить на этот вечер знаменитые рок-группы, то вся выручка от концерта, помимо гонорара музыкантам, расходов, связанных с обеспечением порядка, и некоторых других издержек, пойдет в пользу сан-францисского храма Радхи-Кришны. После этого Мукунда и Сэм отправились договариваться с музыкантами, большинство которых жило в окрестностях Сан-Франциско и Беркли. Одна за другой самые популярные рок-группы Сан-Франциско: «Грэйтфул дэд», «Моби Грейп», «Биг бразер энд эз Холдинг компани» — дали согласие выступить вместе со Свами Бхактиведантой за минимальную плату — двести пятьдесят долларов за вечер. Согласился и Аллен Гинзберг. Итак, все было готово.

В Сан-Франциско ни один рок-концерт не обходился без живописных афиш, многие из которых рисовал художник по кличке Маус, «Мышонок». Одной из особенностей афиш Мауса, выполненных в «психоделическом» стиле, было то, что, глядя на них, трудно было сказать, где заканчиваются буквы и начинается фон. Художник использовал несочетаемые цвета, отчего возникал эффект мерцания. Копируя его стиль, Харви Коэн разработал необыкновенную афишу: красные и синие концентрические круги, и на их фоне — контрастная фотография улыбающегося Свамиджи в Томпкинс-сквер-парк и надпись крупными буквами: «СОЗНАНИЕ КРИШНЫ ПРИХОДИТ НА ЗАПАД». Преданные расклеили афиши по всему городу.

Чтобы обсудить программу концерта, Хаягрива и Мукунда встретились с Алленом Гинзбергом. Тот был уже хорошо известен как поклонник *мантры* Харе Кришна, и, когда он шел по Хайт-стрит, знакомые часто приветствовали его этими словами. Многие знали, что он посещает храм Радхи-Кришны и приглашает туда других. Но Хаягриве (который не уступал Аллену в длине волос и бороды) не давала покоя мелодия, на которую Аллен собирался петь на концерте «Харе Кришна»:

— Мне кажется, ваша мелодия трудновата для пения.

— Возможно, — согласился Аллен, — но это была первая мелодия, которую я услышал в Индии. Ее пела удивительная святая женщина. Я очень привык к этой мелодии и только на нее могу петь уверенно.

До концерта оставалось несколько дней, когда Аллен пришел в храм на утренний *киртан*, а затем поднялся наверх, к Бхактиведанте Свами. Когда Аллен вошел, он увидел, что рядом со Свамиджи сидят преданные и едят индийские сладости. Аллен и Свамиджи обменялись улыбками и приветствиями, и Свамиджи угостил его, отметив, что мистер Гинзберг встал очень рано.

— Да, — ответил Аллен. — С тех пор как я приехал в Сан-Франциско, мой телефон звонит не смолкая.

— Это неизбежно для тех, кто становится знаменитым, — сказал Бхактиведанта Свами. — Это несчастье постигло и Махатму Ганди. Где бы он ни оказался, вокруг него собирались толпы людей, которые скандировали: «Махатма Ганди *ки джая!* Махатма Ганди *ки джая!*» Ему спать спокойно не давали.

— Что ж, во всяком случае, это заставило меня встать и прийти на утренний *киртан*.

— Да. Это хорошо.

Скоро беседа переросла в обсуждение предстоящей программы в зале «Авалон».

— Как вы относитесь к тому, чтобы петь *мантру* на мелодию, более привычную уху западного человека? — спросил Аллен.

— Подойдет любая мелодия, — ответил Свамиджи. — Это не принципиально. Главное — что вы будете петь «Харе Кришна». Вы можете петь ее на мелодию вашей страны. Это не так важно.

Еще они обсудили значение слова «хиппи», а также Аллен затронул тему употребления ЛСД. Бхактиведанта Свами ответил, что ЛСД вызывает зависимость и человеку в сознании Кришны совершенно не нужен.

— Сознание Кришны решает все проблемы, — сказал он. — Больше ничего не нужно.

В программу концерта входило светомузыкальное шоу — произведение величайших мастеров этого дела Бена ван Метра и Роджера Хилльярда. Бен и Роджер умели искусно сочетать вспышки света, кинофрагменты и слайды, чтобы создавать оптические эффекты, напоминающие видения от ЛСД. Мукунда снабдил их множеством слайдов с изображением Кришны для демонстрации во время *киртана*. В один из вечеров Бен и Роджер пришли к Свамиджи в гости.

Роджер Хилльярд: *Это был удивительный человек. Он произвел на меня неизгладимое впечатление. Не чем-то конкретным: внешним видом, поступками или одеждой — а весь, как личность. Он был невозмутим и очень остроумен и в то же время — очень мудр и гармоничен, просветлен. Он владел даром находить общий язык с самыми разными людьми. Я думал: «Ему, наверное, здесь многое кажется странным. Шутка ли — приехать в Соединенные Штаты и оказаться в самом сердце Хайт-Эшбери, в магазинчике, переделанном под ашрам, в окружении множества странных людей». Но он замечательно туда вписался и стал для этих людей своим.*

Вечером того дня, когда должен был состояться «Мантра-рок данс», пока бригада рабочих устанавливала оборудование и проверяла аудиосистему, а Бен и Роджер настраивали прожектора над сценой, Мукунда и еще несколько человек проверяли билеты на входе. Люди выстроились в очередь, которая растянулась на целый квартал и даже заворачивала за угол. Билет стоил два с половиной доллара. Сбор обещал быть полным. На концерт пришли почти все местные знаменитости. Пионер ЛСД Тимоти Лири занял специально отведенное для него место на сцене. Пришел Свами Криянанда с тамбуром. Человек в котелке и костюме с шелковой лентой, на которой было написано «Сан-Франциско», отрекомендовался мэром города. В дверях Мукунда задержал прилично одетого молодого человека, у которого не оказалось билета. Но тут кто-то похлопал Мукунду по плечу:

— Пропусти. Ему можно. Это Оусли.

Мукунда извинился и пропустил Августа Оусли Стэнли Третьего, знаменитого производителя ЛСД, о котором ходили легенды.

Почти все пришедшие на концерт были одеты в яркие или необычные костюмы: индейские плащи, мексиканские пончо, индийские курты, «годс-айзы»^[1], на многих были украшения из перьев и бус. Некоторые хиппи пришли со своими флейтами, лютнями, погремушками, барабанами, горнами, трещотками и гитарами. Сопровождаемые своими подругами, прошествовали «Ангелы ада» — нечесанные, с грязными волосами, в джинсах, сапогах и грубых холщовых пиджаках. Увешанные цепями, они дымили сигаретами, на них были немецкие каски, эмблемы с гербами и прочие атрибуты, и только свои мотоциклы им пришлось оставить у входа.

Преданные на сцене начали «разминочный» *киртан*, танцуя, как их учил Свамиджи. На сцене и во всех углах огромного зала курились благовония. Несмотря на то что большинство присутствующих были одурманены наркотиками, в зале было спокойно: они пришли сюда в поисках духовных переживаний. Когда преданные запели и со сцены полилась чудесная мелодия, некоторые музыканты стали подыгрывать им на своих инструментах. Вспыхнули разноцветные огни, по потолку, стенам и полу в такт музыке побежали яркие цветные блики.

В начале девятого сцену занял «Моби Грейп». С мощными электро- и бас-гитарами и двумя барабанщиками, они сыграли свой первый номер. Огромные динамики сотрясали зал своими вибрациями, и когда песня закончилась, по залу пронесся рев одобрения.

Около половины десятого Свамиджи вышел из своей квартиры на Фредерик-стрит и сел на заднее сиденье «кадиллака» Харви Коэна. На нем было его обычное шафрановое одеяние, а на шее висела гирлянда из гардений, сладкий аромат которых сразу же заполнил салон автомобиля. По дороге в «Авалон» он говорил о необходимости открывать новые центры.

В десять часов вечера Свамиджи в сопровождении Киртанананды и Раначоры поднялся по лестнице в «Авалон». Когда он вошел в зал, преданные, приветствуя его, затрубили в раковины. Кто-то стал отбивать барабанную

дробь, и толпа расступилась, открывая ему проход на сцену. С высоко поднятой головой Свамиджи, казалось, не шел, а плыл в этом море толпящихся вокруг него странных людей.

Внезапно освещение изменилось. На стенах вспыхнули слайды с изображениями Кришны и Его игр: Кришна и Арджуна, мчащиеся на колеснице; Кришна, крадущий масло; Кришна, убивающий демона, который принял форму смерча; Кришна, играющий на флейте. Когда Свамиджи пробирался сквозь толпу на сцену, все встали со своих мест, зааплодировали и загудели, приветствуя его. Он взошел на сцену и опустился на специально приготовленную для него подушку. Толпа умолкла.

Взглянув на Аллена Гинзберга, Свамиджи произнес:

— Скажите несколько слов о *мантре*.

Аллен стал рассказывать собравшимся о своем понимании *мантры* Харе Кришна и о том, что она дает лично ему. Он рассказал, как Бхактиведанта Свами открыл храм в Нью-Йорке на Второй авеню и пел *мантру* Харе Кришна в Томпкинс-сквер-парк. Затем он пригласил всех присутствующих в храм на Фредерик-стрит.

— Тем, кто отходит от ЛСД, хочет стабилизировать свое сознание и подготовить его к новым «полетам», — сказал он, — я особенно рекомендую ранние утренние *киртаны*.

Затем заговорил Свамиджи. Он коротко рассказал историю *мантры* и, взглянув на Аллена, произнес:

— Начинайте петь.

Аллен заиграл на своей фисгармонии и запел в микрофон — то была мелодия, которую он привез из Индии. Постепенно сидящие в зале подхватили ее и начали подпевать. По мере того как *киртан* продолжался, люди пели со все возрастающим энтузиазмом. Музыканты из разных групп поднялись на сцену и присоединились к преданным. Раначора, в прошлом неплохой ударник, застучал на барабанах «Моби Грейп». Вступили гитары. Преданные и многие хиппи стали взбираться на сцену. Замелькали цветные блики, и в такт музыке по стенам и потолку запрыгали разноцветные огни. Проектор высветил на стене текст *мантры*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Постепенно пение охватило весь зал, и некоторые хиппи, встав со своих мест и подняв руки, принялись танцевать.

Аллен Гинзберг: *Мы пели мантру Харе Кришна весь вечер. Это было потрясающе — полное раскрепощение! То был пик духовного энтузиазма Хайт-Эшбери. Впервые в Сан-Франциско проходил концерт, в котором могли принять участие все присутствующие. Каждый мог танцевать и петь, а не просто смотреть, как поют и танцуют другие.*

Джанакис: *Люди не знали, что они поют и зачем. Но, видя, как столько людей — неважно, что большинство из них было одурманено наркотиками, — повторяют имена Бога, Свамиджи чувствовал себя счастливым. Ему нравилось, когда люди поют мантру Харе Кришна.*

Хаягрива: Стоя на сцене прямо перед музыкантами, я почти ничего не слышал, но даже в этом шуме я смог различить мантру Харе Кришна, которая звучала все громче и громче. На заднюю стену проецировалось огромное изображение Кришны в золотом шлеме с павлиньим пером и с флейтой в руках.

Затем Свамиджи встал, поднял руки и начал танцевать, жестом приглашая присутствующих присоединиться к нему. Тогда те, кто еще сидел, повставали со своих мест и начали танцевать и петь, раскачиваясь из стороны в сторону и подражая движениям Свамиджи.

Роджер Сегал: Зал был похож на поле пшеницы, которая колыхается на ветру. Это породило в душе необыкновенный покой — в странном контрасте с атмосферой «Авалона», где обычно бушуют страсти. Пение мантры Харе Кришна продолжалось более часа, и под конец все, кто был в зале, стали прыгать, кричать и даже плакать.

Кто-то поставил микрофон прямо перед Свамиджи, и его голос разнесся по залу, многократно усиленный мощными динамиками. Темп непрерывно возрастал. Свамиджи стал мокрым от пота. За сценой Киртанананда требовал прекратить киртан. Свамиджи слишком стар для таких вещей, говорил он, это может плохо кончиться. Но пение становилось все быстрее и быстрее, так что через некоторое время уже почти нельзя было разобрать слов мантры, потонувших в усиленной динамиками музыке и хоре из тысяч голосов.

Внезапно киртан кончился. Было слышно только гудение динамиков и голос Свамиджи, выражающего почтение своему духовному учителю:

— Ом Вишнупада Парамахамса Паривраджакачарья Аштотта-рашата Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа ки джая!.. Слава собравшимся преданным!

Свамиджи спустился со сцены и пошел к выходу, пробираясь сквозь плотный дым, повисший над залом, и толпу людей. Киртанананда и Раначора следовали за ним. Аллен объявил выступление следующей рок-группы.

Покинув зал и оставив позади себя толпу восхищенных зрителей, Свамиджи заметил: «Это не место для брахмачари».

Утром следующего дня храм был до отказа забит молодежью, слышавшей выступление Свамиджи в «Авалоне». Многие из них всю ночь бодрствовали. В семь утра Бхактиведанта Свами, следуя своему обычному утреннему распорядку, спустился в храм, чтобы провести киртан и прочитать лекцию.

Позднее тем же утром, направляясь на машине к побережью, в сопровождении Киртанананды и Хаягривы, Свамиджи поинтересовался, сколько людей было на киртане в «Авалоне». Когда ему назвали цифру, он осведомился, сколько денег им удалось собрать. Не в состоянии сказать точно, они предположили, что полторы тысячи долларов.

Свамиджи сидел на заднем сиденье и, глядя в окно, вполголоса повторял мантру, тихий и скромный, как ребенок. Трудно было поверить, что еще вчера вечером он с триумфом шел по залитому вспышками света и

грохочущему от бас-гитар и барабанов залу «Авалон», а тысячи хиппи, почтительно расступившись, рукоплескали ему и приветствовали его радостными криками. Несмотря на вчерашние фанфары, он остался таким же, как и всегда: отрешенным, простым и скромным и в то же время очень серьезным и мудрым. Киртанананда и Хаягрива ясно видели: Свамиджи не принадлежит этому миру. Они знали, что, в отличие от них, Свамиджи постоянно думает о Кришне.

Они гуляли по дощатому настилу, проложенному вдоль океанского берега, наслаждаясь прохладным ветерком и любясь гребешками волн. Киртанананда накинул на плечи Свамиджи *чадар*.

— Есть один замечательный стих на бенгали, — нарушил молчание Свамиджи. — Сейчас вспомню... «О, что это за голос раздается с моря, который зовет и зовет: „Иди сюда, иди сюда...“?»

Почти ничего не говоря, он долго гулял по дорожке с двумя своими друзьями, часто поглядывая то на море, то на небо. По дороге он негромко напевал какую-то *мантру*, которую Киртанананда и Хаягрива прежде никогда не слышали: *говинда джая джая, гопала джая джая, радха-рамана хари, говинда джая джая*. Свамиджи пел медленно, низким голосом. Он взглянул на Тихий океан:

— Он спокоен, потому что велик.

— Кажется, что океан вечен, — добавил Хаягрива.

— Нет, — ответил Свамиджи. — В материальном мире ничто не вечно.

* * *

В нью-йоркском храме почти не было женщин, поэтому люди часто интересовались, может ли женщина присоединиться к Движению сознания Кришны. В Сан-Франциско таких вопросов не возникало: многие парни, пожелавшие стать учениками Свамиджи, приходили к нему со своими подругами. Бхактиведанта Свами видел в сердцах этих юношей и девушек, горящих желанием повторять *мантру* и слушать о Кришне, искорку веры, которую нужно было раздуть в яркое пламя преданного служения. Свамиджи не просил своих новых последователей расстаться со спутниками, — об этом не могло быть и речи, — но при этом непреклонно проповедовал отказ от недозволенных половых отношений. Решение этой дилеммы было простым и очевидным: заключение брака в сознании Кришны.

Традиционно *санньяси* не устраивают браки и не проводят церемоний бракосочетания, и кто-то, ссылаясь на индийский обычай, мог бы осудить Свамиджи за то, что он *вообще* позволял юношам и девушкам общаться друг с другом. Но главной целью Бхактиведанты Свами было распространение сознания Кришны. Кто из ортодоксальных индусов, строго следующих своим обычаям, когда-нибудь пытался пересадить семя индийской духовной культуры на почву Запада? Свамиджи понимал, что невозможно изменить

американское общественное устройство и полностью изолировать мужчин от женщин. Но и пойти на компромисс, дозволив свободные половые отношения, тоже было недопустимо! Поэтому лучшим выходом из положения для большинства его новых последователей был *грихастха-ашрам* — семейная жизнь в сознании Кришны. В сознании Кришны муж и жена могут жить вместе, помогая друг другу в духовном развитии. Так они могут общаться, не нарушая при этом никаких правил. Если, как духовный учитель, он сочтет нужным самому устраивать свадьбы, он будет это делать. Но сначала молодые пары должны ощутить привлекательность сознания Кришны.

Джоан Кампанелла выросла в богатом пригороде Портленда, штат Орегон. Отец ее работал адвокатом по корпоративным налогам. У них с сестрой были собственные спортивные автомобили и яхты для катания по озеру Осуиго. Джоан быстро опротивела жизнь в женском общежитии Университета Орегона, и, полностью разочаровавшись, она бросила университет на первом же году учебы и поступила в ремесленный колледж, где изучала гончарное производство, ткацкое дело и каллиграфию. В 1963 году она переехала в Сан-Франциско и стала совладелицей магазина керамики. Хотя тогда у нее не было недостатка в друзьях, из числа владельцев модных магазинов, музыкантов стиля фолк и танцоров, она оставалась отчужденной и погруженной в себя.

Через свою сестру Джейн Джоан познакомилась с Бхактиведантой Свами. Джейн уехала со своим парнем Майклом Грантом в Нью-Йорк, где Майкл работал аранжировщиком. В 1966 году они встретились со Свамиджи (тогда еще одиноким), который жил на Бауэри, и получили у него посвящение как Мукунда и Джанаки. Свамиджи попросил их пожениться, и они пригласили на свадьбу Джоан. Приехав к ним, Джоан на один день погрузилась в трансцендентный мир Бхактиведанты Свами на Второй авеню, где Свамиджи занял ее на целый день работой, попросив сделать тесто и налепить *качори* для свадебного пира. Джоан занималась этим в одной из комнат его квартиры, а Свамиджи в это время готовил на кухне, хотя часто выходил и давал ей указания. Он просил Джоан во время готовки не касаться одежды и тела, а также не курить, поскольку пища будет предлагаться Господу Кришне и должна готовиться в чистоте. Этих минут общения с ним оказалось для Джоан достаточно, чтобы убедиться: Свамиджи — великий духовный учитель. Но потом она вернулась в Сан-Франциско и там благополучно забыла о сознании Кришны.

Через несколько месяцев Мукунда и Джанаки приехали на машине на Западное побережье, планируя оттуда отправиться в Индию. Но когда Мукунда получил от Свамиджи письмо с просьбой попытаться открыть храм Кришны в Калифорнии, их планы поменялись. Рассказывая Джоан и остальным друзьям о Свами, Мукунда заметил, что у многих молодых людей вызывают интерес его истории. Затем Джоан вместе с Мукундой, Джанаки и

парнем по имени Роджер Сегал поехали в горы, где навестили своих общих друзей, Сэма и Мелани, которые жили в лесу, в дозорной вышке.

Мукунда рассказал им все, что знал о сознании Кришны, и шестеро друзей начали вместе повторять «Харе Кришна». Особенный интерес у них вызывало утверждение Свамиджи о том, что возвышение сознания возможно и без наркотиков. Мукунда с воодушевлением говорил, что Свамиджи попросил его открыть в Калифорнии храм, и вскоре он с Джанаки, Сэм с Мелани, а также Роджер и Джоан, ставшие близкими друзьями, переехали на квартиру в Сан-Франциско, чтобы найти помещение и подготовить почву для проповеди Свамиджи.

Когда Бхактиведанта Свами приехал, Джоан начала ходить на *киртаны* в храме. Она привязалась к Свамиджи и полюбила его пение, но особенно ей нравилось общаться с ним в неформальной обстановке. Свамиджи садился в кресло-качалку и, держа руку в мешочке с четками, повторял святые имена, а Джоан сидела рядом и заворожённо следила, как движутся в мешочке его пальцы.

Однажды, когда Свамиджи сидел так в своем кресле, а Джоан и другие примостились у его ног, в прихожую через входную дверь прокрался кот Джанаки. Неслышно пройдя по коридору, он медленно стал подбираться к ногам Свамиджи. Затем он сел у его ног и, уставившись на Свами, замяукал. Преданным стало интересно, чем все это закончится. Свамиджи ласково погладил кота ногой по спине, приговаривая:

— Харе Кришна, Харе Кришна... Вы кормите его предложенным молоком?

Джоан: *Я была тронута поведением Свамиджи, его добротой — даже по отношению к кошкам, — и мне хотелось общаться с ним все больше и больше.*

Джоан начала понимать, насколько это серьезно — служить Свамиджи. Однако ей не хотелось торопиться с посвящением, пока она не будет на сто процентов уверена, что ей это нужно. Иногда она плакала от экстатических переживаний, а в другой раз могла уснуть на лекции. Это-то и было причиной ее сомнений и колебаний. Она думала: «Разве смогу я жить так, как учит Свамиджи?»

Однажды вечером Свамиджи спросил ее:

— Когда ты собираешься получать посвящение?

Джоан ответила, что не знает, добавив, что ей очень нравится читать его книги и повторять «Харе Кришна». Она рассказала, что ее тянет в горы и что ей хочется духовно возвыситься и поэтому она подумывает о том, чтобы отправиться в Тибет.

Сидя в кресле-качалке, Свамиджи посмотрел на Джоан, примостившуюся у его стоп, и девушка почувствовала, что он видит ее насквозь.

— Я могу взять тебя в одно место, которое куда выше Тибета, — сказал он. — Вот увидишь.

И тут Джоан почувствовала, что Свамиджи известно о ней все. Она поняла: «Я должна увидеть сознание Кришны таким, каким видит его он». Свамиджи пообещал взять ее в какие-то высшие сферы, и Джоан поняла, что

непрерывно должна увидеть это место. Вот тогда-то девушка и решила стать его ученицей.

Когда она сказала об этом Роджеру, тот остолбенел. Они ходили на киртаны и лекции вместе, но он по-прежнему сомневался. Может, для них будет лучше пожениться, но не получать посвящения? Однако Джоан была настроена более решительно. Она объяснила Роджеру, что Свамиджи приехал не для того, чтобы устраивать свадьбы. В первую очередь — посвящение.

Роджер Сегал вырос в Нью-Йорке. Он учился хатха-йоге у одного гуру, экспериментировал с галлюциногенами и, как активный борец за права человека, ездил в южные штаты, принимая участие в демонстрациях за свободу, которые проводили чернокожие. Крупного телосложения, общительный и дружелюбный, Роджер не имел недостатка в друзьях. Когда Свамиджи прилетел в Сан-Франциско, Роджер вместе с компанией с Хайт-Эшбери, пребывая в самом веселом расположении духа, поехал встречать его в аэропорт. Впервые увидев Свамиджи, он был поражен его царственным видом и отсутствием всякой скованности. Идея перевоплощения интересовала Роджера уже давно, но тут, услышав, как этот феномен объясняет на своих лекциях Свамиджи, он понял, что наконец нашел человека, который действительно знает ответы на все вопросы о жизни после смерти.

Однажды вечером, после программы в храме, Роджер вернулся домой и присел на пожарную лестницу, чтобы поразмыслить над словами Свамиджи. Свамиджи говорит, что мир ложен. «Но мне он кажется реальным, — подумал Роджер. — Если я ущипну себя за руку, то почувствую боль. Так какая же это иллюзия? Эта лестница реальна, иначе бы я провалился в пространство. Но и пространство реально, разве нет?»

Роджер пришел к выводу, что Свамиджи понимает под словом «иллюзия» что-то другое. «Если я попробую пройти сквозь стену, — размышлял он, — окажется она реальной или нет? Может быть, она реальна только в моем уме?» Чтобы проверить это, он зашел в комнату, сосредоточился и попробовал пройти сквозь стену — бац! Не получилось. Роджер снова сел и задумался: «Что же все-таки имел в виду Свамиджи, когда говорил, что мир — иллюзия?» Он решил спросить его об этом при следующей встрече.

Он так и сделал. И Бхактиведанта Свами ответил, что мир реален, поскольку сотворен Богом, высшей реальностью. Но он иллюзорен в том смысле, что все материальное преходяще. Тот, кто принимает временный мир за постоянный и считает его единственной реальностью, находится в иллюзии. Свамиджи объяснил, что лишь духовный мир вечен и потому реален.

Роджер остался доволен ответом. Но была еще одна проблема: ему казалось, что Свамиджи слишком консервативен. Когда Свамиджи сказал, что домашним животным не место в храме, Роджеру это не понравилось. Многие посетители приходили в храм с домашними питомцами, и напротив входа теперь было специальное место, где привязывали собак. Но впускать животных в помещение Свамиджи не позволял.

— Наша философия предназначена для людей, — говорил он. — Собаки и кошки ее не поймут. Хотя если они услышат «Харе Кришна», то в будущем родятся в более высоких формах жизни.

Были и другие причины, по которым «консервативная» философия Свамиджи не устраивала Роджера. Свамиджи часто высказывался против пагубных привычек вроде курения, а Роджер не мыслил своей жизни без них. Особенно же его беспокоили наставления об ограничениях в половой жизни. Но хотя Роджер и не мог строго соблюдать все правила, он чувствовал, что его любовь к Свамиджи и Кришне растет. Он понимал, что Свамиджи может многому научить его — и делает это, но не сразу, а постепенно. Роджер признавал, что в глазах Свамиджи он — просто малое дитя, которое нужно кормить с ложечки; он знал, что должен покорно принимать все, что бы Свамиджи ни давал ему.

Сэм Спирстра, высокий и стройный юноша с вьющимися золотистыми волосами, занимался лыжным спортом и готовился участвовать в Олимпийских играх, а также пробовал себя в искусстве — писал прозу и вырезал по дереву. Он окончил Колледж Рида в Орегоне, а затем в рамках программы фулбрайтовского обмена^[2] перевелся в маленький колледж в Швейцарии, где получил степень магистра философии. Он пользовался популярностью среди знакомых, а Мукунде казался «воплощением неистребимого индивидуализма».

Когда Мукунда посетил Сэма в его дозорной вышке в горах и рассказал ему о Свамиджи и сознании Кришны, Сэм заинтересовался. Жизнь для него к тому времени уже утратила всякий смысл, но рассказ Мукунды и Джанаки вселил в него надежду. Проведя с Мукундой всего несколько дней, Сэм загорелся идеей помочь ему основать в Сан-Франциско храм сознания Кришны.

Сэм был знаком с местными рок-звездами, и именно он уговорил их выступить в «Авалоне» со Свами Бхактиведантой, которого сам еще ни разу не видел. Первая их встреча состоялась в аэропорту, когда Свамиджи прилетел в Сан-Франциско; позднее Сэм клялся, что увидел тогда вспышку света, исходящую из тела Свамиджи.

Сначала Сэм боялся вымолвить даже слово, да и о чем говорить, не имел понятия — Свамиджи не был похож ни на одного из тех, с кем Сэм был знаком до этого, и казался очень возвышенным. Но на следующий день после программы в «Авалоне», когда Мукунда рассказал Бхактиведанте Свами, что концерт организовал Сэм, Свамиджи попросил позвать его, чтобы узнать, сколько удалось собрать денег. Сидя напротив Свамиджи за его маленьким столиком, Сэм сообщил, что выручка составила полторы тысячи долларов.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Свамиджи, — ты станешь казначеем.

Потом он спросил:

— Каким ты представляешь себе Бога?

— Бог один, — ответил Сэм.

— Зачем мы поклоняемся Богу?

— Чтобы стать единым с Ним.

— Нет, — сказал Свамиджи. — ты не можешь стать единым с Богом. Бог, как и ты, всегда индивидуален. А вот интересы ваши могут совпадать.

И он рассказал Сэму о Кришне. После разговора Свамиджи предложил:

— Приходи сюда каждый день, я буду учить тебя вести бухгалтерию.

И Сэм стал приходить к Свамиджи на полчаса в день, чтобы научиться бухгалтерскому учету.

Сэм: Мне никогда особо не давался бухгалтерский учет, и я совсем не хотел этим заниматься. Но это был хороший повод каждый день видеться со Свамиджи. Он распекал меня, когда я тратил слишком много денег или когда не мог как следует подвести баланс. Мне очень понравилось, что он был практичен и разбирался в бухгалтерии. С самых первых дней он был для меня скорее другом, нежели каким-то кумиром из иных сфер. Почти со всеми практическими вопросами я шел к нему. Наблюдая за тем, как Свамиджи решает насущные проблемы, я научился сам находить ответы на свои вопросы. Первое, что он меня побудил сделать, — это жениться на моей подруге.

Мукунда и его жена, Джанаки, которые жили на той же лестничной площадке, что и Бхактиведанта Свами, были пока единственными, кому Свамиджи дал посвящение и устроил свадьбу. Мукунда часто носил свои большие красные четки для *джапы* на шее, в два ряда. Переехав в Сан-Франциско, он отрастил длинные волосы и короткую черную бородку. В Хайт-Эшбери, где царило так называемое «лето любви», он чувствовал себя как рыба в воде и познакомился со многими местными знаменитостями. Иногда он подрабатывал в качестве музыканта, но большую часть времени тратил на содействие миссии Бхактиведанты Свами, встречаясь с разными людьми и организовывая при их содействии проповеднические программы: одну большую, в «Авалоне», и несколько поменьше — в магазинчиках для наркоманов. Ему как никому другому удавалось вдохновлять людей помогать Свамиджи, хотя сам он пока еще не чувствовал себя его настоящим учеником. Он помогал, потому что ему это нравилось. Он не особо стремился выделяться из толпы своих многочисленных сан-францисских друзей и не очень строго следовал принципам духовной жизни, установленным Свамиджи.

В отношениях с Бхактиведантой Свами Мукунде больше нравилось играть роль товарища, нежели смиренного слуги, и Свамиджи отвечал ему соответствующим образом. Однако иногда Свамиджи все-таки занимал по отношению к нему позицию учителя. Однажды, зайдя к Мукунде на квартиру, он заметил на стене плакат с изображением матадора с плащом и шпагой, преследующего быка.

— Отвратительный плакат! — воскликнул Свамиджи, и на лице его отразилось недовольство. Мукунда посмотрел на плакат, впервые задумавшись над его содержанием.

— Да, и правда отвратительный, — согласился он и сорвал плакат со стены.

Бхактиведанта Свами очень хотел, чтобы кто-нибудь из его учеников научился правильно играть на *мриданге* и подыгрывал на *киртанах*, и Мукунда, поскольку был музыкантом, больше всех подходил для этого.

Мукунда: *В тот день, когда нам прислали глиняную мридангу, я спросил у Свамиджи, могу ли я поучиться играть на ней. Он ответил утвердительно. Я поинтересовался когда.*

— *А когда ты хочешь?*

— *А сейчас можно? — спросил я.*

— *Да.*

Несколько удивленный его мгновенным согласием, я принес к нему в комнату барабан, и он показал мне основной ритм. Сначала он показал «*ги-та-та, ги-та-та, ги-та-та*». Потом — немного более сложный: «*ги-та-та, ги-та-та, ги-та-та ги-и-и-та*».

Когда я начал отбивать этот ритм, то постоянно торопился, и он все время просил меня сбавить темп. Уйму времени он потратил просто на то, чтобы показать мне, как правильно бить по мембранам. В конце концов я ухватил принцип, но он продолжал напоминать, чтобы я не ускорял темп и при каждом ударе повторял слоги — «*ги-та-та*». Он говорил, что эти слоги и барабан должны звучать одинаково. Я должен был извлекать именно такие звуки и всегда произносить слоги вслух.

Я был настроен решительно и стал играть очень медленно. Я играл так довольно долго, изо всех сил стараясь сосредоточиться. Потом вдруг до меня дошло, что Свамиджи стоит рядом и ничего не говорит. Я не знал, сколько он еще намерен так стоять, без единого слова, и мне стало немного не по себе. Но я не останавливался. Когда же я набрался смелости и, подняв голову, посмотрел на его лицо, то, к удивлению своему, обнаружил, что он, закрыв глаза, одобрительно покачивает головой. Казалось, он наслаждается уроком. Для меня это стало полной неожиданностью. Раньше я учился музыке и много лет брал уроки фортепьянной игры, но не припомню ни одного случая, когда бы учитель действительно получал удовольствие от моей игры. Я был поражен: рядом со мной находится учитель, который настолько совершенен, что наслаждается, обучая других. Причем наслаждается не потому, что гордится собственными познаниями или собственной методикой преподавания, а потому, что видит, как энергия Кришны передается через него обусловленной душе (в данном случае мне). Это доставляло ему огромное наслаждение. В тот момент я гораздо глубже понял, что Свамиджи — настоящий учитель, хотя тогда я пока еще абсолютно не представлял, что значит «духовный учитель».

Для Джанаки, жены Мукунды, сознание Кришны подразумевало личное общение со Свамиджи. Пока он был рядом, у нее все было нормально. Она с удовольствием задавала вопросы, служила ему и училась у него готовить. У нее не было особого интереса к изучению философии сознания Кришны, но в ней очень быстро возникла глубокая привязанность к духовному учителю.

Джанакки: *Нас было несколько человек. Мы собрались у Свамиджи на квартире и сидели кружком. Я спросила, есть ли у него дети. Он посмотрел на меня так, словно я сморозила какую-то глупость:*

— А ты разве не моя дочь?

— Ну, в общем-то, да, — ответила я.

— А все они — разве не мои дети?

Его ответ был настолько быстрым, что я ни капли не усомнилась: он говорит совершенно серьезно.

Каждое утро по несколько часов Свамиджи учил Джанаки, Джоан и некоторых других преданных готовить. Однажды он заметил на кухне какие-то незнакомые ягоды и спросил у Джанаки, как они называются. Она сказала, что это земляника. Он сразу же забросил в рот одну:

— Очень вкусно!

И стал закидывать одну за другой, восклицая:

— Очень, очень вкусно!

Однажды, когда Джанаки взбивала сливки, Свамиджи вошел на кухню и спросил:

— Что это?

— Это взбитые сливки, — ответила Джанаки.

— А что значит «взбитые сливки»?

— Это обычные сливки, — ответила она, — но когда их взбиваешь, они вспениваются и становятся плотными.

Свамиджи, всегда очень строгий в том, что касается правил поведения на кухне (самым важным из которых был запрет что-либо пробовать), тут же окунул палец во взбитые сливки, попробовал и сказал:

— Это йогурт.

Джанакки шутливо, с напускной строгостью (что всегда доставляло ей особое наслаждение), возразила:

— Нет, Свамиджи, это взбитые сливки.

Свамиджи не сдавался:

— Нет, это йогурт.

Он снова окунул палец в чашку и попробовал.

— О, очень вкусно!

— Свамиджи! — возмутилась Джанаки. — Вы едите на кухне!

Свамиджи только улыбнулся и покачал головой:

— Ничего страшного.

Джанакки: *Однажды я сказала ему:*

— Свамиджи, мне приснился потрясающий сон. Мы были на какой-то планете, которая принадлежала нам, и там собрались все люди Земли. Все

они стали чистыми преданными и все пели.

Вы сидели на каком-то необычном высоком троне, и все на планете хлопали в ладоши и пели «Харе Кришна».

Свамиджи улыбнулся и сказал:

— О, какой замечательный сон!

Девятнадцатилетняя Бонни Мак-Дональд и ее друг, двадцатилетний Гэри Мак-Элрой, приехали в Сан-Франциско из Остина. Они учились в Техасском университете. Бонни была стройной, красивой блондинкой и говорила, как и многие южане, с приятным тягучим акцентом. Родилась и выросла она в Южном Техасе, в семье баптистов. Учеба в средней школе сделала ее агностиком, но позже, путешествуя по Европе и изучая религиозное искусство, архитектуру величественных готических соборов, девушка пришла к выводу, что великие мастера, сотворившие такие чудеса, не могли полностью заблуждаться.

Гэри был сыном офицера воздушных сил Соединенных Штатов. Его детство прошло в Германии, на Окинаве и в других местах, разбросанных по всему миру. В конце концов их семья обосновалась в Техасе. Из-за темных волос и густых бровей он всегда казался хмурым, кроме тех случаев, когда улыбался. В университете он одним из первых отрастил длинные волосы и начал экспериментировать с наркотиками. Совместные опыты с ЛСД навели их с Бонни на мысль о духовном поиске, и, не предупредив ни родителей, ни учителей, они поехали на машине в Калифорнию «чтобы найти того, кто мог бы научить их духовной жизни».

Несколько месяцев бесплодных исканий, проведенных в изучении книг по эзотерике и в общении с представителями разных религиозных течений в Хайт-Эшбери, принесли одно лишь разочарование. Впрочем, они стали вегетарианцами. Гэри принялся самостоятельно осваивать электрогитару, а Бонни каждый день уходила в Голден-Гейт-парк, где занималась особым видом йогической медитации, который сама же и придумала. Но постепенно иллюзии рассеялись и оба почувствовали, что из-за наркотиков начинают опускаться.

Они прочли, что гуру появляется тогда, когда ученик к этому готов, и с нетерпением ждали того дня, когда к ним придет их гуру. Бонни большую часть времени проводила в парках Сан-Франциско, но однажды, просматривая журналы на прилавке магазина для наркоманов на Хайт-Эшбери, она наткнулась на «Бэк ту Годхед», отпечатанный на мимеографе нью-йоркскими учениками Бхактиведанты Свами. Особенно ей понравилась в этом журнале статья о Свамиджи, написанная Хаягрой. Описание улыбки Свамиджи, его сияющих глаз, его остроконечных туфель, а также его наставления, которые цитировались в статье, — все это оставило у Бонни чувство, что, может быть, это и есть тот самый гуру, которого она искала. А когда она услышала, что этот самый Свамиджи открыл ашрам на Хайт-Эшбери, то без промедления

отправилась на его поиски и искала до тех пор, пока не нашла храм на Фредерик-стрит.

Перед встречей со Свамиджи Бонни и Гэри нервничали. Оба были разочарованы неудачными поисками истины, ради которых они приехали в Сан-Франциско, а Гэри, кроме того, переживал, что его могут забрать в армию. Об этих проблемах они и рассказали Бхактиведанте Свами, встретившись с ним в его комнате.

Бонни: Он сидел в своем кресле-качалке и смотрел на нас, как на ненормальных (да пожалуй, так оно и было). Он сказал:

— Приходите на мои лекции. Просто каждое утро и каждый вечер приходите на мои лекции, и все будет в порядке.

Нам трудно было поверить, что это как-то поможет, но мы к тому времени уже настолько запутались, что просто согласились.

Я рассказала ему, что объехала всю Европу, и он удивился:

— Ого, сколько ты путешествовала!

На что я ответила:

— Да, я много путешествовала и много чем занималась, но так и не стала счастливой.

Ему понравились мои слова. Он подтвердил:

— Да, вот в этом-то и проблема.

Мы начали ходить на его утренние лекции. Приезжать к семи утра было трудно, поскольку мы жили довольно далеко, но мы все равно приезжали каждое утро. Мы твердо решили: раз он так велел, мы будем это делать. Однажды он спросил нас, чем мы занимаемся. Мы ответили, что когда-то учились в художественной школе, и тогда он предложил нам рисовать картины с Кришной. Вскоре после этого мы попросили его о посвящении.

После посвящения Джоан и Роджер стали Ямуной и Гурудасом. На следующий день состоялась их свадьба. Свадебной церемонией руководил Свамиджи. На нем была пышная гирлянда из листьев и цветов рододендрона. Он сидел на подушке в храмовой комнате, окруженный последователями, а рядом на полу были разложены предметы, необходимые для жертвоприношения. Перед Свамиджи была небольшая земляная насыпь, на которой предполагалось развести огонь. Он объяснил смысл семейных отношений в сознании Кришны и поведал о том, что муж и жена должны помогать друг другу и служить Кришне, поместив Его в центр своей жизни. Свамиджи неодобрительно отзывался об одежде западных женщин, и Ямуна по его просьбе надела сари.

Хотя в числе необходимых для церемонии ингредиентов Свамиджи назвал ги (топленое масло), преданные, посчитав, что это обойдется им чересчур дорого, заменили масло маргарином. Еще он попросил подготовить дрова для костра, и преданные принесли ему щепки от ящика из-под апельсинов. И теперь, когда Ямуна и Гурудас сидели перед ним по ту сторону земляного холмика, он взял щепочку от расколотого ящика, окунул ее в то, что

должно было быть *ги*, и поднес к горящей свече, чтобы зажечь костер. Щепка вспыхнула, зашипела и погасла. Он взял другую и смочил ее в растопленном маргарине, но когда он поднес ее к огню, щепка издала тот же звук «пшик-пшик» и с треском потухла. Предприняв четыре или пять неудачных попыток, Свамиджи поднял глаза и сказал:

— У этого брака очень вялое начало.

Ямуна заплакала.

Бонни и Гэри получили посвящение всего через две недели после того, как встретились со Свамиджи. Бонни получила духовное имя Говинда даси, а Гэри стал Гаурасундарой. Несмотря на то, что они по-прежнему носили джинсы (они надели их даже на церемонию посвящения) и не понимали до конца смысл происходящего, они верили в духовного учителя. Они знали, что из их голов еще не совсем выветрился наркотический дурман, но к посвящению отнеслись серьезно и стали строгими последователями Свамиджи. Гаурасундара выбросил всю марихуану, что у него была, и вместе с Говиндой даси они стали есть только пищу, предложенную Господу Кришне. Через две недели после посвящения Свамиджи провел для них свадебную церемонию.

Вечером в день свадьбы из Техаса приехал отец Говинды даси. Он был настроен против сознания Кришны, считая его совершенно чуждым для американцев. Подойдя прямо к возвышению, на котором сидел Бхактиведанта Свами, отец Говинды даси спросил:

— С какой стати вы поменяли имя моей дочери? Зачем ей индийское имя?

Бхактиведанта Свами посмотрел на него, а затем лукаво взглянул на господина Пателя, индийского гостя, стоявшего со своей семьей немного поодаль.

— Вам не нравятся индийцы? — спросил он.

Все, кто слышал слова Свамиджи, разразились смехом, за исключением отца Говинды даси. Он ответил:

— Да нет, почему? Люди как люди. Но почему у Бонни должно быть другое имя?

— Потому, что она сама попросила дать ей новое имя, — ответил Бхактиведанта Свами. — Если вы любите ее, вам должно нравиться то, что нравится ей. Ваша дочь счастлива. Чем вы недовольны?

На этом спор был исчерпан. Отец Говинды даси остался доволен и держал себя очень корректно. Позже он вместе с дочерью и зятем наслаждался *прасадом*.

Говинда даси: *Мы с Гаурасундарой приступили к чтению трехтомного «Шримад-Бхагаватам» в переводе Свамиджи. Примерно тогда же Свамиджи велел мне нарисовать большую картину с изображением Радхи и Кришны, стоящих рядом с коровой. Я рисовала каждый день с утра до вечера, а Гаурасундара читал мне вслух «Шримад-Бхагаватам» — один том за другим. Так продолжалось два месяца. Где-то в это время Свамиджи попросил меня написать еще и его портрет — на фоне картины с танцующим Господом*

Чайтаньей. Он хотел, чтобы стопа Господа Чайтаньи как бы касалась его головы. Я попыталась. Портрет вышел довольно скверным, но Свамиджи все равно был очень доволен.

Более серьезные из последователей Свамиджи видели, что некоторые кандидаты в ученики не собирались выполнять тех обязательств, которые человек принимает на себя, получая духовное посвящение, и от которых его может освободить только смерть.

— Свамиджи, — говорили они, — некоторые из этих людей приходят в храм только за посвящением. Мы никогда не видели их раньше и не увидим потом.

Обычно Свамиджи отвечал на это, что вынужден идти на риск. Во время одной из лекций в храме он объяснил, что, получая посвящение, ученик избавляется от последствий греховных поступков, которые совершил в прошлом, однако до тех пор, пока ученик находится в материальном мире, ответственность за все его поступки ложится на плечи духовного учителя. Поэтому, сказал он, Господь Чайтанья предупреждал, что гуру не следует принимать слишком много учеников.

Однажды на вечерней лекции, когда наступило время вопросов и ответов, какой-то здоровый детина с бородой поднял руку и спросил:

— А можно мне получить посвящение?

Дерзкий вопрос незнакомца вызвал негодование у некоторых из последователей Свамиджи, однако сам Свамиджи оставался невозмутимым.

— Да, — ответил он, — но сначала вы должны ответить на два вопроса. Кто такой Кришна?

— Кришна — это Бог, — ответил парень после некоторого раздумья.

— Хорошо, — ответил Свамиджи, — а вы кто?

Юноша снова задумался и немного погодя произнес:

— Я — слуга Бога.

— Замечательно, — сказал Свамиджи. — Завтра же вы получите посвящение.

Бхактиведанта Свами знал, что его американским ученикам будет трудно удержаться в сознании Кришны и достичь уровня чистого преданного служения. Всю жизнь их учили только дурному, и, несмотря на свою формальную принадлежность к христианству и философские поиски, большая часть из них ровным счетом ничего не смыслила в науке о Боге. Они не знали даже того, что есть мясо и вступать в недозволенные половые отношения плохо, хотя, когда он сказал им об этом, они сразу же согласились. И они сами пришли к нему и пели вместе с ним *мантру* Харе Кришна. Так как же мог он отвергнуть их?

Время покажет, сумеют ли они противостоять соблазнам вездесущей *майи* и удержаться в сознании Кришны. Некоторые из них падут — к этому склонны все люди. Но другие останутся. По крайней мере те из них, кто серьезно следует его указаниям — повторяет *мантру* Харе Кришна и старается не совершать греховных поступков, добьются успеха. Однажды Свамиджи привел

следующий пример: если свежие продукты не использовать, то через несколько дней они испортятся. Однако у нас нет оснований утверждать, что в будущем свежие продукты никто не использует по назначению и они наверняка испортятся. Конечно, в будущем некоторые могут пасть, от этого никто не застрахован. Но Бхактиведанта Свами считал своим долгом занять учеников преданным служением *сейчас*. И он давал им метод, воспользовавшись которым они смогут избежать падения.

Даже с точки зрения нью-йоркских учеников Свамиджи (не говоря уже о ведических нормах), преданные из Сан-Франциско не слишком строго следовали правилам и предписаниям духовной практики. Некоторые из них продолжали ходить в кафетерии, ели пищу, не предложенную Кришне, и запрещенные лакомства вроде шоколада или покупного мороженого. После *киртана* некоторые из них позволяли себе тут же, за дверью храма, выкурить сигарету. А некоторые получали посвящение, даже не зная толком, какие обязательства они на себя берут.

Киртанананда: *Атмосфера в Сан-Франциско была гораздо более раскованной. Преданные любили заходить в закусочную на углу и выпивать там по чашке кофе с пончиком. Но Свамиджи нравилось, что в храм приходит так много народу. И ему очень понравилась программа в зале «Авалон». В Сан-Франциско было две категории преданных: одни неукоснительно следовали всем предписаниям, заботясь о собственной чистоте, другие же были не столь строги и требовательны к себе, но хотели как можно шире распространить сознание Кришны. Свамиджи был так великодушен, что принимал и тех и других.*

Майкл Райт, двадцати одного года, недавно вернулся из армии (он служил во флоте), а восемнадцатилетняя Нэнси Гриндл только-только окончила школу. Они познакомились в колледже в Лос-Анджелесе. Разочарованные, жаждущие найти что-то такое, чему не жаль было бы посвятить жизнь, они приехали в Сан-Франциско, чтобы стать хиппи. Но вскоре друзья обнаружили, что с хиппи с Хайт-Эшбери, которые произвели на них впечатление грязных и ни на что не годных людей, заблудившихся в поисках своего «я» и лишенных всякой цели в жизни, у них очень мало общего. Поэтому Нэнси устроилась секретарем в телефонную компанию, а Майкл пошел работать линейным монтером. Тогда-то они и услышали о Свами с Хайт-Эшбери и решили зайти в храм.

Шел вечерний *киртан*, и раскрепощенные хиппи кружились, извивались и раскачивались кто во что горазд. Майкл и Нэнси, больше впечатленные присутствием Свами, чем *киртаном*, уселись на пол у дальней стены. После *киртана* Бхактиведанта Свами читал лекцию, но его акцент показался Майклу и Нэнси слишком сильным. Они хотели вникнуть в то, что он говорит, интуитивно чувствуя, что это нечто ценное, но тайна эта, казалось, была надежно скрыта за его индийским произношением и упрятана в книге на чужом языке, которую он читал. Они решили прийти утром и попробовать послушать еще раз.

Когда они пришли на следующий день, на утреннюю программу, народу было меньше: человек десять преданных с четками на шее и несколько гостей с улицы. На этот раз *киртан* показался Майклу и Нэнси более приятным и мелодичным, и они даже пели и танцевали вместе с присутствующими. Затем началась лекция, и на этот раз им удалось уловить некоторые из мыслей Свамиджи. Они остались на завтрак и познакомились с Мукундой и Джанаки, Сэмом и Мелани (которых теперь звали Шьямасундара и Малати), Ямуной и Гурудасом, а также с Говиндой даси и Гаурасундарой. Преданные понравились им, и друзья пообещали зайти вечером. Вскоре они уже регулярно ходили на утренние и вечерние программы, а по выходным Нэнси вместе с другими девушками посещала кулинарные курсы Свамиджи.

Майклу идеи Свамиджи пришлись по душе, но он никак не мог понять, почему в духовной жизни обязательно кому-то подчиниться. Обычно он никогда никого не слушался. Но чем больше юноша размышлял над этим, тем больше убеждался, что Свамиджи прав и старший все-таки нужен. «Каждый раз, когда я останавливаюсь на красный сигнал светофора, — рассуждал Майкл, — я подчиняюсь чьему-то авторитету». В конце концов он пришел к выводу, что для успешного духовного прогресса ему необходим духовный наставник. Но, поскольку подчиняться кому бы то ни было все-таки не хотелось, юноша оказался перед дилеммой. Наконец, после двух недель посещения лекций Свамиджи, Майкл решил предаться ему и попробовать обрести сознание Кришны.

Майкл: *Мы с Нэнси решили пожениться и стать учениками Свамиджи и членами его Общества. Мы обратились к преданным:*

— *Мы хотели бы встретиться со Свамиджи.*

— *Конечно, — сказали они. — Просто поднимитесь к нему. Он живет на третьем этаже.*

Мы были несколько удивлены тем, что не потребовалось никаких формальностей. Мы подошли к дверям его квартиры, и Раначора, слуга Свами, нас впустил. Мы вошли прямо в обуви, и Раначора попросил нас ее снять.

Я не знал толком, о чем говорить со Свамиджи, и надеялся на Нэнси, рассчитывая, что она первой вступит в разговор, но в конце концов сказал:

— *Мы хотели бы вступить в ваше Общество сознания Кришны.*

Он сказал, что это очень хорошо. Тогда я добавил, что на самом деле мы пришли потому, что хотели бы пожениться. Мы знали, что Свами проводит церемонии бракосочетания и одно из необходимых условий для членов его Общества — то, что юноша и девушка могут жить вместе только после того, как по всем правилам вступят в брак. Свамиджи спросил меня, нравится ли мне философия, которую он проповедует, и есть ли у меня работа. На оба вопроса я ответил утвердительно. Он объяснил, что сначала мы должны получить посвящение, а потом, через месяц, он нас поженит.

При посвящении Майкл получил имя Даянанда, а Нэнси стала Нандарани. Вскоре Свамиджи их поженил.

Нандарани: Мы знали, что наша свадьба станет очень большим событием. Каждый раз, когда Свамиджи проводил на Хайт-Эшбери свадебные церемонии, посмотреть на это приходили сотни людей, и храм был забит до отказа. На свадьбу приехали мои родители и родители Даянанды.

Свамиджи сказал, что готовить, по всем правилам, должна я. Он велел мне прийти утром в день свадьбы к нему на квартиру и пообещал помочь мне приготовить что-нибудь на свадебный пир. Итак, в то утро я надела свои лучшие джинсы, лучшую футболку и ботинки и пришла к Свамиджи. Я поднялась по лестнице и вошла, не сняв обуви. Свамиджи сидел в кресле-качалке. Увидев меня, он улыбнулся и сказал:

— О, ты пришла готовить!

— Да, — кивнула я.

Он перестал качаться и, не говоря ни слова, пристально посмотрел на меня. Затем сказал:

— В первую очередь сними ботинки.

Когда я сняла ботинки и старую кожаную куртку, Свамиджи встал и направился на кухню. Он достал огромную кастрюлю, с таким слоем чего-то пригоревшего на дне, что дна практически не было видно. Он вручил мне ее и сказал:

— В этой кастрюле мы будем кипятить молоко. Ее надо помыть.

Раковины на кухне у Свамиджи не было, был только крохотный круглый тазик. Поэтому я пошла в ванную, поставила кастрюлю в ванну и немного ее сполоснула. Я и не думала, что нужно отскрести весь этот нагар — слишком уж твердый он был. Когда я принесла кастрюлю назад, Свамиджи сказал:

— О, какая чистая! Правда, тут на дне немного пригорело. Отмой, пожалуйста.

Я согласилась, взяла нож и поплелась в ванную, чтобы попытаться соскоблить нагар. Я терла, терла, терла, терла... По локоть в пене, я перепачкалась сама и перепачкала все вокруг. Мне удалось счистить только половину черноты — остальное, казалось, намертво приросло ко дну. Я отнесла кастрюлю Свамиджи и сказала:

— Это все, что я могу сделать. Все остальное пригорело.

Он ответил:

— Да, да, ты замечательно постаралась. Теперь нужно только оттереть все, что осталось.

Опять я пошла в ванную и терла, терла, терла, терла... Был уже почти полдень, когда я вышла с совершенно чистой кастрюлей. Увидев результат моих трудов, Свамиджи засиял от счастья — кастрюля блестела! Он широко улыбнулся и сказал:

— О! То, что надо!

От усталости я валилась с ног.

Затем Свамиджи пригласил меня на кухню и показал, как делать расагуллы. Мы вскипятили молоко, створожили его, а потом я села и начала

катать из творога шарики, выкладывая их рядами на подносе. Все шарики полагалось делать строго одинаковыми. Если шарик получался не того размера, Свамиджи большим, указательным и средним пальцами вынимал его из ряда и мне приходилось катать его заново, чтобы довести до нормы. Так продолжалось до тех пор, пока не получился целый поднос совершенно одинаковых шариков.

Затем Свамиджи показал, как варить эти творожные шарики в сахарном сиропе. Малати, Джанаки и я готовили на кухне, а Свамиджи пел.

В какой-то момент Свамиджи прекратил петь и спросил меня:

— Ты знаешь, что означает твое имя?

Но я не смогла даже вспомнить, как меня теперь зовут. Во время посвящения Свамиджи как-то назвал меня, но, поскольку мы никогда не обращались друг к другу по духовным именам, я так и не смогла вспомнить свое. Я ответила:

— Нет, Свамиджи, а что оно означает?

Он сказал:

— Оно значит, что ты — мать Кришны.

Сказав это, он громко рассмеялся и продолжил перемешивать расагуллы. Я не понимала, кто такой Кришна, и уж тем более — кто такая Его мать и какое отношение я к ней имею. Но мне было приятно, что Свамиджи видит во мне кого-то, заслуживающего внимания.

В тот день я закончила готовить в четыре часа, а потом вернулась домой, чтобы переодеться к свадьбе. Хотя я никогда не носила ничего, кроме старых платьев и джинсов, Свамиджи попросил своих учениц каким-то образом облачить меня в свадебное сари. Мы купили отрез шелка, который должен был стать моим сари, и я пошла к Малати. Она должна была помочь мне его надеть. Но сари с меня все время сваливалось, и ей пришлось зашить его на мне. Потом они украсили меня цветами и отвели к Свамиджи. Свамиджи был очень доволен. Он сказал:

— Вот так и должны выглядеть наши женщины. Никаких джинсов и платьев. Они всегда должны носить сари.

Признаться честно, я была похожа на пугало и все время наступала на край одежды — так, что девушкам даже пришлось зашить сари, — но Свамиджи считал, что я выгляжу замечательно. Поскольку ткань была однотонной, Свамиджи заметил:

— В следующий раз покупайте с небольшой каймой, чтобы сари было двухцветным. Мне больше нравится, когда сари двух цветов.

Когда мы спустились на церемонию, Свамиджи познакомился с моими родственниками. Он был очень вежлив. Во время церемонии моя мать плакала навзрыд. Я была очень рада, что она получила милость, встретив Свамиджи.

Двадцатилетний Стив Болерт родился и вырос в Нью-Йорке. Живя среди хиппи в Сан-Франциско, он однажды прочитал в «Оракуле», что к ним собирается приехать Свами Бхактиведанта. Ему было интересно встретиться с

индийским *свами*, и, прочитав на Хайт-стрит напечатанное Мукундой объявление, он вместе со своей подругой Кэролин Голд поехал в аэропорт, чтобы его встретить. Ощувив от пения «Харе Кришна» и от встречи со Свамиджи сильный духовный подъем, они стали регулярно приходить в храм на лекции и *киртаны*. Стив решил, что хочет стать таким же, как Свами, поэтому они с Кэролин пошли к нему и попросили дать им посвящение. Во время личной беседы они обсудили важность послушания духовному учителю и необходимость вегетарианства. Когда Свамиджи предложил им выбор: либо разойтись, либо пожениться — они ответили, что хотели бы пожениться. Свамиджи назначил дату посвящения.

Бхактиведанта Свами попросил Стива сбрить его длинные волосы и бороду.

— Это еще почему? — запротестовал Стив. — У Кришны были длинные волосы, у Рамы были длинные волосы, у Господа Чайтаньи были длинные волосы, и у Христа были длинные волосы. Почему я должен брить голову?

Свамиджи улыбнулся и ответил:

— Потому что сейчас ты — мой последователь.

На стене висел плакат с изображением Сурдаса, известного вайшнава.

— Ты должен обрить голову так же, — сказал Свамиджи, указывая на Сурдаса.

— Сомневаюсь, что я к этому готов, — сказал Стив.

— Ну, что ж, ты еще молод. У тебя есть время. Но хотя бы побрейся и сделай мужскую стрижку.

Утром перед посвящением Стив сбрил бороду и подстриг волосы так, что спереди они были короткими, а сзади оставались длинными.

— Так пойдет? — спросил он.

— Сзади тоже, — ответил Свамиджи. Стив подчинился.

Стив получил имя Субал, а Кэролин — Кришнадеви. Через несколько дней состоялась свадьба.

Поскольку каждая новая церемония была еще одним поводом для *киртана* и раздачи *прасада*, это стало привлекать зрителей. С каждым разом все больше учеников получали духовные имена и все больше становилось супружеских пар. Духовная семья Свамиджи росла. В храме царила атмосфера небольшой дружной семьи, где все друг друга любят. С учениками Свамиджи общался очень близко, без всяких формальностей, обычно сопровождающих отношения старшего и младшего.

Ученики могли подойти к нему с любым вопросом. Любой мог поговорить с ним, наедине или в компании других гостей, зайдя к нему на квартиру, где он обычно сидел на подстилке перед импровизированным столиком. Для Мукунды, Гурудаса и Шья-масундары Свамиджи был другом. От Джанаки и Говинды даси он готов был порой выслушивать нотации, почти как непослушный сын, а иногда становился для них дедушкой: опытным наставником в кулинарных вопросах и стражем чистоты и порядка на кухне. И для всех них он оставался непостижимым чистым преданным Господа

Кришны, знающим суть всех ведических писаний и, вне всякого сомнения, постигшим тайну перевоплощения души. Он мог ответить на любой вопрос. Он мог вывести их за пределы материального мира и за пределы мира хиппи на Хайт-Эшбери и привести в духовный мир, к Кришне.

* * *

В семь вечера Бхактиведанта Свами, в шафрановом *дхоти*, вязаном свитере поверх старой шерстяной водолазки и *чадаре*, накинутом на плечи, вошел в храм. Он подошел к возвышению в дальней части комнаты и сел на свое место. Сиденье из красного дерева, с положенной сверху подушкой, возвышалось над полом на полметра и поддерживалось двумя деревянными подставками. Перед сиденьем располагалась накрытая тканью и украшенная букетом цветов кафедра, а на стене за возвышением висел традиционный индийский гобелен, поверх которого прикрепили картину с изображением танцующего Господа Чайтаньи, нарисованную неумелой рукой Харидаса.

Бхактиведанта Свами взял *карталы*, обернул их матерчатые тесемки вокруг указательных пальцев и оглядел своих молодых последователей, которые, скрестив ноги, сидели на бургундском ковре. Мужчины были с бородами, в странных одеждах; почти все носили длинные волосы, у всех были четки и амулеты. Лампочки под потолком были замаскированы под японские бумажные фонарики, с которых на ниточках свешивались «глаза Бога» — особые символы, позаимствованные у индейцев навахо. Бхактиведанта Свами начал отбивать ритм — раз-два-три-и-и, а Шьямасундара — качать мехи фисгармонии. Хотя фисгармония очень простой инструмент — миниатюрное фортепиано, на котором правой рукой играют, а левой качают мехи, никто в храме на Фредерик-стрит не умел ею пользоваться, поэтому на ней просто «гудели». Еще одним важным инструментом для *киртана* была *мриданга*, двухсторонний индийский барабан, предназначенный для замысловатого ритмического аккомпанеента, но даже Мукунда знал только самый простой ритм, совпадающий с ритмом *картал*, — раз-два-три-и-и.

У присутствующих были и другие инструменты: литавра (гордость храма), старый корнет Хаягривы, несколько раковин и рожок, который Хаягрива сделал своими руками, отлакировав кусок бурой водоросли, найденный им на морском пляже. Некоторые гости приносили с собой флейты, трубы и барабаны бонго. Но сейчас они отложили инструменты в сторону и просто хлопали в такт Свамиджи, пока он пел вечерние молитвы.

В своих гимнах Свамиджи прославлял духовных учителей вайшнавов; к каждому из них он обращался с отдельной молитвой. Сначала он пел стих, описывающий божественные качества Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, а затем, одну за другой, — молитвы, обращенные к Гауракишоре дасу Бабаджи и Бхактивиноде Тхакуру. Одна молитва называла Шрилу Бхактисиддханту

«освободителем падших душ», другая прославляла Гауракишору даса Бабаджи как «олицетворение самоотречения», как «всегда охваченного огромной любовью к Кришне» и «погруженного в чувство разлуки с Ним». Бхактиведанта Свами пел о Господе Чайтанье, Верховной Личности Бога, чье тело золотого цвета и который распространяет чистую любовь к Кришне. Он пел и о Самом Господе Кришне, океане милости, друге страждущих, источнике творения. По мере того как Свамиджи погружался в *бхаджан*, его тело начинало дрожать от переполнявших его экстатических переживаний. Юноши и девушки сидели на полу, покачиваясь из стороны в сторону, и смотрели на него. А он пел с закрытыми глазами, погруженный в медитацию, и его изящные, ловкие пальцы виртуозно отбивали ритм на *караталах*. В его голосе слышалась искренняя и проникновенная печаль; его пение отличалось от всего, что им когда-либо доводилось слышать.

Затем он запел знакомую им *мантру* — ту, ради которой они пришли: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе». Все тотчас же запели вместе с ним. Зазвучали рожки, барабаны, постепенно мелодию подхватили остальные инструменты. Постепенно, один за другим, участники *киртана* поднимались со своих мест и начинали танцевать. Ученики Свамиджи встали и начали раскачиваться из стороны в сторону, как научил их Свамиджи, делая шаг влево и шаг вправо и иногда поднимая руки. Остальные танцевали так, как им нравилось. Иногда во время пения Свамиджи открывал глаза и окидывал танцующих взглядом. Он сидел неподвижно, но его голова и тело слегка подрагивали.

Через двадцать минут многие из юных танцоров, взмокшие от пота, уже вовсю прыгали и скакали, а Свамиджи продолжал петь, задавая темп своими *караталами*. Глаза его были закрыты, но эта дикая толпа легко подчинялась его громкой игре. Свамиджи никого не останавливал, и пение и танцы продолжались.

Конечно, *киртаны* хиппи отличались от пения индийских *брахманов*, но Бхактиведанта Свами не придавал этому значения: для него важна была преданность. Что он разрешал в своем храме Радхи-Кришны, то принимал и Сам Кришна. Таково было его подношение Господу, которое он предлагал Кришне через духовного учителя, Бхактисиддханту Сарасвати. Свамиджи был полностью уверен в своих действиях. Пусть его молодые последователи еще не умеют играть на фисгармонии или *мриданге*, пусть они пока не знают, что в совместном *киртане* все должны повторять за ведущим, а не петь в унисон (как это происходило сейчас), пусть они еще не научились выражать почтение гуру — им достаточно просто петь и танцевать, а он будет воодушевлять их, кивая головой: «Да».

Конечно, были на *киртанах* и те, кто витал в облаках наркотических фантазий, — такие вели себя диковато. Но основной тон в *киртане* все-таки задавали ученики Свамиджи: они танцевали с воздетыми руками и внимательно смотрели на своего учителя. Сами во многом еще похожие на хиппи, они тем не менее были учениками Свамиджи и хотели порадовать

своего учителя, хотели следовать его наставлениям. Они желали обрести сознание Кришны. Несмотря на какофонию из звуков рожков и литавр, *киртан* звучал красиво; Хаягрива, аккомпанируя на корнете, точно придерживался мелодии и играл только на каждой второй *мантре*.

Бхактиведанту Свами не смущало, что их *киртаны* во многом не соответствуют правилам и не отвечают высоким требованиям. Он принимал от своих последователей это подношение — не через силу, а с любовью. Он просто хотел, чтобы эти американские юноши и девушки пели. А то, что они одевались, как им вздумается, прыгали, как дикари, или исповедовали какую-то странную философию, его не особенно беспокоило. Они пели «Харе Кришна», поэтому — по крайней мере, в эти мгновения — были чисты. Хиппи тоже это знали. И им это нравилось.

Бхактиведанта Свами мечтал увидеть, как весь мир запоет *киртан*, — именно так, как это когда-то приснилось Джанаки. Он говорил, что тем или иным путем люди должны быть задействованы в служении Кришне. Такое наставление дал один из главных последователей Господа Чайтаньи, Рупа Госвами. Он писал: *тасмат кенапй упайена манах кршне нивешайет* — «Тем или иным образом сосредоточьте ум на Кришне; правила и ограничения могут подождать».

Это настроение Бхактиведанты Свами и Шрилы Рупы Госвами проистекало из твердой веры в очистительную силу святого имени; даже самый грешный человек может со временем стать святым, если будет повторять «Харе Кришна». Бхактиведанта Свами часто цитировал стих из «Шримад-Бхагаватам», где говорилось, что даже люди, погрязшие во всех грехах, могут очиститься, найдя прибежище у преданных Господа. Он знал, что каждый хиппи с Хайт-Эшбери достоин милости святого имени, и считал своим долгом, своим обязательством перед духовным учителем раздавать сознание Кришны всем и вся, не отвергая никого. Но при этом, живя среди *млеччхов*, он требовал от них соблюдения определенных норм поведения и был непреклонен в том, что касалось чистоты его Общества сознания Кришны.

К примеру, если бесплатно кормить людей, то не обычной пищей, а только *прасадом* — пищей, предложенной Кришне. Просто кормить голодных — мало; нужно давать им *прасад*, и тогда они получают шанс освободиться от оков рождения и смерти. Во время *киртанов*, хотя он допускал полную свободу самовыражения для своих последователей и не возражал даже против самых диких плясок, преобладать должен был все-таки трансцендентный звук святого имени. Он никогда не допускал, чтобы *киртан* превращался в простое грохотание барабанов и пение каких-нибудь «этнических» песен. И никому не позволялось сходить с ума до такой степени, чтобы это мешало другим участвовать в пении или слушать.

Пытаясь «тем или иным путем» побудить этих молодых людей петь «Харе Кришна», Свамиджи интуитивно чувствовал, что можно позволять, а что нет. Он был учителем, и ученики его не вмешивались, когда он разрешал какому-

то самоуверенному, самовлюбленному и чересчур эмоциональному танцору прыгать по храму, а какому-нибудь «накачавшемуся» безумцу полемизировать с ним после лекции. Если же кто-то начинал слишком уж мешать, Свамиджи не стеснялся одернуть его. Но такое случалось редко. Его главной задачей было давать, а не запрещать.

Киртан продолжался более часа. Ребята, взявшись за руки, танцевали по кругу, а аромат курившихся в алтарной благовоний через парадную дверь выходил на улицу.

* * *

Утренние и вечерние *киртаны* уже принесли храму Радхи-Кришны добрую славу, а когда преданные начали ежедневно устраивать в храме бесплатные обеды, популярность храма среди местных хиппи выросла еще больше. Свамиджи велел своим ученикам готовить и раздавать *прасад*, и это было единственное, чем они занимались в течение дня. По утрам они готовили *прасад*, а в полдень кормили всех, кто приходил к ним, иногда по сто пятьдесят — двести хиппи с Хайт-Эшбери.

Перед утренним *киртаном* девушки ставили на плиту овсянку, и к завтраку вся комната наполнялась хиппи, большинство из которых не ложились спать всю ночь. Для некоторых из них каша и фрукты были единственной пищей за последние несколько дней.

Но главным событием дня был обед. Малати отправлялась за покупками и где только можно собирала пожертвования, чтобы купить пшеничной муки, нутовой муки, колотого гороха, риса и овощей. Из овощей она брала только те, которые ей продавали дешево или давали бесплатно: картошку, морковь, репу, брюкву и свеклу. После этого каждый день повара готовили приправленное специями картофельное пюре, *чапати* с маслом, *дал* из колотого гороха и какое-нибудь овощное блюдо — в расчете на двести человек. Готовить эти обеды им удавалось только потому, что многие торговцы охотно жертвовали продукты на такое благое дело, как кормление хиппи.

Харшарани: *Наши обеды собирали большую толпу людей с Холма хиппи, которые явно недоедали. Они были по-настоящему голодны. Приходили и другие, те, кто помогал преданным, но еще не получил духовного посвящения. Мы ставили пластинку, которую Свамиджи и его ученики записали в Нью-Йорке. На этих обедах царила мирная, семейная атмосфера.*

Харидас: *Пищу принимали как внутри храма, так и снаружи, прямо на улице, потому что храм не мог вместить всех желающих. Но большая часть людей все-таки находилась внутри. Это было просто удивительно. Толпа людей набивалась в магазинчик, и мы усаживали их рядами, от стены к стене. Большинство из них просто ели и уходили. В других магазинах на Хайт-Эшбери продавалось все что угодно, от бус до пластинок рок-музыки, но мы в нашем магазинчике ничего не продавали, мы все раздавали даром.*

И мы были рады всем. У нас хиппи могли укрыться от хаоса и безумия, которые царили вокруг. Наш храм был чем-то вроде больницы, и я думаю, что мы многим помогли, а некоторых, может быть, даже спасли. Я не имею в виду их души — я говорю сейчас об их умах и телах, которые мы спасли, потому что жизнь, которой они жили, была им просто невозможна. Я говорю о закоренелых наркоманах, которые были никому не нужны, но нуждались в утешении и в поисках утешения забредали в храм.

Некоторые из них оставались с нами и становились преданными, другие ели прасад и уходили. Каждый день Свамиджи становился свидетелем, а зачастую и участником каких-нибудь чрезвычайных происшествий. Идея устраивать в храме обеды целиком принадлежала ему.

Мукунда: Однажды к нам приехали пообедать люди из Армии спасения. Они вывалили на нас целый грузовик народу — человек тридцать или сорок.

Ларри Шиппен: Некоторые из этих празднующихся просто бессовестно пользовались возможностью поест на дармовщину. Свами им не особо нравился, поскольку был, по их словам, похож на ортодоксального священника, а им больше нравилось все «неортодоксальное». Они были настоящие циники.

Те, кого больше интересовала философия и у кого были какие-то вопросы, — люди, жаждавшие духовной пищи, — навещали Свамиджи в его квартире. К нему приходили люди, обеспокоенные войной во Вьетнаме, и те, у кого были какие-то личные неприятности: кто-то был не в ладах с законом, кто-то страдал от последствий употребления наркотиков, от неурядиц в семье или школе.

Многих жителей Сан-Франциско беспокоил большой наплыв молодежи в город, создававший почти неразрешимые социальные проблемы. Полиция и работники социальных служб беспокоились о состоянии здоровья хиппи, об их нищете и плохих условиях быта, особенно в Хайт-Эшбери. Некоторые зажиточные горожане боялись, что хиппи заполонят весь город. Поэтому местные власти приветствовали инициативу, которую взял на себя храм Свами Бхактиведанты, и когда появилась идея организовать совет, который помог бы найти выход из создавшейся ситуации, власти попросили Свами Бхактиведанту принять участие в его работе. Он согласился, но после первой же встречи потерял к дальнейшему сотрудничеству всякий интерес. Его предложения по разрешению проблемы никого особо не заинтересовали.

Учитель Субрамунья: Многие влиятельные граждане Сан-Франциско были рады тому, что Свами Бхактиведанта работает с молодежью. Молодые люди того времени находились в поиске, им нужен был лидер, крупная фигура, тот, кто смог бы пробудить в них интерес и сказать, что можно делать, а что нельзя. Все единодушно признавали: этим молодым людям никто не указ, они совершенно отбились от рук. Они принимали наркотики и т. д. Но Свамиджи говорил им, что делать, и они слушались его. Все были ему благодарны, особенно молодежь.

Харшарани: Врачи понятия не имели, как помочь людям, пристрастившимся к ЛСД. Ни полиция, ни бесплатные больницы не справлялись с наплывом людей, принимающих ЛСД. А Свамиджи был в глазах полиции кем-то вроде утешителя, прибежища для этих людей.

Майкл Боуэн: Бхактиведанта обладал поразительной способностью, вселяя в людей веру в Бога, отучать их от наркотиков, особенно от амфетамина, героина и ЛСД — от всей этой дряни.

Харидас: Ранним утром полиция обычно проезжала по парку и подбирала спящих там подростков, которые сбежали из дому. Они задерживали их и пытались отправить обратно домой. Хиппи нуждались в любой помощи, которую им могли оказать, и они сами знали об этом. Храм Радхи-Кришны был для них чем-то вроде духовной гавани. Подростки это чувствовали. Они бесцельно слонялись по городу, жили на улице, им некуда было пойти и негде было отдохнуть, не боясь того, что люди причинят им зло. Многие из них буквально вваливались в храм. Я думаю, наш храм многим спас жизнь; число жертв и несчастных случаев было бы гораздо больше, если бы не «Харе Кришна». Это было все равно что открыть храм на поле боя. Более неподходящего места для храма, пожалуй, не найти, но здесь храм был нужнее, чем где бы то ни было еще. И хотя раньше Свами никогда ни с чем подобным не сталкивался, он пришел туда с мантрой Харе Кришна, и его мантра творила чудеса.

Бхактиведанта Свами знал, что помочь людям может только сознание Кришны. У других были другие способы, но Свамиджи считал это «латанием дыр». Он знал, что истинная причина страданий — отождествление себя с телом, проистекающее из невежества. Как может кто-то помочь себе (не говоря уж о других), не зная, кто он такой, не зная того, что тело — лишь оболочка души, истинного «я», которое может стать счастливым только в своем изначальном положении, положении вечного слуги Кришны?

Господь Кришна воспринимает каждого, кто обратился к Нему, как добродетельную душу, и даже самое скромное служение не пропадет даром и может спасти человека в момент смерти. Зная об этом, Бхактиведанта Свами открывал двери каждому, даже самым жалким и заблудшим. Но чтобы бальзам сознания Кришны возымел действие, заблудшая душа должна была сначала на какое-то время остаться с преданными, петь, задавать вопросы, слушать и применять услышанное в жизни.

Как и обещал Аллен Гинзберг пяти тысячам хиппи, собравшимся в «Авалоне», ранние утренние киртаны в храме Радхи-Кришны вдыхали новую жизнь в тех, кто «отходил» от ЛСД и хотел «стабилизировать свое сознание». Иногда по утрам в храм заходил сам Аллен, приводя с собой знакомых, с которыми провел бессонную ночь.

Аллен Гинзберг: В шесть тридцать мы отправились на космическую станцию Свами Бхактиведанты, чтобы попеть и немного подзаправиться сознанием Кришны. Там было около тридцати или сорока человек. Все пели «Харе Кришна» на мелодию, которую придумали специально для утренних

киртанов. Один паренек, увидев это, сначала немного напрягся, но потом расслабился и сказал мне:

— Знаешь, сначала я подумал: «Это еще что такое?» Но потом вдруг понял, что вылетел из реальности. Хотя я и присутствовал там, меня там не было.

Но бывало и так, что «отходившие» влетали в храм прямо посреди ночи, совершая там вынужденную посадку. Однажды преданные, спавшие в храме, были разбужены стуком в дверь, огнями полицейской машины и криками. Было два часа ночи. Когда они открыли дверь, в храм ввалился рыжий бородатый хиппи.

— Кришна, Кришна! Помоги мне! — вопил он. — Не отдавайте меня им! Ради Бога, помогите!

Полицейский заглянул в дверь и улыбнулся:

— Мы решили привезти его сюда, мы подумали, может быть, вы, ребята, поможете ему.

— Мне плохо в этом теле, — закричал хиппи, когда за полицейскими захлопнулась дверь.

Он начал лихорадочно повторять *мантру*, побледнев и обливаясь потом от страха. Остаток ночи преданные провели вместе с ним, утешая его и читая *мантру*. Так продолжалось до тех пор, пока Свамиджи не спустился, чтобы провести утренний *киртан* и прочесть лекцию.

Преданные часто посылали молодых людей с их проблемами к Свамиджи. Практически кто угодно мог прийти к нему и отнять у него драгоценное время. Однажды, гуляя по Сан-Франциско, Равиндра-Сварупа встретил человека, который утверждал, что, когда он был во Вьетнаме, к нему приходили марсиане. Этот человек, который только что выписался из больницы, сказал, что марсиане даже разговаривали с ним. Равиндра-Сварупа рассказал ему о книге Свамиджи «Легкое путешествие на другие планеты», которая подтверждала существование жизни на других планетах, и посоветовал ему поговорить со Свамиджи, потому что тот наверняка сможет больше рассказать ему о марсианах. Знакомый Равиндра-Сварупы пришел к Свами на квартиру.

— Да, — подтвердил Свамиджи, — марсиане действительно существуют.

Однако постепенно последователи Свамиджи стали более внимательны к своему духовному учителю и начали ограждать его от нежелательных, по их мнению, посетителей. Одним из таких людей был Кролик — наверное, самый грязный из всех хиппи в Хайт-Эшбери. Он постоянно ходил нечесаным, с грязными волосами, в которых кишели вши. Он одевался в засаленные лохмотья, а от его покрытого коростой тела исходило страшное зловоние. Он во что бы то ни стало хотел встретиться со Свамиджи, но преданные запрещали ему, не желая, чтобы он своим зловонием осквернил комнату Свамиджи. Однако в один из вечеров после лекции Кролик стал ждать Свамиджи у дверей храма. Как только Свамиджи вышел, Кролик спросил:

— Можно ли мне прийти поговорить с вами?

Свамиджи согласился.

Почти каждый вечер кто-нибудь приходил к Свамиджи, чтобы поспорить с ним. Один субъект всегда являлся с готовыми аргументами из какой-нибудь философской книги, которые зачитывал вслух. Свамиджи всякий раз одерживал над ним победу, но парень шел домой, готовил новые аргументы и возвращался назад со своей книгой. Однажды вечером, после того как он представил очередной довод, Свамиджи молча смерил его взглядом, даже не удостоив ответом. Пренебрежение Свамиджи было его очередной победой, после чего парню не оставалось ничего другого, как встать и уйти.

Израэля, как и Кролика, в Хайт-Эшбери знали все. Свои длинные волосы он собирал в хвост на затылке и во время *киртанов* часто играл на трубе. Однажды после вечерней лекции Израэль поднялся и спросил:

— Мне нравится это пение, но что оно может дать миру? Что оно принесет человечеству?

Свамиджи ответил:

— А вы разве не из этого мира? Если вам оно нравится, то почему не может понравиться другим? Так что пойте громче.

Человек с усами, сидевший в глубине комнаты, спросил:

— Это правда, что вы — *гуру* Аллена Гинзберга?

Многие преданные знали, что вопрос этот с подвохом и на него одинаково трудно ответить и «да», и «нет».

Свамиджи ответил:

— Я не считаю себя ничьим *гуру*. Я — слуга всех живых существ.

Для преданных ответ Свамиджи сделал этот диалог трансцендентным. Свамиджи не просто дал умный ответ, с честью выйдя из затруднительного положения; в его ответе прозвучало глубокое и неподдельное смирение.

Однажды утром в храм на лекцию пришла супружеская пара. Женщина держала на руках ребенка, а у мужчины за плечами висел рюкзак.

Когда настало время для вопросов и ответов, мужчина спросил:

— Скажите, что мне делать с моим умом?

Свамиджи дал ему подробный философский ответ, но мужчина продолжал твердить:

— Что мне делать с моим умом? Что мне с ним делать?

Обратив на него умоляющий, исполненный сострадания взгляд, Свамиджи сказал:

— У меня нет другого средства. Пожалуйста, повторяйте *мантру* Харе Кришна. У меня нет другого объяснения. И нет другого ответа.

Но мужчина все никак не мог успокоиться. Наконец одна из учениц Свамиджи, прервав его, сказала:

— Делайте, что вам говорят. Попробуйте.

А Свамиджи взял в руки *карталы* и начал *киртан*.

Как-то вечером во время лекции в храм ворвался парень и объявил, что на Хайт-стрит вот-вот начнется бунт. Свами должен немедленно выйти, обратиться к толпе и всех успокоить. Мукунда вмешался и сказал, что

Свамиджи никуда не пойдет, там обойдутся и без него. Но юноша глядел Свамиджи прямо в глаза и словно ставил ему ультиматум: если Свамиджи сейчас же не выйдет, начнется бунт, и вина за это ляжет на Свамиджи.

— Да, я готов, — сказал Свамиджи, словно собирался выполнить его требование. Но никто никуда не пошел, и никакого бунта не было.

Обычно во время *киртана* по крайней мере один из присутствующих начинал танцевать, любуясь собой и не обращая внимания на всех остальных и при этом порой доходя до такой степени неприличия, что Свамиджи приходилось его останавливать. В один из вечеров, еще до того, как Свамиджи спустился вниз, какая-то девушка в мини-юбке во время *киртана* начала извиваться и кружиться. Кто-то из учеников Свамиджи поднялся к нему и спросил, что с ней делать. Тот ответил:

— Не обращайтесь на нее внимания. Пусть она отдает свою энергию Кришне. Я скоро спущусь и посмотрю сам.

Когда Свамиджи пришел в храм и начал новый *киртан*, девушка, которая была невероятно худой, снова начала извиваться и кружиться по комнате. Свамиджи открыл глаза и увидел ее; он нахмурился и посмотрел на своих учеников, выказывая неудовольствие. Одна из женщин подошла к девушке и вывела ее на улицу. Через несколько минут девушка вернулась, одетая в мужские брюки, и танцевала уже более сдержанно.

В другой раз Свамиджи сидел на своем месте, читая лекцию в битком набитом храме, когда одна упитанная девица, сидевшая у окна, вдруг вскочила со своего места и начала истошно кричать:

— Эй, вы! Долго вы еще собираетесь там сидеть? — вопила она. — Что вы еще намерены делать? Вставайте! Вы хотите еще что-то сказать? Что вы собираетесь делать? Кто вы, вообще, такой?

Ее выходка была настолько неожиданной, а слова такими дерзкими, что все продолжали сидеть в растерянности, не зная, что предпринять. Без тени гнева на лице Свамиджи спокойно сидел на своем месте, не говоря ни слова в ответ. Он казался уязвленным. Только преданные, сидевшие к нему ближе всех, слышали, как он тихо, словно обращаясь к самому себе, пробормотал:

— Какая тьма! Боже мой, какая непроглядная тьма!

Однажды во время вечерней лекции какой-то парень подошел и сел рядом со Свамиджи на возвышение. Он оглядел слушателей и, прервав Свамиджи, заговорил:

— А теперь я хочу вам кое-что сказать.

Свамиджи вежливо ответил:

— Подождите, пожалуйста, пока закончится лекция. Тогда вы сможете задать свои вопросы.

Парень подождал еще несколько минут, по-прежнему оставаясь на помосте, а Свамиджи продолжал лекцию.

Вдруг парень опять прервал его:

— Сейчас буду говорить я. Я хочу сказать то, что должен сказать.

Ученики Свамиджи, которые сидели среди слушателей, молча следили за происходящим, надеясь, что Свамиджи сам как-нибудь выйдет из этого неловкого положения. Никто из них ничего не предпринимал, все сидели и ждали, что будет дальше, а парень стал бормотать что-то бессвязное.

Тогда Свамиджи взял свои караталы:

— Ну что ж, начнем киртан.

В течение всего киртана парень продолжал сидеть рядом со Свамиджи, то безумно, то угрожающе глядя на него. Через полчаса киртан закончился.

Свамиджи, по своему обыкновению, взял яблоко и разрезал его на ломтики. Затем, взяв нож и ломтик яблока в правую руку, он протянул его парню. Тот посмотрел на Свамиджи, на нож и на яблоко. В комнате повисла мертвая тишина. Свамиджи сидел, не двигаясь, и с улыбкой глядел на юношу. Прошла долгая, напряженная минута, прежде чем парень протянул руку. Все присутствующие облегченно вздохнули, когда он взял с ладони Свамиджи кусочек яблока.

Харидас: Я всегда наблюдал за тем, как Свамиджи выходит из подобных ситуаций. Можете поверить мне, это было совсем не просто. Это было настоящей проверкой его силы и ума — как вести себя с этими людьми, чтобы не вызвать в них отчуждения или враждебности, не распалить их еще сильнее и не вызвать каких-нибудь осложнений. Он умел так направить их энергию, что они мгновенно успокаивались, подобно младенцу, которого достаточно немного покачать, чтобы он перестал плакать. Свамиджи обладал способностью добиваться этого словами, интонацией и своим терпением; он позволял людям в течение какого-то времени продолжать, давая им возможность выговориться, излить душу. Думаю, он сознавал, что его ученики не могли просто так сказать: «Эй, послушай-ка, дружище, в храме себя так вести нельзя!» Положение было довольно деликатным.

То и дело кто-нибудь заявлял: «Я — Бог». Они принимали наркотики, и временами на них нисходило «озарение» или у них начинались галлюцинации. В такие моменты они старались привлечь к себе всеобщее внимание. Они хотели, чтобы их слушали, и чувствовалось, что у таких людей Свами вызывал озлобление. Временами они могли говорить вдохновенно и поэтично, но надолго их не хватало, и вскоре их речь превращалась в бессвязное бормотание. Но Свами был не из тех, кто просто успокаивает слушателей. Он не собирался нянчиться с ними. Обычно он говорил: «Что вы имеете в виду? Если вы — Бог, то должны быть всеведущим. Вы должны обладать качествами Бога. Вы и в самом деле всеведущий и всесильный?»

Затем он перечислял разные качества, которыми должен обладать человек, чтобы быть аватарой, Богом. С помощью аргументов и логики он доказывал человеку, что тот заблуждается. Он обладал высшим знанием и толковывал людям: «Если вы Бог, то должны суметь сделать то-то и то-то. Способны вы на это?»

Иногда люди воспринимали это как вызов и пытались втянуть Свами в полемику. Внимание слушателей сразу же переключалось на нарушителя

спокойствия, а ему только этого и надо было. Порою возникали очень трудные ситуации. Я только сидел и удивлялся: «Интересно, как он справится с этим типом? Это крепкий орешек». Но Свамиджи было не так-то легко одолеть. Даже если ему не удавалось убедить своего оппонента, он убеждал слушателей, располагая их к себе, и это вынуждало человека замолчать. Свамиджи снова овладевал вниманием слушателей, показывая им, что этот человек не знает, о чем говорит. И тот чувствовал, что настроение в аудитории меняется, что его уже никто не желает слушать, никто не верит его болтовне, поэтому он быстро умолкал.

Таким образом, Свамиджи переубеждал скорее слушателей, чем спорщика. И при этом он никогда не уязвлял человека. Ему удавалось это не только потому, что он превосходил всех по интеллекту. Главное было то, что в нем всегда жило сострадание к людям. Наблюдая за ним в подобных ситуациях, я осознавал, что он — великий учитель и великий человек. Свамиджи обладал удивительной способностью не задевать самолюбия человека, не причинять ему боли — ни физической, ни моральной, — так что, когда его оппоненты умолкали и садились на свое место, в них не было ни гнева, ни раздражения, и они не чувствовали себя задетыми. Каким-то чудом Свами удавалось их перехитрить.

Бхактиведанте Свами не давали покоя, даже когда он работал над книгами у себя в комнате. Однажды под его окна съехались полицейские машины и кареты скорой помощи с мигалками и сиренами: «ангелы ада» устроили драку в магазине диггеров^[3] в здании напротив.

В другой раз, около половины второго ночи, когда Свамиджи наговаривал на диктофон свою книгу «Учение Шри Чайтаньи», в дверь его квартиры настойчиво постучала какая-то девушка. Сначала он не обратил на это внимания. С тех пор как он приехал в Сан-Франциско, ему удалось написать немало страниц этой важной книги. В беседах Господа Чайтаньи с Рупой Госвами, Санатаной Госвами, Раманандой Раем и другими вайшнавами раскрывалось множество вопросов, связанных с сознанием Кришны, в «Бхагавад-гите» затронутых лишь вскользь. На Западе почти никто не знал об учении Господа Чайтаньи, поэтому Бхактиведанта Свами хотел собрать Его наставления в одной книге, которая будет самым полным описанием системы бхакти-йоги на английском языке. Эта книга станет солидным подспорьем для Движения сознания Кришны. Но сейчас он не мог сосредоточиться из-за стука в дверь и криков девушки.

Поднявшись из-за стола, Бхактиведанта Свами вышел в гостиную, но открывать не стал:

— Кто там?

— Я хочу поговорить с вами, — ответила девушка.

— Приходите позже, утром.

Он знал, что в Сан-Франциско, как и в Нью-Йорке, ему не дадут спокойно писать. Проповедь в Америке предполагала, что иногда придется терпеть и

такое: какая-то сумасшедшая посреди ночи стучит в дверь, прерывая его экстатическую медитацию на игры Господа Чайтаньи. Заблудшие души с Хайт-Эшбери: и воображавшие себя мудрецами, и умолявшие о помощи, и нагло бросавшие ему вызов — все они отвлекали внимание Свамиджи от его миссии, работы над переводами и комментированием священных писаний. Сейчас Свамиджи был в квартире один. Не открывая двери, он велел незваной гостье идти домой. Он сказал, что должен работать, и пообещал, что примет ее сегодня же, только позже.

Он готов был разговаривать с хиппи хоть весь день напролет, по ранние утренние часы предназначались исключительно для литературной работы. Проповедь обусловленным душам во время личных встреч была очень важным делом; он, собственно, и приехал, чтобы им проповедовать. Но в эти утренние часы он через свои книги обращался лично к каждому жителю планеты, и этому никто не должен был мешать.

Однако девушка продолжала стучать и звать, и Свамиджи наконец сдался. Перед ним на лестничной площадке стояла девушка-подросток с остекленевшим взглядом, совершенно безумная на вид. Он спросил, что ей надо. Девушка молчала.

— Говори, — велел он.

Она шагнула в комнату. Свамиджи увидел, как беспомощна эта девушка — создание, тонущее в океане *майи*, — и несколько раз переспросил, что ей нужно. В конце концов, широко раскрыв глаза, девушка закричала:

— Смотри-и-ите! *Маха ула!*

Свамиджи решил разбудить Мукунду, который жил по соседству, и босиком вышел на лестницу. Девушка пошла за ним и захлопнула за собой дверь. Теперь Свамиджи не мог попасть в свою квартиру. Сумасшедшая продолжала вызывающе пялиться на него. Он остался наедине с ней, на этой мрачной и пустой лестничной площадке, среди наглухо закрытых дверей.

Вот потому-то *бабаджи* из Вриндавана и повторяли святое имя, никогда не покидая своих хижин: они не хотели, чтобы их беспокоили безбожники. (Этим *бабаджи*, конечно, и в страшном сне не могли привидеться подобные безумные вторжения во мрак наркотической ночи Сан-Франциско.)

Свамиджи постучал к Мукунде и громко позвал:

— Му кун да! Мукунда!

Мукунда вскочил и открыл дверь. Увидев своего духовного учителя босиком на лестничной клетке, а позади него — девчонку с дикими глазами, он был потрясен. Сам Свамиджи оставался серьезным и невозмутимым.

— Она ко мне постучалась, — пояснил он.

Свамиджи вкратце объяснил, что случилось и что нужно сделать. В нем не чувствовалось ни гнева, ни испуга. Он попросил Мукунду не обижать девушку.

Мукунда вспомнил, как в Нью-Йорке Свамиджи пришлось спасаться бегством от своего соседа по чердаку Дэвида Аллена, спятившего от ЛСД. Свамиджи и тогда оставался невозмутимым, хотя попал в неприятную и опасную ситуацию. Мукунда спустился и разбудил Хаягриву, у которого был

ключ от квартиры Свамиджи. Бхактиведанта Свами вернулся к себе и возобновил работу над «Учением Шри Чайтаньи».

Мукунда выпроводил девушку на улицу и объяснил ей, что Свами пожилой человек и его нельзя беспокоить в такое время. Пристально посмотрев на него, девушка сказала:

— Ты не готов, — и ушла восвояси.

В семь часов, когда Бхактиведанта Свами спустился в храм, чтобы прочитать утреннюю лекцию, девушка сидела среди гостей, теперь уже более спокойная. Она подошла к нему и извинилась. Позже в тот день Свамиджи, смеясь, рассказывал об этом случае, вспоминая, как он несколько раз переспросил девушку, зачем она пришла. Широко раскрыв глаза, он передразнил ее:

— Смотрите! *Маха ула!* — и рассмеялся.

* * *

— В половине седьмого мы пойдем гулять, — сказал Свамиджи однажды утром. — Отвезите меня в парк.

Несколько учеников сопровождали его до Стоув-Лейк — озера в Голден-Гейт-парк. Они хорошо знали эти места и вели Свамиджи по живописным дорожкам вокруг озера, через мост, по лесным тропинкам, через маленький ручеек; они надеялись, что, любуясь красотами природы, Свамиджи получит удовольствие.

Быстро шагая по парку, Свамиджи то и дело указывал на какое-нибудь дерево или останавливался, чтобы рассмотреть цветок.

— Что это за дерево? — спрашивал он. — Что это за цветок?

Ученики, как правило, не знали.

— Когда Чайтанья Махапрабху шел через вриндаванский лес, — сказал он, — все кусты, лианы и деревья радовались, глядя на Него. Там, как и в духовном мире, даже растения обладают сознанием.

— А эти деревья, Свамиджи, — насколько развито их сознание?

— О, у них есть душа, — ответил Бхактиведанта Свами, — но их сознание временно сковано. Их восприятие более ограничено.

Свамиджи на все смотрел через призму священных писаний, и его замечания даже по поводу самых обычных вещей были исполнены глубокого духовного смысла. Идя по парку, он размышлял вслух:

— Тот, кто хочет увидеть Бога, должен сначала обрести качества, необходимые для этого. Он должен очиститься. Как это облако, которое сейчас закрывает от нас солнце. Люди говорят: «Солнце скрылось», но оно на своем месте, просто наши глаза не видят его.

Как заправские экскурсоводы, преданные показывали Свамиджи самые живописные уголки парка. Они подвели его к лебедям, плавающим по зеркальной глади озера.

— «Шримад-Бхагаватам», — сказал Свамиджи, — сравнивает преданных с лебедями, а книги о Господе Кришне — с кристально чистыми озерами.

Непреданных же, продолжал он, как ворон, привлекают гниющие отбросы мирских тем.

Идя по гравийной дорожке, он остановился и сказал:

— Посмотрите на эту гальку. Сколько тут камешков, столько существует вселенных. И в каждой — бесчисленное количество живых существ.

Преданные радовались, как дети, когда привели Свамиджи к ущелью, заросшему рододендронам, — большие кусты были усыпаны белыми и розовыми цветами. Они чувствовали себя избранниками судьбы, которым выпала удача видеть Кришну глазами Свамиджи.

На следующее утро, когда Свамиджи снова захотел отправиться в парк, вместе с ним пошло уже гораздо больше преданных. От других они слышали, что во время прогулки у Свамиджи совсем другое настроение. Они уже хотели было показать ему новые тропинки вокруг озера, но он, ни слова не говоря, стал ходить взад и вперед по усыпанной гравием дорожке.

Через некоторое время группа преданных во главе со Свамиджи набрела на стаю спящих уток. Разбуженные звуком их шагов, утки закричали, захлопали крыльями и бросились прочь. Несколько преданных выбежали вперед и стали разгонять их с дороги, чтобы Свамиджи мог пройти. В ответ утки обиженно закричали.

— Эй, утки! Кыш отсюда! — махнул на них преданный. — Не мешайте Свамиджи!

Свамиджи тихо сказал:

— Мы думаем, что они мешают нам, а они думают, что мы мешаем им.

Свамиджи остановился под раскидистым деревом и указал на птичий помет на земле.

— Что это значит? — спросил он, повернувшись к стоявшему рядом юноше.

Лицо Свамиджи было серьезным.

Юноша покраснел:

— Я... э-э... я не знаю.

Свамиджи молчал, задумавшись и ожидая объяснения. Преданные сгруппировались вокруг него. Пристально вглядываясь в узоры птичьего помета на земле, юноша думал, что Свами, вероятно, ждет, что он расшифрует некий скрытый смысл, который заключен в образовавшемся на земле рисунке, подобно тому, как люди предсказывают будущее, гадая на кофейной гуще. Он чувствовал, что должен что-то сказать.

— Это... э-э... экскременты, испражнения... э-э-э... птиц.

Свамиджи улыбнулся и повернулся к остальным, надеясь услышать ответ. Все как воды в рот набрали.

— Это значит, — сказал Свамиджи, — что птицы жили на этом дереве больше двух недель.

Он засмеялся:

— Даже птицы привязаны к своим жилищам.

Когда они проходили мимо площадок для игры в шафлборд, где сидело несколько пожилых людей, играющих в шашки, Свамиджи остановился и повернулся к своим спутникам.

— Посмотрите, — сказал он, — старые люди в этой стране не знают, куда себя деть и чем заняться. Поэтому они играют, как дети, бессмысленно растрачивая свои последние дни, которые человек должен посвятить развитию в себе сознания Кришны. Их дети уже выросли и ушли от них, и сейчас им самое время подумать о душе. Так нет же. Они заводят себе собаку или кошку и, вместо того чтобы служить Богу, служат догу. Этих людей можно только пожалеть. Но если вы скажете им об этом, они не станут вас слушать. Их уже не свернуть с пути. Поэтому мы обращаемся к молодым, ищущим людям.

Когда Свамиджи со своими учениками проходил мимо пологой зеленой лужайки около Кезар-Драйв, ребята сказали ему, что это и есть знаменитый Холм хиппи. Ранним утром на пологом склоне холма и большом лугу, окруженном эвкалиптами и дубами, было тихо и спокойно. Но через несколько часов сотни хиппи соберутся здесь, разлягутся на траве, встретятся с друзьями и погрузятся в наркотический транс. Свамиджи предложил своим ученикам приходить сюда и проводить здесь *киртаны*.

23 Афера мистера Пэйна

К СВОЕМУ удивлению, нью-йоркские ученики Свамиджи обнаружили, что с его отъездом их духовная жизнь не прекратилась, хотя поначалу им довольно тяжело было рано вставать, ездить в храм и проводить утренние *киртаны* и лекции. Без Свамиджи все это казалось им бессмысленным. Но он сказал им, что нужно делать в его отсутствие, и постепенно все поняли, что должны просто следовать его примеру или хотя бы подражать, как ребенок подражает своим родителям.

И это сработало! Поначалу преданные стеснялись сами читать лекции или вести *киртаны* и поэтому просто включали магнитофонные записи *киртанов* и лекций Свамиджи. Но по вечерам, когда в храм приходили гости, преданные испытывали внутреннее побуждение проповедовать самим, «вживую». Рая-Рама, Брахмананда, Сатсварупа и Рупануга по очереди давали короткие лекции и даже пытались отвечать на каверзные вопросы все той же аудитории Нижнего Ист-Сайда, которую полгода укрощал Бхактиведанта Свами. Получалось довольно слабо: Свамиджи явно не хватало. Но в каком-то смысле он по-прежнему был с ними. Преданные поняли, что и петь, и готовить, и раздавать *прасад*, и проповедовать можно самим.

19 января, всего через три дня после прибытия в Сан-Франциско, Бхактиведанта Свами написал своим нью-йоркским ученикам письмо. Эти ребята стали очень дороги ему, ведь теперь они — его духовные дочери и сыновья. Находясь вдали от родной Индии, он и не подумал писать в первую очередь каким-нибудь индийским знакомым. Будучи *санньяси*, он не испытывал ни малейшего желания поддерживать связь с членами своей семьи или родственниками. Что же касается духовных братьев, то, неоднократно убедившись в их нежелании сотрудничать с ним, Свамиджи не видел особой нужды вступать с ними в переписку. Но, оказавшись в новом городе, среди новых людей и пожиная первые лавры, Свамиджи захотел поделиться впечатлениями с теми, кто больше всех горел желанием получить от него восточку. Кроме того, своим письмом он хотел подбодрить учеников, которым после всего нескольких месяцев подготовки он доверил Движение сознания Кришны в Нью-Йорке.

Мои дорогие Брахмананда,
Хаягрива,
Киртанананда,
Сатсварупа,
Гаргамуни,
Ачьютананда,
Джадурани!

Пожалуйста, примите мое приветствие и благословения от Гуру-Гауранги-Гиридхари-Гандхарвики. Вы уже знаете о нашем благополучном прибытии и о том, как тепло нас встретили местные преданные. Мистер Аллен Гинзберг и еще человек пятьдесят или шестьдесят встретили нас в аэропорту, а когда я приехал к себе на квартиру, там нас ждали репортеры из газет, которые расспросили меня о моей миссии. Две или три газеты, такие как «Игземинер» и «Кроникл», уже опубликовали сообщения на эту тему. Одну из статей я прилагаю к этому письму. Я хочу, чтобы вы немедленно распечатали тысячу экземпляров этой статьи, а сто экземпляров как можно скорее послали сюда.

Я понимаю, что вам меня не хватает. Кришна даст вам силу. Физическое присутствие не так важно — основой нашей жизни должен стать трансцендентный звук, полученный от духовного учителя. В этом залог нашего успеха в духовной жизни. Если вы слишком остро переживаете разлуку со мной, то можете поставить на те места, где я обычно сидел, мои фотографии — это станет для вас источником вдохновения.

Я с большим нетерпением жду известий об окончательном результате переговоров по покупке здания. Я хотел бы провести открытие нового храма 1 марта 1967 года, а для этого нужно сделать всё быстро. Я так и не получил новые пленки для диктофона, а пленки с готовыми записями отослал вам вчера. Пожалуйста, передайте мои благословения Шриману Нилу.

Шриман Рая-Рама хорошо готовит и раздает *прасад* преданным, которых иногда набирается до семидесяти человек. Это очень воодушевляет. Я думаю, здешний центр очень скоро станет прекрасным филиалом нашего Общества. Перспективы очень хорошие. Надеюсь, что у вас все в порядке. Жду вашего скорого ответа.

Письмо помогло — особенно второй абзац. Брахмананда переписал его и повесил в храме на стене. Свамиджи недвусмысленно дал понять, что преданные так же неразлучны с ним, а сам он — по-прежнему с ними, в Нью-Йорке. В этом было что-то необычное — служить духовному учителю в разлуке. Даже преданным из Сан-Франциско, которые общались со Свамиджи каждый день, был пока неведом особый вкус такого служения. Занимаясь повседневными делами, нью-йоркские преданные часто цитировали это письмо и размышляли над его словами: «Кришна даст вам силу. Физическое присутствие не так важно — основой нашей жизни должен стать трансцендентный звук, полученный от духовного учителя. В этом залог нашего успеха в духовной жизни».

Свамиджи написал, что они могут поставить на сиденье его фотографию, но фотографии ни у кого не было. Им пришлось попросить ее у преданных из Сан-Франциско. Какой-то парень сделал несколько блеклых цветных снимков и послал их в Нью-Йорк. Одну из фотографий преданные поставили на сиденье Свамиджи в его квартире. Это помогло.

Для Бхактиведанты Свами это письмо нью-йоркским ученикам тоже было своего рода вехой. Именно так он намеревался руководить своим всемирным

Движением. Даже путешествуя из города в город, он мог бы одновременно присутствовать в разных местах через свои наставления.

Брахмананда, будучи управляющим нью-йоркским храмом, часто звонил в Сан-Франциско.

— Главное — это повторение *мантры*, — объяснял он Хаягриве. — Мы всегда можем сесть и повторять. Мы начинаем понимать, что имел в виду Свамиджи, когда говорил, что поклонение в разлуке приносит больше наслаждения.

Бхактиведанта Свами писал нью-йоркским ученикам регулярно, как минимум раз в неделю. Брахмананда обычно получал указания, касающиеся ведения дел: организовать покупку здания в Нью-Йорке, встретиться с мистером Колменом и забрать у него пластинки с записью *киртана*, достать ленту с фильмом о преданных, который снял какой-то режиссер, изучить возможность издания «Бхагавад-гиты». «Если мне будет помогать опытный секретарь, — писал Свамиджи Брахмананде, — мы сможем издавать по книге каждые три месяца. Чем больше у нас будет книг, тем больше нас будут уважать».

Сатсварупу Свамиджи просил транскрибировать пленки с текстом новой книги «Учение Шри Чайтаньи». Хотя Нил, который печатал для Свамиджи, поехал за ним в Сан-Франциско, на следующий день он куда-то исчез.

«У меня с собой три пленки; значит, у тебя должно быть пять, — писал Бхактиведанта Свами. — Главное, не потеряй». Сатсварупа в одном из своих писем спрашивал, как ему обрести способность постичь духовную науку. «Ты искренний преданный Господа, — отвечал Свамиджи, — поэтому Он, несомненно, благословит тебя способностью понимать духовные темы».

Рая-Рама получил письмо, в котором Бхактиведанта Свами вдохновлял его продолжать издание журнала: «„Бэк ту Годхед“ всегда останется той опорой, на которой будет держаться наше общество... Ты должен постоянно думать о том, как улучшить журнал...»

Ачьютананда, один из самых молодых преданных (тогда ему было всего восемнадцать), теперь работал на кухне один. В послании, которое Бхактиведанта Свами адресовал сразу пятерым преданным (поставив отдельную подпись под каждой из его частей), он писал Ачьютананде: «Без Киртанананды на твои плечи, конечно, ложится дополнительная нагрузка. Но чем больше ты служишь Кришне, тем сильнее становишься. Я надеюсь, твои духовные братья тебе помогают».

Гаргамуни, которому тоже было восемнадцать, Свамиджи советовал сотрудничать со старшими духовными братьями. Он спрашивал у Гаргамуни, навещал ли тот свою мать, и выражал надежду, что у нее все благополучно. Поскольку Гаргамуни был казначеем храма, Свамиджи наказывал ему: «Подписывая чеки, будь предельно внимателен».

А Джадурани Свамиджи написал: «Я всегда вспоминаю тебя как самую замечательную девушку, ибо ты с великой искренностью служишь Кришне». Она сообщила ему, что ее бросил парень, и Свамиджи ответил: «Лучше

выбери своим мужем Кришну. Он никогда тебе не изменит... Посвящай себя служению Ему круглые сутки, и увидишь, какой счастливой ты станешь».

Рупануга написал Бхактиведанте Свами, что температура в Нью-Йорке опустилась ниже нуля и два дня мело не переставая. Бхактиведанта Свами ответил:

Мне, конечно, было бы затруднительно перенести такую погоду, ведь я уже не молод. Я думаю, Кришна специально послал меня сюда, в Сан-Франциско, чтобы уберечь. Климат здесь совсем как в Индии, и я чувствую себя хорошо, хотя в то же время и не очень: Нью-Йорк стал для меня родным домом, ведь там у меня столько любимых учеников, таких как ты. Я тоскую по вам, так же, как и вы по мне. Но благодаря сознанию Кришны все мы счастливы, где бы ни находились. Пусть Кришна всегда объединяет нас в трансцендентном служении Ему.

Слова духовного учителя и личный опыт прибавили уверенности молодым преданным из Нью-Йорка. Для них служение в разлуке было духовной реальностью. Они делали успехи в повторении *мантры* на четках, и храм в Нью-Йорке продолжал свою деятельность. «Пока мы поем *киртан*, — писал Бхактиведанта Свами, — никаких проблем не будет».

И все-таки одна проблема оставалась — покупка здания. Пока Свамиджи был в Нью-Йорке, все шло гладко, но как только он уехал, начались трудности. Вскоре после отъезда Бхактиведанты Свами в Сан-Франциско Брахмананда дал мистеру Пэйну тысячу долларов, и мистер Пэйн пообещал преданным помочь приобрести здание. Услышав об этом, Свамиджи не на шутку встревожился.

По мнению местных преданных и попечителей, вы пошли на необдуманный риск, отдав тысячу долларов. Я знаю, что ты стараешься сделать все как можно лучше, но тут ты допустил ошибку. Не думай, что я тобой недоволен, но мне говорят, что мистеру Пэйну никаких кредитов никто не предоставит. Он постоянно меняет тактику и под разными предлогами просто тянет время. Поэтому ты больше не должен платить ему ни цента сверх той суммы, которая уже заплачена. Если он снова попросит денег, категорически отказывай.

Бхактиведанта Свами помнил свою первую встречу с мистером Пэйном — белокурым, элегантно одетым бизнесменом, с загорелым, несмотря на зимнее время, лицом, который называл его «Ваше Превосходительство». Одного этого обращения было достаточно, чтобы у Свамиджи пропало к нему всякое доверие. Бенгальцы говорят: «Чрезмерная преданность — признак вора». Свамиджи знал, что бизнесмены вообще склонны обманывать, а американские — особенно. В том, что касалось денег, американские ученики Бхактиведанты Свами были просто малые дети, и он готов был вести их шаг за

шагом. Но сейчас, не посоветовавшись с ним, они вступили в какую-то подозрительную сделку и, не подписав никакого письменного договора, рисковали потерять тысячу долларов, принадлежащих Обществу.

Еще будучи в Нью-Йорке, Бхактиведанта Свами присмотрел дом на Стайвесант-стрит. Это старинное, хорошо сохранившееся здание благородных пропорций вполне подходило для его нью-йоркской штаб-квартиры. Оценивалось оно в сто тысяч долларов, и оставалось только раздобыть необходимую сумму. Но из Сан-Франциско Бхактиведанте Свами трудно было следить за ходом переговоров между Брахманандой и коммерсантами.

А ситуация усложнялась. Из писем и звонков Брахмананды выяснилось, что в сделке замешаны и другие люди. Помимо мистера Пэйна, в ней участвовал мистер Тайлер (владелец здания), адвокат мистера Тайлера, в данном случае действовавший от своего имени, а также адвокат ИСККОН, который тоже преследовал какие-то свои интересы.

Ученики Свамиджи, обычно покорные его указаниям, на этот раз пошли на поводу у коммерсантов, наслушавшись их обещаний (хотя духовный учитель предупреждал их не делать этого). Бхактиведанта Свами забеспокоился. Его проповедь в Сан-Франциско была омрачена опасениями, что коммерсанты обманут его последователей и помешают развитию его Общества в Нью-Йорке.

Поскольку у Свамиджи не было консультантов, к которым можно было бы обратиться за помощью, иногда он обсуждал эту проблему с Мукундой и другими преданными, собиравшимися у него в комнате. Все соглашались, что сделка выглядела очень подозрительно; Брахмананду, похоже, попросту водили за нос.

Однако сам Брахмананда считал мистера Пэйна человеком исключительным — преуспевающим бизнесменом, который к тому же хочет помочь преданным. В отличие от других крупных бизнесменов, не проявлявших к миссии Свамиджи ни малейшего интереса, мистер Пэйн был настроен дружелюбно и охотно выслушивал все, что говорили ему вайшнав, а при встрече приветствовал их словами «Харе Кришна!». Брахмананда не понаслышке знал, что финансовые возможности и социальный статус преданных оставляют желать лучшего. Почти все они в прошлом были хиппи и практически не имели денег. А тут — мистер Пэйн, состоятельный человек, с алмазными запонками, который всегда был рад встрече, жал руку, хлопал по плечу и одобрительно отзывался об индийской религии, равно как и о добродетельной жизни небольшой группы нью-йоркских преданных.

Мистер Пэйн приглашал их к себе домой и для каждого находил теплые слова. Хаягриву он назвал превосходным писателем и сказал, что нет журнала лучше, чем «Бэк ту Годхед». А что до его «любительского» вида — так это даже добавляет ему притягательности, и смотрится он гораздо лучше, чем многие популярные журналы! Он пообещал преданным подарить им свой кинопроектор. А в конце договорился до того, что дал слово, если удастся покрыть кое-какие расходы, просто *подарить* преданным здание.

Брахмананда встречался с мистером Пэйном по несколько раз в неделю и всякий раз возвращался, опьяненный большими надеждами. Благодаря покровительству этого богача Движение сознания Кришны ожидал огромный успех. Вечером, после беседы с мистером Пэйном, Брахмананда возвращался из его офиса и рассказывал преданным, что произошло на встрече. В свободные от публичных *киртанов* вечера преданные устраивали собрания — Свамиджи называл их *ишта-гоштли*, — чтобы обсудить наставления духовного учителя. Теперь главной темой этих собраний были мистер Пэйн и предстоящая покупка здания.

В один из таких вечеров Брахмананда объяснил, зачем он отдал мистеру Пэйну тысячу долларов: тот попросил «кое-что на предварительные расходы». Это было что-то вроде задатка. А еще ему требовалось съездить в Питсбург, посмотреть, не сможет ли он пожертвовать часть своего состояния на служение Кришне.

Кто-то из ребят спросил, дал ли Пэйн расписку или какой-то другой документ. Свамиджи приучил их давать расписки — как минимум друг другу. Гаргамуни и Сатсварупа как казначей и секретарь аккуратно подписывали каждый чек, и Гаргамуни подшивал чеки в папку. Это касалось даже таких расходов, как «пятьдесят центов на шапку» и «три доллара на тапочки». Брахмананда сказал, что намекнул мистеру Пэйну о письменном договоре, но особо не настаивал. В любом случае это и необязательно, и даже нежелательно. Ведь их отношения с мистером Пэйном не ограничивались только бизнесом: Пэйн был их доброжелателем и другом, готовым помогать им абсолютно бескорыстно. Он собирался воспользоваться своими связями, чтобы помочь им заполучить здание, а тысяча долларов нужна была для того, чтобы продемонстрировать серьезность их намерений: он хотел показать своим друзьям, что преданные не шутят и у них водятся деньги.

Кое-какие деньги у преданных действительно были — десять тысяч долларов, половина из которых накопилась из небольших пожертвований, а вторую дал один богатый хиппи. Помимо пожертвований, у храма был постоянный ежемесячный источник дохода: четыреста долларов из зарплаты Брахмананды, который зарабатывал тем, что подменял учителей в школе, и четыреста долларов, которые получал Сатсварупа как работник службы социальной защиты.

Но купить здание — хоть какое-нибудь — преданные были не в состоянии и прекрасно это знали. Тем больше оснований положиться на мистера Пэйна, объяснял на *ишта-гоштли* Брахмананда. В конце концов, рассуждал он, Свамиджи сам вдохновлял их найти дом за сто тысяч. И Свамиджи, конечно, понимал, что выплатить эту сумму они не смогут, разве что случится чудо. Таким чудом Брахмананда как раз и считал мистера Пэйна. Свамиджи хотел заполучить это здание. Не успел он прилететь в Сан-Франциско, как отправил в Нью-Йорк письмо: «Я с большим нетерпением жду известий об окончательном результате переговоров по покупке здания. Я хотел бы

провести открытие нового храма 1 марта 1967 года, а для этого нужно сделать все быстро».

Преданные, собравшиеся на *ишта-гоштни*, с одобрением слушали объяснения Брахмананды и делились своими мыслями о том, как действуют Кришна и Свамиджи. Кое-кто пытался возразить, но в общем и целом все были согласны: отношения Брахмананды с мистером Пэйном строятся правильно.

Вернувшись из Сан-Франциско в Нью-Йорк, Киртанананда и Рая-Рама поговорили с Брахманандой, после чего тот отправился к мистеру Пэйну. Пэйн пообещал, что в случае, если им не удастся приобрести дом, по крайней мере семьсот пятьдесят долларов он вернет. (Остаток — расходы на поездку, совершённую в их интересах.) Но все будет в порядке, он уверен, и здание они, конечно же, получат.

Затем Пэйн сообщил Брахмананде последние новости: он нашел богатого финансиста, мистера Холла, который уже почти согласился выплатить за здание его полную стоимость, все сто тысяч. Мистер Пэйн пытался уговорить его (Холл оказался его близким другом), и шансы на успех были велики. Но преданные, в свою очередь, тоже должны будут внести лепту, в размере пяти тысяч. А остальное мистер Пэйн возьмет на себя.

Он пригласил преданных на встречу с одним архитектором, своим другом. Брахмананда и Сатсварупа отправились на Парк-авеню и вместе с Пэйном и архитектором стали рассматривать эскизы здания. Чтобы придать зданию вид настоящего индийского храма, архитектор предложил добавить к фасаду арки, а если будет желание, то еще и купола. Храм получался просто изумительный! Разумеется, они даже не осмелились спросить, во что им это обойдется. Но и здесь мистер Пэйн намекнул, что работы, возможно, будут сделаны бесплатно. Под конец он налил себе и архитектору по стаканчику спиртного и предложил преданным выпить с ними (хотя знал наверняка, что они откажутся). Двое друзей чокнулись стаканами, улыбнулись и любезно провозгласили тост в честь друг друга и преданных: «Харе Кришна».

Спускаясь в лифте, мистер Пэйн разглагольствовал о вере преданных в Бога. Он говорил, что другие могут оспаривать существование Бога, но самое убедительное доказательство Его реальности — это личный опыт.

— Вы испытали это на себе, — уверял мистер Пэйн, — и это лучший аргумент. Это очень веское доказательство.

Ребята кивали. Позднее они со смехом вспоминали о возлиянии Пэйна и его друга, но все еще не сомневались, что эти люди хотят им помочь.

Узнав о том, как разворачиваются события, Бхактиведанта Свами не торопился радоваться вместе с учениками. 3 февраля он написал Гаргамуни:

Вчера я разговаривал по телефону с твоим братом Брахманандой. Я рад, что мистер Пэйн пообещал вернуть семьсот пятьдесят долларов, если сделка не состоится. Но ни при каких условиях вы не должны платить ни цента сверх того, что уже заплачено, — ни мистеру Пэйну, ни адвокату — пока не будет

подписан договор о продаже. Сейчас все это дело кажется мне очень темным, поскольку толком не понятно, за что мы заплатили тысячу долларов: юристу за услуги или за недвижимость. Так дела не делаются. Если нет ясного представления о ситуации, о какой сделке может идти речь? Если нет ясного представления, зачем тратить столько времени и сил? Я этого не понимаю. И даже если было все ясно, почему обстоятельства так быстро изменились? Это меня и тревожит. Если не было ясного представления о ситуации, зачем было нанимать юриста? В любом случае я прошу вас, прежде чем отдавать еще какие-то деньги, советоваться со мной. Но я надеюсь, что вам удастся успешно провести сделку без дальнейших проволочек.

Кроме того, Бхактиведанта Свами велел Гаргамуни защитить те десять тысяч, что лежали в банке, и ни в коем случае не выдавать никаких сумм, если при этом на счете останется меньше шести тысяч. Еще до всех этих событий Бхактиведанта Свами открыл счет, с которого преданные могли снимать деньги, но, кроме этого, у него был и собственный счет. Теперь он попросил преданных перевести шесть тысяч долларов с их счета на свой. Он написал Брахмананде: «Я сам перечислю эти шесть тысяч долларов, как только появится договор купли-продажи здания».

10 февраля Бхактиведанта Свами написал Киртанананде:

Что касается здания, я не ошибся в своих замечаниях насчет отсутствия ясного представления о ситуации... В подобных сделках всё должно быть четко и ясно. А тут ничего не ясно и все основывается лишь на доверии к мистеру Пэйну.

Постарайтесь окончательно все прояснить к 1 марта 1967 года, и закроем этот вопрос. Думаю, мне больше нечего сказать на этот счет. Вы уже взрослые ребята. Сами все решите и доведите сделку до конца, не затягивая на неопределенный срок. Однако, даже если мы не купим этот дом, не может быть и речи о том, чтобы сворачивать нашу деятельность на Второй авеню, 26, и переезжать в Сан-Франциско.

15 февраля Бхактиведанта Свами написал Сатсварупе:

Насколько мне удалось понять из писем Брахмананды, по ряду причин мы не сможем приобрести это здание. Главная причина в том, что у нас нет столько денег и никто не собирается вкладывать в это здание средства, поскольку оно, во-первых, не достроено, а во-вторых, не приносит никакого дохода. Надежда на обладание этим домом утопична, а мистер Пэйн просто кормит нас ложными обещаниями.

Все вы — наивные дети, у вас нет никакого житейского опыта. Этот коварный мир в любой момент может обвести вас вокруг пальца. Поэтому, пожалуйста, пребывая в сознании Кришны, действуйте в этом мире осторожно. Когда Кришна захочет, здание само к нам придет.

Вскоре опасения Свамиджи подтвердились: мистер Пэйн написал ему с просьбой дать денег. Если мистер Пэйн такой богатый, рассуждал Свамиджи, зачем ему просить деньги у него, Бхактиведанты Свами?

17 февраля Бхактиведанта Свами написал мистеру Пэйну письмо, в котором попытался донести до него, что перед совершением сделки у ИСККОН на руках должен быть договор купли-продажи.

Если будет договор, я уверен, что мои ученики из Сан-Франциско и Нью-Йорка смогут собрать нужную сумму. Если же договора нет, вся сделка повисает в воздухе, а мистер Тайлер или его адвокат опять в любой момент могут изменить свои условия, как это уже было.

Мнение Бхактиведанты Свами было предельно ясно. Однако Брахмананда жаловался на плохую связь. Обстоятельства то и дело менялись, и Брахмананда не всегда успевал получать от Свамиджи подтверждения насчет последних изменений. Свамиджи давал указания в письмах, и, хотя преданные должны были следовать всему, что он говорит, пока письмо шло, дела уже успевали принять совсем другой оборот. Бывало, что и сам Свамиджи менял свое мнение, когда получал новые известия. Иногда Брахмананда звонил Свамиджи в Сан-Франциско, но не мог его застать. Он не рисковал передавать Свамиджи информацию через преданных, поскольку знал, что в Сан-Франциско скептически относились ко всей этой затее. Ведь если в Нью-Йорке у преданных появится свое здание, то храму Сан-Франциско придется пожертвовать на него тысячу долларов. А у калифорнийских преданных, конечно же, были свои представления, как расходовать средства для Кришны.

Мистер Пэйн попытался убедить нью-йоркских преданных, что, возможно, Свами не понимает, как ведутся подобные дела в Америке. Ведь Его Превосходительство, при всем к нему уважении, не может быть в курсе всех тонкостей товарно-денежных отношений в чужой стране. А просьба Его Превосходительства о договоре купли-продажи была, по словам мистера Пэйна, чем-то давно устаревшим, как «юбка на кринолине». Брахмананда и Сатсварупа не знали, что на это сказать; замечания Пэйна показались им кощунственными. Но они уже запутались в сетях обещаний мистера Пэйна и продолжали с ним встречаться. Они ездили к нему, а после этого возвращались на метро на Вторую авеню, повторяя «Харе Кришна».

Бхактиведанта Свами почти каждый день писал разным преданным в Нью-Йорке. 18 февраля он написал Брахмананде с пометкой «конфиденциально».

Итак, если ты считаешь, что он способен достать для нас деньги, если ты думаешь, что есть какая-то надежда, то можешь продолжать переговоры. Но, ради Кришны, не давай ему больше ни цента, как бы он ни просил. Может быть,

он честно старается, но у него ничего не выйдет. Таково мое искреннее убеждение.

Пытаясь избежать дальнейших потерь в Нью-Йорке, Бхактиведанта Свами не прекращал свою активную проповедь в Сан-Франциско. Мукунда и другие преданные организовывали для него много разных программ, и почти везде его ожидал восторженный прием. В том же самом «конфиденциальном» письме, где обсуждалась стратегия переговоров с Пэйном и его подельниками, Свамиджи ярко описал «грандиозный успех» программ в колледжах в районе залива. Эти программы, писал он, были подобны тем замечательным *киртанам*, что когда-то проводились в Томпкинс-сквер-парк. Именно так следует распространять сознание Кришны, а не ввязываться в дела с ненадежными агентами по недвижимости.

Я вложил в конверт копию письма из Академии Гималаев. Почитай, как им нравится путь, который предлагает наше движение за мир. Поэтому мы не должны останавливаться. Ни один бизнесмен не возьмется помогать нам в утопических проектах, которые предлагает мистер Пэйн. Мы должны действовать самостоятельно. Подводя итог, я скажу, что мы должны заключить договор с мистером Тайлером о покупке здания в рассрочку и расширять наше Движение, проводя как можно больше выездных программ.

Бхактиведанта Свами сделал все, что мог. Парни явно сглупили и дошли уже до того, что не слушают его указаний. Что ж... Деньги они собирали сами, и, если, несмотря на все его предостережения, всё потеряют, что он может поделать? Поэтому он просто продолжил свою проповедь в Сан-Франциско и советовал нью-йоркским преданным также не сомневаться в том, что и им гарантирован успех, если они будут проводить *киртаны*.

24 Нью-Джаганнатха-Пури

БХАКТИВЕДАНТА Свами натянул свитер поверх фуфайки с узким горлом, закутался в *чадар* и в сопровождении нескольких учеников вышел из своей квартиры. Погода была прекрасная: синее безоблачное небо напомнило ему Индию. За час до этого он послал нескольких преданных начать *киртан*, и только что одна девушка прибежала назад и взволнованно застучала в его дверь:

— Свамиджи, там столько народу!

Глиняная *мриданга*, которую он много месяцев назад заказал в Калькутте, наконец прибыла. Сегодня — один из первых случаев за время его пребывания в Америке, когда он будет играть на настоящей глиняной *мриданге*. Ребятам понравится. Он велел обернуть *мридангу* тканью и предупредил парней, чтобы были осторожны: глиняные барабаны очень легко бьются.

До парка было рукой подать. Свамиджи, как всегда, шел очень быстро, так что юные последователи едва за ним поспевали. Они прошли по Фредерик-стрит до ее пересечения со Стэньян-стрит и повернули за угол у лавки с пончиками, которую облюбовали «ангелы ада» (как, впрочем, и кое-кто из преданных). Выйдя на Стэньян-стрит, они быстро прошли мимо автостоянки стадиона «Кезар», контуры которого смутно вырисовывались позади нее. На перекрестке Стэньян- и Уоллен-стрит Свамиджи, не останавливаясь и даже не взглянув на светофор, быстрым шагом вышел на проезжую часть. Один из ребят схватил его за руку:

— Стойте, Свамиджи, — красный!

Но Свамиджи быстро перебежал через дорогу.

Они пошли дальше, в сторону Хайт-стрит, и скоро справа показался парк. Войдя и миновав пруд с утками, фонтаном и растущей на островке ивой, они прошли мимо высоких мамонтовых деревьев и эвкалиптов, распространяющих вокруг себя благоухание. Были там и клены, и дубы, и ясени, и цветущие кустарники, например азалия. Свамиджи сказал, что этот парк напоминает ему бомбейские парки, а сам город подобен святому месту, ибо назван в честь святого Франциска.

Пройдя через пятнадцатиметровый тоннель со свисающими с потолка искусственными сталактитами, они оказались на дорожке, темной от тени высоких, густых деревьев, обступивших ее с обеих сторон. Дорожка вела на луг, сплошь покрытый крошечными маргаритками и клевером и окруженный все теми же мамонтовыми деревьями и эвкалиптами. До Свамиджи донеслось пение, звон *карата* и глухие удары литавр. Выйдя из-под сени деревьев, Свамиджи увидел покатым холм, усыпанный сотнями молодых людей. Одни сидели, другие лежали и грелись на солнышке, третьи курили, четвертые

бросали «летающие тарелки» или просто прогуливались, а у самого подножия холма его ученики проводили *киртан*.

Луг был посещаемым местом. По нему постоянно ходили люди, направлявшиеся в зоопарк и к теннисным кортам. Но сегодня многие прохожие останавливались и толпились в одном месте, метрах в шестидесяти от поющих, и прислушивались к звукам *киртана*. Другие расположились ближе, метрах в пятнадцати, и слушали более внимательно. Сама группа *киртана* состояла из учеников Бхактиведанты Свами и нескольких десятков молодых хиппи, которые, сидя в тесном кругу или стоя рядом, пели, прихлопывали и покачивались в такт барабану и *караталам*.

Место *киртана* преданные украсили самодельными флагами. Это были полотнища размером примерно метр на метр, и на каждом красовался символ какой-то религии. На трехметровом бамбуковом древке, воткнутом в землю, развевалось ярко-красное полотнище с мусульманской желтой звездой и полумесяцем. Рядом колыбался флаг бледно-голубого цвета с темно-синей звездой Давида в центре. И тут же был желтый флаг с санскритской *омкарой*.

Ученики Свамиджи, с длинными волосами и в обычной одежде, почти ничем не отличались от других молодых танцоров и певцов, если не считать больших красных четок на шее. Несколько преданных танцевали, воздев руки к безоблачному небу, другие играли на музыкальных инструментах — *караталах*, литаврах и тех инструментах, которые принесли с собой хиппи и сами преданные. Хаягрива пришел со своим корнетом. Даже маленькие дети участвовали в пении, и даже бродячая собака с важным видом забежала в самый центр группы *киртана*. По воскресеньям лужайка у подножия Холма хиппи обычно превращалась в открытую сцену для всех творческих людей, но сегодня гвоздем программы был *киртан*.

Свамиджи тоже присоединился к поющим. Неожиданно зайдя в круг, он, к удивлению и радости преданных, сел среди них и громко запел, подыгрывая себе на *мриданге*.

Мукунда: *Мы уже слышали, как Свамиджи играет на разных барабанах, и некоторые из нас подыгрывали ему, но когда он взял в руки глиняную мридангу из Индии, это было что-то совершенно иное. Это вызывало чувство, подобное тому, что возникает при встрече двух старых друзей, которые не виделись много лет. Это было так красиво и так естественно — а именно этого не хватало нашим киртанам. Наш экстаз многократно усилился, а Свамиджи, похоже, был счастлив как никогда. То, как он держал барабан, с какой легкостью его пальцы извлекали из него сложные ритмы, задавая темп киртану, — все это говорило о том, что барабан был для него как друг, которого он давно не видел. Свамиджи играл на барабане так, словно разговаривал с земляком. Вот тогда-то мы поняли, что такое настоящий киртан и как он должен звучать.*

Взгляды всех собравшихся на лугу хиппи сразу же обратились на Свамиджи. Он выделялся уже одним своим возрастом и одеждой. Другие посетители парка были преимущественно молодыми людьми в джинсах или

нарядах, обычных для хиппи, а Свамиджи было за семьдесят, и, в отличие от остальных, он был одет в просторные шафрановые одежды. То, с какой радостью преданные приветствовали его, как они кланялись ему и с какой любовью смотрели на него, вызывало у остальных любопытство и уважение. Как только он сел, его окружило несколько детей. Он улыбнулся им и принялся стучать на *мриданге*, а они заворожённо смотрели на то, как он выводит замысловатые ритмы.

Говинда даси: *Приход Свамиджи придал нашему киртану авторитетность, которой ему так недоставало. Теперь мы уже были не просто юнцами из Сан-Франциско, поющими мантру Харе Кришна. С его приходом то, что мы делали, обрело историческую глубину и смысл. Теперь наш самодеятельный киртан как бы получил право на существование. Само его присутствие подтверждало то, что киртан имеет глубокие исторические корни. Вместе со Свамиджи в Голден-Гейт-парк пришла вся цепь ученической преемственности.*

После часового киртана Свамиджи остановился и обратился к толпе:

— Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Это звуковая вибрация, и мы должны помнить, что эти звуки являются трансцендентными. Трансцендентные звуки мантры Харе Кришна привлекают каждого, даже того, кто не понимает смысла этих слов. Это сама красота. Даже дети откликаются на нее...

Свамиджи говорил минут пять, после чего снова начал *киртан*. Одна женщина, с длинными, растрепанными рыжими волосами и малышом на руках, начала подпевать и пританцовывать, делая шаги вперед и назад. Какая-то парочка играла на двух барабанах бонго. Субал, в облегающих вельветовых брюках и просторной белой рубашке, старался танцевать, как учил Свамиджи, хотя при этом больше напоминал танцующего индейца. Маленькая девочка, не старше четырех лет, сидела, скрестив ноги, и сосредоточенно пела, подыгрывая на *караталах*. Изнеженный на вид парень в жилетке и больших, круглых солнцезащитных очках стучал на *кастаньетах*. Равиндра-Сварупа «гудел» на фисгармонии, покачиваясь взад-вперед. Позади него пел зычным голосом Хаягрива, так при этом раскачиваясь, что его длинные волосы и борода взметались в воздух. Рядом стояла девушка в обнимку с двумя парнями: все трое покачивались в такт музыке и подпевали, мирно и блаженно улыбаясь и наслаждаясь *киртаном* и солнцем. Какая-то девушка сидела и молча медитировала, другая, рядом с ней, откровенно и вызывающе танцевала, а позади играл с двумя воздушными шариками пятилетний ребенок.

Свамиджи отложил *мридангу*, встал и, величаво и изящно переступая с ноги на ногу, заиграл на *караталах*. Рядом огромный чернокожий парень танцевал со своей белой подругой так, словно оба они находились в «Авалоне». Девушка неистово трясла головой, и сквозь ее длинные, прямые волосы совершенно не было видно ее лица. Справа от Свамиджи стояла светловолосая, сияющая Нандарани и тоже играла на *караталах*. Иногда

Свамиджи прекращал петь и просто наблюдал за происходящим. Сжатые губы придавали его лицу строгое, но в то же время необычайно терпеливое выражение.

Несколько молодых людей взялись за руки и, образовав хоровод, стали танцевать перед Свамиджи. Потом они окружили его и принялись танцевать вокруг него, по-прежнему не разнимая рук. Они подпрыгивали, кружились и пели «Харе Кришна», он же переступал с ноги на ногу, покачиваясь и величественно хлопая в ладоши. Мягкий розовый цвет его одежды из *кхади* контрастировал с пестрыми нарядами хиппи, и Свамиджи выглядел необычно и удивительно. Он смотрел на поющих, словно молча благословляя их *киртан*.

Танец этих молодых людей был спонтанным и порой принимал откровенно чувственные формы. Но именно так, через тело, они выражали себя. Они взлетали в воздух, подскакивая, как мячи. Иногда танцующие разрывали круг и, выстроившись гуськом, лавировали между шелковыми флагами и сидящими на траве людьми. Мускулистый парень вел за собой подругу с длинными черными косами и черной индейской повязкой на голове, а замыкал процессию юноша, который левой рукой держал за руку девушку, а правой подносил к губам деревянную блок-флейту, то и дело издавая на ней звуки.

Свамиджи устал и сел на траву, рядом с медными литаврами. Прямой и серьезный, словно древний мудрец, он не прекращал играть на *караталах* и петь. Рядом сидела в йогической позе светловолосая девушка. Время от времени она нагибалась вперед — так, что лоб ее касался земли, и неясно было: то ли она молится, то ли демонстрирует свои способности. Другая девушка молитвенно протянула руки, выражая свои внутренние ощущения — физические и духовные, — а ее золотые серьги слегка позвякивали. Какой-то мексиканец в клетчатой рубашке бил в тамтам. В толпе бегала белая овчарка, подходя то к одному человеку, то к другому.

Свамиджи выглядел добрым и довольным. Хиппи он казался прекрасным. Среди танцующей, извивающейся, трясущейся и раскачивающейся молодежи он единственный держался благопристойно. Он совсем не был похож на хиппи, с их танцем, исполненным страсти. Движения его были величественны, как это свойственно людям его возраста.

Все происходящее на лугу, похоже, доставляло ему огромное удовольствие: ему нравилось смотреть на людей, танцующих вокруг него и поющих *мантру* Харе Кришна. Хотя энтузиазм хиппи порой выражался в причудливых, чувственных формах, пение *мантры* Харе Кришна сглаживало это впечатление, и от него на душе становилось светло и спокойно. Для Свамиджи главным было то, что *киртан* продолжается не прекращаясь. В шафрановых одеждах, которые неуловимо меняли свой цвет в лучах заходящего солнца, он смотрел на все происходящее, как добрый любящий отец, никому ничего не запрещая, как бы приглашая каждого присоединиться к пению.

Двадцатипятилетняя Линда Кац гуляла по парку, когда услышала звуки *киртана*. Там собралась огромная толпа, и Линда, не боясь привлечь к себе внимание, подошла ближе. Происходящее понравилось девушке, и она уже подумывала о том, чтобы присоединиться к общему веселью, как вдруг заметила Свамиджи, который вел *киртан*, и поразилась, даже немного испугалась — никогда раньше она не видела такого серьезного человека. Вот это да!

Танцующие ей тоже понравились: и девушка с поднятыми руками и закрытыми глазами, похожая на раскачивающееся под ветром дерево, и красивый высокий юноша с вьющимися золотистыми волосами. Там же Линда заметила парня, которого знала по колледжу в Нью-Йорке. Этот ненормальный всегда носил светломалиновую шерстяную шапочку.

Линда приехала в Сан-Франциско из Нью-Йорка всего несколько дней назад. У нее не было никаких определенных планов, если не считать желания найти учителя танцев и, если получится, окунуться в волнующий мир Хайт-Эшбери, о котором ходило столько слухов. Линда училась в аспирантуре Колумбийского университета, ее специальностью была древнегреческая литература, а кумиром — Сократ, который жил и умер во имя истины. Поняв, что ни один из ее университетских профессоров даже отдаленно не похож на Сократа, Линда решила сама начать жить во имя истины, посвятив себя науке, но вскоре ей это наскучило. Древнегреческая цивилизация оказалась мертвой идеей, а не живой истиной. Она ничего не давала сердцу.

Линда жаждала новых, волнующих ощущений и была готова очертя голову броситься в объятия сан-францисской богемы. Она приехала одна, сбросив модную одежду и облачившись в брюки клёш и старую футболку. Но ей хотелось сохранять серьезность, и она никак не могла приспособиться к хиппи. Она чувствовала, что для того, чтобы влиться в их общество, ей нужно стереть с лица серьезное выражение и начать бессмысленно улыбаться. Поэтому даже в обществе сан-францисских хиппи она оставалась неудовлетворенной и потерянной.

Киртан в парке был самым прекрасным зрелищем из всего, что ей доводилось до этого видеть. Танцующие раскачивались из стороны в сторону, поднимая руки к небу, а в центре сидел и пел смуглый, седой и мудрый человек. Она подходила все ближе и ближе и вскоре сама начала раскачиваться вместе с преданными. Потом она села и начала петь, желая понять, что происходит.

Спустя час с небольшим пожилой человек наконец остановил *киртан*, и Линда тут же разговорилась с какими-то преданными. Свами ушел, но несколько его последователей остались, чтобы раздать листовки и приглашения на воскресный «пир любви» и собрать литавры и флаги. Один из них предложил Линде пойти с ними в храм.

Преданные чем-то напоминали ей хиппи, но не тех нечесаных бродяг, какими были большинство из обитателей Хайт-Эшбери. Они не вызывали неприязни, с ними хотелось общаться. Маленький храм в бывшем магазинчике украшали полосатые занавески и комнатные цветы. Когда Линда

остановилась перед картиной с изображением поющих и танцующих людей, один из преданных объяснил ей:

— Это Господь Чайтанья со Своими спутниками.

Кто-то дал ей *прасада*, и вечером Линда ушла, так и не встретив Свами.

На следующий день в семь утра она вернулась, в надежде, что на этот раз ей удастся его увидеть. Девушка думала, что он заметил ее в парке и, может быть, вспомнит. Она нарисовала портрет Свамиджи и хотела ему его показать.

В то утро, все время, пока Свамиджи пел молитвы и вел *киртан*, Линда не сводила с него глаз. И когда он попросил всех присутствующих повторять вместе с ним на четках «Харе Кришна», она с радостью взяла у одного из преданных четки и попробовала повторять, как он. Затем Свамиджи начал читать санскритский текст перед началом лекции, и Линда была зачарована его звучанием. Если она не бросит изучать греческий, следующим ее языком непременно станет санскрит! Она слушала с огромным интересом, гордая тем, что, возможно, никто из присутствующих не понимал столько, сколько она.

Позже в то же утро она встретила с Бхактиведантой Свами в его квартире.

Линда: *В нашей первой беседе Свамиджи описал мне греческую культуру в двух предложениях. Он объяснил, что источником исторических повествований, подобных «Илиаде» и «Одиссее», а также платонической философии является «Шримад-Бхагаватам». Он меня заинтриговал. Конечно, я поверила ему. Я не сомневалась, что все сказанное им — правда. У меня не было никаких сомнений. К тому же он не возражал против моего преклонения перед Сократом. Он сказал, что Сократ тоже был преданным, только не показывал этого.*

Затем он начал рассказывать мне историю о том, как Кришна украл масло, и я сказала:

— Да, я знаю. Я видела танец о Кришне — воришке масла.

Его это очень обрадовало, и он засмеялся:

— Да, ты знаешь?

Эта встреча со Свамиджи была для меня словно встреча со старым другом — у него я чувствовала себя как дома, в полной безопасности. Я поняла: это то, что я искала. Здесь я могла применить свой разум и задавать вопросы, которые меня интересовали еще в школе.

Бхактиведанта Свами дал Линде посвящение, назвав ее Лилавати. Видя ее горячее желание лично служить ему, он решил научить ее готовить и попросил приготовить для него обед. Он уже давал по воскресеньям уроки по кулинарии, на которых учил Джанаки, Говинду даси, Нандарани и других преданных искусству готовить для Кришны. Теперь он пригласил на эти уроки и Лилавати. Он ходил туда-сюда по маленькой кухне, показывая девушкам, как замешивать тесто, готовить *чапати*, отмерять в правой ладони специи, резать овощи и жарить их в *ги* с масалой. Блюда были самые простые: рис, *чапати*, жареная цветная капуста с картофелем — но он хотел, чтобы девушки научились готовить их в совершенстве.

Мукунда: Однажды я пошел посмотреть, как Свамиджи учит готовить, — просто из любопытства. Я пришел и встал в дверях, у входа на кухню. Женщины учились, а мне Свамиджи сказал:

— А ты что здесь делаешь?

— Э-э-э... Я просто пришел посмотреть на свою жену, — ответил я.

— Ты к Богу собираешься вернуться или к своей жене? — сказал он.

Все засмеялись, и я, поняв, что я тут незванный гость, ушел.

Этот случай показал, насколько серьезен был Свамиджи. Во-первых, я понял, что не должен так привязываться к жене, а во-вторых, увидел: то, как он общается с женщинами, как учит их, — все это духовно по своей природе и совсем не похоже на отношения между мужем и женой, иногда чересчур фривольные. Он много часов проводил на кухне, обучая женщин, и их это очень вдохновляло.

Лилавати гордилась собой: многие преданные не имели диплома об окончании колледжа, и никто из них не был специалистом по античности. Иногда она печатала для Свамиджи на машинке, стирала его одежду или приносила по утрам в его комнату цветы. И вскоре именно ее он выбрал в качестве своего постоянного повара. Уже после нескольких уроков по кулинарии Свамиджи сказал ей: «Ну вот, теперь готовить будешь ты». С тех пор он заходил на кухню лишь время от времени, чтобы проверить, как у нее идут дела. Однажды, увидев, как она раскатывает *чапати*, он сказал: «О, ты хорошо научилась».

Правильно приготовить для Свамиджи обед — с нужным количеством специй и так, чтобы ничто не подгорело и было подано вовремя, — было задачей не из легких. Под конец с Лилавати градом катил пот, и иногда она даже плакала от усталости. Но зато, когда она приносила Свамиджи обед, он просил ее поставить рядом еще одну тарелку, накладывал ей со своего подноса и приглашал отобедать с ним. Поначалу, первые несколько дней, Лилавати расхваливала удивительный вкус *прасада*, на что Свамиджи улыбался или поднимал брови. Но постепенно она заметила, что он никогда не разговаривает во время еды и кажется очень сосредоточенным, когда сидит со скрещенными ногами, нагнувшись над подносом, и правой рукой ест *прасад*.

Однажды, в *экадаши*, Лилавати пришла к Свамиджи поздно, полагая, что в «постный» день готовить много не придется. Но когда она вошла на кухню, то увидела, что Свамиджи уже увлеченно что-то готовит. Что-то белое нагревалось в сковороде, а он быстро помешивал эту массу, отскребая со дна.

— О, — сказал он, — а я как раз думаю: «Куда подевалась эта девчонка?»

Лилавати чувствовала себя слишком виноватой, чтобы поинтересоваться, что он готовит, и просто занялась нарезкой овощей.

— Сегодня же пост! — сказала она, будто упрекая Свамиджи за то, что тот готовит.

— Пойми, — ответил он, — в сознании Кришны «пост» означает «пир». Мы предлагаем его Кришне.

Лилавати по-прежнему не осмеливалась спросить, что это у него там такое белое и липкое на сковороде. Но вскоре он снял загадочное блюдо с огня и поставил на подоконник стынуть.

— Скоро затвердеет, — пояснил он, — и мы сможем нарезать его и раздать.

С этими словами он повернулся и вышел из кухни.

Когда Лилавати закончила готовить и подала Свамиджи его «экадашный» обед, он попросил девушку принести кусочек «того», с подоконника. Откусив немного, он остался доволен и попросил Лилавати позвать Мукунду и Джанаки, чтобы те тоже продегустировали новое блюдо.

Джанаки попробовала и воскликнула:

— Чудо! Просто чудо! Потрясающе! Что это такое?

Повернувшись к Лилавати, Свамиджи спросил:

— Из чего это сделано?

— Не знаю, Свамиджи, — ответила она.

— Как не знаешь? Ты стояла рядом со мной на кухне и не помнишь?

Лилавати залилась краской:

— Свамиджи, я была очень занята. Я не видела ничего вокруг.

— Ты была безумно занята, — ответил он и рассмеялся, и смеялся долго, пока Мукунда тоже не заразился его смехом. Лилавати стало еще больше стыдно.

Свамиджи попросил Джанаки попытаться определить на вкус, из чего сделано блюдо. Джанаки не смогла сказать ничего, кроме того, что оно сладкое. Затем он послал Лилавати вниз, за Говиндой даси и Гаурасундарой. Когда они пришли, Свамиджи попросил Лилавати:

— Принеси еще этого «просто чуда».

Снова, уже в присутствии четырех преданных, Свамиджи спросил у Лилавати:

— Итак, из чего же приготовлено блюдо?

Та снова кинулась оправдываться, говоря, что была слишком занята и не заметила. Он опять засмеялся, и смеялся до тех пор, пока все остальные не захохотали вместе с ним. Затем он дал попробовать «просто чудо» Говинде даси и спросил, из чего, по ее мнению, оно сделано. Ответ последовал незамедлительно: из сахара, сливочного масла и сухого молока.

— Ого, — Свамиджи посмотрел на Лилавати. — Она художник. Она разумна.

Для Лилавати весь этот эпизод был ужасным испытанием. Лишь потом она поняла, что Свамиджи пытался научить ее смирению.

* * *

В семь утра Бхактиведанта Свами спустился в храм и уселся на возвышении. Рядом, на алтаре, стояла полуметровая статуэтка маленького

Кришны, которую недавно принес Гурудас. Левая рука Кришны покоилась на бедре, а правая сжимала посох. Гурудас увидел Его в витрине магазина импортных товаров и несколько раз подходил к директору и упрашивал продать ему статуэтку. Наконец директор согласился и продал ее за тридцать пять долларов. Свамиджи дал Ему имя Карта-Махашайя, что значит «хозяин». Сегодня утром Свамиджи и Карта-Махашайя обнаружили в храмовой комнате всего шесть преданных, хотя вчера на вечерней программе было яблоку негде упасть.

— А где остальные? — спросил Свамиджи и сам же ответил: — Спят? Нехорошо столько спать.

Он достал *караталы* и заиграл: раз-два-три-и. Мукунда взял *мридангу* и начал ему подыгрывать, пытаясь припомнить ритмы, которым недавно научил его Свамиджи.

Не успел Свамиджи начать петь, как дверь распахнулась и в храм ввалились несколько босых хиппи, от которых несло марихуаной. Оглядев алтарную, они уселись на пол, а Свамиджи тем временем запел «Гурв-аштаку», молитву духовному учителю.

Хотя слов «Гурв-аштаки» никто из учеников не знал, всем нравилось слушать, как Свамиджи поет эту утреннюю молитву. Он пел не торопясь, выпевая каждый стих и по несколько раз повторяя каждую строчку.

Тут один из хиппи, молодой блондин с длинными, прямыми волосами и красной повязкой на голове, начал что-то бормотать, стонать и ерзать на месте. Кто-то тихо попытался его успокоить. Парень ненадолго утих, но потом снова застонал. Свамиджи и его ученики давно уже привыкли к «нагрузившимся» хиппи, которые всю ночь были на ногах, а утром приходили в храм, порой принося с собой беспокойства. Впрочем, как правило, посетители вели себя смирно. Даже впадая подчас в странное состояние, они успокаивались от пения «Харе Кришна» и пытались настроиться на одну волну с преданными. Но сегодняшний возмутитель спокойствия, казалось, был раздражен пением, словно оно заключало в себе некий вызов ему. Впрочем, скорее, это он вел себя вызывающе.

Преданные стали хлопать в ладоши в такт *караталам*, и когда Свамиджи запел «Харе Кришна», несколько учеников тут же запели вместе с ним, подхватывая и сольную, и хоровую части *киртана*. Серьезно глядя на неопрятно одетую, заспанную молодежь, Свамиджи старался взбодрить слушателей, и те отзывались со всей решимостью.

Гости сидели в наркотической прострации, хотя один или двое пытались петь со всеми. Но белобрысый парень с красной повязкой на голове упрямо продолжал мешать поющим своими дерзкими завываниями, словно пытаясь свести эффект пения на нет. Однако, несмотря на эти вопли, которые порой становились очень громкими и дикими, Свамиджи, а за ним и преданные, продолжали петь.

Мукунда и Хаягрива обменивались беспокойными взглядами, но выжидали, не зная, как поступить. Кое-кто был встревожен и даже напуган, но

все помнили, как Свамиджи говорил недавно в одной из своих лекций, что возвышенный преданный остается невозмутим в любых обстоятельствах. Они следовали за своим учителем не только в пении молитв, но и в том, как реагировать на этого назойливого гостя, поэтому смотрели на Свамиджи, ожидая какого-то знака.

А Свамиджи оставался спокойным. Но хотя *киртан* продолжался, не ослабевая, вот уже двадцать минут, безумие парня в красной повязке не проходило. По мере того как пение набирало силу, он все больше выходил из себя. Он то визжал, как полоумный, то вопил, как рок-певец на концерте. Его возбуждение и гнев нарастали.

Когда преданные поднялись на ноги и начали танцевать, парень тоже присоединился к их танцу, но двигался он по-своему, крича и колотя себя в грудь. Мукунда заиграл на барабанах громче. Звуки стали нестройными — безумие диссонировало с пением. Наконец Свамиджи завершил *киртан*.

Преданные склонили свои головы к полу, а Свамиджи нараспев прочел несколько санскритских молитв, прославляющих духовных учителей, Верховного Господа и святые места.

— Слава собравшимся преданным! — провозгласил он.

— Харе Кришна! — отвечали они.

— Слава собравшимся преданным!

— Харе Кришна!

— Слава собравшимся преданным!

— Харе Кришна!

— Большое спасибо, — сказал Свамиджи, затем, следуя утреннему обычаю, попросил: — Повторите один круг.

Все расселись, включая сумасшедшего хиппи. Преданные отложили в сторону барабаны и *карталы*, взяли свои большие красные четки и начали в унисон повторять *джапу*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Повторив на бусине *мантру* один раз, они переходили к следующей бусине.

Удивленный таким поворотом событий, блондин громко проговорил:

— Вот это да!

Когда звуки *мантры* наполнили комнату, парень вскочил на ноги и закричал:

— Все за мной!

Затем он крутанулся вокруг себя, встал лицом к Свамиджи и завопил:

— Я БОГ!

Далее последовали громкие, продолжительные, неистовые крики:

— Уаууууу... Аааааа!.. Ооооооо!

Он рыдал, рычал, ревел, топал ногами. Слово пробуя голос, как малое дитя, он пытался издавать всевозможные звуки. Вновь и вновь ударяя себя в грудь кулаками, он кричал:

— Я Бог!

Один из его приятелей вдруг заиграл на свирели.

Но Свамиджи продолжал повторять *мантру*, и преданные тоже пытались не останавливаться, не теряя присутствия духа, но в то же время не сводя глаз с сумасшедшего и гадая, чем все это закончится. Затем парень издал последний пронзительный визг:

— Я БОГ! — и, стремительно выбежав из комнаты, в гневе и отвращении хлопнул дверью и с воплями понесся по улице.

Магазинчик наполнился размеренными и спокойными звуками *джапы*, и голос Свамиджи выделялся на фоне голосов преданных, повторяющих *мантру*. Минут через десять Свамиджи произнес: *сарватма-снапанам парам виджайате шри-кршна-санкиртанам*. «Слава совместному пению „Харе Кришна“, очищающему зеркало ума от грязи и дарующему нектарный вкус, которого мы всегда жаждем».

Свамиджи надел очки и открыл «Бхагавад-гиту» (по утрам он читал лекции по шестой главе). В комнате воцарилась тишина: все приготовились слушать. Ученики — некоторые из них впитывали его наставления уже больше двух месяцев — внимательно слушали неподвластное времени, вечное послание *парампары* и Самого Кришны, которое в эти ранние утренние часы он передавал им, молодым людям, сидящим на ковре в маленьком магазинчике, в доме номер 518 по Фредерик-стрит на Хайт-Эшбери.

Свамиджи читал лекцию о перевоплощении души. Глупцы, говорил он, стремятся к материальным приобретениям. Они не понимают, что со смертью тела всему этому придет конец. И нет ничего важнее духовной жизни, ибо духовные приобретения остаются навсегда. Поэтому, даже если сознание Кришны дается с трудом, от него никогда не следует отказываться.

Бхактиведанта Свами снова подчеркнул, что преданный всегда остается невозмутим (этот момент казался весьма актуальным в свете утренних событий). Преданный всегда терпелив, объяснил он.

Свамиджи рассказал историю о Харидасе Тхакуре — современнике Господа Чайтаньи, великом преданном, которому пришлось вынести суровые побои по приказу судьи-мусульманина. Рассказывая историю, Свамиджи симпровизировал диалог:

— Ты родился в такой хорошей семье, — сказал судья Харидасу, — а поешь «Харе Кришна»?

— Господин, — ответил Свамиджи за Харидаса, — ведь столько индусов стало мусульманами. Что плохого, если один мусульманин станет индусом?

Разыгрывая роли в диалоге, Свамиджи не менял в своем голосе ни тембра, ни акцента. Но, в совершенстве владея тонкостями искусства рассказчика, он ярко передавал характер героев.

Судья угрожающе спросил:

— Ты смеешь со мной спорить?

Затем Свамиджи заговорил от автора:

— Итак, было решено, что Харидас подлежит наказанию. «От худой славы вдруг не отделаешься».

Затем Свамиджи изобразил палачей, которые, хотя и беспрестанно избивали Харидаса, так и не смогли заставить его закричать от боли. В конце концов, обессилев, они сказали:

— Господин, вы должны были умереть, но мы видим, что вы живы. Теперь нас ожидает наказание.

Харидас: *Чего же вы хотите?*

Палачи: *Мы хотим, чтобы вы умерли.*

Автор: *И тогда Харидас вошел в самадхи, и палачи принесли его к судье.*

Судья: *Бросьте его в воду. Не хороните его в земле. Он стал индусом.*

Свамиджи закончил свой рассказ следующими словами:

— Его били, а он продолжал повторять: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Он оставался стоек и невозмутим. Поэтому Господь Кришна говорит, что для человека, пребывающего на высоком духовном уровне, не существует страданий даже в этом мире, не говоря уже о мире ином.

Преданный ничего не теряет, объяснил Свамиджи. Если он не достигнет совершенства в сознании Кришны или даже падет, то в следующей жизни снова родится человеком.

Чтобы проиллюстрировать свое утверждение, Свамиджи рассказал еще одну историю:

— Жил-был царевич. Звали его Сатьяван. Астрологи предсказали ему раннюю смерть. Но одна девушка по имени Савитри полюбила его и захотела выйти за него замуж. Отец отговаривал ее: «Он скоро умрет. Не выходи за него». Но она не послушалась и стала его женой. И вот пришло время — через четыре года или пять лет, — и юноша умер, а девушка осталась вдовой. Но ее любовь была так сильна, что она не отпускала его мертвое тело. И Ямараджа... Как по-английски называется тот, кто забирает после смерти тело или душу?.. Так вот, этот Ямараджа пришел, чтобы забрать его душу. Но эта целомудренная девушка не отдавала ему тело мужа.

Свамиджи округлил глаза и голосом изобразил Ямараджу, бога смерти, который обратился к Савитри, вдове:

— «Мой долг — забрать твоего мужа. Отпусти его. Иначе тебя тоже ждет наказание». Савитри отпустила мужа, но сама пошла за Ямараджей вслед.

Свамиджи слегка понизил голос — Ямараджа сжалился над девушкой:

— Дорогая Савитри, ступай домой. Я даю тебе благословение, что у тебя будет сын. Не убивайся по мужу.

Но Савитри не отставала. Ямараджа спросил:

— Зачем ты идешь за мной?

— Ты отбираешь у меня мужа, — ответил Свамиджи за Савитри. Хотя этот голос был не похож на женский, Свами вложил в него и мысли, и чувства героини. — Откуда же у меня возьмется сын?

Далее он сказал за повествователя:

— Ямараджа понял, что оказался в затруднительном положении. Он вернул ей мужа. Итак, существует определенная методика. Если вы встанете на

путь сознания Кришны, тогда муж — то есть человеческая форма жизни — вам гарантирован.

Преданные поняли мораль этой истории, но не могли взять в толк, какое отношение к их жизни имела эта женщина. Но некоторые все-таки поняли: если они станут на путь сознания Кришны, их несчастная жизнь изменится к лучшему.

— Да, — продолжал Бхактиведанта Свами, — нет жизни лучше, чем духовная жизнь.

Он окинул сочувственным взглядом преданных, расположившихся перед ним на полу.

— Если вы делаете что-то хорошее, благое, это никогда не пропадет. Вы никогда больше не попадете в затруднительное положение. И это замечательно.

Свамиджи закончил лекцию и спросил, есть ли у присутствующих вопросы. Одна девушка подняла руку:

— Вы говорите, что люди по глупости поклоняются фотографиям умерших — вы привели пример Джорджа Вашингтона и Ганди. Но разве фотография духовного учителя не может помочь полюбить его?

Свамиджи: *Да, фотографии тех, кто находится на высоком духовном уровне, неотличны от них самих. Вот, к примеру, статуэтка Кришны — она неотлична от Самого Кришны. Изначальный Кришна и это Его изображение — одно и то же. Или, например, когда мы поем «Харе Кришна»... Между Кришной и именем Кришны нет разницы. Понимаете? Вы думаете, что если мы не получаем от пения «Харе Кришна» какого-то духовного озарения, то просто зря теряем время? Нет. Мы не теряем времени зря. Мы чувствуем настоящий духовный экстаз, потому что разницы между Кришной и Его именем нет. Аналогичным образом человек, достигший духовного совершенства, и его фотография — одно, ибо и то и другое находятся на абсолютном уровне. Вам ясно?*

Говинда даси (поднимает руку): *Вы говорили, что человек в сознании Кришны, оставив тело, попадает на некую высшую планету...*

Свамиджи: *Нет. Если вы достигаете совершенства в сознании Кришны, то, покинув тело, отправляетесь прямоком к Кришне. Но если вы еще не совершенны, если прошли только какую-то часть пути, вы получите возможность вновь родиться человеком. Но тот, кто понял природу Кришны — то, как Он рождается, как действует, — тот больше не рождается в материальном мире. И что тогда? Куда он идет? Тйактва дехам пунар джанма наити мам эти. «Он идет ко Мне». Это значит — в духовную обитель Кришны.*

Поэтому мы должны быть очень серьезны. Зачем сидеть и ждать нового рождения — пусть даже в очень праведной или богатой семье или на другой планете? Благодаря человеческому телу вы можете достичь высшего совершенства. Но мы должны быть очень серьезными и стремиться к этому совершенству. Но мы несерьезны. Мы очень несерьезны. В действительности

человеческая цивилизация подразумевает, что люди должны очень серьезно стремиться к совершенству человеческой жизни. Такова совершенная цивилизация. Именно этого сейчас и не хватает.

Несколько минут Свамиджи сидел молча, не двигаясь. Никто в аудитории не издал ни звука. Тогда он взял караталы и, громко заиграв на них, запел: говинда джайа джайа, гопала джайа джайа. Преданные подхватили за ним:

говинда джайа джайа
гопала джайа джайа
радха-рамана хари
говинда джайа джайа

Таково было желание Бхактиведанты Свами — чтобы уже в этой жизни его ученики полностью развили сознание Кришны. И это было вполне возможно, ведь могущество мантры Харе Кришна не имеет границ. А если что-то оставалось непонятным, он готов был объяснить. Говинда даси не понимала; она-то думала, что цель преданного — некая высшая планета. Но теперь она все поняла.

Он просил их стать серьезнее. Он знал, что иногда они заходят в кондитерскую лавку за пончиками и время от времени даже позволяют себе покурить после киртана, и терпеливо сносил все это. Но он не скрывал от них, что ждет, когда они станут по-настоящему серьезными. Если этого не произойдет, они, конечно, могут попасть на какую-нибудь райскую планету в пределах этой вселенной, но что в этом хорошего? Жизнь человека предназначена для достижения совершенства, а чтобы родиться человеком, нужно пройти через множество форм жизни. Поэтому они должны стать серьезными.

— Но, — говорил он, — мы несерьезны.

После киртана Бхактиведанта Свами вышел из храма и вернулся к себе. Хаягрива, повернувшись к Харидасу, спросил, почему никто не выдворил сумасшедшего хиппи на улицу.

— В Нью-Йорке, — сказал Хаягрива, — Брахмананда сразу бы выставил его за дверь, не дожидаясь, пока он разбуянится.

— С местными хиппи, — объяснил Харидас, — надо быть осторожными. *Тактичными* то есть. Здесь считается, что если кто-то ходит под кайфом от ЛСД, то этим самым он почитает Бога и его нужно терпеть. Они заходят, скачут и вопят, но мы их не можем и пальцем тронуть, ведь они — святые ЛСД. Если бы сегодня утром мы что-нибудь сделали этому парню, на нас ополчилась бы вся округа. Диггеры, которые живут по соседству, очень шумные, но во время наших лекций они выключают свой музыкальный автомат. Они относятся к нам очень дружелюбно, дарят нам одежду и помогают украшать храм. Иногда туда заваливаются «ангелы ада» и поднимают ужасный шум, а бывает, что они даже сюда заходят. И тогда с ними нужно быть вежливыми. От них можно всего ожидать.

Тем же утром несколько «ангелов ада» устроили драку в магазине диггеров. Через стену преданные слышали глухие удары и крики — здоровенный чернокожий парень бил троих «ангелов». Драка закончилась только с приездом полицейской машины и кареты скорой помощи.

После этого с десятков человек, обсуждая потасовку, зашли в храм. Харшарани поставила несколько дополнительных тарелок для гостей.

* * *

Мартовским днем восемнадцатилетний Уэйн Гандерсон шел по улице. Вдруг к его ботинку пристал какой-то клочок бумаги, который ветром несло по тротуару. Он попытался сбросить его на ходу, но листок не отставал. Тогда Уэйн остановился и еще раз попробовал отшвырнуть его. Безуспешно. Тогда он наклонился и подобрал бумажку. Это оказалась листовка «Вечный кайф» с приглашением на лекции Свами Бхактиведанты, по адресу Фредерик-стрит, 518.

Уэйн, воспитанный молодой человек, работавший в почтовом отделении, приехал в Хайт-Эшбери, как и многие другие, чтобы принять участие в революции. Он посещал рок-концерты и тусовки, рылся в книгах и плакатах в «магазинах для наркоманов», делил квартиру с подружкой (и еще одной парочкой) и принимал наркотики. Но сам он был тихим, вежливым и любил уединение. Одевался он не как все хиппи, а носил обычную, чистую одежду и причудливую, странного вида спортивную кепку.

Листовка о Свами оказалась очень кстати: Уэйн как раз собирался в Индию на Поиски гуру. Он решил зайти на Фредерик-стрит и посмотреть на Свами Бхактиведанту.

К своему удивлению, по указанному адресу он обнаружил простой магазинчик. Юношу особенно поразил портрет Свами в витрине — это был не улыбающийся бородатый йог, а индийский монах с обритой головой и суровым взглядом.

Уэйн вошел. Все было как и везде на Хайт-Эшбери — повсюду сидели хиппи. Но Уэйн заметил нескольких человек, у которых на груди, словно гирлянды, висели большие красные четки. А в дальнем конце комнаты он увидел Свами. Когда тот запел «Харе Кришна», Уэйна это очень впечатлило, а лекция показалась ему смелой и убедительной. Свамиджи постоянно подчеркивал: «Мы — не тело». А говоря о Кришне, описывал Его так, что казалось, будто он вас с Ним знакомит.

После нескольких визитов Уэйн набрался смелости и спросил:

— Можно ли заниматься *хатха-йогой* и в то же время практиковать сознание Кришны?

— Ну зачем тратить столько времени на тело? — ответил Свамиджи, и Уэйн почувствовал, что Свами видит его насквозь. — Ведь вы не тело.

Он сказал это так внушительно, что впечатлительному Уэйн захотелось провалиться сквозь землю.

— Тело не так важно, как душа, — объяснил Бхактиведанта Свами, — поэтому мы не должны уделять ему так много времени, увеличивая его нужды. Затем он улыбнулся и добавил:

— Кроме того, все виды *йоги* находят высшее выражение в сознании Кришны.

И Уэйн почувствовал, что улыбка Свамиджи полностью вывела его из подавленного и сконфуженного состояния.

Несколько недель спустя Уэйн попросил о посвящении. Когда преданные велели ему подняться наверх и поговорить со Свами, Уэйн сначала поехал домой и отрепетировал свои слова. Предполагая, что может сказать ему Свамиджи, он заранее подготовил ответы и прокрутил в уме всю беседу от начала до конца. Затем, волнуясь, он подошел к дверям квартиры Бхактиведанты Свами.

Но не успел он постучать, как дверь вдруг распахнулась. На пороге стоял сам Свамиджи и смотрел на него — не сурово, как на портрете, а приветливо, словно ждал его прихода.

— Да, — сказал он, — проходи.

Это разрушило все планы Уэйна. Он пришел к выводу, что Свамиджи может читать мысли. Пытаясь выкинуть из головы всё дурное, он вошел в квартиру.

Свамиджи опустился в кресло-качалку, а Уэйн, который вообще-то всегда садился на пол, — на единственный стул. Он тут же почувствовал себя неловко, поскольку понял, что правильнее было бы сесть у ног Свамиджи. Но ему не хватило решимости исправить ошибку, и он остался сидеть на стуле, нервно теребя в руках свою спортивную кепку.

— Свамиджи, — сказал он, — я хотел бы стать вашим учеником.

Свамиджи сразу же согласился. Он спросил, сможет ли Уэйн следовать четырем регулирующим принципам, и тот кивнул, хотя не совсем представлял себе, что за принципы Свамиджи имеет в виду. Тогда Бхактиведанта Свами спросил, какому из этих принципов ему тяжелее всего следовать.

— Ну... — ответил Уэйн. — Мне трудно отказаться от мяса.

Это была неправда — Уэйн был вегетарианцем. Но он очень стыдился признаться, что его настоящей проблемой было неконтролируемое сексуальное желание. Свамиджи рассмеялся:

— Э, да это не проблема! Мы дадим тебе *прасад*. Ты можешь получить посвящение на следующей неделе.

Затем Уэйн спросил, можно ли ему будет поехать в Индию. Он думал, Свами обрадуется, что его новый последователь хочет посетить его родину. Но Свамиджи это, похоже, не понравилось:

— В Индию? Зачем в Индию?

Уэйн вспомнил... Ведь он хотел поехать в Индию, чтобы найти гуру.

— М-м-м, — замялся он. — Чтобы выучить санскрит.

— Я сам научу тебя санскриту, — пообещал Свамиджи.

Итак, нужда ехать в Индию отпала, и на следующей неделе он получит посвящение у настоящего гуру — прямо здесь, в Сан-Франциско.

Преданные помогли Уэйну подготовиться к церемонии посвящения. Хаягрива одолжил ему свое *дхоти* — отрез желтой ткани, который для Уэйна оказался слишком велик. Посредине магазинчика преданные подготовили место для огненного жертвоприношения: земляной холмик, дрова, разноцветные порошки, цветы.

Во время церемонии Уэйн нервничал. Когда Свамиджи пел *мантры*, он не мог разобрать слов и поэтому просто наугад шевелил губами. А когда началось огненное жертвоприношение, Уэйн даже немного испугался: он не думал, что посвящение окажется таким серьезным предприятием. Он смотрел, как Свамиджи с серьезным видом разводит огонь и читает *мантры*, а когда тот назвал новое имя Уэйна, Упендра, юноша толком не расслышал и еще больше разволновался. Затем церемония закончилась, Свамиджи встал и стремительно вышел.

Упендра: *Кто-то напомнил мне, что я должен подняться наверх и сделать Свамиджи какое-то подношение. И я решил подарить ему детское одеяло и пляжное полотенце. Не то чтобы у меня не хватало денег — просто эти вещи представляли для меня определенную ценность, и я хотел подарить их Свамиджи. Я поднялся к нему. Он сидел на краешке своего матраса. Я вошел, поклонился и поднес ему свои дары. Он поднял одеяло одной рукой, а полотенце — другой и, смерив их взглядом, сказал: «Эти вещи бесполезны» — и бросил их на пол. Мне стало очень обидно, и я не мог вымолвить ни слова. Я просто сидел перед ним. Потом попросил прощения и вернулся к себе.*

На следующий день я пришел к нему вечером. Мое пляжное полотенце и одеяло лежали на полу в его комнате, чтобы гостям было на чем сидеть. Я был доволен, что он нашел моим подаркам какое-то применение.

Свамиджи говорил, что Упендра не следует обетам, данным при посвящении: тот по-прежнему жил со своей подругой. Упендра чувствовал себя виноватым, но не мог бросить секс и наркотики. Он хотел честно признаться во всем Свамиджи, но никак не мог заставить себя это сделать. Кроме того, думал он, если даже он и сознается во всем, чем ему это поможет? Подруге Упендры сознание Кришны не нравилось, знакомиться со Свамиджи она не хотела, а в храм приходила отказывалась. Поэтому Свамиджи решил: вместо того чтобы женить Упендру, надо спасти его от подруги.

Свамиджи решил сделать из Упендры *брахмачари*. Хотя в Сан-Франциско у Бхактиведанты Свами было порядка двадцати пяти учеников, едва ли кто-нибудь из них мог считаться *брахмачари*. Единственным по-настоящему стойким преданным был Джаянанда, который был немного старше других. Он работал таксистом и целый день, даже за рулем, повторял «Харе Кришна», а в свободное от работы время шел в храм, где готовил или выполнял любое другое служение, какое только мог найти. Иногда он приходил к Свамиджи и с другими преданными сидел в его комнате. Он был известен своим серьезным

отношением к *джапе*: скрестив ноги и крепко закрыв глаза, обеими руками держа четки и раскачиваясь взад-вперед (так, что почти доставал до пола), позабыв об окружающем мире, он внимательно повторял *мантру*. Он был серьезен. Только так и можно было оставаться *брахмачари*. В Нью-Йорке у Свамиджи было с десятков *брахмачари*, но его сан-францисские последователи оказались менее строгими к себе и меньше подходили для такой жизни.

В традиционном ведическом обществе жизнь *брахмачари* начиналась с достижением пятилетнего возраста. Родители посылали сына в *гурукулу*, дом духовного учителя, где ребенок получал начальное образование, выслушивал духовные наставления и под наблюдением *гуру* учился нравственному поведению. Даже Господь Кришна, когда являл на Земле Свои божественные игры, посещал *гурукулу* и смиренно служил Своему духовному учителю.

Главный принцип жизни *брахмачари* состоял в воздержании от секса. Соблюдая безбрачие, ученик развивал сильную память и способность хорошо владеть собой. А если, закончив обучение, такой человек решал жениться, он и тогда соблюдал ограничения в половой жизни. Но хотя *брахмачари-ашрам* необходим для благополучия общества, еще в те времена, когда Бхактиведанта Свами был ребенком, в Индии произошло быстрое и почти полное его разложение. *Брахмачари-ашрам* возродился в Гаудия-матхе.

В Америке в этом отношении было, конечно, еще хуже. В «Шримад-Бхагаватам» есть история о молодом *брахмане*, Аджамиле, который сошел с духовного пути, увидев, как пьяный мужчина обнимает полуголую проститутку. В Америке подобное зрелище было в порядке вещей. Стоило молодому *брахмачари* выйти на улицу, как он тут же сталкивался со множеством соблазнов. Но Свамиджи твердо верил, что даже в Америке его ученики будут в полной безопасности, если станут регулярно повторять «Харе Кришна» и искренне пытаться следовать всем правилам. Кришна защитит их.

Свамиджи попросил Упендру переехать к нему и стать его личным слугой. Предыдущий слуга, Раначора, недавно бросил свое служение. Хотя он и считался *брахмачари*, он никогда не следовал строго принципам этого *ашрама*, а в Нью-Йорке даже соблазнил одну из девушек-преданных. Узнав об этом, Свамиджи поинтересовался у этой девушки, почему она связалась с ним, если не собиралась выходить за него замуж. Вопрос так обескуражил девушку, что она не нашлась с ответом. Свамиджи пристыдил ее: «Вы, девушки, не должны быть такими доступными» — и дал Раначоре еще один шанс.

Но Раначора так и не образумился. На *киртане* в «Авалоне», во время которого Раначора играл на ударной установке, ему так понравился танцзал, что он под разными предлогами стал уваливать от своего служения и зачастил в «Авалон» в поисках новых друзей. И однажды он ушел и не вернулся. Как сообщил Свамиджи один преданный, «он просто растворился в огнях светомузыки». Впрочем, еще один раз Раначора все-таки пришел — попросить у Свамиджи денег на дорогу домой, в Нью-Йорк.

Упендра, несмотря на всю свою слабость, тянулся к Свамиджи и любил его общество. Иногда, с одним или двумя преданными, он поднимался к нему,

и они просто садились напротив своего духовного учителя, который работал, сидя на тонкой подушке за низким столиком. Иногда Свамиджи продолжал читать или писать, а Упендра просто сидел, наслаждаясь его обществом, и смотрел, как он работает. Минут через десять Свамиджи поднимал глаза и говорил:

— Ну хорошо, достаточно.

Ребята кланялись и уходили. Иногда Упендра ходил смотреть, как Свамиджи обедает, и тот брал немного риса и овощей со своей тарелки, заворачивал их в *чапати* и давал Упендре. Хотя *прасад* был тот же самый, что раздавали внизу преданным, Упендре казалось, что у Свамиджи гораздо вкуснее.

Однажды, когда Упендра был со Свамиджи наедине, тот спросил:

— Ты живешь с девушкой и людьми, употребляющими наркотики?

Упендра еще раз убедился, что Свамиджи умеет читать мысли и знает о его жизни все.

— Да, — сознался он, — но я не...

— Это не хорошо, — перебил Свамиджи.

— Свамиджи, но я не вступаю с ней в связь!

— Где есть парень и девушка, — сказал Свамиджи, — там будет и секс. Ты должен переехать сюда и жить со мной.

Упендра просиял от счастья:

— Да, переезжаю прямо сейчас.

Прихватив кое-что со своей квартиры, а остальное оставив подружке, он переехал к Свамиджи, в переднюю комнату. Так он стал его личным слугой.

Свамиджи попросил его не бросать работу в почтовом отделении. Упендра заканчивал примерно в полночь, после чего возвращался на квартиру. (Свамиджи никогда не запирал дверь, зная, что он вернется.) Обычно вскоре после того, как Упендра запирает дверь, забирается в спальный мешок и засыпал, его будил голос Свамиджи, который записывал на диктофон «Учение Шри Чайтаны». Упендра снова засыпал и вставал около шести.

Теперь он всегда ходил радостный: он наслаждался близким общением с духовным учителем.

— Я хочу только одного, — часто говорил он другим преданным, — стать собакой нашего Свамиджи.

Однажды Упендра читал «Шримад-Бхагаватам»:

«Шримад-Бхагаватам» преподносится устами Шрилы Шукадевы Го-свами так, что любой искренний слушатель, внимающий ему со смирением, может сразу ощутить его трансцендентный вкус, отличающийся от извращенных вкусов материального мира. Этот созревший плод не упал ни с того ни с сего с высшей планеты Кришналоки. Напротив, его осторожно, бережно и не повредив, опустили по цепи ученической преемственности.

— У тебя нет вопросов? — поинтересовался Свамиджи.

Упендра оторвал глаза от книги:

— Нет, Свамиджи, я согласен со всем, что вы говорите.

Наблюдая, как Упендра читает, Свамиджи улыбнулся и начал раскачиваться в кресле-качалке. Затем он показал ему, как правильно держать книгу — на ладонях, «над коленями, но не на них». Этот совет еще больше разжег в Упендре желание порадовать духовного учителя чтением его книг.

Упендру по-прежнему беспокоили сексуальные желания. Он подумывал о том, чтобы жениться, но толком не представлял, на что должна быть похожа семейная жизнь в сознании Кришны. Как, недоумевал он, можно жениться на той, кого не любишь? И как это — любить без секса? Он хотел спросить об этом Свамиджи, но никак не решался и, набираясь смелости, ждал удобного момента. Однажды, войдя в комнату Свамиджи, он увидел, что тот расхаживает по ней взад-вперед, от одной стены, с тремя большими эркерами^[4], выходящими на Фредерик-стрит, до другой, где стояло его кресло-качалка. Упендра решил, что пришло время задать вопрос.

— Свамиджи, — начал он, — можно спросить?

— Да, — Свамиджи остановился.

— Если парень не спит с девушкой, как он сможет научиться ее любить?

Свамиджи снова начал ходить взад-вперед, перебирая четки. Через минуту он повернулся и тихо сказал:

— Любить? Любовь предназначена для Кришны.

Он подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу.

— Нужна девушка? Выбирай.

Свамиджи указал на женщин, идущих по улице:

— В материальном мире нет любви. Любовь предназначена для Кришны.

Со временем Упендра начал замечать, что благодаря благотворному влиянию Свамиджи сексуальные желания беспокоят его все меньше. Упендра понял, что он душа, а не материальное тело, а вечная природа души — любить Кришну, и что чистый преданный (то есть Свамиджи) *уже отдал* свою любовь Кришне.

Его желание служить Свамиджи становилось все сильнее и сильнее. Он постоянно думал, какие для него покупать продукты и как сделать, чтобы духовному учителю было удобно. Однажды, все с тем же настроением послужить Свамиджи, Упендра посетил местный «Психоделический магазин». Он слышал, что недавно туда завезли какие-то плакаты из Индии, поэтому зашел туда, выбрал несколько плакатов с изображением Господа Кришны и принес их духовному учителю.

В комнате Свамиджи Упендра выложил плакаты на его столик и вместе с другими преданными стал разворачивать их один за другим, желая посмотреть на реакцию своего духовного учителя. Казалось, что Свамиджи увидел фотографии старого друга. Он был доволен. Хаягрива высказал замечание по поводу некоторой безвкусицы индийских плакатов на религиозную тему, но Свамиджи объяснил, что техника исполнения не так важна. Важно то, что это изображения Кришны, и выполнены они в

соответствии с описаниями Вед. Для преданного они прекрасны, ибо неотличны от Кришны.

Один плакат Свамиджи особенно понравился: Господь Кришна стоит, освещенный луной, на берегу Ямуны и играет на флейте. Кришну, изображенного подобным образом, называют Говиндой. Свамиджи взял плакат в руки и процитировал стих:

*смерам бханги-трайа-паричитам сачи-вистирна-дрштим
вамшй-нйастадхара-кишалайам уджджвалам чандракена
говиндакхйам хари-танум итах кеши-тиртхопакантхе
ма прекшиштхас тава йади сакхе бандху-санге 'сти рангах*

Он взял лист бумаги и начал что-то писать, а преданные смотрели на него, затаив дыхание. Было слышно, как ручка царапает бумагу. Затем он прочитал: «Дорогая подруга, если ты все еще хочешь наслаждаться мирской жизнью, обществом, дружбой и любовью, не смотри на юношу по имени Говинда, который стоит, изящно изогнувшись в трех местах, улыбается и виртуозно играет на флейте, а Его уста освещает полная луна».

— Ямуна, ты можешь это красиво переписать?

Свамиджи знал, что Ямуна была профессиональным каллиграфом. Он попросил ее красиво переписать текст и повесить его вместе с плакатом в храме, рядом с его *асаной*. Он хотел иметь возможность смотреть на плакат во время *киртанов*.

Упендра думал и молился: «Если я смогу постоянно служить Свамиджи, у которого столько любви к Кришне, то тоже поднимусь над мирской жизнью». Он понимал, что поскольку он не может видеть Говинду так, как видит Его Свамиджи, то должен служить самому Свамиджи, чистому преданному Говинды, и так очиститься.

— Я просто хочу стать его псом, — сказал Упендра, выходя из дверей.

* * *

Свамиджи строго-настрого наказал ученикам в Нью-Йорке не давать мистеру Пэйну ни цента, пока не будет подписан договор купли-продажи. Он все еще надеялся купить это здание. 4 марта он написал Брахмананде: «Я надеюсь, что когда снова приеду в Нью-Йорк, то сразу же войду в новый дом». А 7 марта он написал Рая-Раме: «Я очень рад, что и у Брахмананды, и у тебя, и у всех остальных преданных есть духовное мужество идти на любой риск ради Кришны. Это сделает ваши победы в сознании Кришны еще более славными». Но он не хотел, чтобы они попались на удочку ложных обещаний.

А мистер Пэйн тем временем попросил преданных передать пять тысяч долларов его другу, финансисту мистеру Холлу, который согласился добавить еще двадцать тысяч и отдать всю сумму в качестве задатка мистеру Тайлеру,

владельцу здания. Пэйн просил Брахмананду донести до «Его Превосходительства», что, если преданные всерьез рассчитывают получить здание, переговоры должны вестись именно так, и никак иначе.

Брахмананда написал Бхактиведанте Свами письмо с просьбой перевести пять тысяч долларов с его личного счета на счет ИСККОН, чтобы попечители Общества могли в любое время взять эти деньги. Свамиджи согласился, но с условием, что подпись под чеком будут ставить президент и секретарь Общества, поскольку «главными ответственными лицами при покупке здания являются Брахмананда и Сатсварупа, а Киртанананда со своим кухонным департаментом — лишь подспорье». Но Свамиджи предупредил, что чек должен быть выписан на имя продавца, мистера Тайлера, а не Холла. «И деньги, и Общество принадлежат вам, — писал Свамиджи, — и вы можете тратить их как сочтете нужным, но мой долг как вашего вечного благожелателя — дать вам совет».

Вскоре Пэйн пригласил Брахмананду на встречу с мистером Холлом, предложив ему сразу приготовить чек на пять тысяч. Попутно Пэйн объяснил, что мистер Холл, возможно, самый крупный агент по продаже недвижимости на всем Манхеттене — мульти-мультимиллионер. Он владеет небоскребами и не привык размениваться по мелочам. Когда Брахмананда вошел к мистеру Холлу, то подумал, что офис у него точь-в-точь как в голливудских фильмах — конференц-зал раз в десять больше храмовой комнаты на Второй авеню. Во главе огромного овального стола восседал сам мистер Холл. В комнате царил полумрак. Фигура хозяина, который сидел перед целой батареей телефонов, была освещена прожекторами. Во время беседы он несколько раз прерывался, поднимал трубки телефонов и разговаривал с людьми из разных частей страны.

— Молодой человек, — сказал Холл Брахмананде, — мы хотим помочь вам приобрести здание. Это прекрасное здание, памятник архитектуры Нью-Йорка.

Тут мистеру Холлу позвонила его подруга, отдохавшая на яхте в Карибском море. Поболтав с ней немного, он вернулся к разговору с Брахманандой и Пэйном, которые сидели перед ним за столом, в полумраке.

Мистер Холл достал объемный контракт и попросил Брахмананду поставить подпись. Брахмананда помнил, что Свамиджи писал им о каком-то договоре, — и вот договор лежал перед ним. Не забывал он, правда, и о том, что эти пять тысяч были единственными их сбережениями и взять еще денег будет больше неоткуда и что агенты тоже это знали. Но Свамиджи нужно было здание. Он и сам не раз осматривал дома, стоявшие не менее ста тысяч, и предлагал их купить, хотя средств у него почти не было. Брахмананда всегда поступал, как велел ему духовный учитель. Он пришел к выводу, что подписание этого контракта станет испытанием его веры в Свамиджи и Кришну, и не стал утруждать себя размышлениями о том, откуда возьмутся остальные деньги. Это было бы равносильно тому, как если бы он усомнился в Свамиджи.

Итак, он — в офисе крупного финансиста. Это приводило в трепет. Миллионеры протянули им руку помощи. Мистер Пэйн сидел рядом. Мистер Холл говорил, что все идет как по маслу: «Мы купим вам этот дом». Мечта становилась реальностью — им предлагал свою помощь один из самых влиятельных жителей Манхэттена. И хотя у Брахмананды не было денег, мистер Холл без труда мог выкупить здание у его владельца. Быстро просмотрев контракт, Брахмананда поставил подпись. Сделка состоялась. Он вручил им чек на пять тысяч долларов.

Но как только Брахмананда и мистер Пэйн вышли из офиса, в поведении Пэйна произошла разительная перемена. Хотя он по-прежнему держался с Брахманандой по-дружески, он вдруг сказал:

— Так... Теперь вы должны достать деньги.

За то время, пока они вместе шли по улицам пригорода, он быстро и ловко перевел все обязанности на Брахмананду. Раньше Пэйн говорил, что они с мистером Холлом сами устроят дела, а теперь выходило так, что преданным придется делать все собственноручно. Брахмананда осведомился насчет юридического положения сторон. Мистер Пэйн объяснил, что обязательства лежат только на Обществе Кришны. А как же обещания? Как насчет богатого мистера Холла, который так хотел помочь? Как насчет самого Пэйна? Пэйн заверил Брахмананду, что и он, и мистер Холл действительно хотели им помочь и делали все, что в их силах. Но Брахмананда и другие преданные тоже должны сделать все возможное, чтобы к концу месяца собрать двадцать тысяч и сделать наличный расчет. А если не смогут? Ответ мистера Пэйна не оставлял сомнений:

— Не заплатите остаток до конца месяца — потеряете залог.

К тому времени, как Брахмананда доехал до Второй авеню, он понял, что его обманули. Он был сокрушен. Он рассказал о произошедшем преданным, но всё, что те могли сказать ему, это: «Ну и зачем ты это сделал?» Брахмананда позвонил Свамиджи в Сан-Франциско. Теперь, когда он понял, что за тип этот мистер Пэйн, он чувствовал себя последним дураком. Он сообщил Свамиджи, что отдал пять тысяч долларов.

— Ты все отдал? — спросил Свамиджи.

— Да, — ответил Брахмананда и услышал, как Свамиджи повесил трубку.

Он хотел все объяснить, но Свамиджи просто повесил трубку. Брахмананда тоже положил трубку. Он готов был провалиться сквозь землю.

На следующий день попечители собрались в гостиной в квартире Свамиджи на экстренное совещание. Ребята сели в круг и попытались сообразить, что делать дальше. Гаргамуни позвонил Свамиджи, и тот посоветовал им приостановить платеж по чеку.

— Свамиджи хитрый, как лиса, — улыбнулся Рая-Рама.

Гаргамуни позвонил в банк. Но было поздно: деньги были уже выплачены.

Они посоветовались со старым другом, мистером Голдсмитом, но, по его мнению, шансы выиграть суд были ничтожно малы. Пэйн и Холл не

обязывались никому ничего платить, и если преданные к концу месяца не смогут отдать двадцать тысяч, то потеряют свой первоначальный взнос. Преданные могут подать на них в суд за мошенничество, но судебные издержки тоже влетят в копеечку.

Затем Брахмананда, Сатсварупа, Киртанананда, Рая-Рама, Гаргамуни и другие преданные начали просматривать одно за другим письма, которые все это время посылал им духовный учитель. Они доказывали друг другу, что Свамиджи просил их не поддаваться на обман. Они начали понимать: самая большая их ошибка была в том, что они его не послушались. Он советовал не верить обещаниям этих мошенников. Он говорил, что чек нужно выписывать только на владельца, но никак не на финансиста.

Через несколько дней они получили от духовного учителя письмо с дальнейшими указаниями. В письме он поучал и ругал их, но даже брань его была лучше, чем молча брошенная трубка телефона. «Вы не последовали моим наставлениям и потому попали в беду», — писал он ребятам.

Рая-Рама он написал:

Все вы глупые мальчишки. Сколько раз я говорил, что, пока не будет договора между мистером Тайлером и мистером Холлом, мы не должны выписывать чек. То, как вы подписали договор, похоже на свадьбу без жениха. Вы допустили ошибку, а теперь сокрушаетесь.

Сатсварупе он написал:

Ты спрашивал, не может ли наш сан-францисский филиал выделить какие-то деньги для покупки здания. Где теперь твое здание и где покупка? А что касается переговоров с мистером Пэйном и его компанией, в которые вы, глупые мальчишки, ввязались, я не знаю, как помочь вам исправить эту ошибку. Я могу только надеяться на то, что Кришна вам поможет.

В отличие от ребят и мистера Голдсмита, Свамиджи считал, что основания подать на бизнесменов в суд есть, и серьезные.

Я не юрист, но это вопрос здравого смысла. Мистер Холл забрал деньги, и он должен помочь нам купить дом. Если денег, чтобы профинансировать покупку, у него нет, то обман налицо.

Преступники, сказал он, должны ответить перед судом; их участие в тайном сговоре и мошенничестве очевидно и доказуемо.

Из телефонного разговора с Брахманандой мне стало ясно, что это организованное жульничество, и вы должны быть решительными и никого не щадить. Мы не мстительны, просто мы не можем выбрасывать деньги Кришны на ветер.

Парни уже наломали столько дров, что Свамиджи засомневался в их способности справиться с обманщиками. Но он велел им все-таки попытаться: «Либо заберем дом, либо вернем деньги. Что тут разбираться — обман налицо. Поступайте, как сочтете нужным».

Свамиджи изложил историю этого дела в письме мистеру Голдсмиту, адвокату. Кроме того, он написал финансисту, владельцу здания и мистеру Пэйну, угрожая, что предаст огласке все их махинации, в том числе и те, которые заметил только он один: оказывается, юристы тоже участвовали в сговоре. Брахмананда с трудом понимал, что происходит, но видно было, что Свамиджи не собирается бросать все на произвол судьбы. Было ясно, что ребята сглупили, но не менее ясно было и то, что бизнесмены оказались мошенниками. И Свамиджи обещал доказать это в суде.

Отчитывая непутевых учеников и яростно нападая на мошенников, для своих глупых мальчишек Свамиджи по-прежнему оставался последним прибежищем. В письме, адресованном шести попечителям нью-йоркского филиала его Общества, он пролил трансцендентный свет на их темные головы.

Забудьте об этом. Примите как факт, что Кришна просто забрал у вас деньги за ваше упрямство и глупость. В будущем старайтесь быть очень осторожны и следуйте указаниям Кришны. Если вы будете поступать, как говорит Кришна, Он даст вам все необходимое. Бросьте горевать и повторяйте «Харе Кришна». Как я вам уже не раз говорил, мой Гуру Махараджа считал, что этот мир — не место для джентльмена. Его слова подтверждаются следующим стихом из «Шримад-Бхагаватам»:

*йасйасти бхактир бхагаватй акинчана
сарваир гунаис татра самасате сурах
харава абхактасйа куто махад-гуна
мано-ратхенасати дхавато бахих*

«Если человек не обладает сознанием Кришны, у него нет никаких хороших качеств. Каким бы воспитанным или образованным он ни казался, этот человек не поднимается выше уровня ума и поэтому, находясь под влиянием внешней энергии, непременно будет создавать беспокойства. Однако тот, кто непоколебимо верит в Верховную Личность Бога, наделен всеми добродетелями полубогов». Иными словами, вы не должны верить на слово так называемым джентльменам этого мира, как бы хорошо они ни одевались. Исполняя нашу миссию в сознании Кришны, мы еще не раз столкнемся с подобными «джентльменами», но вести себя с ними мы должны столь же осторожно, как со змеями.

Никогда раньше ребята в Нью-Йорке не желали так сильно, чтобы Свамиджи вернулся. Хотя почти все их разговоры по-прежнему вращались

вокруг покупки здания, *киртаны* и лекции продолжались, и за последнее время к преданным присоединились еще двое юношей. Джадурани закончила несколько новых картин с Господом Вишну (которые теперь украшали храм) и с нетерпением ждала, когда Свамиджи вернется и оценит их. Преданные сделали для Свамиджи новую *асану*. Они понимали, что поступили глупо, но умоляли его вернуться. Он согласился и назначил дату своего возвращения в Нью-Йорк на 9 апреля. Но в то же-время в Сан-Франциско у него оставалось еще много дел.

* * *

Однажды Свамиджи позвал к себе Малати, и та, войдя в его комнату, увидела на столе вещицу из Индии, которую она несколько дней назад раздобыла в одном из магазинов. Вероятно, Шьямасундара принес ее сюда показать Свамиджи.

— Что это, Свамиджи?

Предмет представлял собой деревянную фигурку сантиметров десяти высотой, с плоской головой, черным улыбающимся лицом и большими круглыми глазами. У фигурки были вытянутые руки и гладкий желто-зеленый торс. Ног видно не было.

Свамиджи сложил ладони и склонил голову, выражая маленькой фигурке свое почтение.

— Ты принесла Господа Джаганнатху, Господа Вселенной, — сказал он, радостно улыбаясь. — Это Сам Кришна. Большое тебе спасибо.

Лицо Свамиджи сияло от радости, а Малати и другие не верили своим глазам: на их долю выпала редкая удача — доставить Свамиджи такое удовольствие. Свамиджи объяснил, что это Господь Джаганнатха, одна из форм Кришны, Божество, которому тысячелетиями поклоняется вся Индия. Он сказал, что Джаганнатхе никогда не поклоняются одному. Рядом с Ним всегда должны быть два других Божества: Его брат Баларама и сестра Субхадра.

Малати взволнованно призналась, что в «Кост-Плас», магазине импортных товаров, где она нашла маленького Джаганнатху, были также другие похожие на Него фигурки; тогда Свамиджи велел ей вернуться туда и купить их. Потом он поинтересовался, может ли кто-нибудь из преданных резать по дереву. Шьямасундара сказал, что это его профессия, и Свамиджи попросил его вырезать копии Джаганнатхи, Баларамы и Субхадры около метра высотой. После этого Малати и Шьямасундара поспешили в магазин и принесли две недостающие фигурки.

Чернолицего улыбающегося Джаганнатху Бхактиведанта Свами поставил справа. В центре он поместил самую маленькую фигурку, Субхадру, у которой был красный улыбающийся рот и прямоугольное черно-желтое туловище. У третьей фигурки, Баларамы, с белой круглой головой, с глазами,

подведенными красной краской, и ярко-красными губами, расплывшимися в счастливой улыбке, были такие же протянутые вперед руки, как у Джаганнатхи, и сине-желтое туловище. Свамиджи поместил его слева от Субхадры. Глядя на эти фигурки, стоящие у него на столе, он начал рассказывать их историю.

Более двух тысяч лет назад, рассказал Бхактиведанта Свами, на свете жил царь по имени Индрадьюмна, который был преданным Господа Кришны. Махараджа Индрадьюмна хотел, чтобы у него было *мурти* Господа, изображающее Его таким, каким Он был, когда вместе со Своим братом и сестрой ехал во время солнечного затмения на колесницах к священному полю Курукшетра. Царь попросил Вишвакарму, знаменитого художника с райских планет, изваять эти скульптуры. Тот согласился, но только с тем условием, что никто не будет прерывать его работу. Шли дни. Царь томился в ожидании, а Вишвакарма работал при закрытых дверях. Однажды царь почувствовал, что больше не может ждать, и ворвался в мастерскую, чтобы взглянуть, как идут дела. Верный своему слову, Вишвакарма исчез, оставив *мурти* всех трех Божеств незаконченными. Но, несмотря на это, царь был так доволен чудесными изваяниями Кришны, Баларама и Субхадры, что решил поклоняться Им в том виде, в каком Они были. Он установил Их в храме, и с тех пор Им поклоняются с необыкновенной пышностью.

Начиная с этого времени, продолжал Бхактиведанта Свами, Господу Джаганнатхе поклоняются повсюду в Индии, особенно в штате Орисса, в городе Пури, где находится первый храм Господа Джаганнатхи. Каждый год во время грандиозного праздника Ратха-ятра миллионы паломников со всех концов Индии стекаются в Пури, чтобы поклониться Господу Джаганнатхе, Балараме и Субхадре и посмотреть на процессию, во время которой Божества едут по городу на трех огромных колесницах. Господь Чайтанья последние восемнадцать лет Своей жизни провел в Джаганнатха-Пури, и каждый год во время Ратха-ятры Он пел и танцевал в экстазе перед Господом Джаганнатхой.

Считая появление Господа Джаганнатхи в Сан-Франциско выражением воли Кришны, Свамиджи сказал, что преданные должны отнестись к этому ответственно: Господь Джаганнатха Сам пришел к ним, поэтому они должны оказать Господу подобающий прием и поклоняться Ему надлежащим образом. Если Шьямасундара сумеет вырезать фигуры, то Свамиджи установит их в храме и преданные смогут поклоняться Божествам. Тогда Сан-Франциско можно будет переименовать в Нью-Джаганнатха-Пури.

— *Джаганнатхах свами найана-патха-гами бхавату ме*, — пропел Свамиджи. — Это *мантра*, обращенная к Господу Джаганнатхе. *Джаганнатха* значит «Господь Вселенной». «О Господь Вселенной, будь милостив, предстань перед моим взором». То, что Он соизволил прийти сюда, несомненно, хороший знак.

Шьямасундара раздобыл три больших бруска бука, а Свамиджи сделал эскиз и указал на ряд деталей. Пользуясь маленькими фигурками как образцом, Шьямасундара рассчитал пропорции и размеры будущих Божеств и

начал вырезать Их на балконе своей квартиры. А тем временем другие преданные скупили всех оставшихся в «Кост-Плас» маленьких Джаганнатх и завели моду носить Джаганнатху на цепочке вокруг шеи. Поскольку Господь Джаганнатха очень великодушен и милостив к падшим, объяснил Свамиджи, преданные вскоре смогут поклоняться Ему в своем храме. Поклонение Божествам Радхи и Кришны требует очень высокого стандарта, и сан-францисские преданные еще не готовы к этому. Но Господь Джаганнатха столь милостив, что поклоняться Ему совсем нетрудно (для этого достаточно повторять *мантру* Харе Кришна), и делать это могут даже неофиты.

День установления Божеств Бхактиведанта Свами назначил на 26 марта, годовщину явления Господа Чайтаньи. Преданные должны приготовить большой пир и начать поклоняться Господу Джаганнатхе. Свамиджи велел преданным соорудить алтарь и рассказал, как это сделать.

Шьямасундара, желая поскорее закончить работу, занозил руку, и в рану попала инфекция. В итоге у него началось заражение крови, и он попал в больницу. Свамиджи сказал, что таким образом Господь Джаганнатха забрал у Шьямасундары последствия его прошлых грехов.

26 марта, в День явления Господа Чайтаньи, Свамиджи объявил, что все утро они посвятят совместному чтению историй о Господе Чайтанье и *киртану*, а вечером проведут церемонию установления Джаганнатхи. До вечера они будут поститься, а когда взойдет луна, прервут пост праздничным *прасадом*.

Утром, войдя в храм, Свамиджи увидел, какую работу проделали преданные. У задней стены, где раньше была его *вьяса-асана*, стоял новый алтарь. *Асану* сдвинули к правой стене, и теперь Свамиджи мог любоваться алтарем, не вставая с места. Сам алтарь представлял собой простую доску из красного дерева, закрепленную на высоте примерно двух метров между двумя толстыми деревянными колоннами. Над тем местом, где предполагалось поставить Божества, висел балдахин. Под алтарем поместили картину Харидаса с изображением Господа Чайтаньи и Его преданных, танцующих в *киртане*, а фоном для нее служил занавес из полосатой индийской ткани. Под картиной, примерно в метре от пола, была полка для предметов, используемых при поклонении. На полке стояли подсвечники.

Свамиджи занял свое место. Он, как обычно, провел *киртан*, а затем вместе с преданными повторил круг *джапы*. Затем он велел Хаягриве читать вслух биографический очерк о Господе Чайтанье из первого тома «Шримад-Бхагаватам». Несмотря на то, что Хаягрива читал громко и с выражением, многие преданные клевали носом. Свамиджи слушал очень внимательно и хотел, чтобы и другие тоже слушали о Господе Чайтанье, но, увидев, что многие засыпают, прервал чтение и провел еще один *киртан*. Затем еще минут пятнадцать он повторял с ними *джапу*.

— Ну, ладно, — сказал он. — Почитаем еще. Кто будет читать?

Вверх взметнулась рука Лилавати.

— Хорошо.

Он попросил ее пересесть ближе к *асане*. Кто-то подставил ей микрофон. Тембр голоса Лилавати контрастировал с низкими интонациями Хаягривы, но это был еще один образец красивого академического чтения. Свамиджи был доволен ее четким произношением санскритских слов и выражений и несколько раз похвалил ее: «О, очень хорошо». Взволнованная, Лилавати продолжала громко читать, исполненная решимости не дать никому заснуть.

Вечером в храм набилось столько преданных и хиппи, что яблоку было негде упасть. Когда Свамиджи спустился в храмовую комнату, там царило приподнятое, праздничное настроение. Все взоры были устремлены на только что законченные Божества, которые стояли на алтаре — полке из красного дерева под желтым балдахином. Лица и фигуры Джаганнатхи, Субхадры и Баларамы освещали огни прожекторов. На Божествах не было ни одежды, ни украшений, но они были раскрашены в яркие цвета — черный, красный, белый, зеленый, желтый и синий. Они улыбались. Свамиджи тоже смотрел на них, подняв глаза к высокому алтарю.

На лекции он рассказывал о четырех общественных и четырех духовных укладах жизни, описанных в ведической литературе. У каждого человека, говорил он, есть свои обязанности, определяемые личными качествами этого человека и его деятельностью.

— Но высшая цель исполнения этих обязанностей, — пояснил он, — порадовать Верховного Господа.

Даже если человек беден или имеет низкое происхождение — это не так важно. Материальные качества не имеют ничего общего с духовной эволюцией. «Духовная эволюция» означает, что свой талант, способности и деятельность вы должны направить на удовлетворение Верховного Господа.

Свамиджи привел пример Шридхары, бедного преданного Господа Чайтаньи, который зарабатывал (в пересчете на американские деньги) меньше пяти центов в день, но половину своего заработка жертвовал на поклонение Ганге. Но и богатый человек должен отдавать на служение Господу половину своего имущества. Свамиджи привел в пример Рупу Госвами, который половину своего состояния пожертвовал на сознание Кришны, четверть отдал родным, а еще четверть оставил на непредвиденные расходы. Неожиданно Свамиджи вспомнил о деньгах, которые потеряли его ученики в Нью-Йорке:

— И двадцать пять процентов себе, на случай, если произойдет что-то непредвиденное... Ведь когда деньги уходят у меня из рук, я становлюсь беспомощен. Недавно мы потеряли шесть тысяч долларов — не здесь, в Нью-Йорке. Как только вы отдаете кому-то чек, деньги исчезают. Исчезают...

Свамиджи жестом изобразил, как, подобно птице, улетают из рук деньги. Вспомнив о неприятном, запутанном деле с мистером Пэйном и своих глупых учениках, потерявших с трудом нажитые деньги, Свамиджи ненадолго замолк, но затем продолжил лекцию.

— Нет ничего сложного в том, чтобы относиться к Бхагавану, Верховной Личности, с вниманием, — сказал он. — Вот Кришна. Таков Его облик. Таков

Его цвет. Вот Его шлем. Вот Его советы, Его наставления. Вот Его речи. Все, что связано с Кришной. Все, что связано с Кришной. Нет ничего трудного. Но если вы захотите сосредоточиться на чем-то безличном или на Сверхдуше, пребывающей в сердце, как это делают йоги, вам будет очень тяжело. Это очень тяжело. Вы не сможете сосредоточиться на безличном. В «Бхагавад-гите» сказано: *клешо 'дхикатарас тешам авйактасакта-четасам* — «Очень труден путь тех, кто привязан к безличному аспекту Абсолютной Истины». Это не так легко и приятно, как петь, танцевать и пировать. Это очень трудно. И даже если вы будете предаваться рассуждениям о безличном, то все равно, проведя многие и многие жизни в тяжелой борьбе, в конечном итоге придете к Кришне.

Цитируя «Бхагавад-гиту», «Брахма-самхиту» и другие священные писания, Свамиджи продолжал доказывать, что Кришна — Верховная Личность Бога. Первый шаг в духовной жизни, объяснил он, — слушать Самого Кришну. Но человек не станет лучше, если сначала слушает лекцию, а потом, выйдя за порог храма, обо всем забывает.

— Все, что вы слышали, передавайте другим, — попросил он и рассказал, как в журнале «Бэк ту Годхед» его ученики пишут то, что слышали от духовного учителя. А чтобы говорить или писать об услышанном, необходимо глубоко размышлять...

— Услышав что-то о Кришне, вы должны подумать. А затем говорить. Иначе это не подействует. Итак, *шротавйах кирти-тавйаш ча дхйейях пуджйаш ча*. Кроме того, вы должны поклоняться. Для этого вам необходимы Божества. Мы должны думать о Кришне, говорить, слушать о Нем, мы должны поклоняться Ему (*пуджйаш ча*). Должны ли мы делать это от случая к случаю? Нет. *Нитйада* — регулярно. Регулярно. Таков наш путь. Любой, кто следует по этому пути, может постичь Абсолютную Истину. Об этом ясно сказано в «Шримад-Бхагаватам». Большое спасибо. Есть ли вопросы?

Один юноша поднял руку и, волнуясь, заговорил:

— Вы говорили о том, что мы должны повиноваться высшему закону и быть такими, как диктует ваш дух. Или что вы, ваш верховный... Что он говорит вам? Я имею в виду... что он говорит вам? То есть, если вы много медитируете, вы чувствуете, что вы должны сделать... что-то...

Свамиджи: *Это не «что-то». Это должно быть осязаемым.*

Юноша: *Да, я имею в виду, что...*

Свамиджи: *Я говорю вовсе не про «что-то». Об этом и речи быть не может.*

Юноша: *Да-да...*

Свамиджи: *«Что-то» — это расплывчато. Вы должны сказать, что представляет собой это «что-то».*

Юноша: *Ну, скажем... э-э...*

Свамиджи: *Вы не можете этого объяснить. Значит, не понимаете. Поэтому нам нужно учиться. Таков наш путь. Я говорю о нашем пути. Если вы хотите познать Абсолютную Истину, первое условие для этого — вера.*

Затем нужно глубоко размышлять. Затем — посвятить себя духовной практике и слушать о Боге из авторитетных источников. Таковы некоторые из методов духовного совершенствования. И когда вы обретете высшее знание, перейдя от постижения Брахмана к постижению Параматмы, а затем — Верховной Абсолютной Личности Бога, вашей обязанностью станет служение Богу, Верховной Личности, ради Его удовольствия. Так вы достигнете совершенства жизни. Таковы некоторые из путей духовного совершенствования. А вывод таков, что долг каждого, независимо от того, кем он является, — служить Верховному Господу ради Его удовольствия.

Что же для этого нужно? Мы должны слушать о Нем, говорить о Нем, думать о Нем, поклоняться Ему — и все это делать регулярно. Это поможет. Но если вы не поклоняетесь, не размышляете, не слушаете, не говорите, а просто думаете о чем-то, чем-то, чем-то... то это что-то-не-пойми-что — не Бог.

Юноша: Я имел в виду, м-м, понимаете, я еще совсем молод. Я не знаю, что я имею в виду. Я не знаю, что...

Свамиджи: «Не знаю...» Об этом я и говорю. Вы должны познавать, следуя принципам преданного служения. Никто из нас ничего не знает. Поэтому мы и должны узнавать. Таков наш путь.

Девушка: Мы еще молоды и не понимаем высшего закона, нам это все в новинку. Как же мы можем говорить об этом?

Свамиджи: Потому-то вы и должны слушать! Все начинается со шротавйах: надо слушать. Если вы не слушаете, то как сможете говорить? Поэтому мы даем вам возможность слушать. Слушайте, и тогда сможете говорить. Еще вы можете размышлять. Мы дали вам все возможности: слушать, обсуждать, размышлять, поклоняться. Это то, ради чего существует наше Общество. Если вы не слушаете, то как сможете говорить? Первая задача — шротавйах. Затем киртитавйаш ча дхйейах пуджйаш ча нитйада. Таковы наши методы. Вы должны слушать. Услышав — повторяйте, прославляйте Господа. Кроме того, вы должны думать. Еще поклоняться. Таковы наши методы.

Упендра: Свамиджи... Итак, мы должны слушать. Это я понял. Но должны ли мы говорить... или сначала нужно долгое время слушать и только потом говорить?

Свамиджи: Нет. Зачем — долгое время? Допустим, услышали две строчки — вот и повторяйте эти две строчки. И помимо всего прочего вы слушаете «Харе Кришна». Так что можете повторять «Харе Кришна». В чем проблема? Шротавйах киртитавйаш ча. Вы должны слушать и повторять. Если вы не можете запомнить все, о чем мы говорим на лекциях по «Бхагавад-гите» или «Шримад-Бхагаватам», то запомните по крайней мере «Харе Кришна». Это нетрудно. Это самый легкий метод. Слушайте «Харе Кришна» и повторяйте «Харе Кришна». Остальное приложится.

Это может каждый. Даже ребенок может повторять «Харе Кришна». Что тут сложного? Слушайте «Харе Кришна» и повторяйте «Харе Кришна».

Мы не ставим перед вами каких-то чрезмерно трудных задач. Все придет само собой. Мы даем вам все. Но если поначалу вам трудно, можете просто повторять «Харе Кришна». Это очень хорошо. Собственно, вы уже это делаете. Слушание и повторение — это вам поможет. Это основа прогресса в духовной жизни. Не слушая, мы будем попросту что-то выдумывать, теряя время и сбивая людей с толку. Слушать нужно из авторитетных источников.

Бхактиведанта Свами остановился. Эта серьезная философская беседа длилась уже сорок пять минут. Он не устал и вполне мог бы продолжать, но сейчас ему все-таки хотелось провести церемонию установления Божеств. Теперь в этом храме было все необходимое для духовной жизни: преданные, книги, Божества и *прасад*. Свамиджи хотел, чтобы собравшиеся здесь молодые люди воспользовались этим. Чего ради они должны вести животное существование и считать духовную жизнь блужданием впотьмах в поисках «того, не знаю чего»? Им нужно воспользоваться милостью Кришны, стать счастливыми и добиться успеха. И ради этого Свамиджи готов был без устали день и ночь служить им.

Свамиджи: *Хаягрива! Поди сюда.*

Свамиджи велел преданным принести большую свечу на подносе. Обряд, который он собирался провести, был очень прост: преданные и гости должны были один за другим подходить к алтарю и круговыми движениями предлагать огонь Божествам.

— Зажги свечу, — сказал Свамиджи, — а затем во время *киртана* каждый должен подойти к Божествам и... — Свамиджи сделал круговое движение руками. — Понятно?

Хаягрива: *Да-да.*

Свамиджи: *Во время киртана. Когда один преданный устанет, он должен передать свечу другому. Когда тот устанет, он передаст ее следующему, и так все время, пока идет киртан. Начинай прямо сейчас, вместе с киртаном. Понятно? Да... Начинай, а когда устанешь, передай свечу другому.*

Свамиджи со своего места руководил действиями Хаягривы, направлявшегося к Божествам с зажженной свечой. От напряженного ожидания некоторые девушки нервно захихикали.

— Встань перед Божествами, — сказал Свамиджи. — Вот так. А теперь начнем *киртан*.

Свамиджи заиграл на *караталах* и запел *мантру* Харе Кришна на уже ставшую популярной мелодию, которую он привез из Индии.

— Прямо перед Божествами, — обратился он к Хаягриве, жестом показывая ему, чтобы он подошел ближе к Божествам. Один за другим преданные и гости поднимались на ноги и начинали танцевать, подняв руки и раскачиваясь в такт музыке перед сияющими Божествами. Все пели *мантру*. Под балдахинном замигали цветные огни — синие, красные и желтые, высвечивая огромные круглые глаза Господа Джаганнатхи, Субхадры и Баларама. Му-кунда, который придумал это освещение, улыбнулся и взглянул

на Свамиджи, ожидая его одобрения. Свамиджи кивнул и продолжал громко и энергично петь *мантру* Харе Кришна.

Молодые хиппи вдохновенно пели и танцевали, зная, что *киртан* обычно длится около часа. Некоторые из них помнили при этом слова Свамиджи о необходимости сосредоточить ум на личностной форме Верховного Господа. Они поняли его, когда, взглянув на Божества, он сказал:

— Вот Он — Кришна.

Другие мало что понимали, но думали о том, как все-таки здорово петь *мантру* Харе Кришна и смотреть на смеющиеся большеглазые Божества, которые стоят на алтаре среди цветов и курящихся благовоний.

Бхактиведанта Свами с удовольствием наблюдал, как один за другим гости и преданные предлагали огонь Господу Джаганнатхе. Это была очень простая церемония установления Божеств. В больших храмах Индии церемония установления Божеств представляет собой сложную, тщательно разработанную процедуру, она длится несколько дней, в течение которых высокооплачиваемые жрецы проводят всевозможные ведические ритуалы и жертвоприношения. Но в Сан-Франциско не было ни брахманов-жрецов, ни возможности соблюсти многие другие формальности.

Индийские кастовые *брахманы* сочли бы того, кто доверил Господа Джаганнатху *млеччхам* и позволил им поклоняться Ему, святотатцем. Никому из присутствующих здесь, кроме самого Свамиджи, не разрешили бы даже войти в храм Джаганнатхи в Пури. Белые люди, жители стран Запада, могут увидеть Господа Джаганнатху только три раза в году: во время праздников Снана-ятра и Ратха-ятра, а также после Ратха-ятры, когда Господь Джаганнатха возвращается на колеснице в Свой храм. Однако все эти ограничения были всего лишь социальными условностями и не имели ничего общего с предписаниями *шаштр*. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати позволял каждому, независимо от касты, расы или национальности, поклоняться Божествам и получать духовное посвящение. А Бхактивинода Тхакур, отец Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, мечтал о том дне, когда люди Запада вместе со своими индийскими братьями будут петь *мантру* Харе Кришна.

Бхактиведанта Свами приехал на Запад, чтобы исполнить волю своего духовного учителя и осуществить предсказание Бхактивиноды Тхакура, превратив жителей Запада в вайшнавов. А для того, чтобы они стали настоящими преданными, им нужно дать возможность поклоняться Божествам. Без этого им будет гораздо труднее очиститься. Бхактиведанта Свами непоколебимо верил в указание своего духовного учителя и слова священных писаний. Он знал, что Господь Джаганнатха особенно милостив к падшим, и молился о том, чтобы Господь Вселенной не был оскорблен приемом, который Ему оказали в Нью-Джаганнатха-Пури.

Когда *киртан* закончился, он попросил Харидаса принести ему свечу. Свамиджи провел руками над огнем и коснулся лба.

— Покажи каждому, — сказал он. — Всем. Пусть пожертвуют, кто сколько сможет. Возьми свечу и покажи каждому.

Он отдал свечу Харидасу, чтобы тот поднес ее всем собравшимся и каждый мог коснуться руками огня, как он показал, а затем дотронуться до лба. Пока Харидас шел с огнем от человека к человеку, некоторые преданные стали кидать на поднос мелочь. Их примеру последовали другие.

После этого Свамиджи заговорил:

— «Бхагаватам» рекомендует слушать и повторять святые имена, думать о Господе и поклоняться Ему. Церемония, которую мы проводим сегодня, приветствуя приход Джаганнатхи Свами, означает, что отныне это место является настоящим храмом. Так следует поклоняться Божествам. Это называется *арати*. Каждый день в конце *киртана* будет проводиться такое *арати*. Поклонение Божествам заключается в том, что мы берем от огня немного тепла и жертвуем немного денег, столько, сколько нам позволяют средства. Это совсем не трудно, и если вы станете делать это, то увидите, как углубится ваше понимание Абсолютной Истины.

И еще одна просьба, с которой я хочу обратиться ко всем преданным: когда вы приходите в храм, приносите с собой какой-нибудь цветок и фрукт. Если вы можете принести больше фруктов или цветов — очень хорошо. А если нет, принесите в храм один фрукт и один цветок, это по силам каждому. И предлагайте их Божествам. Итак, я прошу вас: приходя в храм, всегда приносите что-нибудь с собой. Это не значит, что вы должны принести очень дорогой фрукт. Нет, любой. Все, что вы можете себе позволить. Один плод и один цветок.

Он сделал паузу и оглядел присутствующих.

— А сейчас раздайте *прасад*.

Гости расселись рядами на полу, и преданные стали разносить *прасад*, предложив первую тарелку Свамиджи. Здесь были блюда, готовить которые их научил сам Свамиджи: *самосы*, *халава*, *пури*, рис, несколько блюд из овощей, фруктовое *чатни*, сладости — все, что обычно подают во время воскресного пира. Гостям понравился *прасад*, и они ели столько, сколько могли. Пока преданные, в основном женщины, разносили добавку, гости отдыхали, наслаждаясь угощением и непринужденной беседой. Отведав все блюда, Свамиджи удивленно поднял брови:

— Отлично приготовлено. Да здравствуют повара!

Через несколько минут, когда пир еще вовсю шел, Свамиджи сказал в микрофон:

— *Джаганнатхах свамй найана-патха-гами бхавату ме*. Говард, повтори.

Хаягрива сглотнул, прокашлялся и громко повторил:

— *Джаганнатхах свамй найана-патха-гамй бхавату ме*.

Свамиджи: *Да, эту мантру нужно петь. Джаганнатхах свамй найана-патха-гамй бхавату ме*.

Какой-то парень спросил, что она означает. Хаягрива ответил:

— Э-э... «Господь Вселенной, пожалуйста, предстань передо мной».

Вдруг Свамиджи, заметив, как какой-то пожилой, прилично одетый мужчина уходит, не получив тарелки с праздничным *прасадом*, заволновался:

— О, почему он уходит? Попросите его вернуться.

Какой-то юноша побежал за ним, открыл входную дверь и позвал:

— Пожалуйста, не уходите. Свамиджи просит...

Мужчина вернулся, и Свамиджи попросил:

— Пожалуйста, пожалуйста, примите *прасад*, — и, повернувшись к раздающим, скомандовал: — Положите сначала ему.

Так, рассевшись перед алтарем Господа Джаганнатхи, под покровительством Его слуги, Бхактиведанты Свамй, преданные и гости продолжали пировать.

На следующий день преданные, не посоветовавшись со Свамиджи, сняли Джаганнатху с алтаря и понесли Его в Голден-Гейт-парк на *киртан*. В считанные минуты на лужайке у Холма хиппи собрались сотни людей и стали петь и танцевать вокруг Господа Джаганнатхи. Спустя несколько часов преданные вернули Его на алтарь.

Свамиджи был недоволен:

— Божества никогда не должны покидать храм. Божества не выходят на всеобщее обозрение. Это происходит только в особые дни. Недопустимо выставлять Их в парке и позволять птицам на Них испражняться. Если хотите увидеть Божества, то сами должны приходить к Ним.

Присутствие Господа Джаганнатхи преобразило храм. Преданные каждый день делали для Него гирлянды. Из Нью-Йорка пришли картины Джадурани, изображающие Господа Вишну, а Говинда даси написала большой портрет Свамиджи, который повесили над его сиденьем. Преданные также украсили стены индийскими литографиями с изображениями Кришны. От вспыхивающих, пульсирующих огней, освещавших Господа Джаганнатху, Его глаза, казалось, сверкали, а цвета Его одежд переливались, так что Он быстро оказался в центре внимания психоделического Хайт-Эшбери.

Откликнувшись на просьбу Свамиджи, преданные и гости стали приносить на алтарь Господа Джаганнатхи цветы и фрукты. Хиппи приходили и приносили, что могли: пшеничный колосок, полкаравая хлеба, коробку соленых кукурузных хлопьев, кусок сливочной помадки, свечи, цветы и фрукты. Прослышав, что, прежде чем пользоваться чем-то самим, нужно сначала предложить это Богу, некоторые хиппи, перед тем как надеть новую одежду, стали приносить ее в храм и с молитвой предлагать Господу Джаганнатхе. Эти хиппи, хотя и мало что знали об указаниях Господа Джаганнатхи, хотели получить Его благословения.

Каждый вечер преданные проводили *арати*, как научил их Свамиджи, по очереди предлагая огонь Господу Джаганнатхе. Когда преданные спросили, могут ли они добавить к этой церемонии что-нибудь еще, Свамиджи ответил, что можно предлагать также благовония. Он сказал, что в поклонении Божеству есть очень много различных деталей. Чтобы делать все как

положено, преданным пришлось бы заниматься этим круглые сутки. Но если бы он рассказал им обо всем сразу, им стало бы дурно.

В беседе с одним из своих учеников Свамиджи сказал, что во время *киртана* в храме он думал о Господе Чайтанье, танцевавшем перед Господом Джаганнатхой. Он рассказал, как Господь Чайтанья пришел в Пури и танцевал перед Господом Джаганнатхой в таком экстазе, что мог вымолвить только: «Джаг... Джаг...» Господь Чайтанья думал: «Кришна, Я так давно хотел Тебя увидеть. И вот теперь наконец Я вижу Тебя». Когда Господь Чайтанья жил в Пури, к Нему каждый вечер приходило по пятьсот человек, и они устраивали огромный *киртан*. Его вели четыре группы преданных, находившихся в четырех разных местах. В каждой из групп было четыре человека, игравших на *мридангах*, и восемь человек, игравших на *караталах*.

— Одна группа стояла слева от Господа Чайтаньи, другая — справа, — объяснял Свамиджи, — одна спереди, другая — сзади. А Сам Он стоял посередине. Все преданные танцевали и пели: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна...» Так было каждый вечер, пока Господь находился в Джаганнатха-Пури.

Ученики понимали, какая пропасть отделяет их от Свамиджи. Он никогда не был хиппи. Наркотические иллюзии Хайт-Эшбери, психоделические плакаты, рок-музыканты, жаргон хиппи и слоняющиеся по улицам бродяги — все это было чуждо Свамиджи. Они знали, что он другой, но порой забывали об этом. Каждый день он проводил с ними так много времени — ел и шутил с ними, полагался на них. Однако были моменты, когда они вдруг вспоминали, кто находится рядом. Когда они вместе стояли в храме перед Господом Джаганнатхой и пели *мантру*, он, в отличие от них, думал о *киртанах*, которые устраивал Господь Чайтанья во время Ратха-ятры в Пури. Когда Господь Чайтанья приходил в храм Джаганнатхи, Он видел Самого Кришну, и Его любовь к Кришне была так велика, что, охваченный ею, Он лишался рассудка. Так, как думал об этом Свамиджи, не мог думать никто из его учеников — и все же он оставался с ними, был их лучшим другом и духовным наставником. Он служил им и учил их молиться Господу, как молился сам, чтобы они тоже могли служить Кришне: «О Господь Вселенной, будь милостив, предстань перед моим взором».

* * *

У Говинды даси был один вопрос к Свамиджи. Однажды он упомянул, что Господь Чайтанья плакал от разлуки с Кришной и как-то раз даже бросился в реку с криком: «Где же Кришна?» Она сомневалась, уместным ли будет ее вопрос, но ждала подходящего случая, чтобы его задать.

Однажды вечером, после лекции, когда Свамиджи попросил задавать вопросы, вопросов ни у кого не оказалось. Говинда даси подумала: «Это мой

шанс», но все равно колебалась. Во-первых, сам вопрос был не по теме, а во-вторых, она не любила спрашивать на публике.

— Нет вопросов? — Свамиджи оглядел аудиторию.

Говинде даси показалось, что он разочарован. Свамиджи постоянно просил их задавать вопросы, чтобы не оставалось никаких сомнений.

Он спросил снова:

— Есть ли вопросы?

Говинда даси: *Э-э, не могли бы вы рассказать, как Господь Чайтанья спрашивал...*

Свамиджи: *М-м?*

Говинда даси: *... спрашивал о Кришне?*

Свамиджи: *М-м?*

Говинда даси: *Не могли бы вы рассказать, как Господь Чайтанья спрашивал о Кришне и как Он бросился в воду? Или это не...*

Свамиджи (с улыбкой): *Да, да. Очень хорошо. Ты задала очень хороший вопрос. О, я очень рад.*

— Господь Чайтанья, — начал Свамиджи, — есть совершенное олицетворение кришна-бхакти, совершенный преданный Кришны. Посмотрите, как Он жил. Он никогда не говорил: «Я видел Кришну». Никогда такого не говорил. Он сходил с ума по Кришне. Именно так, согласно философии Чайтаньи, следует служить Кришне. Это называется *вираха*. *Вираха* значит «разлука». Разлука: «Кришна, Ты такой удивительный, такой милостивый, такой хороший. А я — последний негодяй, последний грешник и поэтому даже не могу увидеть Тебя. Я недостойн Тебя увидеть». Если человек испытывает такую разлуку с Богом — «Кришна, я хочу видеть Тебя, но я так низко пал, что не способен на это» — это чувство углубит его сознание Кришны. Чувство разлуки. Не так: «Кришна, я Тебя увидел. Все. Замечательно. Я Тебя понял. Больше мне ничего не нужно. Дело сделано». Нет! *Постоянно*. Думайте так: «Я недостойн Его увидеть». Это углубит ваше сознание Кришны.

Чайтанья Махапрабху являл это чувство разлуки. Это та же разлука, которую испытывает Радхарани. Когда Кришна уехал из Вриндавана, когда вернулся к отцу, Радхарани охватили такие же эмоции — она постоянно сходилась с ума по Кришне. А Кришна Чайтанья, Чайтанья Махапрабху, испытывал то же чувство разлуки, что и Радхарани. Такова наилучшая форма поклонения Кришне и лучший способ обретения сознания Кришны. Итак, вы знаете, что Господь Чайтанья бросился в море: «Кришна, Ты здесь? Кришна, Ты здесь?»

Госвами, которые были преемниками, непосредственными учениками Господа Чайтаньи, — Рупа Госвами, Санатана Госвами, — продолжая эту традицию, тоже поклонялись Кришне в настроении разлуки. Об этом есть один замечательный стих...

Свамиджи пропел:

хе радхе враджа-девике на лалите хе нанда-суно кутах

*шри-говардхана-калпа-падапа-тале калинди-ване кутах
хшошантав ити сарвато враджа-пуре кхедаир маха-вихвалау
ванде руна-санатанау рагху-йугау шри-джива-гопалакау*^[5]

Так же и эти Госвами. Достигнув высот в преданном служении — что они делали? *Каждый день* они ходили по Вриндавана-дхаме, взывая, словно безумные: «Кришна, где Ты?» Вот вам пример. Очень хороший вопрос.

Свамиджи сделал паузу и, произнеся задумчивое «м-м-м», замолчал. Молодежь тоже молчала, глядя на него. Он сидел, скрестив ноги, на возвышении из красного дерева, на черной бархатной подушке. Его руки были сложены, а глаза прикрыты. В этот момент его вдруг охватили глубокие экстатические эмоции. Хотя преданные, сидящие в храме, не понимали толком, что происходит, они *видели*, что Свамиджи погрузился в какое-то особое внутреннее состояние. Они почувствовали, как атмосфера наполнилась благоговейным спокойствием и преданностью, и не сводили с него глаз.

Прошло полторы минуты. Бхактиведанта Свами произнес еще одно задумчивое «м-м-м» и открыл глаза — они были полны слез. Он протянул руку и взял *карталы*, и те звякнули в его руках. Но затем он опять замер. Его внешнее сознание вновь отключилось.

Прошла еще одна минута в молчании. Стояла мертвая тишина, и время, казалось, текло очень медленно и напряженно. Еще минута. Спустя почти четыре минуты Свамиджи прокашлялся и, ударив в *карталы*, начал медленно отбивать ритм. Один преданный монотонно «загудел» на фисгармонии. Постепенно наращивая темп, Свамиджи запел: *говинда джайа джайа гопала джайа джайа / радха-рамана хари говинда джайа джайа*. Минут через десять *киртан* закончился и Свамиджи вышел из комнаты.

Преданные вставали с мест и расходились. Они приступали к повседневным делам — кто-то вслед за Свамиджи выходил из храма и шел на кухню, кто-то остался побеседовать с друзьями... Все они теперь знали, что их духовный учитель остро ощущает разлуку с Кришной. Они не сомневались, что он погрузился в глубокий экстаз, поскольку, находясь рядом с ним в этом долгом, необычном молчании, они ощутили отблеск его любви к Кришне.

* * *

Ученики предложили Свамиджи провести *киртан* на пляже. Из-за этого во вторник вечером в храме не было ни *киртана*, ни лекции. Свамиджи сел в машину одного из преданных, на заднее сиденье. Около десятка инициированных учеников и пара собак заняли места в других автомобилях, и все вместе они отправились на побережье. Когда машины прибыли на место, несколько преданных побежали по берегу, чтобы набрать плавника и развести костер в тени песчаной дюны.

С океана дул прохладный вечерний ветер. На Свамиджи было длинное клетчатое пальто поверх хлопчатобумажной фуфайки с капюшоном. Во время *киртана* он хлопал в ладоши и танцевал, в то время как другие, взявшись за руки, водили вокруг него хоровод. На закате преданные повернулись лицом к океану и, подняв руки, что было сил запели: «Хари-и-и-и бол!» Но шумные волны, набегающие на берег, и сильный ветер почти заглушили их *киртан*.

Собравшись вокруг костра, преданные стали закапывать в горячие угли обернутые в фольгу клубни картофеля и яблоки с начинкой из коричневого сахара и изюма. Идея провести вечер у океана принадлежала преданным, но Свамиджи с огромным удовольствием поучаствовал в этом веселом *киртане* по-калифорнийски.

Харидас и Хаягрива сочинили песню о мудреце Нараде Муни и спели ее Свамиджи.

Знаете ли вы, кто первый
Вечный космонавт в этой вселенной?
Кто первым разослал свои громкие, громкие позывные
По всем космическим передающим станциям?
От громких звуков его песен
Планеты сходят с орбит.
Но не спеши называть меня ненормальным,
Ведь я говорю о Нараде Муни,
Который поет:
ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА,
КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ,
ХАРЕ РАМА, ХАРЕ РАМА,
РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ...

Свамиджи смеялся. Ему нравилось все, что содержало в себе *мантру* Харе Кришна. И он попросил их сочинить побольше таких песен для соотечественников.

Гуляя вдоль берега, они набрали на старую, полуразрушенную ветряную мельницу.

— Мукунда, — сказал Свамиджи, — вы должны обратиться к властям и сказать, что мы восстановим эту мельницу, если нам позволят построить на этом месте храм.

Сначала Мукунда подумал, что Свамиджи шутит, но потом заметил, что он совершенно серьезен. Мукунда пообещал спросить.

На прогулке Свамиджи, в своем не по размеру большом пальто, застегнутом на все пуговицы, был центром внимания любящих учеников. Вдоволь нагулявшись, Свамиджи вместе со всеми сел на большое бревно, чтобы отведать печеной картошки с маслом. Закончив, он бросил остатки собакам.

Небо темнело, высоко над океаном загорались звезды. Преданные столпились вокруг Свамиджи, чтобы провести заключительный *киртан*. Затем, как и в храме, они склонились до земли, а Свамиджи стал читать молитвы Господу и *парампаре*. Но закончил он так:

— Слава собравшимся преданным! Слава собравшимся преданным! Слава Тихому океану!

Все засмеялись. Свамиджи выполнил желание своих учеников: они вместе насладились вечерним *киртаном* и пикником на берегу океана. А они в свою очередь выполнили его желание: пели *маха-мантру* и понемногу становились преданными Кришны и просто счастливыми людьми.

* * *

Хаягрива сидел в комнате Свамиджи и выжидающе смотрел на него. Несколько дней назад он нашел в библиотеке пьесу о Господе Чайтанье и принес ее Свамиджи. Но тот сказал, что ее содержание не заслуживает доверия, и решил сам сочинить сценарий для пьесы и позвал Хаягриву, чтобы его записать.

— Я дам тебе сюжет, — сказал он. — Вам останется только поставить пьесу.

Готовясь рассказывать о событиях из жизни Господа Чайтаньи, Свамиджи пребывал в легком и веселом расположении духа. Он сделал набросок двадцати трех сцен и теперь хотел подробно рассказать о каждой. Хаягрива не успел толком разобраться, что Свамиджи собирается делать, и не был еще готов конспектировать, а Свамиджи уже начал описывать первую сцену.

— Первая сцена, — начал он. — По дороге движется *санкиртана*, такая же, как у нас с вами. Замечательная процессия: с *мридангой*, *караталами* и рожком. А все вокруг поют — как обычно. Надо организовать очень хорошую процессию.

Во второй сцене появляется Кали, очень уродливый темнокожий человек, облаченный в дорогие царские одежды. Его царица тоже очень уродлива. Они встревожены. Они говорят между собой: «Началось движение *санкиртаны*. Как же теперь нам продолжать свои дела в этот век раздоров, Кали-югу?» В этом эпизоде в углу появляются двое-трое пьяниц, собутыльников. Такая будет сцена. В центре сидят олицетворенный век раздоров и его жена. В одном углу пьют, в другом кто-то заигрывает с женщиной. На остальном пространстве разыгрываются сцены азартных игр и убийства коровы. Вот так это должно выглядеть. А в середине — уродливый Кали разговаривает со своей уродливой женой: «Мы в опасности. Началось движение *санкиртаны*. Что же делать?» На этом сцена заканчивается.

Затем начинается прекрасная третья сцена — танец *раса*.

Тут Хаягрива прервал Свамиджи. У него были свои соображения насчет того, что он называл «драматической экспозицией».

— Я думаю, — сказал Хаягрива, четко выговаривая слова, — что происходящее должно относиться ко всему миру. То есть имена можно оставить индийские, но, мне кажется, описанную вами сцену с Кали и его супругой Порочностью, а также сцену с флиртом и скотобойней можно изобразить на западный манер.

Свамиджи не возражал, однако опасался, не подумали бы зрители, что имеются в виду только жители Запада — как будто только они вступают в недозволенные половые отношения. Хаягрива хотел было ответить, но решил, что не время цепляться к словам, а Свамиджи не терпелось продолжить рассказ об играх Господа Чайтаньи.

Бхактиведанта Свами: *Танец раса выглядит так: Кришна и Радхарани стоят в центре, а вокруг Них — гопи. Помнишь, как недавно в парке люди танцевали с нами, взявшись за руки? Что-то вроде этого.*

Хаягрива: *Да, да.*

Бхактиведанта Свами: *Итак, один Кришна и одна гопи. Они танцуют. Такая сцена. Затем танец прекращается и Кришна ведет беседу со Своими подругами. Кришна обращается к ним: «Дорогие подруги, вы пришли ко Мне глубокой ночью, но это нехорошо, поскольку долг каждой женщины — угождать мужу. Вы пришли сюда в столь поздний час. Что же подумают ваши мужья? Поэтому, пожалуйста, возвращайтесь домой».*

Гопи отвечают: «Как Ты можешь так говорить? Мы всем сердцем стремились к Тебе, преодолев множество трудностей. Не пристало Тебе гнать нас прочь». Вся беседа должна продолжаться в таком духе: Кришна просит их вернуться домой, а гопи настаивают: «Нет, давай продолжим танец раса!»

Затем, когда танец раса заканчивается, гопи уходят, а Кришна говорит: «Эти гопи для Меня дороже самой жизни. Они такие искренние преданные, что ни семейные обязанности, ни боязнь потерять доброе имя их не остановили. Они пришли ко Мне. Чем же Я могу им отплатить?» Итак, Он думал: «Чем же Мне отплатить им за эту экстатическую любовь? Я не смогу вернуть им долг, пока не встану Сам на их место, чтобы понять Себя. Сам Себя Я понять не могу. Я должен встать на место гопи и почувствовать, как они любят Меня».

Придя к такому выводу, Он принял облик Господа Чайтаньи. Поэтому Кришна темного цвета, а Господь Чайтанья — такого же цвета, как гопи. Вся жизнь Господа Чайтаньи — демонстрация любви гопи к Кришне. Все это нужно показать в третьей сцене. Что-то хочешь спросить?

Хаягрива: *Вот поэтому Он решил прийти как Господь Чайтанья?*

Бхактиведанта Свами: *Господь Чайтанья, да.*

Хаягрива: *Для того чтобы...*

Бхактиведанта Свами: *Чтобы увидеть Кришну глазами гопи. Например, у нас с тобой есть какие-то отношения. Ты личность, и я личность. Но если я хочу понять, почему ты так предан мне, почему ты так любишь меня, то*

должен поставить себя на твое место. Это естественно. Это и следует показать.

Свамиджи рассказывал и объяснял истории одну за другой. Большинство из них Хаягрива слышал впервые. Порой он не мог правильно записать или даже произнести имена героев. Он не знал, кто была мать Господа Чайтанья и был ли Нитьянанда преданным. А когда Свамиджи рассказал историю о Кшира-Чора-Гопинатхе, Божестве, укравшем для Своего преданного сгущенное молоко, то Хаягрива совсем запутался и решил, что сгущенное молоко украл Сам Господь Чайтанья.

Бхактиведанта Свами: *Нет. О, ты что, не слушал? Чайтанья, увидев Божество, сел и стал смотреть на Него, а Нитьянанда Прабху тем временем рассказывал историю, почему это Божество стали называть Кшира-Чора-Гопинатхой. Ты что, не следишь за моим рассказом?*

Хаягрива (собираясь с мыслями): *Нитьянанда?*

Бхактиведанта Свами: *Нитьянанда сопровождал Господа Чайтанью...*

Хаягрива: *Нитьянанда рассказывал это Господу Чайтанье?*

Бхактиведанта Свами: *Да, Божество звали Кшира-Чора-Гопинатха. В этой истории (Свамиджи повторял это уже в третий раз) рассказывается, что когда-то это Божество украло для Своего преданного горшочек сгущенного молока.*

Хаягрива: *Хорошо. А какое отношение это имеет к Господу Чайтанье?*

Бхактиведанта Свами: *Господь Чайтанья был в этом храме. В те времена путь из Бенгалии в Джаганнатха-Пури проходил через то место, где стоял храм Кшира-Чора-Гопинатхи. Поэтому обычно все посещали этот храм. Некогда этот храм посетил и Мадхавендра Пури. Именно для него Гопинатха украл сгущенное молоко. С тех пор это Божество называют Кшира-Чора-Гопинатха. Эту историю рассказали Чайтанье Махапрабху. Сидя перед Божеством и слушая этот рассказ, Чайтанья Махапрабху радовался, что Господь так милостив и ради Своего преданного может даже что-то украсть. Это очень важно. Нужно изобразить очень красивый храм с Божеством на алтаре. Туда входит Господь Чайтанья, поющий «Харе Кришна». Там Он видит церемонию поклонения, арати. Это тоже нужно показать. И небольшую историю. Этого достаточно.*

Когда Свамиджи рассказывал о визите Господа Чайтанья в храм Сакши-Гопалы, Хаягрива опять сбился.

— Ты следишь за моим рассказом? — спросил Свамиджи.

— Нет, — выдавил Хаягрива. — Нет.

В конце концов Хаягрива перестал задавать вопросы и перебивать. Он практически ничего не знал ни о том, кто были герои, ни об их характерах, но стоило ему хотя бы немного узнать об этом, он пытался загнать их в рамки своей «драматической экспозиции». В действительности Свамиджи не только не возражал против вопросов Хаягривы, но даже приветствовал их, желая, чтобы Хаягрива понял, как поставить пьесу. Однако Хаягрива решил пока просто послушать.

Всего за час Свамиджи рассказал множество историй из первой половины жизни Господа Чайтаньи: о том, как, будучи пятилетним мальчиком, Он дразнил брахманов на берегу Ганги, о Его движении гражданского неповиновения против мусульманского судьи, о том, как в возрасте двадцати четырех лет Он отрекся от мира, о Его последней встрече с любимой матерью, о Его дороге в Пури и путешествии по Южной Индии, о Его встречах и беседах с учениками, такими как Сарвабхаума, Рамананда Рай, Рупа Госвами и Санатана Госвами.

В конце концов утреннее расписание Свамиджи вынудило его прервать беседу. Настало время омовения и обеда. Было решено продолжить на следующий день.

Во второй раз Хаягрива слушал внимательнее, и трансцендентные сцены быстро сменяли одна другую. Описывая каждый эпизод, излагая слова и мысли Господа и Его спутников, Свамиджи, казалось, сам наблюдал за этими событиями. Особые чувства в нем вызвал рассказ о Господе Чайтанье и Харидасе Тхакуре.

— Харидас Тхакур родился в мусульманской семье, — начал Свамиджи. — Так или иначе он стал преданным и повторял святое имя триста тысяч раз в день: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Чайтанья Махапрабху объявил его *ачарьей*, великим учителем повторения святого имени. Поэтому мы прославляем его как *намачарью*: *намачарйа харидаса тхакура ки джайа!* Он был провозглашен *ачарьей*, великим знатоком науки о повторении «Харе Кришна».

Когда Господь Чайтанья принял *санньясу*, Харидас решил: «Дорогой Господь, Ты покидаешь Навадвипу. Какой мне смысл теперь жить? Возьми меня с Собой или позволь умереть».

На это Чайтанья Махапрабху ответил: «Нет. Зачем тебе умирать? Ты пойдешь со Мной». Он взял его в Джаганнатха-Пури. Харидас считал себя выходцем из мусульманской семьи, поэтому никогда не входил в храм Джаганнатхи. Но Чайтанья Махапрабху поселил его в доме Кашинатхи Мишры. Здесь Харидас повторял *мантру*, а Чайтанья Махапрабху посылал ему *прасад*. Так проходили его дни. Не было и дня, чтобы Чайтанья не навестил Харидаса.

Свамиджи хотел, чтобы в пьесу вошла сцена ухода Харидаса Тхакура.

Хаягрива: *Это тот самый Харидас, которого мусульмане бросили в реку?*

— Да, — ответил Свамиджи.

У Хаягривы невольно вырвалось:

— Так значит, он умирает прямо в пятой сцене?

Вопрос смутил Свамиджи. Хаягрива вновь продемонстрировал скудость своих духовных познаний: он говорил об уходе Харидаса как о смерти обычного человека.

— Ладно, — понял свою ошибку Хаягрива. — Как же там было дело?

Бхактиведанта Свами: *Это событие очень важно. Чайтанья Махапрабху был брахманом и санньяси. Согласно порядкам, царившим тогда в обществе,*

Ему не полагалось даже касаться мусульманина. Харидас Тхакур был мусульманином, и все же, когда он умер, Чайтанья Сам взял его тело на руки и танцевал с ним. Он похоронил его и устроил раздачу прасада.

Поскольку Харидас был мусульманином, он не входил в храм Джаганнатхи — индусы очень строго за этим следили. Харидас был преданным, но он думал: «Зачем я буду создавать беспокойства?» Чайтанье Махапрабху очень нравилось скромное поведение Харидаса. Даже став преданным, Харидас не требовал, чтобы его пустили в храм. Но Чайтанья Махапрабху каждый день Сам приходил к нему. Отправляясь к морю, Он сначала заходил к Харидасу: «Харидас, что ты делаешь?» Харидас кланялся, а Господь садился и какое-то время беседовал с ним. Затем Чайтанья Махапрабху шел совершать омовение.

Так продолжалось какое-то время, пока однажды Чайтанья не заметил, что Харидас чувствует себя неважно. «Харидас, как твое здоровье?» «Да, господин, не очень хорошо... В конце концов, это — материальное тело».

Через два дня Чайтанья Махапрабху увидел, что Харидас вот-вот оставит тело. Он спросил: «Харидас, чего бы ты хотел?» Они оба понимали, о чем идет речь. Харидас ответил: «Мой час настал. Если бы Ты милостиво согласился остаться со мной...»

Свамиджи полностью погрузился в напряженное эмоциональное переживание этой сцены, словно она разворачивалась у него на глазах. Он закрыл глаза и застонал: «М-м-м...» Воцарилось молчание. Затем он продолжил, медленно, запинаясь:

— Итак, Чайтанья Махапрабху стоял перед ним... и тот оставил тело.

Он глубоко вздохнул и замолчал. Хаягрива сидел, уставившись в пол. Когда он поднял глаза, то увидел, что духовный учитель плачет.

Свамиджи быстро набросал последние эпизоды своего сценария.

— Теперь пиши, — сказал он Хаягриве, — а я добавлю или подправлю. Это был просто конспект, набросок. Разработка за тобой.

Хаягрива вышел. Материала было много, и он очень сомневался, что когда-нибудь напишет эту пьесу. Но он был бесконечно благодарен Свамиджи за эту удивительную беседу.

* * *

Стэнфордский университет. Бхактиведанта Свами начал киртан. Он сидел в комнате отдыха для студентов, на столике для игры в бридж, и в маленький микрофон пел мантру. Ученики ему подыгрывали. Сначала собралось около двадцати человек, но постепенно зрителей становилось все больше и больше. Все пришедшие присоединялись к пению. Скоро комната преобразилась до неузнаваемости: более двухсот студентов, большинство из которых слышали мантру Харе Кришна впервые, танцевали и пели не хуже, чем самые раскованные хиппи с Хайт-Эшбери. Киртан шел больше часа.

Затем, обращаясь к студентам, Свамиджи объяснил, чему они только что стали свидетелями:

— Этот танец «Харе Кришна» — лучший способ избавиться от иллюзорного представления о себе как о теле. Наше Общество пытается передать миру этот бесценный дар Господа. Даже не понимая слов *мантры*, вы ощутили экстаз, побудивший вас танцевать.

Затем Свамиджи ответил на вопросы. Все шло как обычно, пока кто-то не спросил, что Бхактиведанта Свами думает по поводу призыва студентов в армию. Свамиджи ответил, что, раз они сами избрали себе такое правительство, какой толк теперь жаловаться, что оно гонит их на войну? Но некоторые из студентов — те самые, которые еще минуту назад пели и танцевали, — подняли крик:

— Нет! Нет!

Свамиджи попытался обосновать свою точку зрения, но студенты в гневе стали кричать еще громче и устроили настоящий бедлам. В конце концов Свамиджи взял *карталы* и снова запел. Бунтовщики ушли.

На следующий день газета «Пало-Альто таймс» поместила на первой полосе рассказ об этом событии, с большим заголовком и фотографией *киртана*.

Визит Свами в Стэнфорд был отмечен древним экстатическим танцем

Те, кто привык не отставать от моды, уделите минуту внимания этой статье. Появился новый танец, который скоро охватит всю страну. Он называется «свами».

Не исключено, что он вытеснит фраг, ватуси, свим^[6] и даже старую добрую польку.

Почему? Потому что вы можете совершать любые движения и в то же время ощутить истинное счастье. Этот танец поможет вам избавиться от иллюзии, что вы и ваше тело неразделимы...

Пение начиналось спокойно, но по мере того, как к нему присоединялись люди, набирало мощность.

Через полчаса длинноволосый юноша с тремя рядами красных бус на шее поднялся и начал танцевать. В экстазе он закрыл глаза, а руки поднял на высоту плеч, ладонями вверх.

Вскоре его примеру последовали две девушки. У одной на шее висели нанизанные на шнурок бубенцы.

К ним присоединился бородатый парень в ярко-розовой шапочке. При этом он не прекращал бить в бубен.

Свами стал петь в стоящий перед ним микрофон, чем побудил других петь и топать громче.

Симпатичная девушка в сари танцевала, словно погрузившись в гипнотический транс.

Невысокий, смуглый, опрятно одетый человек в костюме и галстук сбросил туфли и присоединился к танцующим. То же самое сделал и молодой

профессор математики. В уголке раскачивалась и кружилась красивая трехлетняя девочка со светлыми волосами.

Вскоре почти все пели и танцевали. Темп убыстрялся. На лицах выступил пот, в помещении становилось жарко.

Затем все закончилось.

Бхактиведанте Свами понравилась статья, и он попросил сделать с нее несколько копий.

— Как они называли танец? — засмеялся он. — «Свами»? Сверху, над фотографией *киртана*, он написал: «Когда Свами Бхактиведанта поет свое гипнотическое „Харе Кришна“, все присоединяются к нему в полном экстазе».

Преданные привезли Свамиджи в Христианский союз молодежи, где аудитория состояла почти исключительно из детей. Преданные украсили зал плакатами с изображениями Кришны и повесили большой транспарант с текстом *маха-мантры*. Во время *киртана* дети тоже пели. Перед самой лекцией Гурудас напомнил Свамиджи:

— Может, стоит говорить попроще — им всем от девяти до четырнадцати лет.

Свамиджи молча кивнул.

— Кто из вас самый умный? — начал он.

Никто не откликнулся. Но вот какой-то двенадцатилетний мальчуган, подталкиваемый своими учителями и товарищами, поднял руку. Свамиджи поманил его к себе. На мальчике были очки с толстыми линзами, шорты и спортивная курточка, волосы — очень аккуратно зачесаны назад. Указав на его голову, Свамиджи спросил:

— Что это?

Мальчуган чуть было не хмыкнул, услышав такой простой вопрос:

— Моя голова!

Тогда Свамиджи указал на его руку и спокойно продолжил:

— А это что такое?

— Моя рука! — ответил мальчик.

Затем Свамиджи показал на его ногу и спросил:

— А ЭТО?

— Моя нога, — мальчик по-прежнему смотрел недоверчиво.

— Верно, — сказал Свамиджи. — Ты говоришь «моя голова», «моя рука», «моя нога», «мое тело». Но где же *ты сам*?

Мальчик совершенно растерялся, не зная, что и ответить на этот простой вопрос.

— Мы говорим «моя рука», — продолжал Свамиджи. — Но *кто* владеет этой рукой? Когда мы говорим «моя рука», это значит, что рука кому-то принадлежит. Но где живет этот кто-то? Я не говорю: «Я — рука». Я говорю: «Моя рука». Итак, я и моя рука — не одно и то же. Я нахожусь в своем теле, а

вы в своем. Но я — не тело, и вы — не тело. Мы отличны от тела. Быть по-настоящему разумным значит понимать, кто вы такой.

«Психоделический магазин» на Хайт-Эшбери был популярным местом встреч хиппи, и Свамиджи неоднократно получал приглашения прочитать там лекцию. После фестиваля «Мантра-рок данс» хиппи — владельцы магазина повесили в окне вывеску «Ночь сознания», а в дальней части помещения открыли комнату для медитации. Но поскольку хиппи в этом магазине почти всегда находились в состоянии наркотического опьянения, ученики Свамиджи отговаривали его от визита туда. Но хиппи продолжали умолять. В конце концов преданные смягчились и сказали Свамиджи, что, может быть, и стоит туда сходить.

Итак, в один из субботних вечеров Свамиджи и двое преданных вышли на Хайт-стрит и направились в «Психоделический магазин». На улицах толпилась молодежь: хиппи, сидящие вдоль тротуара и торгующие папиросами с гашишем и прочими наркотическими принадлежностями; гомосексуалисты; безумно одетые ребята с раскрашенными лицами. Тут и там парни и девушки собирались в небольшие группы, чтобы покурить марихуану, выпить, попеть и поиграть на гитарах — обычный вечер на Хайт-стрит.

В «Психоделическом магазине» было не продохнуть от дыма табака и марихуаны, смешанного с алкогольными парами и запахом пота. Свамиджи вошел в комнату для медитации, задрапированную тканью в полоску, и сел. Комната была забита хиппи, многие из которых лежали на полу в невменяемом состоянии, глядя на него из-под полуопущенных век. Хотя говорил он тихо, само его присутствие каким-то образом удерживало их внимание. Аудитория была довольно вялой, но все же смогла по достоинству оценить его слова, и, когда Свамиджи закончил, те, кто был еще в сознании, выразили ему свое одобрение.

* * *

В субботу, 1 апреля, незадолго до своего отъезда из Сан-Франциско, Свамиджи получил приглашение от Лу Готлиба, возглавлявшего «Ранчо „Утренняя звезда“» — коммуну хиппи-нудистов. Преданные объяснили Свамиджи, что «Утренняя звезда» — это сообщество молодых людей, живущих в лесу. Эти хиппи тянулись к духовному. Они выращивали овощи и поклонялись солнцу. Они брались за руки и слушали ветер. И, само собой разумеется, у них не было недостатка в наркотиках и свободном сексе.

Утром Лу заехал за Свами. Они немного побеседовали, и Свамиджи угостил его *расагуллой* (творожным шариком, пропитанным сахарным сиропом). Сразу же после этого они выехали в «Утреннюю звезду», расположенную примерно в ста километрах к северу от Сан-Франциско.

Лу Готлиб: Я попросил Свамиджи пристегнуть ремень. Но он отказался. Он сказал, что все в руках Кришны, или что-то вроде этого. По дороге я демонстрировал ему свои обширные познания, обретенные благодаря чтению биографии Рамакришны. Тогда Бхактиведанта дал мне лучший совет из когда-либо слышанных мною. Мы говорили о Рамакришне, Вивекананде, Ауробиндо, о том о сем. И он сказал, мягко положив мне руку на колено: «Знаете, когда вы встали на истинный путь, все дальнейшие исследования по сравнительному религиоведению — просто чувственное наслаждение».

Ранчо «Утренняя звезда» располагалось на территории бывшей птицефермы, в лесу из секвой, где деревья достигали в высоту шестидесяти метров. Часть земли была расчищена под поля. Там стояли палатки, несколько небольших хижин, непрочных на вид, и два или три шалаша на деревьях. Единственным приличным домом, стоявшим в стороне от других, был дом самого Лу, бывший курятник. В коммуне постоянно проживало около ста человек, а по выходным, если была хорошая погода, их число увеличивалось до трехсот, за счет приезжавших поработать на земле или просто побродить нагишом и «словить кайф».

Свамиджи приехал прекрасным солнечным днем, в час пополудни. Он хотел немного отдохнуть, и Лу предоставил в его распоряжение свой дом. Прогуливаясь возле домика, Свамиджи заметил несколько обнаженных мужчин и женщин, работавших с мотыгами на огороде. Один из них, невысокий, коренастый юноша, Герби Брессак, прервал работу и подошел поздороваться.

Герби: Лу Готлиб представил нас друг другу. В это время мы как раз сажали картошку. Он сказал: «Это Свами Бхактиведанта». Я вышел с огорода и пожал Свамиджи руку. Я сказал: «Привет, Свами». Он спросил меня: «Что вы делаете?» Я ответил, что мы сажаем картошку. Тогда он снова спросил: «Что вы делаете со своей жизнью?» Я ничего не ответил.

Через несколько минут Свамиджи был готов начать киртан. Вместе с Лу он вышел на холмистый луг, где хиппи соорудили для него беседку из диких цветов, формой напоминавшую раковину, и поместили в нее деревянное сиденье. Свамиджи уселся и начал петь. Члены коммуны, с нетерпением ожидавшие приезда Свами, с радостью приступили к совместной медитации.

Майк Морисси: Кто-то из нас был одет, кто-то — нет. Некоторые танцевали. Но Свами не смотрел на наши тела, он смотрел на души и проливал на нас милость, в которой мы так нуждались.

Киртан прошел на ура. На одного из членов коммуны он произвел такое впечатление, что он решил тут же одеться и вернуться в Сан-Франциско вместе со Свами. Лекция была очень короткой, и сразу после нее Свамиджи направился к автомобилю, пожимая хиппи руки и обмениваясь с ними любезностями.

В тот раз он мало говорил о философии, но его киртан произвел на обитателей «Утренней звезды» огромное впечатление. Готовясь уехать, он сказал одному молодому человеку:

— Продолжайте повторять мантру Харе Кришна.

И они последовали этому совету.

Лу Готлиб: Свами был чрезвычайно разумный человек и хорошо знал свое дело. В нем не было и тени ханжества. Он не корчил из себя святого, не «возводил-молчаливо-глаза-к-небу». Единственное, что я помню, это то, что находиться с ним было очень приятно. Было какое-то невероятное чувство уверенности и покоя. Не было никаких сомнений в том, что маха-мантра, если хотя бы раз ее услышать, навсегда останется в вашей голове. Она никогда не прекратит своего действия. Она проникает в каждую клетку тела, пробуждает ДНК... или что-то вроде того. Вскоре после этого добрая половина хиппи из «Утренней звезды» начала серьезно повторять мантру. Те, кто это делал, были очень искренними людьми, ищущими Бога. Их желание было на тысячу процентов искренним, особенно если учесть обстановку, в которой они находились. Все они раньше принимали наркотики, это точно. Но не подлежит сомнению и то, что, соприкоснувшись с маха-мантрой, они тут же всё это бросили.

* * *

Небрежно набросив на плечи чадар, Свамиджи остановился у открытой двери автомобиля и в последний раз, прощаясь, взглянул на преданных и храм в помещении магазинчика. Теперь это уже не просто магазинчик, а нечто куда более значительное: Нью-Джаганнатха-Пури. Он приехал сюда, выполняя волю Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Кто из его духовных братьев мог представить себе, до какой степени безумными окажутся эти американские хиппи, одурманенные наркотиками и кричащие: «Я — Бог!»? Так много юношей и девушек, несчастных и безумных, несмотря на все свое богатство и образование! Но сейчас благодаря сознанию Кришны некоторые из них обретали счастье.

В день его приезда в Сан-Франциско репортер спросил у него, почему он приехал именно в Хайт-Эшбери.

— Потому что здесь можно недорого снять квартиру, — ответил Свамиджи.

Он хотел распространить Движение Господа Чайтаньи — зачем еще ему было приезжать в этот обшарпанный магазинчик и жить рядом с китайской прачечной и бесплатным магазином диггеров?

Журналисты спросили его, приглашает ли он в свое Движение хиппи и богему.

— Да, — сказал он, — я приглашаю всех.

Но он знал, что, присоединившись к нему, они уже не будут такими, какими были до этого.

Сейчас преданные жили одной семьей. Те, кто будет выполнять его указания, сумеют сохранить свою силу. Если они будут искренни, Кришна

поможет им. В храме находится Господь Джаганнатха, и они должны поклоняться Ему с верой и преданностью. Повторяя *мантру* Харе Кришна и следуя указаниям своего духовного учителя, они непременно очистятся.

Вместе с несколькими учениками Свамиджи сел в машину, и они поехали в аэропорт. За ними следовало несколько автомобилей, заполненных преданными.

В аэропорту преданные плакали. Чтобы как-то успокоить их, Свамиджи пообещал, что вернется, если они устроят Ратха-ятру.

— Вы должны организовать процессию, которая пройдет по главной улице города, — сказал он. — Сделайте все как следует. Мы должны привлечь как можно больше людей. В Джаганнатха-Пури этот праздник проводят каждый год. В это время Божество Джаганнатхи выходит из храма.

Свамиджи знал, что должен будет вернуться, чтобы сберечь нежные ростки преданного служения, которые он посадил в их сердцах. Если он не приедет, его ученики-неофиты вряд ли выживут в океане материальных желаний под названием Хайт-Эшбери. Он несколько раз повторил, что обязательно к ним вернется. Он просил их сотрудничать друг с другом: Мукунду, Шьямасундару, Гурудаса, Джаянанду, Субала, Гаурасундару, Хаягриву, Харидаса и девушек.

Всего два с половиной месяца назад он прибыл сюда, в этот аэропорт, где его встречала толпа молодых людей, поющих *мантру* Харе Кришна. Многие из них теперь были его учениками, хотя едва ли сознавали свою духовную природу и вряд ли исполняли все данные ими обеты. И все же, покидая их, он не чувствовал угрызений совести. Он знал, что некоторые из них уйдут из сознания Кришны. Но он не мог остаться здесь навсегда. У него было не так много времени.

Бхактиведанта Свами, отец двух небольших групп преданных-новичков, нежно прощался с одной из них и направлялся на восток, туда, где совсем в другом настроении, радуясь предстоящей встрече, его ждала другая группа.

25 Наш учитель еще не закончил свой труд

КАЗАЛОСЬ, НИЧТО не предвещало того, что здоровье Свамиджи пошатнется, а если какие-то признаки и были, то никто не обращал на них особого внимания. Оставив своих сан-францисских учеников и вернувшись к преданным в Нью-Йорк, Свамиджи ни слова не сказал о том, что ему нужно немного отдохнуть. После пяти с половиной часов полета он только посетовал на то, что ему заложило уши, но выглядел вполне здоровым. Он ни минуты не отдохнул и сразу после радостной встречи в аэропорту провел трехчасовую программу с лекцией и *киртаном* в храме на Второй авеню. Своим нью-йоркским ученикам он казался удивительно красивым и лучезарным. Его присутствие, его взгляды и слова — все это укрепляло в них сознание Кришны. Его преклонный возраст — а ему было уже за семьдесят — был для них лишь одним из его трансцендентных качеств. Свамиджи был их силой, и им никогда не приходило в голову подумать о его силе.

В храме, сидя на новом возвышении, за обитой бархатом подставкой для книг, Свамиджи сказал:

— Пока меня не было, здесь стало лучше.

На свежевыкрашенных белых стенах висели новые картины. В остальном это был все тот же маленький магазинчик, где было основано Международное общество сознания Кришны.

Он писал им, что хочет, вернувшись в Нью-Йорк, приехать в новое здание, но у них ничего не получилось. Мало того, по своей глупости они потеряли шесть тысяч долларов. Но он не стал напоминать им об этом, а сделал куда более важное наблюдение: преданные, несмотря на то, что *гуру* не было рядом с ними, духовно выросли, просто следуя его наставлениям.

Свамиджи радостно смотрел на свежевыкрашенные стены и сияющие лица учеников. Он объяснил, что человек прогрессирует в сознании Кришны, смиренно следуя по стопам духовного учителя. Свамиджи проиллюстрировал это следующим примером. Ученик механика может и не быть специалистом, но, завинчивая шуруп под личным наблюдением мастера, *он действует, как специалист*. Услышав это, многие преданные с облегчением вздохнули. Они знали, что отказаться от материальных желаний не так просто и что мгновенно стать совершенными, чистыми преданными они не смогут. Брахмананда даже написал стихотворение, в котором признавался, что если после многих жизней сможет *внимательно* повторить хотя бы один круг *мантры* Харе Кришна, то будет считать это величайшим успехом. Но Свамиджи объяснил, что, служа Кришне под руководством чистого преданного, они будут действовать, как чистые преданные, даже если ничего не понимают в любви к Кришне.

Но на следующее утро, когда фанфары по поводу приезда Свамиджи отгремели, стало заметно, насколько все-таки преданные зависят от присутствия рядом своего духовного лидера. Количество посетителей сократилось до десятка верных друзей. Свамиджи молча вошел в магазинчик и начал *киртан*. Но когда настала очередь преданных петь и Свамиджи услышал их хор, он посмотрел на них с удивлением и жалостью. Он услышал слабые голоса, больше похожие на кваканье, чем на пение, и ему стало ясно: за время его отсутствия они все-таки деградировали! Пока его не было, *киртаны* изменились, и теперь он слышал, что стало с его учениками: сейчас они — беспомощные души, «квакающие» безжизненно и безрадостно.

Свамиджи читал лекцию по «Чайтанья-чаритамрите».

— Когда я летел сюда из Сан-Франциско, то обратил внимание, что самолет летит над океаном облаков. Когда я плыл из Индии на корабле, то видел океан воды, а с самолета открывался вид на необозримый океан облаков. Над облаками сияло солнце, но когда в Нью-Йорке мы опустились под облака, на землю, все вокруг оказалось сумрачным и туманным. Но солнце по-прежнему светит. Эти облака не могут закрыть весь мир. Они не могут закрыть даже Соединенные Штаты Америки, а ведь Америка — просто песчинка во Вселенной. С самолета небоскребы кажутся совсем крошечными. Аналогичным образом, с точки зрения Бога, все эти материальные глупости незначительны. Как живое существо я очень незначителен и всегда стремлюсь вниз. Но солнце не стремится вниз. Оно всегда над облаками *майи*...

Один парень, из новеньких, поднял руку:

— Почему одна душа приходит к сознанию Кришны, а другая нет?

Свамиджи ответил, задав встречный вопрос:

— Почему одна душа оказывается на Бауэри, а другая — в храме Кришны?
— Свамиджи выдержал паузу, но никто не ответил. — Потому что один хочет быть здесь, а другой нет. Все дело в свободе воли. Если мы правильно воспользуемся ею, то сможем отправиться к Кришне. Иначе мы останемся в материальном мире.

У каждого было что спросить. Целый день преданные заходили к Свамиджи в комнату, желая задать свои вопросы, практические и философские. Они вновь получили возможность близко общаться со своим духовным учителем. И снова Свамиджи указывал Ачъ-ютананде, что готовить на обед, попутно объясняя, что опытный слуга заранее знает, чего хочет духовный учитель, и тому не нужно даже просить об этом.

Зашел Сатсварупа, чтобы показать Свамиджи отпечатанные листы «Учения Шри Чайтаньи». Обязанности Сатсварупы оставались теми же, что и прежде, но теперь, оказавшись лицом к лицу со Свамиджи, он понял, что должен печатать и редактировать еще прилежнее. Он попросил разрешения уволиться из отдела социального обеспечения, но Свамиджи не позволил.

Джадурани по-прежнему занималась живописью в дальней комнате квартиры Свамиджи. Забыв о своей стеснительности, она засыпала его

вопросами, как рисовать Кришну.

— Как выглядит Господь Вишну, пребывающий в сердце? — спросила она.
— Он сидит или стоит?

Свамиджи ответил:

— О, чтобы узнать это, тебе придется заниматься медитацией тысячи лет.

Джадурани испуганно уставилась на него. Тогда Свамиджи сказал:

— Он стоит, — и Джадурани, счастливая, отправилась рисовать.

Когда однажды Джадурани пожаловалась на слабое здоровье, Свамиджи попросил Ачьютананду проследить, чтобы она два раза в день получала молоко. Через окно, выходящее в дальнюю комнату, в которой печатали, рисовали и иногда даже что-то строили, Свамиджи однажды наблюдал, как Джадурани работает над картиной, изображающей Господа Чайтанью в группе *санкиртаны*. Когда она начала писать в нижней части картины слова *маха-мантры*, Свамиджи сказал через окно:

— Не пиши там *маха-мантру*.

— Но вы же сами велели мне ее здесь написать, — удивилась она.

— Я передумал. *Маха-мантра* не должна быть ниже Чайтаньи Махапрабху.

Один за другим к Свамиджи приходили его старые нью-йоркские ученики: Гаргамуни, казначей храма, который сообщил, что благовония и пластинки с *мантрой* Харе Кришна расходятся очень хорошо; Рая-Рама, редактор «Бэк ту Годхед», который пожаловался на несварение желудка; Рупануга, у которого была хорошая работа, но которому никак не удавалось убедить жену встать на путь сознания Кришны. Зашел даже мистер Чати, домовладелец, и пожаловался на поведение ребят.

Кроме того, Свамиджи встретился с новичком — Майклом Блумертом. Майкл лечился у психиатра (результат разрушительных экспериментов с наркотиками), и когда он начал ходить в храм, родители восприняли это как новую напасть. Однако, встретившись со Свамиджи, миссис Блумерт убедилась, что он настоящий духовный учитель. Впрочем, муж ее продолжал сомневаться.

— Мистер Блумерт, — сказал Свамиджи, — ваша жена разумнее вас.

Тот сказал, что хочет, чтобы сын помогал миру более осязаемо — став врачом. Свамиджи возразил, сказав, что врачей в мире много, но, несмотря на это, люди по-прежнему страдают. Но человек в сознании Кришны может полностью избавить людей от страданий, поэтому деятельность в сознании Кришны гораздо ценнее. Мистера Блумерта это не убедило, но он все-таки разрешил Майклу остаться с преданными и больше не ходить к психиатру. Несмотря на свое несогласие со Свами, он стал относиться к нему с уважением.

С Брахманандой Свамиджи обсуждал насущный вопрос о получении постоянной визы. С тех пор как в 1965 году он впервые въехал в страну, ему приходилось неоднократно продлевать визу, но сейчас иммиграционные службы отказали в дальнейшем продлении. Он не хотел уезжать из Штатов, но

остаться мог только в том случае, если получит вид на жительство. Он подал заявление, но ответа пока не было.

— Ваши власти не хотят, чтобы я оставался тут, — говорил он, — поэтому, возможно, мне придется вернуться в Индию.

Перспектива возвращения Свамиджи в Индию очень пугала преданных. Даже на то, чтобы он уехал проповедовать на другой конец Соединенных Штатов, ученики согласились с трудом. Что уж говорить о его возвращении на родину! Они боялись, что снова могут пасть в материальный мир. Он поддерживал их духовную жизнь. Что они смогут без него? И Свамиджи разделял их чувства.

Брахмананде удалось найти адвоката, который сумел на какое-то время оттянуть рассмотрение вопроса в иммиграционной службе. Угроза депортации миновала. Свамиджи поговаривал о поездке в Монреаль и получении вида на жительство в Канаде, но основным его намерением было остаться в Америке и развивать то, что он начал.

Брахмананда рассказал Свамиджи о том, как идут дела с изданием «Бхагавад-гиты». Рукопись была готова, и сейчас ребята приценивались и думали, куда отдать книгу в печать, хотя достаточной суммы для публикации у них пока не набралось. К серьезным поискам они пока не приступали, но Свамиджи вдохновлял Брахмананду:

— Моя единственная надежда — это мои книги.

Брахмананда говорил и о тех шести тысячах долларов, которые он потерял, отдав мистеру Пэйну. Свамиджи настаивал на возбуждении дела против аферистов. Он посылал Брахмананду консультироваться с разными адвокатами и попросил передать мистеру Пэйну и мистеру Тайлеру, что «Его Превосходительство» вернулся и собирается подать на них в суд.

Угрозы подействовали. Мистер Тайлер отдал большую часть вложенных денег, а мистер Пэйн вернул семьсот пятьдесят долларов из той тысячи, что он хитростью выманил у Брахмананды. Еще тысячу пришлось заплатить адвокатам. Это была потеря, но Свамиджи сказал, что, когда имеешь дело с тигром, практически невозможно выйти из схватки невредимым.

В письме Киртанананде, который в то время находился в Монреале, Свамиджи поведал об успешном окончании дела, связанного с аферой Пэйна: «Сообщаю тебе радостную новость: по милости Кришны мне удалось вернуть 4227 долларов... из 5000, угодивших в пасть Сэра Жулика (Пэйна)».

Появились некоторые признаки, свидетельствующие о том, что Свамиджи следует позаботиться о своем здоровье. Впервые он плохо почувствовал себя в телестудии, когда принимал участие в телевизионном шоу Аллена Бёрка. Аллен Бёрк был известен тем, что мог сидеть к зрителям спиной, курил сигары и непристойно, а иногда даже оскорбительно общался со своими гостями, а если это задевало гостя, Бёрк старался окончательно вывести его из себя. Это было популярное шоу.

Прежде чем выйти в эфир, мистер Бёрк попросил у Свамиджи разрешения закурить, и Свамиджи вежливо согласился. Мистер Бёрк представил своего гостя как «настоящего *свами*». Когда он спросил, почему Свамиджи выступает против секса, тот ответил, что это неправда. Просто половые отношения должны быть ограничены браком и иметь своей целью появление детей, обладающих сознанием Кришны. Но мистер Бёрк упорствовал, желая выяснить, чем плох секс вне брака. Свамиджи ответил, что истинная цель человеческой жизни — осознать свою истинную природу. Но когда постоянно занят мыслями, где бы найти себе нового партнера, невозможно сохранить умиротворенное состояние ума, необходимое для самоосознания. Мистер Бёрк согласился. Он вел себя как никогда корректно, а в конце назвал Свамиджи «очаровательным джентльменом».

По дороге в храм Свамиджи сказал, что свет софитов в студии вызвал у него сильную головную боль и в какой-то момент ему показалось, что он не выдержит до конца съемки.

Затем во время одной из лекций Рупануга, сидевший недалеко от Свамиджи, заметил, как у того дрожит рука. Несколько месяцев назад, на другой день после записи пластинки, Свамиджи проснулся поздно и жаловался на перебои в сердце и на то, что не может пошевелиться. Тогда за ним ухаживал Киртанананда.

— Если когда-нибудь я тяжело заболею, — сказал ему Свамиджи, — не зовите врача. Не кладите меня в больницу. Просто дайте мне четки и пойте *мантру* Харе Кришна.

Ученики считали, что не вправе ограничивать его. Правда, однажды Киртанананда все-таки попытался это сделать. Когда в «Авалоне» Свамиджи танцевал и прыгал, обливаясь потом, Киртанананда стал требовать, чтобы *киртан* немедленно остановили, но преданные обозвали его перестраховщиком.

Кроме того, Свамиджи не любил, когда его сдерживали. Да и кто *они* такие, чтобы сдерживать его? Он был полномочным представителем Кришны, способным преодолеть любые трудности. Он был чистым преданным и мог все. Разве он сам не говорил, что чистый преданный трансцендентен материальным страданиям?

Некоторое время назад Свамиджи написал письмо, утешая хворающего дедушку одного из своих учеников:

Причина всех наших болезней — материальное тело. Иногда, особенно в старости, мы вынуждены страдать от неудобств, связанных с телом, но если у нас развито сознание Кришны, мы не будем чувствовать боли. Поэтому лучший выход — постоянно повторять святое имя Господа.

Но преданные думали, что Свамиджи мог только давать хорошие советы чьему-нибудь дедушке, а с ним самим ничего подобного случиться не могло.

Конечно, он иногда называл себя стариком, но делал это в основном на лекциях, чтобы показать неотвратимость старости.

Преданным казалось, что у Свамиджи довольно крепкое здоровье. Его глаза блестели, отражая переживаемые им духовные эмоции, кожа была гладкой и золотистой, а улыбка свидетельствовала о здоровье и хорошем самочувствии. Однажды кто-то из учеников сказал, что у Свамиджи такая мужественная улыбка, что невольно приходит на ум выражение «здоров, как бык». Свамиджи каждый день принимал холодный душ, выходил рано утром на прогулку по Нижнему Ист-Сайду, играл на *мриданге* и с аппетитом ел. Даже если его ученики и хотели, чтобы он берег свои силы, много ли они смогли сделать?

Некоторые, правда, пытались удержать его от участия в скандальном «Собрании во имя всеобщей любви» в театре «Вилледж-Ист», но не потому, что это могло повредить его здоровью, — просто все боялись, что это помешает ему получить вид на жительство в США. Бхактиведанту Свами пригласили поучаствовать в этом шоу наряду с Алленом Гинзбергом, Тимоти Лири и целой вереницей рок-звезд. Сборы от концерта шли в фонд предвыборной кампании Луиса Абулафии, баллотирующегося в президенты от движения хиппи. Но когда о желании Бхактиведанты Свами услышал его знакомый юрист, он предупредил, что это может плохо сказаться на решении посольства о его дальнейшем пребывании в стране. Некоторые ученики разделяли опасения адвоката и тоже возражали против намерения Свамиджи. Тот было согласился с их аргументами, но в день, на который было назначено шоу, передумал и решил все-таки пойти.

— Я приехал сюда проповедовать сознание Кришны, — объявил он.

Пришло время выступить против лидеров ЛСД, претендующих на то, чтобы считаться духовными людьми. Незадолго до того Свамиджи говорил, что очень хочет попасть на это шоу, но не пойдет, поскольку ученики ему запрещают. Но тут он просто заявил, что пойдет, и точка!

Однако в самом конце мая Свамиджи почувствовал упадок сил. Он говорил о перебоях в сердце. Надеюсь, что через день-два эти симптомы пройдут, Киртанананда попросил Свамиджи отдохнуть и не принимать посетителей. Но ему становилось все хуже и хуже.

Киртанананда: *Свамиджи начал жаловаться, что у него отнимается левая рука. В левой половине его тела начались подергивания, а левая рука совсем перестала ему подчиняться. Казалось, что это каким-то таинственным образом угнетает его и причиняет ему моральную боль.*

Ачьютананда: *Это случилось в воскресенье, за два дня до Дня поминовения^[7]. После обеда мы должны были проводить большую программу в одном из жилых кварталов города. Я поднялся, чтобы позвать Свамиджи, потому что преданные были уже готовы ехать. Свамиджи лежал белый как мел. Он сказал:*

— *Послушай мое сердце.*

И я почувствовал в его груди мелкую дрожь.

Я спустился вниз, но не хотел пугать ребят и поднимать панику. Я подошел к Киртанананде и тихо сказал:

— У Свамиджи перебои в сердце.

Вдвоем с ним мы тотчас поднялись к Свамиджи. Он сказал:

— Массируйте здесь.

Я стал растирать ему грудь, он показал, как это нужно делать.

— Другие пусть идут на программу, а Ачьютананда может остаться.

Если что-нибудь случится, он позовет вас, — сказал Свамиджи.

Ребята ушли на программу, а я стал ждать. Один или два раза он подзывал меня и приказывал быстрыми движениями растирать ему грудь. Вскоре ему стало лучше, и к нему вернулся обычный цвет лица. Я смотрел на него, открыв рот и не зная, что делать. Он взглянул на меня и спросил:

— Почему ты сидишь без дела? Повторяй мантру Харе Кришна.

Вечером у него снова начались приступы, поэтому я лег спать в соседней комнате. А поздно ночью он позвал меня, и я снова массировал ему грудь.

Киртанананда: Это произошло во вторник, в День поминовения. Я сидел в комнате Свамиджи. Внизу шел киртан, и в это время у него опять начались подергивания. Лицо Свамиджи напряглось. Он начал вращать глазами и внезапно откинулся. Я подхватил его. Он выдохнул: «Харе Кришна», и на этом все прекратилось. Я подумал, что это конец, но тут он снова стал дышать и повторять мантру Харе Кришна. Однако тело больше не подчинялось ему.

Брахмананда: Я был тогда вместе с Киртананандой. Это было воскресенье накануне Дня поминовения. Мы не могли понять, что происходит со Свамиджи. Он не мог сидеть, все время стонал, и никто не знал, в чем дело. Мы (я и Киртанананда) ухаживали за ним, делая все, что могли. Мне даже пришлось пойти и купить для него судно.

Левая сторона его тела была парализована. Он попросил, чтобы на стену перед ним повесили фотографию его духовного учителя. Думая, что Свамиджи готовится покинуть тело и хочет в эти последние минуты сосредоточиться на своем духовном учителе, Ачьютананда прикрепил фотографию к двери, чтобы Свамиджи мог на нее смотреть.

Преданные собрались в передней комнате его квартиры, и Свамиджи велел им петь «Харе Кришна». Затем он попросил их молиться Нрисимхадеве — одной из вечных форм Господа Кришны.

Сатсварупа: Свамиджи сказал, чтобы мы молились Господу Нрисимхе, повторяя: «Мой учитель еще не закончил свой труд». Время от времени он разрешал нам по очереди массировать разные части его тела. Затем он отослал нас вниз, в храм, и велел всю ночь проводить киртан.

Джадурани: Он научил нас, как молиться Господу Нрисимхадеве. Он продиктовал молитвы, и я записала их. Потом я позвонила в Сан-Франциско и Монреаль и по телефону продиктовала преданным слова этих молитв. Свамиджи сказал:

— Вы должны молиться Кришне следующим образом: «Наш духовный учитель еще не завершил свой труд. Пожалуйста, позволь ему закончить».

Дамодара: Я вошел в храм. Внизу никого не было, и я просто сел, чтобы повторить несколько кругов мантры. Сверху спустился какой-то преданный. На нем лица не было, и я спросил, что случилось. Когда он рассказал мне, я бросился наверх. Все сидели во второй комнате, вдоль стен. Оттуда через окно в стене можно было видеть комнату Свамиджи. Все читали мантру на четках. Джадурани раздала всем листки бумаги, на которых было что-то написано. Свамиджи, объяснила она, хочет, чтобы мы читали эти молитвы.

Брахмананда: Мы принесли в комнату Свамиджи изображение Господа Нрисимхи. Все, кто там был, повторяли мантру. Когда Свамиджи вынужден был пользоваться судном перед изображением Господа Нрисимхи, он просил у Него прощения. Он понимал, что перед ним сидит Господь Нрисимха. Я смотрел на Него как на картинку, а Свамиджи видел Самого Господа Нрисимхадеву.

Ему становилось все хуже, он чувствовал общую слабость. Мы не могли найти доктора, поскольку по случаю Дня поминовения все было закрыто. Я даже позвонил нашему семейному врачу, но его не оказалось дома. Все уехали отдыхать — в День поминовения все уезжают за город. Я никого не мог найти. Я обзвонил все больницы, всех врачей, я пытался и так и эдак, но никого не смог найти. Наконец, позвонив в службу скорой помощи Департамента здравоохранения Нью-Йорк-Сити, я добился своего. Пришел врач. Это оказался старикашка с очень громким голосом. Увидев Свамиджи, он сказал:

— Мне кажется, этот человек слишком много молится. Я думаю, ему нужно делать какие-нибудь упражнения. По утрам он должен ходить на прогулки.

Ачбютананда: Особыми познаниями этот доктор не отличался. Он заявил, что у Свамиджи простуда. Я спросил:

— В каком смысле? У него же сердцебиение!

— Х-м-м, не знаю, что и сказать... Он пьет виски?

— Он не пьет даже кофе и чая, — ответил я.

— О-о-о, славно, славно. Что ж, наверное, он простудился.

Дваракадхиша дас: Он вошел, окинул взглядом помещение, и то, что он увидел, ему явно не понравилось. Он посчитал нас обыкновенным сборищем хиппи и не мог дожидаться того момента, когда можно будет уйти. Он сказал, что у Свамиджи грипп. Более нелепый диагноз было сложно придумать. Затем он попросил заплатить за визит. Мы заплатили, и он ушел, а Свамиджи стало еще хуже.

Преданные вызвали другого доктора, который пришел и, осмотрев Свамиджи, поставил диагноз. Он сказал, что у Свамиджи сердечный приступ средней тяжести и его нужно немедленно госпитализировать.

Макс Лернер (адвокат, друг преданных): Мне позвонили и сказали, что у Свами сердечный приступ и нужна моя помощь. Они собирались положить его в больницу Белльвью, но я предложил устроить его в частную клинику (по

крайней мере, попытаться). Через несколько часов переговоров с персоналом клиники «Бет Исраэль» мы привезли Свамиджи туда.

Брахмананда: На следующее утро после Дня поминовения пришлось вызывать карету скорой помощи. В клинике «Бет Исраэль» не было своей машины, и тогда я позвонил в одну из частных компаний. В клинике мы договорились, что привезем Свамиджи к девяти часам утра. Но машины не было до полудня. Все это время Свамиджи стонал не переставая. Наконец приехала машина, а в ней — двое дюжих молодцов. Они обращались со Свамиджи как с тюком белья. Я подумал, что было бы лучше, если бы мы отвезли его на такси.

Кроме Киртанананды, который остался в палате Свамиджи дежурить, в клинику никого не пустили. Преданные вернулись в храм, чтобы исполнить просьбу своего духовного учителя — петь всю ночь. Киртанананда позвонил в Сан-Франциско Хаягриве и рассказал ему, что случилось: как Свамиджи неожиданно откинулся и вскрикнул «Харе Кришна!», как в течение полуминуты в нем не наблюдалось никаких признаков жизни... а затем — жадный вздох: «Харе Кришна! Харе Кришна!» Киртанананда попросил Хаягриву, чтобы сан-францисские преданные всю ночь пели и молились Господу Нрисимхадеве.

*тава кара-камала-варе накхам адбхута-шрнгам
далита-хираньякашипу-тану-бхрнгам
кешава дхрта-нарахари-рупа джайа джагадиша харе*

Господь Нрисимхадева, воплощение Господа Кришны в образе получеловека-полульва, приходил в незапамятные времена, чтобы спасти Своего чистого преданного Прахладу и убить демона Хираньякашипу. Свамиджи попросил своих учеников молиться Господу Нрисимхадеве, повторяя особую мантру и мысленно обращаясь к Нему: «Наш учитель еще не завершил свой труд. Пожалуйста. защити его». Ребята вернулись в храм и начали петь, но через несколько часов все уснули. Они хотели отдохнуть, а на следующий день снова поехать в больницу.

Харидас: Когда в Сан-Франциско мы услышали печальную новость, всех охватило горе. Люди плакали. Любовь нашу нельзя было описать словами. Все думали о Свамиджи. Все наши мысли были только об одном: как помочь ему выкарабкаться, как дать ему сил. Преданные взывали о помощи к Кришне, Господу Чайтанье и ко всем, кого только можно было попросить поделиться со Свамиджи энергией. Люди приходили в храм и на четках повторяли молитвы. Все, независимо от вероисповедания и увлечений, посвящали свои молитвы выздоровлению Свамиджи. Все пели вместе с нами.

Хаягрива: Я никогда не забуду ту ночь. Мы включаем огни на алтаре Джаганнатхи, зажигаем свечи и поем в их мерцающем свете. Пение очень торжественно, а танец еще более торжественен. По Хайт-стрит новости

разлетаются быстро, и вскоре храм заполняется людьми, пришедшими, чтобы всю ночь петь с нами.

Мукунда и Джанаки позвонили в Нью-Йорк. Но ничего нового им не сообщили. Киртанананда дежурит по ночам у постели Свамиджи. Никого больше туда не пускают. Больничный режим. Да, в Нью-Йорке все поют.

Пение продолжается за полночь. Большинство гостей ушли, но никто из нас не чувствует сонливости. Волны киртана захлестывают нас. Мой ум переносит меня то к Свамиджи, то в Нью-Йорк, то в будущее, то в прошлое... Я вынужден насильно возвращать его в комнату, в настоящее, чтобы помнить, для чего мы здесь и почему поем, умоляя Кришну дать нашему учителю еще немного времени и позволить распространить великое движение санкиртаны по всему миру.

Пение постоянно с нами, неотступно.

К двум часам ночи я начинаю уставать. Чтобы не заснуть, я меняю инструменты и играю то на мриданге, то на караталах, то на фисгармонии. Многие танцуют, прогоняя сон. Девушки разносят прасад — нарезанные ломтиками яблоки. Сидеть у стены опасно: стоит облокотиться, и сразу начинает клонить в сон. Мы так беспомощны!

«Харе Кришна» утешает. Пение освобождает от множества ненужных тревог. Оно снимает напряжение, смягчает горе и дает силы молиться и надеяться.

Между тремя и четырьмя утра наступает самое экстатичное время, брахма-мухурта, час перед рассветом. Если он переживет этот час, то непременно будет жить дальше.

И мы поем. Мы повторяем мантру на четках. «Харе Кришна» звучит непрерывно. В семь мы проводим традиционный утренний киртан и продолжаем петь дальше. Мы поем четырнадцать часов подряд. Мы стираем пыль с зеркала ума. Мы везде видим Кришну и Свамиджи. Мы не сомневаемся, что с ним сейчас все в порядке!

Сердце у Свамиджи болело всю ночь. На следующий день его состояние продолжало оставаться критическим. Он мог говорить, но очень тихо, и был слишком истощен, чтобы вести беседу. С недоверием относясь к врачам, он сам поставил себе диагноз: сердечный приступ, сопровождавшийся кровоизлиянием в мозг и вызвавший левосторонний паралич. Массаж, сказал он, — единственное средство.

Утром 1 июня в палату к Свамиджи пришли другие его ученики, чтобы помочь Киртанананде. Сменяя друг друга, они безостановочно делали Свамиджи массаж, растирая его голову, грудь и ноги, как он им говорил. Это простое действие давало каждому возможность близко послужить ему.

Услышав, что не только нью-йоркские, но и сан-францисские преданные пели и молились всю ночь, Свамиджи выразил радость, но не широкой улыбкой, как это было всегда, а слабым кивком головы и одобрительным звуком. Несмотря на слабость, он пребывал в полном сознании.

Врачи и их ассистенты брали у Свамиджи кровь, делали ему уколы и обследовали его. Они еще не поставили окончательного диагноза и собирались проводить какие-то исследования. Неожиданно вошел врач и объявил, что они решили сделать Свамиджи пункцию спинного мозга. Свамиджи был слишком слаб, чтобы обсуждать с ними все «за» и «против» такого шага. Он доверил себя заботам своих учеников и Кришны.

Врач не хотел, чтобы ему мешали. Он объяснил, зачем нужна пункция, но ни совета, ни разрешения спрашивать не стал. Все, кроме Киртанананды, который ни за что не хотел уходить, должны были покинуть палату, где лежал Свамиджи, на то время, пока врач будет делать пункцию. Ни сам Свамиджи, который был слишком слаб, ни его ученики, которые не очень-то представляли себе, как следует вести себя в таких ситуациях, не стали возражать врачу. Один за другим преданные выходили из палаты, а врач тем временем готовил самую большую и страшную иглу из всех, какие им когда-либо приходилось видеть.

Когда им наконец разрешили вернуться, один из учеников спросил:

— Было больно, Свамиджи?

Свамиджи (его золотистое тело было одето в больничную пижаму и лежало меж белых простыней) слегка повернулся к нему и сказал:

— Я терпелив.

Рупануга: *Когда Свамиджи в первый раз положили в больницу, мне было очень тяжело. Я не знал, что делать. В таких делах у меня не было никакого опыта. Я совершенно растерялся и не знал, чем могу служить Свамиджи. Я никогда не забуду страх, который тогда пережил.*

На карту была поставлена жизнь Свамиджи, но его ученики были беспомощны и не знали, что делать, чтобы спасти его. Он лежал на кровати, словно отдав себя на их милость. Персонал клиники смотрел на него как на свою собственность — пожилой человек с больным сердцем, нуждающийся в обследовании. Но для его учеников это было в сто раз хуже, чем дела с мистером Пэйном и его компанией. Здесь на карту были поставлены не деньги, а сам Свамиджи! Разрешить ли сделать ему ЭКГ? Что это вообще такое — ЭКГ? Нужна ли операция? Операция! Свамиджи говорил, что его не следует даже привозить в больницу. «Делайте мне массаж», — повторял он, и еще: — «Пойте мантру Харе Кришна».

Когда Свамиджи упомянул, что предпочитает аюрведическое лечение, кто-то из преданных предложил выписать врача из Индии. Однако, прикинув, во сколько это обойдется, Свамиджи решил сначала написать туда письмо. Поскольку ни сидеть, ни писать самостоятельно он не мог, он медленно продиктовал письмо, адресованное Шри Кришне Пандиту, который в течение нескольких лет сдавал ему комнату в своем храме в Дели. Сатсварупа перечитал письмо вслух, а затем тут же, в палате, отпечатал его на машинке.

Это письмо я пишу из больницы. У меня внезапно разболелась голова, а в груди я почувствовал сильное сердцебиение. Когда я растираю грудь, то

чувствую, что отдает в левую руку, а когда растираю левую руку, чувствую, как отдает в грудь. Левая рука совсем не слушается. Поэтому я прошу вас, если вы знаете в Матхуре какого-нибудь хорошего ведического врача, который мог бы выслать мне необходимые лекарства, то купите их и вышлите авиапочтой на адрес нашего храма: ИСККОН, Вторая авеню, 26, Нью-Йорк. Указанный симптом проявляется особенно ярко, когда у меня сильно болит голова. А левая рука дрожит каждые десять-пятнадцать минут. Боюсь, как бы это не оказалось болезнью вроде *лакхьи*. Мальчики очень хорошо обо мне заботятся, недостатка внимания я не ощущаю. Но, в конце концов, это тело смертно. Я приехал сюда с великой миссией — выполнить волю моего духовного учителя, но сердце предательски нанесло мне удар. Конечно, я не боюсь *майи*, я знаю, что *майя* не может коснуться меня, но если я умру, моя миссия останется невыполненной. Поэтому, пожалуйста, молитесь Прабху Господу Чайтанье и Вриндаван-Бихари, чтобы на этот раз Они спасли меня, поскольку моя миссия еще не выполнена. Мне бы хотелось прожить еще немного. Они хотели вызвать опытного аюрведического лекаря, который может лечить такие болезни, но я им не разрешил. Однако если в этом есть необходимость и если вы сможете найти опытного врача, который согласится приехать сюда, мы вышлем необходимую сумму денег или купим ему авиабилет. Вы можете проконсультироваться по этому поводу с управляющим из «Дакка шакти».

Напоследок я хотел бы сообщить вам, что предпочитаю аюрведическое лечение. Вы можете проконсультироваться с одним лекарем во Вриндаване, который является Гаудия-вайшнавом. Он хорошо меня знает. Он продает мои книги.

Необходимо по возможности сделать еще две вещи: послать мне хорошие лекарства и инструкцию по их применению. Это было бы прекрасно. Но если нужно, чтобы я вернулся, я могу и вернуться. Пожалуйста, постарайтесь ответить как можно скорее, и на английском языке — мои ученики не знают хинди. Пока я прикован к постели, я не могу читать писем. Пожалуйста, отнеситесь к этому письму как к требующему безотлагательных действий. Посоветуйтесь с нужными врачами и сообщите, что мне делать. Бесспорно, в Матхуре много хороших аюрведических врачей, но много и шарлатанов. Постарайтесь избежать последних. Я бы вернулся в Индию прямо сейчас, но доктора говорят, что это опасно. Однако если это необходимо, я вернусь тотчас же, как только наберусь сил, чтобы перенести все тяготы пути.

Я перечислю еще раз, на что жалуясь, чтобы вы могли принять меры. Около четырех дней тому назад у меня неожиданно началась пульсация между сердцем и желудком. У меня был полный упадок сил, что-то вроде обморока — тогда я посоветовался с врачом, который прописал мне лекарство, но оно не помогло. Поэтому мои ученики положили меня в больницу, где один день моего лечения обходится им в 400 рупий. Так что жаловаться на отсутствие заботы мне не приходится. Медицинскую помощь мне предоставляют специалисты высокого класса. И все-таки я думаю, что аюрведическое

лекарство будет мне как нельзя более кстати. Поэтому я прошу вас поскорее принять меры и ответить мне.

Надеюсь, что по письму вы почувствуете всю серьезность моего положения. Вы можете показать мое письмо какому-нибудь другу, который хорошо знает английский, чтобы он правильно его прочитал и составил ответ. Для переписки на бенгали или хинди нет никакой возможности.

По милости Кришны, на второй день пребывания в больнице, ближе к вечеру, Свамиджи стало немного лучше. Сердце все еще болело, а выражение лица оставалось серьезным, без тени улыбки, но сил немного прибавилось. Интерны, медсестры и врачи приходили по часам и бесстрастно его обследовали. Одного из врачей, казалось, заинтересовало, кто такой этот пациент, и по просьбе Свамиджи Киртанананда включил для него магнитофонную запись своего духовного учителя. Тот вежливо послушал, но сказал:

— Мне это ни о чем не говорит.

Врач сказал, что нужно сделать еще кое-какие анализы, и если все пойдет хорошо, то, возможно, через несколько недель Свамиджи выпишут. Свамиджи попытался рассказать ему о Кришне. Джадурани принесла в палату две свои картины: одну — с Радхой и Кришной, а другую — с Господом Нрисимхой, получеловеком-полульвом, разрывающим демона Хираньякашипу. Тихим голосом Свамиджи объяснил, что эти картины изображают Бога с разных сторон:

— Здесь Он в любовных отношениях, а здесь мы видим, как Кришна, или Бог, проявляет гнев.

Врач извинился и сказал, что у него своя философия, а Свамиджи в таком состоянии не следует проповедовать; ему нужно отдыхать. Посоветовав ученикам не позволять своему гуру говорить, врач извинился и продолжил обход.

Когда Свамиджи стало немного лучше, он еще настойчивее начал выражать недовольство тем, что находится во власти медиков. Он сказал, что сами они ни на что не способны, а всем управляет Кришна:

— Если Кришна хочет вас убить, никто не сможет защитить вас. А если Кришна захочет вас спасти, никто не сможет вас убить.

Дамодара: *Я был в палате, когда пришел врач, чтобы проверить его нервную систему. Это была обычная процедура, когда вам резиновым молоточком стучат по колену. Но Свамиджи был явно раздражен приходом врача, который начал обстукивать его с ног до головы. Свамиджи сам мог поставить диагноз и назначить себе лечение, и его раздражало, что эти люди, которые явно толком не понимают, что делают, приходят и мешают его выздоровлению.*

Ачьютананда: *Медсестра постоянно хлопала дверью, и Свамиджи при этом всякий раз вздрагивал. Он сказал: «Попросите ее не хлопать дверью». Медсестра говорила: «О'кей», но все равно продолжала.*

Понемногу Свамиджи начал садиться в кровати и принимать принесенный из храма *прасад*, дополняя его вегетарианскими блюдами из больничного меню. Он произносил молитву и предлагал больничную пищу изображению духовного учителя. Преданные садились у его стоп и наблюдали, как он правой рукой смешивает морковь, зеленый горошек и картофельное пюре. Часть пищи он всегда раздавал в руки ученикам.

Джадурани: *Мы приносили ему много разных фруктов. Однажды мы сообщили, что принесли яблок, но он был так слаб, что смог произнести только: «О-о», как будто бы не проявив никакого интереса. Мы добавили, что принесли апельсинов, но в ответ опять слышали только «о-о». Он произнес еще несколько слабых «о-о» — казалось, ничто его не радовало. Наконец я сказала:*

— Мы принесли арбуза.

И лицо его вдруг просияло:

— О-о-о!

Преданные сменяли друг друга у постели Свамиджи каждые четыре часа. Дежурили обычно по двое. Он не спал, но подолгу лежал молча, не говоря ни слова. Массаж не прекращался ни на минуту, за исключением того времени, когда он спал. Постепенно паралич левой стороны прошел.

Однажды, когда Свамиджи сидел на кровати, один ученик растирал ему ногу, а другой нежно, словно утешая своего духовного учителя, поглаживал его по затылку. Свамиджи заметил, что если бы не был болен, то счел бы такой массаж и растирание слишком фамилльярным.

Дамодара: *Одной рукой я растирал Свамиджи виски: большим пальцем один висок, а остальными — другой. Свамиджи все время повторял: «Сильнее! Сильнее!» — и я нажимал сильнее. Я думал: «Ого, а стоит ли так сильно давить, ведь он болен». Но он настаивал: «Сильнее! Сильнее!»*

Пурушоттама: *Массируя голову Свамиджи, я запел: «шри-крشنا-чаитанья...» Тут его лицо озарила прекрасная улыбка. И хотя я пел совсем недолго, ему это очень понравилось. Казалось, он верил, что мое пение «шри-крشنا-чаитанья...» поможет ему выздороветь.*

Как только у Свамиджи прибавилось сил, ученики уже были тут как тут со своими вопросами. Пурушоттама спросил:

— Свамиджи, когда в священных писаниях говорится о «лотос-ных стопах» Кришны, что имеется в виду?

Свамиджи пропел стих:

*самашрита йе пада-паллава-плавам
махат-падам пунья-йашо мурарех
бхавамбудхир ватса-падам парам падам
падам падам йад випадам на тешам*

После этого Свамиджи велел присутствующим преданным повторять за ним каждую строчку, пока все трое не выучили мотив и слова.

— В этом стихе из «Шримад-Бхагаватам», — объяснил Свамиджи, сидя на кровати, — момент смерти сравнивается с пересечением безбрежного океана. Это страшно. Человек не знает, где окажется в следующей жизни. И на каждом шагу в материальном мире подстерегают опасности. Но для того, кто обрел прибежище у лотосных стоп Господа Кришны, этот бескрайний и опасный океан рождения и смерти сжимается до размеров отпечатка телячьего копытца. Опасность есть, но преданный не обращает на нее внимания. Как, например, если какой-нибудь джентльмен проедет в экипаже по маленькой лужице, он попросту не обратит на нее внимания. Понимаете теперь, что значит «лотосные стопы»?

Всем стало понятно. Пурушоттама задал следующий вопрос:

— Почему люди говорят, что у Бога нет имени?

Свамиджи задал встречный вопрос: если Бог есть все, почему у Него не должно быть имени?

— На самом деле, — сказал он, — все имена описывают Кришну.

Свамиджи спросил Пурушоттаму, как его звали до посвящения.

— Пол, — ответил тот.

— Что значит «Пол»? — спросил Свамиджи.

— «Маленький».

— Да. Это Кришна. Он меньше мельчайшего.

Затем Сатсварупа предложил рассмотреть свое имя, Стивен, что значит «корона».

— Да, — ответил Свамиджи, — Кришна — царь.

Но подобные дискуссии случались редко. Обычно в палате стояла тишина. Свамиджи отдыхал, а дежурившие преданные сидели на стульях по обе стороны его койки, читая книги или негромко повторяя на четках *мантру*. Однажды поздним вечером, когда на Манхэттен опустились сумерки, Свамиджи приподнялся на кровати и прервал длившееся целый час молчание:

— Я не знаю Кришну, но я знаю своего Гуру Махараджу.

В один из дней Брахмананда начал давать Свамиджи подробный отчет о финансовом состоянии нью-йоркского храма. Дойдя до середины, он вдруг остановился, посмотрел на Свамиджи и спросил:

— Мне рассказывать во всех подробностях? Мне казалось, вы хотите, чтобы я обо всем докладывал. То есть чтобы вы были в курсе дел.

Свамиджи ответил, что если Брахмананда сам может обо всем позаботиться, то не нужно сообщать все подробности.

Однажды утром, ко всеобщему удивлению, в палату, широко улыбаясь в большую седую бороду, зашел Свами Сатчидананда, знаменитый гуру *хатха-йоги*. На нем была шафрановая шелковая курта и брюки, какие носят *йоги*. Его сопровождал один из молодых американских учеников. Свамиджи сел на постели, улыбнувшись этой приятной неожиданности. Раньше они не

встречались. Свамиджи предложил Свами Сатчидананде сесть на койку, а Джадурани попросил уступить место его ученику.

Свами Бхактиведанта и Свами Сатчидананда беседовали на хинди, и никто из присутствующих не понимал, о чем они говорят. Но в какой-то момент Свамиджи поднял руку и посмотрел на нее, сначала с равнодушием, а затем с отвращением. Хотя говорил он на хинди, жесты и сардоническое выражение его лица позволяли понять общий смысл беседы: тело материально, и поэтому от него не стоит ожидать ничего хорошего.

Свамиджи попросил Ачьютананду зачитать вслух отрывок одного из комментариев к «Шримад-Бхагаватам».

Если молока, зерна, фруктов, хлопка, шелка и драгоценных камней достаточно, кому нужны все эти механизмы и машины, которые считаются признаком экономического процветания? Разве могут машины и прочая техника обеспечить человека и животных энергией и наделить силой? Разве могут они произвести зерно, фрукты, молоко, или драгоценные камни, или шелк? Неужели драгоценностей и шелка, а также разнообразных блюд, которые можно приготовить из *гц*, зерна, молока и фруктов, недостаточно, чтобы вести чистую, роскошную и здоровую жизнь? Зачем нужна искусственная роскошь в виде кинотеатров, автомобилей, радио, мяса и ресторанов? Создала ли эта цивилизация что-либо, кроме вражды между людьми и государствами? Утвердила ли она равенство и братство, если по прихоти одного человека тысячи людей посылаются на адские фабрики и поля сражений?

Потом Свамиджи предложил поставить пластинку, которую записали они с учениками, и Свами Сатчидананда вежливо согласился. Но когда Свамиджи попросил перевернуть ее на другую сторону, гость сказал, что им пора. Он дал Свамиджи немного фруктов, а Свамиджи, взяв их, попросил учеников:

— Раздайте эти фрукты и угостите его нашими.

Когда Свами Сатчидананда поднялся и направился к выходу, Свамиджи, слегка пошатываясь, встал с кровати.

— Нет, нет, нет, — запротестовал Свами Сатчидананда. — Не беспокойтесь.

Когда он, в сопровождении Ачьютананды, вышел, Свамиджи снова лег на койку.

— А он на самом деле *свами*? — спросила Джадурани.

— Почему нет? — ответил Свамиджи, но, помолчав несколько секунд, добавил: — *Свами* значит «тот, кто знает Кришну».

Больше об этом разговоров не было, но Свамиджи остался доволен неожиданным визитом.

Постоянные визиты юных последователей Свамиджи, с *тилаками* на лицах и арбузами в руках, с какой-то особенной пищей, цветами и

изображениями Кришны, вызывали среди медперсонала особый интерес. Иногда работники больницы заходили и задавали Свамиджи вопросы, а иногда преданные рассказывали им о Движении сознания Кришны. Как-то одна из медсестер, проходя мимо палаты Свамиджи, спросила:

— Как называется высшая каста в индийской кастовой системе? Как их называют?

— Преданные Кришны, — твердо ответил Свамиджи и попросил ученика угостить медсестру *прасадом*.

5 июня Свамиджи получил трогательное письмо, подписанное всеми его учениками из Сан-Франциско. Прочитав о том, как они всю ночь пели и молились о его выздоровлении, он продиктовал короткий ответ.

Дорогие юноши и девушки!

Я очень признателен вам за то, что вы молили Кришну спасти мне жизнь. Благодаря вашим искренним и горячим молитвам Кришна спас меня. Во вторник я наверняка должен был умереть, но ваши искренние молитвы сохранили мне жизнь. Сейчас я постепенно поправляюсь и прихожу в нормальное состояние. Теперь я могу надеяться, что мы встретимся снова и будем вместе петь *мантру* Харе Кришна. Я был рад получить сообщение о том, что вы не стоите на месте, и надеюсь, что вы сумеете постичь науку сознания Кришны. Мои благословения всегда с вами, продолжайте же с верой повторять Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

На следующий день пришла посылка от Мукунды: магнитофонная лента с записью *шри рама джайа рама джайа джайа рама* и других *бхаджанов* в исполнении сан-францисских преданных. Свамиджи продиктовал еще одно письмо, где говорил, что, как только наберется сил для новых путешествий, снова придет в Сан-Франциско. «А пока, — писал он, — мне хотелось бы узнать, как вы готовитесь к Ратха-ятре. Постарайтесь устроить пышную процессию. Пусть это будет что-то невиданное для Соединенных Штатов».

Как-то вечером несколько учеников Свамиджи собрались в храме на Второй авеню, 26. Усевшись в кружок на выцветшем ковре, они обсуждали болезнь своего учителя. Свамиджи говорил, что сердечный приступ должен был окончиться его смертью, поэтому он громко произнес: «Харе Кришна!», предчувствуя близкий конец. Киртанананда вспомнил: Свамиджи однажды говорил, что во время плавания на «Джаладуте» жена капитана читала по его руке и предсказала, что если он переживет свой семьдесят первый год, то будет жить до ста лет.

Мадхусудана недоумевал:

— Как может чистого преданного настичь смертельный удар?

Киртанананда ответил: считать, что со Свамиджи ничего не случится, поскольку он чистый преданный, и на этом основании не беспокоиться о нем

— признак имперсонализма. Конечно, «страдания» или даже смерть чистого преданного нельзя сравнивать со страданиями и смертью обычного человека. Свамиджи приводил пример: иногда кошка носит в своей пасти котят, а порой в ту же пасть попадает мышь. Мышь чувствует дыхание смерти, а котенок — любовь и защиту. Поэтому, хотя приближение смерти в случае Свамиджи выглядело так же, как и у обычных людей, Свамиджи не чувствовал при этом ни страха, ни опасности для себя.

По мере того как ученики делились своим пониманием произошедшего, их сомнения относительно того, почему это несчастие случилось с их духовным учителем, начали рассеиваться. Сатсварупа поведал о письме, которое печатал в клинике. В письме Свамиджи говорил, что не боится *майи* и что *майя* не может его коснуться. Но говорил он и о том, как его подвело сердце. Брахмананда вспомнил, как однажды слышал от Свамиджи, что *гуру* может страдать за грехи учеников, поскольку ему приходится брать на себя их *карму*. У Свамиджи уже около пятидесяти учеников, так что, может быть, это и есть причина его сердечного приступа. Они обсудили, как важно строго соблюдать все правила и не совершать грехов, которые лягут бременем на плечи их духовного учителя.

Еще одна причина болезни, сказал Киртанананда, — воля Самого Кришны, который таким образом задействовал их всех в личном служении Свамиджи. Служа чистому преданному, человек обретает благосклонность Кришны, поэтому Кришна дал им возможность очиститься, делая Свамиджи массаж и лично прислуживая ему.

Сатсварупа вспомнил, как их *гуру* писал в письме сан-францисским ученикам, что должен был умереть, но спасся благодаря их молитвам. Киртанананде Свамиджи сказал, что, услышав молитвы преданных, Кришна пошел навстречу их желанию. Господь разрешил Свамиджи продолжать его миссию распространения сознания Кришны на Западе. Свамиджи хотел жить не ради себя, а ради того, чтобы продолжать свое дело.

Все согласились с мнением Киртанананды: считать, что Свамиджи чистый преданный и потому не нуждается в любви и заботе, — имперсонализм. Они должны продолжать ухаживать за ним, хотя ему уже стало лучше. Он доверился их заботе, и они должны отвечать соответственно. Свамиджи говорил, что ученики для него — как отцы; поэтому теперь им не следует позволять ему долго и энергично играть на *мриданге*, часами петть в парке, разговаривать до поздней ночи и вообще делать что-то, что пагубно скажется на его здоровье.

Рая-Рама сказал, что недавно Свамиджи попросил его ответить на письма преданных с Западного побережья и добавил, что, видимо, никогда больше не сможет давать публичных лекций, которые отнимают много сил, так что движение *санкиртаны* отныне ложится на их плечи. В своих письмах Рая-Рама объяснял, что лишь по милости Кришны Свамиджи все еще с ними и может советовать им в затруднительных ситуациях; но сейчас они должны увеличить усилия для распространения сознания Кришны по всему миру.

Разговор постепенно перешел на то, как важно выполнять указания Свамиджи и становиться по-настоящему стойкими преданными. Все сошлись на том, что это возможно, если более тщательно изучать его книги и действовать в соответствии с его наставлениями.

Когда они рассказали Свамиджи о своей философской дискуссии, он отреагировал одной фразой:

— Кришна услышал ваши искренние молитвы и подумал: «Ну хорошо, пусть остается и занимается своими глупостями, раз столько преданных молятся за него».

* * *

Незадолго до того, как Свамиджи попал в больницу, преданные запланировали провести большое мероприятие в парке на Томпкинс-сквер. Оно должно было состояться 4 июня, в воскресенье. Дирекция парка выделила им эстраду и предоставила усилительную аппаратуру. Мистер Колмен (тот самый, который выпустил пластинку «Харе Кришна») убедил их провести рекламную кампанию, а сам вступил в переговоры с местными телеканалами. Преданные заготовили плакаты с *мантрой* Харе Кришна, чтобы все, даже телезрители, могли петь вместе с ними.

Хотя теперь Свамиджи не мог участвовать в этом событии, он сказал, что фестиваль должен состояться во что бы то ни стало, а он составит особое обращение, которое Киртанананда должен будет зачитать публике. С больничной койки он продиктовал короткое «Обращение А.Ч. Бхактиведанты Свами к американской молодежи».

4 июня вокруг эстрады в Томпкинс-сквер-парк собралось несколько сотен человек. Преданные играли на фисгармонии, *кара-талах* и *мридангах* и пели через усилители *мантру* Харе Кришна. Многие люди в толпе подпевали, подыгрывали на своих инструментах, а некоторые даже взобрались на сцену.

Киртанананда встал перед микрофоном и объявил, что Бхактиведанта Свами, хотя и болен и в настоящий момент находится в клинике «Бет Исраэль», хочет обратиться ко всем присутствующим с речью. Многим жителям Нижнего Ист-Сайда Бхактиведанта Свами и его *киртаны* были хорошо знакомы. Киртанананда начал читать, а толпа внимала его словам:

Дорогие мои, прекрасные юноши и девушки Америки!

Я приехал в вашу страну с большими надеждами и великой миссией. Мой духовный учитель, Ом Вишнупада Парамахамса Парив-раджакачарья Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа, попросил меня проповедовать религию Господа Шри Чайтаньи Махапрабху в западном мире. Так было посажено семя. Постепенно семя взошло и принесло плоды, и я был готов ехать на Запад. Я не знаю, чем меня так привлекла Америка. Кришна подсказывал мне из сердца: не ехать в Европу, а отправиться сюда. Итак, вы

можете убедиться, что я приехал в вашу страну, подчиняясь указанию свыше. Приехав сюда и увидев, что часть молодежи обманута, сбита с толку и разочарована (подобное характерно не только для вашей страны; во всем мире к молодым людям относятся с пренебрежением, хотя они — цветы общества и будущая его надежда), я подумал, что если я обращусь к американским молодым людям со своим посланием и они присоединятся к моему движению, то оно распространится по всему миру и все проблемы мира будут решены. Как бы мне хотелось самому быть сегодня с вами! Но Кришна мне этого не позволил, поэтому, пожалуйста, простите меня и примите мои благословения в письменной форме.

Наш метод духовного совершенствования, *санкиртана*, то есть пение и танец, прекрасен, ибо с самого начала поднимает всех на духовный уровень. Наше существование протекает на нескольких уровнях: на уровне тела, ума, интеллекта и души. Когда вы находитесь на духовном уровне, все проблемы, созданные потребностями тела, ума, разума и эго, разрешаются. Поэтому я призываю вас отнестись к нашему Движению со всей серьезностью. Наш метод очень прост: мы просим каждого приходить и петь с нами, слушать о философии жизни, которой учил Господь Кришна, вкушать *прасад* (пищу, приготовленную для Господа и предложенную Ему), а потом возвращаться домой, умиротворенными, с освеженным умом. Такова наша миссия.

Конечно, у нас есть и определенные ограничения. Но по сути дела, это даже не ограничения, а предоставление лучшей альтернативы. Не так давно на съемках телевизионной программы мистер Аллен Бёрк спросил меня: «Свамиджи, почему вы так настаиваете на женитьбе?» Я ответил ему: «Пока человек не обретет мира в семье, как он сможет достичь каких-то результатов в любой другой сфере жизни или области знания? Поэтому каждому следует вступить в брак, просто чтобы быть счастливым и умиротворенным». Все вы — славные, красивые, образованные юноши и девушки. Почему бы вам не жениться и не жить счастливо? Если вы ведете спокойную и упорядоченную жизнь и питаетесь только *прасадом* Кришны, ткани вашего мозга будут развиваться, и это поможет вам в духовной жизни.

Однако, даже если вы не согласны с этими простыми ограничениями, я все равно прошу вас петь вместе с нами. Это может каждый. Постепенно благодаря этому пению все встанет на свои места, все ваши проблемы разрешатся, и вы обнаружите, что в вашей жизни открылась новая глава. На этой неделе я получил письмо от одной девушки из Нью-Джерси, которая испытала нечто подобное. Она пишет:

«Дорогой Свамиджи!

Мое имя вам ничего не скажет. В прошлую субботу я присоединилась к вашему шествию на Вашингтон-сквер.

Когда я впервые увидела вашу группу, то подумала, что вы сумасшедшие. Либо сумасшедшие, либо накурились наркотиков. Но, послушав немного и поговорив с некоторыми из ваших последователей, я поняла, что ошиблась. Вы и вправду верите в то, что делаете, и за это я восхищаюсь вами. Но

любопытство влекло меня дальше — я хотела разобраться, что к чему. Поэтому я последовала за вами, и чем дальше, тем больше меня захватывало пение. Я ощутила раскрепощение и тоже стала петь. Я не знала, где нахожусь и куда иду, но меня охватил такой восторг, что мне было не до этого. Только когда процессия остановилась, я поняла, где нахожусь.

К этому моменту у меня уже сложилось какое-то отрывочное представление о сознании Кришны. Один из ваших последователей пригласил меня в храм, и я пошла за вами, надеясь найти то самое, что заставляет испытывать такие чувства, неведомые прежде.

Пообедав с вами и почитав ваши книги, я ушла; но ушла не с пустыми руками. Я унесла с собой новое понимание жизни. Я поняла, какими пустыми и поверхностными были мои желания: новая одежда, большой дом, цветной телевизор — все это так ничтожно! Если бы только люди открыли глаза на те бесконечно разнообразные наслаждения, которые Бог уже нам дал, им не нужно было бы искать ничего больше.

Вы поистине счастливы. Вы можете обходиться без многих вещей, но именно поэтому вы способны наслаждаться простыми, Самим Богом данными сокровищами этого мира. У вас есть вера, и поэтому вы богаты; и я благодарю вас за то, что вы поделились частью этого богатства со мной».

Итак, мы приглашаем вас: пожалуйста, пойте с нами — это так прекрасно! Если хотите, приходите в наш храм, отведайте *прасада* и будьте счастливы. Это не очень трудно. Просто повторяйте ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА, КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ, ХАРЕ РАМА, ХАРЕ РАМА, РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ. Это спасет вас. Спасибо вам большое, да благословит вас Господь.

* * *

Свамиджи не терпелось покинуть клинику. Уже в течение нескольких дней он хотел выписаться оттуда.

— Они только и делают, что без конца колют меня, — жаловался он.

Кроме того, каждый день его пребывания в клинике увеличивал долги Общества. Преданные сняли небольшой коттедж на побережье в Лонг-Бранч, штат Нью-Джерси, в котором они решили поселить Свамиджи до окончательного выздоровления. Киртанананда будет готовить для Свамиджи, а Гаурасундара и его жена Говинда даси, приехавшие из Сан-Франциско, будут вести хозяйство и помогать Киртанананде. Но врач хотел еще раз сделать Свамиджи энцефалограмму и кое-какие анализы.

Однажды, когда в палате у Свамиджи сидели Киртанананда и Гаргамуни, к нему вошел врач и объявил, что Свами нужно спуститься вниз на рентген.

— А уколы делать будете? — спросил Свамиджи.

— Нет, — ответил доктор, — не беспокойтесь.

Когда медсестра привезла каталку, Свамиджи настоял на том, чтобы его вез Гаргамуни. Он сел на каталку по-турецки и просунул руку в мешочек с четками, а Гаргамуни, следуя за сестрой, выкатил его за дверь и привез в холл, где они сели в лифт. Они спустились на третий этаж и вошли в какую-то комнату. Медсестра оставила их одних. Гаргамуни чувствовал, что Свамиджи беспокоится. Он тоже нервничал. Ему было очень странно и непривычно находиться со своим духовным учителем в таком месте. Затем вошла другая медсестра со шприцем.

— Пора сделать Свами маленький укольчик.

— Нет, — мотнул головой Свамиджи.

— Простите, — решительно сказал Гаргамуни, — мы не будем этого делать.

Медсестра рассердилась, но старалась держать себя в руках.

— Это не больно.

— Увези меня отсюда, — сказал Свамиджи, обращаясь к Гаргамуни.

Когда сестра стала настаивать, Гаргамуни, как это с ним часто случалось, решил идти напролом и загородил Свамиджи своим телом.

«Если понадобится, я буду драться», — думал Гаргамуни.

— Я не позволю вам этого сделать, — сказал он и выкатил кровать из комнаты, оставив позади ошарашенную медсестру.

Гаргамуни заблудился. Он оказался то ли на третьем, то ли на четвертом этаже, в лабиринте коридоров и дверей. Палата Свамиджи находилась на шестом этаже. Плохо представляя себе, куда идет, Гаргамуни катил кровать по бесконечным коридорам. На ней, читая на четках *мантру*, сидел Свамиджи.

Брахмананда вошел в рентгеновский кабинет через несколько секунд после бегства Гаргамуни. Интерн и медсестра стали жаловаться ему и рассказали обо всем, что произошло.

Брахмананда: *Они считали это похищением. Свамиджи был их собственностью. Пока он лежал в клинике, он принадлежал им, и они думали, что могут делать с ним все что угодно. А Гаргамуни взял и похитил его.*

Гаргамуни добрался до лифта. Ему было трудно развернуть громоздкую каталку, и в спешке он врезался в стену. Наконец оказавшись в лифте, он понял, что забыл этаж, на котором находилась палата Свамиджи. Он знал только одно: он защищает Свамиджи, который хочет, чтобы его забрали отсюда.

Когда Гаргамуни наконец добрался до палаты номер 607, там уже находился интерн, который сердито отчитал его.

— Мне наплевать, — сказал Гаргамуни. — Свами больше не хочет никаких уколов и анализов. Он хочет выписаться из клиники.

Пришел Брахмананда. Он успокоил своего младшего брата и помог снова уложить Свамиджи в постель.

Свамиджи сказал, что хочет уехать отсюда. Когда вошел врач, Свамиджи сел на кровати и решительно заявил:

— Доктор, я чувствую себя хорошо. Мне больше нечего делать в больнице.

С этими словами он пожал доктору руку, желая показать, что вполне здоров. Врач рассмеялся. Он сказал, что, хотя Свамиджи значительно окреп, ему нужно остаться в клинике еще на несколько дней. Его жизнь все еще в опасности. Он нуждается в тщательном медицинском наблюдении. Кроме того, ему нужно еще раз сделать электрокардиограмму.

Свамиджи по-прежнему чувствовал боли в области сердца, но сказал врачам, что его ученики нашли место на побережье, где он сможет отдохнуть и поправиться. Это очень хорошо, сказал доктор, и все же он не может позволить пациенту уйти из клиники прямо сейчас.

Однако Свамиджи уже все решил. Брахмананда и Гаргамуни вызвали такси. Они собрали вещи Свамиджи и помогли ему одеться. Когда на глазах у всего медперсонала они выводили его из палаты, кое-кто из врачей и медсестер попытался их остановить. Брахмананда сказал, чтобы они не беспокоились: Свамиджи очень дорог им, и они сумеют о нем позаботиться. Они будут регулярно делать ему массаж, он будет много отдыхать и принимать все лекарства, которые прописали врачи. Отдохнув на побережье, он приедет к ним на осмотр.

Брахмананда: *Врачи уже были сыты всем этим по горло. Они стали угрожать нам: «Он умрет». Они нас сильно напугали. Они говорили: «Он умрет, и виноваты в этом будете вы». Даже когда мы уже выходили на улицу, они сказали нам вслед: «Этот человек обречен». Это было ужасно.*

8 июня в десять часов утра они покинули клинику. Прежде чем отправиться в Лонг-Бранч, Свамиджи захотел сделать короткую остановку в храме на Второй авеню. Покачиваясь, он вошел в храм и приблизился к портрету своего духовного учителя, Бхактисиддханты Сарасвати, и его отца, Бхактивиноды Тхакура. В первый раз ученики Свамиджи видели, как он простерся на полу перед своим Гуру Махараджей. Они тоже пали ниц и в этот момент почувствовали, что любят его еще больше.

Когда Свамиджи приехал в свой домик в Лонг-Бранч, был уже час дня, и Киртанананда сразу же отправился готовить обед. В первый раз за последние девять дней Свамиджи сможет наконец принять полноценный горячий обед: *рис, дал, чапати, сабджи* — все, как обычно.

Он лег в постель, но вскоре встал и направился на кухню:

— Готово?

Киртанананда извинился и сказал, что поторопится. Через несколько минут Свамиджи вернулся. Он был рассержен:

— Что ты так долго возишься?

Киртанананда торопился как только мог, но закончить готовку быстрее было не в его силах.

— Давай что есть, — велел Свамиджи. — Пусть недоваренное, мне все равно.

Киртанананда подал обед, и Свамиджи с аппетитом здорового человека приступил к трапезе. Киртанананда позвонил своему другу Хаягриве в Сан-

Франциско:

— Ел так, что любо-дорого было смотреть!

Маленький одноэтажный коттедж находился в тихом пригороде в нескольких минутах ходьбы от пляжа. Задний двор был обсажен деревьями и кустами, а вокруг цвели и благоухали розы.

Однако погода часто была ненастной, а небо пасмурным, и Свамиджи стал поговаривать о возвращении в Индию, чтобы поправить здоровье. Из Дели пришло письмо от Шри Кришны Пандита, который отказался выполнять настоятельную просьбу Свамиджи прислать аюрведическое лекарство: «Вы так далеко — а вдруг лекарство даст побочный эффект? Кто будет это исправлять?» Свамиджи снова написал ему, спрашивая, нельзя ли послать в Америку аюрведического врача. Но это предложение представлялось непрактичным. Было бы лучше, если бы Свамиджи сам приехал в Индию. Помимо этого, он получил ответ от Нараяны Махараджи, который писал, что, поскольку никакой аюрведический врач в Америку не поедет, Свамиджи сам должен вернуться и лечиться в Калькутте. Нараяна Махараджа также вложил в конверт письмо для секретаря Свамиджи, Рая-Рама: «Для беспокойства нет никаких оснований. Всегда произносите *хари-наму* (Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе) ему в уши. Господь устроит все наилучшим образом».

Но в Индию Свамиджи хотел поехать не только для того, чтобы поправить здоровье. Он сказал Киртанананде и Гаурасундаре, что хочет открыть во Вриндаване «Американский дом», что-то вроде колледжа, в котором его американские ученики смогут изучать ведическую культуру, чтобы затем проповедовать сознание Кришны по всему миру. Он сказал также, что хочет дать некоторым из своих учеников: Брахмананде, Киртанананде, Хаягриве — *санньясу*, и это он тоже сделает в Индии. Однако его настоящее дело было здесь, в Америке, — только бы ему удалось поправиться! Но куда же девалось солнце?

Говинда даси лелеяла надежду лично послужить Свамиджи с тех самых пор, как впервые встретила его в Сан-Франциско. Она видела, насколько он самоотвержен, и никогда раньше она не встречала такой любви, какую питал Свамиджи к своим ученикам. Она никому не говорила о своей мечте, даже мужу. Но сейчас Кришна исполнил ее желание, позволив им приехать в Нью-Джерси служить своему духовному учителю. Нью-йоркским преданным казалось, что будет лучше, если заботиться о Свамиджи станет семейная пара, а Говинда даси с Гаурасундарой были самым подходящим для этого вариантом. Таковы были внешние причины, но Говинда даси понимала, что на самом деле таким образом Сам Кришна исполняет ее желание.

Служение Свамиджи давало Говинде даси полное удовлетворение. Сейчас, когда она могла полностью посвящать себя служению ему (о чем постоянно мечтала), ничто другое ее не заботило. Хотя и нелегко ей было выполнять свои обязанности рядом с Киртананандой (тот, казалось, считал ее менее

разумной, потому что она женщина, и постоянно делал ей замечания), она была счастлива.

Говинда даси: Свамиджи обычно сидел за столом, на маленьком диванчике, а Гаурасундара, Киртанананда и я садились на полу перед ним, и вместе, как одна семья, мы принимали прасад. За едой мы беседовали, и однажды разговор зашел о рисе. Киртанананда сказал:

— Белый рис — для людей, а бурый — для животных.

На это я ответила:

— Тогда я, наверное, животное, потому что мне больше нравится бурый рис.

Это так рассмешило Свамиджи, что он не мог остановиться и все смеялся и смеялся. Ему это показалось очень смешным. Сама я считала, что не сказала ничего особенного, но его это очень рассмешило.

Однажды, когда Свамиджи сидел во дворике, Говинда даси увидела большого слизня, взбирающегося на стену. Она указала на него Свамиджи.

— Скажи бедняге «Харе Кришна», — велел он ей, и она начала повторять «Харе Кришна».

Каждый день Говинда даси ходила на прогулку и, с разрешения соседей, срезала у них с десятков роз. Вернувшись, она ставила цветы в вазы и украшала ими комнату Свамиджи. Однажды, когда она возвращалась от соседей, Свамиджи услышал ее громкое пение «Харе Кришна» и заметил, обращаясь к Гаурасундаре:

— Она очень простодушна.

Говинда даси: Свамиджи говорил о Кришне так, будто Кришна находился в комнате. Меня это всегда поражало. Он часто рассказывал о деяниях Кришны: как Кришна делает то или это, какой Он замечательный и о чем думает мама Яшода. Он рассказывал обо всем этом и приходил в такое удивительное состояние, что вся комната наполнялась золотистым сиянием. При этом я чувствовала, что меня словно перенесли в другой мир. Это было что-то новое, неведомое, и я совершенно не понимала, что происходит. Я получила подлинный духовный опыт: я чувствовала присутствие Кришны, и в моем сердце появлялся чуть ли не проблеск памяти о Его играх.

Свамиджи играет на караталах, Свамиджи гуляет по пляжу, Свамиджи сидит в комнате или отдыхает — все, что он делал, казалось Говинде даси чудесным. Каждое его слово и поступок внушали Говинде даси все большую любовь к нему.

Иногда Свамиджи навещали преданные с Манхэттена. Им было позволено приезжать на Лонг-Бранч лишь раз в неделю и не более чем по двое. В основном они видели его сидящим на кровати, но иногда им удавалось пройтись с ним по пляжу. Утреннее солнце, говорил он, могло бы пойти ему на пользу. Но небо продолжало оставаться серым.

Однажды утром, когда Свамиджи вместе с Киртананандой, Гаурасундарой, Сатсварупой, Говиндой даси и Джадурани сидели на пляже, на одеяле, расстеленном на песке, он заметил нескольких парней с досками для серфинга, пытающихся поймать волну.

— Они думают, что это наслаждение — играть в воде, — сказал он. — В этом и правда есть какое-то наслаждение, но это не *ананда*, не блаженство духовного мира. На Кришналоке все обладает сознанием — вода, земля. И все исполнено блаженства. Здесь все не так.

Преданные посмотрели вместе с ним на серфингистов, прыгающих по волнам.

— Да, — сказал Киртанананда. — Здесь это еще и опасно. Доска в любой момент может выскользнуть и ударить по голове.

— Да, — сказал Свамиджи, — это не настоящая *ананда*. Пра-хлада Махараджа сказал, что материальный мир перемалывает его жерновами повторяющихся рождений и смертей. Он говорит, что в материальной жизни ему приходится либо разлучаться с тем, что ему дорого, либо сталкиваться с нежелательными помехами. Он хочет найти выход из положения, но принимает лекарство еще хуже, чем сама болезнь. Это как ЛСД: лечение хуже, чем болезнь.

Лицо Свамиджи осунулось, в остальном же он выглядел, как и до болезни. Он сидел, завернувшись в серый шерстяной *чадар*. Ребята знали, что он должен очень серьезно отнестись к тому, чтобы не переутомляться. Теперь они никогда не забудут (как это бывало раньше), что ему уже за семьдесят. Возможно, им уже никогда не придется так долго наслаждаться его обществом. Теперь близкое общение с ним стало редким сокровищем.

Сидя на одеяле, совсем рядом со Свамиджи, Сатсварупа от имени нью-йоркских преданных задал ему вопрос:

— Свамиджи, можно ли носить кожаную обувь?

— Нет.

— А если кто-нибудь подарит нам кожаную обувь?

— Кожа означает насилие, — ответил Свамиджи. Он указал на ботинки Сатсварупы, сделанные из недорогого кожзаменителя. — У вас очень хорошая страна. Благодаря вашим технологиям вы можете легко купить такую обувь и не носить кожу.

Так Сатсварупа и другие преданные получили ответ на всю оставшуюся жизнь, а время и место стали ссылкой, как номер главы и стиха в писании.

Джадурани помогала Говинде даси собирать цветы. Как-то раз, беседуя между собой, они услышали разговор мужчин, которые говорили, будто женщины менее разумны. Девушки очень расстроились. Позже Говинда даси поделилась своими переживаниями со Свамиджи.

— Правда ли, — спросила она, — что, поскольку мы женщины, мы не можем духовно прогрессировать так же быстро, как *брахмачари*?

— Правда, — ответил Свамиджи. — Если вы считаете себя женщинами, о каком духовном прогрессе может идти речь? Вы должны помнить, что вы —

души, вечные слуги Кришны.

Свамиджи дал Джадурани свою фотографию, чтобы та нарисовала с нее портрет. На снимке, сделанном еще в Индии, он стоял, выпрямив спину, на фоне белой стены и казался очень суровым.

— О, Свамиджи, — заметила Джадурани, — на этом снимке вы выглядите таким несчастным!

— Не-ет, — задумчиво протянул он. — Нет. Я не был несчастен. Это был миг экстаза.

Свамиджи обратил внимание Джадурани на картинку, висевшую на стене: мама Яшода упрекает сына за то, что тот ворует масло, а чуть поодаль за дерево прячутся двое смеющихся друзей Кришны. Свамиджи спросил:

— Ты думаешь, Кришна позволит Себя поймать и чтобы друзья при этом убежали?

Она посмотрела на изображение еще раз. Слова Свамиджи помогли ей догадаться, что друзей Кришны скоро тоже поймают. Неожиданно она почувствовала себя там, во Вриндаване. Они оба засмеялись.

Проведя со Свамиджи пару дней, Сатсварупа и Джадурани, приехавшие из Нью-Йорка, должны были вернуться к своим обязанностям. Свамиджи отдыхал, но прямо перед их отъездом проснулся, поэтому они вошли в его комнату. Лежа на кровати, Свамиджи слабым голосом произнес несколько слов, затем сел, и Гаурасундара начал делать ему массаж.

— Те, кто думает, что Бог мертв, — безумцы, — сказал он.

Никто не затрагивал эту тему, но Свамиджи считал, что разговаривать о Кришне всегда уместно. По мере того как он обличал атеистов, его голос набирал силу:

— Это все равно, как если бы я пришел к врачу и он, прослушав мое сердце, которое бьется ровно, измерив кровяное давление, которое тоже в порядке, послушав, как я дышу, после этого в ответ на мой вопрос: «Ну что, доктор, как мое здоровье?» — сказал бы: «Уважаемый, вы мертвы». Разве это не безумие?

Гаурасундара, продолжая растирать тело Свамиджи, удивленно посмотрел на присутствующих. Свамиджи говорил громко и уверенно, словно обращался к большой аудитории, а не к нескольким гостям, приехавшим навестить больного.

— Аналогичным образом достаточно взглянуть на проявления жизни во вселенной. Солнце всегда встает вовремя, и все планеты вращаются по своим орбитам. Вокруг столько признаков жизни! А ведь вселенная — это тело Бога. Видеть эти признаки жизни и утверждать, что Бог мертв! Разве это не глупость? Какие негодяи! Я бросаю им вызов. Просто негодяи!

Несколько слов, сказанных тихим голосом, вылились в мощную получасовую речь, направленную против всевозможных теоретиков атеизма. Хотя сначала Киртанананда предостерег Свамиджи, напомнив ему о здоровье, тот отмахнулся, сказав:

— Все в порядке.

Но потом силы покинули его, и он был вынужден снова лечь в постель.

Так преданные увидели, как Свамиджи сразу же пускает в ход силы, накопленные за время полуденного сна. Видя, как он использует все, что у него есть, для служения Кришне, они испытывали восхищение, но в то же время боялись. Но разве в их силах было его удержать? Более того, они тоже были к этому причастны — ведь они жаждали слушать.

Когда Сатсварупа и Джадурани вернулись в Нью-Йорк, Брахмананда попросил их рассказать другим о Свамиджи. Сатсварупа поведал, как спал с ним в одной комнате и почувствовал, как благотворно находиться рядом. Всю ночь он чувствовал свет и покой и то, что Кришна где-то поблизости. Сатсварупа и Джадурани рассказали, как сидели со Свамиджи на пляже и он говорил им о Кришналоке, о том, что на ней все обладает сознанием. Они вспомнили, как Свамиджи сел на кровати и потратил все свои силы на проповедь, показывая, что и они должны поступать так же, используя все для служения Кришне. Брахмананда оглядел преданных и засиял от радости:

— Посмотрите-ка! Вы только *рассказываете* о Свамиджи, а все чувствуют себя на верху блаженства!

Свамиджи пробыл в Лонг-Бранч три недели. Но когда пришел ответ от Шри Кришны Пандита, который писал, что не сможет устроить приезд аюрведического врача в Америку, Свамиджи стал всерьез подумывать о возвращении в Индию. В Индии будет много солнца и он сможет лечиться у аюрведических врачей. Но его планы менялись каждый день — Сан-Франциско, Монреаль, Индия, Нью-Йорк. Он попросил Киртанананду сообщить сан-францисским преданным, что приедет к ним, если они устроят Ратха-ятру.

В конце июня Свамиджи вернулся в храм на Вторую авеню и поехал в клинику для осмотра. Врач был удивлен тем, что он почти совсем поправился, и не возражал против полета в Сан-Франциско. Итак, в поисках солнечного неба, движимый желанием руководить своими учениками, которым предстояло провести первую в их жизни Ратха-ятру, Свамиджи заказал билет для себя и Киртанананды, чтобы лететь в Сан-Франциско — Нью-Джаганнатха-Пури.

26 Отъезд Свамиджи

В САН-ФРАНСИССКОМ аэропорту Свамиджи улыбался, но говорил мало. Преданные встретили его цветами и *киртаном*. Но на этот раз все было по-другому. Опираясь на палку, он прошел прямо к машине.

Джаянанда уже ждал Свамиджи со своим фургоном, чтобы отвезти его в небольшой загородный домик, который они сняли для него в северном пригороде Сан-Франциско, Стинсон-Бич. Но Свамиджи сказал, что сначала хотел бы заехать в сан-францисский храм Радхи-Кришны. Джаянанда отвез его в храм на Фредерик-стрит. Выйдя из машины, Свамиджи вошел в маленькое помещение, заполненное преданными и гостями, которые с нетерпением ожидали его. Он поклонился улыбающемуся Джаганнатхе и, не сказав ни слова, вышел из комнаты, вернулся в машину и уехал в Стинсон-Бич.

Дорога проходила через прибрежные горы и была такой извилистой и крутой, что Свамиджи почувствовал тошноту. Он прилег на заднем сиденье, а Джаянанда сбавил скорость, но даже это мало помогло. Киртанананда понял, что Свамиджи будет очень трудно ездить из Стинсон-Бич в сан-францисский храм. Но, может быть, это и к лучшему — у него будет больше времени, чтобы восстановить силы.

Это был современный одноэтажный дом из шести комнат, с японской крышей. «Парадизио» — гласила вывеска на фасаде. На лужайке перед домом, среди модных предметов садового интерьера, Свамиджи заметил статую Господа Будды — украшение сада. Войдя в дом, он обнаружил там поджидающих его Мукунду и Джанаки. Они поклонились, а Джанаки от радости даже всплакнула. Свамиджи улыбнулся, но продолжал медленно и молча осматривать дом. Большую гостиную, окнами выходящую на Тихий океан, украшали картины Джадурани: Радха и Кришна, Господь Вишну, Господь Чайтанья — а также индийские гравюры, изображавшие Джаганнатха-Пури. В спальне были раздвижные окна, из которых тоже открывался вид на океан. На стене висел портрет Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и изображение Радхи и Кришны. Свамиджи улыбнулся и сказал, что картины очень хороши.

Преданные согласились, что со Свамиджи следует остаться только Упендре и Киртанананде. Они хотели, чтобы их духовного учителя ничто не беспокоило и он мог быстро поправиться.

В ту ночь у Свамиджи снова болело сердце. Всю ночь он не мог заснуть и не встал, как обычно, ранним утром, чтобы заниматься переводами. В пять утра к нему вошел Киртанананда и слегка приоткрыл окно, чтобы до Свамиджи донесся легкий океанский бриз. Повторяя *джапу*, Свамиджи сидел

на кровати, сосредоточенно глядя на стопы Господа Кришны и Шримати Радхарани. Гряда гор на востоке заслоняла утреннее солнце.

С тех пор как у Свамиджи случился приступ, Киртанананда каждый день, утром и вечером, делал ему массаж. Он энергично растирал голову Свамиджи, потом садился сзади и массировал ему спину, после чего переходил к груди, рукам и ногам. Нередко вся процедура занимала больше часа. После больницы Свамиджи каждый день совершал утренние прогулки, даже когда жил в Нижнем Ист-Сайде. В это утро он тоже отправился на прогулку по пляжу, сопровождаемый Киртананандой и Упендрой.

Прогуливаясь по берегу, Свамиджи указал тростью на какую-то возню в песке.

— Смотрите, — сказал он, — жизнь есть повсюду. Нет такого места, где не было бы живых существ. А они говорят, что на Луне нет жизни!

Берег был каменистым, в море спускались скалы, о которые с грохотом, напоминающим раскаты грома, бились волны.

— Слышите этот звук? — спросил Свамиджи. — Это эхом отдается биение сердец *гопи*, когда они чувствуют разлуку с Кришной.

Он гулял около часа, пока его юные слуги не устали.

— Я утомил вас? — засмеялся Свамиджи. — Эти прогулки и массаж изо дня в день спасают мне жизнь.

Они пошли дальше. К одиннадцати часам солнце наконец выглянуло из-за гор, и Свамиджи, обернув голову полотенцем, сел на раскладной стульчик, чтобы принять солнечную ванну. Он продолжал твердить, что ему нужно больше солнца. После обеда небо опять затянуло облаками.

Вечером Свамиджи позвал Киртанананду и Упендру в большую гостиную и провел с ними негромкий *киртан*, спев «Харе Кришна» и «Говинда джая джая». Он встал и водил их за собой по комнате по кругу. Проходя перед изображением Кришны, он всякий раз останавливался, слегка кланялся, сложив ладони, а затем поворачивался вокруг себя и шел дальше.

8 июля, через два дня после прибытия Свамиджи в «Парадизио», к нему приехали Шьямасундара и Мукунда. На следующий день была назначена Ратха-ятра, и Шьямасундара с Мукундой — первые преданные, навестившие Свамиджи в Стинсон-Бич, — рассказали ему обо всех приготовлениях к празднику. Безусловно, идея праздника принадлежала Свамиджи, но сан-францисские преданные постарались сделать все так, как он просил.

Мысль провести такой фестиваль осенила Свамиджи, когда однажды у себя в комнате он смотрел в окно, выходившее на Фредерик-стрит. Увидев открытые грузовики, которые проезжали мимо, он подумал, что было бы неплохо поставить на такие грузовики Божества Джаганнатхи и провести Ратха-ятру на американский манер. Он даже сделал рисунок грузовика с балдахином на четырех колоннах, украшенного флагами, колокольчиками и гирляндами из цветов. Он вызвал к себе Шьямасундара: «Ты должен сделать такую колесницу для Ратха-ятры». Теперь позади храма на Фредерик-стрит

стояла готовая колесница — желтый грузовик диггеров, арендованный в компании Герца. На грузовике был установлен полотняный балдахин в форме пирамиды, закрепленный на колоннах высотой полтора метра.

Сидя со Свамиджи на пляже, Мукунда рассказывал ему, с каким энтузиазмом работают преданные и как все хиппи в Хайт-Эшбери только и говорят, что о шествии Господа Джаганнатхи, которое должно состояться на следующий день. Преданные хотели, чтобы праздничная процессия двигалась через Голден-Гейт-парк, но полиция разрешила пройти только по Фредерик-стрит на юг к морю. Мукунда сказал, что под балдахином преданные собираются поставить Божества. Джаганнатха будет смотреть вправо, Субхадра — назад, а Баларама — влево. Он хотел знать, правильно ли это. На самом деле, сказал Свамиджи, Божества обычно везут на отдельных колесницах, каждую из которых толпа людей тянет за веревки вдоль по улице. Может быть, когда-нибудь так будет и в Сан-Франциско.

— Сделайте все как следует, — предупреждал он, — и не стоит ехать слишком быстро.

Преданные должны медленно вести грузовик по улице до пляжа и все время петь.

Мукунда и Шьямасундара на все лады расхваливали Джаянанду: он объездил весь город, собирая пожертвования — фрукты и цветы, нашел людей, которые помогли украсить колесницу, установил на грузовике усилители и развесил во всех магазинах рекламные плакаты. Он был неутомим и своим энтузиазмом заражал всех остальных. Женщины весь день делали *чапати*, чтобы завтра их можно было тысячами раздавать толпе. Преданные подготовили сотни воздушных шаров с надписью «Харе Кришна Ратха-ятра», собираясь выпустить их на улицах, когда начнется парад.

Когда преданные спросили, что нужно сделать еще, Свамиджи сказал, что процессия, раздача *прасада* и *киртан* — это все, что необходимо. Они должны дать людям возможность увидеть Господа Джаганнатху и услышать *мантру* Харе Кришна. Все время, пока процессия движется, они должны танцевать и петь перед колесницей.

— Но все нужно сделать как следует, — повторил Свамиджи. — Делайте все как можно лучше, и тогда Господь Джаганнатха будет доволен вами.

На следующий день после полудня Свамиджи сидел в гостиной, читая на четках *мантру*. С ним был Упендра, а Киртанананда готовил на кухне праздничное угощение. Вдруг Свамиджи услышал знакомый звон *карата* и просиял от счастья, а глаза его широко раскрылись. Выглянув наружу, он увидел грузовик Ратха-ятры с Господом Джаганнатхой, Субхадрой и Баларамой и несколько десятков преданных и хиппи, горевших желанием увидеть его. Он вышел, чтобы поприветствовать их, и попросил внести Божества в дом и установить их на пианино. Преданные и гости заполнили большую гостиную. Улыбаясь, Свамиджи обнял некоторых из них, другие пали ниц к его ногам. Несколько преданных стали помогать Киртанананде раскладывать по

тарелкам приготовленные им праздничные блюда, а другие принялись наперебой рассказывать Свамиджи об успехе Ратха-ятры.

— Это было великолепно! Потрясающе! Это был замечательный день! — говорили они.

Растроганный Свамиджи слушал о том, как прошел праздник. К процессии присоединилось множество хиппи. Мукунда, Харидас, Хаягрива и несколько женщин ехали на колеснице, и все инструменты, включая фисгармонию, на которой играла Ямуна, звучали через усилитель. Людям на улицах это очень понравилось. Полицейские, эскортировавшие процессию на автомобиле, хотели было поторопить преданных, но собралась такая толпа, что колонна была вынуждена двигаться медленно, именно так, как просил Свамиджи. Субал все время танцевал как безумный, а Джаянанда прыгал, играя на *караталах*. С грузовика несколько женщин раздавали всем желающим кусочки апельсинов, яблок и бананов, а другие разбрасывали цветы. Толпа была в полном восторге.

Шьямасундара рассказал, как они поднимались по крутому холму. Шьямасундара был за рулем, а рядом на переднем сиденье сидел его пес, Ральф. Вдруг мотор заглох. Шьямасундара попытался снова завести его, но не смог. Затем отказали тормоза и грузовик начал съезжать с холма! Наконец его удалось остановить. Но когда он попытался двинуться вперед, мотор опять заглох и грузовик опять покатился под гору! Шьямасундара включал зажигание, и грузовик трогался, но затем двигатель замолкал и машина снова катилась назад. Все забеспокоились. Наконец грузовик поехал, и процессия продолжила свой путь до пляжа.

Свамиджи улыбнулся и сказал, что это игры Господа Джаганнатхи. То же самое было, когда Господь Чайтанья присутствовал на Ратха-ятре в Джаганнатха-Пури. Тогда колесница тоже остановилась, и никому не удавалось сдвинуть ее с места. Царь Ориссы приказал толкать колесницу и тянуть ее за веревки самым сильным борцам, но колесница не сдвинулась ни на сантиметр. И даже слоны не смогли заставить ее поехать. Тогда Господь Чайтанья Сам уперся головой в колесницу и подтолкнул ее, и только тогда она тронулась с места. Теперь Ратха-ятра пришла на Запад, а вместе с ней и эта *лила* Господа Джаганнатхи.

Свамиджи заметил, что некоторых преданных нет на месте.

— А где Ямуна и Джанаки? — спросил он.

Преданные рассказали, что какие-то хиппи раздавали на процессии леденцы, начиненные ЛСД, и некоторые преданные нечаянно попробовали их и теперь пытаются прийти в себя.

Субал рассказал о том, как после праздника они ехали сюда по автостраде на украшенном цветами грузовике с балдахином — тридцать преданных и Божества: Джаганнатха, Субхадра и Баларама. Экипаж, на котором они проделали путь через горы, был, наверное, одним из самых необычных средств передвижения, которые когда-либо видел свет.

После того как гости уехали, Божества остались в доме со Свамиджи и его слугами. Свамиджи был доволен тем, что праздник удался. Пусть у его учеников не хватало опыта, зато у них была искренность. Бхактисиддханта Сарасвати и Бхактивинода Тхакур наверняка остались бы довольны первой американской Ратха-ятрой.

Весь мир живет в постоянной тревоге, объяснял Свамиджи преданным, собравшимся в тот вечер в его комнате. Обрести покой можно только в духовном мире. Цель сознания Кришны — помочь людям избавиться от тревог и вернуться в духовный мир. Такие праздники, как Ратха-ятра, помогают людям обрести сознание Кришны. У Свамиджи было великое множество идей и планов, связанных с проведением праздников и фестивалей. «Если бы у меня были средства и люди, — сказал он, — я бы устраивал такие праздники каждый день». Сознание Кришны не знает границ. Праздник Ратха-ятра был еще одним свидетельством того, что люди на Западе хорошо принимают сознание Кришны.

Свамиджи написал в Нью-Йорк Брахмананде:

Дом благородных пропорций и расположен в исключительно живописном месте. Поэтому не приходится жаловаться ни на его расположение, ни на сам дом. Единственная трудность в том, что я не могу ездить в храм — дорога очень извилистая и идет через горы. Но так или иначе преданные приезжают сюда, и недавно в городе с большой пышностью прошел праздник Ратха-ятра. Более пятисот человек присоединились к процессии, направлявшейся к пляжу в сопровождении более двух десятков автомобилей. Преданные распространили тысячи *чапати*, а в конце Шри Джаганнатха, Субхадра и Баладева милостиво пришли сюда, в наш дом, где останутся на неделю, прежде чем вернуться обратно.

* * *

Свамиджи продолжал говорить о поездке в Индию. Поездка, в сущности, была уже решена, оставалось только выяснить, когда и каким путем он поедет — западным, через Японию, или восточным, через Нью-Йорк. Хмурое небо и не по сезону холодная погода в Стинсон-Бич разочаровали его. Здоровье Свамиджи оставалось слабым. Иногда он даже поговаривал о смерти. Неважно, где он умрет — в Америке или во Вриндаване, сказал он. Если вайшнав умирает во Вриндаване — на земле, где появился Кришна, — он возвращается к Кришне в духовный мир. Но, когда Господь Чайтанья Махапрабху путешествовал по Индии, Его преданный, Адвайта, сказал Ему: «Где Ты, там и Вриндаван». Тот, кто все время поглощен мыслями о Кришне, всегда находится во Вриндаване. Поэтому если он умрет, проповедуя сознание

Кришны, то, где бы это ни произошло, он обязательно достигнет вечного Вриндавана в духовном небе.

И все же Свамиджи хотел поехать во Вриндаван. Это самое лучшее место на земле для того, чтобы умереть или выздороветь.

Кроме того, он рассчитывал взять во Вриндаван своих учеников, чтобы как можно лучше подготовить их к проповеди в странах Запада. Об этих планах он рассказал в письме к Сумати Морарджи, владелице паровой компании «Синдия».

Я собираюсь вернуться в Индию, как только наберусь сил для путешествия. Я уже стар — в сентябре мне будет семьдесят два^[8]. Но дело, которое я начал на Западе, еще не закончено, и мне нужно обучить нескольких американских юношей тому, как проповедовать эту религию по всему западному миру. Поэтому, если я вернусь в Индию, то возьму с собой нескольких учеников. Все они очень хорошие ребята и достойны учиться. В связи с этим я очень нуждаюсь в Вашей помощи. Вы уже согласились бесплатно перевозить моих индийских последователей; аналогичным образом, если бы Вы разрешили бесплатный проезд для некоторых моих американских учеников, они бы смогли приехать в Индию и учиться у меня во Вриндаване. Суть в том, что в таком преклонном возрасте мне трудно сказать, когда придет моя смерть. А я хотел бы провести последние дни своей жизни во Вриндаване.

Свамиджи пообещал Киртанананде, Хаягриве и другим, что возьмет их с собой и сам покажет святыне места, связанные с играми Кришны. Воспользовавшись средствами из фонда, созданного для строительства храма в Нью-Йорке, он мог бы открыть во Вриндаване «Американский дом».

Я мог бы приехать в Монреаль и провести церемонию установления *виграхи* Радхи-Кришны. Потом — вернуться на шесть месяцев в Индию: у меня есть планы построить во Вриндаване «Американский дом», где будут обучаться проповедники. Вриндаван — единственная трансцендентная обитель в этой вселенной, где сознание Кришны раскрывается само собой. И я очень надеюсь обучить некоторых своих учеников искусству проповеди, чтобы они могли проповедовать даже в мое отсутствие. Я уже стар и серьезно болен: смерть может настигнуть меня в любую минуту. Поэтому я хочу оставить после себя несколько обученных проповедников, которые смогут продолжать распространять сознание Кришны в западном мире. Это моя мечта. Я надеюсь, что все вы будете молиться Кришне, чтобы я смог как следует исполнить свой долг.

Когда Говинда даси написала Свамиджи, что ей очень хочется снова служить ему, как это было в Нью-Джерси, он ответил, что собирается в Индию, где попытается построить «Американский дом». «Ты сможешь

приехать туда и остаться там навсегда. И ты, и твой муж увидите, как замечательно поклоняться Кришне в мирной атмосфере Вриндавана».

В Стинсон-Бич, набираясь сил для путешествия, Свамиджи продолжал придерживаться своего обычного распорядка дня. Иногда из Сан-Франциско к нему приезжали преданные, по одному или по двое. Как и прежде, он выходил на утренние прогулки, принимал солнечные ванны, когда солнце выглядывало из-за облаков, и проводил вечерние киртаны или чтения в гостинной. Все как всегда, тихо и размеренно.

Упендра: *Обычно он сидел в своем кресле с той стороны дома, которая выходила к морю. Ему нравилось наблюдать, как мы резвимся в воде. В первый раз я чувствовал некоторую неловкость, когда шел купаться, зная, что за мной наблюдает Свамиджи. Но все-таки я зашел в воду и начал мыться. Потом я оглянулся на Свамиджи и увидел, как он на своем кресле делает движения руками вверх, словно плещется в воде. Он продолжал до тех пор, пока до меня не дошло: он хочет, чтобы я начал купаться по-настоящему. Когда я стал плескаться и прыгать в воде, он закивал головой и широко улыбнулся.*

Мукунда: *Я гулял со Свамиджи по пляжу, и когда он сел, я тоже сел напротив него. Он спросил:*

— Как по-твоему, кто такой Кришна?

Я ответил:

— Кришна — Бог. Он — Всевышний. Наш долг — поклоняться и служить Ему.

Свамиджи был как будто доволен, но потом сказал:

— Ты должен повторять на четках шестьдесят четыре круга ежедневно.

Я был поражен и не знал, что ответить. Я не знал, должен ли я вообще отвечать. Я просто продолжал смотреть на него, а он смотрел на меня. Немного погодя он сказал:

— Ну, можешь повторять хотя бы тридцать два круга.

Я по-прежнему не говорил ни слова. Мне казалось, что даже шестнадцать кругов — это много. Я недоумевал, как я смогу осилить тридцать два. Через некоторое время Свамиджи сказал:

— В самом крайнем случае ты должен повторять каждый день шестнадцать кругов.

— Да, Свамиджи, — ответил я.

Я знал, что могу, по крайней мере, постараться как-то выполнять это требование.

Однажды Свамиджи сказал Киртанананде, что хочет поиграть на пианино. (Божества Джаганнатхи, которые стояли на нем целую неделю, уже вернулись в Сан-Франциско, в храм.) Но когда Киртанананда с Упендрой отодвинули пианино от стены, до них донесся глухой стук падающего предмета.

— Что это? — спросил Свамиджи.

Киртанананда протиснулся за пианино и достал какую-то картину в раме, завернутую в полосатую ткань. Он развернул ее — на картине был изображен Господь Нрисимхадева.

— Почему ее спрятали за пианино? — удивился Свамиджи.

Как раз в это время у Свамиджи гостила Джанаки, и она во всем созналась. Когда она подготавливала дом к приезду Свамиджи, кто-то передал сюда эту картину. Джанаки нашла ее и спрятала. Картина показалась ей очень страшной, объяснила она. На картине Господь Нрисимха разрывал живот Хираньякашипу, и все вокруг было забрызгано кровью.

Свамиджи терпеливо объяснил, что, хотя материалисты жалеют Хираньякашипу, преданные приходят в восторг, видя, как Нрисимхадева разрывает его на части. Хираньякашипу, сказал он, держал в страхе всю вселенную и занял трон Индры, царя небес. Хираньякашипу издевался даже над собственным пятилетним сыном Прахладой, чистым преданным Господа Кришны. Так что в играх Господа Нрисимхи нет ничего дурного. В действительности Хираньякашипу, убитый Господом, обрел освобождение из материального мира.

Попросив преданных повесить изображение на стену, Шрила Прабхупада сел за пианино и начал играть. Преданные знали, что Свамиджи прекрасно играет на индийской фисгармонии, левой рукой качая мехи, а правой нажимая на клавиши, но никогда не видели, чтобы он играл на пианино. Они и не подозревали, что он умеет. Но Свамиджи без запинки сыграл несколько мелодий индийских *бхаджанов* и играл минут пять.

Иногда по вечерам, несмотря на постоянные предостережения Киртанананды, Свамиджи давал лекции или устраивал дискуссии. Уж если у него появлялось желание говорить, остановить его не мог никто. Иногда он просил Киртанананду поспорить с кем-то из приезжих преданных. Один становился на позиции *майявади* или атеиста, а другой отстаивал точку зрения сознания Кришны. Судьей был Свамиджи. Впрочем, стоило диспуту начаться, он тут же вмешивался в спор, вставал на сторону преданного и наголову разбивал атеиста или *майявади*. Преданным это очень нравилось. Свамиджи не мог удержаться в рамках роли молчаливого судьи или выздоравливающего пациента.

— Почему мы уделяем столько внимания имперсоналистам? — спрашивал Киртанананда. — Почему мы постоянно на них нападаем? Не лучше ли сосредоточить силы на войне с атеистами?

— Ты говоришь так потому, что сам имперсоналист, — сердито отвечал Свамиджи.

Как-то раз он объяснил, что непреданные, сбивающие с толку невинных людей, — демоны, и их нужно выводить на чистую воду. Киртанананда возразил:

— Если мы будем называть их демонами, они никогда не исправятся.

— Но они демоны, — ответил Свамиджи.

— Но мы не можем называть их демонами, Свамиджи.

— Да, они демоны! Пока ты не поймешь этого, ты не сможешь прогрессировать в сознании Кришны.

— А демоны могут стать преданными? — спросил Киртанананда.

— О да, — ответил Свамиджи. — Даже демоны становятся вайшнавами, если повторяют «Харе Кришна» и занимаются преданным служением.

Большинство преданных вынуждены были оставаться в Сан-Франциско, лелея надежду на то, что когда-нибудь им выпадет удача навестить Свамиджи в Стинсон-Бич. От немногих, кто знал об этом из первых рук, они слышали о планах Свамиджи поехать в Индию, чтобы, может быть, уже никогда не вернуться назад. Слышать это было мучительно больно. Один раз он уже стоял на пороге смерти, но так или иначе Кришна спас его, и он снова приехал к ним в Сан-Франциско, хотя и не мог, как прежде, жить вместе с ними. А теперь он строил планы уехать в Индию, возможно, навсегда. Все это усиливало их любовь к Свамиджи и тревогу за него.

Преданные беспокоились, размышляя о том, смогут ли они продолжать служить Кришне без Свамиджи. Кому-то из них пришла в голову мысль пригласить в Америку одного из духовных братьев Свамиджи, чтобы тот занял его место, а если случится худшее, то и возглавил Международное общество сознания Кришны. Когда это предложение дошло до Свамиджи, он задумался над ним, но сразу ничего не ответил.

Мукунда: Мы сидели вдвоем в комнате Свамиджи, он был как никогда серьезен и молчалив. Глаза его были закрыты. Вдруг из них потекли слезы. Дрожащим голосом он проговорил:

— Мой духовный учитель не был обыкновенным духовным учителем.

Он сделал паузу, утер слезы и голосом, который задрожал еще сильнее, сказал:

— Он спас меня.

В этот момент я начал понимать, что значит «духовный учитель», и тут же отверг всякую мысль о том, что кто-то сможет заменить нам Свамиджи.

Через два дня Свамиджи сказал, что не станет просить никого из своих духовных братьев, чтобы они приехали сюда и взяли на себя заботу о его учениках. Он сказал:

— Если этот человек скажет хоть слово по-другому, не так, как я, это посеет в вас сомнения и собьет с толку.

На самом деле, сказал он, подобная мысль является оскорблением духовного учителя.

Свамиджи пообещал дать посвящение нескольким своим новым последователям из Сан-Франциско и попросил, чтобы они приезжали к нему по одному и оставались на ночь. Он не проводил никаких огненных церемоний, а просто беседовал с каждым, прося соблюдать четыре принципа

и повторять шестнадцать кругов в день. Ученик клялся, и Свамиджи давал ему посвящение. Он сидел на кровати, а ученик — перед ним на полу. Свамиджи тихо прочитывал *мантру* на четках ученика и называл его духовное имя.

Один из кандидатов в ученики страшно нервничал. Склонившись перед Свамиджи, он не вставал.

— Можешь подняться, — сказал Свамиджи. — Итак, ты хочешь получить посвящение?

Парень ответил «да» и, не найдя, что еще сказать, начал повторять «Харе Кришна».

— Сейчас я должен почитать *мантру* на твоих четках, — объяснил Свамиджи.

Он читал около десяти минут и затем вернул четки ученику, сказав:

— Твое имя Анируддха.

— Что это значит? — спросил юноша.

— Это имя внука Кришны. У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Анируддхе ничего не приходило в голову — от волнения он уже успел забыть, как его зовут, — и Свамиджи его отпустил.

Чуть позже Свамиджи позвал Анируддху, но тот не понял, что зовут именно его.

— Анируддха, — сказал Киртанананда и посмотрел на него, — тебя зовет Свамиджи.

Другой ученик получил имя Уддхава. На следующий день Свамиджи, отдыхая во дворе, позвал:

— Киртанананда! Упендра! Уддхава!

Он хотел прочитать им стих, который обнаружил, изучая «Шримад-Бхагаватам». Киртанананда и Упендра пришли и сели у ног учителя.

— О, а где Уддхава? — удивился Свамиджи.

Упендра сообщил, что Уддхава пошел погулять по окрестным холмам, посмотреть на коров и почитать для них *мантру*. Упендра думал порадовать Свамиджи сообщением, что его новый ученик забрался в горы почитать *мантру* коровам. Но Свамиджи неодобрительно покачал головой:

— Неугомонный!

Он хотел, чтобы новый ученик услышал стих, который он обнаружил.

джайати джайати дево देваки-нандано 'сау
джайати джайати кршно вршни-вамша-прадипах
джайати джайати мегха-шьямалах комаланго
джайати джайати пртхви-бхара-нашо мукундах

Свамиджи прочитал перевод: «Слава Верховному Господу, известному как сын Деваки! Слава Верховному Господу, светочу династии Вришни! Слава Верховному Господу, чья кожа нежна, как лотос, и цветом напоминает только что народившееся облако! Слава Верховному Господу, который нисшел на Землю, чтобы избавить ее от тяжелого бремени демонов, слава Господу, всем

дарующему освобождение!» Повторив текст и его перевод, Свамиджи сказал ученикам, что они могут вернуться к своим обязанностям.

* * *

Свамиджи сообщил Киртанананде, что окончательно решил ехать в Индию через Нью-Йорк и хочет сделать это как можно скорее. Киртанананда уложил его вещи и повез Свамиджи назад в Сан-Франциско, где они должны были провести ночь и на следующее утро вылететь в Нью-Йорк.

В тот вечер в храме и даже в квартире Свамиджи царило лихорадочное возбуждение. В храме было тесно от преданных и гостей, которые собрались, чтобы увидеть Свамиджи перед его отъездом в Индию. Десятки людей хотели получить посвящение. Когда Киртанананда посоветовал Свамиджи поберечь силы и не спускаться в храм на вечернюю программу, Свамиджи настоял на том, чтобы, по крайней мере, присутствовать на *киртане*.

Когда Свамиджи вошел в храм, преданные тотчас же прервали *киртан* и склонились перед ним в глубоком почтении. Воцарилась тишина... Он внушал им такое благоговение, какого они не знали раньше. Кто знает, может быть, они видят его в последний раз. Они наблюдали за ним во время *киртана*, когда он играл на *караталах* и пел вместе с ними. Те, кто еще не получил посвящения, хотели принять его своим духовным учителем — сегодня же, пока еще не поздно.

Свамиджи попросил микрофон. Никто не ожидал, что он будет говорить. Киртанананда, единственный, кто мог его удержать, не сказал ни слова, он сидел перед ним, как и другие, в смиренном ожидании. Свамиджи тихим голосом стал говорить о своей миссии: по приказу духовного учителя он принес Движение Господа Чайтаньи в Америку, и Кришна милостиво послал ему так много искренних душ.

— В Индии у меня остались дети, которые когда-то были моей семьей, — сказал он, — но мои настоящие дети — это вы. Сейчас я собираюсь ненадолго уехать в Индию.

Все неотрывно смотрели на Свамиджи, который сидел перед ними, прислонясь к стене, завешенной тканью, и тихим голосом говорил. Внезапно дверь отворилась и в храм вошел понурый Равиндра-Сварупа. Все знали, что он хочет бросить сознание Кришны. Он не отнесся всерьез к обетам, данным при посвящении, и хотел продолжать свой путь в одиночку. Ему не нужен был духовный учитель. Преданные отговаривали его, но парень стоял на своем. Все недовольно покосились в его сторону. Как мог он заявиться сюда в такой день, накануне отъезда своего духовного учителя!

Равиндра-Сварупа распростерся на полу в поклоне, но, поклонившись, не поднялся, а пополз к Свамиджи на четвереньках. Обычно Равиндра вел себя слегка надменно и вдобавок был красив и носил длинные, взъерошенные волосы и бороду. Но теперь он был весь какой-то жалкий, заплаканный и

словно безумный. Он подполз к Свамиджи, сидевшему на небольшом, всего в две ступеньки, возвышении из красного дерева, и Свамиджи с состраданием посмотрел на него:

— Подойди ко мне, мой мальчик.

Равиндра взобрался на ступеньки и положил свою лохматую голову Свамиджи на колени. Растроганные, преданные наблюдали, как Свамиджи гладит Равиндру по голове, а юноша все плакал и плакал.

— Что случилось, сынок? Ты не должен быть таким несчастным.

Равиндра выкрикнул:

— Я хочу... — он зарыдал, — а-а... напрямую... а-а... к Богу! Без посредников!

Свамиджи продолжал похлопывать и гладить голову юноши:

— Нет, оставайся с нами, если можешь. Не сходи с ума.

Рыдания Равиндры понемногу стихли, и Свамиджи продолжил, обращаясь одновременно к нему и к взволнованным слушателям:

— Я старик, — сказал он, — и могу умереть в любую минуту. Но я прошу вас об одном — пожалуйста, продолжайте движение *санкиртаны*. Вы должны стать смиренными и научиться терпению. Господь Чайтанья говорит, что преданный должен быть смиреннее травы и терпеливее дерева. Чтобы распространять в мире философию сознания Кришны, нужны энтузиазм и настойчивость.

Вдруг Равиндра перестал плакать. Он вскочил на ноги, постоял немного — вид у него был несчастный — и, с мгновение поколебавшись, вышел вон, хлопнув дверью.

Драматический уход Равиндра-Сварупы из сознания Кришны потряс преданных. Свамиджи сидел неподвижно и говорил очень серьезно. Он призывал их сплотиться и развивать Движение сознания Кришны на благо себе и другим. Проповедуя людям, они должны просто повторять то, что узнали от него, сказал он.

Может быть, впервые они осознали, что являются частью проповеднической миссии, движения. Они были вместе не только для того, чтобы приятно проводить время и слушать красивые, ласкающие слух звуки. На них лежали обязанности перед Свамиджи и Кришной, которые они приняли на себя из любви.

Свамиджи вернулся к себе на квартиру, где вскоре началось столпотворение. Уже стемнело, а многие преданные хотели получить посвящение. Мукунда, Джаянанда и другие лидеры пытались определить, кто из желающих был искренен в своем намерении. Выбранных кандидатов они по несколько человек впускали в комнату.

Свамиджи сидел за своим низеньким столом, повторяя *мантру* на четках каждого из учеников, после чего возвращал четки и называл его духовное имя. В какой-то момент Киртанананда попросил его остановиться — остальные могли получить посвящение по почте. Но Свамиджи решил, что даст посвящение всем пришедшим.

Мукунда и Джаянанда установили принцип очередности. Кто-то месяцами ждал посвящения и очевидно был искренним преданным. Другим пришлось уйти.

Джон Картер: К концу лекции я твердо решил получить посвящение. И хотя были какие-то разговоры о посвящении по почте, я знал, что хочу иметь личную связь с духовным учителем, хочу, чтобы он сам посвятил, сам принял меня. Я подбежал к Мукунде и спросил:

— Сколько уже записалось? Я тоже хочу попасть в список.

Он ответил:

— Знаешь, Свамиджи не придерживается какого-то строгого порядка. Мы просто пытаемся выбрать самых искренних.

— Пожалуйста, внеси меня в список! — взмолился я. — Я искренен, я действительно хочу получить посвящение!

Он внес мое имя в список и отнес список Свамиджи. Тот по одному начал вызывать кандидатов. Он вызвал первого, второго, третьего... Я начал немного нервничать. Потом он позвал четвертого... Я сидел как на иголках... Затем, когда прозвучало пятое имя, и опять не мое, я был совершенно раздавлен. Я думал: «О, он собирается в Индию, а затем — сразу к Кришне. Я упустил последний шанс. Все кончено. Жить больше незачем».

Я попытался добраться до вешалки, чтобы взять куртку и уйти, прежде чем другие увидят мои слезы. Я еще не начал плакать, но чувствовал, что вот-вот начну. Кто-то похлопывал меня по спине и утешал:

— Ничего-ничего. Он напишет тебе письмо и сообщит тебе твое имя.

Но в моей голове была единственная мысль: «Да-а-а, судя по тому, что он сегодня говорил, этого, возможно, уже никогда не случится». Я едва держался на ногах. Я вышел на улицу и через автостоянку направился к Голден-Гейт-парк. Я, кажется, шел к мосту Голден-Гейт и думал, что просто брошусь с него. Тогда я был еще новичком и не знал, что если совершаешь самоубийство, то становишься призраком. Мне казалось, что жизнь моя потеряла всякий смысл.

Я уже наполовину пересек автостоянку, когда меня осенило: «А что, если он надумает принять еще одного, а меня в это время там не окажется?» Эта мысль наполнила меня такой надеждой, что я развернулся и побежал обратно. И не успел я зайти в храм, как сверху сбежала Джанаки и сказала:

— Он примет еще одного.

И она схватила кого-то другого и с ним побежала вверх. У меня подкосились ноги, а из глаз брызнули слезы. Но там стояла Харшарани. Она вцепилась в мою руку и скомандовала:

— Пошли!

Она помчалась по лестнице, таща меня за собой, и ворвалась в комнату Свамиджи, даже не постучав.

Свамиджи взглянул на нас с изумлением. Харшарани сказала:

— Свамиджи, вы должны дать этому юноше посвящение.

К этому времени я уже просто ревел, и Свамиджи засмеялся. Он сказал:

— Все хорошо. Не плачь. Все будет в порядке.

Он прочитал мантру на моих четках и назвал меня Дживанандой.

* * *

На следующее утро Свамиджи должен был расстаться со своими любящими последователями. Несколько машин, наполненных преданными, сопровождали его в сан-францисский аэропорт.

Нандарани: *Некоторые были искренни, а кто-то плакал просто потому, что так принято — плакать, когда духовный учитель уезжает. На самом деле никто из нас толком не знал, кто такой духовный учитель.*

Джанакки шутя выхватила из рук Свамиджи билет и паспорт.

— Теперь вы не сможете уехать, — сказала она.

— Ничего, — улыбнулся он. — У меня уже есть посадочный талон. Я индеец. Они пустят меня на родину.

Свамиджи, стоя у выхода на посадку, повернулся к собравшимся вокруг него последователям, которые с благоговением взирали на него:

— На самом деле у меня есть только одно желание, и тот, кто его исполнит, доставит мне огромную радость. У меня есть храмы в Нью-Йорке, Монреале и Сан-Франциско. Но у меня нет храма в Лос-Анджелесе.

Еще он попросил их оставаться в сознании Кришны и проповедовать.

Они смотрели, как он повернулся и прошел на посадку, с тростью в одной руке и посадочным талоном в другой.

* * *

В Нью-Йорке преданным было некогда предаваться печали. Свамиджи телеграфировал Шри Кришне Пандиту, что прилетает в Дели 24 июля и Шри Кришна Пандит должен подготовить для него комнату в своем храме в Чиппиваде. В телеграмме Свамиджи упомянул о своем намерении проконсультироваться с аюрведическим врачом в Дели, а затем поехать во Вриндаван. Свамиджи уже считал часы, оставшиеся до его приезда во Вриндаван.

Накануне своего отъезда Свамиджи написал Сумати Морар-джи. В ответе на его последнее письмо она согласилась предоставить ему бесплатный проезд на корабле до Индии, но только ему одному, без учеников. «Поскольку я устроила Ваше путешествие в Америку, — писала она, — я считаю своим долгом позаботиться о том, чтобы Вы благополучно вернулись в Индию, тем более что здоровье Ваше оставляет желать лучшего». Но везти бесплатно его учеников она не согласилась.

20 июля Свамиджи написал:

Я очень хочу вернуться во Вриндаван, к лотосным стопам Вринда-вана-Бихари, Господа Кришны, и поэтому я решил без промедления вернуться в Индию. Я бы с удовольствием ехал морем, как Вы любезно предложили мне в письме, но при нынешнем состоянии моего здоровья это невозможно. Поэтому по милости Кришны и при содействии одного здешнего друга я приобрел билет на самолет и надеюсь вылететь в Нью-Дели в субботу и быть в аэропорту Палам 24-го, в полвосьмого утра. Из Дели, отдохнув несколько дней, я поеду во Вриндаван.

Я понимаю, что в настоящий момент Вы не можете обеспечить бесплатный проезд моим ученикам. Но если Вы не сделаете этого — по крайней мере, в ближайшем будущем, — то моя миссия либо останется незаконченной, либо потерпит неудачу. Я вложил благодарственное письмо к одному из моих старших учеников (Брюсу Шарфу) от профессора Дейвиса Эррона, а также другое — от профессора Робертса из Нью-Йоркского университета. Я думаю, эти письма дадут Вам понять, насколько прочно мое Движение сознания Кришны укоренилось в западном мире. Святое имя «Харе Кришна» теперь поют не только в этой стране, но также в Англии, Голландии и Мексике. И это только те страны, о которых известно мне; возможно, оно распространилось еще шире. Я послал Вам одну грампластинку, которая, я надеюсь, уже дошла до Вас. Вам будет приятно услышать, с какой радостью западный мир принимает святое имя.

Ачьютананда сказал Свамиджи, что хочет поехать в Индию и там целиком посвятить себя учебе, набраться опыта и обрести привязанность к Кришне. От Свамиджи он слышал, что за два дня во Вриндаване человек может обрести большее сознание Кришны, чем за десять лет в Америке.

— Как вы думаете, я смогу поехать? — спросил Ачьютананда.

— Можешь не сомневаться, — сказал ему Свамиджи, — следующая наша встреча будет во Врадже.

Преданные попросили Сатсварупу переехать в Бостон и открыть там центр сознания Кришны, а Рупанугу они просили сделать то же самое в Буффало. Когда Сатсварупа и Рупануга обратились к Свамиджи, чтобы узнать, что он думает об этих планах, он остался очень доволен. Свамиджи рассказал им, что Субал собирается открыть центр в Санта-Фе, а Даянанда — в Лос-Анджелесе.

— *Мантра* Харе Кришна подобна большой пушке, — сказал он. — Стреляйте из нее, чтобы вас слышали все, и тогда *майя* в страхе побежит с поля битвы.

Преданным хотелось спросить его: «А вдруг вы не вернетесь?» Они очень боялись этого. А что если Кришна оставит Свамиджи во Вриндаване? Что если Свамиджи никогда больше не приедет в Америку? Уцелеют ли они в этой битве с *майей*? Но Свамиджи уже заверил их, что того сознания Кришны, которое он им дал, хватит, даже если он никогда не вернется назад.

Всего за полчаса до отъезда в аэропорт Свамиджи сидел в своей комнате и начитывал четки девушке, которая в последнюю минуту попросила дать ей посвящение. Затем, как бывало много раз до этого, он вышел из своей комнаты, спустился вниз, пересек внутренний двор и вошел в магазинчик.

Сидя на старом ковре, он говорил спокойно и проникновенно.

— Я уезжаю, но мой Гуру Махараджа и Бхактивинода остаются здесь, — он взглянул на изображения своего духовного учителя и Бхактивиноды Тхакура. — Я попросил их присмотреть за вами, моими духовными детьми. Дед всегда заботится о детях лучше, чем отец. Так что не беспокойтесь. Ни о какой разлуке не может быть и речи. Звук *мантры* крепко-накрепко связывает нас, даже если мое материальное тело находится где-то в другом месте. Что для нас это материальное тело? Повторяйте *мантру* Харе Кришна, и я всегда буду вместе с вами. Вы будете повторять *мантру* здесь, а я буду повторять ее там, и эта вибрация свяжет нас друг с другом.

Несколько преданных поехали со Свамиджи на такси — Брахмананда сидел на переднем сиденье, рядом с шофером, а Рая-Рама и Киртанананда — на заднем, вместе со своим духовным учителем.

— Когда Киртанананда увидит Вриндаван, — сказал Свамиджи, — ему будет трудно поверить, что я мог променять его на Нью-Йорк. Там так чудесно! Там нет ни одной машины, а здесь от них просто некуда деться — туда-сюда, туда-сюда — вжжик! вжжик! Там есть только *мантра* Харе Кришна. Все жители Вриндавана от мала до велика поют и повторяют *маха-мантру*. Там тысячи и тысячи храмов. Я покажу их тебе, Киртанананда. Мы там всё обойдем, и я покажу тебе все.

Брахмананда заплакал, и Свамиджи похлопал его по спине.

— Я знаю, что ты плачешь из-за предстоящей разлуки, — сказал он. — Я тоже чувствую разлуку со своим Гуру Махараджей. Я думаю, это именно то, чего ждет от нас Кришна. Если ты приедешь ко мне во Вриндаван, я тебя всему научу, и мы распространим это движение по всему миру. Рая-Рама, ты поедешь в Англию. Брахмананда, куда ты хочешь поехать — в Японию или в Россию? Все будет хорошо.

Преданные собрались в зале ожидания компании «Эйр Индия» рядом с коктейль-баром, в котором толпился народ. Свамиджи сел в кресло. На нем был свитер и *чадар*, аккуратно сложенный и переброшенный через плечо. Его ученики плотным кольцом уселись у его ног. Он держал зонтик — совсем как два года назад, когда впервые приехал в Нью-Йорк. Несмотря на усталость, он улыбался.

Свамиджи заметил фреску, на которой были изображены индийские женщины, несущие на голове большие кувшины, и обратился к одной молоденькой девушке, которая вместе со своим мужем, Хамсадуттой, недавно переселилась в монреальский храм ИСККОН:

— Химавати, ты хотела бы поехать в Индию и научиться носить горшки с водой, как это делают индийские женщины?

— Да-да, — ответила она, — я поеду.

— Да, — сказал Свамиджи, — когда-нибудь мы все поедем туда.

Киртанананда держал в руках портативный проигрыватель на батарейках и две пластинки с мантрой Харе Кришна.

— Киртанананда, — попросил Свамиджи, — поставь-ка нашу пластинку. Я думаю, людям понравится.

Киртанананда поставил пластинку очень тихо, но ее звук привлек внимание людей в коктейль-баре.

— Сделай погромче, — попросил Свамиджи, и Киртанананда прибавил звук.

Свамиджи стал качать головой в такт музыке.

Скоро преданные начали мурлыкать вместе с пластинкой, потом тихо напевать. Через несколько минут они уже пели во весь голос. Некоторые из них заплакали.

Хамсадута: *Я сидел рядом со Свамиджи, и меня не покидала мысль: «Мой духовный учитель уезжает в Индию». И тут он сказал:*

— Я хочу умереть во Вриндаване.

Все мы знали, что Свамиджи уезжает, но теперь настала минута прощания. Я понимал, что еще ничего не сделал для своего духовного учителя. «Он даже не знает меня, — думал я. — У меня нет с ним никаких отношений. Я должен что-то сделать. Я должен что-то сделать прямо сейчас. Я должен хоть как-то послужить ему, чтобы оставить след в его сердце. Что-то сделать». Я думал: «Но что я могу сделать?» Я плакал, а он даже не смотрел на меня, словно меня там вообще не было, будто я был для него как кресло или что-то в этом роде. Он постоянно оглядывался по сторонам, а я старался поймать его взгляд: вдруг что-нибудь да скажет!

Киртан становился все сильнее и сильнее, и все громче и громче мы плакали. Люди в зале ожидания смотрели на Свамиджи как на какую-то диковину. Он находился в центре внимания, но был совершенно спокоен, как будто сидел у себя дома и занимался чем-то привычным.

Когда пластинка закончилась, Хамсадута спросил:

— Свамиджи, можно мне собрать пожертвования?

Тот кивнул. Хамсадута встал и произнес короткую речь:

— Наша миссия — распространение сознания Кришны. У нас есть храм в Нью-Йорке. Мы всегда испытываем острую нужду в деньгах. Пожалуйста, помогите нам.

Позаимствовав у какого-то солдата фуражку, Хамсадута начал обходить людей, собирая пожертвования.

— Наше путешествие начинается очень благоприятно, — сказал Свамиджи. — У нас прошел хороший киртан, мы собрали хорошие пожертвования. Все это по милости Кришны.

Когда пришло время идти на посадку, Свамиджи обнял всех провожавших его мужчин. Они выстроились один за другим и по очереди подходили к Свамиджи, чтобы обнять его. Некоторых провожавших его женщин он погладил по голове.

Рупануга: Свамиджи обнимал парней: Киртанананду, Брахмананду, Гаргамуни. Я никак не ожидал, что он позовет и меня. Я не думал, что нахожусь на одном уровне с другими преданными, поэтому был очень удивлен, когда Свамиджи двинулся ко мне и произнес мое имя: «Рупануга». Я встал и подошел к нему. Между нами было, может быть, не больше трех метров, но это расстояние показалось мне бесконечным. Я обнял его, и это объятие было самым запоминающимся в моей жизни. Я сразу почувствовал силу Свамиджи. Он был очень силен. Мне казалось, что я обнимаю молодого человека — своего ровесника. Мне было двадцать семь, но он казался сильнее и моложе меня. Он стиснул меня в объятиях, а я в ответ крепко обнял его. Он был ниже меня, и я инстинктивно опустил свой подбородок в углубление на его левом плече. Обнимая его, я ощутил огромное блаженство и как будто увидел свет. Мне показалось, что из моего лица исходит сияние, что-то яркое и чистое, какая-то энергия. Я открыл глаза и увидел, что на нас смотрит Киртанананда. Он стоял позади Свамиджи, в нескольких шагах, и я посмотрел ему прямо в глаза. Я был несказанно счастлив, и это мое блаженство каким-то образом отразилось в нем: он расплылся в широкой улыбке. А глаза его светились так, как будто из меня действительно исходила какая-то духовная энергия.

Эта сцена в аэропорту стала очень важной частью моей жизни, потому что у меня, человека, которому всегда было трудно любить других, отъезд Свамиджи пробудил в сердце такую любовь, о существовании которой я даже не подозревал. Когда в вашем сердце действительно пробуждается любовь к духовному учителю, вы становитесь духовно развитым человеком. Вот и я становился таким человеком. Это был мощнейший поток чувств разлуки и скорби от расставания с духовным учителем: ведь все мы знали, что для нас нет никого дороже, чем он. И никто из нас не был уверен, что когда-нибудь мы увидим его снова.

В сопровождении Киртанананды, обритого наголо и одетого в черный шерстяной костюм, который совершенно не вязался с этой прической, Свамиджи медленно направился к выходу на посадку. Когда он скрылся из виду, преданные побежали на смотровую площадку, чтобы увидеть, как будет взлетать самолет.

На улице моросил мелкий дождик. Преданные наперегонки бежали через влажную смотровую площадку. Внизу они увидели Свамиджи и Киртанананду, направлявшихся к самолету. Забыв о приличиях, они стали громко кричать. Свамиджи обернулся и помахал им рукой. Он поднялся по трапу, на самом верху снова обернулся и поднял руки, а затем вошел в самолет. Преданные устроили неистовый киртан и пели до тех пор, пока трап не отъехал. Двери закрылись, и самолет стал разворачиваться. Преданные прилипли к перилам, но самолет обдал их горячей струей выхлопных газов, и им пришлось отойти назад. Со страшным ревом самолет компании «Эйр Индия» вырулил на взлетную полосу, мигая сигнальными огнями. Преданные продолжали петь мантру Харе Кришна, пока самолет не оторвался от земли и не превратился в маленькую точку в небе, а затем и вовсе скрылся из виду.

27 Снова в Индии. Часть первая

САМОЛЕТ ЛЕТЕЛ всю ночь и наутро приземлился в Лондоне. Здесь Бхактиведанта Свами намеревался сделать остановку. Он зарегистрировался в гостинице аэропорта, принял массаж и лег отдохнуть. После полудня он встал, помылся, а затем вместе с Киртананандой сел в самолет, летевший в Нью-Дели с остановкой в Москве. Самолет еще не успел взлететь, как вдруг один из членов экипажа объявил о «небольшой задержке, связанной с профилактическими мерами медицинского характера». Какой-то пассажир, который сегодня сошел с этого самолета, оказался болен — по всей видимости, оспой, — и поэтому салон самолета нужно было тщательно продезинфицировать. Свамиджи и Киртанананда остались в номере отеля «Эксцельсиор» еще на ночь.

Ранним утром следующего дня, 24 июля, сидя в своем номере с кондиционером и телевизором (которыми он так и не воспользовался), Бхактиведанта Свами написал в Нью-Йорк, Брахмананде.

Прими мои благословения. Я постоянно думаю о том, какое чувство разлуки ты испытываешь. Пожалуйста, исполняй свои обязанности как можно лучше, и Кришна во всем тебе поможет. Мы задержались здесь на шестнадцать часов. Сегодня в девять утра мы вылетаем в Дели. На днях мне уделит внимание г-н Б. К. Неру, посол Индии. Я попросил его о постоянной визе, и он обещал помочь, когда я вернусь. Пожалуйста, договоритесь с ним о встрече и сообщите, что я хочу подарить ему наш комплект «Бхагаватам» и другие книги. После этого съездите к нему в Вашингтон и лично преподнесите ему книги и т. п. Может быть, я вернусь, как только наберусь сил. Пока что здоровье меня не беспокоит, и я надеюсь уже сегодня вечером быть в Дели. Когда приеду во Вриндаван, напишу тебе снова. Передай мою горячую любовь и благословения всем юношам и девушкам. Я возлагаю на мое движение большие надежды. Пожалуйста, будьте стойкими, тщательно следуйте всем моим наставлениям, повторяйте «Харе Кришна», и Кришна даст вам силу.

Бхактиведанта Свами и Киртанананда прилетели в Москву. Здесь они немного погуляли по зданию аэропорта, разглядывая то, что Свамиджи назвал «пропагандистскими рисунками», и после часового ожидания снова сели в самолет и через восемь часов полета, около полуночи, прибыли в Дели.

Встретившее их тепло благотворно подействовало на Свамиджи. Именно за этим он и приехал сюда. В здании аэропорта вентиляторы разгоняли тяжелый, спертый воздух. Свамиджи и Киртанананда стояли в медленно движущейся очереди, ожидая, пока одетые в униформу индийские чиновники

тщательно проверяют их паспорта и въездные документы. Сразу за границей зоны иммиграционного и таможенного контроля стояла толпа людей, которые пришли сюда, чтобы встретить своих друзей и родных. Они махали руками и окликали приехавших по именам, стараясь привлечь к себе их внимание.

Получив свой багаж и пройдя таможенный досмотр, Свамиджи и Киртанананда вышли из здания аэровокзала и встали на тротуаре. Свамиджи уже снял свитер, но Киртанананда по-прежнему парился в своем черном шерстяном костюме. Было два часа ночи. Только что прибывших пассажиров встречали любящие родственники и друзья; они обнимали их, иногда даже надевали на них гирлянды, усаживали их в такси или автомобили. Но Свамиджи здесь никто не ждал. Как разительно это отличалось от недавней трогательной сцены прощания в нью-йоркском аэропорту, где вокруг Свамиджи были те, кто любил его! Сейчас вместо любящих учеников его осаждали таксисты и носильщики, готовые за плату отнести его багаж к машине. На хинди Свамиджи попросил одного из таксистов довезти их до Чиппивады в Старом Дели. Тот поставил их вещи в багажник, а Свамиджи со своим учеником сели на заднее сиденье.

Маленькое такси «амбассадор» ехало по улицам, знакомым Свамиджи с давних пор. Ночные улицы были пустынные, и только изредка по ним проезжало случайное такси или моторикша. Магазины были закрыты, лишь кое-где можно было увидеть случайного прохожего или спящую на тротуаре корову.

Всего несколько лет тому назад Свамиджи продавал на этих улицах «Бэту Годхед», просил здесь пожертвования и печатал свой «Шримад-Бхагаватам». В те дни он был один, практически без денег и без крыши над головой. И все же он был счастлив, счастлив сознанием своей полной зависимости от Кришны.

Однако руководители Индии отвергли ведическую культуру и стали подражать Западу. И хотя некоторые индийцы до сих пор придерживались ведических традиций, они в большинстве своем были отравлены пропагандой лжеучителей, которые проповедовали отсебятину и не признавали Кришну Верховной Личностью Бога. Поэтому Бхактиведанта Свами чувствовал, что должен уехать отсюда и пересадить ведическую культуру на почву Запада. Он строго следовал наказу своего духовного учителя, и время доказало его правоту: для сознания Кришны Запад оказался самой подходящей почвой.

Когда такси проезжало через Старый Дели по дороге к Чаури-базару, Свамиджи увидел типографии и бумажные лавки, сейчас закрытые. В это время здесь не было обычного потока рикш, хотя сами рикши — двухколесные повозки — стояли по обочинам дороги, а их владельцы спали тут же под открытым небом, коротая на них ночь. Утром они выльют на себя ведро воды из колодца и снова впрягутся в лямку. Когда Бхактиведанта Свами наблюдал за тем, как печатали первый том его «Шримад-Бхагаватам», он каждый день ходил по этим улицам, покупал бумагу, забирал гранки из типографии и, уже

откорректированные, относил их обратно. Первая песнь была его большой победой.

От Чаури-базара отходят боковые улицы, которые ведут к узким переулкам Чиппивады. Металлические столбы преграждают туда путь автомобилям и рикшам. Водитель остановил машину на пустой улице и обернулся, чтобы получить плату. Свамиджи достал из бумажника сорок рупий (те самые, которые он привез с собой на корабле в Америку в 1965 году). Но водитель, взяв деньги и, сказал, что сдачи не даст. Свамиджи запротестовал: проезд не стоит и половины всей суммы! Они стали громко препираться на хинди. Водитель спрятал деньги, так и не дав сдачи. Свамиджи понимал, что дозваться полицейского в столь поздний час будет нелегко. Хотя это было самым настоящим грабежом, Свамиджи в конце концов отпустил машину.

— Обманщик, — сказал он.

Они с Киртананандой взяли свой багаж и, пройдя пешком один квартал, оказались у дверей храма Радхи-Кришны в Чиппиваде.

Дверь была заперта. Они принялись громко стучать, и Свамиджи стал звать Шри Кришну Пандита. Наконец на их зов вышел какой-то человек и, узнав Свамиджи, разрешил им войти. Он провел их наверх и отпер комнату Свамиджи. Свамиджи зажег свет.

Комната была пустой и пыльной. Лампочка, свисающая с потолка, освещала ее резким светом. На полу возвышалась пирамида из цемента высотой около метра, указывающая на место, под которым располагался алтарь и мурти Радхи и Кришны (чтобы кто-нибудь случайно не совершил оскорбления, пройдя над Божествами). В стенном шкафу стопками лежали отпечатанные страницы «Шримад-Бхагаватам», суперобложки «Бхагаватам» и бланки писем возможным членам Лиги преданных. Всё здесь было так, как Бхактиведанта Свами оставил, уезжая.

— Это комната, в которой я написал «Шримад-Бхагаватам», — сказал Свамиджи Киртанананде. — Здесь я спал, а тут стоял мой примус и печатная машинка. Я спал и печатал, готовил пищу и снова печатал, спал и печатал опять.

Киртанананде трудно было представить себе, что Свамиджи когда-то жил здесь, в этой убогой келье. В ней даже не было чисто.

Хотя Киртанананда совсем запарился в своем костюме и все время думал о том, когда же наконец снимет его, ему все же удалось раздобыть для Свамиджи тонкий матрас. Пришли два аюрведических врача. Они в один голос заявили, что у Свамиджи больное сердце, но опасность уже позади. Врачи дали ему лекарства и велели строго соблюдать режим еды, работы и отдыха.

Пришел Шри Кришна Пандит посидеть, поговорить, и Свамиджи рассказал ему о своем успехе в Америке и о молодых преданных из Нью-Йорка и Сан-Франциско. Свамиджи поставил для Шри Кришны Пандита свою

пластинку, и на ее звуки в комнату набилась целая толпа любопытных обитателей храма.

После полудня у Свамиджи начался кашель. Было непохоже, что это что-то серьезное, и Свамиджи выказал намерение завтра же отправиться во Вриндаван. Но к вечеру кашель не прошел, и Свамиджи так и не смог заснуть. Не помогали ни сделанный Киртананандой массаж, ни прописанные аюрведическими врачами таблетки; всю ночь Свамиджи не сомкнул глаз. Когда наутро Киртанананда дотронулся до его лба, тот весь горел.

Врачи пришли снова. Температура у Свамиджи поднялась выше 40 градусов. Они надавали ему каких-то отваров и аюрведических порошков, но Киртанананда наблюдал за всем этим скептически. Поскольку Свамиджи было очень трудно дышать лежа, Киртанананда пришел к выводу, что у него воспаление легких. Поэтому он дал Свамиджи пенициллин, запас которого привез с собой. Днем пришел пожилой сикх, доктор, который лечил средствами западной медицины, и сделал Свамиджи укол пеницилина. После этого Бхактиведанта Свами уснул и впервые за двадцать четыре часа отдохнул спокойно.

Пока Свамиджи спал, Киртанананда написал письмо своим духовным братьям в Нью-Йорке:

Я знаю, вам хотелось бы услышать мое мнение о состоянии его здоровья, и могу сказать напрямик: оно не очень хорошее. Результат — как и всегда, но сейчас сильнее, чем когда бы то ни было, — зависит только от Кришны. Пожалуйста, повторяйте ХАРЕ КРИШНА, ибо это единственное, что может его спасти. Именно это спасало его раньше, и это же может спасти его сейчас. Я знаю, что его миссия не завершена, и по милости Кришны его можно снова уберечь.

Еще Киртанананда попросил нью-йоркских преданных позвонить в Сан-Франциско, Санта-Фе и Бостон, чтобы там тоже продолжали повторять *мантру* Харе Кришна, моля о здоровье Свамиджи. Он напомнил им о необходимости строго следовать всем наставлениям духовного учителя.

На следующий день температура у Свамиджи упала до 38 градусов. Он был все еще болен, но снова стал поговаривать о поездке во Вриндаван. Он надиктовал письмо своим делийским агентам по продаже книг, фирме «Атмарам и сыновья», требуя отчета о продаже его «Шримад-Бхагаватам». Некоторые старые знакомые приходили навестить его, но уходили разочарованные, обнаружив, что Свамиджи не в состоянии принять их приглашения в гости. Бхактиведанта Свами просил, чтобы вместо него они приглашали Киртанананду.

Все эти дни Киртанананда ходил по домам благочестивых индийцев. Он доставал свой портативный проигрыватель, ставил пластинку, пел, танцевал, поднимая руки, а затем произносил небольшую речь. Хозяева считали его *садху*, восхищенные тем, что американец всерьез принял сознание Кришны.

1 августа, проведя шесть дней в Дели, Свамиджи поехал во Вриндаван. Киртанананда написал в Нью-Йорк:

Дорогие братья и сестры!

ИМЕНЕМ КРИШНЫ из ВРИНДАВАНА приветствую вас!

Свамиджи явно лучше, особенно с тех пор, как мы добрались до Вриндавана. Его глаза сейчас излучают какой-то особенный свет. Вчера, 31 июля, утром мы выехали из Дели на «Тадж-экспрессе» и через два часа были в Матхуре. Мы ехали «особым третьим классом», и все оказалось довольно сносно — не было такой толкучки, как в обычном третьем классе. Так или иначе, мы уже здесь — устраиваемся. У Свамиджи две очень хорошие комнаты — достаточно прохладные — прямо возле веранды, на которой проходят чтения «Бхагаватам». Так удобно! Единственная трудность для него — то, что все эти индийцы хотят его увидеть. Они настолько настырны, что мне далеко не всегда удается их выпроводить...

С материальной точки зрения Вриндаван очень живописное место. Земля здесь очень ровная, и повсюду много деревьев, обезьян, павлинов и, конечно же, храмов. Но также Вриндаван очень беден. Люди бедно одеты, а храмы в упадке. Но если взглянуть на этот город с духовной точки зрения, то можно увидеть множество великих преданных, и так чудесно идти по улицам и видеть повсюду *тилаки* и людей, повторяющих на четках *мантру*! Если бы мне удалось развить в своем сердце хотя бы частицу их преданности Кришне, моя жизнь увенчалась бы успехом. Сильные чувства вызывает также звук храмовых колоколов, звонящих по многу раз на дню. Вчера вечером я проиграл нашу пластинку Господу Дамодаре, здесь, в храме, а затем провел *киртан* с некоторыми из местных преданных. Это было здорово. Вы, наверное, удивитесь, но должен признаться, ваши *киртаны* в Нью-Йорке нравятся мне больше.

Пробыв во Вриндаване всего один день и почувствовав себя немного лучше, Свамиджи стал строить планы, связанные с возвращением в Америку. «Я всегда думаю о вас», — писал он преданным, которых называл своими «дорогими учениками».

Я не могу бросить того, что начал на Западе. Я покинул вас всего на шесть месяцев и по истечении этого срока, а может быть, и раньше, приеду к вам снова. Киртанананда говорит, что, судя по внешнему виду, я поправляюсь. Мне и самому так кажется.

В Дели Свамиджи получил письмо от Брахмананды, в котором тот сообщал, что компания «Макмиллан» заинтересовалась публикацией его перевода «Бхагавад-гиты». Из Вриндавана Свамиджи написал Брахмананде,

чтобы тот немедленно подписал контракт от его имени. Свамиджи размышлял, что лучше: напечатать книгу частным образом в Японии или в Индии или ждать, когда это сделает «Макмиллан». Его мало интересовали соображения престижа и финансовые преимущества публикации у «Макмиллана»; главной его заботой было напечатать книгу как можно скорее.

Меня вполне устроят эти коммиссионные, и я буду очень рад видеть, как эти книги читают сотни и тысячи людей. Весь полученный доход пойдет на строительство здесь «Американского дома».

Свамиджи поселился в своих старых комнатах в храме Радхи-Дамодары. Он был все еще очень слаб, и Киртанананда каждый день делал ему массаж и заботился о нем, хотя сам смертельно уставал и еле двигался от жары. Тем не менее Свамиджи продолжал строить планы, один другого грандиознее, которые предстояло осуществить только что появившемуся на свет Движению сознания Кришны. Он вслух размышлял о томах «Шримад-Бхагаватам», которые уже готовы к публикации — нужно только, чтобы «Макмиллан» взялся их напечатать, а его ребята смогли бы действовать от его имени. Столько всего предстоит сделать! Он хотел вернуться в октябре, чтобы проследить за всем самому.

Температура воздуха поднялась до 43 градусов, и Свамиджи с Киртананандой были вынуждены целыми днями сидеть в доме с закрытыми дверями, под вентилятором. Хотя Киртанананда едва справлялся со своими обязанностями, Свамиджи считал, что тепло вселяет в него силы и восстанавливает здоровье. Затем через неделю начались муссонные дожди, и жара спала.

10 августа Киртанананда снова написал домой:

Боже, какая здесь жара! Но наконец опять начались дожди и принесли с собой облегчение — от жары. Можете мне поверить, здесь было очень жарко. Но сейчас большую часть времени идет дождь, и это делает погоду более сносной для меня, но, к сожалению, не для Свамиджи. Вдобавок я подхватил неизбежную в таких случаях дизентерию, которая не отступает уже неделю.

Вчера начался пятидневный фестиваль «Джхулан», во время которого Радха и Кришна выходят из алтаря и качаются на качелях, поэтому я обошел с полдюжины местных храмов. Некоторые из них имеют необычайно роскошное внутреннее убранство, хотя в большинстве своем невелики. И все же со всей прямоотой и искренностью могу сказать, что ни один из них не может сравниться по трансцендентной красоте и духовности с домом номер 3720 на Парк-авеню в Монреале, и я думаю, что даже Свамиджи согласился бы со мной в этом.

Письмо Киртанананды вселило надежду в сердца преданных, оставшихся за океаном, подтвердив то, о чем они и сами догадывались: их духовную жизнь

поддерживает не индуизм и не Индия, а Свамиджи и повторение «Харе Кришна».

Бхактиведанта Свами отвечал на все письма своих духовных детей — письма, которые шли из всех проповеднических центров, недавно открытых в шести городах Северной Америки.

Вриндаван — только для вдохновения, настоящее поле нашей деятельности — весь мир. Если даже я умру, вы — моя надежда, и вы сделаете это. Я очень люблю всех вас. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.

Из Нью-Йорка написал Брахмананда, желавший разобраться, почему Свамиджи, чистый преданный, страдает от серьезной болезни. Свамиджи когда-то говорил, что обусловленные души и даже начинающие преданные «подвержены атакам *майи*». Неужели *майя* напала и на него? 14 августа Свамиджи ответил:

Не бойтесь того, что *майя* нападает на меня. Всем известно, что, когда сражаются две враждующие стороны, кто-то должен потерпеть поражение. Ваша страна и западный мир по большей части находятся во власти *майи* и гун страсти и невежества, и когда я объявил войну *майе*, это предполагало грандиозную битву. *Майя* увидела, какого большого успеха я добился всего за один год: у меня появилось множество искренних юных последователей, таких как ты. *Майе* был нанесен сокрушительный удар: молодежь Запада прекращает вступать в недозволенные половые отношения, принимать наркотики, есть мясо и играть в азартные игры — дело *майи*, безусловно, серьезно от этого пострадало. Поэтому она воспользовалась моей старческой слабостью и нанесла мне смертельный удар. Но Кришна спас меня; поэтому вместо того, чтобы превозносить *майю*, мы должны больше благодарить Кришну. Что касается моего нынешнего состояния здоровья, то мне кажется, что я выздоравливаю: по крайней мере, ем я лучше, чем в Нью-Йорке. Поэтому, как только я буду хоть немного готов вернуться на поле битвы, я снова встану в ваши ряды.

* * *

Бхактиведанта Свами думал об открытии во Вриндаване «Американского дома» — места, где его ученики могли бы жить и изучать санскрит и вайшнавскую литературу. Когда с ним случился удар, он сказал, что Рая-Раме нужно будет завершить перевод «Бхагаватам». Ачьютананду же, Гаурасундару и еще нескольких преданных он попросил начать изучать санскрит, бенгали и хинди, чтобы, если он не поправится, они продолжили его дело. Также он

надеялся, что некоторые из его старших учеников, такие как Брахмананда, Хаягрива и Рая-Рама, приедут в Индию, приобретут здесь здание и откроют «Американский дом». «Даже если я буду чувствовать себя хорошо, — писал он 9 сентября, — я все равно буду не в состоянии заниматься делами „Американского дома“».

Бхактиведанта Свами решил обратиться к одному из своих духовных братьев, Свами Б. Х. Бону Махарадже, и попросить его поселить нескольких преданных из Америки в своем Институте восточной философии. Институт Свами Бона Махараджи был провинциальным колледжем, в котором обучалось около трехсот студентов. Институт располагался во Вриндаване и относился к Агрскому университету. Это было заведение из числа тех, что в Индии именуются *degree college* и имеют своей целью улучшение благосостояния выпускников путем подготовки их для более престижной работы.

Когда Свамиджи и Киртанананда посетили Свами Бона Махараджу в Институте восточной философии, тот принял их в чистой гостинице, обставленной стульями и кушетками. Был там и радиоприемник. Свами Бон, в кожаных сандалиях, шортах, просвечивавших сквозь тонкое *дхоти*, и отглаженной рубашке с латунными запонками, производил впечатление человека мягкого и умудренного жизнью — образованный, с прямыми, аккуратно расчесанными на пробор сидящими волосами. Сейчас Свами Бон был жителем Вриндавана, но в тридцатых годах он провел более двух лет в Англии, где был принят королем и королевой. Он читал лекции в ряде британских колледжей и проповедовал в других европейских странах, но особого интереса его проповедь не вызвала. Когда в 1965 году Бхактиведанта Свами в одиночку боролся за существование в Нью-Йорке, он писал Свами Бону, прося о помощи. Но тот никак не отреагировал. Даже сейчас, когда Бхактиведанта Свами говорил ему о проповеди в Америке, Свами Бон не знал, что сказать. Однако перспектива приезда американцев и проживания и обучения их в Институте восточной философии очень его заинтересовала: иностранные студенты очень повысят престиж его учебного заведения в глазах индийцев. Он сказал, что сможет принять этих студентов на учебу бесплатно.

Воодушевленный встречей с Боном Махараджей, Бхактиведанта Свами написал несколько писем своим ученикам, приглашая их приехать изучать санскрит.

Если вы хотите изучать санскрит, в этом институте есть для этого все возможности. Мы кое-что предварительно обговорили, и есть надежда, что Свами Бон выделит нам участок земли под здание; впрочем, в любом случае благодаря уже имеющимся в наличии средствам мы вполне сможем все организовать так, чтобы наши студенты, приезжающие сюда изучать санскрит и произведения Госвами, не испытывали никаких трудностей... Это очень

хорошая возможность для наших учеников, и я буду рад узнать, многие ли из вас захотят приехать.

* * *

В день Джанмаштами, 28 августа, Свамиджи дал Киртанананде *санньясу*, проведя обряд в храме Радхи-Дамодары. Таким образом Киртанананда стал первым учеником Свамиджи, принявшим *санньясу*, — Киртананандой Свами. Во время церемонии в храме собрались сотни людей, приехавших во Вриндаван на празднование Дня рождения Господа Кришны, и многие из них пришли поздравить юного *санньяси*. Кто-то сказал, что он похож на Господа Чайтанью. Свамиджи писал:

Скоро он вернется в Штаты и начнет проповедовать с еще большей энергией и успехом. А пока я постараюсь использовать этого «белого *санньяси*», чтобы сделать членами нашего Общества несколько индийцев.

В начале сентября в Дели прилетел Ачьютананда. Какая-то индианка дала ему пять рупий, и он добрался на поезде до Матхуры, где ему показали дорогу к Кешаваджи-гаудия-матху. Нараяна Махараджа, друг Свамиджи, взял Ачьютананду под свою опеку и, показав ему зал, где в 1959 году Бхактиведанта Свами принял *санньясу*, посадил его на автобус до Вриндавана, дав в сопровождающие какого-то пожилого джентльмена. Вместе со своим попутчиком Ачьютананда подъехал на рикше к храму Радхи-Дамодары.

Ачьютананда вошел в комнату Свамиджи и распростерся у его стоп.

— О, — воскликнул Свамиджи, — и ты здесь!

Когда Ачьютананда поднял голову, он увидел, что лицо Свамиджи покрыто пятидневной щетиной, а одет он в обмотанный вокруг туловища кусок ткани, концы которого пересекались на груди и завязывались сзади на шее. Бхактиведанта Свами улыбался и выглядел совершенно здоровым.

Киртанананда Свами тоже поприветствовал Ачьютананду и показал ему свою новенькую *данду*.

Ачьютананду больше всего поразило то, в какой убогой обстановке живет Свамиджи во Вриндаване. Хотя в Нью-Йорке Свамиджи тоже носил простую одежду, он всегда имел царственный вид, всегда был *гуру*. Однако здесь он жил просто и скромно. Как-то раз он вышел из комнаты на веранду, чтобы вымыть руки, и все его тело тотчас облепили мухи. Киртанананду и Ачьютананду мухи просто сводили с ума (был сезон дождей), но Свамиджи как будто не замечал их и спокойно продолжал мыть руки.

Делясь друг с другом впечатлениями, Киртанананда и Ачьютананда сошлись в том, что Свамиджи был не просто одним из вриндаванских *бабаджи*. Таких, как он, больше не было. И уж конечно, Гаурачанд Госвами,

владелец храма Радхи-Дамодары, был совсем не такой, как Свамиджи. Он носил очки с толстыми линзами и едва видел сквозь них. Когда Киртанананда и Ачьютананда однажды пришли в храм на *даршан* к Божествам, Гаурачанд Госвами громко спросил их:

— Как они вам нравятся? Кто из них вам нравится больше всего?

— Они мне все нравятся, — сказал Ачьютананда.

— А мне нравится тот большой, с краю, — сказал *пуджари*, небрежно махнув рукой в сторону *мурти* Кришны. — Он чем-то напоминает мне генерала Чаудри.

Ученики Свамиджи переглянулись — что это за тип? — и вернулись к Свамиджи за разъяснениями.

— Это кастовые *госвами*, — объяснил Свамиджи.

Шесть Госвами, заложившие храмы во Вриндаване, например Джива Госвами, основатель храма Радхи-Дамодары, поручили заботы о Божествах своим ученикам-*грихастхам*. И эти кастовые *госвами* — потомки тех первых *пуджари*. Свамиджи также объяснил, что кастовые *госвами* являются владельцами храмов. Для них забота о храме и поклонение Божествам — это бизнес, на доходы от которого они содержат свои семьи. Всего несколько лет назад у каждого из Божеств, стоящих сейчас на алтаре, был собственный храм, земля, доходы и жрецы, но из соображений экономии *госвами* распродали недвижимость, упростили обряды поклонения и объединили Божества.

Во Вриндаване было также много других любопытных лиц: старая вдова Сароджини с обритой наголо головой, *шикхой* и мозолистыми босыми ногами, которая спала в комнате у ворот храма, подметала кухню Свамиджи и стирала ему одежду; Панчудас Госвами, сын владельца храма, который постоянно жевал бетель и целыми днями с заспанным видом слонялся по двору в шелковом *дхоти* с красной вышитой каймой; темнокожий старый *бабаджи*, который приходил по вечерам, все время смеялся и делал для Свамиджи сандаловую пасту; местный врач-травник Ванамали Кави-раджа, с неизменной широкой улыбкой восседающий за конторкой в крошечной комнатке, все стены которой сверху донизу были уставлены какими-то пузырьками; знаменитый *пандит*, который изредка навещался к Свамиджи и носил оправленные в золото бусы из *туласи* и перстни с бриллиантами. Все эти люди были преданными — жителями священного Вриндавана. Но никого из них нельзя было поставить в один ряд со Свамиджи.

Киртанананда Свами был даже разочарован тем, что во Вриндаване не оказалось ни одного человека, похожего на Свамиджи. Даже на земле, где все были индийцами и преданными, Свамиджи оставался неповторимым. Никто не был так же прост и серьезен, как он, никто не обладал такой способностью распознавать фальшь, ни к кому так не влекло сердца людей, и никто не был так беззаветно предан Кришне. Вести их мог только он.

Как Киртанананда Свами с Ачьютанандой с недоверием относились к некоторым обитателям Вриндавана, так и некоторые обитатели Вриндавана с

подозрением смотрели на них. В один из дней по Вриндавану бродила парочка хиппи из Европы, и Ачьютананда сопровождал их, показывая некоторые храмы. Но в храм Ранганатхи их не пустили. Ачьютананда рассказал об этом Свамиджи, и тот ответил:

— Все потому, что ты ходил с этими глупцами.

Когда Бхактиведанта Свами проходил по улице, люди то и дело с почтением кивали ему, приветствуя:

— *Дандават, Махараджа!*

Но принимать за вайшнавов его американских последователей они не спешили.

* * *

Бхактиведанта Свами со своими двумя учениками вновь посетил Свами Бона. Пока они ехали на рикше к Институту восточной философии, Свамиджи рассказал Ачьютананде, что институт был основан Свами Боном как Вайшнавская академия, но позднее вошел в состав Агрского университета, потому что не приносил никакого дохода. Теперь у Свами Бона появились деньги, но институт превратился в обыкновенную школу, не представляющую никакой духовной ценности.

Когда Бхактиведанта Свами и его ученики сидели в приемной Свами Бона, тот прозрачно намекнул им, что хотя он не собирается жертвовать землю для «Американского дома» Бхактиведанты Свами, но ученики его вполне могут приезжать и учиться в его заведении. Ачьютананда, предложил он, мог бы стать первым.

После этого Свами Бон повел их в главное здание, чтобы показать, как проходят занятия. Но вместо *пандитов* и *брахмачари*, постигающих санскрит, которых ученики Свамиджи ожидали увидеть, они обнаружили там юношей с тонкими усиками и хихикающих девушек. Бхактиведанта Свами прочитал лекцию, а затем попросил Киртанананду поставить пластинку с *мантрой* Харе Кришна. Через несколько минут Бон Махараджа попросил Киртанананду выключить проигрыватель, но Киртанананда, видя, как Свамиджи наслаждается записью, не послушался.

Ачьютананда: *Мы ходили по этому заведению, и я думал: «Это обычная школа! Я не хочу здесь учиться. Вот если бы я смог жить в храме Радхи-Дамодары и там же изучать санскрит, то не жалел бы о времени, проведенном в Индии».*

Они продолжили осмотр помещения, и, увидев общую спальню, Свамиджи засомневался, смогут ли его американские ученики жить в таких суровых условиях и при этом заниматься наукой. Не один, так другой из двоих его учеников постоянно был болен. Сначала Киртанананда Свами подхватил дизентерию, затем у Ачьютананды что-то случилось с желудком, а после этого оба ослабели от жары. «В общем, — писал Свамиджи Рупануге в Нью-Йорк, —

наши американские юноши, приехав сюда, первое время пребывают в плачевном состоянии. Так что я не знаю, насколько наши планы относительно „Американского дома“ во Вриндаване окажутся успешными». Его парни не отличались ни аскетизмом, ни прилежанием в учебе, и, кроме того, у Киртанананды Свами и Ачьютананды развилась некоторая неприязнь к ректору Института восточной философии. Да и у самого Свамиджи явно были сомнения относительно этого места.

— Вы можете ходить сюда на занятия, — сказал он им, — но жить здесь не нужно. Живите в храме Радхи-Дамодары, а сюда приходите учиться. Вы можете раздобыть велосипед и ездить на нем.

Постепенно идея немедленного основания «Американского дома» во Вриндаване стала отходить на второй план. Бхактиведанте Свами нужно было собственное место для учеников, а это требовало времени.

* * *

Регулярное лечение, массаж, отдых и тепло Вриндавана сделали свое дело: Свамиджи почувствовал, что выздоравливает. Уже в середине сентября он заявил, что на девяносто процентов готов к возвращению в Соединенные Штаты. Он предполагал вернуться в конце октября.

Духовный брат Бхактиведанты Свами, Б. Р. Шридхара Махараджа, чей *ашрам* находился в Навадвипе (Западная Бенгалия), написал Свамиджи и пригласил его провести у них в *ашраме* месяц *карттিকা* и поучаствовать в праздновании его Вьяса-пуджи. Свамиджи понравилась идея посетить святую землю Навадвипы, где провел Свои юные годы Господь Чайтанья, и увидеться со своим духовным братом. Кроме того, ему хотелось снова побывать в Дели и узнать, как обстоят дела с изданием книг.

— Свамиджи, — спросил Ачьютананда, — когда вы поедете в Навадвипу, я должен буду остаться здесь, во Вриндаване, чтобы учиться?

— А ты разве не хочешь увидеть место, где родился Господь Чайтанья? — спросил Свамиджи.

Ачьютананда хотел, и Свамиджи в сопровождении Киртанананды Свами и Ачьютананды покинул Вриндаван и, возвратившись в Дели, снова поселился в храме в Чиппиваде.

Жизнь в этом храме для обоих учеников Бхактиведанты Свами оказалась очень трудной. Дели был раскален, как сковорода, и напрочь лишен того очарования, которым так покорял Вриндаван. Воду давали только на два часа в день, рано утром, и текла она тонкой струйкой. Они наполняли водой два глиняных кувшина, для комнаты Свамиджи, и несколько ведер, чтобы все трое могли помыться. Оставшуюся часть дня воды не было. По зданию свободно разгуливали мангусты.

— Они едят змей? — спросил Ачьютананда.

— Они едят змей, — ответил Свамиджи, — они едят мусор, они едят все что угодно.

Бхактиведанта Свами, для которого и жара, и отсутствие воды, и даже мангусты были в порядке вещей, оставался невозмутимым. В соседней комнате молодые индийские музыканты, репетируя свои выступления на танцах, постоянно играли на электрооргане, барабанах бонго и электрогитарах мелодии из кинофильмов. Свамиджи и к этому отнесся спокойно.

Шри Кришна Пандит был очень высокого мнения о деятельности Бхактиведанты Свами в Америке и его английском переводе «Шримад-Бхагаватам». Будучи управляющим храма Радхи-Кришны в Чиппиваде и секретарем одного общества, активно пропагандирующего индуизм, Шри Кришна Пандит был сторонником популяризации индуистской дхармы и потому хотел, чтобы Бхактиведанта Свами выступил с лекцией в расположенном неподалеку храме Гаури-Шанкары, одном из самых популярных индуистских храмов Дели. Свамиджи согласился и взял с собой Ачьютананду (Киртанананда Свами 22 августа уехал на Запад).

Храм Гаури-Шанкары находился на Чанди-Чоук. После короткой прогулки по самым многолюдным и оживленным улицам Старого Дели Бхактиведанта Свами и Ачьютананда приблизились к дверям храма и, сняв обувь, вошли внутрь. Главным божеством здесь был Господь Шива, но было также и много других: Рама, Дурга, Кали, Радха-Кришна, Хануман. Перед пышно украшенными алтарями стояли толпы людей, глядя на божества и вознося им молитвы.

О поклонении полубогам Ачьютананда впервые узнал из рассказов Свамиджи на Второй авеню, 26. Согласно «Бхагавад-гите», полубоги исполняют только материальные желания и потому им поклоняются не слишком разумные люди. Вайшнав, говорил Свамиджи, с почтением относится к полубогам — на самом деле он даже к муравью относится с почтением, — но поклоняется только Верховной Личности Бога, Кришне, или Вишну.

Ачьютананда уже сам убедился в том, что имперсоналисты ввели индийцев в заблуждение, отрицая существование личностного аспекта Бога и утверждая, что все виды поклонения ведут к одной цели. Большинство жителей Индии не имели ясного представления ни о «Бхагавад-гите», ни о Кришне. Ачьютананда помнил об этом, когда вместе со Свамиджи склонялся у алтарей полубогов. После этого духовный учитель подвел его к алтарю Радхи-Кришны.

— Посмотри-ка, — сказал он. — Кришна просто играет на флейте. Полубоги — кто-то держит лук и стрелы, кто-то — палицы, кто-то — еще какое-то оружие. Но Радха и Кришна просто танцуют, и Кришна держит флейту. Поэтому Он Верховный Господь.

В одной из комнат на нескольких подушках восседал грузный человек с огромной белой бородой. На нем была цветочная гирлянда, а вокруг

толпились люди, во все глаза глядевшие на него. Ачьютананде он напомнил Санта-Клауса.

— Свамиджи, кто это? — спросил Ачьютананда.

— Какой-то йог, — равнодушно ответил тот.

В главном зале на стене висело большое изображение Господа Шивы. Зал был полон народа — женщин в цветных сари и мужчин, на многих из которых были яркие тюрбаны. Посреди всего этого хаоса ритуалов и толп верующих Ачьютананда чувствовал себя под защитой Свамиджи. Они сели на возвышение, и Шри Кришна Пандит представил толпе своего друга Бхактиведанту Свами. Свамиджи говорил на хинди около часа.

По дороге обратно, в Чиппиваду, Ачьютананда удивлялся, зачем Свамиджи отправился проповедовать в место, где царит такая религиозная мешанина. Но, даже не высказав свое сомнение вслух, он понял, что Свамиджи готов говорить о Кришне *где угодно и кому угодно*. Разве не приехал он в Нью-Йорк? А есть ли на свете место, где бы царила большая мешанина, чем в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка?

Сидя на веранде за дверями своей комнаты, Бхактиведанта Свами мог видеть вырисовывающийся на фоне вечернего неба купол мечети Джама. Однажды вечером, когда он сидел и тихо повторял *джану*, а Ачьютананда, еще не выучивший наизусть *мантру гаятри*, сидел рядышком и про себя читал ее по бумажке, на веранду пришел какой-то индиец и о чем-то стал беседовать со Свамиджи. Ачьютананда закончил чтение *гаятри* и сидел, слушая, как его духовный учитель говорит с незнакомцем на хинди. Ачьютананда смог различить только отдельные слова: какие-то упоминания об аюрведической медицине, адреса, индийские имена, города. Они проговорили несколько часов, и все это время Ачьютананда удивлялся, кто же этот господин, которому позволено говорить со Свамиджи так долго. Когда человек ушел, Ачьютананда спросил:

— Свамиджи, это ваш духовный брат?

Свамиджи ответил:

— Нет.

— Он *свами*?

— Нет.

— Это ваш родственник?

— Нет.

— Но тогда кто же он?

— Это мой друг! — многозначительно ответил Свамиджи.

Иногда посетители приносили Свамиджи пожертвования: одежду, фрукты, а иногда даже готовые блюда в металлических тиффинах. Одна женщина средних лет, которая слышала речь Бхактиведанты Свами в храме Гаури-Шанкары, пришла к нему в Чиппиваду и попросила дать ей посвящение. Побеседовав с ней, Свамиджи дал согласие и велел Ачьютананде

приготовить все необходимое для небольшого огненного жертвоприношения. При посвящении он дал ей имя Мукунда даси. Женщина приходила каждый день, чтобы прибраться в комнате Свамиджи, а когда увидела, что его деревянные сандалии износились, купила новые.

Чандрашекхар знал Бхактиведанту Свами уже не один год и когда-то даже выполнял обязанности его секретаря. Но он любил выпить, и к тому же Свамиджи подозревал, что за последние два года он стащил из его почтового ящика не менее двух тысяч рупий. Адрес Свамиджи в Чиппиваде был указан во всех его печатных изданиях, и люди посылали по этому адресу деньги за книги и за подписку на «Бэк ту Годхед». Даже в последние два месяца ученики писали Свамиджи, что вкладывают в конверты деньги, но тот так ни разу ничего и не получил. Однажды он увидел Чандрашекхара и спросил:

— Где ключ от моего почтового ящика?

— Я полагаю, он у вас, — ответил Чандрашекхар. — Или, может быть, у Шри Кришны Пандита...

Чандрашекхар был пьян.

— Свамиджи, — в гневе сказал Ачьютананда, — может, стоит заявить в полицию?

Свамиджи покачал головой:

— Нет.

— Что ж, — сказал Ачьютананда, — если не наказать его по закону, то в следующей жизни его накажет Кришна.

— Точно, — согласился Свамиджи.

Чандрашекхар испуганно смотрел то на Свамиджи, то на его американского ученика.

— Тогда нам остается только одно, — сказал Ачьютананда. — Я вызываю полицию?

— Нет, — ответил Свамиджи, — я его прощаю.

Но через несколько дней куда-то пропал проигрыватель, и Свамиджи вновь заподозрил в краже пьяницу Чандрашекхара.

Свамиджи взял Ачьютананду с собой в банк, «Банк Бароды», чтобы обменять некоторую сумму в американской валюте. Когда они подошли к дверям, вход им преградил охранник — пожилой человек в поношенной униформе, с дробовиком и большим патронташем. Он принял их за *садху*, пришедших просить подаяние. Свамиджи был разгневан. Он стал что-то громко говорить ему на хинди.

— У меня здесь счет! — протестовал он.

В конце концов охранник их пропустил.

Свамиджи направился прямо к управляющему и стал жаловаться:

— Вы что думаете, если я *садху*, значит, ко мне можно относиться как к попрошайке?

Свамиджи рассказал управляющему о своей организации в Америке и о своем счете в «Банке Бароды». Управляющий извинился и отчитал охранника.

Однажды Свамиджи послал Ачьютананду в какой-то ресторан.

— Если хочешь увидеть, насколько разнообразна индийская кухня, — сказал он, — скажи официанту, что хочешь сладостей на десять рупий и на десять рупий соленых блюд — на хинди это будет *митхаи* и *намкин*. Посмотришь, сколько всего тебе принесут.

Ачьютананда был болен и не мог даже представить себе, что сможет съесть много сладкого, но все-таки задержался у ресторана и заглянул внутрь. Вернувшись в храм в Чиппиваде, он сказал Свамиджи, что видел блюда, хотя попробовать их так и не смог.

— Да, но какое там все-таки разнообразие! — заключил Свамиджи.

И он стал объяснять, насколько индивидуально и разнообразно сознание Кришны. В нем нет места скуке.

К Свамиджи присоединился еще один американский ученик — Рамануджа, преданный с Хайт-Эшбери. Свамиджи дал ему посвящение прямо перед отъездом из Сан-Франциско. Рамануджа щеголял густой черной бородой, и это очень не нравилось его духовному учителю. Свамиджи делал на этот счет осторожные замечания, но Рамануджа бороду не сбрасывал. Он носил с собой книгу о тибетском буддизме и не производил впечатления человека, стойко придерживающегося философии сознания Кришны. Но сейчас этот разболтанный и сентиментальный преданный приехал в Индию и был готов пуститься со Свамиджи в приключения.

* * *

Свамиджи нанес визит крупному делийскому промышленнику, господину Сетху Дальмии, желая обсудить с ним планы издания некоторых своих книг в Индии. Господин Дальмия хорошо принял гостя, но его обещания о помощи звучали неопределенно. Помимо этого, Свамиджи встретился с секретарем господина Дальмии, Хитсараном Шармой, который работал в тесном сотрудничестве с Хануманом Прасадам Поддаром из популярного религиозного издательства «Гита пресс». Свамиджи был уже давно знаком с этими людьми — все они когда-то сделали пожертвование на первый том его «Шримад-Бхагаватам». Свамиджи хотел, чтобы издательство «Гита пресс» напечатало его «Гитопанишад» и «Шримад-Бхагаватам». Хитсаран Шарма показал ему недавно опубликованную иллюстрированную «Гиту» в стихах на хинди. Свамиджи казался задетым.

— Но моя «Гита», мой «Бхагаватам», — говорил он, — это описание Бога. Это описание Кришны.

Господин Шарма ответил, что не представляет, как «Гита пресс» сможет осилить издание объемных трудов Бхактиведанты Свами. Однако Свамиджи все-таки не отказался от мысли напечатать у них «Гитопанишад» на свои средства и рассчитывал на посредничество Хитсарана Шармы.

11 октября Свамиджи написал Брахмананде:

Наши книги должны быть напечатаны во что бы то ни стало; мы и так уже потеряли столько времени, занимаясь редактированием и поисками подходящего издателя. Когда я был один, я сумел опубликовать три тома, а за последние два года у меня не вышло ни одной книги. Это серьезное поражение. Если у меня будет одна или две искренние души, как ты, и если мы сможем напечатать другие книги, наша миссия увенчается успехом. Я готов сидеть под деревом даже с одной искренней душой. Так я смогу избавиться от всех своих болезней.

* * *

Преданные из Америки регулярно писали Свамиджи о том, что желают вновь увидеть его в добром здравии. Но он объяснял, что не покинет Индию, пока лично не убедится в том, что «Гитопанишад» запущена в печать. Издание «Гитопанишад» и получение вида на жительство в США — вот две первоочередные задачи, которые он поставил себе и надеялся выполнить до возвращения в Америку. И все-таки он часто думал о возвращении.

Как вы ощущаете разлуку со мной, так и я горю желанием вернуться как можно скорее. Я думаю, в настоящий момент мое состояние позволяет мне вернуться к вам, и, как было намечено прежде, я смогу сделать это в конце октября. Кажется, я уже готов вернуться, но до этого предстоит еще много сделать. Я пока не уверен, что получу вид на жительство. Лучше всего, если каждый центр вышлет мне приглашения с указанием, что мое присутствие там крайне необходимо... В настоящий момент я только и думаю о том, чтобы начать печатать книги здесь, если компания Макмиллана за это не возьмется. Поэтому, пожалуйста, сообщите мне о результате переговоров с Макмилланом — да или нет. Если он не имеет серьезных намерений, то немедленно вышлите рукопись — неважно, закончена она или нет, — по следующему адресу: Нью-Дели, Синдия-хаус, «Дальмия энтерпрайзес», для передачи Пандиту Хитсарану Шарме. После того как отправите рукопись, сообщите об этом мне, и я позабочусь обо всем остальном.

Индийские друзья, навещавшие Свамиджи, жадно слушали его рассказы об Америке — стране миллионов автомобилей, огромных скоростных шоссе и тысяч молодых людей, отвернувшихся от богатства своих отцов. Но гости не могли до конца оценить значение этой поездки. Не потому, что были слишком наивны, чтобы понять это, и не потому, что никогда не были на Западе. Дело в том, что Америка Свамиджи состояла из его близких духовных отношений с учениками. Разве мог посторонний человек понять, что за сила движет его

проповедническими центрами и его учениками на Западе? Кто, кроме Свамиджи и его учеников, мог это понять?

Мои мысли всегда с вами. Фактически ваша страна стала для меня домом. А Индия для меня — чужая. Это потому, что моя духовная семья там, в Америке, а здесь у меня остались только материальные связи; в действительности мой настоящий дом там, где живет моя духовная семья.

Мечта Бхактиведанты Свами о всемирном обществе преданных, проповедующих и издающих книги, — мечта, которая была у него еще до отъезда в Америку, — теперь становилась явью. Но пока все держалось на нем одном. Когда его не было рядом, его ученики оставались преданными только благодаря выполнению его наставлений и письмам. Когда Даянанда и Нандарани уехали из Сан-Франциско в Лос-Анджелес, чтобы открыть там новый храм, то и поддержкой, и руководством для них были его наставления: «Где бы ни открывалось новое отделение нашего Общества сознания Кришны, это всякий раз несказанно радует меня. Мои самые сердечные благословения — с вами». Получив письмо от Свамиджи, они поняли, что поступили правильно. И не важно, что они, муж и жена, иногда ссорились друг с другом и что им не хватало денег, — главное, что Свамиджи был доволен.

Из Бостона написал Сатсварупа. Он и еще несколько преданных переехали из квартиры в помещение магазинчика, который сняли неподалеку от Бостонского университета. Когда Сатсварупа впервые вошел в новый храм, то на полу обнаружил письмо, которое Свамиджи послал им 6 октября авиапочтой из Дели.

Насколько я понимаю, вы нашли очень хорошее место в Бостоне и там есть прекрасная возможность для распространения нашего Движения в студенческой среде. Без сомнения, наше Движение вызывает огромный интерес в рядах американской молодежи, и если мы сможем успешно вовлекать в него студентов, это Движение, безусловно, охватит весь мир, и тогда исполнится предсказание Господа Чайтаньи, что в каждой деревне и в каждом городе мира будут знать имя Господа благодаря Его великому движению *санкиртаны*. Пожалуйста, вложите в это дело всю душу, и ваша жизнь увенчается успехом.

Это письмо произвело такой же эффект, как если бы Свамиджи сам приехал, лично открыл магазинчик и начал там проповедовать. Оно вдохновило Сатсварупу и дало ему руководство к действию. Вдобавок ко всему, письмо было адресовано ему лично. Там же Свамиджи писал:

Я жду не дождусь, когда вернусь под твое попечение и загружу тебя печатанием рукописей... Я надеюсь, что очень скоро мы снова встретимся и поможем друг другу в выполнении обязанностей в сознании Кришны. Сейчас

я на 90% здоров и думаю, что без проблем смогу вернуться. Это письмо я печатаю сам. Вот уже два дня я предоставлен сам себе и в порядке эксперимента делаю все самостоятельно. Это доказывает, что у меня все в порядке. Пожалуйста, передай мои благословения всем юношам и девушкам в Бостоне.

В Нью-Мексико Субал пытался организовать к возвращению своего духовного учителя его публичное выступление, и Свамиджи воодушевлял его: «Если ты считаешь, что в первую неделю декабря я смогу выступить на телевидении, то можешь смело договариваться об этом, потому что я собираюсь быть в вашей стране к середине ноября».

Бхактиведанта Свами написал и в Монреаль, Джанардане, отвечая на его философские сомнения и призывая быть терпеливым с женой, которая отвергала духовную жизнь. А Рая-Раме, который редактировал «Бэк ту Годхед», он дал мудрое заверение иного рода:

Я очень счастлив, что, поскольку он [«Бэк ту Годхед»] доверен тебе, дело налаживается. Это означает, что Кришна дает тебе все больше и больше возможностей. Кришна настолько замечательный хозяин, что дает искреннему слуге все больше и больше возможностей для совершенствования.

9 октября, в день отъезда в Калькутту, Свамиджи оставил Шри Кришне Пандиту письмо совсем иного содержания. Он предлагал Шри Кришне Пандиту продать ИСККОН его храм в Чиппиваде или, по крайней мере, заключить с ними официальный договор на аренду в нем одной из комнат. Бхактиведанта Свами хотел использовать эту комнату как делийскую штаб-квартиру своего Общества, для издания своих книг. Однако в день отъезда Свамиджи Шри Кришна Пандит куда-то отлучился, и Свамиджи оставил для него коротенькую, от руки написанную записку.

Если вопрос с комнатой не решится, то я могу больше не вернуться в Дели. Прямым рейсом из Калькутты через Тихий океан я полечу в США — господин Шри Дальмия Сетх уже пообещал мне билет.

28 Снова в Индии. Часть вторая

ПОЕЗД, НА КОТОРОМ Бхактиведанта Свами должен был ехать в Калькутту, «Калка-мэйл», подошел к перрону делейского вокзала. В билетах Свамиджи и двух его учеников были указаны номера мест, а вот номера вагона почему-то не оказалось. Поэтому, пока Свамиджи караулил багаж, Ачьютананда и Рамануджа бегали из одного конца поезда в другой в поисках своего вагона.

После того как нужный вагон нашелся и преданные заняли свои места, Ачьютананда развязал спальные принадлежности Свамиджи и застелил верхнюю полку. Свамиджи по маленькой лесенке взобрался наверх, удобно уселся на ватном одеяле и раскрыл «Шримад-Бхагаватам» на санскрите, пока Ачьютананда и Рамануджа устраивались внизу. Ехать предстояло около суток.

Под конец путешествия несколько образованных бенгальцев завели со Свамиджи философскую беседу.

— Мы не поклоняемся никаким формам, — громким, низким голосом, на хорошем английском сказал один из них. — У нас есть *омкара*, символ, сделанный из мрамора. Ему-то мы и поклоняемся. Мы садимся и возносим ему молитвы.

— Ну, это тоже форма, — ответил Свамиджи.

Ему не хотелось открыто нападать на их философскую позицию.

— Мы занимаемся *карма-йогой*, — продолжил бенгалец, не обратив внимания на реплику Свамиджи, — потому, что, практикуя *карма-йогу*, можно оставаться самим собой.

— На уровне *карма-йоги* душа не полностью вручает себя Господу, — сказал Свамиджи. — Нужно подняться на уровень *бхакти*.

— Нет, нет, — возразил бенгалец. — Излишняя эмоциональность вредна. *Карма-йога*...

— *Карма-йога* — для дураков! — взорвался Свамиджи.

Воцарилось молчание.

В разговор вступил другой пассажир, сидевший рядом.

— Очевидно, что Свамиджи весьма учен, — сказал он. — Вам не подобает так с ним спорить.

Бенгалец, на которого Свамиджи накричал, поднялся и пересел на другое место. Позже он вернулся.

— Вы обиделись? — спросил Свамиджи.

— Вовсе нет, — ответил он. — Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так об учении «Гиты».

Потом бенгальцы разговорились с Ачьютанандой. При этом они достали сигареты и, особо не стесняясь, закурили, хотя при Свамиджи делать это не осмеливались (в присутствии *садху* курить не полагалось). Бенгальцы,

говорил им Ачьютананда, приводя один из излюбленных примеров Свамиджи, очень жалеют, что Восточный Пакистан^[9] отделился от Бенгалии. Но сознание Кришны может научить людей мыслить в масштабах всего мира и всей вселенной. Тогда ни о каком подобном разделении не будет и речи. Бенгальцы согласились со словами Ачьютананды, хотя и продолжали пускать дым ему в лицо все время, пока поезд с грохотом отсчитывал последние километры до Калькутты.

В Калькутте, на станции Хаура, Свамиджи встречали родственники — по большей части из семьи его сестры — и преданные из какого-то *матха*. Собралось человек пятьдесят. Они предложили Свамиджи цветочные гирлянды и сандаловую пасту, а затем проводили его вместе с учениками к автомобилю. Ачьютананда и Рамануджа заметили, что сестра Свамиджи удивительно похожа на него, только ниже и полнее. Ее имя было Бхаватарини, но Свамиджи велел им называть ее Пишима, «тетушка».

Проезжая по улицам, Свамиджи видел множество изображений богини Кали — десятирукой, восседающей верхом на льве. В том месяце Калькутта отмечала два крупнейших религиозных праздника Бенгалии, Дурга-пуджу и Кали-пуджу, торжества в честь богини Дурги, или Кали. Повсюду играли духовые оркестры и ревели репродукторы, город был украшен гирляндами огней, на каждом шагу возвышались помосты и навесы для выступлений.

Когда Свамиджи прибыл в дом Пишимы в южной части Калькутты, родственники усадили его и провели в его честь церемонию *арати*, с почтением предлагая ему традиционные предметы для поклонения: благовония, горящую масляную лампаду и цветы. Затем ему омыли стопы. Он сидел, широко улыбаясь, в комнате, битком набитой родственниками, которые очень гордились им и его путешествием в Америку во имя Господа Кришны.

Когда родственники Свамиджи запели «Харе Кришна», женщины, находившиеся за пределами комнаты, вдруг протяжно заулюлюкали высокими, резкими голосами. Ачьютананду и Рамануджу это очень удивило.

Чтобы отпраздновать возвращение Бхактиведанты Свами на родину, Пишима приготовила роскошный пир, в котором большинство блюд были на горчичном масле. Свамиджи, чтобы порадовать сестру, воздал почести *прасаду*, отведав его, хотя чувствовал себя не очень хорошо и устал от путешествия в поезде.

Наконец торжества закончились, и Свамиджи с учениками остались одни. Ему снова стало хуже, на этот раз из-за тяжелой пищи, которую приготовила его сестра. Он почувствовал тяжесть в сердце и послал за аюрведическим врачом. Тот показал Ачьютананде, как делать легкий массаж для облегчения циркуляции крови, и запретил Свамиджи есть сладкое.

Когда Свамиджи пошел на поправку, он начал по вечерам регулярно читать лекции у себя в комнате. Хотя говорил он по-английски (ради учеников), в комнату быстро набивались его родственники и друзья. Но на улице бушевала Кали-пуджа, и шум праздника мешал лекциям. Рядом с домом

Пишимы располагался большой шатер, где по вечерам собирались люди. В шатре продавали сладости, запускали фейерверки и невыносимо громко крутили через мощный репродуктор песни Джули Эндрюс из фильма «Звуки музыки».

Однажды вечером, после слов Свамиджи: «Единственное мое достоинство — непоколебимая вера в духовного учителя», прямо за дверями комнаты разорвался огромный фейерверк. Слушатели понимающе улыбнулись.

— Да, — сказал Бхактиведанта Свами, посчитав взрыв подтверждением сказанных слов, — это великое дело.

В один из вечеров Свамиджи говорил о том, что, согласно «Бхагавад-гите», люди, поклоняющиеся полубогам, не слишком разумны. Люди поклоняются Кали ради материальной награды, говорил он, но, поскольку все материальное временно, такое поклонение уступает поклонению Кришне. Кали не способна освободить своего поклонника от рождения и смерти.

— Что же лучше, — спросил Ачьютананда, — поклонение христиан и иудеев, которые часто воспринимают Бога как нечто безличное, или поклонение богине Кали, не являющейся Абсолютом?

— Поклонение Кали лучше, — ответил Свамиджи. — Ее почитатели хотя бы следуют ведической традиции. Им легче склониться перед Радхой и Кришной или повторить «Харе Кришна», нежели христианину или иудею. Есть шанс, что в будущем они станут преданными Кришны, если расстанутся с материальными привязанностями.

Свамиджи неоднократно приглашал своих духовных братьев и их учеников приехать к нему в Америку. Иногда, казалось, он делал это просто для того, чтобы побудить их больше думать о проповеди. Бхактисиддханта Сарасвати как-то посетовал, что *ашрам* Гаудия-матха превратился в «столовую»: преданные каждый день выходят на улицу и собирают милостыню, чтобы хватило на совместную трапезу, а проповедовать даже и не думают. Постоянные приглашения Свамиджи: «Поехали в Америку. Поедем туда вместе» — должны были «расшевелить» его духовных братьев, даже если они не имели возможности с ним поехать. Во время посещения *ашрама* Бхактисаранги Госвами Свамиджи увидел, что почти вся его аудитория состоит из пожилых вдов. Но и им он говорил то же, что и всегда.

Как-то раз к Свамиджи зашел один его духовный брат, *санньяси*. Это был грузный и шумный человек. Войдя, он зачастил:

— Очень рад, что вы вернулись из Америки. Это удивительно! Кришна — суммум бонум, причина всех причин. Я хочу, чтобы вы пришли ко мне в храм.

Когда *санньяси* вышел в другую комнату, Свамиджи повернулся к Ачьютананде:

— Он хочет, чтобы мы посетили его храм. Но чтобы добраться туда, мне придется взять рикшу, затем пересесть на трамвай, потом на поезд, а потом опять на рикшу.

Зная о состоянии здоровья Свамиджи, Ачьютананда отрицательно покачал головой.

Когда *санньяси* вернулся, Ачьютананда сказал, что Свамиджи не сможет посетить его *матх*.

— Кто ты такой? — рассердился *санньяси*. — Ты просто *брахмачари*! Ты должен рисковать своей жизнью!

— Я готов рисковать своей жизнью, — ответил Ачьютананда, — но я не могу рисковать жизнью своего духовного учителя.

Обиженный, *санньяси* ушел.

— Не переживай, — сказал Свамиджи ученику. — Он просто очень любит поговорить.

Свамиджи нанес визит Б. П. Кешаве Махарадже, своему духовному брату, который в 1959 году дал ему посвящение в *санньяси*. Свамиджи сидел на полу и беседовал с духовным братом на бенгали, а тот лежал на постели, совершенно изможденный, и, очевидно, готовился оставить этот мир. Затем Свамиджи велел Ачьютананде спеть для Кешавы Махараджи. А Махараджа попросил Бхактиведанту Свами посетить его *ашрам*, Девананда-гаудия-матх, в Навадвипе.

* * *

Бхактиведанта Свами хотел вернуться в США, имея вид на жительство, но его ученики в Америке никак не могли получить необходимое разрешение от американских иммиграционных властей. Бостонские преданные обратились к нескольким преподавателям индологии Гарвардского университета, но не смогли получить от них никаких официальных документов, подтверждающих важность миссии Бхактиведанты Свами. Все центры ИСККОН послали официальные приглашения А.Ч. Бхактиведанте Свами, а копии этих писем передали иммиграционным властям Соединенных Штатов. Но чтобы Свамиджи смог стать полноправным жителем США, требовалось что-то посерьезнее, например рекомендация от властей или приглашение от какого-нибудь университета на постоянную работу.

13 октября Свамиджи написал своим ученикам в Монреаль:

Мне не терпится приехать к вам. Поэтому вы должны постараться сделать все от вас зависящее, чтобы получить для меня иммиграционную визу, на том основании, что я являюсь авторитетным вайшнавским учителем, проповедником «Шримад-Бхагаватам» и «Шримад Бхагавад-гиты».

Наконец, не желая больше пребывать в неопределенности в ожидании постоянной визы, Свамиджи решил обратиться за визой временной. Вместе с Ачьютанандой они пришли в консульство США на Харрингтон-Роуд и там, в центре Калькутты, вдруг оказались в маленьком уголке Америки, где все сияло

новизной и рациональностью: кондиционеры, охладители воды из нержавеющей стали, двери с электрической сигнализацией, американские флаги и выпелы Военно-морского флота США. Сидя перед секретарем консульства, Свамиджи выглядел маленьким и покорным.

— Я хочу получить визу, чтобы увидаться со своими учениками в Америке, — тихо сказал он.

— У вас есть какие-нибудь письма? — спросил секретарь.

Ачьютананда вручил ему письма из храмов. Секретарь просмотрел их и быстро выдал Свамиджи четырехмесячную визу. Когда они выходили из здания, Свамиджи обронил:

— Я получу еще какие-нибудь письма, и тогда визу можно будет продлить.

19 октября Свамиджи написал Хаягриве:

Я уже готовлюсь к возвращению в США и позавчера получил временную визу. После того как я приеду из Навадвипы, я, вероятнее всего, воспользуюсь первой же возможностью вернуться в США.

А 22 октября он написал Умапати:

Ты будешь рад узнать, что я уже получил временную визу в вашу страну и попросил своего турагента заказать мне билет на ближайшую возможную дату. Я думаю, что к середине ноября уже буду с вами.

* * *

24 октября Свамиджи, вместе с Ачьютанандой и Рамануджей, поехал в Навадвипу. Хотя дорога на пригородном поезде заняла четыре часа, цветущая бенгальская провинция километр за километром раскрывала свою райскую красоту, и здоровье Свамиджи как будто улучшалось просто от приятного путешествия. К моменту прибытия в Навадвипу Ачьютананда и Рамануджа тоже почувствовали себя отдохнувшими от калькуттской суеты; впервые за последние несколько недель глаза им не заливал пот.

На вокзале Навадвипы Свамиджи встречала *киртаном* большая группа *брахмачари*, почти все — из Девананда-гаудия-матха Кешавы Махараджи. Все *брахмачари* были очень аккуратно одеты, все — в шафрановых одеждах совершенно одинакового оттенка, на лицах отчетливо выделялись ровные *тилаки*, а выбритые головы с тщательно завязанными *шикхами* просто сияли. Они предложили Бхактиведанте Свами и его спутникам гирлянды из ароматных, похожих на лотосы цветов и с благоговейным восторгом столпились вокруг него. Среди встречающих были и ученики Шридхары Махараджи, которые ждали с рикшами, чтобы отвезти Бхактиведанту Свами и его учеников в *ашрам* своего гуру. Между двумя группами было негласное

соперничество за честь принять гостя, но Свамиджи уже пообещал Шридхаре Махарадже, что поедет к нему. А преданным из Девананда-гаудия-матха он сказал, что посетит их сразу после визита к Шридхаре Махарадже.

Выехав с вокзала, рикши вскоре повернули на шоссе, утопающее в буйной тропической растительности: банановые деревья, высокий бамбук. По обеим сторонам дороги росли экзотические цветы. Свамиджи увидел простых деревенских жителей, работающих рядом со своими глинобитными хижинами, а в отдалении — шпиль храма Шридхары Махараджи.

У внешних ворот *ашрама* Свами Бхактиведанту приветствовала группа *киртана*, поющая «Харе Кришна» под аккомпанемент *карата* и глиняных *мриданг*. Свамиджи вошел в храм, почтительно поклонился Божествам Радхи и Кришны, а затем пошел проведать своего духовного брата.

Шридхара Махараджа был очень стар, слаб глазами и скован артритом. Большую часть времени он проводил у себя в комнате или на веранде и двигался медленно и неуверенно. Это был строгий к себе и добрый вайшнав. Увидев Свамиджи и его учеников, он сердечно улыбнулся. На беглом английском он начал прославлять проповедь Бхактиведанты Свами в Америке, постоянно употребляя его выражение «сознание Кришны». Труд Свамиджи, сказал он, является исполнением пророчества Господа Чайтаньи о том, что в один прекрасный день сознание Кришны распространится по всему миру. Он смеялся, улыбался и произнес немало хвалебных слов в адрес Движения сознания Кришны, ныне охватившего и западные страны.

— Итак, тебе нравится это выражение, «сознание Кришны», — улыбнулся Свамиджи.

— Да, — ответил Шридхара Махараджа, — и ученикам Свами Махараджи тоже.

Он повернулся в сторону Ачьютананды и Рамануджи:

— Вам достаточно приложить небольшие усилия, и ваша проповедь охватит весь мир.

Юноши были изумлены. Обо всем этом стоило написать домой: они сидят на крыше храма, посреди тропического рая, со старым Шридхарой Махараджей, который превозносит миссию Свамиджи как величайший труд во имя Господа Чайтаньи, а рядом сидит он сам, Свамиджи, расслабленный, улыбается и смиренно отвечает на вопросы. Это было кульминацией всего путешествия.

Дорогой Сатсварупа!

Пожалуйста, прими мои благословения. Я уже получил приглашение из Гарвардского университета. Из него следует, что они ожидают моего прибытия 20 ноября с шести до десяти вечера. Я могу приехать немедленно — моя временная виза это позволяет, — но пока что я ожидаю ответа от Мукунды, чем окончились его попытки добиться для меня постоянной визы. Вчера мы все приехали в Навадвипу, в *ашрам*, построенный одним из моих духовных братьев. Тут очень хорошо и просторно. Мой духовный брат, Б. Р.

Шридхара Махараджа, предоставил в наше распоряжение прекрасный дом. Он согласился сотрудничать с нашим Обществом. Завтра мы будем проводить церемонию по случаю дня его рождения, и наши *брахмачари* смогут научиться тому, как правильно отмечать день рождения духовного учителя.

Вьяса-пуджа, празднование дня рождения Б. Р. Шридхары Махараджи, выпала на 27 октября. Его ученики установили на дороге к храму *пандал*, а на саму церемонию пришло около сотни человек. Шридхара Махараджа сидел на *вьяса-асане*, а Бхактиведанта Свами и другие *санньяси* — все в цветочных гирляндах — на стульях рядом с ним. Бхактиведанта Свами говорил на бенгали. Некоторые из учеников Шридхары Махараджи, воодушевленные словами Бхактиведанты Свами о триумфальном распространении сознания Кришны на Западе, произносили свои речи в честь духовного учителя на английском. Шридхара Махараджа прочел (также по-английски) очень глубокую, научную лекцию о сознании Кришны и чувствах. После лекции Бхактиведанта Свами сказал своим ученикам:

— У него огромный духовный опыт, но он держит его при себе.

Каждое утро перед восходом солнца Шридхара Махараджа посылал группу *брахмачари* проводить *киртаны* в окрестных деревнях. По просьбе Свамиджи Ачьютананда и Рамануджа присоединились к ним и теперь уходили из храма до рассвета, а возвращались уже затемно. Бхактиведанта Свами и Шридхара Махараджа обычно оставались в храме, но в один из дней они сели на рикшу и вместе с поющими учениками проследовали по улицам Навадвипы.

Праздник в Девананда-гаудия-матхе был большим событием. В отличие от *ашрама* Бхактисаранги Госвами в Калькутте, который посещали только вдовы, в *матхе* Б. П. Кешавы Махараджи было около двухсот *брахмачари* и двадцать *санньяси*. Однако некоторые *брахмачари* не жили в *ашраме* постоянно, поскольку ходили еще и в обычную школу. Атмосферой это место немного напоминало клуб по интересам. Но когда начался *киртан* и обход храма, в них приняли участие семьсот человек. *Санньяси*, безукоризненно одетые, у которых все элементы одежды, включая обернутые в ткань *данды*, были абсолютно одинакового шафранового оттенка, — ходили перед Божествами в танце взад и вперед. Около десяти *санньяси* танцевали вместе, и их *данды*, к восторгу *брахмачари*, одновременно вздымались и опускались, раскачиваясь туда-сюда.

Свамиджи вместе с другими почетными гостями сидел на сцене. Он обратился к собравшейся аудитории. По его просьбе Ачьютананда сказал несколько слов на бенгали, чем вызвал смех и аплодисменты. Шридхара Махараджа произнес очень серьезную речь на бенгали. Один *санньяси* из Девананда-гаудия-матха говорил от имени отсутствующего Б. П. Кешавы Махараджи. В восторженных выражениях он объявил, что, хотя распространение Движения Шри Чайтаньи Махапрабху по всему миру было

предсказано уже давно, никто не знал, каким образом это случится. А теперь это произошло — и всё благодаря Бхактиведанте Свами.

Вечером, после грандиозного пира, Бхактиведанта Свами с учениками вернулись в *ашрам* Шридхары Махараджа. Шридхара Махараджа заметил вскользь, что Девананда-гаудия-матх делает упор на количестве, тогда как его *ашрам* стремится к качеству. Не очень понимая, что это значит, Аччютананда хотел было спросить об этом у Свамиджи, но решил дождаться более удобного момента.

Проведя в Навадвипе девять дней, Свамиджи решил, что пора возвращаться в Калькутту — готовиться в обратный путь в Соединенные Штаты. Он и двое учеников добрались на рикшах до Навадвипы и сели на утренний поезд до Калькутты.

В поезде Аччютананда робко задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Свамиджи, о чем вы говорили со Шридхарой Махараджей?

— О, о многом, — отозвался Свамиджи. — Но если сейчас я расскажу тебе, ты упадешь в обморок.

Помолчав немного, Свамиджи добавил:

— И все же... Я предложил ему стать президентом нашего Общества. Я знал, что он не согласится. Он все держит при себе. Так или иначе, тебе этого не понять. Не питай неприязни ни к кому из моих духовных братьев. Все они великие души. Просто есть некоторые различия в том, что касается проповеди. Даже в мыслях не допускай недобрых чувств по отношению к ним. И в то же время не общайся с ними слишком тесно.

Аччютананда предположил:

— Может быть, если бы эти двое *санньяси*, Кешава Махараджа и Шридхара Махараджа, объединились и позаимствовали друг у друга качества...

— Да-да, — ответил Свамиджи, — я вижу, ты меня понял.

* * *

Бхактиведанта Свами ехал в Калькутту лишь для того, чтобы подготовиться к отъезду в Америку. У него уже была временная виза, но он надеялся, что, если еще ненадолго задержаться в Индии, Мукунда в Сан-Франциско сможет добиться для него вида на жительство. Последние дни перед отъездом Свамиджи решил провести в доме своей сестры, но прошло несколько дней, и он вдруг почувствовал, что его зовут Божества Радхи-Говинды — Божества, которым он поклонялся еще в детстве.

Когда Свамиджи был еще совсем маленьким, слуга привозил его и его двоюродного брата Сиддхешвара Маллика в коляске во двор храма Радхи-Говинды и подносил к алтарю. А как только Абхай научился ходить, его отец каждый день за руку подводил его к Божествам. Иногда Абхай приходил один

и часами простаивал перед Божествами, глядя на Радху и Кришну, которые стояли перед ним во всей Своей красе: с миндалевидными глазами, роскошно одетые и украшенные. Именно ради Их удовольствия он, начиная с пятилетнего возраста, несколько лет подряд проводил Ратха-ятру.

Всего две недели тому назад, когда Свамиджи останавливался в доме сестры, здоровье не позволило ему поехать на север Калькутты, чтобы увидеть Божества, поэтому в Навадвипу он отправился без Их благословения. Но сейчас, хотя он все еще был слаб и очень занят подготовкой к поездке в США, он чувствовал, что Божества его зовут.

В течение последних ста пятидесяти лет храмом Радхи-Говинды управляли Маллики — одна из ветвей аристократического рода, к которому принадлежал сам Бхактиведанта Свами. Маллики владели целым кварталом на Харрисон-Роуд (ныне — Махатма Ганди Роуд), и деньги, которые они получали от сдачи внаем здания, протянувшегося на целый квартал напротив храма, шли на поддержание пышного поклонения Радхе-Говинде. В те дни Божествам поклонялись на великолепном алтаре, в огромном зале для *киртанов*. Они были одеты в шелка и украшены позолоченными коронами, усыпанными драгоценными камнями, и ожерельями. В храм ходили все благочестивые вайшнавские семьи, жившие по соседству, а на Джанмаштами, День явления Кришны, приходили даже английские леди и джентльмены.

Но у нынешних Малликов сохранились лишь жалкие остатки европейских произведений искусства и мебели, которой когда-то были обставлены их дома и храм, — следы минувшей эпохи знатности и богатства. А храм Радхи-Говинды пришел в запустение.

Свамиджи было больно смотреть на такое пренебрежение к Господу. Радха и Говинда уже давно перестали быть центром жизни семьи Малликов. Поклонение Им по-прежнему велось (его за деньги поддерживали профессиональные священнослужители), но навещали Радху-Говинду лишь редкие посетители. Всеобщее же внимание было приковано к золотому изображению богини Кали, стоявшему на большом алтаре в зале для *киртанов*. А Радху и Говинду, которые для многих поколений Малликов были членами семьи, отправили в одну из верхних комнат домовладения. Их одеяния теперь не были такими изысканными, исчезли драгоценные короны и украшения. И уже никто не проводил для Них больших *киртанов*, как раньше. Лишь по утрам приходил нанятый за деньги *брахман*, чтобы под молчаливым наблюдением одной-двух вдов провести *пуджу*: натереть тела Божеств сандаловой пастой, аккуратно нарядить Их в те простые одежды, что у Них еще остались, и повесить Им на шею гирлянды из жасмина.

Сознание Кришны в Индии умирало, умирало от пренебрежения — по крайней мере, здесь, в Калькутте. А во многих других местах — даже во Вриндаване — царила философия *майявады*, и древние, величественные храмы постепенно превращались в жилища для голубей, обезьян и собак. Как ни печально было это наблюдать, но это лишь усиливало убежденность Бхактиведанты Свами в необходимости вернуться на плодородную почву

Запада. Здесь, в Индии, дух преданности угасал, но на Западе он только разгорался — в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Монреале, Бостоне...

Если в Индии чистое сознание Кришны умирает, то почему бы не пересадить его в благодатную землю западных стран? Там оно расцветет. Оно распространится по всему миру и вновь вернется на родину. Когда Индия, во всем подражающая Западу, увидит, как процветающие американцы обращаются к сознанию Кришны, она по-новому оценит свою собственную культуру.

Бхактиведанта Свами был свидетелем того, как в Соединенных Штатах начинается революция сознания Кришны. Он не считал себя ее зачинателем; он был слугой Кришны. Господь Чайтанья хотел, чтобы каждый индеец участвовал в распространении сознания Кришны по всему миру. К сожалению, стихи священных писаний, предрекающие появление всемирного Движения сознания Кришны, ставили в тупик даже большинство духовных братьев Бхактиведанты Свами. И они этого не скрывали.

Но скоро они увидят. Запад таил в себе огромный потенциал. Многим своим духовным братьям Бхактиведанта Свами показывал газетные статьи: «Паства Свами», поющая в Томпкинс-сквер-парк, «Древний экстатический танец» в Стэнфордском университете. А нескольких учеников он привез с собой. И это было только начало. Сделать предстояло еще очень многое.

Кто же будет помогать? Б. П. Кешава Махараджа умирал. Шридхара Махараджа не мог путешествовать. Кто еще? Многие индийцы были имперсоналистами, *йогами* или почитателями полубогов. Стоя перед Божествами Радхи-Говинды и рассказывая Ачьютананде и Раманудже, как он поклонялся Им в детстве и как Они первыми вдохновляли его на пути сознания Кришны, Бхактиведанта Свами глубоко понял, что должен донести сознание Кришны до всего мира, пусть даже в одиночку. Разумеется, он был не один: его окружали ученики, и даже в его отсутствие они открывали новые центры. Очень скоро он должен будет вернуться к ним и снова следить за развитием своего Движения.

Маллики относились к Бхактиведанте Свами скорее как к родственнику, нежели как к духовному учителю. Для них он был «своим», земляком, добившимся какого-то успеха в Америке. Нарендранатх Маллик, его друг детства, называл Свамиджи «Да-да» — «брат» — и постоянно с ним шутил.

Маллики с радостью предоставили Свамиджи и двум его последователям на время их пребывания в Калькутте большую комнату на территории храма. Как обычно, Свамиджи постелил на пол циновку, поставил маленький столик, за которым он писал, а рядом разложил свои скромные пожитки. Здесь он мог изучать и писать книги, принимать гостей и отдыхать. Каждый день местные женщины приносили Свамиджи и его ученикам простой *прасад* в тиффинах.

Праздник Кали-пуджа привлекал в зал для *киртанов* (где стояло божество Кали) огромные толпы людей, и Свамиджи регулярно читал там лекции по «Шримад-Бхагаватам». Кроме того, он выступал в домах разных семей из рода

Малликов. Хозяева, представители вымирающей бенгальской аристократии, предлагали Свамиджи и его ученикам *прасад* от Радхи-Говинды: нарезанные фрукты, каштаны, протертый имбирь и бобы *мунг*, вымоченные в соленой воде.

Большинство из тех, кто приходил к Бхактиведанте Свами, не проявляли подлинного интереса к духовной жизни, а просто хотели его благословений. Пришел один местный *брахман*, который занимался тем, что ходил от лавки к лавке с несколькими цветками, чашкой воды и латунным сосудом, в котором держал сандаловую пасту и порошок *кункумы*. Пользуясь этими предметами, он каждый день раздавал владельцам магазинов благословения и получал за это несколько пайс. Зная, что Бхактиведанта Свами вайшнав, *брахман* пришел к нему за духовным благословением. Его лоб был украшен сразу двумя *тилаками*: вайшнавским (две вертикальные линии) и шиваитским (три горизонтальные линии). Когда он ушел, Ачьютананда спросил:

— Свамиджи, кто это был?

— *Брахман*, который делает свою работу за деньги, — ответил Свамиджи. — Подходя к вайшнавам, он берет у них благословения, а подходя к шиваитам, получает деньги. Надо же ему как-то зарабатывать на жизнь.

Приходил другой человек, который заявил, что хочет обучить спутников Свамиджи хинди. Он попросил Свамиджи помочь ему добраться до Америки, но тот сказал:

— Ты должен принять *санньясу*. Тогда я возьму тебя в Америку.

После двух визитов этот человек исчез.

Однажды пришел какой-то родственник Малликов — маленький, лысый человек с ясными глазами. Он принес с собой книгу, озаглавленную «Занимательная наука». Он задавал философские вопросы — простые вопросы о *карме*, *гьяне* и *бхакти*, — но, не давая Свамиджи договорить, отвечал на них сам. В конце концов, когда гость задал очередной вопрос, Свамиджи спросил:

— А каково *ваше* мнение на этот счет?

Посетитель дал общий ответ. Но затем, когда Свамиджи начал объяснять, что Господь Кришна, рассказчик «Бхагавад-гиты», — Верховная Личность Бога, гость прервал его:

— Вы можете называть Бога Кришной, можете называть Его Шивой, можете называть Его...

— Нет, — сказал Свамиджи. — Кришна — это Верховный Господь, а все остальные — полубоги.

Гость занервничал и процитировал известного бенгальского имперсоналиста, учившего, что все боги и все методы поклонения — суть одно.

— Он выскочка, — ответил Свамиджи. — «Гита» учит другому. Что это за очередное учение? Сущий бред.

— Если вы будете продолжать в том же духе, — рассерженно сказал гость, — я вынужден буду уйти. Пожалуйста, не критикуйте этого *парамахамсу*.

— Почему нет? — ответил Свамиджи. — Он выдумщик.

Человек поднялся и направился к выходу.

— Вы не знаете Кришну! — крикнул он и вышел из комнаты.

Свамиджи повернулся к Ачьютананде и Раманудже и улыбнулся:

— Всякий раз, когда пытаешься рассказать им о Кришне, они возмущаются: «Почему только Кришна?» Но ведь именно об этом говорит Сам Кришна. *Маттах паратарам нанйат*: «Нет истины выше Меня». Эти негодяи имперсоналисты развалили Бенгалию.

Однажды какой-то гость дал Свамиджи пожертвование в двести рупий, и Свамиджи тут же попросил у *пуджари* старый комплект одежды Радхи и Говинды и вместе с двумя сотнями рупий отдал их нескольким женщинам из храма, попросив сделать для Радхи-Говинды одежды, расшитые золотом.

— Радха и Говинда заботятся о нас, — сказал он. — Вот и мы позаботимся о Них.

У Рамануджи была огромная борода. Он выглядел как обычный хиппи и поэтому везде, где появлялся, создавал неправильное представление о своем духовном учителе. Свамиджи сказал Ачьютананде:

— Попроси своего друга побриться.

Ачьютананда поговорил с Рамануджей, но тот не побрился.

Желая, чтобы его ученик сам пришел к решению сбрить бороду, Свамиджи не стал его больше ни о чем просить, но когда из Америки пришел последний номер журнала «Бэк ту Годхед», Свамиджи осенила идея. Две иллюстрации в журнале изображали, как Харидас Тхакур проповедует блуднице. Став преданной, блудница обрила голову. Показав обе картинки Раманудже, Свамиджи спросил:

— Чем эта отличается от той?

— Не знаю, Свамиджи, — ответил Рамануджа.

— Нет, — сказал Свамиджи, снова указывая на изображения. — Что изменилось на этой картинке?

— Девушка стала преданной.

— Правильно, — кивнул Свамиджи, — а еще?

— А, она обрила голову!

— Да, — улыбнулся Свамиджи. — у преданных голова должна быть обрита.

— Вы хотите, чтобы я тоже обрил голову?

— Да.

Рамануджа повиновался. Но через несколько дней он снова начал отращивать волосы и бороду.

— Отныне, — сказал Свамиджи Ачьютананде, — никаких легких посвящений. Они должны хоть что-то знать.

Рамануджа упорствовал. Свамиджи хотел, чтобы оба ученика после его отъезда остались в Индии и продолжали попытки открыть во Вриндаване «Американский дом». Рамануджа делился впечатлениями со своим другом Мукундой, написав ему в Сан-Франциско:

Пожалуйста, не сомневайся — мы делаем все возможное, чтобы отправить его [Бхактиведанту Свами] в Америку в ближайшее время, но это дурацкое индийское правительство постоянно чинит нам препятствия. Человек, который должен был выдать Свамиджи разрешение на выезд от государственного банка, недавно утонул, поэтому разрешение придется получать в Бомбее. Отъезд задержится. Здесь, в Калькутте, скучать не приходится — мы общаемся с самыми разными людьми. Свамиджи заставляет Ачьютананду и меня выступать с короткими речами. Я приобретаю в этом все больше и больше опыта. Думаю, он просит нас говорить, чтобы доказать аудитории, что мы, американцы, — настоящие вайшнав. И еще он хочет, чтобы каждый проповедовал сознание Кришны... Здесь очень трудно должным образом заботиться о здоровье Свамиджи. Взять хотя бы то, что в Индии каждый считает своим долгом угостить вас сладостями, а отказываться невежливо. Кроме того, нет отбоя от посетителей. Нет никакой возможности лечь спать раньше одиннадцати, а Свамиджи по привычке просыпается в три. В этом смысле люди здесь очень невнимательны. Но если я или Ачьютананда просим их уйти, они поворачиваются к Свамиджи и спрашивают, действительно ли нужно уходить, и Свамиджи, естественно, говорит «нет». Его пульс по-прежнему учащен, и иногда настолько учащен, что это нас тревожит. Я советую тебе подыскать хорошего кардиолога, чтобы тот осмотрел Свамиджи... Пожалуйста, найди такого врача и прежде всего позаботься, чтобы Свамиджи мог побольше отдыхать. Слишком ограничивать количество посетителей не стоит: мы заметили, что, если компания подбирается хорошая, общение доставляет Свамиджи большое удовольствие. Пожалуйста, сделай все возможное, чтобы снова привести в норму его пульс. Его «колесница» нуждается в ремонте, чтобы он мог оставаться на этой земле еще хотя бы с десяток лет.

* * *

Узнав о том, что Свамиджи собирается скоро вернуться, преданные из разных городов Америки стали все более и более настойчиво просить его приехать в первую очередь в их город. 4 ноября Свамиджи написал Мукунде: «Ты говоришь, что мое отсутствие ощущается сейчас сильнее, чем когда бы то ни было, и я тоже считаю, что должен выехать немедленно». Жене Мукунды, Джанаки, он писал: «Каждую минуту я думаю о вас, и, поскольку вы попросили меня по возвращении из Индии приехать в Сан-Франциско, я постараюсь исполнить свое обещание. Я думаю приехать сразу в Сан-Франциско». Под этим же письмом Ачьютананда внизу сделал приписку, сообщая о состоянии здоровья Свамиджи:

Свамиджи выглядит здоровым, он живет и работает по режиму, однако пульс у него продолжает оставаться учащенным. Прошлым вечером он доходил до 95 ударов в минуту — это слишком много даже для него, потому что обычно его пульс колеблется между 83 и 86.

Свамиджи решил больше не ждать, пока Мукунда получит для него вид на жительство в США.

— Я хочу вернуться в вашу страну, туда, где чистый воздух и чистая вода, — сказал он Ачьютананде. — Каждый день я получаю письма от преданных, которые хотят, чтобы я вернулся в Америку. Я думал, что в мое отсутствие они собьются с пути, и даже не хотел ехать в Индию. Но теперь я вижу, что Движение сознания Кришны ширится день ото дня. Мне необходимо быть там и самому следить за его развитием. Поэтому я хочу вернуться в Америку.

Единственным препятствием теперь была задержка с разрешением от Банка Индии — документом, без которого индийский гражданин не мог выехать за границу.

Я готов вылететь в Америку хоть сейчас, но, как вы знаете, наше официальное правительство очень нерасторопно. Хотя прошение о выдаче мне разрешения на выезд было подано уже почти месяц назад, бюрократическая волокита продолжается до сих пор. Чтобы получить визу, мне потребовалось полчаса. Деньги на проезд мне перечислили в течение двух дней, а вот Сберегательный банк Индии, как это ни прискорбно, без нужды тянет резину. Я жду, что разрешение будет выдано мне с минуты на минуту, и как только это произойдет, я отправлюсь в вашу страну.

Ожидая Свамиджи в Сан-Франциско, Мукунда для уверенности послал в Калькутту телеграмму: «Свамиджи, Брахмананда и я согласны, чтобы Вы выезжали немедленно. Сообщите дату приезда. Мукунда».

Свамиджи решил лететь через Токио, где собирался остановиться на один день, чтобы узнать, «есть ли возможность открыть там центр». Из Токио он позвонит Мукунде и сообщит ему время своего приезда в Сан-Франциско. Но прошло уже три недели, а Свамиджи все ждал свое разрешение на выезд.

Тем временем из Нью-Йорка пришли хорошие новости. Компания «Макмиллан» по-настоящему заинтересовалась «Бхагавад-гитой», они начали обговаривать условия контракта. Довольный Брахманандой, Свамиджи написал ему 11 ноября письмо, делаясь с ним своими планами распространения книг по философии сознания Кришны.

Если у нас будут книги, мы сможем из одного центра в Нью-Йорке или Сан-Франциско распространить нашу религию по всему миру. Поэтому мы должны направить все свои усилия на издание «Бэк ту Годхед» и таких ведических произведений, как «Шримад-Бхагаватам», «Чайтанья-чаритамрита» и т. д...

Чем больше Свамиджи думал о проповеднической деятельности, которая ожидала его в Америке, тем яснее видел, что он сделал до сих пор, что должен сделать еще и как это можно сделать.

Я не согласен с м-ром Альтманом, что мы развиваемся очень медленно. На мой взгляд, даже одна искренняя душа способна управлять проповедническим центром. Вы знаете, что я основал наш центр на Второй авеню, 26, в одиночку. Я рискнул, сняв помещение за двести долларов в месяц. В то время мне никто не помогал. Мукунда тогда был просто моим другом, он не обязан был поддерживать наш центр. Потом присоединились Киртанананда и Хаягрива, но и они не спешили брать на себя ответственность. Однако я поддерживал свое начинание, полагаясь лишь на Кришну, и Кришна послал мне все — и людей, и деньги. Аналогичным образом, если какая-нибудь искренняя душа в любой части мира откроет проповеднический центр, Кришна во всем будет ей помогать. Никто не может проповедовать сознание Кришны, не будучи уполномочен на это Самим Господом. Здесь не помогут ни образование, ни финансовые возможности — лишь искренность намерений всегда помогает нам. Поэтому я хочу, чтобы ты [Брахмананда] оставался ответственным за центр в Нью-Йорке, Сатсварупа пусть отвечает за Бостон, Мукунда — за Сан-Франциско, а Джанардана — за Монреаль. Нандарани и Даянанда пусть возьмут на себя Лос-Анджелес, а Субал дас — Санта-Фе. Таким образом все вы последуете моему примеру, тому, как я действовал на Второй авеню, — когда и проповедь, и приготовление пищи, и литературная работа, и общение с гостями, и пение — все лежало на одном человеке. Я никогда не стремился к большой аудитории. Я готов был петь, даже если никто не придет. Суть пения *мантры* — в том, чтобы прославить Господа, а не в том, чтобы собрать толпу. Если Кришна услышит и Ему понравится, Он Сам попросит Своих искренних преданных собраться в этом месте. Поэтому я и говорю, что можно открыть тысячи центров, если для каждого из них найдется хотя бы по одной искренней душе. Больше и не надо; этого вполне достаточно. Если есть одна искренняя душа, этого хватит, чтобы открыть новый центр.

12 ноября Бхактиведанта Свами написал Кришнадеви:

Скоро я приезжаю в Сан-Франциско. Точную дату приезда я сообщу тебе на следующей неделе. Я хочу увидеть вас и поэтому приеду очень скоро, когда все будет готово. Надеюсь, у тебя все хорошо.

Продолжали поступать сведения от Ачьютананды о здоровье Свамиджи:

Пожалуйста, передайте всем преданным на местах, чтобы хорошо о нем заботились. Его очень трудно удержать — он постоянно перенапрягается, но

преданные должны строго за этим следить. Он до сих пор вынужден пить лекарства и принимать ежедневный массаж.

20 ноября Бхактиведанта Свами отправил морем в Нью-Йорк более восьмисот экземпляров первых трех томов «Шримад-Бхагаватам». На следующий день он наконец получил свое разрешение на выезд и тут же забронировал билет на рейс авиакомпании «Пан-Американ». Он послал телеграмму Мукунде, что прилетает в Сан-Франциско 24 ноября в 12:45.

Но вылет снова пришлось отложить. На этот раз причиной была забастовка, устроенная в Калькутте коммунистами. Люди не вышли на работу, автомобили, автобусы, рикши и поезда стояли. То тут, то там вспыхивали беспорядки. По городу прокатилась волна убийств — политических и не только. Все это время Свамиджи находился в храме Радхи-Говинды.

Мое возвращение в вашу страну решено. Но из-за мелкой революции в Калькутте я пока не могу вылететь... Наши сан-францисские друзья, должно быть, беспокоятся: я послал им две телеграммы, в одной сообщая о своем прилете, а в другой — о его отмене. Посмотрим, что будет дальше.

Прошло еще две недели. Сидя в своей комнате в ожидании окончания забастовки, Свамиджи получил письмо от Умапати — одного из тех преданных, которые в сентябре 1966 года в Нью-Йорке первыми получили у него посвящение. Умапати вот уже полгода как бросил сознание Кришны, но теперь писал, что возвращается. Свамиджи ответил:

Мой долг — научить вас всему, что нужно, и сделать это с должной серьезностью, а долг того, кто учится, — действовать в соответствии с установленными духовными стандартами. Когда ты покинул нас, я просто молился Кришне о твоём возвращении, ибо таков мой долг. Я несу ответственность за возвращение домой, к Кришне, любой праведной души, обратившейся ко мне за духовным просветлением. Из-за сильного давления со стороны *майи* ученик может неправильно понять духовного учителя, но истинный духовный учитель никогда не отвергает ученика, однажды принятого им. Когда ученик неверно понимает истинного духовного учителя, тот сожалеет о своей неспособности защитить ученика, и сожалеет порой до слез. Я сам убедился в этом, когда еще был жив мой Гуру Махараджа. Один из его учеников принял *санньясу*, но однажды пришла его жена и силой увела его домой. Мой Гуру Махараджа очень сокрушался и со слезами на глазах говорил, что не смог спасти эту душу. Поэтому мы должны всегда быть настороже, чтобы не попасться на уловки *майи*, и единственное надежное средство от этого — повторение *мантры* Харе Кришна без оскорблений.

Получив известие о ссоре в лос-анджелесском храме, Свамиджи написал Нандарани:

Я знаю, что в Лос-Анджелесе срочно требуется мое присутствие. Для этого сделано все возможное, и лишь обстоятельства не позволяют мне вылететь немедленно. Поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь. Я приеду к вам в ближайшие две недели.

В конце первой недели декабря забастовка кончилась, и Бхактиведанта Свами снова забронировал билет.

Вы будете рады узнать, что я уже купил билет до Нью-Йорка через Токио и Сан-Франциско. Я вылетаю завтра утром в девять тридцать. Остановки — в Бангкоке и Гонконге. К вечеру буду в Токио. Сутки я проведу там и 14-го вечером вылечу в Сан-Франциско. В Сан-Франциско я прилечу в тот же день, 14-го, в 12:45 по местному времени, рейсом номер 846 компании «Пан-Американ». Вчера я послал телеграмму с этими сведениями и надеюсь благополучно и без опозданий добраться до места. Я так рад, что вы с Сатьябхамой стараетесь издать «Учение Шри Чайтаньи»! Вы даже не представляете, как рад я услышать эту новость. Когда публикуется новая книга, я чувствую, будто завоевал целую империю. Поэтому старайтесь издавать как можно больше книг. Это повысит престиж нашего Общества и сделает его еще прекраснее. Имперсоналисты не могут сказать людям ничего существенного, но у них есть деньги, и благодаря изданию огромного количества никуда не годной литературы они обрели дешевую популярность. Можете себе представить, насколько могущественным станет наше Общество, когда мы начнем издавать в таких же объемах серьезные книги. Мы должны печатать книги не только на английском языке, но и на других основных языках, таких как французский и немецкий.

Когда наконец наступил день отъезда, Свамиджи дал последние наставления Аччютананде и Раманудже.

— Молись Господу Кришне, чтобы я смог поехать в Америку, — попросил он Аччютананду.

— Как я могу? Ведь тогда вы покинете меня.

— Нет, — возразил Свамиджи, — если ты будешь помнить мои наставления, мы всегда будем вместе. Проповедуя, ты станешь сильнее и сможешь глубже понять то, чему я тебя учил. Стоит нам перестать проповедовать, как все потускнеет и утратит жизнь. Даже здесь, в Индии, люди думают, что знают все, но на самом деле это далеко не так. Слушать о Кришне можно бесконечно. Бог безграничен. Так что никто не вправе заявлять: «Я знаю о Боге все». Тот, кто говорит, что знает о Боге все, на самом деле не знает ничего. Поэтому люди будут слушать тебя. Ничего не бойся.

Аччютананда: В аэропорту я попрощался со Свамиджи и склонился перед ним, а когда вернулся, ощутил пустоту. Я чувствовал себя очень одиноким и

слабым. Я вернулся в свою комнату напротив Шри Шри Радхи-Говинды и, читая на четках мантру, стал расхаживать взад и вперед. «Что же я буду проповедовать?» Подо мной сменяли друг друга черно-белые мраморные плиты пола, я наступал на трещины, и между трещинами, и на белые квадраты, и на черные, и так снова и снова. Затем я понял, что не вижу Радху-Кришну. Тогда я сел на пол прямо перед Радхой и Говиндаджи и стал смотреть на Их сияющие фигуры, и глаза мои наполнились слезами.

* * *

Весь день, который Бхактиведанта Свами провел в Токио, ушел в основном на то, чтобы доехать до отеля, зарегистрироваться, принять душ, отдохнуть, поесть и на следующий день вернуться в аэропорт, чтобы вылететь в Сан-Франциско. Но все-таки он успел переговорить с одним правительственным чиновником, объяснив ему, что сознание Кришны является универсальной философией, предназначенной пробудить в человеке его изначальное, вечное сознание. Человечество, сказал он, крайне нуждается в сознании Кришны. Однако чиновник выразил уверенность, что японское правительство не станет помогать религиозному движению.

Бхактиведанта Свами был раздосадован. Этот образованный на вид человек оказался настолько невежествен, что принял Движение сознания Кришны за очередную секту. Бхактиведанта Свами хотел, чтобы разумные люди попытались понять сознание Кришны. Он хотел донести до них, что «Гита» — это истинная, трансцендентная наука, выходящая за пределы низшего, мирского познания, сферы чувств и ума. Но ему нужно было торопиться на самолет. Японии придется подождать...

Для пассажиров и экипажа самолета Бхактиведанта Свами был обыкновенным пожилым индийцем, одетым в шафрановые одежды. Сначала стюардессы даже не знали, говорит ли он по-английски, но, когда Свамиджи попросил у них фруктов, они поняли, что он знает английский, и он им очень понравился. Он спокойно сидел, надев очки, и читал старинную книгу, какое-то индийское писание, не отрываясь от нее часами, или начинал шевелить губами, перебирая пальцами индийские четки в полотняном мешочке. Время от времени он отдыхал, укрывшись пледом и закрыв глаза.

Никто не знал, да и не хотел знать, чем он занимается, никто даже не подозревал, что горячие молодые сердца с нетерпением ждут его в Сан-Франциско и что издательство «Макмиллан» в Нью-Йорке собирается опубликовать его английский перевод «Бхагавад-гиты». Не знали они и того, что у него уже есть проповеднические центры в двух странах и он планирует открыть их повсюду в мире. Пока тянулись часы полета, Свамиджи терпеливо сидел на своем месте, читая на четках мантру и думая о Кришне.

После десятичасового перелета самолет приземлился в Сан-Франциско. Вместе с другими пассажирами Свамиджи прошел к выходу. Еще до того как Свамиджи дошел до здания аэровокзала, он, спускаясь по длинному приставному туннелю, увидел Говинду даси и других учеников, которые улыбались и махали ему руками из-за стеклянной стены. Когда он вошел в здание аэровокзала и подошел к стеклу, его ученики попадали на колени, выражая ему свое почтение. Когда они подняли головы, он улыбнулся им и продолжил свой путь по коридору, а они пошли вместе с ним с другой стороны стеклянной перегородки. Вскоре, однако, он потерял их из виду, когда стал спускаться по лестнице, чтобы пройти иммиграционный и таможенный контроль.

Помещение на нижнем этаже, где пассажиры проходили досмотр, тоже было отгорожено стеклом, так что Свамиджи мог видеть, как его с нетерпением ожидают более пятидесяти преданных и друзей. Поймав на себе его взгляд, они хором прокричали: «Харе Кришна!»

Преданным казалось, что Свамиджи выглядит замечательно. За шесть месяцев, проведенных в Индии, он загорел, помолодел и выглядел еще более неземным. Он улыбался и победно поднимал руки, приветствуя их. Преданные плакали от счастья.

Стоя в очереди на таможенный досмотр, Свамиджи услышал *киртан*, который устроили преданные; стекло только отчасти заглушало звук. Таможенники не обращали на пение никакого внимания, хотя связь между ликующими певцами и одетым в шафрановые одежды пассажиром заметить было совсем нетрудно.

Свамиджи ждал в очереди, время от времени поглядывая на поющих учеников. Восемьсот томов книг и несколько ящиков музыкальных инструментов он отправил почтой, так что с собой у него был только один чемодан, который он предъявил таможеннику для досмотра. Таможенник методично проверил его содержимое: хлопчатобумажные сари для девушек, шелковые гирлянды для Джаганнатхи, *карталы*, шафрановые *дхоти* и *курты*, терка для кокосового ореха и маленькие пузырьки с аюрведическими лекарствами.

— Что в них? — осведомился таможенник.

Пузырьки выглядели подозрительно, и он подозвал другого таможенника. Задержка. Ученики Свамиджи заволновались, видя, как тупоголовый таможенник роется в вещах Свамиджи, открывает плотно закрытые пузырьки, нюхая и проверяя их содержимое.

Таможенники как будто остались довольны. Свамиджи попытался закрыть чемодан, но не смог справиться с молнией. Опять задержка. Сгорая от нетерпения, преданные продолжали петь и наблюдали, как стоявший позади Свамиджи джентльмен помогает ему закрыть чемодан.

Свамиджи^[10] прошел к стеклянным дверям. Пение становилось все громче. Как только он шагнул за дверь, какой-то преданный затрубил в раковину, и рев ее разнесся по всему залу. Преданные надели на Свамиджи

гирлянды и, окружив его плотной толпой, со всех сторон протягивали ему цветы. Он оказался в их толпе, как любимый отец оказывается в объятиях соскучившихся по нему детей.

29 Масса возможностей и мало времени

Монреаль,
август 1968 года

ШРИЛА ПРАБХУПАДА беседовал у себя в комнате с несколькими своими учениками.

— Ну что, Аннапурна, есть какие-нибудь новости? — спросил он.

Аннапурна — молодая девушка, англичанка. Несколько месяцев назад ее отец написал из Англии о том, что если преданные приедут туда, то он, может быть, предоставит в их распоряжение свой дом.

— Да, — ответила она.

— Итак, каковы теперь наши планы?

Аннапурна молчала.

— Что тебе пишет отец? Может ли он нас чем-нибудь обнадежить?

— Да он старается обнадежить меня, но говорит, что, если мы приедем туда, он не сможет пустить нас к себе.

Прабхупада был разочарован.

— Ну что ж, ничего не поделаешь. Значит, такова воля Кришны. Когда мы кому-то проповедуем, то должны стоять перед ним, смиренно сложив ладони, и говорить: «Мой господин, пожалуйста, примите сознание Кришны».

— Прабхупада, — подал голос Прадьюмна, — я недавно читал книгу одного известного *свами*-атеиста...

— Правда?

— В конце книги помещено несколько писем, я их просмотрел ...

— Нам нет никакого дела до книг *свами*-атеиста, — отрезал Прабхупада.

— Его философские рассуждения я не читал, — стал оправдываться Прадьюмна. — Я только хотел узнать, какими приемами он пользовался, когда жил в Америке. Он решил поехать в Европу, и у него был богатый покровитель, который за полтора месяца объехал Францию, Англию, Германию, Швейцарию и Голландию, организовал для *свами* лекции, а затем вернулся назад. Этот *свами* в основном так и ездил. У него было один-два влиятельных поклонника, которые все для него устраивали. Они организовывали для него лекции, подготавливали общественное мнение...

— Ты сможешь так все организовать? — спросил Прабхупада.

— Я подумал вот о чем: в Лондоне есть Королевское Азиатское общество. Кажется, Бхактивинода Тхакур был его членом.

— Но где *санга* [общество] самого Бхактивиноды Тхакура? — спросил Прабхупада.

— Его нет, — продолжал Прадьюмна, — но все же можно поискать людей, с которыми вы могли бы вступить в переписку и которые захотели бы

финансировать ваши поездки.

— Этот *свами*, говорил ли он что-нибудь о Кришне? — спросил Прабхупада.

— Нет.

Шрила Прабхупада задумался. Остановиться в Англии ему будет негде. Прадьюмна может сколько угодно рассуждать о влиятельных покровителях, которые приезжают раньше и все устраивают, да только где их взять? Пока что у него есть лишь одна застенчивая девушка, которая даже рот боится раскрыть и отец которой не собирается им помогать, да еще Прадьюмна, читающий книги *свами*-атеиста и рассуждающий о Королевском Азиатском обществе, — то есть ничего реального. Тем не менее Шрила Прабхупада не собирался отказываться от своих планов. Некоторое время назад он попросил Мукунду и Шьямасундара отправиться в Лондон и попробовать открыть там центр ИСККОН. Они согласились и через несколько дней должны были приехать в Монреаль из Сан-Франциско.

Духовный учитель Прабхупады, Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, хотел распространить сознание Кришны в европейских странах. Еще в тридцатые годы он отправил в Лондон своих самых опытных проповедников-*санньяси*, но те вернулись с пустыми руками. *Млеччхов* невозможно научить сознанию Кришны, жаловались они. У европейцев не хватает терпения даже на то, чтобы высидеть лекцию по вайшнавской философии. Один *санньяси* встретился с Маркизом Шетлендским, который с любопытством спросил:

— Свамиджи, а вы можете сделать меня *брахманом*?

Санньяси заверил Маркиза Шетлендского, что это вполне возможно, однако только при условии, что тот откажется от мяса, одурманивающих средств, азартных игр и недозволенных половых отношений.

— Это невозможно! — ответил лорд.

В тот раз *санньяси* решили, что точно так же ответят и остальные европейцы, и, заключив, что вайшнавизм никогда не приживется на Западе, вернулись в Индию. Но Шрила Прабхупада верил, что его ученики добьются успеха и помогут ему основать центры ИСККОН в Европе, так же как они сделали это в Северной Америке. Разумеется, их успех несказанно обрадует Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати. Прабхупада рассказал ученикам притчу о человеке, который увидел на дороге бутылочную тыкву, поднял ее, затем нашел палку и струну и тоже подобрал их. Сами по себе эти вещи были бесполезны. Но, соединив тыкву, палку и проволоку, человек сделал *вину* и начал играть, извлекая из нее чудесные звуки. Точно так же Шрила Прабхупада, приехав на Запад, подобрал нескольких отверженных молодых людей, да и сам он тоже был отвергнут жителями Нью-Йорка. Однако по милости Кришны их союз оказался удачным. Если его ученики сохраняют искренность и будут следовать его указаниям, в Европе их ждет успех.

Три супружеские пары — Мукунда и Джанаки, Шьямасундара и Малати (с маленькой дочкой Сарасвати), а также Гурудас и Ямуна — приехали в

Монреаль, горя желанием поскорее отправиться в Лондон. Эти супружеские пары основали храм в Сан-Франциско, где у них была возможность очень близко общаться со Шрилой Прабхупадой. Они помогли ему познакомить хиппи Хайт-Эшбери с *киртаном*, *прасадом* и Ратха-ятрой. Теперь они хотели помочь ему принести сознание Кришны в Лондон.

Прабхупада попросил их побыть с ним в Монреале одну-две недели, чтобы он научил их, как нужно вести *киртан*. Пение *мантры* Харе Кришна — не театральное представление, это выражение религиозных чувств, и надлежащим образом вести *киртан* могут только чистые преданные, а не профессиональные музыканты. Но если ученики Прабхупады смогут искусно исполнять *киртан*, лондонцам будет легче по достоинству оценить сознание Кришны.

Мысль о том, что его ученики поедут проповедовать в Англию, приводила Прабхупаду в восторг. Выступая с *киртанами*, они добьются гораздо большей популярности, чем *йоги* с их гимнастикой и медитацией на безличный Абсолют. Когда стало ясно, что проповедь в Лондоне — не пустая затея, Прабхупада начал делиться с учениками дальнейшими планами. Казалось, у него есть сотни продуманных до мелочей программ по распространению сознания Кришны по всему миру — нашлись бы только энтузиасты, которые согласятся помочь.

На ежедневных репетициях Прабхупада учил преданных петь «Харе Кришна» и вайшнавские *бхаджаны* — сначала медленно, но постепенно наращивая темп. Он часто останавливал их и просил начать сначала. Внимательно слушая, как поет Ямуна, он время от времени прерывал ее и поправлял произношение.

Проведя в Монреале две недели, группа проповедников собралась на последнюю встречу со своим духовным учителем. Прабхупада посылал их в Лондон, чтобы открыть там проповеднический центр, во исполнение мечты Бхактисиддханты Сарасвати. Он рассказал ученикам, что *санньяси*, которых посылал в Англию Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, ограничились тем, что прочитали несколько лекций в разных местах и сфотографировались на память с лордами и леди, а затем вернулись в Индию. Но Прабхупада хотел, чтобы его ученики смело выходили на улицы и пели святое имя, вдохновляя на это других.

Именно так проповедовал Господь Чайтанья, когда путешествовал по Южной Индии. В «Чайтанья-чаритамрите» говорится, что каждый, кто видел Господа Чайтанью, наполнялся экстазом любви к Богу, начинал петь святое имя и просил об этом других. И когда люди видели его, переполненного блаженством, в их сердцах также пробуждался экстаз любви к Богу, и так волны экстатической любви к Кришне поднимались и расходились по всем сторонам света.

Прабхупада предсказывал, что, услышав, как преданные поют «Харе Кришна», лондонцы сами станут преданными и начнут учить других, и

сознание Кришны будет распространяться все дальше. Требовалось только одно — чтобы их пение было чистым, свободным от всяких корыстных мотивов. Прабхупада всех заражал энтузиазмом, и с каждым его словом вдохновение все больше и больше наполняло сердца учеников.

Когда Мукунда спросил, есть ли у Прабхупады какие-то конкретные, практические указания, тот в ответ рассказал историю. В юности он однажды посмотрел фильм с участием Чарли Чаплина. Действие происходило на торжественном балу, на открытом воздухе. Вокруг танцевальной площадки располагались аллеи со скамейками, на которых сидели и отдыхали влюбленные парочки. И вот какие-то озорные мальчишки намазали одну из скамеек клеем. А один молодой человек и его подруга взяли и уселись на эту скамейку.

— Когда этот молодой человек встал, — смеясь рассказывал Прабхупада, — фалды его фрака разорвались.

Не подозревая о том, что произошло, парочка вернулась на бал, но теперь взгляды всех танцующих были прикованы к ним. Не понимая, почему он вдруг оказался объектом всеобщего внимания, молодой человек зашел в комнату для переодевания и в зеркале увидел, что фалды его фрака разорваны. Тогда он разорвал весь фрак, до самого воротника, вернулся к партнерше и закружил ее в бурном танце.

После этого другой мужчина, словно не желая ни в чем уступать первому, разорвал свой фрак и со своей партнершей тоже присоединился к танцу. А затем, один за другим, разрывая свои фраки, за ними устремились все танцующие.

К концу истории преданные хохотали во весь голос. Постепенно смех утих и все разошлись. И только приехав в аэропорт, Мукунда, беседуя со Шьямасундарой, начал понимать, насколько гениально ответил Шрила Прабхупада на его вопрос. Своей смелой, вдохновенной и уверенной проповедью они, несомненно, будут привлекать людей, но поначалу, как и в этой комедии, «вольются в танец» не все. Может быть, первое время на преданных даже будут смотреть как на сумасшедших. Но, несмотря ни на что, они будут давать людям сознание Кришны — величайший и редчайший дар, и разумные люди, даже если сначала будут насмехаться, со временем его оценят.

В отличие от духовных братьев Шрилы Прабхупады, с их «сдержанной» тактикой, его ученики, посланные с миссией в Лондон, следуя наказу гуру, будут действовать совсем иначе: они будут устраивать в Лондоне публичные *киртаны*. И если духовные братья Прабхупады во многом копировали англичан, то сам он хотел, чтобы англичане начали подражать вайшнавам. Для того чтобы появиться на улицах Лондона с обритой головой и в *дхоти*, нужна была смелость. Но сама мысль о том, что они будут петь, выполняя наказ Господа Чайтаньи, воодушевляла преданных. А люди последуют за ними — медленно, но верно, ибо такова воля Господа Чайтаньи.

Визит Шрилы Прабхупады в Монреаль выпал на начало лета 1968 года, через шесть месяцев после его возвращения в Америку. Живя в Индии, с июля по декабрь 1967-го он восстанавливал свое здоровье, а 14 декабря вернулся в Сан-Франциско. Пробыв там несколько недель, Прабхупада отправился в Лос-Анджелес, где небольшая группа его учеников открыла храм, взяв в аренду помещение магазинчика в районе, где жили чернокожие и испанцы среднего достатка. Магазинчик был пуст, а сам дом стоял на отшибе. Прабхупада пробыл там два месяца: читал лекции и проводил *киртаны*, давая своим ученикам силы и воодушевляя их. Хотя шум в голове по-прежнему мешал ему работать, в теплом, солнечном климате Южной Калифорнии он чувствовал себя неплохо и продолжал переводить «Шримад-Бхагаватам», надиктовывая текст на магнитофонные ленты и пересылая записи в Бостон, чтобы там их перепечатали на машинке.

Однажды на квартиру к Шриле Прабхупаде пришел корреспондент журнала «Лайф» и взял у него интервью для готовящейся статьи под названием «Год Гуру».

Вышедшая статья представляла Шрилу Прабхупаду и его Движение наряду с другими гуру, и, хотя там была напечатана его большая цветная фотография и приводился положительный отзыв репортера о посещении нью-йоркского центра ИСККОН, Прабхупада остался недоволен. Ему не понравилось, что его поставили в один ряд с псевдогуру, учившим вымышленным формам *йоги* и медитации.

В мае, через несколько месяцев после отъезда из Лос-Анджелеса, Шрила Прабхупада впервые посетил центр ИСККОН в Бостоне, где несколько его учеников также обосновались в помещении бывшего магазинчика. Он прочитал много лекций в местных учебных заведениях, в том числе в Гарварде и Массачусетском технологическом институте. В последнем, обратившись к аудитории, состоявшей из студентов и преподавателей, он задал вопрос:

— Где в этом университете факультет, на котором преподается наука о различии живого и мертвого тел?

К сожалению, эта важнейшая из наук, наука о живой душе, здесь не преподавалась.

После Бостона Шрила Прабхупада приехал в Монреаль и, проведя там три месяца, вылетел в Сиэтл, где пробыл месяц. Затем он нанес короткий визит в Санта-Фе (штат Нью-Мексико), где центр ИСККОН располагался в крошечном магазинчике, в одиноко стоящем здании.

Прабхупада постоянно путешествовал — из центра в центр, из города в город. Он делал это, чтобы учить преданных, укреплять их веру и беседовать с новичками. На его лекции приходили толпы молодых людей, но Прабхупада видел, что жизнь многих из них уже почти загублена беспорядочными половыми связями и наркотиками. Все они были детьми из обеспеченных семей, но теперь стали хиппи, бесцельно слоняющимися по улицам. По милости Кришны, теперь некоторые из них получили шанс спастись.

Даже в Индии, поправляясь после болезни, Прабхупада все время думал о том, как он вернется в Америку и продолжит начатое там дело. Индийцы, казалось, стремились только к одному — удовлетворять свои чувства, подражая американцам. Однако многие молодые американцы, разочаровавшиеся в богатстве своих отцов, не хотели жить в небоскребах или продолжать отцовское дело. Живя в Нью-Йорке и Сан-Франциско, Прабхупада видел, что тысячи молодых людей ищут альтернативу материалистическому образу жизни. Разочарованные в жизни, они были готовы к тому, чтобы воспринять духовное знание.

Его ученики, которые все еще оставались неофитами, ничего не знали о духовной жизни и зачастую очень мало знали о материальной. Но, поскольку они искренне приняли сознание Кришны, Шрила Прабхупада был уверен, что их недостатки не помешают их духовному совершенствованию. Красивые от природы, эти американские юноши и девушки выглядели сейчас грязными и угрюмыми. Однако *мантра* Харе Кришна постепенно возвращала их к жизни, подобно тому как муссонные дожди возвращают к жизни землю Вриндавана, одевая ее покровом свежей листвы и травы. И, подобно павлинам во Вриндаване, которые порой танцуют, охваченные восторгом, преданные, освободившись от материальных оков, в экстазе танцуют и поют святые имена Господа. Когда один репортер спросил у Прабхупады: «Ваши ученики — хиппи?» — Прабхупада ответил:

— Нет, мы не хиппи. Мы — хэппи [счастливые].

Шрила Прабхупада был не просто путешествующим лектором или официальным наставником, он был духовным отцом своих учеников. Они считали его своим настоящим отцом, и он видел, что они преданы ему и любят его гораздо сильнее, чем члены его собственной семьи. Эти молодые американцы — «цвет нации», как называл их Прабхупада, — получили благословение Господа Чайтаньи и несли его своим соотечественникам. Прабхупада говорил, что его американские ученики спасут свою страну. Он дал им метод, но применить его они должны были сами.

Шрила Прабхупада любил своих учеников, и они любили его. Из любви к ним он дарил им величайшее сокровище, а они из любви к нему следовали его указаниям. В этом заключается сущность духовной жизни. И их любовь была залогом роста Движения сознания Кришны в будущем. Некоторые из его учеников пали, вернувшись к прежнему образу жизни. Но Прабхупада искал те искренние души, которые останутся с ним до конца. Это самое главное, говорил он. Одна луна затмевает множество звезд на небосклоне. Подобно этому, даже горстка искренних преданных может совершить чудеса. Искренние и разумные останутся, и Господь Чайтанья Махапрабху даст им силы исполнить Его желание — принести миру любовь к Кришне. Идя этим путем, преданные достигнут совершенства. Многие ученики чувствовали, что это происходит уже сейчас. Сознание Кришны приносило плоды — потому, что они относились к духовной практике искренне, и потому, что Прабхупада

заботливо и терпеливо возвращивал молодые побеги трансцендентного любовного служения, которые он посадил в их сердцах.

Лос-Анджелес

Октябрь 1968 года

Вернувшись в Лос-Анджелес, Шрила Прабхупада увидел, что преданные в этом городе живут и поклоняются Богу в престижном месте — на Холливуд-бульвар. Большая группа *санкиртаны*, организованная его учеником Тамала-Кришной, целыми днями пела на улицах *мантру* Харе Кришна и в невиданных прежде количествах продавала журналы «Бэк ту Годхед» — по двести журналов в день, на сумму более ста долларов.

Но затем, вскоре после приезда Шрилы Прабхупады, владелец здания на Холливуд-бульвар выгнал преданных. Не имея храма, преданные разбрелись по всему городу, однако почти каждый вечер собирались в чьем-нибудь гараже, временно предоставленном в их пользование, и Прабхупада пел вместе с ними «Харе Кришна» и читал лекцию.

Потом они взяли в аренду бывшую христианскую церковь на бульваре Ла-Сьенага. Шрила Прабхупада ввел в новом храме более упорядоченное поклонение Божествам и поднял качество воскресных «пиров любви». Теперь каждую неделю сотни гостей приходили на новый, специально организованный праздник с роскошным пиром. Эти программы в Лос-Анджелесе очень воодушевили Шрилу Прабхупаду и навели его на мысль сделать нечто подобное во всех центрах ИСККОН.

* * *

Прабхупада собирался в Англию. Но сначала ему хотелось посетить ферму в Западной Виргинии, организованную его учениками, и, кроме того, он обещал преданным из Сан-Франциско в июле побывать у них на Ратха-ятре. И одних только этих поездок, предпринимаемых для расширения и укрепления ИСККОН, с лихвой хватило бы на то, чтобы занять все его время без остатка. Но Прабхупада никогда не забывал и о своих литературных трудах — переводе и комментировании ведических текстов.

В декабре, находясь в Лос-Анджелесе, Шрила Прабхупада приступил к работе над «Нектаром преданности», кратким изложением «Бхакти-расамрита-синдху» Рупы Госвами. «Нектар преданности» должен был стать своего рода учебным пособием для всех его последователей — пособием, в котором подробно описана теория и практика *бхакти-йоги*. Одновременно с «Нектаром преданности» Прабхупада начал работать над книгой «Кришна, Верховная Личность Бога» — пересказом Десятой песни «Шримад-Бхагаватам». Приходя в храм только по воскресеньям, большую часть времени он проводил в небольшом домике на окраине Беверли-Хиллз, где напряженно трудился над двумя этими важными книгами.

Самым грандиозным замыслом Шрилы Прабхупады было издание шестидесятитомного «Шримад-Бхагаватам». Эту работу он начал в Индии, в 1959 году, и никогда не забывал, что пытается воплотить в жизнь этот грандиозный замысел уже на закате лет. Теперь, когда Кришна дал ему все возможности и для переводов, и для путешествий, работа его шла огромными темпами.

Шрилой Прабхупадой двигало желание духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. А сколько времени отведено ему на выполнение его миссии — на то воля Кришны. На все воля Кришны: «Если Кришна хочет убить тебя, никто не сможет тебя спасти; а если Кришна хочет спасти тебя, никто не сможет тебя убить». Но несмотря на то, что Прабхупада всегда пребывал в трансцендентном сознании, неподверженном влиянию старости, он прекрасно понимал, что жить ему осталось не так долго. Он постоянно думал о духовном движении, которое охватит все народы и культуры, и именно ради этого движения он начал «гонку на время».

Шрила Прабхупада сознавал неотложность своей миссии, и это было вполне естественно для проповедника-вайшнава, который хочет задействовать всех и каждого в любовном служении Кришне. Если сбитые с толку обусловленные души Кали-юги не обретут сознания Кришны, им придется нести ужасную расплату за греховную жизнь. И понимание неотложности начатого дела было выражением сострадания Шрилы Прабхупады. Он хотел спасти закоренелых материалистов, не подозревающих о существовании души. Ведь если они проживут свою жизнь в человеческом теле напрасно, им придется страдать миллионы лет, пока они вновь не обретут шанс пробудить свое сознание Кришны и вернуться к Богу.

Сердечный приступ, пережитый в 1967 году, побудил Прабхупаду действовать быстрее. До приступа он мог позволить себе часами играть на барабанах и часто работал за двоих, но Кришна сделал ему недвусмысленное предупреждение. Прабхупада сам говорил, что во время этого сердечного приступа должен был умереть, но молитва учеников — «Наш учитель еще не закончил свой труд. Пожалуйста, защити его» — спасла его, Кришна позволил ему остаться. В 1965 году, на борту «Джаладуты», его сердце также чуть было не остановилось. Но и тогда Кришна спас ему жизнь.

Объем работы, которую предстояло сделать, был неимоверен: имея он в запасе много лет и хорошее здоровье, этого все равно бы не хватило. Шрила Прабхупада знал, что в будущем многие придут на помощь его Движению сознания Кришны, и, заручившись их поддержкой, оно продолжит сдерживать напор Кали-юги и таким образом спасет мир. Это предсказывал Сам Чайтанья Махапрабху, и Прабхупада знал, что так оно и случится. Но задача заложить основу для осуществления столь масштабного дела целиком и полностью лежала на нем. И он работал без остановки, зная, что, если не построить прочный фундамент, вся его миссия впоследствии может потерпеть крах.

Начиная с самых первых дней успеха Шрилы Прабхупады в Нью-Йорке в 1966 году, Кришна показывал, что возможности распространения сознания

Кришны безграничны. Но много ли времени? Только Кришна мог ответить на этот вопрос: все зависело от Него. Прабхупада всегда помнил о размахе своей миссии, как и о том, что время, выделенное ему для ее выполнения, неудержимо стремится к концу.

— Я пожилой человек, — часто говорил он своим ученикам. — Я могу уйти в любую минуту.

* * *

Каждую неделю Шрила Прабхупада получал письма из Лондона. Шел декабрь 1968 года. Преданные проповедовали там уже четыре месяца, но храма у них по-прежнему не было. Не было даже места, где можно было бы жить и вместе поклоняться Кришне. Их проповедь сводилась в основном к тому, чтобы посещать семьи индусов и проводить там *киртаны* и раздавать *прасад*. Прабхупада поначалу одобрял эту тактику, но, получив несколько отчетов, пришел к выводу, что она не оправдывает надежд. Преданным не стоит особо надеяться на индусов, сказал он. «Из-за многих лет иностранного владычества они перестали разбирать, что к чему, и утратили свою культуру... Меня больше заботит проповедь европейцам и американцам».

Для преданных его слова были как гром среди ясного неба, но они поняли, что духовный учитель прав. Твердо решив сменить тактику, преданные тут же принялись читать лекции в колледжах и университетах и петь на улицах. Они проповедовали англичанам и чувствовали, что находятся на верном пути. Получив от учеников письмо, где говорилось, что, хотя результаты их проповеди невелики, они «сеют семена», Прабхупада ответил:

Что касается аналогии с семенами сознания Кришны, могу вам сказать, что на этот счет есть одна бенгальская поговорка: *са буре меойя пхале*. Это значит, что таким деревьям, как каштаны, гранаты, или другим полезным фруктовым или ореховым деревьям требуется какое-то время, прежде чем они начнут плодоносить. Любая вещь, имеющая какую-то ценность, приходит к нам ценой тяжелой борьбы и усилий. А ценнейший из всех плодов — сознание Кришны. Поэтому, чтобы достичь результата, мы должны проявлять терпение и энтузиазм. И тогда, даже если дела идут не так, как нам бы хотелось, это нас не расстроит. Как бы то ни было, ваш добросовестный труд уже почти принес плоды. Всегда полагайтесь на Кришну и продолжайте действовать с энтузиазмом, терпением и уверенностью.

* * *

Весной и летом 1969 года Шрила Прабхупада продолжал свои поездки по центрам ИСККОН в Америке. Находясь в Лос-Анджелесе, он послал Гаурасундару и Говинду даси проповедовать на Гавайи. Вскоре он получил от них приглашение приехать на Гавайи, где, по их словам, был сезон манго. В марте он исполнил их просьбу, но, приехав, обнаружил, что никакого сезона манго там нет, а ученики так толком ничего и не сделали. Оба они устроились на работу, чтобы добыть себе хоть какие-то средства к существованию.

Нью-Йорк

9 апреля 1969 года

Прабхупада отправился в Нью-Йорк, колыбель Общества сознания Кришны, где его Движение росло и развивалось уже около трех лет. Хотя центр давно встал на ноги и его книги распространялись, Шриле Прабхупаде все равно приходилось время от времени наведываться туда, чтобы поддержать преданных. Его присутствие придавало им решимости и отваги. Семь месяцев они жили и проповедовали без него, но его визиты — когда он сидел в своей комнате, тепло и сердечно общаясь с ними, — были для них жизненно необходимыми. Ничто не могло сравниться с этими задушевными встречами.

Много преданных, новых и старых, собралось в квартире Прабхупады на Второй авеню, в доме номер 26.

— Был у меня один репортер, из «Гонолулу адвертайзер», — сказал Прабхупада. — Он задавал мне вопросы, а потом написал статью «Свами — маленький человек, но исполняет великую миссию». Так и есть. Я — маленький. Но моя миссия — нет.

Брахмананда показал духовному учителю глобус со значками, которыми были отмечены центры ИСККОН.

— Недавно открылся еще один, в Северной Каролине, — сказал он.

— Значит, всего их стало пятнадцать? — спросил Прабхупада.

Улыбаясь, он оглядел преданных.

— Я хочу, чтобы каждый из вас основал по центру. Разве это так трудно? Возьмите с собой *мридангу*. К вам присоединится кто-нибудь еще, он возьмет *карталы*. Когда я приехал сюда, Брахмананда и Ачьютананда танцевали. А после пения *мантры* Харе Кришна сотни людей придут к вам и с удовольствием будут петь и танцевать вместе с вами.

— Это касается и девушек? — спросила Рукмини.

— Какая разница? — ответил Прабхупада. — Кришна не делает различий — женское платье или мужское. Я имею в виду, что женское тело слабее, но в духовной жизни тело значения не имеет. Супруга Господа Нитьянанда, Джахнавидеви, проповедовала после Его ухода. Прежде всего вы должны изучить философию. Вы должны уметь отвечать на вопросы. Кришна даст вам разум. Я ведь тоже не был готов отвечать на все эти вопросы, но Кришна дал мне разум.

Пробыв в Нью-Йорке восемь дней, Шрила Прабхупада отправился в Буффало. В Университете штата Нью-Йорк в Буффало Рупануга вел официальный курс «Кришна-йоги», и к нему записалось около шестидесяти студентов, которые регулярно повторяли на четках *мантру* Харе Кришна. Там Прабхупада пробыл несколько дней, прочел несколько лекций и дал посвящение ученикам, после чего отправился в Бостон, чтобы совершить еще несколько обрядов посвящения и свадебных церемоний.

Колумбус, штат Огайо

9 мая 1969 года

Преданные организовали программу, во время которой на сцене Университета штата Огайо должны были выступить Прабхупада и Аллен Гинзберг.

С самых первых дней существования Движения сознания Кришны в Нижнем Ист-Сайде Аллен был другом преданных. Вскоре после приезда Шрилы Прабхупады в Колумбус Аллен навестил его, и в течение нескольких часов они говорили о философии. Аллен, как и всегда, держался с Прабхупадой по-дружески. Однако он сомневался, сможет ли сознание Кришны завоевать популярность среди американцев.

— Америка, — сказал он, — нуждается в едином, массовом религиозном движении, которое объединит всех.

— Ну вот вам Кришна, — ответил Прабхупада. — Всепривлекающий. Вы можете сказать: «Почему именно Кришна?» Но вы ведь спрашиваете о том, что объединит всех, поэтому я и говорю: «Вот вам Кришна». Вы можете задуматься: «Почему именно Кришна?» Я скажу: «А почему нет?» Все, чего вы ждете от Всевышнего или Объединяющего, есть в Кришне.

Аллен ответил, что, если Прабхупада хочет сделать свое Движение массовым, ему придется исключить из него многие «сектантские» элементы индуизма, такие как одежда, пища и санскрит.

Сознание Кришны, ответил Прабхупада, не секта и не индуизм. Господь Чайтанья говорил, что можно повторять любое имя Бога, главное — повторять. Что касается пищи — приемлема любая пища, при условии, что она приготовлена только из вегетарианских продуктов. И американцы вовсе не обязаны носить *дхоти* и брить головы. А *мантра* Харе Кришна вполне понятна и отнюдь не является чем-то чужеземным.

Аллен не согласился. *Мантра* Харе Кришна, сказал он, звучит для американца чуждо, непривычно. Возможно, стоит подумать о какой-то другой, более «американской» *мантре*?

— Это уже и так происходит, — ответил Прабхупада. — Одним нравится то, другим — другое. И так будет до скончания века. Что же касается нас, то мы ищем центр всего. И центр этот — здесь.

Около тысячи студентов заняли свои места в Хичкок-холле, и еще тысяча толпились вдоль проходов и на сцене. Программа началась с *киртана*,

который вел Аллен Гинзберг. Затем он представил аудитории Шрилу Прабхупаду, и тот прочитал лекцию. Когда Прабхупада начал второй, заключительный *киртан*, студенты пришли в такой неопиcуемый восторг, что те, кто сидел в зале, повскакивали с мест и начали танцевать (кое-кто даже прыгал на креслах), а потом к ним присоединились и те, кто сидел между рядами и на сцене. Оказавшись в самом сердце этого оглушительного *киртана* из почти двух тысяч голосов, Прабхупада начал танцевать. Стоя на кафедре, с воздетыми кверху руками, он подпрыгивал на месте, а потом стал разбрасывать цветы из своей гирлянды. Студенты в попытке поймать эти цветы устраивали потасовки. Мощный, наполненный экстазом *киртан* продолжался почти час, пока Шрила Прабхупада наконец не остановился.

После этого вокруг Прабхупады столпились сотни студентов, засыпая его вопросами. Покидая зал, многие из них продолжали петь, а некоторые уходили, плача от неведомых им прежде духовных переживаний. На следующий день об экстастическом вечернем *киртане* в Хичкок-холле говорил весь университет. Прабхупада был доволен. Он написал об этом событии преданным в Лос-Анджелесе:

Вчера в Университете штата Огайо у нас состоялась потрясающая встреча. Около двух тысяч студентов танцевали, хлопали в ладоши и пели вместе с нами. Итак, стало ясно, что студенты очень восприимчивы к нашей философии.

* * *

Новый Вриндаван

21 мая 1969 года

В сопровождении Киртанананды Свами и Хаягривы Шрила Прабхупада отправился на ферму Новый Вриндаван, расположенную в горах Западной Виргинии. Когда их автомобиль застрял на соседнем поле, неподалеку от входа на территорию фермы, Прабхупада решил последние три километра пройти пешком. На ферму вела грунтовая дорога, грязная от недавно прошедшего дождя, однако даже она вскоре кончилась, и Прабхупада вместе со своими двумя проводниками пошел по тропинке, петлявшей по лесу.

Стояла середина мая, а листья на деревьях еще только распускались. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, яркими бликами ложилось на ковер из фиолетовых флоксов. Прабхупада быстро шагал впереди Киртанананды Свами и Хаягривы, которые едва поспевали за ним. Тропа то и дело пересекала извилистый ручей, и Прабхупада перебирался через него, ступая по камням. По этой дороге, заметил он, нетрудно проехать на воловьей упряжке. Лес был похож на джунгли, именно таким он его себе и представлял.

В прошлом году в переписке с Киртананандой Свами и Хаягривой Прабхупада постоянно возвращался к теме Нового Вриндавана. В этой переписке был намечен курс на развитие сельскохозяйственных общин в ИСККОН. Прабхупада говорил, что хочет, чтобы эти общины были основаны на ведических традициях; люди в них будут жить просто, держать коров и обрабатывать землю. Преданным предстояло воплотить его идеи в жизнь, а на это уйдет немало времени. Но с самого начала они должны строить свою жизнь по принципу «жить просто и мыслить возвышенно». Поскольку община будет отрезана от города, жизнь в ней поначалу может показаться не слишком комфортабельной и даже аскетичной. Однако жизнь в такой общине будет течь мирно и спокойно, в ней не будет тревог, присущих противоестественной жизни урбанизированного общества, основанного на тяжелом труде ради чувственных удовольствий. И самое главное, члены такой общины будут служить Кришне и повторять Его имя.

Прабхупада говорил мало, он быстро и уверенно шагал по тропинке, словно был у себя дома. Они остановились у ручья, и Прабхупада присел на одеяло, которое Киртанананда Свами и Хаягрива расстелили для него на траве.

— Мы остановились из-за Киртанананды, — сказал он. — Он устал.

Напившись воды из ручья и немного отдохнув, Прабхупада и его спутники продолжили свой путь.

Дорога сделала поворот, и на склоне холма Шрила Прабхупада увидел вырубку. У подножия холма стоял небольшой каркасный дом и коровник. Эти ветхие строения, как объяснил Хаягрива, были единственными постройками на пятидесяти гектарах земель Нового Вриндавана. Поскольку машины здесь не ездили, все дороги заросли высокой травой. У старого дома росла раскидистая ива. Поселение являло собой картину безмятежной патриархальной жизни.

Прабхупаде понравился простой образ жизни в Новом Вриндаване, и его радовала любая, даже самая обыкновенная вещь, которую предлагали ему преданные. Они подали ему молочную кашу из пшеничной крупы свежего помола, и он сказал, что каша была восхитительной. Увидев на кухне земляной пол, покрытый коровьим навозом, он с удовлетворением заметил, что все это напоминает ему индийскую деревню.

Комната, в которой его поселили, находилась в мансарде, прямо над храмовой комнатой, и она тоже понравилась Прабхупаде. Он достал маленькие Божества Радхи-Кришны, с которыми путешествовал последние полтора месяца, и его слуга Девананда соорудил на столике у стены маленький алтарь. Тем временем Прабхупада сделал из двух чемоданов рабочий стол, поставил на него портрет своего духовного учителя и вернулся к привычному распорядку дня.

Ближе к полудню ему делали массаж во дворе, после чего там же, стоя под импровизированным летним душем, он омывался теплой водой. Киртанананда Свами готовил для своего духовного учителя его обычный обед

— дал, рис и чапати, добавив к ним растущий в этих местах лаконос. Прошлым летом Киртанананда Свами и Хаягрива собрали и закатали в банки ежевику, из которой теперь готовили для Прабхупады чатни. Чапати делались из свежемолотой пшеничной муки. Обед готовили на печи, которую топили дровами. Лучшим топливом для кухонной печи, говорил Прабхупада, является навоз, за ним идут дрова, газ и, наконец, электричество.

Большую часть дня Шрила Прабхупада проводил на воздухе, под хурмой, росшей метрах в тридцати от дома. Здесь он сидел и читал за низким столом, который сколотил один из преданных. Часто он поднимал глаза от книги и глядел вдаль — на горный кряж, возвышавшийся на другой стороне долины, — туда, где лес сливался с небом.

Ближе к вечеру преданные собирались под хурмой вокруг своего духовного учителя и беседовали с ним, пока не садилось солнце.

В том, что гуру живет с ними, они видели практическое доказательство важности Нового Вриндавана. Если он, величайший преданный, вполне доволен, живя простой жизнью в этой лесной глуши и имея возможность повторять мантру Харе Кришна, то они должны следовать его примеру.

Сравнивая Новый Вриндаван с Вриндаваном в Индии, Шрила Прабхупада говорил, что Новый Вриндаван в некотором смысле даже лучше индийского, поскольку в индийском живет слишком много мирских людей. Пятьсот лет назад, когда Госвами, последователи Господа Чайтаньи, проводили раскопки в местах игр Кришны во Вриндаване, там жили только чистые преданные. Но в последние годы во Вриндаван стали отовсюду стекаться материалисты и имперсоналисты. Но Новый Вриндаван будет принимать только тех, кто стремится жить духовной жизнью. В ведические времена, говорил Прабхупада, все были довольны и счастливы, живя именно так — в небольшой деревушке на берегу какой-нибудь реки. Фабрики и заводы были не нужны. Прабхупада хотел, чтобы весь мир принял ведический образ жизни, и Новый Вриндаван должен был продемонстрировать пример такого образа жизни на благо всех людей на земле.

Телефона в Новом Вриндаване не было, а за почтой приходилось идти три километра пешком. В этом отношении, говорил Прабхупада, Новый Вриндаван ничем не отличался от индийского Вриндавана — современных удобств не было ни там, ни тут. Однако с точки зрения вайшнавской философии, утверждающей, что современные удобства не стоят хлопот, связанных с их приобретением, все эти «трудности» были на самом деле преимуществами. Преданный довольствуется тем, что ему дарует природа, а все свое время и силы отдает духовной практике.

Единственная корова в Новом Вриндаване была смешанной породы, черно-белой масти, и звали ее Калия. Прабхупада пил ее молоко утром, днем и вечером.

— В последний раз я пил такое молоко шестьдесят пять лет назад, — сказал он.

Когда-нибудь, предсказывал Шрила Прабхупада, в Новом Вриндаване будет много коров, и у них будет так много молока, что оно, вытекая из вымени, будет увлажнять пастбища. Люди на Западе не понимают, какой великий грех они совершают, убивая коров, и ничего не знают о тяжелых кармических последствиях этого греха, говорил он. Однако Новый Вриндаван продемонстрирует миру, что люди должны заботиться о коровах и питаться их молоком, а не убивать их и есть их мясо. Опыт Нового Вриндавана должен будет показать все социальные, моральные и экологические преимущества такого образа жизни.

Прабхупада хотел, чтобы преданные построили в Новом Вриндаване коттеджи; он хотел, чтобы там было много домов, даже если вначале это будут примитивные постройки. Он набросал план простого строения из обожженной глины. Он хотел также открыть школу, где детей будут воспитывать в сознании Кришны; лучшим местом для такой школы, говорил он, является деревня.

— Город создан человеком, а деревня — Богом, — любил повторять Прабхупада, перефразируя английского поэта Купера.

Школьников нужно учить чтению, письму, арифметике и в то же время прививать им сознание Кришны, чтобы в будущем они стали чистыми преданными. В своих играх они будут подражать играм Кришны и Его друзей-пастушков: один из них будет делать Кришне массаж, а другой бороться с Ним — все, как в духовном мире. Женщины в Новом Вриндаване, говорил Прабхупада, будут присматривать за детьми, убирать храм, готовить пищу для Божеств и сбивать масло.

У него было много планов, связанных с развитием Нового Вриндавана, и он давал преданным лишь семена идей, опуская детали.

— Развивайте их, как подсказывает вам сердце, — говорил он Киртанананде Свами.

Идеальная ведическая община, члены которой сами обеспечивают себя пищей и всем необходимым для жизни, — вот что хотел создать Шрила Прабхупада на этой земле. Если преданные в Новом Вриндаване не будут сами обеспечивать себя, говорил он, занимать такой большой участок земли не имеет никакого смысла.

Еще до своей поездки в Новый Вриндаван Прабхупада сказал Киртанананде Свами и Хаягриве, что они должны построить на этой земле семь храмов. Эти семь храмов будут называться так же, как главные храмы в старом Вриндаване: храмы Мадана-Мохана, Говиндаджи, Гопинатхи, Радхи-Дамодары, Радха-Раманы, Шьямасундары и Радхи-Гокулананды. Прабхупада сказал, что он сам позаботится о Божествах Радхи-Кришны для каждого из этих храмов.

Отъезд Шрилы Прабхупады из Нового Вриндавана был неизбежен: письма из Лондона, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско звали его в дорогу. В день его отъезда преданные Нового Вриндавана шутили с ним, делая вид, что

не позволят ему уехать. Киртанананда дошел до того, что пригрозил перегородить дорогу. Но Прабхупада одернул его:

— Ты не должен так вести себя со своим духовным учителем.

Сопровождаемый Киртананандой Свами и преданными из Нового Вриндавана, Прабхупада шел по лесной тропинке. Окрестности Нового Вриндавана утопали в зелени, летний воздух был горяч и влажен. Шрила Прабхупада шел молча. Он приехал сюда, чтобы воодушевить своих учеников, но увиденное воодушевило его самого. Тут текла простая деревенская жизнь, какой жил Сам Кришна. Здесь все зависело от земли и коров. Эта корова по кличке Калия дает такое чудесное молоко! Коровы Нового Вриндавана не были обычными коровами: они знали, что их не убьют. Пока преданных здесь было немного, но по милости Кришны когда-нибудь сюда придут и другие.

Прабхупада и Киртанананда Свами шли по тропинке рядом. Они почти не разговаривали. Прабхупада не стал давать Киртанананде Свами много конкретных указаний: несколько слов, оброненных в беседе или на прогулке, жест, выражение удовольствия или озабоченности на лице... Тем не менее Киртанананда Свами понимал, что Новый Вриндаван очень дорог его духовному учителю и таким же дорогим он должен стать для него самого. Гуру заверил его в том, что, поскольку преданные Нового Вриндавана повторяют *мантру* Харе Кришна, служат Божествам и заботятся о коровах, Кришна благословит их и пошлет им успех. Община уже добилась успеха, но Кришна и дальше будет устранять с пути преданных все препятствия и трудности.

Пройдя три километра, Шрила Прабхупада, окруженный учениками, остановился возле автомобиля, который должен был отвезти его в аэропорт в Питсбурге, откуда он полетит в Лос-Анджелес. Его чемоданы, которые привезли на запряженной лошадью повозке, погрузили в багажник машины, и Прабхупада сел на заднее сиденье. Под возгласы «Харе Кришна!» и «Прабхупада!» автомобиль выехал на шоссе, а Прабхупада продолжал повторять на четках *мантру* Харе Кришна.

* * *

Шрила Прабхупада регулярно получал известия от шести учеников, которых он послал в Лондон. У них почти не было денег, и им пришлось поселиться парами отдельно друг от друга в разных частях города. Главным источником вдохновения были для них письма духовного учителя. Они постоянно перечитывали письма с его указаниями и мечтали о том дне, когда он сам придет к ним в Лондон. Если в Сан-Франциско проповедовать сознание Кришны было для них удовольствием, то в Англии им с каждым днем становилось все труднее и труднее. Будучи иностранцами, преданные не имели права устроиться на работу, а знакомых у них почти не было. Лишенные возможности жить вместе, они все же старались, как могли, поддерживать в себе моральный дух и сознание Кришны.

Ямуна: Я вынуждена была жить в ямайском гетто, на верхнем этаже одного из домов. Это был кошмар. Целыми днями я сидела и слушала запись пения Прабхупады. Это была прекрасная запись, которую он буквально перед этим сделал в Лос-Анджелесе. И я молилась ему: «Пожалуйста, приезжайте. Пожалуйста, приезжайте».

Мукунда: Его письма — вот что поддерживало в нас жизнь. Прабхупада писал: «Я еду». Два или три раза он обещал: «Я приеду в марте». А мы отвечали, что хотим сначала найти помещение. Мы действительно считали, что ему не стоит приезжать, пока не найдется подходящее помещение. Он написал моей жене: «Я хотел приехать в марте, но твой муж мне не разрешил. Что я могу поделать?»

Уже четыре месяца как преданные в Лондоне не видели своего духовного учителя, и никто не мог сказать точно, когда ему можно будет приехать. Временами преданные начинали грустить и поговаривать о возвращении в Америку, но, несмотря на это, у них все-таки хватало терпения продолжать. Прабхупада пообещал, что приедет в Лондон, когда там будет храм, и это обещание помогало им не забыть, что они лично служат ему. Преданные чувствовали, что всю работу делает их духовный учитель, а они — лишь его помощники. Это только внешне казалось, что его нет рядом. Когда они читали, обсуждали или вспоминали его наставления, он всегда был с ними. Он постоянно направлял их.

Пробуя разные методы популяризации сознания Кришны в Лондоне, Шьямасундара однажды организовал программу, на которую пригласил многих влиятельных горожан. На его официальное приглашение откликнулось около ста человек. Среди них был один член парламента и несколько правительственных служащих, но в основном пришла молодежь.

Преданные устроили для гостей пир и показали им фильм со Шрилой Прабхупадой, гуляющим у озера Стоув в Голден-Гейт-парк. Специально для этого случая Прабхупада записал на пленку свое обращение к лондонцам. Эта запись, по замыслу преданных, должна была стать гвоздем программы, хотя времени прослушать ленту заранее у них не было. Гурудас включил магнитофон, и все присутствующие услышали голос Шрилы Прабхупады.

— Леди и джентльмены! Позвольте пожелать вам счастья в новом, 1969 году. Примите, пожалуйста, благословения Шри Кришны, Верховной Личности Бога, ибо вы любезно согласились принять участие в этом собрании, посвященном исполненному счастью сознанию Кришны.

Хотя запись была сделана в Лос-Анджелесе, в тишине комнаты Шрилы Прабхупады, пораженным преданным показалось, будто духовный учитель сам приехал в Англию и проповедует сознание Кришны.

— Господь Чайтанья поведал нам, что Абсолютная Верховная Личность Бога приходит в этот мир в форме трансцендентного звука, и если мы без оскорблений повторяем мантру Харе Кришна, мы сразу же соприкасаемся с Кришной посредством Его внутренней энергии. В результате наше сердце мгновенно очищается от всей скверны.

Гости вежливо слушали, как Шрила Прабхупада рассказывал о мучительном переселении души из одного тела в другое и о ее освобождении благодаря повторению *мантры* Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Сознание Кришны он охарактеризовал как «исполненное трансцендентного наслаждения и разнообразия». Петь и повторять *мантру*, говорил он, можно где угодно: на улице, в парке, дома. Свою речь Прабхупада завершил следующими словами:

— Но для того, чтобы собираться, нам нужно какое-то место. Поэтому повсюду в мире, независимо от культурных традиций той или иной страны или господствующей там философии и религии, необходимо открывать храмы Движения сознания Кришны. Сознание Кришны настолько универсально и совершенно, что подойдет каждому, кем бы он ни был. Поэтому я обращаюсь ко всем, присутствующим на этой встрече, с горячей просьбой: насколько возможно, помогите этому великому Движению. Еще раз большое спасибо.

Последовала пауза, а затем Прабхупада заиграл на фисгармонии и запел «Харе Кришна». После этого он сказал еще несколько слов.

— Мои ученики в Лондоне слезно умоляют меня приехать, да и мне не терпится всех вас увидеть. Поэтому при первой же возможности я отправлюсь в Англию и возьму с собой группу *санкиртаны*, которая сейчас появилась в Лос-Анджелесе. Все вы встретитесь, и эта встреча принесет вам огромную радость. На этом я закончу.

Но лишь через десять дней после этого вечера преданные впервые попали на страницы газет. В популярной английской газете «Санди таймс» появилась статья под рубрикой «Аттикус», а также фотография пятерых вайшнавов и маленькой Сарасвати. В статье приводились слова Гурудаса: «„Харе Кришна“ — это песня, под которую Сам Бог танцует на вашем языке. Попробуйте постоянно повторять „Королева Елизавета“, и почувствуете разницу». Автор отзывался о проповедниках из Америки как об «очень добрых людях, немного не от мира сего, но отнюдь не наивных». Упомянув об их отказе от внебрачных половых отношений и одурманивающих средств, он добавлял: «Скучно, подумаете вы, но по ним этого не заметно. А пение *мантры*, пожалуй, это то, что принесет им известность». Через несколько дней та же статья, распространенная Ассошиэйтед Пресс, появилась в «Сан-Франциско кроникл», но уже под другим заголовком: «Песнопения во славу Кришны потрясли Лондон». Увидев этот заголовок, Шрила Прабхупада обрадовался. Его ученики-*грихастхи* добились успеха там, где потерпели неудачу его духовные братья — *санньяси*. Тридцать пять лет назад несколько образованных проповедников, учеников Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, путешествовали по всей Англии, давая лекции, но интерес к их словам проявили всего несколько человек, одной из которых была англичанка Элизабет Баутел.

Ямуна спросила у духовного учителя, стоит ли им навестить миссис Баутел (ее духовное имя было Винода-Вани даси), и Прабхупада ответил: «Я могу сказать о ней только то, что это пожилая леди и что у нее есть дом, на

который она повесила табличку „Гаудия-матх“. Это всё». Если есть желание, сказал он, можно нанести ей визит вежливости, а заодно узнать, не предоставит ли она им свой дом под *киртаны*. Один из преданных побывал у нее — она жила в пригороде Лондона. Но та, даже не открыв двери, заявила, что не будет с ним разговаривать, пока он не предоставит ей рекомендательное письмо из калькуттского отделения Гаудия-матха. Винода-Вани даси — таков был результат проповеди нескольких *санньяси* тридцать пять лет тому назад. А юным американским проповедникам, чтобы «потрясти Лондон», потребовалось всего четыре месяца.

Несколько месяцев преданные жили порознь, в разных концах города, но однажды им повстречался домовладелец, который бесплатно предоставил им в пользование пустующий склад в районе Ковент-Гардена. Проповедники превратили это место во временный храм, и вскоре к ним присоединились первые английские преданные. Новички сразу же полностью переняли образ жизни преданных, включая ношение *дхоти* и бритье головы. Им это очень понравилось.

Радуюсь, что их полку прибыло, и наблюдая воочию, как действует духовная сила Прабхупады, преданные пришли в такой восторг, что решили позвонить ему из офиса своего домовладельца. Телефон был селекторным, и голос Шрилы Прабхупады раздавался из маленького динамика на столе. Преданные расселись вокруг и стали внимательно слушать.

— Прабхупада, — сказал Мукунда, — у нас появилось несколько новых *брахмачари*!

— О, а они умеют готовить *чапати*? — спросил из-за океана Прабхупада.

Преданные взорвались смехом, но затем притихли, чтобы слушать дальше.

— Пока нет, — ответил Мукунда. — Но теперь будут.

Преданные по очереди рассказывали духовному учителю, как им его не хватает. Он ответил, что тоже соскучился и что приедет сразу, как только у них появится свое помещение.

В течение трех месяцев преданные свободно пользовались складом в Ковент-Гарден, но затем хозяин сообщил, что помещение понадобилось ему самому, и им пришлось съехать. Семейные пары снова оказались раскиданы по разным концам города, и чувство единства вновь их покинуло.

Каждую неделю Прабхупада посылал своим лондонским ученикам по два-три письма, хваля их за искренность и решимость. Преданные регулярно собирались вместе хотя бы для того, чтобы показать друг другу последние письма. Мукунде Прабхупада писал о своем желании проповедовать сознание Кришны на Западе, в частности в Лондоне.

Что касается меня, я хочу только одного — ускорить исполнение миссии своей жизни, состоящей в распространении сознания Кришны в западной части света. Я по-прежнему твердо уверен, что, если мне удастся благодаря присоединившимся ко мне юношам и девушкам укрепить это Движение, это

будет великим достижением. Я стар, и смерть уже стояла у меня на пороге, но, прежде чем оставить это тело, я хотел бы увидеть, что некоторые из вас укрепились в своем понимании сознания Кришны. Я счастлив и горд, что вы, шестеро юношей и девушек, делаете все от вас зависящее, пусть даже вам пока не удалось открыть хороший центр в Лондоне. Даже в далекую Индию донеслась весть о том, что мои ученики делают для Кришны много хорошего. Поэтому вы — моя гордость. Недавно я получил письмо от одного моего духовного брата. Так вот, он пишет: в Индии пронесся слух, что даже во Вьетнаме кто-то распространяет Движение сознания Кришны. Поэтому не нужно расстраиваться. Продолжайте свое дело, сообразно с теми возможностями, которые посылает вам Кришна, а беспокоиться нет причин. Все идет своим чередом. Но теперь вы разделены, и от этого, похоже, немного страдает эффективность вашей работы. Попробуйте собираться, как раньше, и тогда — неважно, будет у вас храм или нет, — движение будет развиваться. Мы не придаем особого значения открытию храмов, ибо главное в этот век — вовсе не храмовое поклонение. Главное — *санкиртана*. Но иногда, чтобы люди могли собираться, бывает нужен свой центр. Таким образом, храм нужен, но как подспорье. Итак, постарайтесь сделать все, чтобы как можно скорее поселиться вместе. Я с нетерпением жду того момента, когда вы вновь будете жить вместе.

Ничто так не обязывало преданных исполнять свой долг, как наставление духовного учителя проповедовать в Лондоне. Прабхупада был в их сердцах, и они постоянно думали о нем. Выполняя его указания и пытаясь порадовать его, они действовали не по принуждению и не потому, что того требовали правила, — ими двигала любовь. Порадовать духовного учителя — значит порадовать Самого Господа, но для искренних учеников Прабхупады было достаточно и того, что сам он доволен.

* * *

Лос-Анджелес

23 июня 1969 года

Из Нового Вриндавана Шрила Прабхупада направился в Лос-Анджелес, где установил Божества Радхи и Кришны. Хотя главным в Движении сознания Кришны, как писал он лондонским ученикам, была *санкиртана*, без поклонения Божествам тоже было не обойтись. В своих книгах Шрила Прабхупада много говорил о важности поклонения Божествам и в каждом из центров ИСККОН постепенно вводил все более и более высокие требования к поклонению. К тому времени Лос-Анджелес стал образцовым центром ИСККОН, поэтому именно здесь Прабхупада начал поклоняться Радхе и Кришне со всей пышностью и по самым строгим стандартам.

В присутствии более чем сотни преданных и гостей, разместившихся в просторном зале, Шрила Прабхупада омыл и нарядил небольшие фигурки Радхи и Кришны и поставил Их на алтарь. Он приглашал Радху и Кришну прийти, чтобы его ученики могли служить Им. Доверяя своим ученикам Радху и Кришну, он верил, что они не допустят по отношению к Ним небрежности. Но если преданные по какой-то причине утратят свой энтузиазм, объяснял в лекции Прабхупада, то их служение станет подобно поклонению идолу.

— Если уходит жизнь, поклонение Божествам превращается в идолопоклонство. Если жизнь присутствует, если есть чувство, то вы будете помнить: «Где Кришна? Да вот же Он! О, я должен послужить Ему. Я должен Его одеть. Я должен послужить Радхарани. Вот Она. Нужно делать все как следует и нарядить Ее как можно лучше». Если к вам приходят такие мысли, значит, вы в сознании Кришны. Но если вы думаете, что это просто бронзовая кукла или идол, Кришна ответит вам соответственно. Если вы думаете, что это бронзовый идол, тогда он навсегда останется для вас идиолом. Но если вы поднимаетесь на более высокий уровень сознания Кришны, тогда Кришна — этот самый Кришна — будет с вами разговаривать. Этот Кришна будет разговаривать с вами.

С каждым приездом Прабхупады перед его учениками раскрывалось все больше и больше возможностей для служения, и это усиливало их преданность Кришне. Ответственность за любое служение, говорил он, лежит на духовном учителе, и когда ученик наводит в храме чистоту или выполняет другую работу, он делает это как его помощник. Если что-то идет не так, это очень беспокоит гуру. Если по своей прихоти преданные что-то меняют в поклонении Божествам или если храм приходит в запустение, то больше любого из них от этого будет страдать сам Прабхупада.

Заметив в каком-нибудь ученике желание взять на себя часть проповеднической миссии Движения сознания Кришны, Прабхупада наделял его большей ответственностью. Беспокойство о служении Кришне, говорил он, приносит самое большое удовлетворение. Бхактивинода Тхакур утверждал: «Беспокойства, с которыми мне доведется столкнуться, преданно служа Тебе, я сочту за величайшее счастье».

Преданный, объяснял Шрила Прабхупада, счастлив, когда довольны духовные учителя — его предшественники, а больше всего других духовных учителей радует проповедь падшим душам. И насколько преданные выполняют этот наказ — проповедовать, настолько же будет удовлетворен их духовный учитель и, следовательно, они сами. Прабхупада привел пример Кришны и *гопи*. Кришне доставил огромное удовольствие танец *раса*, и Он улыбнулся. Когда *гопи* увидели Его улыбку, их счастье и красота возросли в миллионы раз. Увидев, что *гопи* стали еще прекраснее, Кришна наполнился еще большим счастьем, отчего счастье и красота *гопи* снова возросли. Так это любовное соперничество бесконечно усиливается.

Даже отношения духовного учителя и ученика пронизаны этим чувством соперничества, исполненного любви: каждый хочет служить другому, не ожидая служения себе. В каждом из центров ИСККОН Шрила Прабхупада постоянно расширял сферу ответственности учеников и вводил новые обязанности, и искренние ученики добровольно брали это бремя на себя; от этого все чувствовали удовлетворение. Это и есть чистое преданное служение — быть свободным от всех материальных желаний и служить Кришне, как того хочет духовный учитель и велят священные писания.

Когда Прабхупада говорил, что его ученики станут счастливы, служа Кришне, он опирался на собственный глубокий опыт. Всякий раз, когда он устанавливал Божества в одном из храмов, его собственный экстаз был намного сильнее, чем у любого из его учеников. Ратха-ятры в Голден-Гейт-парк или любая другая публичная проповедническая программа воодушевляли его больше, чем кого бы то ни было. Он сильнее, чем любой из его учеников, хотел, чтобы люди приходили в храмы, смотрели на Божество Кришны, пели и танцевали, а когда такое происходило, радовался больше всех. Если же кто-то из его учеников уходил из Движения, он переживал больше всех.

Не оставлял Шрила Прабхупада без внимания и все детали, касающиеся управления храмом. Его интересовала и величина расходов на имущество, и общественное мнение о преданных, и духовный рост каждого ученика в отдельности. И пусть ученики воспринимали Прабхупаду как самого возвышенного вайшнава и близкого спутника Господа Кришны, все равно они знали, что в любой момент могут обратиться к нему за практическим советом. Он был их лидером, и в то же время — одним из них. Он был намного выше их, но всегда шел рядом. Лишь в редкие моменты они чувствовали себя далеко позади — как, например, в Лос-Анджелесе во время установления Божеств, когда Прабхупада заплакал, обращаясь лично к Кришне:

— Кришна, я самый ничтожный и падший, но я принес это для Тебя. Пожалуйста, возьми.

За исключением таких редких мгновений, он проповедовал и служил Кришне плечом к плечу с учениками, и они это видели.

* * *

Сан-Франциско

25 июля 1969 года

За день до начала Ратха-ятры Шрила Прабхупада сошел с трапа в сан-францисском аэропорту, где его встречала толпа из пятидесяти поющих преданных. Там же на него набросились журналисты, с вопросом, который, по их мнению, был очень важным и актуальным:

— Свами, что вы думаете по поводу недавней высадки американцев на Луну?

— Что я должен сказать? Что-то лестное или правду? — спросил Прабхупада.

Они попросили сказать правду.

— Это пустая трата времени. От этого не будет никакой пользы, поскольку жить там все равно никто не сможет. Лучше было бы потратить это время на развитие сознания Кришны. Мы должны вырваться из этой вселенной и достичь духовного мира, который вечен и в котором нет ни рождения, ни смерти, ни старости, ни болезней.

«Сан-Франциско кроникл» напечатала фотографию и заметку под названием «Экстаз в терминале „Б“».

В день Ратха-ятры около сотни преданных и толпа в тысячу человек собрались перед высокой колесницей на Хайт-стрит. С возвышения на колеснице собравшимся дарили Свои улыбки Джаганнатха, Субхадра и Баларама. Несколько преданных-музыкантов, устроившись на колеснице и убедившись, что усилители в норме, начали *киртан*. В центре колесницы, прямо под алтарем, ждала прибытия Шрилы Прабхупады обитая красной материей *вьяса-асана*.

Подъезжая на машине к месту сбора, Шрила Прабхупада услышал голоса преданных. Выйдя из машины, он увидел, как все они опускаются на землю и почтительно склоняются перед ним. Сложив ладони и улыбнувшись, он кивнул в знак приветствия своим восторженным ученикам и с радостью окинул взглядом огромную толпу, которая уже собралась к тому времени. Повернувшись в сторону колесницы, он посмотрел на восседающие на троне Божества. Это были те самые Божества, которые два года назад торжественно возглавили первую американскую Ратха-ятру. На Них были прекрасные одежды и бусы; разноцветные флажки и толстые гирлянды из гвоздик украшали Их колесницу. С каждым годом Ратха-ятра становилась все прекраснее. Прабхупада склонился перед Джаганнатхой, Субхадрой и Баларамой, и все его ученики последовали его примеру.

Когда Прабхупада занял свое место на колеснице, *киртан* возобновился и колесница, которую тянули за два длинных каната десятки мужчин и женщин, неторопливо покатила вперед. Она медленно плыла по направлению к парку, и с алтаря Божеств, под которым стояла *вьяса-асана* Шрилы Прабхупады, из сосудов с курящимся ладаном поднимались клубы ароматного дыма.

— Сколько людей идет за колесницей? — спросил Прабхупада Тамала-Кришну, который ехал с ним и вел *киртан*.

Тамала-Кришна перелез на другую сторону колесницы и попытался на глаз оценить размеры толпы.

— Пять тысяч!

— Пой «Джая Джаганнатха», — велел Прабхупада, и Тамала-Кришна с *мантры* Харе Кришна перешел на «Джая Джаганнатха! Джая Джаганнатха!».

В течение всего шествия Шрила Прабхупада сидел, опустив правую руку в мешочек с четками, и невозмутимо наблюдал за праздником. Огромная толпа состояла в основном из молодых хиппи, но были там и бизнесмены в костюмах и галстуках, и пожилые люди с внуками, и семейные пары, и несколько бродячих собак. Пестрая воскресная публика.

Вдруг преданные, шедшие впереди, закричали:

— Остановите колесницу! Остановите колесницу!

Впереди шоссе пересекал низкий арочный мост, и преданные едва-едва успели затормозить — десятиметровой высоты колесница застыла прямо перед ним. Хотя процессия, казалось, столкнулась с непредвиденным и непреодолимым препятствием, *киртан* продолжался как ни в чем не бывало. В прошлом году они двигались по тому же маршруту, но тогда колесница была ниже (и все равно Шьямасундаре пришлось влезать наверх и отпиливать шпиль). Но в этом году Нара-Нараяна сконструировал складной купол, который можно было опустить при помощи лебедки. Узнав об этом новшестве, Прабхупада спросил:

— Вы уверены, что механизм не подведет? Это может привести к аварии.

И вот настало время опускать купол, но... лебедку заело.

Колесница встала перед мостом, и возле Прабхупады и Господа Джаганнатхи собралась огромная толпа поющих — по меньшей мере тысяча голосов слились под мостом, породив оглушительное эхо. Тут Прабхупада встал и, вытянув руки в сторону толпы, начал танцевать.

Бхавананда: *Все как с ума посходили. Звук был такой, что под этим мостом просто уши закладывало. Прабхупада танцевал, прыгая на колеснице.*

Нара-Нараяна: *Танцуя, он наступал на цветы. От прыжков гирлянда на нем разорвалась, и цветы стали падать вокруг. Он прыгал очень плавно, почти как в фильме с замедленной съемкой.*

Тамала-Кришна: *Прабхупада прыгал, и люди просто с ума сходили, видя, что он полностью охвачен экстазом. Он прыгал не переставая, медленно поворачиваясь, пока не оказался лицом к лицу с Господом Джаганнатхой.*

Затем Шрила Прабхупада сел, но колесница по-прежнему не двигалась. Толпа ревела.

— Что им нужно? — спросил Прабхупада Тамала-Кришну.

— Мне кажется, они хотят снова увидеть ваш танец, — ответил Тамала-Кришна.

— Ты думаешь?

— Да.

Тогда он встал и снова начал танцевать. Он поднял руки; белая шерстяная шапочка на его голове сдвинулась назад, а на правой руке по-прежнему висел мешочек с четками, из которого высовывался указательный палец; его длинные одежды развевались.

Экстатический танец и пение продолжились. Минут через пятнадцать Нара-Нараяна наконец наладил лебедку, и купол опустился. Колесница снова двинулась вперед, прошла под мостом и въехала в парк. Толпа выросла до

десяти тысяч человек — такого еще не было ни на одном празднике Движения сознания Кришны на Западе.

Бхавананда: Многие из тех, кто пришел на Ратха-ятру, находились под воздействием наркотиков. Мы, разумеется, наркотиков не принимали, но кайф у нас был гораздо сильнее, чем у них. И мы это понимали. Все улыбались, смеялись, все были в экстазе, все танцевали, пели. Особенно мы. Мы и пели громче, и смеялись сильнее, и чувствовали себя более раскованно. Мы ощущали полную свободу — свободу ходить с бритой головой, носить дхоти, трубить в раковину, кружиться на улице, взявшись за руки, прыгать... Господь Джаганнатха со Своей колесницей в экстравагантности превзошел даже хиппи: не было никого, кто выглядел бы столь необычно, как Он. Хиппи пришли разодетые, с большими перьями в волосах и тому подобным, но все это меркло в сравнении с Джаганнатхой.

Процессия завершила свой путь на пляже, у танцевального зала под названием «Фэмили дог», где преданные подготовили десять тысяч тарелок с праздничным *прасадом* из фруктового салата, яблочного *чатни*, халавы и ломтиков арбуза. Колесница остановилась, но *киртан* продолжался, и Прабхупада повел толпу в зал, к временной сцене с алтарем, которую преданные соорудили в причудливом интерьере танцзала. Нарисованную на стене тибетскую *мандалу* закрывало гигантское шелковое панно с Господом Чайтаньей, а на сцене стояли картины с Господом Вишну и Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати. С высокого алтаря над сиденьем Шрилы Прабхупады смотрели Божества Джаганнатхи, а рядом на мраморной колонне стояла украшенная гирляндой статуя Господа Кришны.

Шрила Прабхупада заговорил, и толпа стихла. Он процитировал строки из песни Нароттамы даса Тхакура: «Дорогой Господь Чайтанья, пожалуйста, будь милостив ко мне. Я не знаю никого более милостивого, чем Ты». Указав на огромное шелковое полотно с изображением Господа Чайтаньи, Прабхупада рассказал о том, как Господь из сострадания распространяет святое имя Бога. Господь Чайтанья, сказал он, учил тому же, чему учил и Господь Кришна в «Бхагавад-гите»: «Мои дорогие сыновья, перестаньте мучиться в отвратительных условиях материального мира. Возвращайтесь ко Мне. Возвращайтесь домой. Наслаждайтесь вечной жизнью, исполненной блаженства и знания».

Прабхупада объяснил, насколько сознание Кришны просто:

— Господь Чайтанья пришел пятьсот лет назад, чтобы утвердить чистые принципы «Бхагавад-гиты». Он показал, что, даже если вы не разбираетесь в религии, вы можете просто повторять Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Результат вполне ощутим. Вот смотрите: когда мы пели «Харе Кришна», все, кто здесь собрались, охотно нам подпевали, но стоило мне заговорить о философии, как некоторые собрались уходить. Пение «Харе Кришна» приносит реальные плоды. Вы можете убедиться в этом. *Мантра* Харе Кришна настолько привлекательна, что любой человек в любом состоянии может участвовать в

киртане. И если он продолжает петь, то в его сердце постепенно пробудится его дремлющая любовь к Богу. Это очень просто.

Мы всех просим петь *мантру* Харе Кришна и есть *прасад*. Если вы устали петь, вот *прасад*, можете сразу его отведать. А когда вы танцуете во время *киртана*, все ваше тело «кришнаизируется».

Этот простой метод позволяет достичь всех результатов, которые может принести человеку практика *йоги*.

Итак, пойте, танцуйте, ешьте *прасад*. Даже если вы пока еще не знакомы с нашей философией, этот метод все равно подействует и вы достигнете высочайшего совершенства.

* * *

В самую трудную для лондонских преданных пору, в середине зимы, в их жизни наступил счастливый перелом: они познакомились с одним из «Битлз» — Джорджем Харрисоном. Преданные уже давно думали о том, как привлечь внимание «Битлз» к *мантре* Харе Кришна. Однажды они отправили в студию звукозаписи «Битлз», «Эппл» [«Яблоко»], яблочный пирог, на котором было написано «Харе Кришна», в другой раз послали туда заводное шагающее яблоко с напечатанной на нем *мантрой* Харе Кришна. Они даже послали им магнитофонную запись одного из своих *киртанов* и получили из студии «Эппл» стандартный отказ. Поэтому, когда Шьямасундара неожиданно познакомился с одним из самых популярных рок-музыкантов мира, легендарным Джорджем Харрисоном, преданные решили, что эту встречу устроил для них Сам Кришна.

Шьямасундара, с обритой головой и в вайшнавской одежде, сидел в приемной студии «Эппл», где все время толпился народ. Он надеялся, что ему представится случай переговорить с кем-нибудь, кто был хоть как-то связан с «Битлз». В это время по лестнице спускался Джордж Харрисон, освободившийся после очередного совещания. Войдя в комнату, он увидел Шьямасундара. Подойдя к нему и сев рядом, Джордж спросил:

— Где же вы были раньше? Я уже целых два года пытаюсь встретиться с людьми из «Харе Кришна».

Шьямасундара и Джордж проговорили целый час, а вокруг них все это время сновали люди.

— Я действительно искал встречи с вами, — проговорил Джордж. — Хочешь, приходи завтра ко мне домой?

На следующий день Шьямасундара отправился к Джорджу на обед, где встретился с остальными «Битлз»: Ринго Старром, Джоном Ленноном и Полом Маккартни. У каждого из них были вопросы, но особенный интерес проявлял Джордж.

Джордж: У меня была пластинка «Харе Кришна», на которой Шрила Прабхупада с преданными пел *мантру* Харе Кришна. Пластинка эта была у

меня уже года два. А купил я ее в ту же неделю, когда она вышла. Я был готов к этому. Так всегда бывает: рано или поздно ты натыкаешься на то, что неосознанно ищешь. Я проигрывал ее снова и снова. Мы слушали ее вместе с Джоном. Помню, мы целыми днями пели мантру, Джон и я, под гавайское банджо, когда плавали у греческих островов, — мы пели «Харе Кришна». Так что я начал петь мантру Харе Кришна задолго до того, как встретил Шьямасундара, Гурудаса и Мукунду. Мне просто нравилось слушать мантру Харе Кришна, и я был счастлив от того, что у меня есть эта пластинка.

И про Шрилу Прабхупаду я тоже знал, потому что внимательно прочел все, что было написано на конверте. Я бывал в Индии, и по тому, как преданные были одеты, по их бритым головам мог сказать, откуда они пришли. Я видел их на улицах Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Я прочитал множество книг и все время пытался найти йогов, так что я смотрел на преданных не так, как другие. Нет, я все понимал, я знал, что это очень нелегко, они гораздо аскетичнее, чем другие группы, — они совсем не пьют кофе и чая, не едят шоколада.

Шьямасундара стал регулярно встречаться с Джорджем, и вскоре они подружились. Джордж, который в то время повторял мантру, полученную от Махариши Махеша Йоги, впервые услышал от Шьямасундары о бхакти-йоге и ведической философии. Беседуя со Шьямасундарой, Гурудасом и Мукундой, он откровенно говорил о своих духовных поисках и своем понимании кармы.

Джордж: Один йог, с которым я познакомился в Индии, сказал мне: «Тебе и в самом деле повезло, у тебя есть все — молодость, слава, богатство, здоровье, и тем не менее тебе этого мало. Ты хочешь знать о чем-то еще». Большинство людей даже не достигают того уровня развития, на котором человек начинает понимать, что за этой стеной есть что-то еще. Они лишь стараются взобраться на эту стену, чтобы вкусно есть, иметь уютный дом, все удобства и так далее. Но мне повезло больше, я уже обрел все это и осознал: жизнь не сводится только к этому, — тогда как большинство людей всю свою жизнь проводят в погоне за материальными благами.

После посещения Хайт-Эшбери в 1967 году Джордж почувствовал на себе вину за ту роль, которую сыграл в распространении культуры ЛСД. До этого ему казалось, что хиппи в Хайт-Эшбери — творческие, ищущие люди, но когда он увидел их, одурманенных наркотиками, грязных и отчаявшихся — «филиал Бауэри на Западном побережье», — он почувствовал, что во всем этом есть доля его вины. Он решил, что использует свое влияние на молодежь и будет писать и исполнять песни о чем-то более высоком, нежели наркотики и секс. В нем также проснулся интерес к индийской духовности, который, как он чувствовал, был результатом кармы, накопленной за предыдущие жизни.

Джордж: С Кришной я чувствую себя как дома. Думаю, это идет из какой-то предыдущей жизни. Когда я впервые услышал об этом, у меня было такое ощущение, словно передо мной открывается дверь, но все это было похоже на головоломку, и мне надо было сложить разрезанные кусочки вместе, чтобы получить законченную картину. Именно это и происходило, когда я

встречался с преданными и со Шрилой Прабхупадой, когда кто-то из преданных давал мне книгу и когда я слушал этот альбом. Так понемногу все начало складываться воедино.

Вот почему я сразу тепло отнесся к Шьямасундаре и Гурудасу, когда они впервые приехали в Лондон. Скажем прямо: если мне когда-нибудь придется выбирать, с кем быть, то я уж лучше буду с этими ребятами, чем с кем-то другим. Вот так. Я буду скорее с преданными, чем с так называемыми добропорядочными людьми, которые так гордятся своей «правильностью».

Джордж вызвался помочь преданным приобрести в Лондоне собственное здание. Он и Шьямасундара говорили о том, что неплохо было бы записать пластинку с мантрой Харе Кришна. Но Шьямасундара старался не давить на него.

Джордж был обаятельным человеком и суперзвездой. Его называли «тихим битлом». Он был потрясающим гитаристом и певцом, перед которым открывались двери всех сильных мира сего, президентов и королей. Но и в Шьямасундаре было свое обаяние. Высокий, под метр девяносто, он был поразительно красив, несмотря на бритую голову. И кроме того, он был вайшнавом, полностью посвятившим себя индийской духовности, которую Джордж так любил.

Когда Прабхупада услышал о Джордже, он очень серьезно отнесся к возможности его полного обращения в сознание Кришны. Доводя это до логического конца, Прабхупада уже видел мировую революцию в сознании людей — во главе с сознающими Кришну «Битлз».

Из твоего письма я понял, что мистер Джордж Харрисон сочувствует нашему Движению, поэтому, если Кришна и в самом деле доволен им, он сможет присоединиться к нам и распространять движение *санкиртаны* по всему миру. Волею судьбы «Битлз» оказались в центре внимания всех людей соседних европейских стран и Америки. Его привлекает наше движение *санкиртаны*, и, если мистер Джордж Харрисон возьмется организовать большую группу *санкиртаны*, в которую войдут «Битлз» и преданные из ИСККОН, мы, несомненно, сможем изменить лицо мира, измученного махинациями политиканов.

Подружившись с Джорджем, лондонские преданные стали с еще большим волнением ждать приезда в Лондон своего духовного учителя. Теперь, когда с ним хотел встретиться человек, знаменитый во всем мире, они чувствовали, что у них есть еще одна возможность угодить Прабхупаде и что их проповедь в Лондоне увенчается успехом.

Благодаря своему знакомству с сознанием Кришны, а также собственному духовному развитию, Джордж стал выражать преданность Господу Кришне в своих песнях. Читая «Бхагавад-гиту как она есть» с комментариями Шрилы Прабхупады, он осознал превосходство личностной концепции Бога над безличной. Гурудас показал Джорджу стих в «Гите», где Кришна говорит о том,

что Он является источником безличного Брахмана. Джорджу нравилась философия сознания Кришны, но из осторожности он не спешил выказывать безраздельную преданность Прабхупаде и Кришне. Преданные вели себя с ним соответственно, стараясь не докучать ему.

11 января Шрила Прабхупада написал преданным в Лондон еще одно письмо, в котором поделился новыми мыслями о том, как Джорджу лучше всего служить Кришне.

Я очень рад, что мистер Харрисон сочиняет такие песни, как «Господь, которым мы так долго пренебрегали». Он человек вдумчивый. Когда мы встретимся, я объясню ему, что означает разлука с Кришной, и они смогут сочинять песни, которые наверняка понравятся людям. Эти песни нужны всем, и, если они будут написаны и исполнены такими кумирами публики, как «Битлз», их ожидает огромный успех.

Позднее Джордж запишет несколько таких песен. Его песня «Мой нежный Господь» целых два месяца лидировала в Америке среди сорокапятки, а альбом «Жизнь в материальном мире», который разошелся миллионным тиражом, в течение пяти недель удерживал первое место в хит-параде, проводимом английским журналом «Билборд».

Шрила Прабхупада предостерегал преданных, советуя им не полагаться только на помощь Джорджа, а попробовать самим найти и снять дом. Однако Джордж искренне хотел помочь преданным и снова предложил им записать пластинку на студии «Эппл». Лондонские преданные давно уже мечтали о том, чтобы «Битлз» записали пластинку с пением *мантры* Харе Кришна. Если бы «Битлз» сделали это, *мантра*, несомненно, стала бы известна во всем мире. Идея Джорджу понравилась, но он предпочитал, чтобы *мантру* пели преданные, а он выпустит пластинку под маркой «Эппл».

— Пусть лучше деньги достанутся вам, ребята, а не нам, — сказал он. — Давайте делать пластинку.

И вот преданные отправились к Джорджу домой, чтобы сделать пробу. Джордж записал наложением гитару. Через несколько недель преданные пришли снова и прослушали запись. Джордж был готов сделать пробу в студии, и преданные договорились встретиться с ним и с его другом, музыкантом Билли Престоном, в студии «Трайидент» на Сент-Эннз-Элли. Проба продолжалась несколько часов и прошла успешно. Джордж и Шьямасундара назначили день настоящей записи.

В день записи около десятка преданных, в том числе несколько новичков-англичан, собрались в студии звукозаписи фирмы «ЭМИ» на Эбби-Роуд. Когда первая группа преданных подъехала к студии на «мерседесе» Джорджа, толпа подростков запела *мантру* Харе Кришна на мотив, ставший популярным благодаря рок-мюзиклу «Волосы». Пока Ямуна рисовала на лбах у инженеров звукозаписи вайшнавские *тилаки*, Малати принялась распаковывать корзины с *прасадом*, которые привезла с собой, а другие преданные развесили на

стенах изображения Кришны и зажгли благовония. Студия «кришнаизировалась».

Пол Маккартни и его жена Линда сели за пульт, и запись началась. Работа спорилась, и первая сторона сорокапятки была готова меньше чем за час. Джордж играл на органе, а Мукунда на *мриданге*. Ямуна солировала, Шьямасундара подпевал, а голоса остальных сливались в стройном хоре. Чтобы не сбиться, преданные медитировали на Прабхупаду и просили его послать им духовную силу.

На четвертой пробе все прошло гладко. В самом конце Малати неожиданно для самой себя ударила в медный гонг. Затем они записали обратную сторону пластинки — молитвы Шриле Прабхупаде, Господу Чайтанье и Его спутникам, а также молитвы, обращенные к шести Госвами. Позже Джордж наложением записал бас-гитару и другие голоса. Все — и преданные, и техники — остались очень довольны.

— Успех обеспечен, — пообещал Джордж.

Пластинку запустили в производство, а преданные вернулись к своим обычным занятиям. Жили они по-прежнему в разных районах города. Шрила Прабхупада собирался приехать в начале сентября. Он сказал, что сначала поедет в Гамбург, а оттуда в Лондон, и обещал приехать, даже если у преданных к тому времени еще не будет храма. Однако всего за два месяца до его приезда дело чудесным образом сдвинулось с мертвой точки.

Гурудас повстречал агента по продаже недвижимости, который предложил им здание на Бери-Плейс, недалеко от Британского музея. Преданные могли переехать немедленно. Идеальное расположение, сорок один фунт в неделю и возможность немедленного переезда — словом, лучше не придумаешь. Мукунда послал Шриле Прабхупаде письмо с просьбой дать денег на первоначальный взнос. Тот согласился. Шьямасундара получил письмо от Джорджа на бланке корпорации «Эппл» с заверением в том, что фирма «Эппл» гарантирует платежи в том случае, если преданные не смогут выполнить свои финансовые обязательства. Через неделю у преданных уже было пятиэтажное здание в самом центре Лондона.

Однако, когда преданные переехали в свой новый центр на Бери-Плейс, городские власти заявили, что у них неправильно оформлены документы на вселение. Бюрократическая волокита грозила затянуться на недели, а то и на месяцы. У преданных снова не было места, где они могли бы жить и вместе поклоняться Кришне. Но Шьямасундара, уверенный в том, что все будет в порядке, начал ремонтировать в их будущем доме храмовую комнату, обшивая ее калифорнийской секвойей.

Узнав о положении преданных, Джон Леннон сказал Шьямасундаре, что преданные могут расположиться у него в Титтенхерсте, большом поместье под Аскотом, которое он не так давно приобрел. Он собирался там кое-что перестроить, и если преданные помогут ему сделать ремонт, он позволит им жить в своем поместье.

— Наш гуру тоже сможет остановиться там? — спросил Шьямасундара.

Джон согласился, и преданные въехали в бывший флигель для прислуги в усадьбе Джона.

Всего за несколько недель до приезда Шрилы Прабхупады вышла пластинка «Мантра Харе Кришна». Фирма «Эппл» сама позаботилась о рекламе, привезла журналистов и фотографов. В ярко раскрашенном автобусе они подкатили к бело-голубому павильону, где собрались преданные вместе с Джорджем.

В первый же день было продано семьдесят тысяч экземпляров. Через несколько недель преданные появились в популярном телевизионном шоу «Топ оф зэ попс» и исполнили «свою песню».

Поместье Джона Леннона, ранее принадлежавшее семейству Кэдбери, занимало тридцать гектаров лугов и леса и состояло из большого особняка и многочисленных служебных построек. Джон со своей женой Йоко жил в большом доме, а Прабхупаде и преданным они отвели узкое здание, в котором раньше жила прислуга.

В здании было четыре квартиры, и в нем поселилось около пятнадцати преданных; одну квартиру они оставили для Прабхупады и его слуги.

Джон хотел, чтобы преданные ободрали дубовые панели со стен в большом доме и заменили их на новые, а полы выложили черно-белой мраморной плиткой. Когда преданные начали ремонт, Ишана, который только что приехал из Канады, вместе с несколькими помощниками принялся переделывать старый концертный зал в храм, где должна была стоять *вьяса-асана* Шрилы Прабхупады. Над квартирой Прабхупады, храмовой комнатой и *вьяса-асаной* преданные трудились днем и ночью. Они работали с таким рвением, что Джон и Йоко не могли не заметить, как сильно они любят своего духовного учителя. Когда преданные отправляли Прабхупаде в Германию магнитофонную запись, Ишана спросил Джона, не хочет ли он что-нибудь сказать их гуру. Улыбнувшись, Джон ответил, что хотел бы узнать секрет Прабхупады — как ему удалось завоевать такую любовь своих учеников.

Итак, сцена была готова. Настало время выхода главного героя. Чистый преданный Господа Кришны наконец прибывал в Англию. Шесть преданных, пионеров сознания Кришны в Лондоне, приложили к этому немало усилий. Зато теперь казавшаяся когда-то несбыточной мечта становилась реальностью. Они нашли для своего духовного учителя жилье и приобрели храм в центре Лондона. Это было благословением Господа Кришны.

30 Лондон: мечта сбылась

Лондон

11 сентября 1969 года

СОВМЕСТНО с фирмой звукозаписи «Эппл» и немецкой авиакомпанией «Люфтганза» преданные организовали встречу Прабхупады в лондонском аэропорту Хитроу. Когда он спустился по трапу самолета, его посадили в автомобиль и доставили в помещение для почетных гостей, минуя пограничные и таможенные формальности. Когда Прабхупада вышел из автомобиля, преданные выбежали из здания аэровокзала и пали ниц прямо на мокрый тротуар, а он с улыбкой глядел на них. Преданные поднялись, отряхивая мокрые камешки со своих *дхоти* и сари, и радостной толпой окружили Шрилу Прабхупаду, который вошел в помещение для гостей.

В здании аэропорта его встретила толпа репортеров и фотографов, а также несколько десятков друзей преданных. Один из диванов в зале для гостей был накрыт чистой тканью, а по обе его стороны стояли букеты желтых гладиолусов. Прабхупада прошел к дивану и сел, а Шьямасундара надел на него гирлянду из белых и красных гвоздик. Прабхупада начал *киртан*.

Преданные не замечали ничего, что творилось вокруг; их взоры были устремлены на Шрилу Прабхупаду, и репортерам только и оставалось, что стоять в сторонке и наблюдать, как они в экстазе поют и танцуют. Не сдерживая эмоций, молодые люди самозабвенно пели *киртан*, перемежая *мантру* Харе Кришна криками «Харибол!» и гулом раковин.

После *киртана* журналистам пришлось еще какое-то время постоять поодаль, пока Шрила Прабхупада ласково беседовал с сидящими перед ним преданными.

— А где Джанаки? — спросил он. — А, вот и ты. Как у тебя дела? Вибхавати, как твоя дочь? На самом деле все вы — мои отцы и матери. Вы так обо мне заботитесь...

Преданным казалось, что в зале для гостей есть только они и Прабхупада. Они старались не пропустить ни одного его слова, ни одного движения. Их нисколько не заботило, что подумают посторонние. Наконец Мукунда пригласил репортеров подойти:

— Джентльмены, если у вас есть вопросы, вы можете задать их Прабхупаде.

Журналисты приблизились к нему:

— Что вы думаете об этом приеме?

Шрила Прабхупада: «Мне все равно, как люди принимают меня. Меня больше интересует, как они принимают наше Движение. Это волнует меня больше всего».

Преданные, хором: «Харибол!»

Репортер: «Это какой-то особый прием или же вам оказывают такие почести каждый день?»

Шрила Прабхупада: «Нет, куда бы я ни приехал, меня везде встречают мои ученики. В странах Запада у меня около двадцати центров, главным образом в Америке. Вот почему американские юноши и девушки так рады мне. В Лос-Анджелесе и Сан-Франциско они устроили мне великолепный прием. На празднике Ратха-ятра около десяти тысяч юношей и девушек шли за мной целых одиннадцать километров.

Преданные: «Харибол!»

Корреспондент газеты «Сан»: «Чему вы пытаетесь учить, сэр?»

Шрила Прабхупада: «Я пытаюсь учить тому, о чем вы забыли».

Преданные (со смехом): «Харибол! Харе Кришна!»

Корреспондент «Сан»: «Чему же именно?»

Шрила Прабхупада: «Тому, что Бог существует. Одни из вас говорят, что Бога нет. Другие утверждают, будто Он умер. А третьи заявляют, что Бог является чем-то безличным или представляет Собой пустоту. Все это чушь. Я хочу убедить всех неразумных людей в том, что Бог существует. В этом заключается моя миссия. Вы можете прийти ко мне с любой чепухой, и я докажу вам, что Бог есть. В этом смысл деятельности нашего Движения сознания Кришны. Мы бросаем вызов атеистам: Бог существует. Как мы с вами видим друг друга и общаемся друг с другом, так и с Богом можно встретиться лицом к лицу, если вы достаточно искренни и серьезны. Это вполне возможно. Но вы, к сожалению, стараетесь забыть о Боге. Поэтому в вашей жизни так много страданий. Вот я и проповедую: обретите сознание Кришны и будьте счастливы. Не позволяйте безумным волнам *майи*, иллюзии, увлечь вас в бездну».

Один репортер поинтересовался, правда ли, что пение *мантры* является для них «важнейшим условием сохранения веры». Шрила Прабхупада дал ему развернутый ответ, объяснив, каким очищающим воздействием обладает пение «Харе Кришна». Он процитировал стих из «Шримад-Бхагаватам», где говорится, что у человека, не обладающего сознанием Кришны, нет никаких хороших качеств.

— Испытайте любого из наших учеников, — предложил Прабхупада, — и убедитесь, какие замечательные качества они обрели и каких успехов достигли. Проверьте. Возьмите кого угодно и сравните с любым из этих юношей. Вы увидите, насколько будут различаться их характер, чувства, сознание. Если вы хотите, чтобы в обществе воцарился мир, дайте людям сознание Кришны, сознание Бога. Тогда все разрешится само собой. Без этого от вашей так называемой Организации Объединенных Наций нет никакой пользы.

Журналисты спрашивали о Билли Грэхеме, о высадке на Луну, о войне в Ирландии и о том, где сейчас его жена и дети. Они попросили Прабхупаду

повернуться к ним лицом и защелкали фотоаппаратами. Поблагодарив его, они разошлись.

Шрила Прабхупада вышел из здания аэропорта и направился к сверкающему белому «роллс-ройсу», который любезно предоставил ему Джон Леннон. Прабхупада сел, скрестив ноги, на заднем сиденье. Лимузин был с затемненными стеклами и телевизором в салоне. Преданные были так возбуждены, что никто из них даже не догадался сесть в машину вместе с духовным учителем, и шофер повез его в Титтенхерст одного. Всю дорогу Шрила Прабхупада сидел молча, лишь временами было слышно, как он читает *мантру*, а шофер так же молча вел машину по извилистой дороге, увозя его из аэропорта.

Вот он и в Англии. Его отец, Гоур Мохан, всегда противился тому, чтобы он ехал в Англию. Как-то один из дядьев Прабхупады сказал Гоуру Мохану, что его сын должен поехать в Англию, чтобы выучиться на адвоката. Но Гоур Мохан не согласился с ним. Если его сын поедет туда, эти люди, которые едят мясо, пьют вино и помешаны на сексе, могут оказать на него дурное влияние. Однако теперь, семьдесят лет спустя, Шрила Прабхупада все же приехал в Лондон — но не для того, чтобы на него повлияли англичане, а чтобы самому повлиять на них. Он приехал научить их тому, о чем они забыли.

Начало было благоприятным, Кришна проявил к нему особую благосклонность. Когда он жил в Нью-Йорке, один, без гроша в кармане, он считал это милостью Кришны. А теперь он ехал по Англии в роскошном лимузине с личным шофером, и это тоже было милостью Кришны. Видя в этой поездке часть плана Кришны, Шрила Прабхупада сосредоточил все свои мысли на исполнении воли своего духовного учителя, независимо от того, как сложатся обстоятельства.

Когда они свернули на трассу номер 4, ведущую в Слау, Шрила Прабхупада увидел вокруг заводы и склады, которые вскоре сменила равнина с фруктовыми садами, полями и пасущимися лошадьми. Пасмурная, прохладная погода напоминала о том, что скоро зима. Минут через двадцать они достигли богатых предместий Аскота, и вскоре слева показался высокий забор из красного дерева, окружающий поместье Леннона.

Прабхупада приехал в поместье раньше своих учеников. Но те, кто остался в усадьбе, радостно встретили его и провели в комнату, приготовленную для него на втором этаже флигеля для слуг. В небольшой комнате было прохладно и сыро, там стоял низкий рабочий стол, и весь пол был застлан коврами, принесенными из других комнат. Смежная комната, еще меньше этой, была совсем пуста. Прабхупада присел к столу.

— А где же все? — спросил он. Откинувшись к стене и взглянув в окно, он увидел, что идет дождь.

После полудня Джордж, Джон и Йоко заглянули к преданным. К тому времени Прабхупада уже пообедал, и Шьямасундара пригласил их навестить его. Джордж обернулся к Джону и спросил:

— Хочешь пойти к нему?

Бородатый, в очках, с волосами до плеч, хозяин Титтенхерста согласился. Проявила любопытство и Иоко. Все трое прошли в комнату Прабхупады.

Встретив гостей благосклонной улыбкой, Шрила Прабхупада, сидящий за столом, пригласил их войти и сесть. К нему пришли двое из самых знаменитых людей мира, и Кришна хотел, чтобы он поговорил с ними. Он снял с себя гирлянду и передал Шьямасундаре, указав, чтобы тот повесил ее на шею Джорджу.

— Спасибо, — сказал Джордж. — Харе Кришна.

Шрила Прабхупада улыбнулся:

— Это благословение Кришны.

— Харе Кришна, — повторил Джордж.

— Да, — сказал Прабхупада, — В «Бхагавад-гите» есть стих: *йад йад ачарати шрештхас тат тад эвтаро джанах / са йат пранамам куруте локас тад анувартате*. Смысл этого стиха в том, что обыкновенные люди всегда следуют примеру великих личностей. *Йад йад ачарати шрештхах*. *Шрештхах* значит «великие люди». *Ачарати* — «делают». Что бы ни делали великие люди, остальные всегда подражают им. Если великий человек говорит: «Это хорошо», то все остальные соглашаются с ним и тоже начинают считать, что это хорошо. По милости Господа вы стали лидерами, кумирами тысяч молодых людей. Они любят вас. Так что, если вы дадите им что-нибудь по-настоящему хорошее, мир изменится к лучшему.

Хотя Джордж и Джон были приблизительно того же возраста, что и большинство учеников Шрилы Прабхупады, он считал их *шрештхами*, лидерами, которых уважают и с которыми считаются в обществе.

— Вы тоже стремитесь дать миру мир, — продолжал Прабхупада. — Время от времени я читаю ваши высказывания. Вы так же обеспокоены, как и все. Каждый добродетельный человек должен стремиться к тому, чтобы дать миру мир. Нужно только знать, как это сделать.

Он объяснил им «формулу мира», изложенную в «Бхагавад-гите»: обрести подлинный мир может только тот, кто признаёт Верховную Личность Бога владельцем всего, целью всех жертвоприношений и другом каждого живого существа.

Затем со всей прямоотой Шрила Прабхупада сказал двум «битлз» то, на что раньше только намекал: им следует изучить философию сознания Кришны и помочь распространить ее во всем мире.

— Я прошу вас: по крайней мере, постарайтесь как можно глубже вникнуть в эту философию, — сказал он. — Если она вам понравится, примите ее. Вы ведь тоже хотите что-то дать миру. Попробуйте дать миру это знание. Вы читали наши книги, «Бхагавад-гиту как она есть»?

Джон: «Я читал отрывки из „Бхагавад-гиты“, но не знаю, чей это был перевод. Переводов так много».

Шрила Прабхупада: «Да, все переводы разные, поэтому мы и подготовили это издание — „Бхагавад-гита как она есть“».

Прабхупада сказал, что материальный мир — это юдоль страданий. Природа жестока. В Америке президента Кеннеди считали самым удачливым и счастливым человеком, его уважали и почитали во всем мире.

— Но в какую-то долю секунды, — Прабхупада громко щелкнул пальцами, — его не стало. Все здесь бrenно. Где он теперь? Если жизнь вечна, если живое существо вечно, то куда он отправился? Что он делает? Счастлив он или страдает? Где он родился, в Америке или в Китае? Этого не знает никто. Несомненно только одно: он — вечная душа и потому продолжает существовать.

Прабхупада рассказал им о переселении душ. И снова обратился к ним с просьбой:

— Постарайтесь понять эту философию и, если она вам понравится, примите ее. Вы ведь стремитесь к чему-то прекрасному? Как вы находите мое предложение?

Оба «битлз» переглянулись, но ничего не ответили. Шрила Прабхупада, довольный, тихо рассмеялся:

— Вы умные ребята. Попробуйте разобраться сами.

Он рассказал, насколько важное место в Ведах занимает музыка.

— «Сама-веда», — сказал он, — *полна* музыки. Ее последователи всегда погружены в музыку. Через ее звуки они обращаются ко Всевышнему.

Он медленно пропел три стиха из «Шримад-Бхагаватам»:

*матир на кршне паратах свато ва
митхо 'бхипадйета грха-вратанам
аданта-гобхир вишатам тамисрам
пунах пунаш чарвита-чарвананам*

*на те видух свартха-гатим хи вишнум
дурашайа йе бахир-артха-манинах
андха йатхандхаир упанийаманас
те 'пиша-тантрйам уру-дамни баддхах*

*наишам матис тавад урукрамангхрим
спршатй анартхапагамо йад-артхах
махийасам пада-раджо-'бхишекам
нишкинчананам на врнита йават*^[1].

Шрила Прабхупада спросил гостей, какой философии они следуют.

— Следуем? — переспросил Джон.

— Мы ничему не следуем, — сказала Йоко. — Мы просто живем.

— Мы занимались медитацией, — сказал Джордж. — Точнее, я занимаюсь медитацией, мантра-медитацией.

Они стали задавать вопросы — такие вопросы Шрила Прабхупада слышал уже много раз. После того как он рассказал им о природе Брахмана,

вездесущей духовной энергии Верховной Личности Бога, Йоко выразила сомнение в том, что Брахман может сохранять чистоту и не деградировать со временем. Прабхупада посоветовал ей серьезно изучать ведическую философию, чтобы глубже понять ее смысл.

Джону и Йоко, убежденным эклектикам, трудно было согласиться с тем, что говорил Шрила Прабхупада об авторитете Вед.

Джон: «Нам нужно еще все просеять, как песок, чтобы увидеть, кто же в конце концов прав».

Шрила Прабхупада: «Нет. Постарайтесь понять одно. Почему эти люди — если Кришна не является высшим авторитетом, — почему они берут книгу Кришны и переводят ее? Подумайте сами».

Джордж: «Я не говорил, что Кришна не является Всевышним. Я верю в это. Здесь какое-то недоразумение, связанное с переводом „Гиты“ с санскрита на английский. Я уже говорил, что есть много переводов, и я думаю, мы поняли так, будто вы хотите сказать, что только ваша версия, ваш перевод является авторитетным, а другие — нет. Но у нас не было расхождений по поводу того, кем является Кришна».

Шрила Прабхупада: «Хорошо. Если вы верите, что Кришна — Верховный Господь, если вы придерживаетесь этого мнения, значит, вам надо посмотреть, кто сильнее всех привязан к Кришне. Один человек круглые сутки прославляет Кришну, а другой не говорит о Нем ни слова. Разве такой человек может считаться преданным Кришны? Разве тот, кто не хочет даже произнести имя Кришны, может называть себя Его представителем? Если Кришна — истинный авторитет (с чем вы согласны), то те, кто непосредственно связан с Кришной, также являются авторитетами».

Беседа длилась более часа, после чего Шрила Прабхупада раздал Джону, Джорджу, Йоко и преданным, которые находились в комнате, *прасад*. Если эти *шрешты* примут сознание Кришны, это принесет благо им и многим другим людям. Он исполнил свой долг, дал им такую возможность. Он рассказал им об учении Кришны, а принять его или отвергнуть — решать им самим.

Джон сказал, что его ждут дела, извинился и направился к выходу. Когда все вышли, Йоко, спускаясь по лестнице, повернулась к Джону и сказала с восхищением в голосе:

— Посмотри, как просто он живет. А ты бы так смог?

Вечером Прабхупада общался со Шьямасундарой и Малати, Гурудасом и Ямуной, Мукундой и Джанаки — тремя семейными парами. После года разлуки они были счастливы вновь находиться рядом с духовным учителем, а он был счастлив быть с ними. В основе той любви, которой они делились друг с другом, и того обоюдного удовлетворения, которое им приносило общение, лежало одно на всех желание — принести в этот огромный город движение *санкиртаны* Господа Чайтаньи. Теперь, когда Прабхупада в Лондоне, темп их работы под его умелым руководством должен только увеличиться. Отныне Прабхупада каждый день может учить преданных, как лучше организовать

проповедь в Лондоне, а они по мере необходимости могут перед ним отчитываться.

Женщины также получили возможность непосредственно служить своему духовному учителю: убирать квартиру, стирать и гладить одежду, готовить для него.

— Теперь в Англии никто не может позволить себе иметь такой дом, — сказал Прабхупада. — Англия уже не та. Теперь подобными поместьями владеют эти молодые люди. И мы тоже здесь.

— Прабхупада, — подал голос Шьямасундара, — вчера было продано пятьдесят тысяч экземпляров нашей пластинки.

— О! — глаза Прабхупады округлились. — Очень успешный бизнес!

Он сказал, что теперь все деньги и силы нужно направить на то, чтобы открыть в городе храм. Сейчас они расположились со всеми удобствами в богатом поместье в пригороде и, естественно, должны попытаться по мере возможности вовлечь этих знаменитостей в служение Кришне. Но все-таки главная задача — открыть в Лондоне храм. Бхактисиддханта Сарасвати предпочитал строить храмы в городах с большим числом жителей. Конечно, если Джон подарит этот участок Кришне и преданные, как и в Новом Вриндаване, смогут держать здесь коров и возделывать землю, то это другое дело. Нужно просто посмотреть, чего хочет Кришна.

Шрилу Прабхупаду огорчало, что некоторые его ученики вынуждены целыми днями работать над восстановлением поместья, чтобы иметь возможность здесь оставаться. *Брахманы* и вайшнав, сказал он, заняты очень важным и серьезным делом — они постигают духовное знание и учат этому других — и поэтому заслуживают уважения и поддержки со стороны общества. Условия их проживания в Титтенхерсте больше напоминали сделку, чем благодеяние. Но это была временная ситуация, и ее надо было просто перетерпеть.

Шрила Прабхупада обсудил со Шьямасундарой, Мукундой и Гурудасом трудности, возникшие у них в связи с получением разрешения на заселение и с ремонтом храма в центре города. Он сказал, что Шьямасундара прав, начав реставрацию храма; Кришна защитит вложенные в это дело средства. Узнав, что ученики договорились о серии публичных лекций, которые задержат его в Лондоне на три месяца, Прабхупада улыбнулся. Он ответил, что счастлив будет остаться в Англии на любой срок и проповедовать, пока в Лондоне не откроется центр ИСККОН.

Шрила Прабхупада похвалил своих шестерых лондонских первопроходцев за успехи там, где его духовные братья — *санньяси* потерпели фиаско. Как он объяснил, причина этого успеха была в том, что они с верой повторяют «Харе Кришна». Они не были великими учеными или *санньяси*, но имели твердую веру в святое имя и в приказ духовного учителя. Прабхупада сказал, что и сам он не такой уж великий ученый, но у него есть непоколебимая вера, без которой не достичь успеха на духовном пути.

Преданный может отправиться куда угодно и добиться очень многого, объяснял Прабхупада, но, пока его сердце не свободно от корыстных мотивов, ему не удастся посеять семя *бхакти* в сердцах других. Шрила Прабхупада вспомнил Шивананду, который в одиночку поехал в Гамбург и сейчас изо всех сил старался проповедовать, имея веру в духовного учителя. Кришна благословил Шивананду, немного вознаградив его усилия: в помещении бывшего магазина Шивананде удалось открыть храм, в который приходят гости и поют «Харе Кришна». В итоге в Германии появилось несколько новых преданных. Кроме них, сознанием Кришны заинтересовался один ученый, профессор. Даже в одиночку проповедник может достичь многого ради Кришны, если в нем нет стремления к удовлетворению чувств и желания получить выгоду, снискать почет или прославиться.

Шрила Прабхупада поднялся очень рано, около часу ночи, и принялся надиктовывать свою новую книгу, «Кришна, Верховная Личность Бога». Эта книга, начатая им восемь месяцев назад в Лос-Анджелесе, представляла собой изложение Десятой песни «Шримад-Бхагаватам». К работе над «Шримад-Бхагаватам» Шрила Прабхупада приступил в 1959 году, начав свой труд с Первой песни. Он переводил стихи «Бхагаватам» последовательно, один за другим: делал их латинскую транслитерацию, потом давал пословный перевод, литературный перевод на английский, а в конце добавлял свой комментарий. Но эта новая книга, полная трансцендентных историй, была вся на английском: переводы и комментарии в ней сплетались воедино.

Прабхупада по-прежнему работал над своим основным переводом «Бхагаватам» — над третьей его песнью, методично переходя от одного стиха к другому. Чтобы такими темпами дойти до Десятой песни, понадобилось бы много лет. Но он не знал, сколько лет жизни ему отпущено, и сама мысль о том, чтобы уйти, не оставив в этом мире авторитетного и доступного изложения Десятой песни, была для него нестерпимой. Десятая песнь, в которой описываются игры Господа Кришны на Земле, является кульминацией «Шримад-Бхагаватам» и сладчайшим из всех священных писаний. У Шрилы Прабхупады набралось уже достаточно рукописных страниц, чтобы издать первый том, с множеством цветных иллюстраций, которые он поручил нарисовать своим ученикам. Однако печать такой книги стоила немалых денег, а их у Шрилы Прабхупады не было. И тем не менее, полностью положившись на Кришну, он продолжал быстро переводить в тиши раннего утра.

В половине пятого пришел Пурушоттама, секретарь Прабхупады, в сопровождении Ямуны даси. Пурушоттама провел *арати* маленьким Божествам Радхи-Кришны, которые Прабхупада возил с собой, а Ямуна, желая научиться этому искусству, наблюдала за ним. Прабхупада пропел молитвы, подыгрывая себе на фисгармонии.

Пока Прабхупада проводил свое *мангала-арати*, в храме на общую церемонию собралось около десятка преданных. Идя по влажной дорожке к

храму, они слышали в холодном утреннем воздухе звон колокольчика и пение Прабхупады. Сквозь предрассветный туман можно было разглядеть свет в его окне на втором этаже, а само здание в темноте напоминало фонарь. Мистические звуки фисгармонии струились сквозь кроны деревьев.

Позже тем же утром преданные принесли своему духовному учителю несколько статей из свежих газет, освещавших его прибытие в Лондон. «Дейли скетч» под заголовком «Приезд Его Божественной Милости Абхая Чарана Бхактиведанты Свами» поместила тридцатисантиметровое фото Прабхупады, играющего на *караталах*. В газете «Сан» вместе с фотографией Шрилы Прабхупады и преданных появилась статья «Счастье — это „Харе Кришна“». А «Дейли миррор» опубликовала фотографию малышки Сарасвати и одного из взрослых преданных.

Однако статья в «Дейли телеграф» была совсем иного характера. Она называлась «Протесты против индуистского храма». «Министерство общественного строительства и работ расследует случай с перестройкой здания в Блумсбери для использования его под индуистский храм» — так начиналась статья. По всей видимости, соседи преданных на Бери-Плейс были недовольны ремонтными работами, которые шли там последние две недели. В статье приводились слова члена Камденского совета: «Если им откажут в разрешении на перепланировку, они потеряют большие деньги».

Прабхупада сказал, что преданные должны сделать все от них зависящее, чтобы избежать проволочек и препятствий, которые могли бы помешать открытию храма и установлению Божеств Радхи и Кришны. Он посоветовал им каждый день ездить в Лондон и вести планомерную работу с чиновниками, чтобы добиться от них разрешения, а Шьямасундара тем временем пусть продолжает реконструкцию на Бери-Плейс.

Искусство дипломатии было для Шрилы Прабхупады делом не менее духовным, чем перевод книги «Кришна» или пение перед Божествами. Он был серьезен и строг; и ученики чувствовали это, когда он внимательно, как будто видя их насквозь, смотрел на них своим пронизательным взором, желая понять, усвоили ли они его наставления. Суровость духовного учителя была важной составляющей их отношений с ним. Они были молоды и неискушенны, а он ставил перед ними задачу, для выполнения которой требовался немалый опыт — как духовный, так и житейский.

Будучи скромными посланниками и слугами Шрилы Прабхупады, его ученики впитывали в себя эту его серьезность и сами становились строже. Они тоже превращались в верных слуг своего гуру. Невыполнение, по наивности или небрежности, важного указания было чревато духовной дисквалификацией. Прабхупада часто говорил им, что вайшнав — это не тот, кто удалился от жизни, чтобы просто спать, есть и повторять «Харе Кришна». Нет, вайшнав сражается за Кришну, как Арджуна или Хануман. И если преданный делает все, что в его силах, полностью вручив себя Кришне, Господь поддержит и защитит его.

Когда поднималось солнце, для Прабхупады наступало время утренней прогулки. Холодная сентябрьская ночь укрыла рассвет пеленой густого тумана. Некоторые низины в это время года были затоплены, и даже на возвышенностях густая трава до середины утра оставалась мокрой.

— Этот климат мне совсем не подходит, — признался Прабхупада.

Но будучи наслышан о красоте здешних мест, он настоял на том, чтобы утром, как обычно, выйти на прогулку.

Историю Титтенхерста можно проследить до семидесятих годов восемнадцатого столетия. Тогда поместье славилось разнообразием своих деревьев и кустарников — здесь была одна из самых необычных ботанических коллекций Англии. И по сей день эти места украшали кипарисы, плакучие буки, тополя, королевские пальмы, красные деревья, разнообразные сосны, араукарии, а также вишневые и яблоневые сады. Один кипарис в высоту достигал почти сорока метров, а Мамонтовы деревья — и того больше. Кусты и лианы образовывали густые заросли. Рядом с главным зданием росли сотни рододендронов, там же раскинулся аккуратный розовый сад с несколькими фонтанами. Еще в поместье был пруд, в котором водились золотые рыбки и окуни, а в дальнем углу — несколько теплиц для выращивания винограда и персиков. Хозяева сада, цветущего круглый год, из поколения в поколение заботливо ухаживали за ним: прошлый владелец держал для этой цели два десятка садовников. Джон, однако, сознательно ничего не обрезал и не подстригал, позволяя растениям естественно разрастаться.

Прабхупада вышел в утреннюю дымку, ступив на высокую, мокрую траву. Одет он был почти во все черное. На нем была русская шапка-ушанка и высокие резиновые сапоги. Черное, до пят, пальто, подаренное ему преданными в Германии, полностью покрывало его *дхоти* и свитер, лишь иногда приоткрывая краешек шафрановой ткани.

Шрила Прабхупада в сопровождении нескольких учеников обогнул фонтан, расположенный у главного здания, и вошел в рощу. Тропинка сузилась, лозы и кусты подступили ближе. В конце концов тропинка вывела их на просторный луг, который когда-то был ухоженным газоном, а теперь превратился в поле, покрытое зарослями высокой травы. Часть земли была перекопана экскаваторами — ходили слухи, что скоро здесь построят вертолетную площадку.

Пологий луг спускался к фруктовому саду. Деревья уже почти облетели, и первые лучи восходящего солнца играли на золотом осеннем ковре у ног Прабхупады. Он остановился под деревом и смотрел сквозь ветви, как рассеянный солнечный свет окрашивает небо в золотистые тона.

— Когда я был маленьким, — сказал он, — у меня было много имен. Мой дядя по матери называл меня Нанду, поскольку я родился на следующий день после явления Кришны и в этот день был большой праздник. Меня называли Нанду, потому что я родился на день позже Кришны. А еще меня называли Говардхан. Моя сестра звала меня Коча. У меня было столько имен! В детстве

все мы были очень красивыми. Детям всегда дают много имен. Но где сейчас все эти имена? Их нет.

Он повернулся и пошел дальше, больше ни словом не упоминая эту тему.

Прабхупада говорил об английской экономике, которая, по его мнению, шла на дно из-за обесценивания фунта. Многие английские лорды нажили свои состояния, эксплуатируя представителей других народов; теперь же, когда запас их хорошей *кармы* исчерпался, они пожинают горькие плоды своих грехов. Они так обеднели, что уже не в состоянии содержать свои роскошные поместья.

— В одном только саду у них было семнадцать работников, которые трудились день и ночь, — воскликнул Прабхупада, — а теперь они даже не в состоянии заплатить налоги. Они вынуждены продавать поместья. И все это попадает в руки *шудр*.

Ишана спросил Прабхупаду:

— Как я, человек такого низкого происхождения, мог прийти к сознанию Кришны?

— Это потому, что ты разумен, — ответил Прабхупада.

— Не понимаю.

— Потому что ты разумен, — повторил Прабхупада.

Жена Ишаны, Вибхавати, спросила:

— Что значит «духовный учитель»?

— На самом деле я не духовный учитель, — ответил Прабхупада. — Этот титул — просто формальность. Ты должна считать меня своим духовным отцом, своим вечным отцом.

Когда они проходили мимо трактора, Кулашекхара заметил:

— Удивительное изобретение — трактор, правда?

Прабхупада повернулся к нему:

— Трактор разрушил сельское хозяйство Индии.

— Почему? Ведь с его помощью можно выполнить работу десятих человек.

— Да, — сказал Прабхупада. — В прежние времена молодые крестьяне были заняты обработкой земли. Потом появился этот самый трактор и взял все их обязанности на себя. Ребятам стало нечем заняться, и в поисках работы они подались в город, где попали в сети иллюзии.

Остановившись у пучка вырванной с корнем пожелтевшей травы, Шрила Прабхупада задал вопрос:

— Что в этой траве особенного?

Никто не ответил.

— Вся трава зеленая, — сказал он, — а эта желтая. В чем причина?

Ответа опять не последовало.

— Желтая трава сохнет, — объяснил он, — потому что ее корни оторваны от земли. Поэтому она желтая. Точно так же, когда мы отрываем себя от Кришны, мы «высыхаем».

Они дошли до места, где трава достигала в высоту почти двух метров. Остановившись около дороги, проторенной трактором, Прабхупада улыбнулся:

— О, мы сможем здесь пройти?

И, со своей тросточкой, быстро двинулся вперед, в заросли травы и сорняков высотой в человеческий рост. Он шел, пока не достиг невысокого холма, расчищенного под посев, а затем остановился. Окруженный несколькими учениками, он стоял там, возвышаясь над морем травы. Кулашекхара поинтересовался, что за песню Прабхупада пел сегодня утром.

— Эта песня, — ответил Шрила Прабхупада, — посвящена Господу Чайтанье Махапрабху. Он просыпается и выходит на улицу в утренние часы, когда солнце уже встало, но еще не поднялось высоко в небо.

Туман уже почти рассеялся, и золотое сияние разливалось всё выше и выше над горизонтом. Шрила Прабхупада поднял руки и начал раскачиваться из стороны в сторону:

— Вот так, — сказал он, — Чайтанья Махапрабху танцует по утрам.

Когда на обратном пути они шли мимо главного здания, то заметили, что сквозь стеклянные двери на них внимательно смотрит Джон Леннон. Прабхупада, с тросточкой, в черном пальто и в резиновых сапогах, был похож на сквайра, совершающего свою утреннюю прогулку. Время от времени останавливаясь, он внимательно изучал некоторые из деревьев: гладил их кору, растирал листья, сосредоточенно их рассматривал. В начале прогулки кто-то из преданных сорвал и подарил ему розу, и Прабхупада все еще бережно держал ее в руке. Он гулял около часа. Везде его взору открывались прекрасные пейзажи, и везде он давал своим последователям наставления о сознании Кришны.

Подходя к флигелю для прислуги, Прабхупада встретил у входа маленькую Сарасвати. Взяв девочку за руку, он дошел вместе с ней до лестницы, и они остановились. Поднявшись до середины, Прабхупада заметил, что Сарасвати стоит в дверях и смотрит на него. Он поманил ее рукой и позвал:

— Иди сюда, — и девочка вскарабкалась по лестнице вслед за ним.

Когда Сарасвати вошла в комнату Прабхупады, он спросил:

— Ну что, ты уже выросла, чтобы пойти в гурукулу?

— Нет, — ответила она, покачав головой.

— Иди сюда, я поставлю тебе на лоб печать, а потом мы положим тебя в красный почтовый ящик и отправим в гурукулу.

Сарасвати заплакала:

— Малати! Малати! Не хочу! — а потом убежала и спряталась за маму.

— Ну, ну, Сарасвати, — стал уговаривать ее Прабхупада. — Иди ко мне на ручки, я угощу тебя *прасадам*.

Она подошла и уселась на колено Прабхупаде.

— Принеси-ка мне печать, Пурушоттама, — продолжал он дразнить девочку. — Мы отправим ее в гурукулу.

Сарасвати снова завизжала и кинулась к Малати.

Шрила Прабхупада видел в Сарасвати чистую душу, но поскольку она пребывала в теле маленького ребенка, он не учил ее философии, а просто играл с ней, угощал *прасадом* и вел себя с ней как любящий дедушка. Но, привязавшись к нему, она могла привязаться к Кришне!

После завтрака, когда солнце уже достаточно нагрело воздух, Прабхупада открыл окна, сел за фисгармонию и начал петь *бхаджаны*. Он играл и пел с закрытыми глазами, покачивая головой, а Ямуна сидела внизу на ступеньках и плакала от восхищения.

Какое-то время Шрила Прабхупада пел, а затем остановился и окликнул Ямуну:

— Тебе нравится мой *киртан*?

— Да, — кивнула она, — очень.

— Это молитвы Нароттамы даса Тхакура, — сказал он. — Это не материальные звуки. Они пришли прямо из духовного мира. Здесь даже не обязательно понимать язык. Это как раскаты грома. Каждый может услышать гром и все прекрасно понять. Точно так же и эти звуки. Они выше материи. Они гремят в вашем сердце, как гром. Почему бы тебе не приходить сюда каждый день и слушать, как я пою?

— Это было бы чудесно!

— Да, — сказал Прабхупада. — С сегодняшнего дня мы начнем записывать.

С тех пор каждое утро Прабхупада пел, а Пурушоттама и Ямуна приходили к нему в комнату и записывали его пение на магнитофон.

— Какой *бхаджан* ваш самый любимый? — поинтересовалась Ямуна.

— А твой? — спросил в ответ Прабхупада.

— «Шикшаштака» Господа Чайтаньи.

— А мой любимый, — сказал Прабхупада, — «Хари Хари випхале».

Он кратко пересказал по-английски содержание молитвы:

— «О Господь Хари, я прожил свою жизнь бессмысленно. Хотя я родился в теле человека, что случается очень редко, я не поклонялся Радхе и Кришне и потому сознательно пил яд». Молитвы Нароттамы даса Тхакура исполнены очень глубокого смысла.

Пурушоттама: *Как-то раз Прабхупада сидел в своей комнате один, Я шел мимо и услышал, как он поет молитву, которую раньше я никогда не слышал. Я вошел. Конечно, все знают, как он пел, — он мог петь очень красиво, очень вдохновенно, — но я никогда не слышал, чтобы он пел так красиво, как в тот день. Я слышал его голос много-много раз, во многих храмах, но никогда не было, чтобы он пел столь же прекрасно. Я чувствовал себя очень польщенным тем, что слышал его пение. Это было изумительно. Закончив, он просто поднялся и сказал:*

— Ну что, пошли?

Кроме того, Прабхупада за восемнадцать дней пропел всю «Бхагавад-гиту» — по одной главе в день.

— Где бы ни пели «Бхагавад-гиту», — сказал он, — это место становится *тиртхой* [местом паломничества].

Пурушоттама писал обо всем этом преданным в Соединенные Штаты:

Он много поет молитвы, и большинство из них мы записываем на магнитофон. Должен признаться, эти записи его песен и молитв — лучшее из всего, что я когда-либо слышал. Подождите: когда мы приедем, вы услышите это сами. Как говорится в «Бхагаватам», «Пей этот нектар вволю, о праведник, и ты освободишься от этого бременного тела».

Женщины, которые готовили для Прабхупады, подавали ему на десерт американские сладости: яблочный пирог, пончики и пирожные с глазурью. Прабхупада улыбался, но пробовал чисто символически. А однажды после обеда он сказал:

— Эти сладости очень хороши, но никто не приготовит для меня *сандеша*...

Никто из преданных не умел готовить сладости по-бенгальски, поэтому Прабхупада пригласил их на кухню и научил делать *сандеш*. Однако, хотя они наблюдали очень внимательно, первый *сандеш* получился у них сухим и зернистым. Но Прабхупада все равно съел его, предпочтя эту сладость, которую любит Сам Кришна, западным лакомствам.

Для преданных, живущих в Титтенхерсте, присутствие духовного учителя было еще одной возможностью наблюдать, как чистый преданный Кришны непрерывно — и телом, и умом, и словами — преданно служит Ему, охваченный экстазом. Они видели, как каждое мгновение своей жизни Прабхупада говорит и действует в сознании Кришны, и его личный пример подтверждал, что высочайший уровень чистого преданного служения — отнюдь не выдумка. Находясь рядом с ним, ученики ощущали блаженство, и это снова и снова наполняло их сердца решимостью.

Хозяевам поместья, Джону и Йоко, тоже выпала редкая возможность быть рядом со Шрилой Прабхупадой, однако они предпочитали держаться в стороне. Живя в своем общем мире, они редко общались с преданными. А преданные все так же работали под руководством управляющих Джона, и Джон был вполне доволен тем, что Прабхупада и его окружение живут у него. Когда главный садовник спросил Джона, как относиться к новым жильцам, тот ответил:

— Да пусть живут в свое удовольствие!

Иногда, услышав о том, какие дела творятся в хозяйском доме, Прабхупада высказывался по поводу того, как пагубно порой женщины могут влиять на мужчин. Но он не вмешивался в дела Джона и Йоко. У него были свои дела — дела, связанные с сознанием Кришны.

Шрила Прабхупада почти не видел Лондона: прямо из аэропорта его отвезли в Титтенхерст. Поэтому в один из дней он попросил Шьямасундара свозить его на экскурсию по городу. Шрила Прабхупада вырос в британской Калькутте и много слышал о величии Лондона — оплота Британской империи. И когда он осматривал лондонские достопримечательности, то был немало удивлен скромными размерами большинства из них. По поводу Букингемского дворца он заметил:

— У нас в Калькутте есть много домов и повыше этого.

Темза, воспетая британскими писателями, книги которых он изучал в колледже, тоже его разочаровала:

— Это же просто канал! — говорил он. — Просто канал! Я-то думал, что она больше, чем Ганга.

Но самой интересной достопримечательностью оказался дом номер 7 на Бери-Плейс. Городские власти недавно выдали преданным разрешение занять это помещение под храм. Эта часть битвы была выиграна. Теперь Шьямасундара и несколько его помощников должны были закончить реконструкцию. Обнаружив, что храм находится рядом с Британским музеем и Музеем восковых фигур мадам Тюссо, Шрила Прабхупада еще больше загорелся желанием, чтобы Шьямасундара как можно скорее подготовил его к открытию.

* * *

В сентябре Шрила Прабхупада написал о своей жизни в Титтен-херст-парк Сатсварупе.

Здесь есть отличный, большой зал, он бы прекрасно подошел под алтарную. По определенным дням я даю здесь лекции, но никто из посторонних на них не приходит.

Однако Прабхупада хотел проповедовать именно «посторонним», а если уж они не хотят идти к нему, он готов был отправиться к ним сам. Его первое публичное выступление, организованное преданными, состоялось в Камден-таун-холле, в самом сердце Лондона, и собрало много посетителей, как англичан, так и индийцев. После короткой — не более пятнадцати минут — лекции начался оживленный обмен вопросами и ответами.

Женщина: «Вы хотите сказать, что Кришна — это Бог или что Кришна — это любовь?»

Шрила Прабхупада: «А как Кришна может быть Богом без любви?»

Женщина: «Нет, это я вас спрашиваю».

Шрила Прабхупада: «Да. Это правильный подход. Кришна означает „всепривлекающий“. Если что-то привлекает всех, то, как правило, вы это любите».

Мужчина: «Тогда получается, что и человек, как частица Верховного Существа, тоже заключает в себе всю любовь?»

Шрила Прабхупада: «Да, вы неотъемлемая частица Кришны. Вы хотите кого-то любить, и Кришна хочет любить вас. Это взаимообмен любовью. Но вместо того, чтобы любить Кришну, вы пытаетесь любить что-то другое. В этом и проблема. Любовь уже присутствует в вас, как присутствует она и в Кришне. И когда между вами и Кришной будет происходить взаимообмен любовью, тогда ваша жизнь станет совершенной».

Мужчина: «Спасибо».

Индианка: «А что если я поклоняюсь кому-то другому? Имеет ли это значение, поклоняюсь я Кришне, Шиве, Христу или Будде? Насколько это принципиально?»

Шрила Прабхупада: «Если вы поклоняетесь Шиве, вы получите Шиву. Если вы поклоняетесь Кришне, то получите Кришну. Почему вы рассчитываете достичь обители Кришны, поклоняясь Шиве? Как вы себе это представляете?»

Индианка: «Я хочу спросить, имеет ли это значение?»

Шрила Прабхупада: «Если вы покупаете билет в Индию, то попадете в Индию, разве не так? Как вы можете попасть в Америку?»

Индианка: «Я говорю не о том».

Шрила Прабхупада: «Именно о том. Об этом говорится и в „Бхагавад-гите“: *йанти дева-врата деван питрн йанти питр-вратах*».

Индианка: «Но я имею в виду...»

Шрила Прабхупада: «То, что вы имеете в виду, вам понятно. Но почему вы не понимаете того, о чем говорится в „Бхагавад-гите“? Если вы поклоняетесь полубогам, таким как Шива или кто-то другой, вы попадете к ним. Если же вы поклоняетесь Кришне, то отправитесь к Кришне. Неужели это так сложно понять?»

Индианка: «Вы считаете Шиву полубогом?»

Шрила Прабхупада: «Да, почему нет?»

Индианка: «Но Кришна говорит, что неважно, какой способ поклонения вы выберете. Цель у всех путей одна, и вы достигнете одной и той же цели. „Вы можете выбрать разные пути, но в конце концов придете ко Мне“».

Шрила Прабхупада: «Попытайтесь понять. Допустим, вам нужно на сорок второй этаж здания. И вы поднимаетесь, этаж за этажом. Цель — сорок второй этаж, и, поднявшись всего на несколько ступенек, вы не можете утверждать: „Я достигла цели, я на сорок втором этаже“. Путь один, это правда, но вы должны достичь высшей цели. Вы не знаете, какова высшая цель. Вы просто говорите, что к ней ведут все пути. Но вы не знаете, что эта цель собой представляет».

Какой-то молодой хиппи встал и закричал:

— Эй, Свамиджи!

Сидящие в зале обернулись и посмотрели в его сторону.

— Вы говорите, что если мы не поостережемся, то в следующей жизни станем собаками. Но, скажу я вам, я совершенно не прочь в следующей жизни стать собакой.

— Благословляю вас, — ответил Шрила Прабхупада, и парень сел на место.

Единичные, нерегулярные лекции в разных частях города были еще одним свидетельством того, что в Лондоне нужен храм. Шрила Прабхупада уже был в подобной ситуации в 1965 году в Нью-Йорке. Тогда у него тоже не было храма. Люди приходили, вежливо слушали, а потом исчезали, и многих из них он больше никогда не видел. Однако чтобы обрести сознание Кришны, человеку нужно слушать о Кришне постоянно, а для этого требуется храм. Если бы Прабхупада смог открыть в Лондоне храм, тысячи людей имели бы возможность приходить туда, слушать о Кришне, есть *прасад* и любоваться красотой Господа, явившегося в форме Божества. Храм дал бы гостям возможность постоянно и близко общаться с преданными Господа, а это очень важно. Но храма пока не было, и Шрила Прабхупада был готов давать лекции по всему Лондону. Учение Кришны, *киртан* Кришны и Его *прасад* несли людям абсолютное благо; они привлекали людей и очищали их сердца, независимо от внешних обстоятельств.

Конвей-холл, расположенный на Ред-Лайон-сквер, в центре Лондона, представлял собой аудиторию на пятьсот мест. Договорившись, что в течение последующих трех месяцев Прабхупада сможет провести там двенадцать выступлений, преданные надеялись задержать его в Лондоне хотя бы на это время. Гурудас составил тематический план лекций и напечатал пятьдесят тысяч листовок. Входная плата составляла два шиллинга шесть пенсов.

В первый вечер в Конвей-холле собралось около сотни человек. Шрила Прабхупада сидел на столе, на подушке, и вел *киртан*. Его ученики расположились на полу. Ямуна играла на фисгармонии, а Мукунда и Кулашекхара — на *мридангах*. Радха и Кришна, которым поклонялся Прабхупада, стояли рядом с ним на алтаре, на отдельном столике. Позади них, на стене, висел транспарант с написанной на нем *мантрой* Харе Кришна.

«Учение Вед» — так Гурудас озаглавил сегодняшнюю лекцию. На ней Шрила Прабхупада рассказывал о том, что понять ведическую науку можно, лишь слушая великих святых, осознавших свою духовную природу. После лекции аудитория разразилась продолжительными аплодисментами. Прабхупада ответил на вопросы и попросил Ямуну спеть заключительный *киртан*. На следующий день Прабхупада написал в письме некоему доктору Шьяма-Сундаре дасу Брахмачари в Индию: «Я говорил около часа, после чего они долго аплодировали в знак одобрения».

На втором вечере в Конвей-холле, когда Прабхупада во время *киртана* встал и начал танцевать, ученики присоединились к нему, образовав на сцене круг. Ишана играл на трубе, и даже Сарасвати, из-под короткого платяца которой выглядывала пеленка, прыгала в полном восторге. Программы в Конвей-холле проходили каждую неделю, и танец Прабхупады стал неотъемлемой их частью.

В один из таких вечеров какой-то англичанин, поднявшись с места, спросил:

— Почему вы не помогаете людям у себя, в Индии? Почему вы приехали в такую даль? Почему бы вам просто не обратиться к влиятельным политикам? Есть выдающиеся политики, которые могли бы попытаться помочь *там*.

Шрила Прабхупада: «Вы — влиятельный политик. Поэтому я обращаюсь к вам. Идет?»

Другой слушатель: «Если то, о чем вы говорите, — абсолютная истина, почему из всего населения Лондона здесь собралось не так уж много людей?»

Прабхупада: «Если вы продаете бриллианты, не ожидайте, что за ними выстроится очередь. Но если вы предложите битое стекло, сбегится немало глупцов. Наше Движение сознания Кришны — очень ценная вещь. Не думайте, что оно будет пользоваться спросом у всех глупцов. Сюда пришли немногие искренние души. И вы, пожалуйста, тоже присоединяйтесь к нам».

Шрилу Прабхупаду воодушевляла реакция англичан. Слушатели нередко присоединялись к пению и танцам.

В Лондоне все идет хорошо. Прошлым вечером состоялась встреча в Конвей-холле, на которой вместе с нами пели и танцевали несколько сот человек. После программы за кулисы пришел один журналист из крупнейшей лондонской газеты, чтобы подробнее разузнать о нашем Движении и написать для своей газеты статью. Так что я очень воодушевлен, видя, какой хороший отклик получает все, что мы делаем в Лондоне, у людей и в средствах массовой информации.

В конце октября Шрила Прабхупада выступил в Союзе говорящих на английском языке. Аудитория состояла преимущественно из индийцев.

Он начал свою речь так:

— Хотя сегодня нас собралось здесь немного, это не преуменьшает важности нашей встречи. У Индии есть послание миру. Все вы — уважаемые индийцы. Вы живете в Лондоне, одном из крупнейших городов мира, а я приехал сюда с важной миссией. Это не та миссия, с которой обычно приезжают сюда или в любую другую страну индийцы, — просить о чем-то. Я приехал кое-что *дать*. Поэтому, пожалуйста, постарайтесь мне помочь.

30 октября Шрила Прабхупада прочел лекцию в оксфордской Ратуше. Он говорил об основах философии, но обильнее, чем обычно, цитировал санскрит. Его ученики не ожидали от обитателей Оксфорда большого энтузиазма, но зал тем не менее был полон. И когда Прабхупада встал и жестом призвал всех поднять руки и танцевать, откликнулись практически все. Мукунда играл на большом органе, и к пению присоединились сотни человек. Прабхупада высоко поднял руки и начал энергично подпрыгивать.

Вчера у нас прошла очень успешная программа в Оксфорде, в Ратуше. В ней приняли участие около трехсот пятидесяти человек: юноши, девушки,

старики, леди и джентльмены — и все без исключения танцевали и пели вместе с нами. После встречи многие юноши и джентльмены постарше подходили ко мне и благодарили.

Прабхупада получил приглашение на самое популярное в Англии телевизионное ток-шоу «Ночная линия». Ведущий, привыкший к динамичным, остроумным диалогам, попытался втянуть Прабхупаду в беседу в своем стиле, без долгих философских ответов.

— Прабхупада, — спросил он, — есть ли в вашей религии такое понятие, как ад?

— Да, — ответил Прабхупада. — Лондон — это ад.

Ведущий был сражен наповал. На первой же минуте Прабхупада побил ведущего его же собственным оружием. Прабхупада продолжал:

— Здесь всегда сыро, пасмурно и постоянно идет дождь. В Индии всегда солнечно.

Ведущий по-прежнему не мог сообразить, что ответить, и, видимо, почувствовав его смущение, Шрила Прабхупада добавил:

— Конечно, надо отдать должное англичанам — в таком климате они смогли построить очень развитую цивилизацию.

Затем последовали другие вопросы, и около часа Прабхупада рассказывал о Движении сознания Кришны и философии. На следующий день одна из лондонских газет опубликовала статью под заголовком «Свами называет Лондон адом».

Альбом «Мантра Харе Кришна» по-прежнему держался в списке самых популярных пластинок, не только в Англии, но и по всему континенту. И вот одна голландская телекомпания за свой счет пригласила учеников Прабхупады в Амстердам, чтобы те приняли участие в их шоу. Им предоставляли всего пять минут эфирного времени, но Прабхупада согласился.

— Пяти минут, — сказал он, — вполне достаточно. За пять минут мы расскажем обо всей философии сознания Кришны.

Телекомпания оплатила Шриле Прабхупаде и его восьми ученикам билет на самолет из Лондона до Амстердама и обратно, и вскоре они, вылетев из лондонского Хитроу, приземлились в аэропорту Схипхол. Студия располагалась за городом, в современном здании с кондиционерами, селекторной связью, искусственными растениями и телевизором в каждой комнате — но без окон.

Секретарь отвел Шрилу Прабхупаду и его учеников в комнату без окон с покрашенными бетонными стенами.

— В Индии, — сказал Прабхупада, — комната, где нет окон и свежего воздуха, считается непригодной для жилья. Я хочу сидеть у окна.

Преданные обыскали все здание и наконец где-то на третьем этаже, в коридоре, отыскали окно. Прихватив с собой стулья, они вместе со своим

духовным учителем отправились туда и сели у окна.

— Уже к двухтысячному году люди не будут видеть дневного света, — сказал Шрила Прабхупада. — Им придется строить города под землей. Люди будут жить при искусственном свете и есть искусственную пищу, а солнечного света видеть не будут.

Появился продюсер программы, удивленный тем, что «Свами» тоже собирается участвовать в съемках. Сюрприз был приятным, и он радушно пригласил Прабхупаду в свою студию.

— Итак, что от вас требуется, — начал он. — Вы должны спеть вашу песню с пластинки. Даже не обязательно петь вслух. Мы включим вашу запись, а вы просто открывайте рот. Делайте вид, что играете на инструментах и поете.

После этого, сказал он, Прабхупада в течение двух минут может что-нибудь говорить.

Прежде чем выйти на сцену, Шриле Прабхупаде и преданным пришлось ждать за кулисами, наблюдая за тем, как музыканты из какой-то местной группы танцуют и делают вид, что играют на саксофонах, трубах и барабанах. Затем продюсер внес столик с подушкой для Прабхупады, а вокруг него на полу рассадил преданных.

Включились камеры, зазвучала запись, и преданные начали шевелить губами. Внезапно вокруг за клубились облака дыма от сухого льда — для создания мистического эффекта. Постепенно преданные совсем исчезли в клубах углекислого газа, и только Прабхупаду было видно отчетливо. Видя, что спецэффект не удался, продюсер жестом велел преданным встать и танцевать позади духовного учителя.

Песня закончилась, и камера подъехала к Прабхупаде.

— У вас две минуты, — напомнил продюсер.

Прабхупада заговорил:

— Только что мы пели *мантру* Харе Кришна. Этот звук транс-цендентен и неотличен от Господа. Имя Господа и Его облик суть одно. Пожалуйста, повторяйте эти возвышенные звуки, и ваша жизнь станет совершенной. Вы обретете счастье и постигнете свою истинную природу — природу вечных слуг Бога, Кришны. Этот метод называется *бхакти-йогой*, и мы просим каждого присоединиться к нашему пению. Большое спасибо.

Шрила Прабхупада был доволен, что пластинка с записью его учеников продолжает оставаться в Европе хитом.

Пластинка «Харе Кришна» расходится очень хорошо. Вчера было продано пять тысяч экземпляров, на этой неделе она занимает по популярности двадцатое место. Прогнозируют, что на следующей она поднимется на третье место, а еще через неделю, может быть, и на первое. На эту запись возлагают большие надежды.

В письме Сатсварупе в Бостон Шрила Прабхупада написал:

Пластинка «Харе Кришна» прекрасно расходуется в Англии, и еще я слышал, что в Австралии в списке пятидесяти самых популярных записей она занимает четвертое место.

«Мантра Харе Кришна» поднялась на вершину хит-парадов в Западной Германии и Чехословакии и попала в первую десятку по всей Европе и даже в Японии. С доходов от ее продажи преданные начали оплачивать счета и финансировать реконструкцию храма на Бери-Плейс.

Иногда преданные выступали на концертах с профессиональными музыкантами, а иногда их приглашали в ночные клубы. После одной такой программы, которая прошла особенно поздно, в каком-то жутком ночном клубе, Ямуна пошла к духовному учителю и рассказала ему, что это было за место. Шрила Прабхупада позвал к себе всех преданных.

— В таких местах, — сказал он, — *брахмачари* делать нечего. Смысл в том, чтобы люди становились преданными. Нужно думать, куда мы идем. Если мы отправляемся куда-то, чтобы проповедовать, но не можем там никого сделать преданным, какой в этом смысл? Именно так следует рассуждать.

Он не стал запрещать им проповедовать в ночных клубах, но просил быть поосторожнее.

Кто-то из преданных спросил, можно ли чередовать слайды о Кришне с «психоделическими» картинками. Шрила Прабхупада не разрешил. Кришна должен быть на троне, на алтаре. А если сознание Кришны пытаться «разбавить», оно превратится в идолопоклонство.

Еще никогда с самого своего отъезда из Индии в 1965 году Шрила Прабхупада не проповедовал индийцам так активно, как сейчас. Индийцы всегда приходили на его лекции, и пусть они не танцевали и не пели — все равно им нравилось сознание Кришны. Еще до приезда Шрилы Прабхупады в Англию несколько индийцев вызывались помочь преданным, и сейчас большинство его случайных гостей в Титтенхерсте составляли именно индийцы. Они приходили с семьями, сидели, непринужденно беседуя с Прабхупадой, и часто приглашали его к себе на обед.

Кедар Натх Гупта: *Прабхупада согласился прийти к нам, и мы оказали ему теплый прием. Чтобы послушать его, у нас собралось много других людей. Он был очень рад узнать, что у нас есть семейные Божества Радхи и Кришны, которые мне подарила мать. Он сказал:*

— *Я очень рад, что пришел сюда и увидел здесь Радху и Кришну.*

Он прочитал очень хорошую лекцию, в которой сказал, что цель человеческой жизни — познать себя. Он сказал, что человек должен быть любознательным и желать понять, кто он такой. Все, кто пришел его послушать, остались очень довольны и впечатлены его лекцией. После лекции я провел арати, мы предложили угощение Божествам, а затем раздали всем присутствующим прасада. Прабхупада тоже отведал прасада и был очень этим доволен. Когда он уходил, я спросил его:

— Когда я смогу увидеть вас в следующий раз?

Он ответил:

— Вы можете прийти ко мне в любое время.

Иногда возникали и разногласия на философской почве, но Шриле Прабхупаде всегда удавалось находить убедительные аргументы. Индийцы уважали его и снова и снова приглашали его к себе в гости. Пришел один из самых известных и уважаемых лондонских индийцев, Прафуль Патель. Как и многие бизнесмены, он хотел помочь миссии Прабхупады.

Однако мало кто проявлял желание чем-то пожертвовать ради этой миссии.

* * *

Вторая высадка американских астронавтов на Луну была намечена на середину ноября, всего через несколько недель. В последние несколько месяцев о полетах на Луну много писали в прессе, и Прабхупада часто говорил на эту тему. Почти год назад в Лос-Анджелесе он ответил на вопросы журналиста о возможности высадки человека на Луну:

— Иногда мы переезжаем из одного места в другое в автомобиле или летим на самолете. Но Луны невозможно достичь при помощи механических средств. Здесь требуется другой метод, описанный в ведической литературе. Для этого необходимы соответствующие качества. Согласно тому, что говорится в наших писаниях, и тому, что мы знаем, это невозможно. Мы не можем попасть туда в теперешнем теле.

В Титтенхерсте, в беседах с учениками, Шрила Прабхупада часто говорил о высадке на Луну:

— Высадка на Луне — это надувательство, — сказал он однажды вечером в своей комнате, — поскольку просто так на Луну не попасть. Луна, Чандралока, — это обитель полубогов, существ гораздо более высокоразвитых, чем все эти пьяницы, мясники и поедатели коров, которые сейчас пытаются там поселиться. Не думайте, что это путешествие состоится — как, например, моя поездка из Индии в США. На Луну нельзя попасть так быстро. Это невозможно.

Ученики Шрилы Прабхупады соглашались с его утверждениями. Он не просто высказывал свое личное мнение — таково было заявление ведических писаний. Поскольку авторитет Вед был для него выше авторитета современной науки, ученики следовали его примеру. Все, за исключением Пурушоттамы.

Заметив колебания Пурушоттамы, Прабхупада часто отпускал в его присутствии безобидные шутки. Кто-то спрашивал:

— А где Джанаки?

Прабхупада отвечал:

— А, Джанаки на Луне.

Все, кроме Пурушоттамы, смеялись.

Преданные знали о проблеме Пурушоттамы — понятно, он американец и гордится, что его соотечественники покоряют космос. И преданные знали, что Прабхупада посмеивается над этим. Пурушоттама всегда был в курсе последних научных достижений. Успехи НАСА и «гигантский шаг для человечества», якобы сделанный Нилом Армстронгом, произвели на него огромное впечатление.

Пурушоттама продолжал выполнять свои обязанности, но становился все более и более мрачным. Прабхупада заметил, что парень теряет энтузиазм. Однажды утром Пурушоттама и Ямуна сидели вместе со Шрилой Прабхупадой в его комнате. Пурушоттама не брился уже несколько дней, и на нем был тот же оранжевый свитер, в котором он спал. Ямуна же выглядела опрятно и чисто. Хотя у нее было всего два простых хлопчатобумажных сари, идя к духовному учителю, она всегда надевала постиранную и выглаженную одежду. Глядя на своих слуг, Прабхупада сказал:

— Ямуна, у тебя столько сари! И все такие красивые!

Ямуна с изумлением посмотрела на него:

— У меня их не так много, Прабхупада.

— Нет, — сказал он. — Ты каждый день надеваешь новую одежду. Это очень хорошо. Ты всегда выглядишь аккуратно и чисто — и *тилак* у тебя... Пурушоттама, как ты считаешь? У кого, по-твоему, самый красивый *тилак*?

Пурушоттама промолчал.

— Красивый *тилак*, — продолжал Прабхупада, — значит, и человек красивый.

Тем же вечером, около шести часов, когда Ямуна готовила для Прабхупады *пури* и картофель, она услышала звон колокольчика, которым он вызывал слуг. Оставив *ги* на огне, она бросилась в его комнату. Он поговорил с ней о лекции, которую собирался давать сегодня вечером, а затем спросил:

— Когда будет готов *прасад*? До лекции?

— Да, Прабхупада. Я... — тут Ямуна почувствовала запах горелого. — О! — от неожиданности она открыла рот. — Пожалуйста, простите меня! Я оставила *ги* на огне!

Она ринулась вниз по лестнице и обнаружила, что кухня полна дыма. В дыму она даже не видела кухонной плиты.

— Пурушоттама! Пурушоттама! — закричала она.

Появился Пурушоттама, и вместе они ощупью пробрались сквозь дым. Пурушоттаме каким-то образом удалось погасить огонь до того, как он успел причинить серьезный ущерб.

Пурушоттама и Ямуна с головы до ног были покрыты сажей. Почернели их лица, оранжевый свитер Пурушоттамы, его *дхоти* и сари Ямуны. Тут Прабхупада снова позвонил в колокольчик, и оба бросились наверх, чтобы сообщить ему о пожаре. Когда на кухню вернулась Джанаки и обнаружила все вверх дном, она тоже побежала в комнату духовного учителя, где перед ним стояли покрытые с ног до головы сажей Ямуна и Пурушоттама.

— Что тут произошло? — воскликнула Джанаки.

Прабхупада серьезно посмотрел на нее и ответил:

— Сегодня Пурушоттама летал на Луну.

— Что? — не поняла Джанаки.

Прабхупада повторил:

— Да, наш Пурушоттама летал на Луну.

— Прабхупада, — воскликнул Пурушоттама, — я же брахмачари! Почему вы так говорите?

— Брахмачари не запрещено летать на Луну. Каждый может туда попасть, — подмигнул Прабхупада.

* * *

Преданные часто встречались с Джоном и Йоко. Джон, который поначалу был заинтересован только в деловом партнерстве с преданными, со временем проникся к ним симпатией, однако его друзья советовали ему держаться подальше от Свами и его учеников. Поэтому он избегал близкого общения с ними.

Ишана дас: *Я работал на кухне, а Джон сидел за пианино. У него на кухне стояло пианино, большое такое пианино, с которого соскоблили весь лак, оставив лишь голое дерево. Так вот, он сидел за пианино и, импровизируя, пел мантру Харе Кришна. Он был действительно великим музыкантом и играл мантру Харе Кришна в самых разных стилях: блюграсс, классическом, в стиле рок-н-ролл и многих других. Он совершенно свободно переходил от одной манеры к другой, все время напевая мантру Харе Кришна. У него это получалось совершенно естественно, и видно было, что в музыке он настоящий гений. Таким образом он меня развлекал, да и ему самому это доставляло огромное удовольствие. И тут, в самый разгар этой вдохновенной музыкальной импровизации, этого пения мантры Харе Кришна, на кухне появилась его жена Йоко Оно в пеньюаре, или как он там называется, и страдальческий тоном произнесла:*

— Ради Бога, Джон, у меня раскалывается голова. Пожалуйста, прекрати и пойдем со мной наверх.

Джордж был другим. Его влекло к Прабхупаде. Когда один из преданных спросил его: «Почему из всех „битлз“ только вы заинтересовались сознанием Кришны?» — Джордж ответил: «Это моя карма. Духовность — одна из особенностей моего знака зодиака».

Джордж Харрисон: *Прабхупада выглядел именно так, как я его себе представлял. Перед встречей с ним я испытывал смешанное чувство страха и благоговения. Но что мне понравилось в нем позднее, когда я стал чаще встречаться с ним, — это то, что он относился ко мне скорее как к другу. Я чувствовал себя с ним легко и свободно, гораздо лучше, чем вначале, потому что во время нашей первой встречи я не понимал, о чем он говорит, и мне*

казалось, что я слишком мирской даже для того, чтобы просто находиться рядом с ним. Но потом я расслабился и мне с ним стало гораздо легче. Он же всегда был очень сердечен со мной. Нельзя сказать, что он разговаривал со мной как-то по-особому, не так, как с другими. Он всегда говорил только о Кришне, неважно, кто был перед ним в данный момент. Когда бы мы ни встретились с ним, он всегда оставался самим собой. Не так, что один раз он скажет вам повторять мантру Харе Кришна, а в следующий раз говорит: «Ах, нет, я ошибся», — нет, он всегда оставался самим собой.

Видеть его всегда было для меня удовольствием. Иногда я забежал к нему; даже если не собирался этого делать, я все равно заходил, полагая, что просто должен зайти, и после встречи с ним у меня было очень хорошо на душе. Я чувствовал, что он проявляет ко мне личный интерес. Каждая встреча с ним доставляла мне удовольствие.

Джорджа влекло к Кришне, и он любил петь мантру Харе Кришна. Еще до встречи со Шрилой Прабхупадой он кое-что узнал о Кришне от Махариши Махеша Йоги, из автобиографии Парама-хамсы Йогананды и из своего путешествия по Индии. Однако только после бесед с Прабхупадой он смог понять, что Господь Кришна является Абсолютной Истиной и началом всех начал.

Джордж: Прабхупада помог мне понять этот разносторонний метод, дающий человеку возможность приблизиться к Кришне. Например, прасад. Я думаю, прасад — очень важная вещь, даже если это всего лишь тактический прием. Как в той пословице: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Ну что ж, даже если таков путь к вечной душе человека — так или иначе, метод действует. Что может быть лучше: вы пели и танцевали или просто сидели и разговаривали, и вдруг вам подносят угощение? Это как благословение. А потом вы учитесь, как правильно касаться, как правильно вкушать его, и это тоже очень важно.

Кришна безграничен. Я был благодарен Прабхупаде уже за то, что он беседует со мной и обрушивает на меня весь этот поток новой информации. Даже когда сопротивляется ум, все это — тоже Кришна. Больше ничего и не нужно знать, достаточно знать, что все есть Кришна. Этот мир — тоже Его материальная энергия, Его вселенская форма. В книгах Прабхупады есть иллюстрация — Кришна в сердце собаки, коровы и человека. Это помогает вам осознать, что Кришна находится в сердце каждого живого существа.

Хотя Прабхупада, вероятно, учил и неким высшим аспектам философии, но из всего, что он говорил, лично я вынес более глубокое понимание того, что Кришна пребывает везде и во всем. Прабхупада рассказывал о различных аспектах Кришны и давал человеку возможность везде и всюду видеть Кришну как личность. Я имею в виду, что на свете нет ничего, что не было бы Кришной.

Прабхупада считал Джорджа «славым юношей» и преданным Кришны. Согласно «Бхагаватам», какое бы положение ни занимал человек в материальном мире, если он не является преданным Господа и никогда не

произносит святых имен Бога, у него не может быть *никаких* достоинств. Многие *свами* и *йоги* в Индии, даже те, кто считает себя вайшнавами, не верили до конца в святые имена Кришны и не понимали их важности. Однако Джордж любил петь *мантру* Харе Кришна и включал святое имя Кришны в свои песни, которые пользовались огромной популярностью во всем мире. Таким образом, сочиняя музыку, он служил Кришне, и это отличало его от остальных.

Мистер Джордж Харрисон производит впечатление очень умного юноши и к тому же, милостью Кришны, очень удачливого. В первый день он пришел ко мне вместе с Джоном Ленноном, и мы беседовали около двух часов. Он хотел поговорить со мной еще, но сейчас уехал к своей больной матери в Ливерпуль.

Шрила Прабхупада не мог не видеть, что Джордж богат, а Господь Чайтанья строго наказывал преданным, отрекшимся от мира, избегать общения с мирскими людьми. Но вместе с тем Господь Чайтанья учил, что преданный должен пользоваться любой возможностью для того, чтобы распространить сознание Кришны.

Если этот юноша будет помогать нашему Движению, это может стать для нас хорошим подспорьем, ведь, в конце концов, он человек со средствами. В духовной жизни с богатыми людьми следует обращаться крайне осторожно. Иногда нам приходится иметь с ними дело в интересах проповеди. Строго говоря, Господь Чайтанья Махапрабху запрещал преданным в сознании Кришны общаться с подобными людьми, однако у нас есть указание Рупы Госвами о том, что для распространения сознания Кришны мы должны пользоваться любой благоприятной возможностью.

Прабхупада вел себя с Джорджем осмотрительно и вместе с тем просил его повторять святое имя, принимать *прасад* Господа и посвятить Ему все свое творчество.

Когда преданные в США услышали, что их духовный учитель общается с «Битлз», некоторые из них стали преувеличивать близость их отношений, особенно с Джоном Ленноном. Прабхупада, узнав об этом, немедленно положил конец слухам.

Что касается буклета, который вы с Гаргамуни мне послали, во вступлении, подписанном вами, говорится, что я «лично даю Джону Леннону и Джорджу Харрисону уроки *йоги* экстаза». Это не очень хорошо. Конечно, Джордж Харрисон иногда приходит ко мне, и, естественно, я даю ему наставления о *бхакти-йоге*. Но данное утверждение в письме может навести на мысль, будто они пригласили меня к себе специально ради этого. Если они узнают об этом, им это может не понравиться, а нам — навредить. Такие вещи

не должны предаваться огласке, и я не понимаю, зачем вы это сделали. Так или иначе, если вы еще не успели распространить эти буклеты, то просто постарайтесь убрать часть текста, которая не соответствует действительности.

Джордж: Прабхупада никогда не говорил, что я должен перестать заниматься тем, чем я занимаюсь. Я слышал, как время от времени он говорил своим ученикам, что я — хороший преданный, ему нравились мои песни и многое другое из того, что я делал. Мне он этого никогда не говорил, но я часто слышал об этом от других. Мне также очень нравилось то, что я не чувствовал с его стороны никакого давления, он никогда не требовал, чтобы я присоединился к Движению и посвятил сознанию Кришны все свое время. Думаю, если бы он все время давил на меня и говорил: «Почему бы тебе не бросить все, что ты делаешь, и не поселиться в одном из наших храмов?» — это только все испортило бы. Он ни разу не дал мне понять, что я другой, что я не из их круга. Никогда он не говорил ничего подобного.

Я считаю себя, так сказать, преданным в штатском. Это факт. Свои отношения с ним я видел так: я должен помогать, когда и чем могу, поскольку я знаком со многими влиятельными людьми. Так общаются между собой все воспитанные люди — вы просто что-то пытаетесь сделать и чем можете помогаете друг другу.

Он всегда был доволен мной, потому что я всегда старался чем-нибудь помочь ему. Я имею в виду не помощь храму Кришны как таковому, а вообще все духовное, что я делал, — мои песни и так далее. Все это радовало Прабхупаду. Он относился ко мне очень дружелюбно. Он всегда повторял имя Кришны; иногда он и меня просил это делать — все время или как можно чаще повторять мантру Харе Кришна. Думаю, как только человек начинает постоянно повторять мантру, он сразу ощущает на себе ее благотворное воздействие.

Есть такие гуру, которые всем дают понять, какие они важные, но Прабхупада говорил: «Я — слуга слуги слуги Кришны», — и это было действительно так. Он никогда не говорил: «Я — самый великий» или «Я — Господь Бог» и тому подобное. Он всегда считал себя слугой, и мне это очень нравилось. Я думаю, это признак духовности. Чем больше знает человек, тем глубже он понимает, что он слуга. А чем меньше он знает, тем легче ему возомнить себя даром Божьим всему человечеству.

Так что, хотя он был очень сильной и духовно развитой личностью, в нем всегда жило необыкновенное смирение и скромность. И я думаю, что это — самое важное, потому что, встречаясь с ним, человек учился у него не столько слушая то, что он говорит, сколько на его примере, глядя на то, как он живет и что делает.

Заголовок в «Дейли скетч»: «Люди Кришны обедают в доме Джона и Йоко». Фотограф запечатлел, как преданные сидят перед домом и едят *прасад*.

Вчерашний обед в Титтенхерст-парк, старинном поместье Джона Леннона и Йоко Оно: гости Леннона расположились на солнышке.

Участники пикника — последователи индийского *свами*, Его Божественной Милости Абхая Чарана Бхактиведанты.

Они переняли восточные обычаи, начиная с одежд и бритых голов и заканчивая индийским карри, которое едят руками.

Все это совершенно не вяжется с таким местом, как Титтенхерст-парк, который обошелся Джону в 150 тысяч фунтов и занимает более двадцати гектаров земли в престижнейшем Саннингхиле, близ Аскотского королевского ипподрома.

Шрила Прабхупада со своим окружением и Джон и Йоко со своим представляли собой поистине странное сочетание. Через два дня после приезда Прабхупады в Титтенхерст Джон и Йоко улетели в Канаду выступать с «Пластик Оно бэнд» на фестивале «Возрождение рок-н-ролла» на стадионе «Варсити» в Торонто. В октябре Джон и Йоко записали «Свадебный альбом» и начали работу над фильмом «Цирк рок-н-ролла», а Джон записал свою «Cold turkey»^[12]. Джон по природе своей был человеком застенчивым, но преданные, работающие в усадьбе, скоро поняли, что у него доброе и щедрое сердце. Он приглашал преданных навсегда поселиться в Титтенхерсте и на его ферме. Все, что у него есть, говорил Джон, он готов разделить с ними.

Однажды Йоко спросила Ямуну, не сможет ли какая-нибудь чета преданных продублировать их с Джоном во время представления в одном из лондонских театров. Как-то раз они с Джоном уже выступали там, надев на себя одни лишь джутовые мешки, и должны были выступить вновь, но Йоко подумала, что, может быть, вместо них туда ходит пара преданных. Зрители, сказала она, не догадуются о подмене, а если даже и догадуются, то эта выходка лишь добавит преданным популярности. Вежливо отказавшись, Ямуна объяснила, почему преданные не должны так поступать. Когда она рассказала об этом Прабхупаде, он был непреклонен: никто из его учеников туда не пойдет. Несколько дней после этого он с осуждением говорил о подобном проявлении похоти.

Однажды Джон пригласил Шрилу Прабхупаду к себе в дом, чтобы дать ему послушать недавно записанную песню «Cold turkey». Хотя подобная музыка совершенно не интересовала Шрилу Прабхупаду, Джон непременно хотел, чтобы тот ее послушал. А Прабхупада, пользуясь представившейся возможностью проповедовать знаменитости мирового масштаба, дал на это свое согласие. Зайдя в гостиную, он присел на диван у камина. Лента в большом магнитофоне с шестнадцатью дорожками (на котором и была записана песня) уже была готова, и Джон принялся щелкать кнопками. Прабхупада терпеливо ждал.

Магнитофон не работал. Джон, вращая ручки и нажимая кнопки, начал тихо ругаться. Со Шрилой Прабхупадой был только Пурушоттама, но снаружи, прямо под окном, притаившись в тени, сидели еще двое преданных, которые прислушивались к тому, что творится в комнате. Заглянув внутрь и увидев, как Джон сражается с техникой, они захихикали.

— О, — сказал Прабхупада, — ваша машина не работает. Ну, ничего страшного. Мы тоже сделали одну запись и хотели бы проиграть ее для вашего удовольствия.

Джон покорно согласился. Так Прабхупада был спасен от «Cold turkey».

Прабхупада не стал долго засиживаться в гостях. Уходя, он увидел на стене фото обнаженных Джона и Йоко в полный рост, а также черно-белые силуэты мужчины и женщины в разных сексуальных позициях. Вернувшись к себе, он заметил:

— Нам не стоит здесь оставаться.

Он попросил Мукунду найти ему квартиру в Лондоне. Реконструкция здания на Бери-Плейс пока еще шла полным ходом, и Прабхупада сказал, что предпочитает жить в городе, чтобы видеть, как продвигаются работы. Приятно было наслаждаться природой Титтенхерста, но образ жизни Шрилы Прабхупады был несовместим с образом жизни его хозяев.

Как-то раз Джон и Йоко, оба одетые в черное, пришли к Прабхупаде. Считая его великим йогом, обладающим мистическими силами, они попросили его устроить так, чтобы после смерти Кришна помог им воссоединиться. Прабхупада был разочарован.

— Это не мое дело, — ответил он. — Кришна дает вам жизнь, и Он же забирает ее, являясь в форме смерти. После смерти вы не сможете снова быть вместе. Когда вы вернетесь домой, к Богу, вы воссоединитесь с Кришной. Но отношения мужа и жены — обычные мирские отношения. Со смертью тела они закончатся. Вы не сможете возобновить подобные отношения после смерти.

* * *

На краю поместья, в запущенном домике времен Георгов, жил каменщик со своей женой. Нанятый Джоном для постройки в имении студии звукозаписи, каменщик был новым обитателем Титтенхерста. Этот крепкий, плотный человек никогда не разговаривал с преданными, но однажды вдруг спросил, верят ли они в привидения.

О да, ответил Кулашекхара. — Прабхупада говорил, что привидения существуют.

Я сам не верю, — сказал каменщик. — Моей жене снятся какие-то сны, но сам я не верю в привидения.

Жена каменщика рассказывала, что иногда по ночам они с мужем слышат «нечто». Прошлой ночью, перепуганные, они прибежали в дом Джона и стали

жаловаться ему на странные звуки: грохот цепей, стук башмаков и шум, «как будто по полу тащат чье-то тело». Каменщик своими глазами видел, как его жену кто-то грубо встряхнул за плечи, хотя, кроме них, в комнате никого не было.

Преданные рассказали об этом Прабхупаде, и он предложил: Скажите Джону, что, если он захочет, мы прогоним этих привидений.

Мукунда передал Джону слова Прабхупады, но Джон сказал, что уже вызвал знакомую колдунью, занимающуюся белой магией, чтобы та изгнала духов.

Когда колдунья отправилась в коттедж каменщика, за ней увязались несколько преданных. В гостиной, над камином, они обнаружили барельеф, изображающий человека, у которого изо лба вылетает привидение, а на противоположной стене по красному дереву панели были вырезаны какие-то рунические письмена.

Это древние колдовские письмена, — покачив головой, сказала колдунья. — Я ничем не могу помочь.

Когда Джон обратился с той же просьбой к преданным, Прабхупада объяснил, что делать. Нужно было, сбрызнув двери в доме каменщика водой, предложенной Кришне, трубить в раковины и петь *киртан*. Группа преданных отправилась в дом каменщика, и Кулашекхара запел *мантру*. Через полчаса он вдруг почувствовал огромное облегчение: давящая атмосфера, царившая в комнате, внезапно рассеялась. *Киртан* набрал силу. После этого преданные вновь приступили к своим делам, заверив Джона, что привидения больше не появятся, а каменщик с женой могут спокойно вернуться домой.

Утром следующего дня, во время прогулки, Шрила Прабхупада, проходя мимо старого коттеджа, спросил:

— Ну, как там привидение?

— Ничего не слышно. Прабхупада, — ответил Кулашекхара.

На следующее утро Прабхупада вновь поинтересовался:

— Как там призрак? Они не хотят его вернуть?

Он рассказал, как много лет назад в Индии, когда он занимался своим фармацевтическим бизнесом, однажды ночью он обнаружил в своей лаборатории привидений.

— И что же вы сделали? — спросил кто-то из преданных.

— Я просто повторял «Харе Кришна», и привидения ушли.

Прабхупада расширил глаза и, жестикулируя обеими руками, изобразил перепуганных рабочих, прибежавших к нему из лаборатории: «Бабу-джи! Бабу-джи! Там привидение! Привидение!» Преданные рассмеялись.

— На самом деле, — сказал Прабхупада, — здесь полно привидений. Особенно там, где конюшни. Они очень привязаны к этому месту. Но они не причинят вам вреда, если вы будете просто повторять «Харе Кришна».

Шрила Прабхупада хотел как можно скорее уехать из Титтенхерста, и в конце октября некоторые преданные переехали на Бери-Плейс. Прабхупаде больше нечего было делать в Титтенхерсте. Мистер Леннон был влиятельным человеком, который проявил интерес к Кришне, но оставаться дальше в его поместье не было смысла.

Йоко и Дэн, ее бывший муж, который теперь работал у Джона менеджером, всю старались убедить его избавиться от преданных. Дэн жаловался, что они стремятся завладеть поместьем. Преданные же в ответ сетовали, что Дэн и Йоко возводят на них напраслину. С одной стороны — Дэн и Йоко, с другой — преданные. Джон оказался между молотом и наковальней; нужно было выбирать.

Джон сказал Мукунде, что сам он хорошо ладит с преданными, а вот окружающим его людям это дается с трудом. Он дал преданным еще пару недель на то, чтобы те переехали в новый храм. Но преданные и так уже постепенно перебирались на Бери-Плейс, а Мукунда подыскал для Прабхупады квартиру недалеко от храма. Еще несколько дней — и все будет готово для переезда.

В день отъезда из Титтенхерста, уже готовясь сесть в машину, Прабхупада вдруг остановился и сказал:

— Мне хотелось бы сначала попрощаться с друзьями.

В последний раз он прошелся по парку, подолгу останавливаясь возле каждого дерева и иногда трогая их листья, как он обычно делал это на утренних прогулках. Потом он уехал. На следующий день над Титтенхерстом пронесся свирепый ураган, выбивший в окна стекла и вырвавший с корнем многие деревья.

* * *

3 ноября 1969 года

Шрила Прабхупада въехал в свою меблированную квартиру на Бейкер-стрит, что была в десяти минутах езды до храма на Бери-Плейс. Проведя в Лондоне два месяца, он жаждал увидеть открытие нового храма, и Шьямасундара трудился в поте лица, хотя дело двигалось не очень быстро.

По поводу художественного оформления храма у Шьямасундары была одна идея, которая пришла к нему, когда он увидел фотографии пещер Аджанты — южноиндийских храмов с резными каменными стенами и потолками. Он хотел добиться того же эффекта, используя для этого калифорнийское красное дерево, которое они с Мукундой год назад отправили в Англию. Узнав о его планах, Шрила Прабхупада спросил:

— К чему все эти художества?

Но Шьямасундара уже настолько привязался к своей идее, что Прабхупаде пришлось дать согласие. Часть потолка была уже закончена, и пути назад не было.

День и ночь Шьямасундара трудился в поте лица. День за днем отделка становилась все более тонкой: стены и пол были выполнены из цельного красного дерева, а потолок пересекали деревянные арки. Шьямасундара внимательно следил за тем, чтобы каждая деталь находилась строго на своем месте. Сантиметр за сантиметром он двигался к цели, а преданные шутили, говоря, что комната похожа больше на перевернутый вверх дном корабль. Но Прабхупада подбадривал Шьямасундара, говоря, что все очень красиво.

Прабхупада часто позволял своим ученикам действовать так, как они хотят. Он рассуждал так: они сами заработали деньги и теперь вправе тратить их на служение Кришне, как сами сочтут нужным. Он не пытался вникнуть во все тонкости служения ученика, особенно если тот проявлял смекалку и упорство и если его идеи никому не мешали и не причиняли вреда. По большому счету, все ученики Шрилы Прабхупады полностью зависели от его решений, но часто он бывал снисходителен — «снисходителен на восемьдесят процентов», как он сам иногда говорил.

Шьямасундара особенно преуспел в организации собственных масштабных проектов. Это он организовал концерт «Мантра-рок данс» в Сан-Франциско, построил колесницы первой Ратха-ятры, завязал дружбу с Джорджем Харрисоном, а теперь работал над отделкой храма. Прабхупада все позволял, но бдительно, по-отечески, наблюдал за своим учеником.

Сверившись с ведическим календарем, Шрила Прабхупада назначил дату открытия храма — 14 декабря. И, несмотря на опасения Шьямасундары и других, что закончить работу к этому сроку будет невозможно, приказал немедленно напечатать приглашения. У преданных был еще непечатый край работы, а времени оставалось мало. Предстояло закончить не только алтарную комнату, но и комнаты Прабхупады на втором этаже и кухню в полуподвале. Поняв, что времени в обрез, преданные принялись трудиться еще усерднее.

Шриле Прабхупаде не терпелось поскорее открыть храм, но не меньше было и желание напечатать первый том книги «Кришна». А денег не было.

По предварительным подсчетам издателей, на книгу требовалось около девятнадцати тысяч долларов. Прабхупада обратился к Шьямасундаре и велел ему попросить пожертвование у своего друга Джорджа. Шьямасундара засомневался: в этом отношении он всегда вел себя с Джорджем очень аккуратно и никогда не просил у него денег. Но Прабхупада настаивал, и Шьямасундаре пришлось подчиниться.

Джордж было согласился, но потом об этом пожалел. Шьямасундара расстроился. В конце концов, он с самого начала не хотел идти к Джорджу с этой просьбой, а Джордж не любил, когда у него просили денег. Когда Прабхупада услышал об этом, он пригласил Джорджа к себе.

Джордж пожаловался Прабхупаде, что люди каждый день просят у него денег. Но когда Прабхупада объяснил, насколько важна эта книга, и сказал, что пожертвование Джорджа будет преданным служением Кришне, Джордж

отбросил сожаления. Кроме того, он согласился написать к книге предисловие.

Джордж: Я никогда не считал себя достойным писать предисловие к книге Шрилы Прабхупады. С одной стороны, поскольку я знаменит, это могло помочь. С другой — могло и помешать, поскольку не все хотели слушать, что я говорю, и не все верили моим словам. Многие могли бы отвернуться только из-за того, что именно я это говорю. Я имею в виду, что, если бы, например, я взял книгу о Кришне, предисловие к которой написал Фрэнк Заппа или кто-то подобный, я бы подумал: «О Господи, похоже, это не для меня».

Поэтому мне казалось, что, хотя Прабхупада и обратился ко мне с этой просьбой, может быть, на самом деле он не очень-то и хотел этого. Но это был один из тех случаев, когда я не мог просто отмахнуться. Все были настроены серьезно: «Ты пишешь предисловие, и точка». Вот я его и написал.

Шрила Прабхупада захотел посмотреть на высадку людей на Луну. Преданные взяли напрокат телевизор и поставили его в комнату, где жил Прабхупада. Прабхупада принимал свой обычный массаж, сидя в кресле перед телевизором.

Пурушоттама объявил:

— Итак, Прабхупада, время подходит. Я включаю телевизор, и скоро мы увидим кадры, снятые астронавтами в космосе.

Журналист вел передачу с мыса Канаверал во Флориде:

— Мы вот-вот получим первые кадры со съемки этого исторического события.

Появилось изображение — вначале расплывчатое, затем более четкое. Космический корабль опустился на поверхность Луны.

Из него, плавно опускаясь на лунный грунт, выходили астронавты. Пурушоттама был в восторге.

Дхананджая: Я пытался массировать голову Прабхупады и параллельно с этим смотреть передачу. Вдруг, в тот момент, когда из корабля вышли люди, Прабхупада жестом велел мне сесть перед ним. Я обошел его кресло и сел. И как только я сел, Прабхупада начал массировать мою голову. Мне стало очень стыдно.

— Ты забыл, как правильно делать массаж? — спросил он. — Вот так.

Он массировал мне голову около двух минут.

Затем я снова встал за Прабхупаду и продолжил. В это время астронавты уже ходили вокруг корабля. Они вынули маленький американский флаг, воткнули его в поверхность Луны и прыгали. Закон притяжения на них явно не действовал, так как каждый раз, подпрыгнув, они повисали в воздухе и только потом медленно опускались. Все это сопровождалось их ликующими возгласами.

— Итак, Пурушоттама, — спросил Прабхупада, — они достигли Луны?

— Да, Прабхупада, — восторженно воскликнул Пурушоттама. — Они высадились!

Прабхупада улыбнулся.

Дхананджая: Прабхупада снова велел мне выйти вперед. Я обошел его и присел. Я думал, он хочет, чтобы я помассировал его спереди. Но он опять взялся за массаж моей головы. Он спросил:

— Ты что, не можешь научиться такой простой вещи, как массаж головы?

Я смотрел на экран и постоянно отвлекался. Я снова приступил к служению, но Прабхупада опять сказал:

— Ты все равно делаешь не то, что нужно.

Я ответил:

— Прабхупада, я стараюсь как могу.

Он засмеялся и сказал:

— Ну ладно, продолжай.

Прабхупада спросил Пурушоттаму:

— Итак, что ты видишь?

— Они обследуют поверхность Луны, — ответил тот.

— И что же там?

— Ну, выглядит так, будто они приземлились в каком-то кратере. Почва там песчаная, с камнями. О, смотрите, они показывают тени от камней, которые раскиданы вокруг!

— Это все, что ты видишь? Людей там нет? Деревьев? Рек? Зданий?

— Нет, — ответил Пурушоттама. — Луна похожа на пустыню.

— Значит, они высадились не на Луне, — уверенно сказал Прабхупада. — Это не Луна.

Позднее, когда Малати принесла для Шрилы Прабхупады обед, он сказал:

— Малати приготовила немного кичри для Кришны, и это куда значительнее, чем то, что сделали они.

Несмотря на то что в квартире Шрилы Прабхупады и в храме на Бери-Плейс еще продолжался ремонт и царил шум и беспорядок, Прабхупада решил все же въехать туда.

— Мне не нужна комфортабельная квартира, — сказал он. — Я хочу только одного — жить с преданными.

Он переехал в храм в то время, когда пластинка шла плохо и преданным приходилось покупать все необходимое по частям, когда у них появлялись деньги. Но, поскольку с ними вместе жил Прабхупада, который наблюдал за их работой, они были вполне довольны и счастливы.

Из Лос-Анджелеса приехал Тамала-Кришна. Он следил за ходом работ и вдобавок начал каждый день выводить преданных на улицы, чтобы петь и продавать «Бэк ту Годхед». Ямуна с утра до ночи шила шторы. Ишана, Шьямасундара и остальные использовали для работы каждый свободный час. В конце каждого дня Прабхупада обходил здание, чтобы посмотреть, как идут дела.

До открытия храма оставалась всего неделя, а Шьямасундара продолжал трудиться над отделкой потолка. К алтарю он даже еще не приступил. Преданные снова пожаловались Прабхупаде на медлительность Шьямасундары, но Прабхупада ответил:

— Он хочет, чтобы все было красиво. Пусть работает.

Шьямасундара (на этот раз по собственной инициативе) попросил Джорджа пожертвовать денег на алтарь. Джордж дал две тысячи фунтов, и Шьямасундара подыскал кусок золотистого желтовато-дымчатого мрамора и два куска красного. У Шрилы Прабхупады были вырезанные из дерева Божества Радхи и Кришны высотой почти полметра, но он не планировал Их устанавливать. Алтарь, который делал Шьямасундара, был предназначен для Божеств явно большего размера.

Однажды, когда реконструкция шла полным ходом, преданным позвонил некий господин Доял, представлявший в Лондоне крупное индуистское общество. Он сказал им, что слышал, будто преданным нужны Божества Радхи-Кришны. У него как раз были такие Божества, которые он мог бы пожертвовать. Услышав это, Шрила Прабхупада немедленно отправил Тамала-Кришну, Мукунду и Шьямасундару к господину Доялу домой посмотреть Божества.

Изваяния Радхи и Кришны из белого мрамора были около метра высотой. Никогда до этого преданные не видели таких больших Божеств. Они почтительно склонились перед Ними. Когда преданные вернулись в храм и рассказали о Божествах Прабхупаде, тот воскликнул:

— Сию же минуту везите меня туда!

Шрила Прабхупада вместе со Шьямасундарой, Мукундой и Тамала-Кришной подъехали к дому господина Дояла на автофургоне. Шрила Прабхупада вошел в гостиную и сел. Божества, покрытые тканью, стояли на столе в углу комнаты. Тамала-Кришна хотел было снять с Них покрывало, но Прабхупада остановил его:

— Не нужно. Оставь так.

Он сидел и разговаривал с господином Доялом, расспрашивая его о работе, о том, где он жил в Индии. Господин Доял познакомил его со своей семьей. Прабхупада непринужденно беседовал с хозяином, а преданные слушали.

— Свамиджи, — сказал наконец господин Доял, — я хочу показать вам свои Божества.

— Хорошо, — ответил Шрила Прабхупада, — я посмотрю Их попозже.

Он стал рассказывать господину Доялу о своей миссии, связанной с распространением сознания Кришны во всем мире. Через некоторое время господин Доял снова прервал его:

— Прошу вас, взгляните на Божества.

Тут он подошел к Ним и снял с Радхи и Кришны покрывало.

— О да, — сказал Шрила Прабхупада, почтительно сложив ладони.

Господин Доял объяснил, что заказал эти Божества в Индии для своего Общества, но при перевозке у Радхарани откололся крохотный кусочек пальца, поэтому, согласно индуистской традиции, устанавливать Божества было нельзя.

— Тамала-Кришна, — произнес Шрила Прабхупада, — посмотри, Божества очень тяжелые или нет?

Взявшись одной рукой за основание, а другой — за плечо Радхарани, Тамала-Кришна поднял Ее.

— Не очень тяжелая, — сказал он.

— Шьямасундара, — попросил Прабхупада, — посмотри, тяжелый ли Кришна.

На самом деле для одного человека Божества были тяжеловаты, но преданные уже разгадали намерения своего духовного учителя.

— Не очень, — сказал Шьямасундара, приподняв Кришну на несколько сантиметров от стола.

— Хорошо, — заключил Прабхупада, — я думаю, Они нам подойдут. Мы берем Их. Фургон у нас есть.

Он решительно направился к выходу, а за ним последовали преданные, осторожно неся Радху и Кришну. Прабхупада поблагодарил господина Дояла.

— Но, Свамиджи, Свамиджи! — запротестовал господин Доял, которого этот внезапный исход застал врасплох. — Ради Бога! Мы все сделаем, мы сами доставим Их! Наше Общество привезет вам Божества!

Не обращая на него внимания, Шрила Прабхупада вышел за дверь и повел своих учеников к фургону.

— Да подождите же, — не унимался господин Доял. — Мы сначала отреставрируем Божества, а потом вы можете Их забрать.

— У нас есть специалист, — ответил Шрила Прабхупада. — Он сам Их отреставрирует.

Прабхупада убеждал господина Дояла и одновременно руководил действиями своих учеников. Он открыл дверь фургона, и Шьямасундара с Тамала-Кришной медленно и осторожно внесли туда Радху и Кришну. Тамала-Кришна встал на колени в багажном отделении, придерживая Божества, а Шьямасундара сел за руль.

— Трогай, — скомандовал Прабхупада.

Он улыбнулся на прощание господину Доялу и его семье, которые стояли на краю тротуара, и они поехали.

Не успел Шьямасундара проехать несколько кварталов, как Прабхупада попросил его остановиться. Обернувшись назад, он стал возносить молитвы: *говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами...* Он долго любовался Кришной, белым, с легким голубоватым отливом, и стоящей рядом с Ним ослепительно-белой Радхарани.

— Кришна так милостив, — сказал Прабхупада. — Только посмотрите, как Он к нам явился!

После этого он велел Шьямасундаре не спеша ехать к храму.

Прабхупада внимательно следил за тем, как его ученики несли Божества на второй этаж. Преданных изумило и восхитило волнение духовного учителя, который привез в их храм Радху и Кришну. Он велел поставить Божества в свою комнату за занавеску и только после этого сел за рабочий стол.

Прабхупада улыбался.

— Кришна хорошо схитрил.

Он сказал, что в «Махабхарате» тоже описываются случаи, когда Кришне приходилось идти на разные уловки. Например, однажды случилось так, что Кришна согласился встать на сторону того полководца, которого с утра увидит первым. Командиры двух враждующих сторон, Арджуна и Дурьйодхана, пришли к Кришне ранним утром, когда Он еще спал. Они договорились, что один встанет у изголовья Кришны, а другой — у Его ног и оба подождут, пока Кришна проснется. Дурьйодхана решил встать у изголовья, а Арджуна — в ногах. Кришна проснулся и увидел Арджуну.

— Это была одна из уловок Кришны, — сказал Прабхупада. — И сегодня Он тоже как следует схитрил.

Он рассказал, как Кришна обманывал маму Яшоду, когда та пыталась его утихомирить. Он убежал, а она погналась за Ним, поймала и попыталась связать Его веревками.

— Но каждый раз, когда она приносила веревки, — рассказывал Прабхупада, — они оказывались чуть коротковаты. Кришна может вытворять любые фокусы. И сегодня Он пошел на очередную хитрость. Они столько усилий приложили, чтобы привезти эти Божества, рассчитывая установить Их в своем индуистском центре. Но Кришна все это время хотел прийти сюда. И этот дефект на руке Божества — просто Его уловка. И мы Их забрали.

— Прабхупада, — сказал Мукунда, — вы похитили Кришну.

— Да, — ответил Прабхупада. — Как-то раз я зашел в банк, а у заведующего банком был один хитрый план. Но я сорвал его планы. Тогда он мне сказал: «Господин Де, вам надо было идти в политики».

Прабхупада рассмеялся. Потом он стал серьезным и попросил преданных никому не рассказывать о том, что произошло. Многие не поймут, если узнают, что он установил Божества с дефектом. Преданные пообещали держать все в секрете, но у них не было сомнений, что любовь их духовного учителя к Кришне выше всех индуистских традиций; Радха и Кришна пришли в Лондон по его желанию.

— Как же одевать такие большие Божества? — спросила Ямуна. — На Них уже есть одежды.

Прабхупада сказал:

— Принеси мне отрез ткани.

— Какой ткани, Прабхупада? Как должны выглядеть одежды?

— Как на изображениях, — ответил он.

— Но изображений так много, и все разные, — сказала она. — Иногда на Кришне юбка в складочку, иногда *дхоти*, а иногда у Него большая корона.

— Кришне очень идет шафрановый цвет, — сказал Прабхупада. — Так что принеси мне несколько шелковых *дхоти* желтого и шафранового цветов.

Ямуна нашла шесть шелковых сари с серебряной и золотой каймой, и Прабхупада показал, какой фасон лучше и как сделать короны. До церемонии установления оставалось всего несколько дней, поэтому Ямуна почти все свое время проводила за швейной машинкой. Несколько раз в день Прабхупада приходил, чтобы посмотреть, как продвигается работа.

Шьямасундара закончил почти весь алтарь. Оставалось доделать только алтарь Господа Джаганнатхи и закрепить балдахин над тронем Радхи и Кришны. Балдахин и алтарь должны были опираться на четыре массивные деревянные колонны около двух метров высотой. Две задние колонны должны были держать мраморную плиту, на которой установят Божества Джаганнатхи, а две передние уже поддерживали большой бархатный балдахин Радхи и Кришны. Колонны были большие и тяжелые, и Шьямасундара называл их «слоновыми ногами». Они уже стояли на своем месте на алтаре, однако Шьямасундара еще не успел их закрепить. За день до установления Божеств надорвавшийся Шьямасундара не смог подняться и лежал в своей комнате на втором этаже.

В день открытия в храме собралось множество гостей, особенно индийцев, привлеченных рекламными листовками и расклеенными по городу афишами. Студия звукозаписи «Эппл» прислала в храм профессионального флориста, который украсил зал цветами. Съёмочная группа телевидения Би-би-си стояла наготове, собираясь заснять всю церемонию на видеопленку. В храмовой комнате шел *киртан*, в котором участвовало большинство преданных, а тем временем Шрила Прабхупада за занавесом проводил церемонию омовения Радхи и Кришны.

План был таков: после омовения Божества поставят на алтарь, и Ямуна начнет Их наряжать. После того как Их оденут, занавес откроется и все собравшиеся смогут увидеть Шри Шри Радху и Кришну. Прабхупада прочитает лекцию, а затем начнется пир. Однако из-за недосмотра Шьямасундары церемония установления Божеств чуть было не обернулась катастрофой.

Шрила Прабхупада уже завершил омовение Божеств, после чего Их установили на мраморном алтаре, и в этот момент «слоновые ноги» неожиданно зашатались. Балдахин над Божествами накренился. Поняв, чем это грозит, Прабхупада в мгновение ока подскочил к алтарю и подхватил две тяжелые колонны. Колоссальным усилием ему удалось удержать колонны на месте.

— Уберите это отсюда! — закричал он.

Пока Прабхупада спасал Божества, удерживая руками колонны алтаря, один преданный убрал балдахин, а другие преданные, взявшись за колонны — по двое с каждой стороны, — вынесли их из храма. Божества остались целыми и невредимыми.

Пока Шрила Прабхупада стоял за занавесом, спасая Радху и Кришну, по другую сторону занавеса гости и журналисты ждали, когда же наконец откроют Божества. Ни о чем не подозревавшие гости вдруг увидели людей, которые появились из-за занавеса, неся огромные колонны и балдахин. Как только они вышли, операторы Би-би-си бросились их снимать, решив, что их действия являются частью ритуала.

Несколько преданных, стоявших с Прабхупадой за занавесом, были потрясены увиденным, но сейчас у них не было времени для восторгов и оправданий. Ямуна наряжала Божества, а Прабхупада ее торопил. Когда наконец все было готово, Прабхупада открыл главный занавес и перед гостями, заполнившими храм, предстали Господь Кришна и Радхарани во всей Своей красе. Один из преданных начал проводить *арати*, а Прабхупада, в шафрановом *чадаре* и с гирляндой из гвоздик на шее, стоял сбоку, с благоговением взирая на Радху и Кришну как Их слуга и защитник.

Праздник стал кульминацией нескольких месяцев напряженного труда. На самом деле этому счастливому событию предшествовали многие годы планомерной подготовки. Сто лет тому назад Бхактивинода Тхакур мечтал о том дне, когда сознание Кришны придет в Англию, того же хотел и Шрила Бхактисиддхант Сарасвати. Открытие в Лондоне храма Радхи и Кришны, который будет проповедовать здесь сознание Кришны, было вехой в истории развития Гаудия-вайшнавизма. Они исполнили наказ великих *ачарьев* прошлого. Шрила Прабхупада разослал приглашения некоторым своим духовным братьям в Индии. Никто, конечно, приехать не смог, но они, по крайней мере, должны были обрадоваться, узнав, что мечта Бхактисиддханты Сарасвати наконец осуществилась.

Шриле Прабхупаде было семьдесят три года. За три предыдущих года он сумел открыть двадцать один храм. Незадолго до этого Шрила Прабхупада велел некоторым своим ученикам сформировать руководящий орган ИСККОН, который должен будет освободить его от административной работы и позволить ему полностью сосредоточиться на переводе литературы о сознании Кришны. Эти книги нужно будет распространить по всему миру, они должны быть во всех домах, во всех школах и университетах на благо всех людей мира. В своих книгах он будет жить вечно. Он сказал, что не знает, сколько еще времени ему отпущено, но хочет продолжать служить своему Гуру Махарадже и стараться радовать его своим трудом жизнь за жизнью.

Однако, вопреки желанию удалиться от активной деятельности и посвятить все свое время работе над книгами, сейчас ему приходилось устанавливать в новом храме Божества и защищать Их от халатности своих учеников. Не будь его здесь, церемония обернулась бы катастрофой. У него уже много учеников, которые работают не покладая рук, но они по-прежнему нуждаются в его личном руководстве.

ИСККОН только начал расти. Прабхупада не хотел ограничиваться несколькими храмами, а намеревался открыть как минимум сто восемь храмов. Его поездки по миру и публикация его книг только начались, и с

каждым днем у него будет все больше и больше учеников, больше храмов и больше обязанностей. Будет расти престиж его Движения, а вместе с ним и противодействие со стороны атеистов. Сознание Кришны распространялось все шире, и Шрила Прабхупада шел впереди.

— Я вижу свет, — говорил он. — Это свет величия Кришны.

Он считал себя слугой своего духовного учителя, а светлое будущее его Движения было в руках Кришны.

Прабхупада позвал Шьямасундару. Хотя он поначалу и сердился из-за катастрофы на алтаре, которой только чудом удалось избежать, он понимал, что ученики сделали все, что могли. Он сказал Шьямасундаре, что храм прекрасен и очень ему нравится. Затем он попросил, чтобы на входе повесили табличку с золотыми буквами на голубом фоне:

ХРАМ РАДХИ-КРИШНЫ

Этот храм был построен благодаря
самоотверженному труду и усилиям
Шьямасундары даса Адхикари.

В день отъезда из Лондона Шрила Прабхупада раздал ученикам кое-что из своих личных вещей — свитера, шарфы и т. д. Затем в одиночестве он спустился в храм, чтобы попрощаться с Божествами. Он долго лежал, распростершись на полу, затем поднялся и стал смотреть на Радху и Кришну.

Ямуна: Прабхупада смотрел на Божества с выражением безраздельной преданности. Он любил эти Божества. Он говорил об Их несравненной красоте и о том, как Они дополняют друг друга, как Радхарани иногда кажется более красивой, чем Кришна, но луноподобный лик и глаза Кришны излучают сияние, затмевая красоту Радхарани. Увидев меня, Прабхупада мимоходом заметил:

— Если ты будешь делать то, чему я тебя научил, следовать указаниям, которые я тебе дал, и в соответствии с ними поклоняться Божествам, если ты будешь читать книги, которые мы напечатали, то этого будет вполне достаточно, чтобы ты смогла вернуться к Богу. Тебе не нужно учиться ничему другому. Просто делай то, чему я тебя научил, и твоя жизнь станет совершенной.

Сказав это, он ушел — просто взял и ушел.

Бостон

21 декабря 1969 года

НЕ МЕНЕЕ СТА учеников и последователей Прабхупады собралось в зале для гостей международного аэропорта Логан в Бостоне. Из Нового Вриндавана приехал с полным автофургоном преданных Киртанананда Свами. Приехали преданные из Нью-Йорка, с огромным транспарантом: «НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИСККОН ПРИВЕТСТВУЕТ ШРИЛУ ПРАБХУПАДУ». Собравшиеся поют «Харе Кришна», некоторые играют на барабанах и караталах. Почти на всех поверх *дхоти* и сари — теплые пальто. Некоторые пришли с детьми, в том числе и с грудными младенцами. Ожидающие своего рейса пассажиры, ошарашенные, во все глаза смотрят на это зрелище.

Самолет Прабхупады опаздывает, но преданные не прекращают петь, часто подпрыгивая высоко в воздух с поднятыми руками. С минуты на минуту должна произойти встреча, которой все они ждут уже очень давно. Забыв, что на них смотрят люди, преданные поют так эмоционально, что почти впадают в экстаз, не в силах совладать с собой. Появляется полицейский и обращается к самому солидному из преданных, Брахмананде:

— Успокойте людей!

Пение стихает и превращается в негромкое бормотание *джапы*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Самолет из Лондона идет на посадку! Преданным не видно, как пассажиры входят в застекленную зону иммиграционного и таможенного контроля, — стеклянная стена на два метра от пола выкрашена черной краской. Не переставая петь, ребята пытаются заглянуть поверх. Ребята в сильном возбуждении, иные чуть ли не в истерике, задние напирают на передних. Вдруг они видят, как по ту сторону стены поднимается вверх рука Прабхупады с мешочком для четок! Они видят только руку и мешочек, но и этого достаточно, чтобы привести их в неистовый восторг.

Никого и ничего не боясь, они ударяют в барабаны и *карата-лы* и вновь взрываются *киртаном*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Адвайта, с глазами, полными слез, изо всех сил колотит в *карталы*. Брахмананда, высоко подпрыгивая, чтобы заглянуть в кабинку таможенного контроля, рыдает и кричит, не в силах сдержать себя:

— Прабхупада! Прабхупада!

Пройдя все таможенные формальности, Шрила Прабхупада внезапно появляется перед учениками. Киртанананда Свами, который до этого был

сдержан, летит к нему, перепрыгивая через кресла, через весь зал ожидания. Все толкаются и бегут, стараясь оказаться поближе к духовному учителю.

Шафрановая одежда Прабхупады помята после долгого перелета. На нем вязаный свитер. В левой руке он держит белый пластмассовый дипломат, а правую, с мешочком для четок, снова поднимает вверх. Из мешочка выглядывают его большой и указательный пальцы. Он дарит своим ребятам лучезарную улыбку. Обливаясь слезами радости, преданные кричат:

— Слава Прабхупаде!

Он идет к дивану, покрытому шафрановой тканью, и преданные, напирая друг на друга, ликующей толпой устремляются за ним. Он садится. Парамананда из Нового Вриндавана со своим новорожденным сыном — первым мальчиком, родившимся в ИСККОН, — выходит вперед и протягивает его Прабхупаде, чтобы тот благословил ребенка. Прабхупада улыбается. Преданные — на вершине блаженства и не стесняются этого.

— А где Хаягрива? — спрашивает Прабхупада.

Вопрос летит по рядам, и вот сквозь толпу протискивается гигант Хаягрива и, бормоча себе под нос молитвы, падает к стопам духовного учителя. Руководители центров ИСККОН один за другим выходят вперед и надевают на Прабхупаду цветочные гирлянды.

Прабхупада смотрит поверх голов преданных и видит репортеров с фотоаппаратами и зевак — озадаченных, любопытных и снисходительно усмехающихся.

— Наверное, политик, — говорит какой-то человек из толпы.

— Итак, — начинает Прабхупада, — духовному учителю следует поклоняться, как Богу. Но если он сам считает себя Богом, от такого учителя нет никакого толку. Я прошу вас, пожалуйста, не считайте сознание Кришны очередной сектой...

Прабхупада объясняет, что сознание Кришны — великая наука, достигающая своего наивысшего выражения в чистой любви к Богу.

— Эти юноши и девушки никогда раньше не слышали о Кришне, — продолжает он, — но сейчас они с легкостью встали на этот путь, ибо это естественно для каждого.

Прабхупада говорит, что он уже не молод, но не сомневается в том, что даже после его ухода ученики продолжат развивать Движение сознания Кришны. Сила этого Движения такова, что оно способно в сердце каждого человека пробудить знание о Боге. После лекции Прабхупада встает и в сопровождении преданных выходит на улицу. Там его ждет лимузин, который по свежеснежному снегу везет его в храм.

С Прабхупадой в машине ехали четверо счастливых: Киртанананда Свами, Брахмананда, Сатсварупа и Пурушоттама. Вел машину специально нанятый шофер. Прабхупада говорил о Лондоне. Он рассказал, что это старый, аристократичный город, а храм располагается в очень престижном районе, рядом с Британским музеем.

— Он находится... как же это?.. В деловой части города.

Машина проехала мимо большого рекламного щита, приглашающего в ресторан и бар гостиницы «Континенталь». Увидев плакат, Прабхупада удивился:

— Что? «Чинтамани»? О, «Континенталь»!

Преданные переглянулись. «Чинтамани»! Прабхупада подумал, что на щите написано «Чинтамани», — так называются духовные драгоценные камни, из которых состоит трансцендентная земля Кришналоки. Прабхупада сам был *чинтамани*, чистым и невинным, как дитя. Сейчас он приехал в холодный и грязный Бостон, но, где бы он ни оказался, он все равно не переставая думал о Кришне. Какая удача находиться с ним рядом! Сатсварупа взглянул на водителя:

— Ведите осторожно.

Прабхупада устроился на заднем сиденье и негромко, вполголоса, говорил, тогда как преданные, развернувшись, пытались разглядеть его в темном салоне автомобиля, охваченные трепетом от присутствия духовного учителя. Он был близок и дружелюбен с ними и все-таки оставался непостижим.

— На днях, — говорил Прабхупада, — я сказал Джорджу Харрисону, что если он считает деньги, которыми он располагает, своей собственностью, то это *майя*.

Перед тоннелем Самнера лимузин притормозил у автомата, собирающего плату за проезд. Водитель бросил в щель монетку, и красный свет сменился зеленым. Прабхупада поинтересовался, не бывает ли так, что кто-нибудь проезжает, не заплатив. Брахмананда ответил, что в таком случае срабатывает сигнализация. Тоннель Самнера был мрачноватым местом и обычно заставлял понервничать — но не тогда, когда рядом Прабхупада.

— Я попросил Джорджа отдать деньги Кришне, — продолжал он. — Отдать Кришне не обязательно значит отдать мне. Но так или иначе он должен все свои деньги потратить на Кришну.

— Но вы — единственный путь к Кришне, — сказал Брахмананда.

Услышав это, Прабхупада беспечно рассмеялся.

— Да, — согласился он, — по крайней мере, на Западе.

Ехать с духовным учителем, слушать, как он говорит о всяких мелочах или же о вещах серьезных, любоваться его непостижимым выражением лица и его доброй улыбкой... Мало кому выпадала такая удача. Это была редчайшая возможность.

— Я представляю чистое, истинное учение, — продолжал Прабхупада. — Кришна говорит в «Бхагавад-гите»: «Предайся Мне», а я говорю: «Предайтесь Кришне». Очень просто. Многие *свами* приезжают сюда и объявляют Кришной себя, но это никуда не годится. А я говорю: «Предайтесь Кришне». Я не говорю ничего нового и ничего не добавляю от себя. Кришна говорит: «Предайся Мне», и я говорю: «Предайтесь Кришне».

Он поинтересовался у Брахмананды, по-прежнему ли «Бэк ту Годхед» печатается пятидесятитысячным тиражом. Брахмананда ответил утвердительно.

— Хорошо, — кивнул Прабхупада.

Обратив взгляд на Сатсварупу, он спросил, как поживает наборная машина. Сатсварупа ответил, что каждый месяц набираются сотни страниц. Киртанананду Свами Прабхупада спросил о Новом Вриндаване. Он сказал, что община непременно будет развиваться; единственный недостаток в том, что зимой туда невозможно добраться.

Все, кто сопровождал Прабхупаду, были полностью довольны этой короткой беседой. Они ехали, опьяненные духовным блаженством.

Большинство преданных добрались до храма на Бикон-стрит раньше, чем Шрила Прабхупада, и теперь они ждали его там, охваченные радостным волнением. Лимузин подкатил к дверям, и снова преданные не стеснялись своих бурных проявлений любви к духовному учителю. Прабхупада величественно прошествовал по дорожке, поднялся по ступенькам крыльца, вошел в вестибюль через парадную дверь и осмотрел пурпурные стены и дверные проемы, выкрашенные в розовый и зеленый цвет. Со всех сторон на него были устремлены любящие взоры преданных, встречавших его радостными возгласами. Он улыбался.

В гостиной на втором этаже, ныне служившей алтарной комнатой, собралось более ста пятидесяти учеников и гостей. Прабхупада поднимался по лестнице, и фигура его постепенно вырастала перед взорами присутствующих. В левой руке он по-прежнему держал белый дипломат, а в правой — мешочек с четками. И хотя за окном стоял зимний вечер, пальто на Прабхупаде не было, только хлопчатобумажные одежды *санньяси* и свитер. Казалось, что от него исходило сияние.

Шрила Прабхупада подошел к алтарю. Он, казалось, замечал абсолютно все: и маленькие Божества Радхи-Кришны на троне под красным бархатным балдахином, и большие Божества Джаганнатхи, Субхадры и Баларамы на полке, закрепленной над изображением Господа Чайтаньи и Его группы *санкиртаны*, и даже начищенные до блеска латунные предметы для *арати* на маленьком столике рядом с алтарем. Повернувшись к Пурушоттаме, своему секретарю, сопровождавшему его во время путешествия, Прабхупада спросил:

— Как тебе, Пурушоттама? Очень красиво, правда?

Пройдя через комнату, Прабхупада сел на *вьяса-асану*, обитую красным бархатом, и заговорил. Все обратились в слух. Похвалив лондонский центр — то, как там поклоняются Божествам и как превосходно готовят для Радхи и Кришны *пури*, он повернулся к алтарю и сказал:

— Когда вы начищаете утварь для поклонения Божествам, ваше сердце тоже очищается.

Полируя до блеска предметы для *арати*, сказал он, преданные очищают и сердце своего духовного учителя.

Когда он произносил эти слова, полностью сосредоточив внимание на преданности Божествам, преданные вдруг осознали, насколько важен этот момент в их практике сознания Кришны.

— Кто сшил эти одежды? — спросил Прабхупада, взглянув на изящные наряды Радхи и Кришны, украшенные оборками.

— Шарадия, — откликнулись преданные.

Прабхупада улыбнулся.

— Спасибо тебе большое.

Он откинул голову и засмеялся:

— Шарадия по-прежнему ссорится с мужем?

Преданные и гости засмеялись, а Шарадия закрыла лицо руками.

— Не ссорься с ним, — сказал Прабхупада. — Он хороший парень. Любой, кто встает на путь сознания Кришны, хороший человек.

Затем он попросил, чтобы ему показали остальные помещения.

Когда Шрила Прабхупада пошел вниз, за ним увязались не менее сотни преданных — всем было интересно узнать, какое впечатление произведет на него храм, и услышать его мнение. Несмотря на окружающую его толпу, Прабхупада оставался спокойным и неторопливым. Он вошел в длинный зал, расположенный прямо под алтарной комнатой, — здесь печатались журналы. Комнату заполняли пачки бумаги, старый, большой офсетный станок, машина для обрезки бумаги, фальцевальный аппарат... Пахло типографской краской. Адвайта, заведующий типографией, в костюме защитного цвета, поклонился Прабхупаде. Когда, с улыбкой на лице, он встал с пола, Прабхупада подошел и обнял его, обхватив руками его голову.

— Очень хорошо, — сказал он.

Стоя у печатного станка, Шрила Прабхупада сложил руки и вознес молитву своему духовному учителю: «Джая Ом Вишнупада Парамхамса Шри Шримад Бхактисиддхант Сарасвати Махараджа Прабхупада ки джая!» Адвайта попросил Прабхупаду дать типографии духовное имя.

— «ИСККОН пресс», — произнес Прабхупада будничным тоном, как будто уже давно придумал это название.

— Поддерживайте все станки в безупречной чистоте, — велел он, — тогда они прослужат долго. Это сердце ИСККОН.

— Сердце ИСККОН — это вы, Прабхупада, — сказал какой-то преданный.

— А это — мое сердце, — отозвался он.

Выйдя из главного цеха, Прабхупада пошел осматривать остальные типографские помещения. Протискиваясь, подныривая, привставая на цыпочки, преданные шли за ним по пятам. Он заглянул в крохотную каморку, где работал преданный-наборщик. Наборщики, сказал он, поначалу должны работать очень медленно, и со временем они набьют руку. Повернувшись к Адвайте, он сказал:

— В Индии каждый, кто говорит на хинди, читает литературу издательства «Гита пресс». Аналогичным образом всякий, кто говорит по-английски, должен иметь у себя книги «ИСККОН пресс».

Если рассматривать Шрилу Прабхупаду наряду с другими писателями, его литературное наследие уже было довольно существенным. Но он не был просто писателем. Его миссией было затопить весь мир книгами, прославляющими Господа Кришну. ИСККОН существовал уже три года, но его ученики только начинали претворять в жизнь его планы по изданию и распространению духовной литературы.

Печатание книг было важным шагом — первым шагом. Несколькими месяцами ранее Прабхупада писал:

Типография должна работать постоянно. Мы должны издавать горы литературы. Если типография будет работать слаженно, я дам вам столько материала, что каждые два месяца можно будет издавать по книге. У нас нет недостатка в материалах для книг Движения сознания Кришны.

Перед самым приездом в Бостон он написал:

Санкиртана и распространение журналов «Бэк ту Годхед» и других наших печатных изданий — вот чем должно заниматься наше Движение. Храмовое поклонение стоит на втором месте.

Теперь ИСККОН ежемесячно печатал пятьдесят тысяч экземпляров «Бэк ту Годхед», и Прабхупада надеялся, что это не предел.

Стоя в тесном, холодном подвале, окруженный преданными, печатными станками и духовными книгами, Прабхупада делился мыслями о том, как, по его мнению, должно работать издательство «ИСККОН пресс». Он сказал, что после того, как он надиктует текст на магнитофонную ленту, лента должна почтой пересылаться в Бостон для транскрибирования. На транскрибирование должно уходить не более двух дней. В течение следующих двух дней кто-то должен отредактировать отпечатанный текст. Затем второй редактор за два дня отредактирует его еще раз. Редактор санскрита добавит диакритические знаки, и рукопись будет готова в набор.

Прабхупада сказал, что сможет ежемесячно надиктовывать пятнадцать магнитофонных лент, что составит триста машинописных страниц. С такой скоростью «ИСККОН пресс» должен каждые два месяца выпускать по одной книге — то есть шесть книг в год. А книг Прабхупада хотел напечатать не менее шестидесяти. Поэтому ближайшие десять лет у его печатников не будет недостатка в работе. Он добавил, что, если бы преданные просто без остановки печатали книги, даже если бы при этом им приходилось работать посменно двадцать четыре часа в сутки, это доставило бы ему «огромное удовольствие». Он же готов, если потребуется, ради издания книг бросить все другие дела.

То был особый нектар, которого так жаждали преданные, работавшие в издательстве. Издание книг было сердцем Прабхупады; для него не было ничего дороже этого.

Всю неделю, пока Шрила Прабхупада гостил в Бостоне, Пурушоттама продолжал из чувства долга исполнять обязанности его секретаря и слуги. Однако его лондонские проблемы усугубились. Угрюмый, терзаемый сомнениями, за два дня до отъезда он пришел к Прабхупаде.

Пурушоттама: *Еще в Лондоне я решил уйти. Я просто почувствовал, что хочу заняться чем-то другим. Но в Лондоне Прабхупада нуждался в моей помощи, и я чувствовал, что должен оставаться с ним. По крайней мере, я должен был доставить его обратно в Штаты. Я знал, что кому-то нужно сопровождать его в путешествиях. Я обязан был выполнить свой долг до конца, устроив все дела как следует. Я не мог просто взять и бросить его в чужой стране, в тот момент, когда он во мне нуждался.*

Я никому ничего не говорил. Я не критиковал его — ничего такого. Я честно выполнял свои обязанности, но своим отношением ясно давал ему понять, что в последние дни все больше от него отдаляюсь. Я не кланялся ему. Я входил, но не кланялся.

Он вошел в комнату Прабхупады, не поклонившись. Он стоял. Ему было неловко садиться, ибо то, что он готовился сказать, было очень серьезно. Прабхупада взглянул на него из-за своего письменного стола:

— Да, Пурушоттама?

Пурушоттама: *Я зашел к нему. Я знал, что собираюсь уходить, и мне было как-то тяжело говорить об этом. Но, так или иначе, я сказал ему, что у меня есть много вопросов — и о Движении, и о полете на Луну, и обо всем прочем. Я просто не верю в это. Он принял все, сказанное мною, очень близко к сердцу. Он отнесся ко мне с пониманием.*

Он сказал:

— Если у тебя есть сомнения, почему ты не спросишь меня?

Я ответил:

— Вы сами говорили, что мы должны спрашивать только того, кому доверяем.

Его, похоже, это очень обидело. Он понял, о чем я говорю. Я почувствовал, что действительно его обидел. Я не хотел вести себя вызывающе, но так уж получилось.

Он сказал:

— Да, я заметил, что в последнее время ты не в лучшей форме. У тебя какие-то проблемы?

— Что ж, я этого и не скрываю, — ответил я.

Кажется, я пытался как-то подготовить его к тому, что собирался сообщить. Я хотел уйти в тот же день. Итак, я сказал:

— Я хочу уйти.

Но он ответил:

— Ты так долго был со мной, а теперь тебе не терпится уйти? Даже на ночь не останешься?

И добавил:

— Останься хотя бы до моего отлета.

Он должен был улететь через два дня. Я согласился:

— Ладно. На это время я останусь.

Я собирался вернуться в Нью-Йорк. На самом деле у меня не было даже денег на билет, и он дал мне и на самолет, и на автобус. Я был очень благодарен ему за это. Можно было бы занять деньги у кого-то другого, но он сказал:

— Возьми. Ты можешь вернуть их позже.

И я взял. На следующей неделе я вернул ему долг.

Он очень понимающе ко всему отнесся. Я заметил, что он смотрит на мир как-то по-особому, с любовью. Я чувствовал, что порой я начинаю смотреть на мир так же, и понял, что научился этому у Прабхупады — этой сердечности и любви. Он воспринимал мир с любовью, и я словно позаимствовал у него частичку этой любви. Это одно из тех его качеств, о которых я всегда помню. И я знаю, что поверил в Бога именно благодаря его Движению. До нашей с ним встречи я не верил в Бога.

После того как Пурушоттама ушел, Прабхупада говорил с Брахманандой о сомнениях своего слуги, возникших в связи с полетом на Луну, и — как следствие этого — его сомнениях относительно сознания Кришны.

— Я могу понять, что он сомневается в моих словах. Но как он может не верить *шастрам*?

В Бостоне стояла скверная погода. Дождь сменялся снегопадом, а когда снегопад прекращался, снова шел дождь. Прабхупада пробовал гулять во дворе перед храмом, и Бхавананда держал над ним зонтик, внимательно следя за тем, чтобы духовный учитель не поскользнулся на льду. Но через неделю отвратительная декабрьская погода Бостона усугубила простуду Прабхупады, и он отправился в Лос-Анджелес.

* * *

Лос-Анджелес

25 февраля 1970 года

Преданные из Лос-Анджелеса получили разрешение въехать в свой новый храм на Уотсика-авеню в день, удачным образом совпавший с благоприятным событием — Днем явления Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. В комнатах еще не прибрались, а в большом зале не было мебели; но преданные перевезли из старого храма на Ла-Сьенага *вьеса-асану* Прабхупады, и Прабхупада попросил их поставить на нее большое изображение Бхактисиддханты Сарасвати. Стоя перед духовным учителем, Прабхупада провел ему *арати*. Вокруг него собралось около пятидесяти учеников, которые пели «Харе Кришна» и танцевали в пустом зале.

После *арати* Прабхупада попросил учеников поднести изображению Бхактисиддханты Сарасвати цветы. Затем, все еще стоя перед *вьяса-асаной*, он сказал, что ему нечего предложить духовному учителю в этот день, кроме своих учеников, и вслух зачитал имена их всех.

Сев на низкую *вьяса-асану*, которая стояла рядом с большой *вьяса-асаной* Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, Прабхупада коротко рассказал о жизни своего Гуру Махараджи — сына Бхактивиноды Тхакура и великого *ачарьи* миссии Чайтаньи Махапрабху. Вспоминая о первой встрече с ним, он поведал о том, как Бхактисиддханта Сарасвати попросил его научить англоязычный мир сознанию Кришны. Этот большой, новый храм, сказал Прабхупада, послал в подарок преданным его духовный учитель, чтобы они использовали его в служении Кришне. Прабхупада попросил их не привязываться к роскоши, а использовать это замечательное место для проповеди. Говоря об этом, он заплакал.

— А теперь принесите *прасад*! — воскликнул он.

И начался пир. Преданные рядами сидели на полу, а Прабхупада с *вьяса-асаны* руководил действиями раздатчиков, прося их разносить добавку: тому преданному — еще одну *самосу*, тому — немного *чатни* и так далее. Он замечал каждого и призывал преданных есть как можно больше *кришна-прасада*.

После полудня Прабхупада обошел здание. Помимо главного зала, который он попросил учеников перестроить под храм, он осмотрел такой же по величине зал для лекций. Эти залы плюс трехкомнатная квартира, просторные комнаты для преданных, мужчин и женщин, автостоянка, лужайка перед домом делали этот храм самым большим владением во всем ИСККОН.

— Нам самим ни к чему такой дом, — сказал Прабхупада президенту храма, Гаргамуни. — Мы готовы жить где угодно. Но в это прекрасное место мы можем приглашать порядочных людей, чтобы они учились здесь сознанию Кришны.

Здание стоило двести двадцать пять тысяч долларов, а первый взнос должен был составить пятьдесят тысяч. Немногим более десяти тысяч у Прабхупады было в книжном фонде, но эти средства предназначались исключительно для издания книг. Поэтому, хотя обычно он не любил сам решать подобные вопросы, на этот раз ему пришлось сделать исключение, и он лично попросил преданных из других храмов пожертвовать средства на новую «мировую штаб-квартиру» в Лос-Анджелесе. Он даже разослал президентам храмов по всему миру фотоснимки нового здания. Благодаря этому он собрал сумму для первого взноса, и в День явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати ИСККОН стал законным владельцем здания.

Это был единственный храм, являющийся собственностью ИСККОН, — все остальные помещения снимались, — и Прабхупада захотел сам спроектировать его отделку. Услуги профессионалов обошлись бы очень дорого, но у Прабхупады было много учеников, жаждущих заняться

реконструкцией здания. Карандхара немного разбирался в плотницком и слесарно-водопроводном деле и знал основы строительного мастерства. Со временем он вполне мог бы набить руку. Бхавананда, который был профессиональным дизайнером, загорелся желанием своего духовного учителя переделать невзрачную церковь в сверкающий дворец для Верховной Личности Бога.

— Сначала подготовь мою квартиру, — велел Прабхупада Бхавананде, — чтобы я мог переехать, а уж тогда возьмемся и за алтарную.

Бхавананда: *Мы прикинули, в какой части храма у нас будут апартаменты Прабхупады, и Карандхара сделал там ванную. Затем приехал Прабхупада и сказал:*

— Здесь будет моя гостиная. А здесь спальня.

Зайдя в третью комнату, с окнами на потолке, он сказал:

— А здесь будет моя библиотека.

Как-то в Бостоне Прабхупада сказал мне, что ребенком жил во дворце с голубыми стенами, белым мраморным полом и оранжевой и золотистой отделкой — это был дом Малликов в Калькутте. Поэтому мы выкрасили стены его гостиной в синий цвет, а пол я выложил белой плиткой. Шторы были из темно-оранжевого сатина с золотыми шнурами и бахромой. Прабхупаде очень понравилось такое сочетание цветов.

В спальне я спросил у него, куда поставить кровать, и он сказал:

— Поставьте в середину комнаты.

На пол мы положили ковер, и Прабхупада сказал:

— Теперь накройте ковер простынями. Так делается в Индии: красивые ковры накрывают простынями, а по особым дням простыни снимают. Иначе ковры быстро испортятся

Я пошел и купил простыни.

Когда я вернулся и начал застилать ковер простынями, Прабхупада сидел в гостиной. Он вошел и сказал:

— Да, очень хорошо. Это мое очередное нововведение. Для всех вас это что-то невиданное — простыни на коврах.

Потом он сказал мне:

— Теперь постарайся сделать так, чтобы на простынях не было складок.

Я стоял на четвереньках, и Прабхупада тоже опустился на четвереньки рядом со мной. Мы стали разглаживать складки, а когда дошли до конца, Прабхупада загнул край простыни под ковер.

Он был очень доволен, поскольку это было наше собственное здание. До этого у нас не было своих зданий.

В алтарной комнате Прабхупада показал Карандхаре, где построить три алтаря. Он указал размеры и распорядился сделать перед каждым из них двустворчатые двери, а наверху, над ними, прикрепить символы Вишну: над алтарем Гуру и Гауранги — раковину; над алтарем Радхи и Кришны (в центре) — диск и булаву; а над алтарем Господа Джаганнатхи — лотос. Вьяса-асану духовного учителя он попросил поставить по другую сторону алтарной

комнаты, прямо напротив Радхи и Кришны. Стены должны были быть выкрашены в желтый цвет, который, по словам Прабхупады, соответствует гуне благости. Потолок нужно закрыть балдахином и повесить люстры.

Когда алтари были закончены, Прабхупада захотел перенести туда Божества, хотя ремонт был еще далек от завершения. Соорудив тележку с зонтиком и украсив ее цветами, преданные с торжественной процессией перевезли Божества из старого храма на бульваре Ла-Сьенага в Их новый дом.

Бхавананда: В первый раз войдя в алтарную комнату после утренней прогулки, он направился к алтарю Гуру-Гауранги и поклонился, Мы тоже поклонились. Затем он встал и подошел к Радхе и Кришне и снова поклонился, затем — к Джаганнатхе. Мы шли за ним. Затем мы отступили назад, а он сел на вьяса-асану и сказал:

— Теперь встаньте в два ряда, лицом друг к другу, вдоль комнаты, от вьяса-асаны до Радхи и Кришны. Одни стоят с левой стороны, другие — с правой. С одной стороны от вас будет гуру, с другой — Бог. Теперь идите друг другу навстречу, а потом расходитесь. Всегда оставляйте проход, — сказал он, — чтобы мне было видно.

Божество — это царь, сказал Прабхупада, а все жители храма — Его личные слуги. Поэтому храм должен выглядеть как дворец. Роскошный храм играет важную роль в проповеди, объяснил он, поскольку большинство людей, особенно на Западе, не склонны подвергать себя лишениям ради духовной жизни. Есть одна индийская поговорка, что никто не слушает бедняка. Если преданные, сказал Прабхупада, пригласят людей посетить лекции по бхакти-йоге на таком-то пустыре, под таким-то деревом, никто не придет. Но в чистое и красивое здание, с люстрами и удобными комнатами, придут многие, и это их очистит.

Кроме того, храм предназначен для тех, кто хочет жить там как преданный из Общества сознания Кришны. Преданные, говорил Прабхупада, должны быть готовы жить и спать где угодно. Но как любящий и заботливый отец своих учеников, Прабхупада побеспокоился о том, чтобы открыть большой храм и создать там приличные условия для проживания. Он строил дом для своей семьи. Забота о том, чтобы его духовным детям было где жить и заниматься преданным служением, составляла одну из сторон его миссии.

Особенностью нового храма был сад Прабхупады. Преданные освободили от бетона большой участок земли на задворках храма, засыпали его землей, огородили шлакоблочной стеной и засадили цветами.

Карандхара: В саду, по периметру, я вскопал грядки и посадил несколько одиноких растений. Но Прабхупада сказал:

— Нет. Ты должен засадить все. Везде должно что-то расти. Засади землю сплошь. Пусть растет.

Он хотел, чтобы сад был покрыт буйной растительностью, словно джунгли. Как в тропиках, где на каждом шагу — пышная зелень.

Прабхупаде всегда очень нравилось сидеть в саду по вечерам, когда воздух был напоен ароматом цветов и дул свежий, прохладный ветерок. Здесь

обсуждались самые разные темы, как в «Шримад-Бхагаватам». Иногда это были оживленные беседы с гостями или преданными, иногда Прабхупада просто повторял мантру и почти ничего не говорил, а иногда он просил кого-нибудь почитать книгу «Кришна».

Он рассказывал, что, когда он был маленьким, у его матери был сад на крыше дома, и по вечерам он часто поднимался туда и играл. Он не забыл об этом. Он всегда помнил о своих любимых детских играх и с наслаждением о них рассказывал. Много раз он повторял:

— У моей матери был сад на крыше нашего дома, и ребенком я забирался туда по вечерам и играл. Теперь у меня снова есть прекрасное место, куда можно прийти.

Под личным руководством Шрилы Прабхупады храм в Лос-Анджелесе стал центром, образцовым для всего ИСККОН. Например, Прабхупада научил преданных во время утренней лекции по «Бхагаватам» хором, слово за словом, повторять за ним санскритские мантры и попросил ввести этот стандарт во всех храмах. В мае 1970 года он написал каждому из тридцати президентов храмов Северной Америки и Европы, приглашая их приехать к нему в Лос-Анджелес.

Теперь я сосредоточил свои силы на центре в Лос-Анджелесе, который должен стать образцом для всех остальных центров в том, что касается поклонения Божествам, *арати*, *киртана* и других неотъемлемых составляющих храмовой жизни. Поскольку сейчас я сократил свои путешествия, мне хотелось бы, чтобы вы приехали сюда, когда вам будет удобно, и побыли здесь несколько дней, чтобы увидеть всё своими глазами: я надеюсь, что, получив от меня необходимые личные наставления, вы сумеете поднять уровень духовной деятельности во всех наших центрах до того же стандарта.

Почти все президенты храмов, приехавшие к Шриле Прабхупаде, были молодыми людьми в возрасте от двадцати до тридцати лет. Они приехали как с практическими, так и с философскими вопросами. Они записывали в свои блокноты всё, начиная с храмового распорядка дня и заканчивая сочетанием цветов в интерьере храма. Они записывали мелодии *киртанов* и учились организации групп *санкиртаны*. Но, возможно, самое важное — они записывали то, что делал Прабхупада, и то, что он говорил им лично. После этого президенты храмов возвращались в свои города: в Беркли, Гамбург, Торонто — сияющие от блаженства и готовые внедрить в своих храмах те новшества, которым научились у Прабхупады в Лос-Анджелесе, в его всемирной штаб-квартире.

Хотя Прабхупада по-прежнему говорил о расширении своего Движения, он, казалось, был вполне доволен, живя в Лос-Анджелесе и обращаясь к остальному миру через президентов храмов, группы *санкиртаны* и через

книги. Однако по мере созревания новых планов Прабхупада вновь стал поговаривать о необходимости создания руководящего совета для управления всеми делами ИСККОН, в который вошли бы двенадцать тщательно отобранных его учеников. Помимо этого, он думал о том, чтобы дать некоторым преданным *санньясу* и взять их с собой в Индию, чтобы сделать из них странствующих проповедников. А чтобы обеспечить своевременное и качественное издание книг, он хотел сформировать особый комитет, ответственный за их публикацию.

Прабхупада счастливо жил в Лос-Анджелесе: то решал вопросы по управлению своим всемирным Движением, то обучал растущую семью лос-анджелесских преданных повторять санскритские *мантры*, то уединялся в предрассветные часы для работы над книгами.

Однажды из Лондона ему прислали пластинку. Лондонские преданные, которые ранее при поддержке Джорджа Харрисона уже записали один альбом, теперь выпустили новый сингл, «Говинда». Заглавная песня сингла состояла из стихов «Брахма-самхиты», которым научил преданных Прабхупада, и каждый стих заканчивался припевом *говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами*. Прабхупада попросил проигрывать эту запись во время утренней программы в храме. На следующее утро, когда он вошел в алтарную комнату, поклонился Божеству и занял свое место на *вьяса-асане*, чтобы начать лекцию, запись включили.

В этот момент Прабхупада замер в экстазе. Его тело задрожало, а из глаз потоками хлынули слезы. Преданные, ощутив на себе отблеск эмоций своего духовного учителя, начали негромко повторять *мантру* Харе Кришна, как во время *джапы*. Казалось, что время замедлило ход... Наконец Прабхупада произнес:

— *Говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами*, — и снова замолчал.

Затем он спросил:

— У всех все в порядке?

Ответом на это было громогласное: «Джая Прабхупада!» — и он приступил к лекции по «Шримад-Бхагаватам».

* * *

Ваишнавера крийа-мудра виджне на буджхайа. «Никому не понять, что у вайшнава на сердце». Только чистый преданный может по-настоящему понять другого чистого преданного. Но, оглядывая свершения Шрилы Прабхупады, мы видим, что все, что он делал, было чистым преданным служением Господу Кришне и совершенным примером того, как полностью посвятить себя Кришне. Он учил наставлениями и личным примером. Часто вдохновляя и даже прославляя своих учеников, он всегда побуждал их активнее участвовать в исполненном счастья движении *санкиртаны* Господа Чайтаньи. Указывал

он, однако, и на ошибки учеников. Порой эти ошибки бывали серьезными и болезненными и для него, и для преданных.

Однажды, войдя в свои апартаменты в лос-анджелесском храме, Прабхупада увидел, что преданный, убиравший его комнату, поставил его фотографию вниз головой. Просто не заметил. Но это был признак того, что в сознании ученика что-то не так. Каждое утро преданные возносят молитвы духовному учителю, выражая ему почтение как прямому представителю Бога. Как мог искренний ученик не заметить, что ставит представителя Бога вверх ногами?

Затем случилось происшествие еще более серьезное. Прабхупада зашел в храм, поприветствовал Божества и собирался выпить немного *чаранамриты* — ароматизированной воды, которой омывали Божества. Он делал это ежедневно. После утренней прогулки он возвращался в храм и, пока звучала запись «Говинда», кланялся Божествам. Затем кто-нибудь из преданных наливал в его правую ладонь несколько капель *чаранамриты*, и Прабхупада выпивал ее. Об этой составляющей преданного служения он упоминал в «Нектаре преданности». «Ароматизированную цветами и духами воду, стекающую с Его лотосных стоп, собирают и смешивают с йогуртом. *Чаранамрита* обладает не только изысканным ароматом и вкусом, но и огромной духовной ценностью... Преданные, пришедшие поклониться Божеству, благоговейно принимают три капли *чаранамриты* и ощущают при этом трансцендентное блаженство».

Однако в то утро, приняв *чаранамриту*, Прабхупада нахмурился. Кто-то положил в нее соль! Он пересек храмовую комнату, сел на *вьяса-асану* и перед сотней преданных, заполнивших алтарную комнату, спросил:

— Кто положил в *чаранамриту* соль?

Поднялась девушка в сари и, робко улыбаясь, призналась, что это ее рук дело.

— Зачем ты это сделала? — серьезно спросил Прабхупада.

— Не знаю, — хихикнула она.

Прабхупада повернулся к Гаргамуни:

— Найдите ответственного.

Все присутствующие почувствовали его гнев. Это неприятное происшествие омрачило чистую атмосферу храма. Ученик поклоняется Кришне, стараясь доставить удовольствие духовному учителю, Его представителю. Но если гуру огорчен, это не делает ученику чести. Духовный учитель не есть некий принцип; он — личность. И в данном случае эта личность — Шрила Прабхупада.

Когда бостонское отделение «ИСККОН пресс» неправильно напечатало имя Прабхупады на новой книге, его это глубоко обеспокоило. На обложке небольшой книги в мягком переплете (это была одна из глав Второй песни «Шримад-Бхагаватам») было написано просто «А.Ч. Бхактиведанта». При этом традиционное «Его Божественная Милость» и «Свами Прабхупада» было опущено. Таким образом имя Шрилы Прабхупады почти лишилось своего

духовного смысла. В другом издании «ИСККОН пресс» Прабхупада именовался просто «ачарьей ИСККОН», хотя сам он неоднократно подчеркивал, что он — ачарья-основатель. До Шрилы Прабхупады было много ачарьев и духовных учителей, и в будущем придет много других, но Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада навсегда останется единственным ачарьей-основателем Международного общества сознания Кришны.

Масла в огонь подлил другой случай. Когда Прабхупада в первый раз открыл только что вышедшую из-под станка книгу с очередной главой из «Бхагаватам», переплет треснул и из книги выпало несколько страниц. Прабхупада рассердился не на шутку.

Услышав, что их духовный учитель разгневан, бостонские преданные сразу поняли, что допустили непростительную оплошность, неправильно напечатав имя Шрилы Прабхупады. Принижать положение духовного учителя — серьезное оскорбление, а они еще и растиражировали это оскорбление в книге. Причастность к этому событию стала для преданных тяжелым испытанием. Они поняли: чтобы их духовный прогресс продолжался, им стоит изменить свое умонастроение. Прабхупада осуждал умонастроение, ставшее причиной этих ошибок, и для учеников его замечания были весьма поучительны. Если не он, то кто объяснит им абсолютное положение духовного учителя?

Однажды в начале утренней лекции по «Шримад-Бхагаватам» Прабхупада окликнул одну из учениц:

— Нандарани!

Нандарани почтительно поднялась с места.

— Ты повторяешь шестнадцать кругов каждый день?

— Э-э... Я стараюсь, Прабхупада.

— Вот в этом-то и проблема, — сказал Прабхупада, повернувшись к президенту храма.

Если даже Нандарани, одна из старших и самых ответственных учениц, не повторяет *мантру* ежедневно, то что говорить о младших ученицах, которые находятся под ее опекой. Виноваты были руководители. Прабхупада хвалил учеников за их усердную работу над реконструкцией храма и за то, что они каждый день выходили на улицы петь и распространять журналы. Но если преданный не повторяет установленное количество кругов *мантры*, тем самым он пренебрегает самым важным наставлением духовного учителя.

Нандарани не стала говорить, что именно руководители храма сказали ей, будто не обязательно повторять все шестнадцать кругов, если занимаешься служением. И это при том, что при посвящении Прабхупада всегда совершенно недвусмысленно говорил ученикам: каждый день повторять по меньшей мере шестнадцать кругов!

Затем произошел еще один инцидент. Во время утренней лекции Прабхупада говорил о Сарвабхауме Бхаттачарье, спутнике Господа Чайтаньи. Взглянув на преданных, он спросил:

— Кто такой Сарвабхаума Бхаттачарья?

Молчание. Прабхупада подождал.

— Что, неужели никто не может сказать, кто такой Сарвабхаума Бхаттачарья?

Какая-то девушка подняла руку; она «что-то читала о нем» — вот и весь ответ.

— И вам не стыдно? — Прабхупада посмотрел на мужчин. — Вы должны быть лидерами! Если мужчины не прогрессируют, то и женщины будут стоять на месте. Вы должны быть *брахманами*! Тогда и ваши жены станут *брахманами*. Но если вы не *брахманы*, то им-то что делать?

Не совершенствуясь в повторении *мантры*, сказал Прабхупада, и не читая книги о сознании Кришны, они никогда не обретут той чистоты, что необходима для проповеди послания Господа Чайтаньи.

И в те же самые дни, когда все эти лос-анджелесские отклонения тяжким грузом лежали у Шрилы Прабхупады на сердце, он узнал, что его ученики, оставшиеся в Индии, шлют какие-то странные письма. Это еще больше обеспокоило его. В одном из таких писем, адресованных американским преданным, говорилось, что духовные братья Прабхупады в Индии возражают против его титула «Прабхупада», считая, что так можно обращаться только к Бхактисиддханте Сарасвати. Сами они называли Прабхупаду «Свами Махараджа». Кроме того, Прабхупаде стало известно, что некоторые его ученики поговаривают, будто он не единственный духовный учитель. Еще они с увлечением читали книги Бхактисиддханты Сарасвати — словно желая найти там некие новые истины, которые Прабхупада еще не открыл им.

Прабхупада посчитал, что все это включает в себе опасность для ИСККОН. Основа духовного прогресса — непоколебимая вера в духовного учителя, а в этих новых идеях Прабхупада ясно видел несовершенное, относительное понимание положения *гуру*, в противовес абсолютному. Подобные идеи могли разрушить всё, что было им создано до сих пор; по меньшей мере они могли погубить духовную жизнь тех, кто их разделял.

Хотя в некоторых делах его ученики проявляли полное невежество, он знал, что они делают это не из злых побуждений. Но эти письма из Индии занесли на Запад духовную болезнь, которой несколько его учеников заразились от его духовных братьев. Прабхупада встревожился уже тогда, когда несколько его духовных братьев отказались посодействовать ему в приобретении земли в Майяпуре, месте рождения Господа Чайтаньи. Хотя он просил их помочь его неопытным ученикам купить участок земли, они не согласились. А кое-кто даже пытался помешать. Прабхупада написал одному из духовных братьев: «Мне очень больно слышать, что некоторые из моих духовных братьев вступили в тайный сговор с целью не дать мне купить землю в Майяпуре».

Прабхупада близко к сердцу воспринимал любую угрозу ИСККОН. Он терпеливо объяснял ученикам, почему он носит титул «Прабхупада» и почему ученик должен относиться к духовному учителю как к представителю Кришны

и не пытаться «перепрыгнуть» через него, обращаясь к его предшественникам. Но теперь всего лишь несколько замечаний, неосторожно оброненных кем-то в Индии, пошатнули веру некоторых его учеников. Возможно, именно эти предательские идеи и заразили ИСККОН, став причиной грубых ошибок в «ИСККОН пресс» и даже отклонений в Лос-Анджелесе. Разговоры об относительном положении духовного учителя были не чем иным, как происками *майи*, иллюзорной энергии Господа. *Майя* пыталась сбить с толку преданных ИСККОН. Такова ее работа: уводить обусловленные души от служения Кришне.

Последние события стали мешать Прабхупаде в его работе над книгами. В Лос-Анджелесе его работа спорилась, и недавно он закончил второй и последний том книги «Кришна». Закончив последнюю главу, он тотчас начал начитывать на ту же пленку краткое изложение Одиннадцатой песни «Шримад-Бхагаватам». Однако постепенно работа остановилась.

Карандхара: *Чтобы переводить, Прабхупаде нужно было глубоко сосредоточиться. Он открывал два или три больших тома «Бхагаватам», а иногда и несколько других книг, поменьше, к которым он то и дело обращался. Он сидел за столом, в очках, и говорил в свой диктофон. Он полностью погружался в чтение. Иногда он что-то записывал на листе бумаги, затем заглядывал в одну из своих книг, потом открывал другую, возвращался на предыдущую страницу, снова что-то записывал, а потом диктовал. Для такой работы нужна была огромная сосредоточенность. Мне кажется, именно поэтому Прабхупада работал по ночам, после вечернего отдыха. С часу или двух ночи до шести или семи утра он погружался в работу. В это время было тихо, и он мог сосредоточиться.*

Но когда Прабхупаду стали беспокоить эти проблемы в ИСККОН, работа застопорилась. Он много времени тратил на разговоры: с преданными, которые приезжали из других мест, со мной, с другими посетителями. Затем ему требовалось время, чтобы все взвесить, обдумать, и он не мог сосредоточиться на переводе. Эти осложнения очень беспокоили его. Он размышлял над ними, а потом говорил:

— Я так и не смог сосредоточиться. Я думал об этой проблеме.

Духовный учитель страдает из-за ошибок учеников, но Прабхупада не был пессимистом. Он все так же пел и давал в храме лекции и по-прежнему приглашал лидеров своего Движения посетить «образцовый центр» в Лос-Анджелесе. Однако если он замечал какие-то нездоровые настроения, то тут же старался их исправить. Например, когда Гурудас написал из Лондона о том, что они позволили какому-то индийскому гостю сесть на *вьяса-асану* Прабхупады и прочитать в храме лекцию, Прабхупада сразу же ответил, указав на ошибку.

Я удивлен, что ты позволил г-ну Парикху сесть на *вьяса-асану*. Ты знаешь, что *вьяса-асана* предназначена для представителя Вьясадевы, духовного учителя, но г-н Парикх не принадлежит к *парампаре*, чтобы действовать как

представитель Вьясы, а также не обладает глубоким знанием вайшнавских принципов. Из твоего письма я понял, что иногда, сидя на *вьяса-асане*, г-н Парикх обсуждает философию Ауру-биндо, и я несколько удивлен, как ты мог это допустить. Я думаю, ты должен немедленно исправить все эти ошибки, как ты и говоришь в двух последних строках своего письма: «Я думаю, что лучше было бы прекратить его лекции. Этот вздор нельзя терпеть».

Из Парижа писал Тамала-Кришна. В письме он задавал Прабхупаде философские вопросы, касающиеся совершенства духовного учителя, и Прабхупада ответил — подробно, но строго.

Духовный учитель всегда освобожден. В какой бы жизненной ситуации он ни оказался, его не следует считать обычным человеком. Положения духовного учителя можно достичь тремя путями. Первый называется *садхана-сиддха*, когда человек достигает освобождения, следуя регулирующим принципам преданного служения. Второй — *крипа-сиддха*. Так называют того, кто достиг освобождения по милости Кришны или Его преданного. Еще есть *нитья-сиддха* — тот, кто никогда в жизни не забывает о Кришне. Таковы три способа достижения совершенства жизни.

Что касается Нарады Муни, в своей прошлой жизни он был сыном служанки, но позднее по милости преданных стал *сиддхой* и в следующей жизни родился Нарадой и с благословения Господа получил возможность свободно передвигаться в пространстве. Таким образом, несмотря на то, что в прошлой жизни он был сыном служанки, ничто не помешало ему достичь совершенства в духовной жизни. Аналогичным образом любое обусловленное живое существо может достичь уровня совершенства одним из вышеуказанных путей, имея перед глазами яркий пример Нарады Муни.

Не понимаю, почему ты спросил о моей прошлой жизни. Влияли ли на меня законы материальной природы? Даже если допустить, что законы материальной природы влияли на меня, мешает ли это мне быть духовным учителем? Как ты думаешь? Из жизнеописания Нарады Муни становится ясно, что, хотя в прошлой жизни он был обусловленной душой, это не помешало ему стать духовным учителем. Этот принцип применим не только к духовному учителю, но и к любому живому существу.

Что касается меня, я не могу сказать, кем был в прошлой жизни, но один опытный астролог рассчитал, что в прошлом я был врачом и вел безгрешную жизнь. Это подтверждается словами «Бхагавад-гиты» *шучинам шриматам гехе йога-бхрашто 'бхиджайате* — *йог*, не успевший закончить свою практику, появляется на свет в богатой семье или становится сыном *шучи*, праведника. По милости Кришны, в нынешней жизни мне были предоставлены обе эти возможности: я родился у благочестивого отца и вырос в одной из самых богатых и знатных семей Калькутты (роду Кашинатхи Маллика). Божество Радхи-Кришны, которому поклоняется эта семья, призвало меня к Себе, и поэтому во время моего последнего визита в Калькутту я вместе со своими

американскими учениками остановился в Его храме. Хотя у меня были все возможности предаваться четырем порокам, составляющим основу греховной жизни (поскольку я был членом очень знатной семьи), Кришна всегда хранил меня, и за всю свою жизнь я не узнал ни недозволенных половых отношений, ни одурманивающих средств, ни мяса, ни азартных игр. Итак, если рассматривать мою нынешнюю жизнь, я не припомню в ней ни одного периода, когда бы я забыл о Кришне.

Прабхупада понимал, что некоторые из лидеров его Движения с головой ушли в управление ИСККОН и теперь пытаются взять власть в свои руки. В лекциях он только намекал на это — например, когда говорил, что преданные и их лидеры недостаточно повторяют «Харе Кришна» и мало читают, — поэтому большинство преданных не догадывались о беспокойствах своего духовного учителя. Но иногда, сидя в своей комнате или в саду, Прабхупада делился с учениками своими опасениями. Он хотел, чтобы его ученики руководили ИСККОН, но для этого они должны быть чисты. Только тогда он смог бы полностью сосредоточиться на работе над книгами. В июне он написал Брахмананде:

Теперь я хочу полностью посвятить свое время написанию и переводу книг, и нам необходимо добиться того, чтобы управление нашим Обществом могло осуществляться без моего участия. Я думаю, что для решения важных вопросов у нас должен быть сформирован центральный руководящий орган. Я уже говорил об этом с Гаргамуни. Поэтому, если ты успеешь к Ратха-ятре, то мы сможем встретиться в Сан-Франциско и предварительно все это обсудить.

* * *

В июле Прабхупада приехал в Сан-Франциско на четвертый ежегодный фестиваль Ратха-ятры. Это был самый большой фестиваль из тех, что здесь проводились: около десяти тысяч человек прошли с колесницами через Голден-Гейт-парк к пляжу. Прабхупада чувствовал себя неважно и присоединился к шествию только с середины. Окруженный сотней учеников, поющих под аккомпанемент *карата* и *мриданг*, он танцевал перед колесницами.

Потом Прабхупада изъявил желание ехать на колеснице, как это было в прошлом году, но некоторые ученики стали его отговаривать. Они сказали, что однажды на них напала шайка хулиганов и Прабхупаде из соображений безопасности лучше не подниматься на колесницу. Он какое-то время настаивал, но в конце концов уступил и поехал к пляжу на машине.

На пляже, в танцзале «Фэмили дог», Прабхупада начал лекцию словами:

— Большое спасибо всем вам за то, что пришли. Хотя я не очень хорошо себя чувствую, я счел своим долгом прийти, ведь вы столь любезно посетили наше празднование Ратха-ятры Господа Джаганнатхи. Я чувствую, что обязан был прийти, увидеться с вами и обратиться к вам.

Его голос был очень слаб.

Позже, в своей сан-францисской квартире, Прабхупада выразил недовольство тем, что ему не позволили ехать на колеснице. Как глава движения «Харе Кришна» он должен был находиться там. Ученики не просто отказали ему, сославшись на опасность, — некоторые из них сами демонстративно влезли на колесницу, как будто бы заняв его место.

Прабхупада попросил президентов храмов, съехавшихся на Ратха-ятру, собраться и обсудить вопрос создания управляющего органа ИСККОН. Преданные собрались, а затем сообщили о своем решении — главным руководителем должен быть избран один из них.

Они не поняли. Прабхупада объяснил, что сила заключается в единстве, а не в одном человеке. Какая необходимость в еще одном единоличном лидере, когда в ИСККОН уже есть ачарья-основатель? Он попросил их собраться снова.

* * *

Вернувшись в Лос-Анджелес, Прабхупада объявил, что даст шестерым своим ученикам посвящение в *санньясу*. Община преданных оживленно готовилась к празднику. Прабхупада сказал, что *санньяси* должны будут покинуть свои храмы, путешествовать и проповедовать. Такого в ИСККОН еще не было. Новость стала сенсацией и очень понравилась преданным.

Хотя Прабхупада давал *санньясу* наиболее зрелым из учеников, он также говорил, что цель посвящения в *санньяси* — очистить сердца этих преданных и вызволить их из пут материальных желаний. Он назначил церемонию на конец июля, через две недели.

Однажды в Лос-Анджелесе Шрила Прабхупада сидел в своей комнате и беседовал с преданным, приехавшим из другого города. Преданный смиренно поинтересовался, почему Прабхупада не ответил на его вопросы, заданные им в последнем письме. Но Прабхупада этого письма не помнил. Расспросив секретаря, он выяснил, что тот часто показывает приходящую почту кое-кому из руководства храма, а те по собственному почину иногда «придерживают» письма, которые кажутся им незначительными или, по их мнению, могут принести Прабхупаде беспокойство.

Прабхупада был вне себя от гнева. Как они посмели встать между ним и его другими учениками? Как им в голову могло прийти брать на себя

подобные решения? Как может ученик подвергать цензуре почту своего духовного учителя?

Хотя Прабхупада сделал выговор всем ученикам, которые имели отношение к этому случаю, на сердце у него стало еще тяжелее. Его все больше беспокоили мысли о духовной болезни, занесенной письмами из Индии. Он понял, что в Лос-Анджелесе у него нет никого, с кем можно было бы откровенно поговорить обо всех этих случаях серьезного принижения статуса духовного учителя. Все эти тревоги отразились и на его физическом состоянии: он заболел и перестал есть.

Карандхара: *Я слышал кое-что об этом, но многое было затушевано, приукрашено. Прабхупада тоже избегал подробно говорить на эту тему. Хотя однажды, когда я сидел у него в комнате, сразу после того, как его санньяси покинули Лос-Анджелес, он спросил меня, понимаю ли я, что происходит. Я ответил:*

— Думаю, да, — но в действительности я знал совсем немного. В это время с улицы донеслось пение преданных, вышедших на санкиртану. Прабхупада сидел за столом. Услышав киртан, он обернулся, выглянул из окна и с улыбкой проводил их взглядом. Затем он повернулся ко мне.

— Они невинны, — сказал он. — Не втягивай их в эти дела. Карандхара так ничего и не понял и недоумевал, что это за дела, в которые не нужно втягивать преданных. Но он чувствовал, что над головами санньяси нависла какая-то тень.

Прабхупада пригласил в Лос-Анджелес трех своих доверенных учеников.

Рупануга: *Я был в Буффало. Зазвонил телефон. Кто-то сказал в трубку:*

— Шрила Прабхупада на связи.

Я не поверил:

— Что? Вы шутите!

Но это оказался не Прабхупада, это был его слуга, Девананда. Он сообщил:

— Шрила Прабхупада хочет, чтобы ты приехал в Лос-Анджелес.

Я спросил:

— Что случилось?

Он ответил:

— Хм-м, он не хочет... — и затем выпалил: — Шрила Прабхупада сам тебе сейчас все расскажет.

Шрила Прабхупада взял трубку. Услышав его голос, я тут же на расстоянии предложил ему поклоны, а потом спросил:

— Шрила Прабхупада, что случилось?

Он сказал:

— Ты не знаешь разве, что я был болен?

Я ответил:

— Нет!

Он сказал:

— Немедленно приезжай.

Тогда я попросил:

— Э-э... м-м... Шрила Прабхупада, можно мне переговорить с Деванандой? Я не понимал, что происходит, поэтому спросил Девананду:

— Объясни, в чем дело!

Тот ответил:

— Шрила Прабхупада сказал, что поговорит с тобой, когда ты приедешь.

Он сам все объяснит.

Бхагаван дас: Я только что вернулся с санкиртаны, и тут мне позвонил Рупануга. Он сказал, что Прабхупада сообщил ему по телефону о каких-то проблемах в Лос-Анджелесе, и теперь он едет туда. Он не мог больше ничего сказать, но обещал позвонить, когда вернется.

Это вывело мой ум из равновесия. Усевшись в кресло, весь в поту, разгоряченный после санкиртаны, я погрузился в мысли о Прабхупаде и о том, что же такое могло случиться. Я позвонил в Лос-Анджелес секретарю Прабхупады, Девананде, и тот ответил, что не может сообщить по этому поводу ничего определенного. Я надеялся так или иначе побольше разузнать о положении дел, но, подождав немного, отправился в душ.

Я был в душе, как вдруг кто-то неожиданно застучал в дверь.

— Прабхупада звонит. Он хочет с тобой поговорить.

Я был уверен, что это какое-то недоразумение — разве может такое быть, чтобы звонил духовный учитель? Но все же выскочил из душа, весь мокрый, схватил трубку и сказал:

— Алло?

Последовала долгая пауза. Затем неожиданно на другом конце провода раздался голос Прабхупады:

— Бхагаван дас?

— Да, — ответил я. — Шрила Прабхупада, пожалуйста, примите мои смиренные поклоны! Чем я могу вам служить?

Я был как громом поражен. Тут Прабхупада медленно произнес:

— Тебе предстоит сделать многое, но прежде всего ты должен немедленно приехать сюда.

Я сказал:

— Конечно, Шрила Прабхупада, я выезжаю немедленно.

После этого мы оба повесили трубку.

Мне удалось наскрести денег на билет до Лос-Анджелеса. Когда в Детройте я поднялся на борт самолета, выяснилось, что тем же рейсом летит Рупануга. Мы сели рядом и стали обсуждать, что же такое могло произойти в Лос-Анджелесе, что привело Прабхупаду в такое беспокойство.

Когда мы прибыли в аэропорт, нас встретил Карандхара. Он рассказал, что некоторые из старших преданных плетут против Прабхупады интриги и что в этот день Прабхупада дал некоторым из них санньясу и отправил проповедовать.

Все это поразило меня; я не знал, что и думать.

Войдя в комнату Прабхупады, мы увидели, что он очень подавлен — он постоянно тер голову и жаловался, что из-за этих интриг у него повысилось давление.

Тамала-Кришна: Я написал Шриле Прабхупаде из Парижа длинное письмо, в котором излагал наши планы по расширению проповеднической деятельности в Европе, и в ответ неожиданно получил от Его Божественной Милости телеграмму следующего содержания: «Получил твое письмо от 26 июля. Приезжай в Лос-Анджелес немедленно». Я очень удивился и, как сейчас помню, в тот же день освободился от всех дел и вечером уехал, хотя всё в том храме держалось на мне.

Приехав в Лос-Анджелес, я встретил там Рупанугу, Бхагавана, Киртанананду Свами и Карандхару. Я был исполнен энтузиазма, пребывая в блаженстве от активной санкиртаны, которой занимался последнее время, и понятия не имел ни о каких проблемах. Но эти преданные были угрюмы, мрачны и серьезны и попытались объяснить мне, что происходит. Но я так и не смог понять все до конца. Я приехал поздно вечером и в этот день не смог увидеть Шрилу Прабхупаду.

Ранним утром следующего дня, когда Прабхупаде сообщили о моем прибытии, он позвал меня к себе перед мангала-арати. Я отправился к нему на квартиру и там, войдя в его комнату, обнаружил Прабхупаду сидевшим с поникшей головой. Он поднял глаза, и я увидел, что он выглядит больным. Он казался изможденный и очень несчастным. Как только я склонился перед ним, он тихо спросил:

— Тебе рассказали?

Конечно, я так и не понял всего, что мне рассказали, но ответил:

— Да, я кое-что слышал.

И Прабхупада спросил:

— Ты можешь мне помочь?

Я ответил:

— Да, Шрила Прабхупада.

Он спросил:

— Можешь забрать меня отсюда?

Я сказал:

— Да, Шрила Прабхупада.

Конечно, я не чувствовал, что смогу помочь Прабхупаде, но понял, что должен ответить «да». Разве можно было сказать: «Нет, не могу»? Но как я мог помочь? Это все равно что пытаться поднять самую большую в мире тяжесть. Гуру такой тяжелый... И тем не менее я должен был согласиться.

Далее Прабхупада спросил меня:

— Куда ты увезешь меня?

Я предложил:

— Мы можем поехать во Флориду.

Он сказал:

— Нет, это недостаточно далеко отсюда.

Я ответил:

— Я могу забрать вас в Европу.

Он возразил:

— Нет, это тоже будет не очень хорошо. Там могут быть подобные проблемы.

В общем, в тот раз мы так и не решили, куда ехать. Но Прабхупада сказал:

— Здесь как будто пожар. Я должен немедленно уехать. Это похоже на пожар.

Прабхупада доверительно рассказал обо всем Рупануге, Тамала-Кришне и Бхагавану: как утаивалась его почта, как неправильно напечатали его имя, как ему не позволили ехать на колеснице во время Ратха-ятры. Он упомянул об этих и других происшествиях, указывающих на то, что кое-кто хочет отодвинуть его на второй план, сделать недоступным для учеников. Он не хотел оставаться в Лос-Анджелесе, он не хотел оставаться в Соединенных Штатах, он не хотел даже ехать в Европу. Он хотел покинуть место, оскверненное оскорблениями со стороны учеников. Но до отъезда он хотел воплотить в жизнь свой замысел — создать руководящий орган, который будет управлять деятельностью ИСККОН. В связи с этим 28 июля 1970 года он продиктовал письмо следующего содержания.

Я, нижеподписавшийся А.Ч. Бхактиведанта Свами, ученик Ом Вишнупады Парамахамсы Аштоттарашаты Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджи Прабхупады, приехал в США 18 сентября 1965 года с целью начать здесь Движение сознания Кришны. Целый год я жил, не имея пристанища. Я побывал в разных частях этой страны. Затем в июле 1966 года я зарегистрировал это Общество, назвав его Международным обществом сознания Кришны, сокращенно ИСККОН... Постепенно Общество росло, один за другим открывались его филиалы. В настоящее время у нас уже тридцать четыре (34) отделения (список прилагается). Поскольку границы нашей деятельности расширились, я считаю нужным создать Руководящий совет Общества [Governing Body Commission], в дальнейшем именуемый Джи-би-си. Я старею, мне уже 75^[13], и я в любую минуту могу уйти из жизни, поэтому я считаю необходимым дать своим ученикам указания, касающиеся того, как управлять деятельностью Общества. Они уже управляют отдельными его центрами, во главе которых стоят президент, секретарь и казначей, и, по моему мнению, неплохо справляются с этим. Однако мы хотим улучшить управление храмами, повысить уровень проповеди сознания Кришны, увеличить распространение книг и журналов, открыть новые центры и должным образом обучать преданных. Поэтому я решил установить следующие принципы, и надеюсь, что мои возлюбленные ученики милостиво будут их придерживаться.

Далее Прабхупада перечислил двенадцать человек, которые должны были войти в состав Джи-би-си:

1. Шриман Рупануга дас Адхикари
2. Шриман Бхагаван дас Адхикари
3. Шриман Шьямасундара дас Адхикари
4. Шриман Сатсварупа дас Адхикари
5. Шриман Карандхара дас Адхикари
6. Шриман Хамсадута дас Адхикари
7. Шриман Тамала-Кришна дас Адхикари
8. Шриман Судама дас Адхикари
9. Шриман Бали-Мардана дас Брахмачари
10. Шриман Джагадиша дас Адхикари
11. Шриман Хаягрива дас Адхикари
12. Шриман Кришнадас Адхикари

Отныне эти лица являются моими непосредственными представителями. Пока я жив, они будут действовать как мои зональные секретари, а после моей смерти — как душеприказчики.

Далее Прабхупада объяснял, какую роль должны играть *санньяси*.

Я уже дал некоторым из своих учеников посвящение в *санньясу* — уклад жизни, предполагающий отречение от мира, и в связи с этим на них также возлагаются очень важные обязанности. *Санньяси* будут путешествовать по разным храмам нашего Общества, проповедуя и просвещая членов местных общин ради их духовного возвышения.

Впоследствии в своих многочисленных устных указаниях и письмах Прабхупада установил основные направления деятельности для секретарей Джи-би-си. Они должны регулярно путешествовать по храмам в своих зонах и следить за тем, чтобы каждый преданный повторял шестнадцать кругов *мантры* и следовал установленному расписанию и чтобы в храмах поддерживался должный уровень чистоты. Двенадцать секретарей Джи-би-си должны освободить его от бремени забот, связанных с управлением, и самостоятельно решать текущие и назревающие в Обществе проблемы. Решить эти проблемы будет возможно только в том случае, если в каждом храме преданные полностью посвятят себя регулируемому преданному служению: будут подниматься рано утром, посещать *мангала-арати* в четыре тридцать, ходить на лекции по «Шримад-Бхагаватам» и повторять санскритские стихи, петь на улицах и распространять «Бэк ту Годхед» и прочую литературу о сознании Кришны. Упор на строгое следование принципам сознания Кришны заменит собой все мирские методы управления. Представители Джи-би-си должны следить, чтобы все преданные в их зонах были должным образом заняты служением. Тогда *майя* уйдет.

На следующий день Прабхупада написал еще один важный документ, в котором назначил Бхагавана, Рупанугу и Карандхару попечителями издательства «Бхактиведанта бук траст».

Финансы издательства «Бхактиведанта бук траст» должны использоваться для публикации моих книг и других печатных материалов, а также для строительства храмов повсюду в мире, в первую очередь трех храмов — в Майяпуре, Вриндаване и Джаганнатха-Пури.

С тех пор как в 1967 году Прабхупада вернулся в Америку, он часто шутил, что хотел бы остаться в Америке как приемный сын своих учеников. Теперь он делился новыми планами. Он говорил о поездке в Индию, о проповеди и строительстве там больших храмов ИСККОН. Для преданных, привыкших использовать под нужды проповеди маленькие съемные помещения, строительство монументальных храмов в Индии, о котором толковал Прабхупада, казалось чем-то непостижимым. В Индии, сказал Прабхупада, он научит своих последователей проповедовать и открывать храмы.

Прабхупада выбрал несколько человек (в том числе двух новых *санньяси*), чтобы взять с собой в Индию. В будущем, сказал он, к ним присоединятся и другие его ученики — Индия обязательно должна стать важным местом для проповеди сознания Кришны. В одном из писем, отправленном в Бостон Сатсварупе и Уддхаве, он написал:

Все вы мои дети, и я люблю вас, моих американских юношей и девушек, которых послал мне мой духовный учитель и которых я принял в ученики. В 1959 году, перед тем, как приехать в вашу страну, я принял *санньясу*. С 1944 года я издавал журнал «Бэк ту Годхед». Приняв *санньясу*, я в основном был погружен в написание книг и не пытался открывать храмы или принимать учеников, как это делали мои духовные братья в Индии.

Подобные дела меня не очень интересовали, ибо моему Гуру Махарадже гораздо больше нравилось издавать книги, чем строить огромные храмы или увеличивать количество учеников-неофитов.

Как только Он увидел, что у Него стало слишком много незрелых учеников, Он немедленно решил покинуть этот мир. Принимать учеников — значит принимать на себя ответственность за их грехи.

В настоящее время в лагерь ИСККОН просочилась политика и дипломатия. Некоторые из моих любимых учеников, на которых я очень, очень надеялся, оказались замешанными в этом, попав под влияние *майи*. В итоге имели место некоторые действия, которые я расцениваю как проявление неуважения. Так что я решил отойти от дел и переключить все свое внимание на работу над книгами.

31 июля в письме Брахмананде и Гаргамуни Прабхупада объяснил, почему он покидает Америку.

Чтобы показать пример моим ученикам-санньяси, я лично поеду в Японию, взяв троих санньяси с собой. Хотя это выше моих физических сил, я все равно отправлюсь туда, чтобы вы могли понять, какие обязанности налагает на человека санньяса...

Я горячо молю вас — не создавайте трещин в монолитном теле нашего Общества. Пожалуйста, работайте сообща, отбросив личные амбиции. Это поможет нашему делу.

В Ведах говорится, что к духовному учителю нельзя относиться как к обычному человеку, даже если иногда он ведет себя как обычный человек. Обязанность ученика — принимать его как сверхчеловека. Аналогия с солдатами и командиром, приведенная в начале вашего письма, вполне уместна. Мы находимся на поле битвы Курукшетра: на одной стороне — майя, на другой — Кришна. Поэтому нужно следовать правилам, установленным для сражения, а именно — подчиняться приказу командира. Иначе будет невозможно управлять военными силами и победить врага. Поэтому, пожалуйста, будьте мужественны. Пусть все делается должным образом, чтобы наша миссия двигалась вперед, по верному пути, и в конце концов одержала победу.

Прабхупада раскрывал планы своей поездки в Индию и в других письмах:

Наша жизнь очень коротка. Движение сознания Кришны предназначено не для того, чтобы удовлетворить чье-то честолюбие. Это Движение призвано нести благо всему миру. Поэтому я отправляюсь в восточное полушарие и начну с Японии. Мы поедem вчетвером — только санньяси. Я стар, но тоже поеду в составе этой группы, чтобы подать пример своим ученикам, недавно принявшим санньясу.

Готовясь к поездке Прабхупады в Индию, его слуга, Девананда — теперь Девананда Свами, — задавал ему вопросы из иммиграционной анкеты, механически зачитывая вопросы и вписывая ответы Прабхупады в соответствующие поля.

— Совершали ли вы преступления? — прочитал он.

Глаза Прабхупады расширились:

— Ты спрашиваешь своего духовного учителя, совершал ли он преступления?

Он повернулся к Бхагавану:

— Вот видишь, я буквально окружен людьми, которым нельзя доверять. Это опасно.

Вечером перед отъездом Прабхупада сидел в своем саду.

— Не переживайте, — сказал он окружавшим его ученикам. — Мы не отступаем. Мы идem вперед. Я открою вам все. Я все приведу в порядок.

Он объяснил, что его резкие слова и замечания имели своей целью просветить и предостеречь преданных, раскрывая им незаметные уловки *майи*.

Карандхара заметил, что руководители храма организовали всё так, чтобы на завтра поехать с Прабхупадой в аэропорт смогли только несколько преданных.

— Откуда взялась эта идея? — удивился Прабхупада. — В «Шримад-Бхагаватам» говорится, что, когда святой человек покидает вас, его нужно провожать как можно дальше — пока он не скроется из виду.

В итоге на следующий день Прабхупаду провожали все. Преданные пели и танцевали, следуя за ним по длинным коридорам Международного аэропорта Лос-Анджелеса. Проведя с ними многие месяцы, теперь он уезжал. Преданные плакали.

В новых одеждах, с обритой головой, Прабхупада, казалось, излучал свет. Он сидел в зале ожидания, высоко подняв голову, серьезный и непроницаемый, как всегда. Он начинал новое рискованное предприятие во имя Господа Чайтаньи. Он говорил, что уже стар и может больше не вернуться, но его ученики должны со всей серьезностью продолжать развивать Движение сознания Кришны.

— Если вы будете следовать этой новой программе, — сказал он, — *майя* не сможет напасть на вас.

После этого он ушел.

* * *

По пути в Японию Прабхупада остановился на одну ночь на Гавайях, в мотеле. К нему пришли Гаурасундара и Говинда даси. Говинда даси хотела, чтобы Прабхупада ненадолго задержался и установил в храме их Божества Радхи и Кришны. Прабхупада ответил, что если Гаурасундара согласен, то он останется на несколько дней и проведет церемонию установления.

— Мне надо посоветоваться, — ответил Гаурасундара.

На следующий день Прабхупада улетел в Японию. Из Японии он написал Говинде даси:

Я очень вдохновлен, когда узнаю, что люди спрашивают обо мне и хотят услышать мои выступления. Я мог бы остаться на два или на несколько дней, ибо торопиться мне некуда, но вы ничего не организовали. Я сам предложил Гаурасундаре установить Божества, и он ответил, что ему необходимо посоветоваться. При этом он так и не сказал мне, с кем он должен был посоветоваться и к какому решению они пришли. Таково сейчас положение дел во всем ИСККОН. Очевидно, чьи-то злые языки делают свое дело, и в результате этого сложилась очень неблагоприятная ситуация. Я сильно

страдаю от этого. Но пока еще есть время, чтобы спасти наше Общество от этой тлетворной пропаганды, и я надеюсь, что все вы объединитесь и сделаете все необходимое для этого.

В аэропорту Токио Прабхупаду приветствовали ответственные сотрудники издательства «Дай Ниппон», которое выпустило книгу «Кришна, Верховная Личность Бога» и ежемесячно печатало двадцать тысяч экземпляров «Бэк ту Годхед». На лимузине, любезно предоставленной компанией «Дай Ниппон», Прабхупаду и его свиту отвезли на маленькую частную квартиру в сорока пяти минутах от храма.

Прабхупада сильно кашлял. И это, и некоторые другие признаки свидетельствовали о плохом состоянии здоровья, причиной которого, по его словам, было поведение учеников. Но, несмотря на болезнь, он часами мог делиться своими тревогами за судьбу ИСККОН — обычно с сопровождавшим его секретарем, членом Джи-би-си Тамала-Кришной.

Вскоре после прибытия Прабхупады в Японию его секретарю позвонил преданный, который недавно побывал на праздновании Джанмаштами в Новом Вриндаване. Новости заставили встревожиться. Преданный рассказал, что приезжали четверо из недавно получивших посвящение *санньяси* и проповедовали что-то странное. Преданные были в замешательстве. *Санньяси* заявили, будто Прабхупада уехал из Америки потому, что отверг своих учеников. Эти *санньяси* винили и себя, и остальных преданных в том, что никто из них не понял: *Прабхупада-то на самом деле был Самим Кришной!*

Услышав это, Прабхупада сказал:

— Вот потому-то я и не поехал. Я знал, что это случится. Это имперсонализм.

Он объяснил, что такое *майявада* и как она искажает представление о положении гуру и Кришны. Если кто-то говорит, что гуру — Бог, или же сам гуру объявляет себя Богом, то это философия *майявады*.

Для *майявади* осознать свою вечную природу — значит постичь свое единство с Брахманом, всепроникающим духом. Они, хоть и рассуждают иногда о Кришне и *бхакти*, ошибочно полагают, что все имена, формы и деяния, в том числе Кришны и Его преданных, есть не что иное, как игра иллюзии, *майи*. Они ставят на одну ступень Кришну и *майю*, и за это их называют *майявади*. Несмотря на весь свой аскетизм, отсутствие привязанности к общению с мирскими людьми, изучение «Веданта-сутры» и комментариев Шанкары, *майявади* всегда допускали эту ошибку (в том числе и современные *майявади*, нередко не отличающиеся ни аскетизмом, ни ученостью). Духовный учитель, принадлежащий к школе *майявади*, не дает своему ученику святое имя Кришны, не говорит ему о священных играх Господа или Его божественном облике — все это *майявади* считают иллюзией. Вместо этого гуру объясняет ученику единство всего сущего и учит тому, что представления об индивидуальности живого существа и его «я» — иллюзия. *Майявади* иногда сравнивают гуру с лестницей, которая помогает подняться

до высшего состояния единства. А когда необходимости в лестнице больше нет, ее просто отбрасывают.

Прабхупаде трудно было говорить; то и дело кашляя, он объяснил, чем опасны заблуждения *майявади*. Имперсоналисты придерживаются упрощенных, мирских взглядов на гуру, на поклонение ему и его наставления. Если кто-то говорит, что гуру — это Бог, а Бог безличен, отсюда следует естественный вывод, что между гуру и учениками нет никаких вечных отношений. В конечном счете ученик становится равным духовному учителю, или, другими словами, осознаёт, что он тоже Бог.

Пользуясь аргументами из ведических писаний, Прабхупада опроверг все утверждения *майявади*. Он объяснил, что индивидуальные души — вечные слуги Кришны, и эти отношения господина и слуги вечны. Поэтому служение Кришне — это духовная деятельность. Но только служение гуру позволит ученику полностью возродить свои вечные отношения с Кришной. Ведические писания подчеркивают первостепенное значение служения духовному учителю. Он представитель Бога, непосредственный, живой Его посредник, и никто не может приблизиться к Богу, минуя его. Господь Кришна говорит; «Тот, кто называет себя Моим преданным, на самом деле не является таковым. Мой настоящий преданный — тот, кто предан Моему слуге (духовному учителю)».

Прабхупада тренировал учеников часами. Он выдвигал доводы *майявади*, а затем просил учеников их разбить. Если им это не удавалось, он опровергал эти утверждения сам. Он подчеркивал, что отношения между духовным учителем и учеником вечны, но не потому, что гуру — это Кришна, а потому, что он вечно остается ближайшим слугой Кришны. Истинный духовный учитель никогда не заявит, что он Кришна или что Кришна не является личностью.

Преданные начали понимать, что оскорбительное умаление положения их духовного учителя было порождением философии *майявады*. *Майявади* не видит нужды развивать преданность гуру; если все отношения в конечном счете иллюзия, зачем множить иллюзию? Если в основе отношений господина и слуги лежит иллюзия, то чем меньше ученик считает своего гуру господином, а себя — его слугой, тем больших высот он достиг. Философия *майявады* была незаметным и неосязаемым ядом.

По крайней мере, Прабхупада избежал необходимости лично присутствовать в Новом Вриндаване и с болью выслушивать оскверненные *майявадой* восхваления некоторых своих учеников, наблюдая ужасающее невежество остальных. Он вместе со своей небольшой группой направлялся в Индию проповедовать. Отсюда, из Токио, ему нужно постараться захватить как можно больше журналов «Бэк ту Годхед» и экземпляров книги «Кришна».

Прабхупада отметил Джанмаштами у себя на квартире: преданные весь день читали ему книгу «Кришна, Верховная Личность Бога». Если читать без перерыва, сказал он, то к концу дня можно прочесть всю книгу. Преданные

украсили стены и потолок в комнате своего духовного учителя листьями и цветами, и Прабхупада сидел на тоненькой подстилке за своим низким столиком, слушая об играх Кришны. В девять вечера Прабхупада спросил у преданных, которые весь день постились и читали, смогут ли они к полуночи дочитать книгу до конца. Они ответили, что не смогут.

— Тогда остановитесь, я буду читать сам.

Прабхупада открыл Десятую песнь «Шримад-Бхагаватам» на санскрите и следующие два часа читал санскритские стихи.

— Вы не понимаете санскрита, — сказал он. — Но я знаю, что вы можете его почувствовать. Эти стихи обладают такой силой, что, просто слушая их, можно очиститься.

Пока шло чтение, Киртанананда Свами и Карттикея Свами готовили на кухне пир. В полночь преданные подали Прабхупаде роскошное угощение в честь Джанмаштами. Отведав лишь несколько кусочков, он наблюдал, как с аппетитом едят его ученики.

А на следующий день была Вьяса-пуджа, семьдесят четвертый день рождения Прабхупады, который он отметил в токийском храме ИСККОН. В храме было всего две комнаты: одна для проживания, другая для поклонения Кришне. На полу лежали японские соломенные коврики. Прабхупада сел справа от алтаря, глядя на Господа Джаганнатху, а ученики расположились перед ним на полу и запели молитвы «Гурв-аштака», прославляющие духовного учителя. Однако поскольку никто из них не знал точно, как проводить церемонию Вьяса-пуджи, когда через некоторое время *киртан* закончился, повисла пауза. Последовало несколько мучительно неловких мгновений: преданные чувствовали, что сейчас они должны сделать что-то особенное. Но что?

Прабхупада, казалось, рассердился:

— У вас что, нет *пушпанджали*? А *прасад* готов?

Преданные переглянулись.

— Это не Вьяса-пуджа, — сказал Прабхупада. — Вы разве не были раньше на Вьяса-пудже? Не знаете, как отмечать Вьяса-пуджу, как выражать почтение духовному учителю?

Один *санньяси* заплакал.

— Тамала-Кришна, — позвал Прабхупада, — ты разве не видел, как я отмечал День явления моего Гуру Махараджи? Где *пушпа*? (*Пушпа* на санскрите означает «цветы».)

Пушпа? Пушпа? Тамала-Кришна решил, что Прабхупада имеет в виду *пушпанну* — кушанье из разноцветного риса.

— Я не знаю, — ответил он.

— Что за Вьяса-пуджа без *пушпы*? — спросил Прабхупада.

— Мы можем приготовить, — предложил Тамала-Кришна.

Он схватил Судаму.

— Прабхупада хочет *прасада*. Он хочет рис *пушпанна*.

Они бросились на кухню и спешно начали готовить рис.

Тем временем преданные в храме попытались провести церемонию Вьяса-пуджи по-своему. Киртанананда Свами встал и начал читать вслух отрывок из введения к книге «Кришна, источник наслаждения», в котором кратко рассказывалась биография Прабхупады. Но Прабхупада прервал его и отругал учеников за выдумки и неправильные действия.

— Если вы не знаете, — воскликнул он, — почему не спросите меня, как правильно?

Присутствующие гости, японцы, ни слова не понимали по-английски, но видели, что духовный учитель беспокоится. Прабхупада объяснил, что в преданном служении все должно совершаться правильно, в соответствии с традицией, переданной по *парампаре*, без всяких выдумок.

— Завтра мы проведем Вьяса-пуджу еще раз, — сказал он. — Приходите ко мне в комнату, я скажу вам, что делать.

На следующий день, проведя простую, традиционную церемонию Вьяса-пуджи, преданные были в полном восторге. Впоследствии они согласились: если духовный учитель недоволен, то и счастья никакого не будет; но если духовный учитель удовлетворен, то ученика наполнит блаженство.

Фестиваль в Новом Вриндаване, посвященный Джанмаштами и Вьяса-пудже, превратился в кошмар. Здесь собрались сотни преданных с Восточного побережья, многие приехали из Калифорнии, а некоторые — даже из Канады и Европы. Они съехались, желая насладиться праздником, а вместо этого обнаружили, что *санньяси*, недавно получившие посвящение у Шрилы Прабхупады, проповедуют какую-то разрушительную философию.

Там и тут, неформально беседуя с группами преданных, *санньяси* объясняли им, как преданные оскорбили Прабхупаду и как он лишил их за это своей милости. *Санньяси* делились откровениями, будто Прабхупада в действительности был Самим Богом, но никто из учеников не признал в нем Бога и потому все они, и в первую очередь сами *санньяси*, виновны в умалении его положения. Потому-то Прабхупада и уехал в Индию — он «лишил милости» своих учеников.

Преданные были сокрушены. Никто не знал, что возразить. Проповедь *санньяси* омрачила весь праздник. И так и должно быть, заявляли они; каждый должен ощущать свою вину и осознавать, что утратил милость своего духовного учителя. Нет смысла пытаться поднимать друг другу настроение — тут не помогут ни пение «Харе Кришна», ни пир: каждый должен вкусить горечь этого лекарства.

Хотя Прабхупада дал своим ученикам три тома «Шримад-Бхагаватам», а также «Бхагавад-гиту как она есть», «Нектар преданности», «Учение Шри Чайтаньи» и много других книг, никто из преданных не знал эти книги достаточно хорошо. Многие сомневались в правильности философии, которую проповедовали *санньяси*, но никто не знал священные писания настолько глубоко, чтобы немедленно опровергнуть их слова. Преданные обратились к Джи-би-си — руководителям и защитникам ИСККОН, недавно назначенным

Прабхупадой. Члены Джи-би-си совместно с другими старшими преданными принялись внимательно изучать книги Шрилы Прабхупады, желая точно выяснить, что же в них говорится о положении духовного учителя.

Потом Хаягрива объявил преданным, что получил только что письмо из Токио от Шрилы Прабхупады. Преданные собрались в *пандале*, чтобы послушать, и Хаягрива зачитал письмо вслух:

— «Мои дорогие сыновья и дочери...» — далее Прабхупада перечислял по именам почти всех, кто жил в Новом Вриндаване.

Преданные тут же почувствовали, как к ним возвращается надежда. Просто услышать эти слова Прабхупады — «Мои дорогие сыновья и дочери» — было огромным облегчением.

Хаягрива продолжал читать:

— «Пожалуйста, примите мои благословения».

Значит, Прабхупада их не отверг!

Далее Шрила Прабхупада писал о том, как он доволен деятельностью преданных в Новом Вриндаване, и обещал их навестить. Он сказал, что скоро вызовет к себе в Индию и других учеников. Когда Хаягрива зачитывал то место, где Шрила Прабхупада описывал предстоящую проповедь в Индии, бурный поток проповеднического духа Прабхупады подхватил и увлек за собой умы преданных. Они заплодировали. Они были на верху блаженства.

Затем Прабхупада непосредственно обратился к проблеме, вставшей перед ИСККОН: «Очистите Новый Вриндаван от не-вриндаванской атмосферы, которая туда проникла». В своем письме он обрушивался на философию *майявади*.

После этого члены Джи-би-си собрали всех преданных в алтарной комнате. Читая избранные места из «Нектара преданности», они доказали, что духовный учитель, хотя и не является Богом, заслуживает такого же почтения, как Бог, ибо он — Его доверенный слуга. Несколько старших преданных поделились воспоминаниями о некоторых моментах своего общения с Прабхупадой, вселивших в их сердца уверенность, что Прабхупада не может их отвергнуть — он очень милостив. Кто-то сказал, что *санньяси* могут *ощущать* себя отвергнутыми из-за собственного чувства вины, но они не должны проецировать эту вину на других.

Однако лжеучение нанесло удар по вере преданных, и многим требовалось время, чтобы от него оправиться. Особенно оказались выбиты из колеи те, кто приехал на фестиваль впервые. Но мрачная туча, нависшая было над Новым Вриндаваном, теперь рассеялась благодаря своевременному письму Шрилы Прабхупады.

Санньяси признали, что попали впросак. Члены Джи-би-си позвонили Киртанананде Свами в Токио и сказали ему, что письмо Прабхупады положило конец большинству проблем, но *санньяси* продолжают упорствовать в своих заблуждениях. Услышав об этом, Прабхупада почувствовал, что его опасения подтверждаются.

Некоторые ученики отравились ядовитой философией, пришедшей из Индии, и в результате их сердца, несмотря на присутствие Прабхупады, переполнились мирскими желаниями власти и контроля.

Обратившись к Тамала-Кришне, Судаме и трем сопровождавшим его *санньяси*, Прабхупада спросил, как, по их мнению, нужно теперь поступить. Философские упражнения последних дней были еще свежи в их памяти, и они высказали предложение, что любому, кто учит других философии *майявады*, нельзя позволять оставаться в ИСККОН. Прабхупада согласился. Если эти *санньяси*, сказал он, продолжают проповедовать философию *майявады*, они не должны оставаться в его храмах — пусть уходят и «проповедуют» отдельно, сами по себе. Тамала-Кришна передал это решение членам североамериканского Джи-би-си, и Прабхупада был доволен, что проблема, похоже, улажена. Для этого он и создал Джи-би-си — чтобы справляться с подобными трудностями.

2 сентября Прабхупада написал Хамсадуте в Германию:

Что касается отравы, которая проникла в наше Общество, — это факт; и я знаю, откуда растет это ядовитое дерево и насколько опасно поражено почти все наше Общество. Но это не так важно. Махарадже Прахладе дали выпить яд, но яд не подействовал. Господа Кришну и Пандавов тоже хотели отравить, но ничего не вышло. Теперь, по принципу *парампары*, аналогичное произошло и с нашим Обществом, но я думаю, что и тут яд не подействует, если некоторые наши ученики будут так же хороши, как Махараджа Прахлада. Для этого я и наделил Руководящий совет административными полномочиями.

Хаягриве в Новый Вриндаван Прабхупада написал:

Я рад узнать, что Джи-би-си активно работает над исправлением губительной ситуации, которая пошатнула сами основы нашего Общества. Все вы, члены Джи-би-си, пожалуйста, всегда оставайтесь очень бдительными в этом отношении и следите, чтобы никакая отравка не мешала росту нашего Общества. Ваша проповедь в Новом Вриндаване, а также то, что вы тщательно и серьезно изучаете наши книги, очень вдохновляет. Пожалуйста, продолжайте с энтузиазмом следовать этой программе и восстановите прочность и единство нашего Движения.

С самого начала я решительно выступал против имперсоналистов, и во всех моих книгах подчеркивается этот момент. И мои устные наставления, и мои книги — к вашим услугам. Теперь вы, члены Джи-би-си, должны обратиться к ним и составить себе ясное представление об этом предмете. И больше никаких проблем не будет. Пусть эти четверо *санньяси* лают — караван будет идти вперед.

Сатсварупе в Бостон Прабхупада написал:

Я очень рад, что вы не поддались на пропаганду этих *санньяси*, будто я недоволен всеми членами Общества, — я никогда не испытывал неприязни ни к кому из наших последователей.

Худшее позади, думал Прабхупада. Эта проблема уже несколько месяцев беспокоила его и мешала писать. Он не прекращая давал наставления своим ученикам, как ради их собственного блага, так и на благо всего Движения. Болезнь собрала свою дань, и это было прискорбно. Но она заставила преданных обратиться к книгам Прабхупады и попытаться применить его учение на практике. Это был плюс. Теперь они должны раз и навсегда четко усвоить, каково положение духовного учителя, и больше не позволять ложным учениям и сантиментам уводить себя с истинного пути.

Главной целью приезда Прабхупады в Токио были переговоры с «Дай Ниппон». Считая его выдающимся писателем и уважаемым религиозным деятелем, они предоставили ему в пользование машину и квартиру. Каждое утро они посылали за Прабхупадой автомобиль, который вез его в парк Императорского Дворца на утреннюю прогулку. Прабхупаде нравились аккуратно посаженные деревья и посыпанные гравием дорожки, и он одобрительно отзывался о привычках японцев. Когда он проходил мимо, пожилые женщины кланялись ему в пояс, другие же почтительно складывали ладони, понимая, что перед ними святой.

Наступило утро, на которое была назначена встреча с представителями «Дай Ниппон». Прабхупада вышел из квартиры и вместе с Тамала-Кришной и Деванандой Махараджей сел на заднее сиденье автомобиля, принадлежавшего компании. Пока машина ехала по утренним улицам, Прабхупада беззвучно читал *мантру гаятри*.

В «Дай Ниппон» Прабхупада и двое его учеников в сопровождении одного из младших сотрудников компании поднялись на лифте в просторную комнату с большим столом для совещаний. Служащий, сопровождавший Прабхупаду, радушно пригласил его к столу, и Прабхупада сел, посадив по обе стороны от себя Тамала-Кришну и Девананду Махараджу. Вскоре появились шестеро представителей высшего руководства «Дай Ниппон», в том числе президент корпорации. Они встали за спинками кресел и по очереди, начиная с президента, склонились в традиционном японском поклоне и вручили Прабхупаде свои визитные карточки. Обращаясь к нему «Ваша Божественная Милость», они представились, назвали свои должности и сели.

— Мы очень рады приветствовать вас здесь, — начал президент. — Вы великий религиозный писатель, и для нас огромная честь издавать ваши книги.

После короткой речи, сказанной президентом, подали чай. Прабхупада попросил горячего молока. Беседа лилась непринужденно. Прабхупада говорил о важности своей миссии и своих книг о сознании Кришны. О делах

не было сказано ни слова, и вскоре директора «Дай Ниппон», извинившись, попросили разрешения уйти. Они встретятся вновь завтра утром.

Когда в комнате остались только Прабхупада, двое его учеников и младший сотрудник компании, который привел их сюда, Прабхупада спросил молодого японца:

— Итак, какова цель вашей жизни?

Вместо ответа молодой человек собрал все визитные карточки, разложенные по столу перед Прабхупадой, и сложил их по порядку — сверху карточка президента, затем его первого заместителя и так далее, а свою карточку положил в самый низ. Затем театральным жестом он вынул свою карточку из-под остальных и положил поверх стопки — очень наглядный ответ на вопрос, заданный Прабхупадой.

Прабхупада улыбнулся. Стать президентом компании, сказал он, можно лишь на какое-то время, ибо вся материальная жизнь временна. Цитируя «Бхагавад-гиту», он объяснил, что тело бrenно, а душа вечна. К какому бы положению ни стремился человек и с чем бы ни отождествлял себя, со всем этим ему рано или поздно придется расстаться, ибо в основе этого всего лежит представление о себе как о теле. А цель жизни заключается не в том, чтобы стать временным президентом временной корпорации во временном материальном мире, а в том, чтобы осознать взаимоотношения вечной души с Верховным Господом и обрести вечную жизнь. Прабхупада говорил почти полчаса, а юноша вежливо слушал.

На следующий день Прабхупада снова встретился с менеджерами, и переговоры начались. Зал собраний был другой, стол — поменьше; напротив Прабхупады сидели трое агентов по продажам на международных рынках. Прабхупада назвал свою цену: один доллар тридцать пять центов за книгу.

— О, Ваша Божественная Милость, — воскликнул один из агентов, — эта цена для нас неприемлема! Мы понесем большие убытки. Мы не можем себе этого позволить.

Они подкрепили свои слова указанием на стоимость бумаги и другие расходы.

Прабхупада начал говорить о своей миссии. Распространение книг ИСККОН, сказал он, — благотворительная деятельность ради всего человечества. Преданные распространяют книги за любые пожертвования, которые могут дать им люди, а сам он не получает ни прибыли от продаж, ни гонораров. Это — духовное образование, литература первостепенной важности.

— Как бы то ни было, — сказал Прабхупада в завершение, — обращайтесь по этому вопросу к моему секретарю, — и откинулся на спинку кресла.

Далее вести переговоры предстояло Тамала-Кришне.

Тамала-Кришна начал с того, что Прабхупада слишком щедр, ибо ИСККОН на самом деле не сможет платить так дорого, и назвал цену на сорок центов ниже той, которую предложил Прабхупада.

— Господин Тамала, — агент опять расстроился, — пожалуйста, пересмотрите свое предложение.

Последовал вежливый спор.

Неожиданно Прабхупада прервал их беседу, сказав, что возьмет на себя роль стороннего наблюдателя. Он сказал, что уладит противоречие, возникшее между его секретарем и агентами.

— Я выслушал обе стороны, — сказал он, — и думаю, что цена должна быть один доллар двадцать пять центов за книгу. Вот и все.

— Да, Ваша Божественная Милость, — согласился торговец. — Это правильно.

После дальнейших переговоров Прабхупада согласился подписать контракт на повторную печать первого и выпуск второго тома книги «Кришна, Верховная Личность Бога», издание двух номеров «Бэк ту Годхед» на английском, одного номера «Бэк ту Годхед» на хинди и новой книги, «Шри Ишопанишад». ИСККОН должен был заплатить наличными пять тысяч долларов, а «Дай Ниппон» соглашалась печатать в кредит.

У себя на квартире Прабхупада устроил для руководителей «Дай Ниппон» пир. Японцам особенно пришлись по вкусу *самосы* и *накоры*. Они подарили Прабхупаде часы и все оставшееся время его пребывания в Токио продолжали заботиться о его удобствах. Прабхупада познакомился с одним юношей по имени Брюс — уроженцем Канады, но японцем по национальности, который серьезно заинтересовался сознанием Кришны. Прабхупада пригласил его поехать с ними в Индию, и юноша с радостью согласился.

32 Индия: танцующие белые слоны

Калькутта

29 августа 1970 года

ПРОШЛО ПОЧТИ три года с тех пор, как Прабхупада последний раз был в Индии, и вот теперь он вернулся в Калькутту, свой родной город. Хотя время было позднее и перелет из Токио занял долгих двенадцать часов, Прабхупада спускался по трапу самолета, сияя от радости. На летном поле его встречали Ачьютананда и Джаяпатака — единственные американские ученики Прабхупады в Индии. Увидев, как он приближается к ним в своем шафрановом шелковом одеянии, они пали ниц. Прабхупада, улыбаясь, обнял их. Ученики усадили его в убранный цветами автомобиль и сопроводили в здание аэропорта, в зал для почетных гостей.

Прабхупаду встречали некоторые из его духовных братьев и старые калькуттские друзья; группа преданных из Шри-Чайтанья-гаудия-матха вела *киртан*. Прием был пышный и торжественный. Под звуки пения «Харе Кришна», эхом разносившегося по залу, Прабхупада уселся на диван. Звук *киртана*, многочисленные изображения Кришны, аромат благовоний и цветов жасмина в сочетании с божественным присутствием Прабхупады превратили унылое помещение аэропорта в райскую обитель.

Люди проталкивались сквозь толпу, чтобы надеть на Прабхупаду гирлянды. Когда гирлянд становилось слишком много, Прабхупада снимал их, но его тут же заваливали новыми, и из-за них почти не было видно его лица. Только что приехавшие американские преданные как замороженные наблюдали за бенгальскими *брахмачари*, выписывающими на своих *мридангах* какие-то замысловатые экзотические ритмы. Люди толпились, стараясь протиснуться поближе, чтобы прикоснуться к стопам Прабхупады и попросить у него благословений, а Прабхупада улыбался — он был дома. Наконец *киртан* подошел к концу, и он заговорил:

— Я вернулся в этот город, где не был три года. Харе Кришна. Я исколесил весь мир и увидел, что материальный прогресс не принесет в этот мир счастье и покой. Я видел Японию — страну высокоразвитую в техническом отношении. И все равно там нет настоящего счастья. Но в Индии люди, даже не осознавая важности *санкиртаны*, слушают ее и наслаждаются этим. Мой совет индийцам: если вы будете добиваться успехов только в науке и технике, не уделяя внимания *хари-наме*, то всегда будете отсталыми. В *хари-наме* заключена потрясающая сила...

Репортер: Вы сказали (я цитирую): «Даже коммунизм пуст, если он лишен кришна-намы». Что вы имели в виду?

Прабхупада: Почему только коммунизм? Без сознания Кришны все пусто. Что бы вы ни делали, в центре должен оставаться Кришна. Не имеет значения, кто вы — коммунист, капиталист или кто-то еще. Нас интересует только, является ли центром вашей деятельности Кришна.

Репортер: В настоящий момент в Бенгалии большие беспорядки. Что бы вы могли нам посоветовать?

Прабхупада: Я советую повторять «Харе Кришна». Это совет обеим сторонам — и капиталистам, и коммунистам. От их враждебности не останется и следа, и все их проблемы решатся, если они последуют моему совету.

Собравшиеся, одобряя слова Прабхупады, закричали:

— Садху! Садху!

Прабхупада расположился на заднем сиденье автомобиля, ехавшего из аэропорта к дому господина Даса Гупты, в Баллигандже. За окном сменяли друг друга знакомые виды вечерней Калькутты, едва различимые в тусклом уличном освещении. Впрочем, сопровождавшим Прабхупаду иностранцам Калькутта казалась чужой и непривычной. Слоняющиеся тут и там тощие коровы, уличные собаки, босые *рикшавалы*, то и дело попадавшие на улицах, несмотря на поздний час, закрытые на ночь магазинчики, пешеходы, возвращавшиеся по домам, духота и невообразимое дорожное движение — все это было хорошо знакомо Прабхупаде, но повергло в культурный шок его учеников. Тамала-Кришна нервно поглядывал на водителя, который, сигналив, лавировал между другими автомобилями. Прабхупада тихо рассмеялся:

— Тамала-Кришна, как тебе нравится такой способ вождения?

Ачьютананда и Джаяпатака уже успели привыкнуть к Калькутте и научились ценить ее культуру. Они встречались с образованными жителями Калькутты из высших слоев общества, которые, несмотря на американское происхождение учеников Прабхупады, почитали их как настоящих *садху*. Они проповедовали в домах горожан и пели святое имя на публике, собирая толпы любопытных. Однако до сих пор им не удалось построить здесь устойчивого плацдарма для ИСККОН. Но теперь, когда приехал Прабхупада, все наверняка изменится. Он развернет здесь свою чудесную проповедь, как это было в Америке, и ученики горели желанием стать орудием в его руках. Уполномоченный Господом Чайтаньей, он будет для них жизненной силой и источником вдохновения.

Прабхупада добрался до дома господина Гупты почти в полночь. Множество людей хотели повидать его, и Девананда Махараджа попытался уговорить их разойтись. Но Прабхупада сказал:

— Нет, нет, пусть заходят.

Пришла Бхаватарини, сестра Прабхупады, и принесла с собой множество особых, приготовленных лично ею блюд.

— Мы не едим на ночь! — запротестовал один из *санньяси*. — Уже слишком поздно!

— Нет, — сказал Прабхупада. — Мы должны съесть все. Что бы ни приготовила моя сестра, мы должны это съесть. Это ее любимое занятие. Ей нравится для меня готовить и меня кормить. Все должны принять *прасад*.

Преданные из Шри-Чайтанья-гаудия-матха тоже приготовили пир и, пока Прабхупада почитал *прасад*, приготовленный сестрой, принесли *прасад* из Матха. Он попробовал немного и заставил своих учеников есть досыта.

В час ночи Прабхупада сидел в своей комнате и разговаривал с Ачьютанандой, Джаяпатакой и Деванандой Махараджей. Он рассказал им, как необдуманные письма учеников из Индии породили во всем ИСККОН серьезные заблуждения относительно положения духовного учителя. Он процитировал стих *сакшад-дхаритвена самаста-шастраих* и объяснил его смысл:

— Гуру находится на одном уровне с Хари, Верховной Личностью Бога. Он не Бог, но самый близкий Его слуга.

Прабхупада продолжал проповедовать ученикам, рассеивая всевозможные заблуждения о положении духовного учителя. Он сказал, что недавние неприятности теперь позади и преданные должны продолжать сотрудничать, с новыми силами и энергией.

Ачьютананда спросил, можно ли ему принять *санньясу*. Индийцы, сказал он, с большим уважением относятся к *санньяси*. Прабхупада согласился, что *санньяса* поможет Ачьютананде в проповеди, и добавил, что Джаяпатака тоже должен стать *санньяси*. Церемония была назначена на Радхаштами, который наступал через неделю.

В очередном номере газеты «Амрита базар патрика» всю первую полосу занимали новости о прибытии Прабхупады. На фото был изображен гуляющий Прабхупада с мешочком для четок на руке, окруженный молодыми *санньяси* с *дандами*.

Много высокопоставленных лиц повидал на своем веку аэропорт Думдум, но такого пышного, праздничного приема мы не видели никогда... Трудно представить, что этому человеку семьдесят пять, ибо после столь длительного путешествия он выглядит совершенно бодрым. Слегка улыбаясь, он благословил всех присутствующих словами: «Харибол!»

Прабхупада написал преданным в Японию:

В Индии, с того самого момента, как мы вышли из самолета, наша проповедь не прекращается ни на минуту... Этот юноша, Брюс, делает успехи, и интерес его растет. Он уже пожертвовал ради Кришны своими волосами — это хороший знак.

В Калькутте было неспокойно. Террористическая группа ком-мунистов-наксалитов бесчинствовала, убивая крупных бизнесменов и угрожая жизни

многих других людей. Многие богатые промышленники-марвари^[14] уехали из Калькутты в Дели и Бомбей. Кроме того, началось брожение в среде бенгальских студентов. Старшее поколение бенгальцев, к которому принадлежало и большинство приходивших к Прабхупаде людей, было встревожено ростом терроризма и беспорядками. «Единственное прибежище, — говорил им Прабхупада, — это Кришна».

Люди очень встревожены. Все ждут, что я сделаю что-нибудь и ситуация нормализуется, но я просто советую им повторять *мантру* Харе Кришна, поскольку трансцендентный звук — это единственная панацея от всех материальных болезней.

Прабхупада не видел необходимости придумывать какую-то специальную программу для решения социальных проблем Калькутты. Повторение *мантры* Харе Кришна было «единственной панацеей от всех материальных болезней». Для Прабхупады вопрос заключался в том, как лучше всего задействовать американских преданных, чтобы дать эту панацею индийцам. Прабхупада был в Индии вместе с группой из восьми преданных и попросил своих лидеров на Западе в течение месяца прислать еще двадцать человек. В типографии компании «Дай Ниппон» в Японии он заказал на шестьдесят тысяч долларов книг и журналов, а его *санньяси* ежедневно выходили на улицы города и устраивали *киртаны*.

Группу *санкиртаны* жители Калькутты приняли очень тепло. Молодые люди с Запада с обритыми головами, *шикхами*, с вайшнавскими *тилаками* и в шафрановых одеждах играли на *караталах* и *мридангах*, с заразительным энтузиазмом пели *мантру* Харе Кришна, цитировали санскритские стихи из «Бхагавад-гиты» и утверждали, что Господь Кришна — Верховная Личность Бога. Для бенгальцев это было сенсацией, и посмотреть на них собирались сотни людей. Прабхупада знал, что его ученики никого не оставят равнодушным и все наверняка захотят увидеть их, поэтому он любовно называл их своими «танцующими белыми слонами».

Те самые преданные, которым так нравилось петь *мантру* Харе Кришна на улицах Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, выходили теперь на улицы Калькутты. Стояла изнуряющая жара, какой почти никогда не бывает в Америке, но, несмотря на это, они по несколько часов каждый день пели на Далхаузи-сквер. Вокруг плотным кольцом стояла толпа людей, иногда над ними подтрунивали, смеялись, иногда их бранили, но чаще смотрели на них с неподдельным изумлением.

Прабхупада рассчитывал на то, что, когда индийцы увидят молодых людей с Запада, которые приняли принципы сознания Кришны, это укрепит их веру в свою собственную культуру. Прабхупада рассказывал ученикам, как когда-то давно, во времена царствования Махараджи Юдхиштхиры, Индия была государством сознания Кришны. Однако на протяжении последнего тысячелетия Индия находилась под иноземным владычеством; сначала ею

правили Моголы, а затем англичане. В результате интеллигенция и (правда, в меньшей степени) народные массы Индии утратили уважение к собственной культуре. Индийцы преследовали теперь материалистические цели Запада, считая материалистическое мировоззрение куда более продуктивным и практичным, чем религиозные верования своих предков, которые стали казаться им наивными и сентиментальными.

Прабхупада хорошо понимал, что жители Запада, которые отреклись от мира и стали вайшнавами, произведут сильное впечатление на индийцев и помогут им вновь обрести веру в свою утраченную культуру. Это был не рассчитанный тактический ход, а ставка на духовную силу. Прабхупада подчеркивал, что преданные должны быть чисты и безупречны в своих поступках, и эта чистота станет их силой.

Пение святых имен на Далхаузи-сквер и на улице Чоуринджи продолжалось около десяти дней, после чего Прабхупада решил на время прекратить его. Уличный *киртан* — замечательная форма проповеди на Западе, но для Индии это не самый эффективный метод, сказал он. В Бенгалии было много профессиональных групп, которые исполняли *киртаны*, и Прабхупада не хотел, чтобы на его учеников смотрели как на профессиональных артистов или нищих. Он хотел, чтобы проповедь открыла преданным доступ в круги интеллигентных, уважаемых индийцев. Так преданные узнали о его новых планах.

Он назвал свою новую программу «свободным членством». Его ученики будут приглашать индийцев, которые заинтересованы в сотрудничестве с ИСККОН, стать свободными членами Общества. Членский взнос размером в три рупий даст свободному члену много льгот, например возможность получения книг Шрилы Прабхупады и право на бесплатное проживание в любом центре ИСККОН.

Начало программе свободного членства было положено, когда Прабхупада объявил о ней, выступая в одном частном доме перед группой богатых бизнесменов. Прочитав лекцию, он предложил собравшимся стать свободными членами ИСККОН, и несколько калькуттских предпринимателей сразу же дали свое согласие.

Б. Л. Джаджу: Меня поразила простота и непосредственность Прабхупады. Он рассказал мне, как он занимался бизнесом и как его гуру поведал ему о предсказании Чайтаньи Махапрабху, сделанном четыреста лет назад, в котором Он предрек, что мантру Харе Рама, Харе Кришна будут петь по всему миру. Прабхупада сказал, что в этом заключалась миссия, которую возложил на него его духовный учитель, и, чтобы исполнить ее, ему пришлось поехать в Америку.

Я не заметил в нем никакого снобизма. Он держался очень просто. Он говорил со мной так, словно был моим братом, — о том, как он отправился в США, как начал проповедовать и как постепенно у него созрел план распространить сознание Кришны по всему миру.

Увидев его учеников, которые так резко изменили свою жизнь, я подумал: «Может быть, мне тоже стоит попробовать? Наверное, я тоже должен что-то сделать, исходя из своих скромных возможностей и не оглядываясь на других». Я обнаружил, что он как-то незаметно вошел в мою жизнь. На мою жену и даже на сына произвело сильное впечатление то, что эти белые люди, которые, как мы думали, никогда не смогут принять сознание Кришны, так изменились. Поэтому мы решили, что нам тоже нужно более строго следовать наставлениям «Гиты».

Где бы Прабхупада ни оказался: будь то в доме свободного члена ИСККОН, на официальном выступлении или в своей комнате — везде он говорил о Кришне и сознании Кришны, опираясь на «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам». Это никогда его не утомляло. Гость задавал вопрос, и Прабхупада начинал ответ с того, что просил одного из учеников прочитать соответствующий стих из «Гиты». Затем он давал этому стиху объяснение. Если гость не соглашался и вел себя вызывающе, Прабхупада с ним спорил.

Сидя за своим маленьким столиком и время от времени отпивая воды из лоты, Прабхупада мог говорить часами. Температура воздуха поднималась почти до сорока градусов, и Прабхупада сидел без рубашки, в простой накидке, которая оставляла открытыми руки, плечи и часть груди. Иногда преданным, находившимся рядом с ним, становилось дурно, их клонило в сон или просто было трудно сосредоточиться, и тогда они извинялись и выходили, а вернувшись через несколько часов, обнаруживали, что он все еще проповедует. Гости тоже приходили и уходили. Но Прабхупада проповедовал целыми днями, иногда до позднего вечера, лишь после обеда делая небольшой перерыв, чтобы вздремнуть. Предмет обсуждения никогда ему не надоедал, и он продолжал говорить, пока были заинтересованные слушатели.

Слушатели были самые разные. Иногда перед ним сидело несколько культурных и прилично одетых семейных пар, а иногда он беседовал с каким-нибудь одиноким стариком. Обычно аудитория слушала спокойно, но бывало, что кто-нибудь начинал спорить или, даже соглашаясь с его словами, чего-то недопонимал. Иногда гость интересовался, почему это он критикует известных бенгальских святых и политиков, и Прабхупада, опираясь на «Бхагавад-гиту», объяснял, что истинным садху является тот, кто всегда прославляет Кришну.

В своей проповеди Прабхупада часто говорил о том, что представляло особый интерес для его слушателей, — например, о политических волнениях в Калькутте или об упадке ведической культуры. Но его внимание к местным событиям было продиктовано лишь целесообразностью этого в данный момент, сам же он не принадлежал Индии. Он думал и о других людях и местах, о том, что творится по всему миру. Отвечая на письма, он тщательно обдумывал положение дел в Англии, Австралии, на Гавайях или в Новом Вриндаване. И кроме того, он не переставая думал о Кришне. Он хотел

прославить Кришну на весь мир; Индия была для него лишь очередным этапом на этой стезе.

Преданным в Индии выпала особая удача — вживую наблюдать, как их духовный учитель проповедует. Его величайшие терпение и доброта воодушевляли их, и в то же время на фоне его качеств им было легче увидеть собственные недостатки. Преданным, как приехавшим в Индию недавно, практическая сторона жизни в Калькутте все еще доставляла немало хлопот. Погода, болезни и культурный шок мешали им сосредоточить ум на сознании Кришны. Но присутствие Прабхупады, его проповедь и его личный пример напоминали им, что подлинная духовная реальность не зависит от тела.

Иногда преданные критиковали некоторых посетителей Прабхупады. Попадались индийцы, которые в присутствии Прабхупады старались произвести впечатление людей очень набожных, но за пределами его комнаты курили и демонстрировали далеко не лучшие качества характера. Однажды несколько преданных пожаловались Прабхупаде на лицемерие этих индийцев, и Прабхупада привел им аналогию с пчелой и мухой. Он сказал, что пчела всегда ищет мед, муху же влекут к себе отвратительные гноящиеся раны. Преданный должен уподобиться пчеле и видеть в других только хорошее, а не вести себя как муха и вечно искать недостатки.

Ученики Прабхупады обнаружили, что верный способ научиться жить в Индии — в точности повторять все, что делает их духовный учитель. Принимая с ним *прасад* в чьем-либо доме, они ели то же самое и в той же последовательности, что и он. Когда он заканчивал есть, они тоже заканчивали; когда он шел мыть руки, они шли за ним. Жизнь в Индии казалась ученикам Прабхупады странной и порой приводила их в замешательство, и у них, в отличие от Прабхупады, не было представления о том, какую миссию они должны выполнить в этой стране. Но, куда бы он ни шел, они всегда следовали за ним, как утята за уткой.

Чем ближе становились преданные к Прабхупаде и чем больше раскрывались перед ними его неповторимые качества, тем сильнее становилась их любовь к нему. Сидя в своей комнате на белом диванчике и откинувшись на белый валик-подушку, Прабхупада, казалось, излучал золотистое сияние и выглядел очень царственно, несмотря на простую окружающую обстановку. Преданные видели, что ни в Лос-Анджелесе, где он жил в роскоши и изобилии, ни здесь, в Калькутте, внешнее окружение никак не влияло на него. Индия была его домом, но он не был обычным индийцем, и даже не был одним из множества индийских *садху*. Он был особенный. И это был *их* Прабхупада.

* * *

С первого дня своего пребывания в Калькутте Прабхупада думал о том, чтобы посетить Майяпур, священное место рождения Господа Чайтаньи.

Бхактивинода Тхакур, отец духовного учителя Шрилы Прабхупады и человек, положивший начало распространению учения Господа Чайтаньи за пределами Индии, мечтал о том дне, когда американцы и европейцы встретятся со своими братьями-бенгальцами в Майяпуре и будут петь вместе с ними святые имена. Прабхупада хотел купить землю в Майяпуре, чтобы открыть там центр для своих западных учеников, таким образом воплотив мечту своих предшественников. Он написал одному из своих духовных братьев:

Я хочу отправиться в Майяпур, чтобы выразить почтение нашему возлюбленному духовному учителю. Его Божественной Милости Шри Шриле Прабхупаде, а также купить землю. Так что, если Джагмохан Прабху сможет сопровождать нас и поможет завершить сделку, это будет очень любезно с его стороны, и я надеюсь, что ты милостиво попросишь его об этом.

Последователи Господа Чайтаньи считают Майяпур, расположенный в ста восьмидесяти километрах к северу от Калькутты, местом, неотличным от Вриндавана. Пять тысяч лет назад Господь Кришна жил во Вриндаване, проводя там Свои детские игры, а пять сотен лет назад Господь Кришна явился в Майяпуре как Господь Чайтанья. Поэтому для Гаудия-вайшнавов Майяпур и Вриндаван — два самых дорогих и самых святых места на Земле. Где же еще устроить мировую штаб-квартиру ИСККОН, как не здесь! Но, несмотря на неоднократные попытки, предпринимавшиеся на протяжении последних нескольких лет, Шриле Прабхупаде так и не удалось приобрести здесь землю.

В 1967 году Прабхупада приехал в Майяпур с Ачьютанандой. Он присмотрел участок земли и попросил Ачьютананду попытаться его купить. Но Ачьютананде так и не удалось ни о чем договориться с мусульманином, владевшим этой землей. У некоторых духовных братьев Прабхупады были в Майяпуре и храмы, и земля, но они не помогали, а некоторые, казалось, даже пытались помешать. Когда Прабхупада написал письмо в Майяпур одному из своих духовных братьев с просьбой помочь Ачьютананде купить землю, он получил ответ от его секретаря, в котором говорилось, что этот человек ничем не сможет ему помочь. «Чтобы получить землю в Майяпуре, надо быть очень удачливым», — заметил секретарь.

Прабхупада осуждал нежелание сотрудничать у своих духовных братьев. Он терял терпение.

— Почему нам не удастся купить землю в Майяпуре? — спрашивал он учеников. — Это тянется уже триста лет!

Он снова написал одному из своих духовных братьев:

Что касается прославления имени Шри Майяпура как места явления Господа Чайтаньи, мы регулярно делаем это в наших книгах и других изданиях. Если ты милостиво возьмешь на себя труд приехать сюда, я покажу тебе, как мы приумножаем славу места явления Господа Чайтаньи. Может

быть, тебе известно, что я уже обращался к Его Святейшеству Шрипаде Тиртхе Махарадже с нижайшей просьбой выделить нам в Майяпуре небольшой клочок земли, чтобы построить там дом для моих западных учеников, но он ответил отказом. Шрила Бхактивинода Тхакур хотел, чтобы в Майяпур приезжали американские и европейские преданные, и теперь это его предсказание исполняется. К сожалению, они просто слоняются по улицам Калькутты, не имея пристанища в Майяпуре. Как ты думаешь, это правильно?

В сопровождении небольшой группы людей Прабхупада отправился на поезде в Навадвипу, что на другом берегу Ганги, прямо напротив Майяпура. Там их встретили вайшнавизм из Девананда-гаудия-матха. Подъезжая на рикшах к Девананда-гаудия-матху, преданные были очарованы деревенской атмосферой Навадвипы. Был сезон дождей, все цвело и зеленело, и, двигаясь по улицам, окруженным тропической растительностью, преданные чувствовали, как оживают их романтические представления об Индии. В Девананда-гаудия-матхе Прабхупаду и его учеников ожидал особый *прасад* и удобные комнаты.

Затем вновь пошли дожди. Они шли день за днем, и Ганга поднималась все выше и выше, так что пересечь стремительно несущуюся реку и попасть в Майяпур стало невозможно. Поскольку признаков того, что дожди в ближайшее время прекратятся, не было, Прабхупада решил уехать. Вместе с учениками он сел на ранний утренний поезд в Калькутту.

Железнодорожные пути были затоплены. Поезд вынужден был снова и снова останавливаться — один раз они стояли целых восемь часов. Жара и толпы пассажиров, снующих по вагону, превратили ожидание в сущую пытку. Прабхупада попросил одного из своих учеников нанять рикшу или попытаться найти более приемлемый способ передвижения, но никаких вариантов не было. В конце концов поезд тронулся в сторону Калькутты, но смог проехать не дальше следующей станции, где все пассажиры пересели на другой состав. Наконец Прабхупада добрался до Калькутты, до дома господина Даса Гупты.

— Может быть, Господь Чайтанья не хочет, чтобы мы открыли нашу штаб-квартиру в Майяпуре, — сказал Прабхупада.

Этих двух целей, о которых он думал, — открыть центр в Калькутте и приобрести землю в Майяпуре — достичь пока не удавалось.

Прабхупада продолжал проводить программы в домах калькуттцев и принимать гостей в своей комнате. Однажды к Прабхупаде пришел некий господин Дандхария, который рассказал ему о готовящемся в Бомбее Садху-самадже — собрании самых влиятельных и знаменитых *садху* Индии. Садху-самаджа будет проходить на пляже Чоупатти и обещает стать заметным событием в духовной жизни Индии. Господин Дандхария попросил Прабхупаду приехать, и Прабхупада принял его приглашение.

Бомбей

Октябрь 1970 года

В ответ на просьбу Шрилы Прабхупады, чтобы к нему в Индию приехали еще несколько учеников, в Брюссель вылетела группа из двадцати американских преданных. Там они купили недорогие билеты на винтовой самолет до Бомбея. В аэропорту, пока преданные раздумывали, куда пойти, к ним с письмом от Прабхупады подошел Кайлаш Шекшария, богатый бизнесмен из Бомбея, племянник господина Дандхарии. Обеспечив несколько машин, господин Шекшария отвез преданных в свой дом в престижном районе Бомбея на Марин-Драйв. Он накормил их и обеспечил местом для проживания.

Приезд Прабхупады дважды откладывался, и это усилило нетерпение преданных, предвкушавших встречу с ним. Наконец пришла телеграмма с известием, что Прабхупада прибывает. В бомбейском аэропорту Прабхупаду ждал восторженный прием, после чего он вместе с господином Шекшарией отправился к нему.

Марин-Драйв вытянулась вдоль побережья, и расположенные на ней дома принадлежат очень богатым людям. В резиденции господина Шекшарии было семь этажей, и первый, с большими комнатами, выходящими окнами на Аравийское море, он отвел для Шрилы Прабхупады.

Прабхупада сказал, что Бомбей — самый материалистичный город Индии. Это столица национального кинематографа, и ни в одном другом городе Индии нет столько людей, одетых по-европейски. Считаясь «воротами в Индию», Бомбей мог похвастаться наибольшим количеством промышленных предприятий и фирм и самой обильной рекламой. Многонациональный Бомбей был похож на плавильный котел, в котором смешались разные культуры и религии, но здесь не было ни террора накаликов, как в Калькутте, ни напряженной политической обстановки, как в Дели. Не было здесь, однако, и знатных семей, поклонявшихся Господу Чайтанье и Его движению *санкиртаны*. И все-таки проповедь в Бомбее имеет свои преимущества, сказал Прабхупада. В этом богатом городе жило много благочестивых и разумных индийцев, которые с ходу усваивали хорошие идеи. Прабхупада предсказал, что в Бомбее сознание Кришны будет пользоваться успехом.

Первая возможность проповедовать в этом городе появилась у Прабхупады на собрании *садху*, в *пандале* на открытом поле, в нескольких кварталах от дома господина Шекшарии. Ученики Прабхупады, которых тоже пригласили, приехали туда за несколько часов до него. Увидев толпу индийских *садху*, сидящих на сцене длинными рядами, преданные были поражены. Одни *садху* носили бороды, другие были с бритой головой, третьи, с длинными, спутанными волосами, держали в руках трезубцы, кто-то обмазал тело пеплом, а кого-то украшали четки и знаки, нанесенные глиной. Преданные были поражены, но многие из тех *садху*, увидев белых вайшнавов, были поражены не меньше.

Когда преданные вышли на сцену и начали *киртан*, публика стала подпевать и хлопать в такт. После этого, по совету господина Шекшарии, преданные пошли с *киртаном* по улицам города, и многие участники собрания последовали за ними.

Тем вечером преданные вернулись в *пандал* одновременно с Прабхупадой. Прабхупада сел на возвышение, а ученики расселись у его ног. После того как трое учеников выступили с речью на английском, Прабхупада заговорил на хинди. Аудитория из более чем пятисот человек слушала его в полном молчании. После лекции он спустился с помоста, и вокруг него собралась толпа желающих коснуться его стоп и проводить до автомобиля.

Узнав, что ученики провели на улицах Бомбея спонтанный *киртан*, Прабхупада попросил их каждый день петь на самых оживленных базарах города. Так они и делали. Они приходили с *киртаном* в самые людные места и каждый день по три-четыре часа пели на улицах — сильные, молодые, цветущие и полные веры.

Прабхупада не ходил по Бомбею со своими поющими учениками, но был с ними в своих наставлениях, а также когда провожал их утром и встречал вечером. Они пели, потому что он попросил их об этом. И они знали, что пение *мантры* Харе Кришна — естественная деятельность души; каждый должен это делать. Преданные знали, что в конце жизни они вернутся домой, обратно к Богу. Но еще больше их вдохновляло то, что в конце дня они вернутся на Марин-Драйв, к Прабхупаде, который улыбнется и скажет им несколько воодушевляющих слов.

Западные преданные, поющие в городе, попали в поле зрения радиостанций и газет. В «Таймс оф Индия», в номере от десятого октября, появилась статья следующего содержания:

Вот уже несколько дней на улицах Бомбея можно наблюдать группу американцев (среди них есть даже женщины с грудными детьми), членов Международного общества сознания Кришны, ИСККОН, которые поют «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе» или «Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе» под аккомпанемент латунных тарелочек, кастаньет и барабанов (*мриданг*).

...Неужели материалистичный Запад, или, по крайней мере, небольшая его часть, наконец обратился к духовности Востока? Я встретился с несколькими американскими участниками *киртана* (они приехали в Бомбей на седьмую индийскую конференцию Бхара-тасадху-самаджа, начинающуюся сегодня) и был поражен их искренностью и абсолютной преданностью своей вере. Я подумал, что даже вайшнавцы Матхуры вряд ли были бы столь же искренни, как эти энтузиасты *бхакти*.

Песок на пляже Чоупатти был мелким и чистым. Народу собралось несколько тысяч. *Садху* расположились на сцене, среди них был и Прабхупада вместе со своими учениками. Спустились сумерки. Небо над Аравийским морем было затянуто облаками, и с моря дул легкий ветерок.

Они уже прослушали две лекции по философии *майявады*, теперь наконец пришла очередь выступать Прабхупаде — последнему из намеченных на этот вечер ораторов. Аудитория с нетерпением ждала его выступления. Его успехи на Западе вызывали огромное любопытство, особенно теперь, когда он приехал в Бомбей и его последователи ежедневно пели *мантру* Харе Кришна на улицах города. Ученики Прабхупады, измученные и раздраженные двухчасовым потоком красноречия на хинди, устали ждать, когда же дойдет очередь до Прабхупады. Однако, вместо того чтобы обратиться к аудитории с речью, Прабхупада повернулся к ученикам и сказал:

— Начинайте петь!

Как только преданные запели, маленькая Сарасвати, дочка Шьямасундары, поднялась и начала танцевать. Вслед за ней стали танцевать и другие преданные. Когда *киртан* оживили звуки *мриданг* и *карата*, танец и пение преданных стали, по-видимому, раздражать некоторых из сидевших на сцене *садху*, которые один за другим поднялись и ушли оттуда. Однако публика встретила пение с энтузиазмом, многие встали на ноги и начали хлопать в ладоши. После пяти минут бурного *киртана* преданные, охваченные единым порывом, прыгнули на песок и направились к публике. Тысячи собравшихся на пляже людей поднялись со своих мест и начали танцевать вместе с преданными.

Охваченные неудержимой радостью и тронутые неподдельной *кришна-бхакти* этих чужеземцев, некоторые индийцы заплакали. Никогда прежде здесь не случалось ничего подобного. Даже полицейские и журналисты пели и танцевали вместе со всеми. Над Чоупатти-Бич бушевал *киртан* «Харе Кришна» — так Прабхупада и его ученики демонстрировали бомбейцам силу движения *санкиртаны*, начатого Господом Чайтаньей.

Минут через десять *киртан* закончился, но возбужденная публика продолжала гудеть. Прошло минут пятнадцать, прежде чем народ расселся по местам и можно было продолжать программу. Некоторые преданные сошли со сцены и сели на землю, а некоторые расположились вокруг своего духовного учителя. Голос Прабхупады, усиленный динамиками, эхом разносился над Чоупатти-Бич.

— Дамы и господа, меня попросили говорить на хинди, но я как-то не привык говорить на хинди, поэтому организаторы этого собрания позволили мне говорить по-английски. Я надеюсь, вам не составит труда следить за моей речью: ведь это Бомбей, где большинство людей владеет английским. Как сказал один из выступавших на этом вечере, Его Святейшество Свами Акханда-нандаджи, главное сейчас — отучить людей от дурных привычек и побудить их вести праведный образ жизни, *сад-ачару*. В этот век, в Кали-югу, люди очень порочны.

Прабхупада говорил о силе Движения Господа Чайтаньи, которое способно очистить сердце каждого живого существа. Он рассказал о двух великих грешниках, Джагае и Мадхае, которых спас Господь Чайтанья.

— Сейчас мы спасаем всех Джагаев и Мадхаев, всех без исключения. Поэтому, если мы хотим мира, если мы хотим достичь уровня *сад-ачары*, то должны распространить *хари-нама маха-мантру* по всему миру. Действенность этого метода доказана на практике. Американские и европейские вайшнавцы, которые приехали сюда и вместе с вами пели сейчас *мантру* Харе Кришна, еще не так давно ели говядину, пили спиртное, предавались разврату и играли в азартные игры. Но, присоединившись к Движению сознания Кришны, они избавились от всех дурных привычек. *Сад-ачара* пришла к ним сама собой. Они не пьют ни чая, ни кофе, не курят, что, насколько я понимаю, редкое явление даже для Индии. Они отказались от всего этого. Почему? Потому что приняли сознание Кришны.

Прабхупада говорил не более пяти минут.

— Думаю, мне нет необходимости говорить долго. Вы сами видите, каковы плоды сознания Кришны. Оно не является чем-то искусственным. Это сознание заложено в каждом из нас. Я не прибегал к помощи магии. Сознание Кришны пребывает в каждом живом существе, и нам нужно только разбудить его.

Публика отозвалась одобрительными возгласами и долго не смолкавшими аплодисментами. Сильнее и ярче, чем многоречивые *майявади*, Прабхупада показал самую суть духовной жизни — экстатическое пение святых имен. И американские преданные были живым и наглядным доказательством его правоты.

На следующей неделе о Прабхупаде и его учениках говорил весь Бомбей. Они стали получать множество приглашений с просьбой выступить и провести *киртан*. В репортаже о Садху-самадже «Таймс уикли» особо остановился на выступлении Шрилы Прабхупады и его учеников.

Группа из двадцати американцев, членов делегации «Харе Кришна», взошла на помост. Воздух сотрясали звуки *мриданг*, звон тарелок и пение *маха-мантры*. Раскачиваясь из стороны в сторону, с развевающимися на ветру *шикхами*, они пели: «Харе Кришна...»

Один сидящий репортер, который всегда казался мне человеком трезвым и далеко не сентиментальным, голосом, прерывающимся от волнения, сказал: «Ты понимаешь, что происходит? Скоро индуизм охватит весь Запад. Движение „Харе Кришна“ возместит тот урон, который за многие века нанесли нашей культуре католические священники».

Более двадцати журналистов пришли на пресс-конференцию, которая проходила на пятом этаже резиденции господина Шекшарии. Прабхупада с учениками сидел на большом матрасе и отвечал на вопросы, а преданные показали фильм о сан-францисской Ратха-ятре. Репортеров интересовал

Новый Вриндаван. Они спрашивали преданных: «Почему вы стали *садху*? Почему покинули свою страну?»

На следующий день пресса изобиловала публикациями о Прабхупаде и его Движении. «Таймс оф Индия» назвала свою статью так: «Сын американского миллионера находит прибежище в Обществе Кришны». В статье говорилось о том, как Гирираджа, присоединившись к Движению Прабхупады, отказался от отцовского состояния. Одна газета цитировала его слова: «Мой отец тяжело трудится и зарабатывает сказочные богатства. Но он постоянно ссорится с матерью. Таким образом, несмотря на материальные удобства, никто не счастлив». Далее приводились слова Шьямасундары: «Мой отец очень богат, но каждый вечер он вынужден принимать снотворное». Были и другие статьи.

Но вскоре в колонке читательских писем газеты «Таймс оф Индия» начали появляться отклики публики:

Насколько я понимаю, этих иностранных индусов из движения «Харе Кришна» нельзя приравнять к урожденным индийским *брахманам* и индусам. Их следует считать представителями низших каст. Важно отметить, что один из этих новообращенных *садху*, Шри Гопал дас, в прошлом Чарльз Поланд из Чикаго, утверждает, будто раньше был строителем. Ввиду того, что эти западные адепты индуизма занимались работой *шудр*, их необходимо рассматривать в рамках трех низших каст, в зависимости от их профессии.

В другом письме говорилось: «Движение „Харе Кришна“ — мимолетная причуда горстки сентименталистов».

Прабхупада сказал, что на эти письма следует отреагировать, и лично объяснил, что ответить, поручив нескольким ученикам составить письменные опровержения. Через несколько дней ответы Прабхупады появились в газетах.

В Индии даже *брахманы* из разных провинций отказываются общаться друг с другом. Так что не имеет значения, признает западных преданных индийское общество или нет. Например, практикующие адвокаты из разных провинций тоже могут не общаться друг с другом. Значит ли это, что они не специалисты в своей области? Движение сознания Кришны — это культурное движение, и весь мир признаёт его. Так что с того, что его не признают индийские *брахманы*?.. Мы не боремся за социальное или политическое единство, но если люди примут сознание Кришны, объединение произойдет само собой, на всех уровнях: политическом, социальном и религиозном...

Тот факт, что один из наших юношей был строителем, еще не значит, что он принадлежит к *шудрам*. *Шудры* — это класс людей, недостаточно разумных или неграмотных, не знающих о ценности человеческой жизни. В Америке даже чрезвычайно культурный и образованный человек может пойти на работу обычным строителем, поскольку американец уважает труд. Таким образом, молодой человек, работавший в Америке строителем, не *шудра*.

Но даже если считать его *шудрой*, Господь Кришна говорит, что всякий, кто приходит к Нему, достоин самого высокого положения — возвращения домой, обратно к Богу.

В письме, подписанном Гирираджей, Прабхупада опровергал обвинение в том, что его Движение — «мимолетная причуда отдельных сентименталистов».

...Как можно считать наше Движение мимолетным, если эта наука была изложена в «Гите» пять тысяч лет назад, а за миллионы лет до этого она была поведена богу Солнца? Как можно называть это Движение мимолетным, когда мы выполняем *санатана-дхарму*, вечный долг живого существа? Разве могут люди просто из причуды вот уже пять лет не есть мяса, не употреблять одурманивающих средств, не вступать в недозволенные половые отношения и не играть в азартные игры? Станут ли люди по какой-то причуде расставаться с друзьями, родными и богатством, чтобы каждый день вставать в четыре часа утра и быть готовыми по просьбе своего духовного учителя немедленно отправиться в любую страну мира и проповедовать в любых условиях?

Все эти газетные репортажи Прабхупада воспринимал как еще один способ проповедовать сознание Кришны. Он сказал, что, даже критикуя Движение сознания Кришны, газеты распространяют святое имя Кришны. А имя Кришны абсолютно.

Господин Шекшария устроил особую программу, на которую пригласил многих почетных граждан Бомбея. Он рассчитывал, что придет около двухсот человек, но пришло гораздо больше. Это была элита Бомбея — женщины в дорогих шелковых сари, в золоте и драгоценностях, и мужчины в шелковых костюмах с высокими воротничками в стиле Неру или в белоснежных, накрахмаленных *дхоти* и *куртах*.

Прабхупада провел с учениками *киртан* и прочитал лекцию. Он говорил мало, но очень серьезно:

— Все вы очень разумны. Все вы очень образованны. Все вы великие души. Я прошу, я умоляю вас, зажав в зубах соломинку с дороги: просто повторяйте «Харе Кришна». Пожалуйста, повторяйте «Харе Кришна».

После выступления Прабхупада ушел, а преданные показали слайды о деятельности движения «Харе Кришна» по всему миру. Они также впервые обратились к собравшейся публике с просьбой стать свободными членами ИСККОН, и господин Г. Д. Сомани, один из ведущих промышленников Индии, а также господин Шекшария ответили на это согласием.

Хотя Прабхупада был очень рад, что число свободных членов ИСККОН растет, его беспокоило, что груз его книг из «Дай Ниппон» до сих пор не прибыл. Преданные обещали свободным членам книги, но где они? С каждым днем проблема становилась всё острее.

Прабхупада узнал о забастовке в калькуттском порту. Корабль с его книгами, по-видимому, прибыл, но, не получив возможности разгрузиться в Калькутте, покинул порт. Прабхупада беспокоился, что книги могут выгрузить в каком-нибудь другом индийском порту. Точное их местонахождение и условия, в которых они хранятся, оставались неизвестными. Прабхупада был очень обеспокоен. Он решил послать в Калькутту самого ответственного своего ученика, Тамала-Кришну, чтобы тот попытался отыскать и достать книги. А сам Прабхупада тем временем продолжил бы проповедь, полностью положившись на Кришну.

* * *

Амритсар

21 октября 1970 года

В сопровождении группы учеников (семерых мужчин и двух женщин) Прабхупада отправился в двухдневное путешествие по железной дороге из Бомбея в Амритсар. Несколько лет назад он, одинокий проповедник, колесил на поездах по Индии, заезжая в Джханси, Дели, Канпур, Калькутту и Бомбей, чтобы издавать «Бэк ту Годхед» и собирать средства на его печать. Теперь же, когда спустя всего пять лет, проведенных на Западе, он обрел поддержку искренних учеников, индийцы обратили на него внимание.

Ачьютананда Свами, Джаяпатака Свами, Хамсадута и другие удерживали позиции в Калькутте; Тамала-Кришна, Шьямасундара и еще несколько преданных — в Бомбее. Его ученики привлекали свободных членов и пытались открыть в двух главных городах Индии постоянно действующие центры ИСККОН. Его Движение сознания Кришны только начинало свою деятельность в этой стране, и Прабхупада вместе с учениками с готовностью ехал туда, где имелаась возможность для проповеди. В Америке он никогда не стремился жить с удобствами на одном месте, а всегда путешествовал, говоря людям о Кришне, заводя новые знакомства и предлагая слушателям встать на путь преданного служения, — точно так же он собирался действовать и в Индии.

Поезд прибыл на станцию Курукшетра.

— Недалеко отсюда, — сказал Прабхупада, — находится место, где пять тысяч лет назад Господь Кришна поведал «Бхагавад-гиту». Они говорят, что этого места не существует, что это просто миф. Они говорят, что это аллегория, символ тела и чувств. Но вот, мы на станции Курукшетра.

Солнце садилось, и небо над равниной окрасилось в ярко-оранжевый цвет.

— Как они могут говорить, что Курукшетры в реальности не существует? — продолжал он. — вот она, перед нами. Испокон веков это место является историческим.

Поезд прибыл на станцию Амритсар. Здесь Прабхупаду встретили члены комитета «Веданта саммелан» и отвезли его и его учеников в парк в городском предместье. Они показали ему большой *пандал*, возведенный для «Веданта саммелана», и выделили Прабхупаде и его ученикам жилье — две небольшие комнаты. Прабхупада занял одну из них, две женщины — другую, а семеро мужчин остались спать на открытом воздухе. В первую ночь преданным было холодно в климате Северной Индии. Спальных принадлежностей не хватало, а теплой одежды никто из преданных с собой не взял.

На следующее утро в четыре утра преданные столпились в комнате Шрилы Прабхупады, чтобы поучаствовать в *мангала-арати* и *киртане* перед Божествами Радхи и Кришны — теми самыми, которые путешествовали с Прабхупадой последние полтора года. Несмотря на суровые условия, преданные считали себя счастливыми оттого, что могли находиться так близко к Прабхупаде и Радхе-Кришне. Прабхупада играл на *мриданге* и пел молитвы духовному учителю. Остальные подпевали. После этого он попросил *пуджари* раздать каждому преданному по кусочку фруктов и сладостей, только что предложенных Божествам. Солнце еще не взошло, и в комнате было прохладно. Когда преданные сгрудились на полу, под единственной лампочкой без абажура, Прабхупада попросил их читать вслух «Шримад-Бхагаватам».

В то же утро Прабхупада посетил «Веданта саммелан». На собрание пришли тысячи людей, и поскольку многие из них не понимали английского, Прабхупада говорил на хинди. Его выступление всем понравилось, и члены комитета удостоили его чести быть председателем «Веданта саммелана».

Хотя программа проходила лишь несколько часов в день, по утрам и вечерам, Прабхупада не ограничивал свою проповедь этим временем; он проповедовал постоянно. Пока он сидел у себя в комнате, к нему бескончаемым потоком шли гости — сотни благочестивых индусов, стремившихся получить его благословения. Прабхупада указал на это ученикам как на один из оставшихся в Индии отголосков ведической культуры:

— Посмотрите, как они относятся к святому человеку.

Как обычно, на Прабхупаду посыпалось множество приглашений посетить дома индийских семей. Он принимал столько приглашений, сколько было возможно — и даже больше, как казалось его ученикам.

Передвигался Прабхупада стремительно. Как только машины подъезжали к дверям, он быстро выходил из комнаты и садился в машину, не дожидаясь тех, кто еще не собрался. После каждой проведенной программы он снова садился в машину и ехал напрямик на следующую. Опоздавшие, обнаружив, что он уже уехал, прыгали в коляску велорикши и пытались его догнать. Стоило им неверно выбрать дорогу или не заметить поворот, и они рисковали пропустить следующую программу. И когда наконец они приезжали на место, то заставали там Прабхупаду, который с серьезным и невозмутимым видом

читал лекцию по «Бхагавад-гите» или смеялся, принимая *прасад* вместе с хозяином дома.

Каждый день было по меньшей мере пять-шесть программ — «Приезжайте в наш храм на *даршан!*», «Зайдите к нам на *прасад!*». А когда Прабхупада возвращался к себе в *ашрам*, там у дверей его уже ожидала длинная очередь желающих хотя бы несколько мгновений пообщаться с ним.

Никто из преданных не мог угнаться за Прабхупадой с его темпом жизни и энтузиазмом. Казалось, его энергия неиссякаема. Его ученикам было просто не под силу по пять раз в день обедать в домах индийцев, куда их приглашали. Они постоянно переедали, и некоторые из-за этого даже заболели. Прабхупада же превосходно справлялся с подобными ситуациями. Он умел сделать так, чтобы все хозяева остались довольны. Он рассказывал о сознании Кришны, проводил *киртан*, принимал немного *прасада* и ехал дальше.

Однажды днем Прабхупада посетил по приглашению дом Баладевы Индры Сингха, потомка одной из древних царских династий Пенджаба. Господину Сингху было под шестьдесят, но, несмотря на возраст, он по-прежнему был крепким пенджабским *кшатрием* — красивым, высоким, с большими черными усами. Он провел Прабхупаду и его учеников по своему богатому дому, украшенному большими портретами его предков — *кшатриев* в доспехах, шлемах и с мечами. В комнате, где хранились трофеи, увешанной шкурами и чучелами голов диких зверей, господин Сингх показал Прабхупаде и его ученикам свой главный трофей — огромную голову тигра. Прабхупада подошел поближе.

— Это вы убили его? — спросил он.

— Да, — ответил господин Сингх и принялся рассказывать подробности. По его словам, это был тигр-людоед, убивший многих людей в соседней деревне.

— И вот я пошел и застрелил его.

Прабхупада округлил глаза и повернулся к ученикам:

— О, очень хорошо!

Позже, когда Прабхупада сидел в кресле, а хозяин дома — перед ним, на полу, господин Сингх признался, что его кое-что беспокоит. Один астролог сказал ему, что в прошлой жизни, тысячи лет назад, он принимал участие в битве на Курукшетре — но на стороне противников Кришны!

— Это невозможно, — ответил Прабхупада. — Все, кто участвовал в битве на Курукшетре, получили освобождение. Если бы вы действительно сражались на Курукшетре, то вас бы сейчас не было в материальном мире.

Господин Сингх не знал, радоваться или огорчаться. Но Прабхупада заверил его:

— Ничего страшного. Не беспокойтесь. Главное, что сейчас вы — преданный Кришны.

Когда Прабхупада попросил господина Сингха стать свободным членом ИСККОН, тот сразу же согласился. Он признался, что поначалу, когда он только пригласил к себе Прабхупаду и его учеников, он был настроен весьма

скептически, но после нескольких минут общения со Шрилой Прабхупадой все его сомнения и подозрения рассеялись. Он будет счастлив стать первым свободным членом ИСККОН в Амритсаре.

Хотя преданные просили Прабхупаду сократить число визитов, он не сбавил темпа. Он сказал, что, если трудно им, это отнюдь не значит, что трудно ему. Однажды вечером, после восьмой и последней в тот день программы, Прабхупада вернулся в свою комнату незадолго до полуночи. Преданные с ног валились от усталости, и единственным их желанием было как можно скорее добраться до постели. Заметив, что в комнате Прабхупады горит свет, один из преданных подошел к его окну. Прабхупада сидел за столом, откинувшись к стене, и слушал магнитофонную запись одной из своих сегодняшних бесед.

* * *

Однажды днем Прабхупада и его ученики отправились посмотреть на знаменитый Золотой храм сикхов. Экскурсовод провел их по храму и ответил на вопросы Прабхупады. Он объяснил, что храм содержится на средства сикхов-бизнесменов. Сикхи гордятся тем, что в Амритсаре никто не голодает: каждый день они кормят *далом* и *чапати* десять тысяч человек. Это заинтересовало Прабхупаду, и он захотел посмотреть, как они проводят эту масштабную работу. Он увидел, как несколько мужчин раскатывают *чапати* и ловко кидают их на гигантскую сковороду, а другие, пользуясь длинными лопатками, переворачивают лепешки, держат несколько секунд над горячими углями и затем складывают в стопки.

— Вот так нужно распространять *прасад*, — сказал Прабхупада. — Мы тоже должны так научиться.

Прабхупада расписался в гостевой книге: «А.Ч. Бхактиведанта Свами». В графе «вероисповедание» он написал «Кришнаит», а в графе «комментарии» — «Очень духовно».

Вместе с учениками Прабхупада посетил Рама-тиртха-Саровару, озеро, где в давние времена находился *ашрам* великого мудреца Валмики. Местность, окружающая озеро, была сухой и каменистой, со скудной растительностью. Они остановились у красивого *гхата* для омовения, со ступеньками, спускавшимися к воде. Преданные очень радовались выпавшей им возможности побывать на природе вместе со своим духовным отцом и учителем. Трудно было представить себе лучшее место для общения с Прабхупадой, чем это тихое озеро с изумительным *гхатом*.

Мало что зная о Господе Рама, преданные внимательно слушали, как Прабхупада рассказывал им о некоторых играх Верховной Личности Бога в Его воплощении Господа Рамачандры. В Свои последние дни на Земле, сказал

Прабхупада, Рама отправил в изгнание Ситу, Свою жену и вечную спутницу. Одинокая, ожидающая ребенка, Сита нашла пристанище в *ашраме* Валмики, где вскоре родила сына Лаву. Из травинки мудрец создал Сите еще одного сына и назвал его Куша.

Валмики пересказал Куше и Лаве «Рамаяну». Близнецы запомнили ее слово в слово и впоследствии воспели удивительные деяния Господа Рамы перед собранием великих мудрецов и *брахманов*. Лава и Куша много странствовали по свету и повсюду пели «Рамаяну». Наконец они пришли в Айодхью, где их увидел Господь Рама. Узнав, что своими песнями о Его подвигах они снискали себе широкую славу, Рама пригласил их во дворец, чтобы юноши прочли «Рамаяну». Хотя Лава и Куша были Его сыновьями, Господь Рама не узнал их. Тем временем однажды, когда Сита гуляла в лесу, перед ней разверзлась земля, из которой она когда-то появилась, и Сита вернулась в нее.

Эти события, объяснил Прабхупада, стоя со своими последователями у Рама-тиртха-Саровары, происходили не менее восьмисот тысяч лет тому назад. Преданным казалось, будто Прабхупада приоткрыл для них новое окно в духовный мир.

* * *

Организаторы «Веданта саммелана» несколько раз обращались к Прабхупаде и его группе с просьбой участвовать в программе в *пандале*, причем на главных ролях. Запланированные дискуссии были посвящены в основном философии *майявады* Бог безличен, все духовные пути равны и ведут к Всевышнему, все едино и все мы Бог. Публика не может долго слушать сухие отвлеченные рассуждения, и организаторы «Саммелана» каждый день просили преданных проводить в *пандале киртан*. Прабхупада же, и без того загруженный проповедью, предпочитал проводить свои программы в частных домах.

Один преданный спросил Прабхупаду о девизе *майявады*, который он увидел на плакате, — *Tat tvam asi*, под которым был приведен английский перевод: «И ты есть То». Это, пояснил Прабхупада, излюбленное высказывание имперсоналистов, которые воображают, будто живое существо и есть Бог. Он подробно описал различия между Богом и живым существом и рассказал, как Бог, нисходя в этот мир, демонстрирует качества, явно и недвусмысленно указывающие на Верховную Личность Бога.

— Эти *йоги* будут просто заниматься словоблудием, — сказал Прабхупада. — Просто пускаться в отвлеченные рассуждения о *веданте*. Они никогда не придут ни к какому выводу. Многие годы и многие жизни они будут продолжать свои разглагольствования. Мы же осознаем Бога, просто вкушая *прасад*.

С этими словами Прабхупада взял со своей тарелки с *прасадом* какую-то сладость и закинул себе в рот.

Погруженный в активную деятельность в Амритсаре, Прабхупада не забывал о своих духовных детях, рассеянных по всему миру. Каждый день он писал им письма. Преданным в Калькутте он написал: «Горю желанием узнать, как у вас дела и удалось ли вам еще кого-нибудь записать в свободные члены». Он просил их официально зарегистрировать ИСККОН и постараться открыть в Калькутте постоянно действующий центр.

Своим ученикам в Бомбее он писал: «Я очень хочу узнать о положении дел в Бомбее. Удалось ли вам переехать в храм Господа Рамы или какое-то другое место?» Письмо Карандхаре в Лос-Анджелес было следующего содержания:

Я надеюсь, что дела в нашей всемирной штаб-квартире под твоим руководством идут хорошо.

Пожалуйста, пришли мне общий отчет о ваших делах... а также о делах Руководящего совета. Пожалуйста, передай мои благословения всем преданным из наших храмов. Как дела с поклонением Божествам?

Отвечая Упендре на его письмо с Фиджи, он писал:

Что касается поклонения полубогам, то этим поглощено все индуистское сообщество. Поэтому, пока наша проповедь не станет очень энергичной, остановить это будет очень трудно.

Написал он и Бхавананде, в Нью-Йорк:

Пожалуйста, регулярно проводите *санкиртану* — это доставит мне огромную радость. Что касается нашего нового храма в Бруклине, Кришна дал вам очень хорошую возможность служить Ему.

* * *

30 октября 1970 года

Пробыв десять дней в Амритсаре, Прабхупада сел в поезд и отправился обратно в Бомбей. Он ехал с Гурудасом в небольшом купе первого класса, тогда как остальные преданные находились в другой части поезда. Вагон Прабхупады был рядом с локомотивом, и поэтому в него постоянно залетала сажа из трубы, так что Прабхупада очень скоро с головы до ног был усеян маленькими черными точками.

Ямуна: *Где-то между Амритсаром и Дели я решила сходить посмотреть, как там Шрила Прабхупада и не нужно ли ему чего-нибудь (иногда во время*

остановок он просил кого-то купить ему на платформе свежих фруктов или еще что-нибудь). Мы с Каушалей прошли через несколько вагонов в вагон первого класса, где ехал Прабхупада. Он царственно полулежал на нескольких подушках, согнув в колене одну ногу, и на его лице играла чудесная улыбка.

Мы поклонились, и Шрила Прабхупада посмотрел на нас с озорным огоньком в глазах.

— Есть что-нибудь горячее поесть? — спросила он.

— Что вы имеете в виду? — спросила я. — Вы хотите, чтобы я принесла обед, Шрила Прабхупада?

— Нет, — ответил он. — Не совсем. Немного риса, немного горячего риса.

— Что вы имеете в виду, Шрила Прабхупада, — из ресторана?

— Хм, нет. Может быть, ты сама приготовишь мне горячий рис?

Я сказала, что попытаюсь. У меня не было ни малейшего представления, как я буду готовить горячий рис для Шрилы Прабхупады, но потом мы с Каушалей нашли кухню. Там никого не оказалось, кроме двух индийцев, одетых в черные, запачканные куркумой шорты. Они стояли возле угольной печи и курили. Я не знала хинди, но, как могла, попыталась объяснить:

— Мой Гуру Махараджа хочет чавал, горячий рис.

Мужчины рассмеялись над нами, словно мы были сумасшедшие, и я подумала, что было бы неплохо найти кого-нибудь, кто даст нам разрешение. Но когда мы нашли заведующего рестораном, он был категорически против:

— Нет. Ни в коем случае. Вам нельзя готовить на кухне.

Я сказала:

— Простите, но это для моего Гуру Махараджи. У нас нет выбора. Я сказала ему, что приготовлю рис, и должна исполнить обещание.

Но он повторил:

— Нет, это невозможно.

Тогда я нашла начальника состава и объяснила ему ситуацию.

— Если я не смогу сделать это для своего духовного учителя, мне останется только выброситься из поезда.

Начальник отнесся к ситуации со всей серьезностью и сказал:

— Конечно-конечно, можете готовить на кухне все что угодно.

Он привел нас обратно на кухню и сказал шеф-повару и заведующему рестораном, что дает нам разрешение на готовку. Печь была гигантская, и я абсолютно не умела ею пользоваться. По всей кухне висели алюминиевые кастрюли и тазы самых разных видов. Мы, как смогли, вычистили один из котлов, вскипятили воду и бросили в нее чавал. Мы приготовили огромное блюдо очень горячего риса с маслом, свежим лимоном, солью и перцем и понесли его через весь поезд в вагон Прабхупады.

— Вот ваш рис, Шрила Прабхупада! — сказала я, когда мы вошли.

Его глаза загорелись и широко раскрылись, а рот расплылся в широкой улыбке.

— О, пришли мои богини процветания, — сказал он. — Они принесли мне мой рис. Большое вам спасибо. Это как раз то, что я хотел.

Он съел очень много. Вместе с рисом он съел маленький качори с пури и немного пикулей. Он был очень доволен.

В тот же вечер поезд подъехал к станции Нью-Дели, с ее толпами суесящихся пассажиров, перронными торговцами, киосками, продающими закуски и напитки, газетными ларьками, нищими и носильщиками в выцветших красных жилетках. Поезд должен был стоять двадцать минут.

Вдруг в купе Прабхупады вошел какой-то человек, представившийся Д. Д. Гуптой. Хотя Прабхупада до этого не встречал его лично, между ними велась переписка. Это был обычный делиец, без особого достатка и не слишком влиятельный, но он очень хотел помочь. Предложив Прабхупаде коробку сладостей, он пригласил его остановиться в Дели. У Прабхупады, однако, были другие планы, и он уже послал преданным в Бомбей телеграмму о своем приезде.

Прабхупада взглянул на Гурудаса. Тот был на верху блаженства от счастливой возможности находиться рядом со своим духовным учителем. Они провели двенадцать часов в одном купе, вместе принимали *прасад*, беседовали друг с другом. Несколько минут назад Прабхупада говорил о важности сельского хозяйства и объяснял, что недостаток продуктов питания вызван плохим управлением, а не засухой и нехваткой пахотных земель. Гурудас был счастлив. Он уже настроился на новый этап путешествия с Прабхупадой и представлял, как они вместе вернутся в Бомбей.

— Этот человек нас приглашает, — сказал Прабхупада. — Останься и попробуй что-нибудь сделать.

— Остаться?!

Но времени на расспросы и обсуждения, что делать в Дели, не оставалось: поезд должен был вот-вот отъехать. Гурудас ответил, что останется, но ему понадобится помощь. Они быстро оговорили состав команды: Ямуна (жена Гурудаса), Гирираджа, Брюс и Гопал. Гурудас побежал, чтобы сообщить новость своей жене и *брахмачари*.

Преданным не составило труда собрать свои скромные пожитки и сойти с поезда, но им было грустно оттого, что они покидают общество Шрилы Прабхупады. Когда поезд тронулся, они в почтении склонились перед ним, напротив его окна, и помахали ему на прощанье, моля его о милости. Это испытание, возможно, было лишь малой толикой того, через что пришлось пройти Прабхупаде, когда он впервые приехал в Америку.

* * *

Бомбей

Ноябрь 1970 года

Следующий месяц Прабхупада с учениками провел в храме Ситы-Рамы в Чембуре, принадлежавшем Манохарлалу Агарвалу. По сути говоря, это был дом господина Агарвала, но, поскольку там поддерживалось поклонение Божествам Ситы-Рамы, хозяин называл этот дом Рам-Шаранам, «находящийся под защитой Господа Рамы». Прабхупада занял одну комнату, а его ученики — две другие, по соседству с кухней и ванной. Храм Ситы-Рамы находился в тихом пригороде. Атмосфера в нем была очень спокойной, и Прабхупада вновь принялся сосредоточенно работать над «Шримад-Бхагаватам», переписываться с центрами ИСККОН по всему миру и воспитывать небольшую группу сопровождавших его учеников. Он очень надеялся, что Кришна даст возможность ИСККОН упрочить свои позиции в Индии.

Сейчас мы обретаем широкую известность. Говорят, атмосфера в Бомбее пропитана сознанием Кришны. Это факт, и влиятельные члены бомбейской общественности высоко оценили наше Движение...

В настоящее время меня признают больше, чем других *свами*. Люди видят: что же это за *свами*? Они не идут к людям. Есть одна бенгальская поговорка: шакал — царь в маленьком лесу. История такова. Однажды шакал стал лесным царем, на некоторое время одурачив других животных. Но он кем был, тем и остался и в конце концов был уличен в обмане.

Хотя господин Агарвал считал большой честью для себя, что Прабхупада принял его приглашение и стал гостем в его доме, сам Прабхупада понимал, что эта ситуация в конечном счете принесет всем неудобства. Даже для богатого человека нелегко поселить у себя дюжину гостей и каждый день кормить их. Да и преданным трудно было целыми днями ютиться в крошечных комнатухах, в условиях постоянной тропической жары, с нарушенным режимом дня и частыми болезнями.

Если бы у преданных в Бомбее было свое место, свой центр ИСККОН, проблема была бы решена. Прабхупада как настоящий *санньяси* был готов останавливаться где угодно, жить подаянием и переезжать с места на место так часто, насколько это необходимо. Он жил так многие годы, до того, как отправился в Америку. Но теперь с ним двадцать духовных детей, помогающих ему в Индии, и подъезжают все новые и новые. Они еще незрелы. Он хотел видеть их рядом. Он хотел, чтобы, наблюдая за его действиями, они впитали в себя дух проповеди в Индии.

Когда одна индуистская организация в центре Бомбея попросила нескольких преданных посетить их трехдневную программу, Прабхупада дал свое согласие. А когда программа закончилась, руководители организации предложили преданным остаться у них на неопределенный срок, но тут Прабхупада был против:

— Нет. Они там будут просто есть и спать.

Уж пусть лучше живут с ним, в переполненном Рам-Шаранаме.

Госпожа Сумати Морарджи, богатый директор паровой транспортной компании «Синдия», в 1964 году пожертвовала Прабхупаде деньги на издание третьего тома «Шримад-Бхагаватам», а в 1965 году предоставила ему бесплатный проезд в Америку. Теперь она пригласила Прабхупаду прочитать лекцию в «Синдия-хаус», неподалеку от Джуху-Бич. Сидя на сцене, Прабхупада и Сумати Морарджи делились воспоминаниями и обсуждали успех Прабхупады.

— Я и не надеялась, что вы вернетесь живым, — сказала госпожа Морарджи. — Но я так рада вас видеть!

Прабхупада уже не был тем бедным *садху*, которого госпожа Морарджи встретила шесть лет тому назад. Он вернулся с триумфом, и Сумати Морарджи, ее друзья и сотрудники компании «Синдия» с огромным удовольствием слушали о Движении сознания Кришны на Западе.

Перед лекцией Прабхупады Тамала-Кришна официально представил его аудитории.

— Пять лет назад Шрила Прабхупада отправился из этого города на Запад. У него почти не было денег. Он поехал в Нью-Йорк и там, в парке, под деревом, пел «Харе Кришна». Вскоре он открыл храм, где продолжал петь и читать лекции по ведической философии. К нему приходило много людей, и один за другим он открыл новые центры: в Сан-Франциско, Монреале, Бостоне и так далее. Теперь у него много учеников и более сорока храмов. В каждом храме проходит *санкиртана*, поклонение Божествам и распространяется *прасад*. Индия посылала на Запад множество посланцев и министров, но ни один из них не может похвастаться тем, что побудил американцев бросить есть мясо, рыбу и яйца и вдохновил их повторять «Харе Кришна». Все мы в долгу перед Шрилой Прабхупадой, ибо он пришел, чтобы облегчить страдания всех падших душ...

Прабхупада пропел три стиха из «Брахма-самхиты» и попросил аудиторию повторить за ним рефрен: *говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами*. После получасового выступления он вместе с Сумати Морарджи и почетными гостями принял *прасад*. Кроме того, Прабхупада встретился с доктором С. Бали и его женой — известной танцовщицей и киноактрисой Вайджаянти Малой. Ему достаточно было сказать им несколько слов, и они стали свободными членами ИСККОН.

Вайджаянти Мала: *Свами Прабхупада проповедовал так просто, что даже заурядному человеку легко было понять суть нашей великой философии. Он не только проповедовал великую культуру нашего Господа Кришны, но и помогал людям из других уголков мира по-настоящему оценить значение и ценность этой культуры. Благодаря этим простым и в то же время великим наставлениям Кришны он распространил Его послание в таких масштабах, что просто диву даешься: неужели один человек может столько сделать! Он не только проповедовал, не только, так сказать, рассуждал обо всем этом, но и открыл огромное множество центров по всему миру. Просто*

поразительно, что он смог сделать это, невзирая на все трудности. Я думаю, этому способствовали его упорство и настойчивость.

Ажиотаж, который ученики Прабхупады вызвали своим пением на улицах Бомбея и в Садху-самадже, постепенно утих; газеты уже не пестрели заметками о западных садху. Но поток уважаемых жителей Бомбея, ищущих общения с Прабхупадой, не иссякал. Его достижения за последние пять лет, проведенные в Америке, вызывали уважение и внимание со стороны культурных индийцев, и каждый день он принимал важных гостей, признававших его компетентность в сознании Кришны.

Индийцы считали Прабхупаду единственным в своем роде. Даже там, в Индии, где к свами и святым людям принято относиться с почтением, он казался особенным. Посетители умоляли его посетить их дома и освятить их своим присутствием. И это полностью совпадало с его желанием; он хотел, чтобы индийцы повторяли «Харе Кришна», слушали философские наставления «Бхагавад-гиты» и почитали *прасад* Господа. Ему хотелось, чтобы они оценили чистоту Движения сознания Кришны, стали пожизненными членами ИСККОН и помогли ему открыть в Бомбее большой проповеднический центр.

Проповедуя индийцам, Прабхупада часто побуждал их вновь обратиться к своей почти забытой духовной культуре.

— Наша культура — это культура сознания Кришны, — говорил он группе бомбейцев. — Но мы забываем об этом и чересчур погружаемся во все материальное. Господь Ришабхадева говорит, что это нехорошо, ибо, согласно закону *кармы*, вам придется получить другое тело. Но в то же время не нужно прекращать упорную борьбу за материальную жизнь. Кришна не советовал Арджуне так поступать. Арджуна оставался на своем месте и действовал в сознании Кришны.

Прабхупада закончил свое выступление так:

— Я умоляю. У меня на Западе сорок два храма, и в каждом из них живет от пятидесяти до ста моих учеников. Нам нужно напечатать еще тысячи книг. Пожалуйста, помогите моему Движению.

Манохарлал Агарвал, принимавший Прабхупаду в Рам-Шаранаме, нередко часами просиживал со своим гостем, задавая ему вопросы о духовной жизни. Особенно интересно господину Агарвалу было слушать о деятельности Прабхупады в Америке. Как ему удалось обратить столько христиан в *рама-бхакт*? Действовал ли он в одиночку или у него были помощники? Как он одевался в Америке? Как обращался к людям? Прабхупада вспоминал о первых днях своей проповеди в Нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке и говорил, что все случилось по воле Кришны.

Господин Агарвал усомнился, смогут ли западные люди долгое время оставаться в сознании Кришны.

— Теперь, в лучах вашего сияния, — сказал он, — пока вы физически, во плоти, находитесь с ними, они могут продолжать соблюдать все необходимые ограничения. Но когда ваше личное влияние прекратится, когда вы оставите этот мир, не испортятся ли все эти люди, общавшиеся с вами?

— Нет, — уверенно ответил Прабхупада.

— Ваше заявление очень смелое, — сказал господин Агарвал, — но не могли бы вы сказать мне, на чем оно основано?

Прабхупада напомнил ему, что все его ученики получили посвящение в повторение *мантры* Харе Кришна, а согласно ведическим писаниям, постоянное повторение святого имени Господа способно спасти даже самых грешных и защитит их от повторного падения. Прабхупада предсказал, что даже после его ухода, пока его ученики будут продолжать как следует повторять *мантру*, они не падут жертвами *майи*.

Однажды господин Агарвал спросил, как долго Прабхупада и его ученики собираются у него гостить. Прабхупада ответил, что с превеликой радостью пожил бы в его доме еще, но постарается немедленно найти другое место. Господин Агарвал стал уверять, что и не думал просить Прабхупаду уехать и что дом его принадлежит Прабхупаде, а не ему. Он умолял его не уезжать.

Прабхупада сказал, что это напомнило ему один случай из «Чайтанья-чаритамриты», и рассказал историю о Харидасе Тха-куре, великом преданном Господа Чайтаньи. Харидас Тхакур жил один в пещере, где днем и ночью повторял «Харе Кришна». Его часто навещали паломники, но однажды они заметили, что в той же пещере живет ядовитая змея, и стали бояться заходить внутрь. Хотя пещера вполне устраивала Харидаса Тхакура, он не хотел доставлять неудобства своим посетителям и поэтому пообещал, что в тот же день навсегда уйдет из пещеры. Однако не успел он сказать это, как у всех на глазах из недр пещеры выползла огромная змея. Проползая мимо Харидаса Тхакура, змея склонила голову к земле и покинула пещеру. Сверхдуша, пребывающая в сердце змеи, побудила ее уйти, чтобы Харидас Тхакур мог оставаться на своем месте.

Рассказав эту историю, Прабхупада рассмеялся.

— Агарвалджи, — сказал он, — вы говорите то же самое. Вы говорите, что уйдете, а мы останемся. Но нет, нет, нет — *мы* уйдем. *Мы* уйдем.

33 Предстоит большая работа

Индур

3 декабря 1970 года

УЧЕНИКАМ Прабхупады Индия по-прежнему казалась чудесным сном. Поезд мчал их мимо деревень и полей, а они во все глаза смотрели в окна, — все было совсем не таким, как у них на родине. По обеим сторонам железной дороги росли кусты, усыпанные желтыми цветами. На многие километры вдоль полотна раскинулись поля, засеянные пшеницей, рисом, сахарным тростником и разными видами *дала*. Мимо проплывали маленькие деревеньки — глинобитные хижины с соломенными крышами и тростниковые домики с крышами из черепицы. Иногда над этими простыми строениями возвышался деревенский каменный храм. Мальчишки-пастушки с посохами пасли на травянистых берегах извилистых речушек свои стада. Коровы на пастбищах, вола, работающие на древних полях, сохнувшие на солнце лепешки из коровьего навоза (местное топливо), дым, поднимающийся от кухонных печей, и запах теплой земли — преданные приехали в Индию, чтобы благодаря общению с Прабхупадой по достоинству оценить эту простую и мирную жизнь.

Прабхупада с учениками направлялся в Индур, город с населением в четыреста семьдесят пять тысяч человек, расположенный в тринадцати часах езды по железной дороге к северо-востоку от Бомбея, в Мадхья-Прадеш, центральном штате Индии. Организаторы Гита-джаянти-махотсавы, фестиваля в честь «Бхагавад-гиты», пригласили Прабхупаду и его учеников посетить их конференцию и открытое заседание.

В Индуре Шрила Прабхупада с учениками разместился в предоставленных им квартирах рядом с Гита-бхаваном, местом празднования Гита-джаянти-махотсавы. Устроители конференции выделили Прабхупаде одноэтажный дом с газоном и садиком, а учеников поселили неподалеку.

Преданные ходили по территории Гита-бхавана и отмечали, как много *свами* и *садху* съехалось из разных уголков Индии, чтобы поучаствовать в Махотсаве. Они осмотрели огромный *пандал*, сцену, глазную больницу, принадлежащую Гита-бхавану, и диораму. Диорама показалась ученикам эклектичной смесью всевозможных духовных идей — то, что Прабхупада обычно называл «мешаниной». В ней в один ряд стояли фигуры Кришны, Будды, Иисуса, Вивекананды, Рамакришны, а также полубогов и животных. Преданные восхищались энергией и воображением авторов экспозиции, но недоумевали, чего ради нужно было сваливать в одну кучу всех этих персонажей.

В первый вечер фестиваля Прабхупада был поставлен в списке выступающих последним. Для учеников, которые сидели с ним на сцене, этот вечер превратился в пытку — в течение многих часов они вынуждены были выслушивать выступления на хинди. От скуки они начали терять терпение. Но еще мучительнее было сознавать, что эти ораторы озвучивают ложные идеи *майявади*. Шрила Прабхупада сидел с суровым лицом и ждал. Его рука покоилась в мешочке с четками, голова была высоко поднята вверх, а губы шептали *мантру* Харе Кришна.

Наконец слово предоставили Прабхупаде. Свое выступление он начал с объяснения того, что на Западе он распространяет учение «Гиты» как оно есть. «Бхагавад-гиту», сказал он, можно понять правильно только через ученическую преемственность, как это сделал Арджуна, первый слушатель «Бхагавад-гиты». «Гита» предназначена для преданных Кришны, а непреданные не должны давать ей собственных толкований. Он сказал, что ложные толкования «Гиты» есть не что иное, как обман под маской религии. Еще он сурово раскритиковал псевдovoплощения Бога.

Закончив говорить, Прабхупада попросил учеников начать *киртан*. Все получилось непринужденно и радостно, и Прабхупада сам начал танцевать на сцене вместе с учениками. Толпа ожила и принялась ритмично хлопать в ладоши. Хамсадута спрыгнул со сцены и, не прекращая играть на *мриданге*, начал воодушевлять участников собрания присоединиться к пению и танцам. Вслед за ним спрыгнули еще несколько преданных, и скоро уже сотни людей поднялись на ноги, раскачиваясь, хлопая в ладоши и подпевая: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Это была настоящая Гита-джаянти-махотсава! Здесь звучало святое имя Кришны, и все радостно объединились в *киртане*.

Организаторы *пандала* были так довольны выступлением Прабхупады и его учеников, что на следующий день пришли к нему в домик. Прабхупада посетовал, что ему долго пришлось ждать своей очереди, и добавил, что не следовало заставлять его учеников в течение многих часов выслушивать речи на языке, которого они не понимают. Когда Прабхупада намекнул, что в речах выступавших были заметны серьезные отклонения от учения «Гиты», директор Гита-бхавана ответил:

— Мы не отдаем предпочтения какому-то одному пути. Последователи школы Шанкары и другие тоже приходят в наше Общество. Мы не полностью разделяем мнение, будто Шри Кришна — единственный Бог или что-то вроде этого. За Ним стоит некая сила...

От этих слов Шрила Прабхупада вспыхнул. Что это за прославление «Гиты», когда выступающие не принимают Кришну таким, каким Он описан в «Гите»? «Гита» провозглашает Кришну высшей истиной: *маттах паратарам нанйат*. Прабхупада посоветовал руководителям Гита-бхавана попытаться понять смысл «Бхагавад-гиты». Руководители не изменили своего мнения, но оказались достаточно разумны, чтобы понять, что Прабхупада — великий

пандит и святой, поэтому слушали его внимательно. Кивая головой, они сказали, что принимают его точку зрения.

После того как организаторы удалились, Прабхупада продолжил:

— Они считают, что есть нечто превыше Кришны или что в Кришне есть некий дух, которому мы должны предаться. Но они не знают, что как внутри, так и снаружи Кришна абсолютен, вечен и исполнен блаженства.

Прабхупада сказал, что, по всей видимости, организаторы Гита-джаянти-махотсавы пригласили его, только чтобы привлечь побольше людей. Но они больше не заставят его сидеть и выслушивать весь этот вздор, который несут *майявади*. Отныне они с учениками будут приходить туда, только чтобы выступить и спеть, а потом уйти.

Однако на следующий вечер, несмотря на обещания организаторов *пандала*, Шриле Прабхупаде снова пришлось ждать до конца программы, пока он смог прочитать лекцию и провести *киртан*. На этот раз народу собралось еще больше, чем накануне: люди явно хотели послушать Шрилу Прабхупаду и иностранных *садху*. Когда наконец подошла очередь Прабхупады, он сказал несколько слов, а затем попросил учеников начать *киртан*.

Во время *киртана* один из членов Гита-бхавана жестом попросил преданных прыгнуть в толпу, как это было вчера. Но то, что накануне вышло само собой, нельзя было повторить искусственно, просто для увеселения толпы. Однако этот человек был настойчив. Он подошел к сцене, привстал на цыпочки и начал хватать танцующих преданных за ноги, стараясь стянуть их в толпу. Преданных это раздражало. Хватая всех без разбору, мужчина потянул за сари одну из женщин. Шрила Прабхупада тоже танцевал, но, увидев, что происходит, он ринулся к краю сцены и, размахивая перед лицом грубияна *караталами*, крикнул:

— Прекратите немедленно!

Мужчина уgomонился, и Прабхупада с учениками продолжили *киртан*. Хотя для толпы этот случай прошел почти незамеченным, ученики были поражены видом рассвирепевшего, словно лев, Прабхупады.

Устроители фестиваля вновь остались довольны лекцией Прабхупады и *киртаном*. Однако Прабхупада велел передать им, что не будет больше слушать другие выступления, ожидая своей очереди. Ему надоело выслушивать разные мнения о «Бхагавад-гите», расходящиеся с тем, что говорится в самой «Бхагавад-гите», — что нужно вручить себя Кришне, Абсолютной Истине. Одни говорили, что «Гиту» следует понимать иносказательно, другие — что Кришна как историческая личность никогда не существовал, третьи просто прикрывались «Гитой» для популяризации своих политических или социальных идей. Человек, создавший собственное учение, сказал Прабхупада, должен написать собственную книгу, а не пользоваться для пропаганды своих идей «Бхагавад-гитой», священным писанием для миллионов людей во всем мире. Почему конференция под названием «Гита-джаянти» должна превращаться в форум для обсуждения каких-то отвлеченных философских идей? В «Бхагавад-гите» сказано, что она, «Гита»,

сама есть суть знания, и цель ее — принести благо всему миру. Нет худшей услуги «Бхагавад-гите», чем ее ложные толкования. Прабхупада чувствовал, что присутствие на такой программе его учеников и его самого может сойти за молчаливое одобрение оскорбительных речей.

Когда настал третий вечер фестиваля, Прабхупада с учениками подошел к сцене пораньше, рассчитывая на обещание организаторов позволить им выступить первыми. Но когда поднялся и начал говорить другой лектор, Прабхупада встал и, сопровождаемый учениками, сошел со сцены. Это крайне взволновало руководителя фестиваля, поскольку люди приходили в основном именно на *киртан*. Он умолял Прабхупаду вернуться, но Прабхупада отказался. Однако он пообещал каждый вечер присылать учеников; они будут выступать с речью и проводить *киртан*.

* * *

В Индуре ученикам Шрилы Прабхупады особенное удовольствие доставляли его утренние лекции по «Бхагаватам». Не только потому, что это были минуты близкого общения с ним — с Прабхупадой в его комнате сидело всего десять учеников, — но и потому, что история из «Бхагаватам», которую он рассказывал, была захватывающе интересной. Раньше они никогда ее не слышали.

— Мы говорим об Аджамиле, *брахмане*, который жил в Канья-кубдже, городе неподалеку от Канпура, — начал Прабхупада и поведал ученикам историю Аджамилы, время от времени останавливаясь, чтобы прочитать санскритский текст или рассказать подробности и прояснить мораль истории. Аджамила, молодой *брахман*, строго следовал принципам религии, но потом потерял голову от страсти к проститутке. Читая лекцию, Прабхупада много внимания уделял обманщикам, выступавшим на Гита-джаянти-махотсаве:

— Есть много тем для обсуждения, но здесь о них не говорят. Легко делать то, что хочется, — просто медитируйте, и станете Богом. Столько обмана по всему миру! Эти так называемые *йоги* говорят: «Медитируйте, и как только вы осознаете себя, то станете Богом». Как только не толкуют «Бхагавад-гиту»! А наивная публика принимает эти так называемые объяснения за подлинное знание. Кто-то говорит, что *курукшетра* означает «тело», а *панча-пандава*^[15] — «чувства». Но это не объяснение. Как вы можете объяснять «Бхагавад-гиту» как она есть, если вы ее не понимаете? Это же курам на смех!

Во второй лекции Прабхупада продолжил рассказывать о жизни Аджамилы: как Аджамила бросил свою целомудренную жену, чтобы жить с блудницей, как содержал блудницу, добывая деньги нечестными способами, как она родила от него десять детей и как он жил с нею, предаваясь греху, до восьмидесяти лет. Эта история, сказал Шрила Прабхупада, произошла тысячи лет назад.

— В то время был только один Аджамила, но в наши дни вы найдете много таких аджамил, ибо мы живем в эпоху Кали.

Аджамила души не чаял в своем младшем сыне, Нараяне. И когда, лежа на смертном одре, старик увидел, как к нему приближаются посланники смерти, он закричал, зовя своего сына: «Нараяна!» Прабхупада продолжал:

— Он находился на пороге смерти, поэтому для него было совершенно естественным звать своего любимого сына: «Нараяна!

Нараяна! Нараяна! Подойди сюда! Подойди сюда!» Это естественно. Я помню: когда умирал мой отец, меня не было дома. И чтобы меня увидеть, он на день отложил свою смерть. Он все время спрашивал, вернулся ли его Абхай. Вот так. Такова отцовская любовь. Так и Аджамила звал: «Нараяна! Нараяна!»

Нараяна — одно из имен Кришны. И Прабхупада сказал, что, согласно «Бхагавад-гите», если человек помнит Нараяну, или Кришну, в момент смерти, он достигает освобождения. Мысли человека в момент смерти определяют его следующее рождение. Преданный, развивший сознание Кришны, после смерти отправляется в духовный мир; а материалист, поскольку поглощен чувственными удовольствиями и сухими философскими рассуждениями, вынужден снова и снова рождаться в материальном мире. Прабхупада привел пример:

— Был один джентльмен из Калькутты, довольно состоятельный бизнесмен. Он совершал операции с ценными бумагами. Так вот, перед смертью он кричал: «Камархати! Камархати!» И в результате, скорее всего, родился крысой на мельнице в Камархати! Такое вполне возможно. Ваши мысли в момент смерти перенесут вас в соответствующее тело.

Аджамила, хотя всего лишь звал своего сына, произнес имя Господа и благодаря этому очистился от всех грехов. Но поскольку жизнь его была полна греха, за ним пришли посланники Ямараджи, бога смерти, чтобы подвергнуть его наказанию.

— Умирая, Аджамила увидел, как к нему идут три свирепых существа очень устрашающего вида, с веревками в руках. Иногда умирающий кричит — это потому, что он видит того, кто пришел забрать его к Ямарадже. Он видит и очень боится. Итак, Аджамила тоже испугался. У помощников Ямараджи всклокоченные волосы, а шерсть на их теле стоит дыбом. Итак, когда Аджамила умирал, слуги Ямараджи пришли, чтобы его забрать.

Прабхупада остановился:

— Мы поговорим об этом позже, — и закончил лекцию.

* * *

В Индуре Прабхупада тоже начал программу по привлечению свободных членов. Этим по его поручению занялся Хамсадута. Он не имел никакого опыта в таких делах и вообще сомневался, что кто-нибудь согласится отдать тысячу сто одиннадцать рупий.

Хамсадута: Однажды Прабхупада велел мне пойти с одним соседом на рынок, прихватив с собой книги — у него было три тома «Кришны», — и попробовать записать несколько свободных членов. «Просто показывай им книги, — сказал он, — и рассказывай, что это плод нашей деятельности. Затем проси их любезно помочь нашей миссии, став свободным членом ИСККОН за тысячу сто одиннадцать рупий». Я думал, что никто не согласится дать тысячу рупий за две-три книги, поэтому просто не стал ничего этого делать. Я просто уклонился от этой темы. На следующий день Прабхупада дал мне то же самое наставление, но я снова ничего не сделал. На третий день он сказал, что я должен снова туда пойти, поэтому я зашел за соседом, и он отвел меня к продавцам тканей.

Мы пошли в магазин к самому богатому торговцу тканями в Индуре. Он не говорил по-английски, поэтому сосед, сопровождавший меня, переводил. Я говорил: «Скажи ему то. Скажи ему это». Мой попутчик все переводил. Затем, исчерпав все слова, я сказал: «Теперь попроси его выдать чек на тысячу сто одиннадцать рупий». Переводчик передал мою просьбу, и торговец тотчас же достиг чековую книжку и выписал чек.

Затем мы посетили другого торговца, и все повторилось — он выдал чек. Мы пошли к третьему, и он тоже стал свободным членом ИСККОН. Так в первый же день я привлек трех свободных членов Общества. Когда я вернулся и рассказал об этом Прабхупаде, он был в восторге.

Посылая учеников, а иногда сам выходя на проповедь, Шрила Прабхупада вскоре записал в свободные члены ИСККОН около десятка жителей Индура. Прабхупада, Хамсадута и Гирираджа посетили царя Индура и тоже предложили ему стать свободным членом Общества, но тот отказался. Преданные расстроились, и в машине, по дороге в Гита-бхаван, Хамсадута спросил у Прабхупады:

— Правильно ли я представил ваши книги?

— Мои книги подобны золоту, — ответил Прабхупада. — Не важно, что ты говоришь о них. Тот, кто знает им цену, купит их.

* * *

Поскольку посетители часто спрашивали Прабхупаду и его учеников о том, что они думают о разных известных духовных учителях, Прабхупада подсказал ученикам, как правильно отвечать на подобные вопросы. Он сказал, что если учитель, о котором спрашивают, не является истинным последователем ведических писаний, то отвечать нужно: «Какой-какой свами?» Показав таким образом, что ему ничего не известно об этом учителе, преданный тем самым демонстрировал, что не такой уж этот гуру и великий. Затем преданный должен был спросить: «Чему учит этот свами?» Получив объяснение, он мог, не критикуя самого человека, опровергнуть представленную философию.

В Индии, говорил Прабхупада, есть множество *гуру-майявади*, и они часто путешествуют группами с одного религиозного собрания на другое. Хотя каждый из них по-своему неповторим, все они преследуют главным образом одну цель — *напаши*.

— А на каждое *напаши*, — сказал он, — претендуют много *майявади*. Поэтому существует конкуренция.

* * *

Одним из частых посетителей Прабхупады был Вайраги-Баба — образованный человек, который бывал в Америке и бегло говорил по-английски. Он регулярно участвовал в *киртанах*, которые устраивали преданные, и пел и танцевал вместе с ними на сцене, а когда приходил к Прабхупаде, то держал себя с ним на дружеской ноге — порой даже чересчур. По крайней мере, так казалось ученикам Прабхупады. Но сам Прабхупада его терпел.

Однажды преданные застали Вайраги-Бабу за обедом и заметили, что он пьет чай. Один из преданных бесхитростно, но с легким вызовом спросил, почему это он пьет чай.

— О, я *авадхута*, — ответил Вайраги-Баба.

Преданные, которые никогда раньше не слышали этого слова, сообщили об этом случае Прабхупаде.

— *Авадхут*ой, — объяснил Прабхупада, — называют того, на кого не распространяются регулирующие принципы. Обычно так называют Нитьянанду Прабху^[16].

Прабхупада неодобрительно отозвался о том, что Вайраги-Баба пьет чай, а особенно ему не понравилось, что тот назвал себя *авадхут*ой.

Однажды вечером преданные небольшой группой сидели вместе с Прабхупадой в его комнате.

— Шримати Радхарани превосходно готовит, — сказал Прабхупада. — Она умеет и петь, и танцевать, но Ее главное служение — готовить для Кришны. Матушка Яшода сама зовет Ее к себе в дом и просит готовить для Кришны и пастушков. Они садятся в ряд, и Радхарани кормит их *прасадом*.

Тут вошла деревенская женщина, которая принесла ему в качестве подношения *чидву* — жареный картофель со специями, кешью и изюмом, теплый и свежий, в чистой корзинке. Шрила Прабхупада съел немного, а остальное раздал преданным.

— Тебе нравится? — спросил он, повернувшись к Ямуне.

— О, это очень, очень вкусно, — ответила та.

— Да, — сказал он, — ты должна научиться готовить это блюдо. Мне оно очень нравится. Мой Гуру Махараджа тоже любил картофельную *чидву* и иногда просил, чтобы ее подавали ему вечером. Он ее очень любил.

— Шрила Прабхупада, — спросил один преданный, — можем ли мы печатать фотографии, где вы без *тилака*?

— Да, — ответил он, — моего Гуру Махараджу снимали и без *тилака*. Вы видели фотографию, где он сидит за рабочим столом и, оторвавшись от работы над книгами, смотрит в объектив?

— Да, — ответила Ямуна, — я видела. А еще я видел, что вы иногда поднимаете голову от стола точно с таким же выражением лица, как у вашего Гуру Махараджи на том снимке.

— Не все то золото, что блестит, — поправил ее Прабхупада. — Мой Гуру Махараджа золото, а я только железо. Железо не может быть золотом. Ты видела отблеск настоящего золота.

Однажды днем к Прабхупаде пришел знаменитый астролог и предложил посмотреть его ладонь.

— Нет, — ответил Прабхупада, — я покончил с этим. Но вы можете посмотреть ладони моих учеников.

Астролог изучил ладони нескольких присутствующих там преданных и, сделав предсказания, ушел. Преданные повернулись к Прабхупаде, не зная, как на это реагировать.

— Как только вы начинаете во время *арати* хлопать перед Божествами в ладоши, — сказал Прабхупада, улыбаясь, — все линии на вашей ладони стираются.

Шрила Прабхупада рассказал ученикам о случае, свидетелем которого он был, живя во Вриндаване. Каждый день одна бенгальская вдова ходила к Ямуне на омовение. И каждое утро она возвращалась оттуда с кувшином воды, чтобы *пуджари* храма Радхи-Дамодары могли омыть Божества. Прабхупада сказал, что иногда он открывал для этой женщины ворота, поскольку тоже вставал очень рано. Она входила и будила *пуджари*.

— Хотя зимой во Вриндаване по ночам очень холодно, — сказал Прабхупада, — не было и дня, чтобы эта женщина не принесла воды. За свое служение она вернется обратно к Богу. Тот, кто не может вставать рано утром, не слишком серьезно относится к духовной жизни. Вставать нужно до *брахмухурты* — это очень благоприятно. Тот, кто серьезен в духовной жизни, всегда будет стараться это делать.

Однажды Прабхупада сидел на улице, перед своим домиком, и повторял на четках *мантру*, как вдруг к нему приблизился незнакомец, громко выкрикивающий имена Кришны. Неожиданно для всех этот человек упал на землю и начал кататься по ней и плакать, словно переживая сильнейший экстаз. Прабхупада, не говоря ни слова, спокойно сидел и наблюдал за происходящим. Незнакомец продолжал плакать и кататься в пыли, выкрикивая святые имена, но Прабхупада уже не обращал на него никакого

внимания. Через несколько минут незнакомец поднялся и отправился восвояси, явно разочарованный.

В другой раз, рано утром, когда Прабхупада сидел с учениками в своей комнате, к ним вошел какой-то господин и со слезами на глазах объявил, что его мать при смерти. Преданные посмотрели на Прабхупаду — тот оставался невозмутим. Он не пытался успокоить человека или проповедовать ему. Он просто сказал ему несколько добрых слов. Прабхупада был непредсказуем. Он всегда оставался в сознании Кришны и всегда действовал в согласии с гуру и *шастрами*. Но с точностью предвидеть, как он поведет себя в той или иной ситуации, было невозможно. Однако все, что он делал, было правильно и основано на сознании Кришны, и он всегда учил преданных своим примером.

* * *

В свое последнее утро в Индуре Прабхупада продолжил рассказывать историю об Аджамиле. Он объяснил, что, несмотря на большое количество совершенных грехов, Аджамила, произнеся святое имя, тотчас же обрел освобождение.

— Итак, Аджамила в момент смерти просто вспомнил о своем младшем сыне, которого звали Нараяна. В имени Нараяна заключено все могущество Верховной Личности Бога, Нараяны. В этом и состоит секрет движения *нама-санкиртаны*. Повторяя святое имя Нараяны, вы тут же приходите в соприкосновение с Верховной Личностью Бога. *Нама*, имя Господа, не материально — оно духовно. Между Кришной и Его именем нет разницы. Жалобным голосом Аджамила начал звать своего сына Нараяну: «Пожалуйста, подойди. Я умираю». Он очень боялся ямадутов. Тогда Кришна послал вишнудутов защитить его. Вишнудуты, каждый с четырьмя руками, выглядели в точности как Господь Нараяна. Суровым голосом они сказали ямадutam: «Что вы делаете? Прекратите! Вы не можете забрать этого человека к Ямарадже».

На этом лекция закончилась — как и само пребывание Прабхупады в Индуре. Ему и его ученикам скоро вновь предстояло отправиться в путь — на этот раз в Сурат, что находится в штате Гуджарат: их пригласили провести там несколько программ о сознании Кришны. К ним должны были присоединиться преданные из Бомбея. Прабхупада приехал в Индур на Гита-джаянти-махотсаву, но на деле получилось, что выступления на Махотсаве составили лишь малую часть его проповеди в этом городе. Он встретился с сотнями людей, у него появились новые друзья, а в ИСККОН записались новые свободные члены. Он вошел в жизнь индурцев. Его визит надолго запомнился жителям этого города.

Баба Балмукунд: *В этом Гита-бхаване я видел многих садху и великих святых. И Шрилу Прабхупаду я встретил там же. Он и его проповедь произвели на меня огромное впечатление. Именно благодаря тому, что*

Прабхупада показывал реальность бхакти, благодаря тому, что сам он был чистым бхактой, он смог изменить людей Запада и дать им другую одежду, другую диету, полностью изменить их культуру и открыть им подлинную бхакти. Это было его величайшим достижением. Пусть говорят что хотят, но в том, что касается бхакти Господа Кришны, он совершил чудо. Он сделал то, чего не могли сделать ни Свами Вивекананда, ни Свами Рам-Тиртха, ни другие. Это было чудо.

* * *

Сурат

17 декабря 1970 года

Это было похоже на сон. Тысячи людей выстроились вдоль улиц, растянувшись на несколько кварталов, а преданные, играя на *караталах* и *мридангах* и распевая *мантру* Харе Кришна, проходили мимо них. Зрители стояли на крышах домов или теснились в окнах и дверях, некоторые из них даже присоединялись к шествию.

На перекрестках полиция останавливала движение, пропуская только группу *санкиртаны*. Грунтовую дорогу, которую недавно подмели и сбрызнули водой, украшали ведические символы, нарисованные рисовой мукой. По обеим сторонам дороги стояли зеленые, только что срезанные банановые деревья. А вывешенные на веревках, протянутых через узкую улочку, женские сари образовывали над головами участников *киртана* яркий, пестрый балдахин.

Господин Бхагубхай Джаривала, в доме которого остановился Прабхупада, объявил в местных газетах, по каким маршрутам будет ежедневно двигаться праздничное шествие, и теперь каждый день преданные устраивали *киртаны*, проходя по разным частям города. Более двадцати учеников Прабхупады возглавляли процессию, а тысячи индийцев пели и ликовали, и женщины, стоявшие на крышах домов, осыпали преданных цветочными лепестками.

Процессию то и дело приходилось останавливать, потому что целые семьи выходили на улицу, чтобы надеть на преданных гирлянды. Иногда на преданных навешивали так много гирлянд, что за ними уже нельзя было разглядеть счастливых лиц, и они раздавали гирлянды людям в толпе. Никогда еще преданные не встречали такого приема.

— Это город преданных, — сказал Прабхупада.

Он сравнил население Сурата с горящей сухой травой, по которой распространяется пламя. Сознание Кришны было заложено в этих людях от природы, но прибытие Шрилы Прабхупады и его группы *санкиртаны* явилось тем факелом, который зажег город духовным огнем.

Казалось, все население Сурата каждое утро вставало одновременно, потому что к семи часам десятки тысяч людей уже стекались туда, где должно было проходить шествие. Мужчины и женщины, рабочие, торговцы,

служащие, старики и молодежь, дети и подростки — все население города стекалось, чтобы посмотреть на них. Запрудив улицы, они ожидали участников *киртана*, и когда преданные наконец появлялись, всех охватывало ликование.

Прабхупада участвовал в утренних шествиях всего лишь два раза, предпочитая оставаться в доме господина Джаривалы. Каждое утро Прабхупада появлялся на балконе своей комнаты на втором этаже в тот момент, когда преданные выходили из дома. По утрам было холодно, и многие преданные были простужены, но, когда они видели Прабхупаду, который благословлял их со своего балкона, у них словно прибавлялось сил. Прабхупада махал им вслед рукой, а преданные с пением *мантры* Харе Кришна выходили на улицу.

Кроме *мриданг* и *каратал*, у преданных не было никаких атрибутов: ни флагов, ни оркестра, ни *ратхи* (колесницы) — только группа энтузиастов, проводивших *киртан*. Не было ни официального *панда*ла, ни Садху-самаджи, ни «Веданта саммелана», ни Гита-джаянти-махотсавы — лишь целый город преданных Кришны, нетерпеливо ожидавших появления американских вайшнавов, поющих *мантру* Харе Кришна.

Почести, которые им воздавали за то, что они пели *мантру* Харе Кришна, были прямой противоположностью тому отношению, к которому они привыкли на Западе. В Гамбурге, Нью-Йорке, Лондоне, Лос-Анджелесе преданных оскорбляли, им угрожали арестом, на них нападали, их осыпали насмешками или просто игнорировали. Разумеется, временами их терпели и даже хвалили, но никогда не чествовали.

Ежедневная уличная *санкиртана* отнимала много сил, поскольку маршрут был продолжительным и часто приходилось останавливаться. От пения у многих преданных болело горло, а многие мучились расстройством пищеварения, обычным для европейцев в Индии. Но они всё воспринимали как милость Господа Чайтаньи, который позволил им вовлечь в Свое движение *санкиртаны* целый город.

Вскоре из-за океана в Сурат приехали еще двадцать преданных, а с ними — американский фотограф Джон Гризер, отправившийся в Индию по поручению редакции журнала «Азия». Каждый день Джон выходил снимать шествия с *киртаном* и вскоре почувствовал, что это стало для него чем-то большим, нежели просто работой по заказу журнала.

Жители Сурата, в глубине души считавшие себя *бхактами* Кришны, относились к Прабхупаде как к великому святому. К его ученикам, в которых они заметили подлинные вайшнавские качества, они также относились как к святым. Одежда преданных, их поведение, образ жизни свидетельствовали о том, что преданные практикуют чистую *бхакти-йогу*, а их *киртан* был подлинным поклонением святому имени. Жители Сурата знали, что, почитая преданных Господа Кришны, они почитают Самого Господа. Хотя преданность Кришне была самым сердцем их культуры, никогда еще они не выражали ее так открыто, как сейчас.

После нескольких дней шествий с *киртаном* мэр Сурата, господин Вайкунтха Шастри, распорядился закрыть все школы и объявил в городе праздник. Теперь все могли беспрепятственно радоваться милости Господа Чайтаньи и петь вместе с преданными *мантру* Харе Кришна. По всему городу были развешаны транспаранты на гуджарати: «Привет американским и европейским преданным Кришны» и «Привет участникам движения „Харе Кришна“».

Преданные возвращались в дом господина Джаривалы уставшими, но счастливыми. Там их ждал Прабхупада. Увидев его, все преданные кланялись.

Чидананда: *Прабхупада стоял у нижней ступеньки лестницы, приветствуя нас. Мы были на верху блаженства; с ног до головы увешанные цветочными гирляндами, мы широко улыбались. Мы были очень счастливы оттого, что нас так хорошо приняли. Казалось, что Прабхупада говорил нам: «Только посмотрите, как замечательно сознание Кришны! Посмотрите, какие вы счастливые!» Он стоял и улыбался. Он был счастлив нашим счастьем.*

Но преданные возвращались в дом господина Джаривалы не одни: за ними шли сотни индийцев, жаждущих увидеть их духовного учителя. Шрила Прабхупада, его ученики и шумная толпа суратских преданных битком набились в комнату Прабхупады. Гости — те, кому удалось протиснуться внутрь, — расспрашивали об ИСККОН и его деятельности, в то время как оставшиеся снаружи напирали, чтобы войти. Толпа вокруг дома выросла настолько, что перегородила движение транспорта. Прабхупада отвечал на вопросы, а люди все прибывали и прибывали. Этим людям посчастливилось осознать величие Прабхупады, и они хотели находиться возле него. Когда их желание стало еще больше, а пыл возрос, Прабхупада встал с места и вышел на балкон. Воздев руки, толпа взревела: «Харе Кришна!»

Затем Прабхупада вернулся в комнату, но люди и не думали расходиться. Он попросил своих учеников попытаться успокоить толпу. Несколько учеников вышли к людям и стали отвечать на их вопросы, обещая, что Прабхупада выйдет к ним снова.

Бхагубхай Джаривала познакомился с Движением Прабхупады несколько лет тому назад, в Сан-Франциско. Тогда он пожертвовал сан-францисскому храму серебряное *мурти* Кришны. Теперь члены семьи Джаривалы, чтобы разместить своих гостей, переехали в скромные комнаты на крыше дома, предоставив все остальное пространство Прабхупаде и его ученикам. Будучи гостеприимными хозяевами, они вели себя так, что преданные чувствовали себя как дома.

За обедом и по вечерам Прабхупада принимал *прасад* вместе с преданными и гостями. Преданные усаживались рядами на полу, а Прабхупада сидел во главе, на стуле, за столиком. Господин Джаривала и члены его семьи обслуживали гостей. Часто на обеды приходили почетные горожане. Среди

них были господин Хитендра К. Десай, премьер-министр Гуджарата; господин Вайкунтха Шастри, мэр Сурата; министр образования Гуджарата и другие.

Прасад готовился в лучших традициях гуджаратской кухни, и когда какое-то блюдо приходилось Прабхупаде особенно по вкусу, он просил одну из учениц научиться у госпожи Джаривалы его готовить. Эти обеды и ужины с Прабхупадой были для его учеников еще одной возможностью пообщаться с духовным учителем в неформальной обстановке. Будь они в какой-то другой стране мира, им бы едва ли выпала такая возможность.

В полпятого утра Прабхупада проводил перед Радхой и Кришной *киртан* и *арати* и читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам». Комната наполнялась гостями, включая членов семьи Джаривалы. Как правило, на публичных программах в городе Прабхупада говорил на хинди, но на этих утренних встречах ради своих учеников всегда говорил по-английски. Он продолжал читать лекции об Аджамиле, особое внимание уделяя его падению вследствие дурного общения и тому, как благодаря повторению святого имени он спасся. Все ученики Шрилы Прабхупады стремились повторять *мантру* Харе Кришна чисто, без оскорблений, и хотели вернуться к Богу, поэтому для них эти вопросы были крайне насущными. Он говорил о них.

— Любой, кто произносит имя Кришны, тотчас же освобождается от всех последствий своих греховных поступков. Такова сила имени Кришны. Проблема в том, что, освободившись, мы снова совершаем ошибки. В имени Кришны заложена сила — стоит вам произнести это имя, как вы освобождаетесь от всей скверны. Но если человек думает: «Я повторяю „Харе Кришна“, поэтому, даже если я совершу грех, он будет нейтрализован повторением святого имени», это будет величайшим оскорблением. Иногда по воскресеньям христиане ходят в церкви, исповедуются, и предполагается, что им прощаются их грехи. Но затем, вернувшись из церкви, они совершают те же грехи, надеясь: «На следующей неделе я снова схожу в церковь, покаюсь, и грех будет мне прощен». Такое отношение недопустимо... Если вы встали на духовный путь и в то же время продолжаете грешить, вы не сможете духовно прогрессировать.

Городские вечерние программы Прабхупады пользовались популярностью. Городские власти отвели под фестивальную площадку один из центральных перекрестков Сурата, перекрыв движение и направив транспорт по другим дорогам. Там построили сцену, оснастив ее усилительной аппаратурой, и каждый вечер перед этими подмостками собирались тысячи людей. Порой толпа была настолько огромной и шумной, что Прабхупаде было трудно говорить, поэтому он проводил *киртан*. А когда после *киртана* толпа смолкала, он просил одного или двух своих учеников сказать несколько слов, после чего говорил сам. Если народ опять начинал шуметь, то он говорил:

— Хорошо, давайте проведем *киртан*.

Иногда он просто сидел и раздавал людям кусочки кристаллического сахара. Люди тысячами шли к нему, чтобы коснуться его стоп и получить немного *прасада*.

Гирираджа: *Вся территория в районе этого квартала была заполнена людьми. Шрила Прабхупада и сознание Кришны сводили их с ума. Хотя площадь была огромная, каждый клочок пространства на ней был занят. Люди сидели на крышах, выглядывали из окон, сидели на лежащих тут и там цементных блоках.*

В программах Прабхупады нравилось всё и всем. Пожилым — потому что там был святой, Шрила Прабхупада, со своими юными заграничными учениками. Интеллектуалам — потому что Шрила Прабхупада глубоко обсуждал философию. А детям — потому, что они могли бегать и танцевать на киртане.

Мадри даси: *На одной из программ они окружили нас такой толпой, что мы не могли даже выйти из машин — так они жаждали увидеть Шрилу Прабхупаду. Там было столько народу! Прабхупада сказал:*

— Хорошо, следующий вечер будет только для женщин.

Но, хотя на следующий вечер пришли только женщины, народу было ничуть не меньше, чем обычно, и Прабхупада прочитал удивительную лекцию.

Брюс: *На одной программе было очень шумно: все говорили без умолку. Поэтому Прабхупада просто начал петь «Брахма-самхиту». Так прошла вся программа. Он просто пропел «Брахма-самхиту» и уехал.*

Чидананда: *Перед выездом на программу Прабхупада выглядел как генерал, готовящийся к бою. Он выходил из комнаты, безупречно одетый, сияющий, готовый выйти на битву с майей. В городе нас ждали тысячи и тысячи людей. Я не знал, что делать с такой толпой. Я просто терялся. Но Прабхупада вызывал майю на поединок. Он приезжал туда, чтобы вложить в сердца всех этих людей веру, и чем больше было народу, тем сильнее становился Прабхупада.*

Прабхупада проповедовал и в окрестных деревнях. Вместе с господином Джаривалой, несколькими учениками и Божествами Радхи-Кришны он садился в машину и ехал в Бардоли или Меол. Деревенские жилища представляли собой крытые соломой постройки из обожженной глины, с обмазанными коровьим навозом стенами и полами. В честь визита Прабхупады деревенские жители рисовали на земле перед входом в свои дома узоры из рисовой муки, а улочки по обочинам украшали глиняными горшками, банановыми листьями и кокосами.

Господин Н. Д. Патель: *Прабхупада произвел на жителей нашей деревни огромное впечатление. Они говорили, что пением «Харе Кришна» он творит чудеса. «Он, несомненно, святой чудотворец, — говорили люди. — Столько людей с Запада стали преданными благодаря повторению имени Господа!» Людей поражало, насколько практичной была бхакти в представлении Прабхупады. Его лекции производили очень хорошее впечатление не только на*

вайшнавов, но и на многих христиан и парсов. Даже некоторые дружественно настроенные мусульмане начали верить, что Господь Кришна — Господь всех.

Никто из святых прошлого не распространял эту философию так, как он. Конечно, у нас в деревне все вайшnavы, но мы верили в Сурьяджи, Дургу, Тхакураджи и так далее. Но после того, как Прабхупада объяснил нам, что такое «Гита», кто такой Господь Кришна, все мы начали петь Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Люди были под таким впечатлением, что после программы с Прабхупадой, даже в его отсутствие, громко пели маха-мантру и приветствовали друг друга словами «Харе Кришна, Харе Кришна». Провожая Прабхупаду, ему и каждому преданному жителю деревни на прощанье говорили: «Харе Кришна!»

Когда программ в городе не было, Прабхупада сидел в комнате и принимал посетителей. Члену парламента, пришедшему с визитом, Прабхупада сказал, что, куда бы он ни отправился, везде он сталкивался с представлением об Индии как о стране отсталой и нищей, стране-попрошайке. Послы из Индии, сказал он, только усилили это впечатление, приезжая в страны Запада и прося подачек: «Дайте риса, дайте денег, подайте милостыню». Индия, объяснил он, обладает величайшим сокровищем — мудростью «Бхагавад-гиты» и духовной культурой. Прабхупада принес это сокровище на Запад и щедро его раздавал. Он не был попрошайкой.

Ямуна: В Сурате Прабхупада все время повторяла джапу, — принимал ли он посетителей, ехал ли на машине, гулял, стоял или сидел. Его рука была опущена в шафрановый мешочек, а пальцы постоянно перебирали четки. Он всегда был вайшнавом — чистым преданным Кришны, опрятным, с красивым, аккуратным тилаком, а его рука всегда покоилась в мешочке с четками. Когда он сидел, принимая людей, можно было поразиться его непостижимой красоте. Шрила Прабхупада говорил, что людей, которые жертвуют собой ради других, называют великодушными. Именно таким был Шрила Прабхупада во время своих игр в Сурате. Каждому, с кем он встречался, он давал Кришну. Благодаря своему удивительному могуществу он был способен изменять сердца людей.

Каждое утро на лекции по «Шримад-Бхагаватам» Прабхупада рассказывал очередной эпизод из истории Аджамилы. Иногда он говорил о деградации индийской культуры, приводя конкретные примеры, с которыми сталкивался во время своих поездок по Индии.

— Мне очень жаль, но я должен сообщить вам, что в вашем городе я видел два храма под названием Рама-мандир, в которых нет Рамы. Вас обманывают, а вы миритесь с этим. Там не поклоняются Божеству Рамы, там стоит фотография какого-то человека по имени Шри Рама. И люди настолько глупы, что даже не задаются вопросом, почему подобное происходит. В Индуре я посетил Гита-бхаван, где говорилось много разной чепухи. Еще я

присутствовал на «Гита-самити»: там не было ни одного изображения Кришны, но был светильник. Все это делается под именем *дхармы*. Вчера вечером этот юноша сообщил мне, что какой-то *свами* собирается распространять «Бхагавад-гиту» со своими комментариями, но согласно самой «Бхагавад-гите», этот *свами* — первейший глупец. Он распространяет свою «Бхагавад-гиту», а люди берут ее и платят. Вот что сейчас происходит. И такое наблюдается по всему миру. Это очень серьезно. Под именем *дхармы* [религии] людям предлагают *адхарму* [безверие].

Индийская культура, объяснил Прабхупада, пала так же, как пал Аджамила. У индийцев остается единственная надежда — вернуться к сознанию Кришны, своей изначальной культуре.

— Итак, всему миру, не только Индии, не узнать покоя до тех пор, пока вы не реорганизуете всю общественную структуру. А это возможно только благодаря Движению сознания Кришны.

Посмотрите, как опустился этот человек. Похотливые люди не обращают внимания на окружающих, они не считаются со старшими, они делают это на дороге, на улице, на морском берегу, где угодно, в кинотеатре. Вот что происходит. Сейчас это рекламируют и в кино для привлечения публики. Раньше в Индии такого не было. Но они распространяют в обществе эти глупости, чтобы люди становились все более похотливыми. Если человек становится похотливым, он катится в ад. Если вы хотите открыть врата к освобождению, тогда вы должны посвятить себя служению *махат*, чистым преданным. Если же хотите открыть врата, ведущие в ад, то общайтесь с теми, кто чрезмерно привязан к женщинам.

Затронув вопрос о скотобойнях, он продолжал порицать публичную демонстрацию половых отношений. По поводу внебрачного секса он сказал, что это явление, бывшее редкостью во времена Аджамилы, теперь стало вполне обычным делом.

— Как молодым людям защитить себя? Они не обучены. Этот Аджамила прошел обучение, но все равно пал. Во многих парках, таких как Голден-Гейт-парк, я видел юношей с девушками в машинах... Здесь говорится, что такое поведение свойственно *шудре*, но никак не представителям высших каст. Итак, просто постарайтесь понять это. Они думают, что прогрессируют. Но они не прогрессируют. Они деградируют. Деградирует весь мир, и Индия катится за ним. Эта история говорит о том, как из-за дурного общения человек опускается на дно.

Прабхупада сделал в Сурате все, что намеревался. Он дал людям святое имя, и они с радостью приняли его. Население Сурата было не готово к тому, чтобы радикально изменить свою жизнь и начать жить так, как жили преданные ИСККОН, но эти люди по достоинству оценили то, что Прабхупада превратил жителей Запада в преданных Господа Кришны и проповедовал людям чистое учение священных писаний, призывая их повторять *мантру* Харе Кришна. Они приветствовали Прабхупаду, не просто подчиняясь догме или исполняя ритуал. Прием, который оказали Прабхупаде и его ученикам

жители Сурата, свидетельствовал о том, что они понимают важность духовной жизни и признают авторитет Прабхупады и ИСККОН.

А ученикам Прабхупады посещение Сурата дало представление о том, каким был бы мир, если бы все люди на земле стали преданными.

* * *

Аллахабад

Январь 1971 года

Кумбха-мела — самое большое скопление людей на Земле. Каждые двенадцать лет в Аллахабаде, у Тривени, места слияния трех святых рек — Ганги, Ямуны и Сарасвати, собираются со всей Индии *садху* и паломники. В благоприятный час, который сулит поклоняющемуся освобождение из круговорота рождения и смерти, около пятнадцати миллионов людей входят в священные воды этих рек. Ежегодно, в месяц *магха* (январь-февраль), тот же праздник празднуется в меньшем масштабе и называется Магха-мела. Январь 1971 года выпал на середину двенадцатилетнего цикла от одной Кумбха-мелы до следующей. Эта мела называется Ардха-Кумбха-мела (*ардха* — «половина»). Праздник обещал собрать миллионы людей, и Шрила Прабхупада решил воспользоваться этой благоприятной возможностью для проповеди и посетить Мелу со своими учениками.

В Сурате его ученики сели на поезд до Аллахабада, а сам Прабхупада в сопровождении Тамала-Кришны, Хамсадуты, Нанда-Кумары и еще нескольких человек отправился ненадолго в Бомбей, а оттуда — в Калькутту. В Калькутте Прабхупаду ждали приятные новости: партия его книг, напечатанных в «Дай Ниппон», благополучно прибыла из Японии и хранилась на складе компании «Синдия». Кроме того, он купил шестидесятисантиметровые латунные Божества Радхи-Кришны, чтобы взять Их с собой в Аллахабад. 11 января он написал:

...завтра утром мы собираемся в Аллахабад на фестиваль Ардха-Кумбха-мела. Мы поедем группой из сорока сильных преданных. Туда же на месяц *магха* ожидается прибытие семи миллионов человек.

Из Сурата в Аллахабад на поезде выехали около двадцати пяти преданных. Остальные — новая группа из США и Англии — должны были приехать в Аллахабад вскоре после них. Первая группа прибыла туда после двадцатитрехчасового путешествия на поезде. Выйдя из вагона, они не увидели ничего, кроме тумана. У преданных был адрес *брахмачари-ашрама*, в котором они планировали остановиться, пока в лагере Мелы не будут установлены их палатки. С этим адресом они отправились в путь.

Слабо представляя, что их ждет впереди, преданные набились в несколько одноконных *танг* и поехали к указанному в записке *брахмачари-ашраму*. Они

слышали, что в Кумбха-мелу наступает самое благоприятное время для омовения в Тривени, но вода в реке в это время ледяная. Сквозь утренний туман они видели идущих вдоль дороги паломников, погонщиков, восседающих на верблюдах, и охранников с винтовками. Прибыв на восходе к *ашраму*, они увидели перед собой священную Гангу.

На следующее утро преданные выехали на велорикшах к лагерю Мелы, влившись в текущий к Тривени поток паломников. Проезжая мимо железнодорожной станции Рам-Бхаг, преданные увидели дорожный знак, гласивший: «До крепости и слияния Ганги с Ямуной пять километров». Вскоре их взорам предстал целый палаточный город, хотя всего неделю назад здесь была пустая равнина. Над маленькими и большими палатками, над гигантскими *пандалами* с колыхающимися на ветру флагами гремела усиленная громкоговорителями разноголосица музыки, объявлений на разных языках, *бхаджанов* и молитв.

Преданные сошли с колясок, расплатились с рикшами и вместе с потоком паломников двинулись вперед. Сначала они шли по траве, затем по песку и, наконец, по глине. Музыка из динамиков и монотонное повторение *мантр* стали громче. Вдоль всего пути сидели нищие, прокаженные, инвалиды и больные, страдающие слоновьей болезнью.

Оргкомитет Мелы предоставил ИСККОН хорошее место рядом с одними из входных ворот, и несколько опытных преданных наняли рабочих для возведения палаток. *Пандал* ИСККОН был большим и ярким. К нему примыкали три палатки меньшего размера — одна для мужчин, другая для женщин, а третья для Шрилы Прабхупады. Шаткое сооружение из гофрированной жести служило кухней. Прабхупада должен был приехать на следующий день, и преданные поспешно укладывали сено и раскатывали *дат* (большие ковры из грубого хлопка). Посреди этой холодной и густой песчаной равнины преданным приходилось все делать самим: разводить костры, доставать овощи и стирать одежду. Как разительно это отличалось от того, что им довелось пережить недавно: ведь всего несколько дней назад в доме пожизненного члена ИСККОН им служили, как принцам!

И вот они посреди огромного религиозного празднества. Море людей, странные картины, странные звуки — зрелище было впечатляющее. Но без Прабхупады многие ученики терялись. В лагере сидели *йоги*, весь день в одной и той же позе, собирая вокруг толпы зевак, курили *ганджу* шиваиты с трезубцами в руках, в простой красной одежде, с четками из *рудракши* и со спутанными волосами. Мимо двигалась процессия со слонами, за которыми шествовали двумя длинными вереницами обнаженные *садху*. Какой-то аскет возлежал на ложе из колючек. Были там и другие образцы исключительной отрешенности, каких больше не встретишь нигде на Земле. И конечно, были здесь приверженцы многочисленных индуистских сект, звуки *мантр* и молитв которых поднимались в воздух и смешивались с утренним туманом и дымом десяти тысяч костров, нависшим над палаточным городом.

Когда на следующий день Прабхупада прибыл в лагерь ИСККОН, преданные были в восторге. Они наперебой стали рассказывать ему о разных диковинах Мелы. Один из них упомянул про гуру на слоне и добавил:

— На самом деле это вы должны были ехать на слоне!

— Нет, — ответил Прабхупада, — я бы поставил на слона Радху и Кришну.

Присутствие Прабхупады немного успокоило его учеников, напомнив им, что духовная жизнь не есть что-то экзотическое или ошеломляющее — духовная жизнь проста и практична. Рядом с ним преданные утратили всякий интерес к мистической йоге, ведическим ритуалам и материальным благословениям. Преданные признавали, что пришедших на Мелу паломников ждет великое духовное благо, но, как сказал им Прабхупада, отправиться в святое место — значит найти и слушать святого человека. Место становится святым только благодаря присутствию там святых душ. Преданные поняли: чтобы получить величайшее духовное благо, нужно слушать Шрилу Прабхупаду.

Сидя с учениками у себя в палатке, Прабхупада поведал им о смысле праздника Ардха-Кумбха-мела. Он сказал, что на протяжении миллионов лет это место считается одним из самых святых мест в Индии. Во время пришествия Господа в облике черепахи, когда демоны и полубоги пахтали нектар бессмертия, капля этого нектара упала сюда. С тех пор каждые шесть и двенадцать лет определенные благоприятные планеты образуют на небесах кувшин, и, как говорят, этот кувшин, наполненный нектаром бессмертия, изливает его на Тривени. Сюда, в Аллахабад, приходили Господь Рамачандра и Хануман, здесь Господь Чайтанья поведал Рупе Го-свами науку преданного служения. Прабхупада сказал, что сам он тоже когда-то жил в Аллахабаде со своей семьей, а в 1932 году Шрила Бхактисиддханта Сарасвати дал ему посвящение в аллахабадском Рупа-Госвами-гаудия-матхе. Что же касается праздников, то всякий, кто омовается в благоприятное время, когда с небес проливается *прана*, непременно поднимется на райские планеты либо получит освобождение.

Джон Гризер: *Я общался с другими так называемыми гуру. Они были очень равнодушными людьми. Казалось, им нет никакого дела до людей, особенно до жителей Запада. В них чувствовалась какая-то неприязнь, какое-то презрение, хотя некоторые из них тоже имели западных учеников. Прабхупада был совсем другой. Было видно, что его интересует не столько облик, сколько философия человека, его сознание. И конечно, он всегда старался вложить сознание Кришны в сердце каждого, с кем встречался.*

Прабхупада сказал, что, хотя большинство присутствующих на Меле святых и *садху* шарлатаны, есть там и настоящие *йоги*, возраст которых порой достигает трехсот-четырехсот лет. Эти *йоги* живут в труднодоступных районах Индии, появляются, чтобы принять участие в Меле, а потом возвращаются в свои уединенные жилища.

— Я сам видел, — сказал он. — Они входят в Гангу и оказываются поочередно в семи священных реках. Они входят в Гангу, а выходят из

Годавари. Затем входят в Годавари и появляются из реки Кришны и так далее.

Поэтому, сказал он, преданные должны почтительно относиться ко всем, кто пришел на Мелу.

— Так это действительно правда, — спросил один из преданных, — что, просто омываясь здесь, они обретают освобождение?

— Да, — сказал Прабхупада, — это правда. Они приходят сюда за освобождением. Но мы пришли не за освобождением. Мы пришли проповедовать. Мы заняты чистым преданным служением Кришне, поэтому мы уже освобождены. Освобождение нас не интересует. Мы пришли, чтобы проповедовать преданное служение.

Когда на следующее утро Прабхупада встал, температура воздуха была близка к нулю. Обогревателя в его палатке не было. Прабхупада пошел в пандал, чтобы провести киртан на мангала-арати, и когда он сел на вяса-асану, один из учеников протянул ему плед, который Прабхупада обернул вокруг себя. Для многих преданных было трудно вставать и омываться в такой холод. Некоторые из них пошли на Гангу, другие омывались у соседнего насоса, а третьи вообще отказались вставать.

Гирираджа: Программа была очень суровой, поскольку по ночам было адски холодно, а мы должны были вставать в четыре утра, омываться и идти на мангала-арати. Поэтому лишь немногие стойкие преданные, такие как Тамала-Кришна и Хамсадута, вставали рано — в три или в три тридцать — и шли из лагеря до самой Ганги, чтобы совершить утреннее омовение. Но те из нас, кто жил в палатке брахмачари, не были настолько тверды, и, как правило, когда наступало четыре часа и нужно было вставать, снаружи было так холодно, что мы предпочитали оставаться в спальнях мешках.

Шрила Прабхупада тоже стал замечать, что некоторые из нас опаздывают на мангала-арати, а некоторые и вовсе не появляются. Это его очень расстроило, поскольку он знал, насколько важно для нас было мангала-арати. Поэтому, хотя Прабхупада немного болел, однажды утром он встал в четыре часа, вышел в одной гамче, сел под насос и омылся ледяной водой — специально, чтобы вдохновить нас вставать, омываться и приходить на мангала-арати. На нас это произвело очень сильное впечатление. Нам было так стыдно, что мы просто не могли больше просыпаться.

После киртана Прабхупада читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам», продолжая историю об Аджамиле. Эта история, в которой прославляется святое имя Господа, казалась преданным особенно актуальной. Святое имя было настолько могущественно, что, произнеся его лишь единожды, Аджамила спасся. Следовательно, пение святого имени более благотворно, чем прана, льющаяся со звезд.

Рассвело, и небо посветлело — но лишь немного. Сырой густой туман с реки, смешиваясь с дымом костров, навис над лагерем. Пошел дождь. Преданные не были готовы к такой погоде. Они с трудом представляли себе,

как они протянут здесь еще две недели. Доставать и готовить пищу в лагере было невероятно трудно, а гигиенические условия, мягко говоря, оставляли желать лучшего.

Однако Прабхупада, разделявший с учениками все эти трудности, был выше неудобств, оставаясь невозмутимым. Если сквозь облака проглядывало солнце, он садился на улице и принимал массаж. Потом он омывался, сидя на корточках в *гамчхе*, окуная свою *лоту* в подогретую воду Ганги и выливая ее на себя. Он казался таким довольным, что преданные воспрянули духом. Он не жалуется, так почему они должны жаловаться?

Рано утром Прабхупада выводил преданных петь. Он надевал серый шерстяной *чадар* и свою «шапочку *свами*» с тесемками, завязанными под подбородком, а ученики натягивали все теплые вещи, какие только у них были, — свитера, шапки, *чадары*. Прабхупада вел группу танцующих учеников через густонаселенный палаточный город. Для других паломников эти *киртаны* были источником радости. Как ни странно, среди всего этого невероятного собрания *йогов*, отшельников и голых *садху* наибольший ажиотаж вызывали именно Прабхупада и его ученики.

И они проповедовали. Хотя и другие группы пели *мантры* и читали в своих палатках лекции, ничего подобного тому, что делал Прабхупада, на Меле не было. Это была единственная группа *санкиртаны*, и все радовались ей. Прабхупада, исполненный достоинства и в то же время радостный, шел во главе процессии, которая постепенно росла: индийцы присоединялись к *киртану* западных *садху*.

Прабхупада посылал преданных на *санкиртану* каждое утро. Пока группа *киртана* шла от лагеря к лагерю, многие паломники подбегали к преданным и простирались перед ними в поклонах, выражали им почтение и жертвовали деньги. Ведомые такими сильными и опытными уличными певцами и игроками на *мриданге*, как Мадхудвиша, Динанатха и Хамсадута, преданные забывали о холоде и трудностях.

Прабхупада подчеркивал важность пения: *киртан* должен быть всегда, говорил он. На подобных собраниях лекции по философии не дадут такого эффекта, поскольку обычные люди их не понимают. Господь Чайтанья не давал публичных лекций, а всегда проводил *киртаны*.

Благодаря *киртанам* в большой *пандал* ИСККОН устремлялись толпы людей, желающих посмотреть на Божества Радхи-Кришны и принять *прасада*. На всей Меле Божество Кришны было только у ИСККОН, и тысячи людей выстраивались в очередь, чтобы на Него взглянуть. По утрам Прабхупада читал лекции на английском, а по вечерам — на хинди. Его вечерние *киртаны* в *пандале* проходили с оглушительным успехом. Западные *садху* с женами и маленьким ребенком были объектом всеобщего любопытства.

Кроме того, Прабхупада организовал массовую раздачу *прасада* и поставил Реватинандану и нескольких помощников почти без остановки готовить на двух маленьких дровяных печах в импровизированной кухне. Готовить порой приходилось на семьсот человек. Гостей угощали овощами и

халавой или овощами с *пури*. Прабхупаде нравилось, как работает ИСККОН на Меле.

А тем временем везде, куда бы нас ни приглашали во время наших поездок по Индии, наша программа имеет огромный успех. Сейчас мы приехали на Ардха-Кумбха-мелу в Праяг (Аллахабад), и среди всех групп на этом огромном фестивале мы, бесспорно, пользуемся наибольшей популярностью.

Своими лекциями об Аджамиле Шрила Прабхупада вдыхал жизнь в замерзших, а иногда и больных преданных. Возможность слушать духовного учителя была им наградой за все трудности. На каждой утренней лекции Прабхупада продолжал подчеркивать важность чистого повторения святых имен.

— Чистое повторение *хари-намы* означает, что когда вы произносите святое имя Кришны, то видите облик Кришны, осознаете качества Кришны, вспоминаете о Его играх. Таково чистое повторение *мантры* Харе Кришна. Об этом говорится в комментарии Шрилы Дживы Госвами — чистый преданный, повторяющий *мантру* Харе Кришна, тотчас осознает *наму, рупу, гуну и лилу*^[17] Кришны. Просто благодаря повторению святого имени Кришна открывается ему во всей Своей полноте. Вы увидите облик Кришны. Вы будете вспоминать обо всех Его качествах: «О, Кришна столь совершенен; Он так великодушен». Затем вы будете вспоминать о Его *лилах*, Его играх: «О, Кришна просветил Арджуну. Кришна играл со Своими пастушками. Кришна мило беседовал с гопи, со Своей мамой, Яшодой». Обо всем этом вы будете помнить. Таково совершенство, которого достигает человек, повторяя святое имя.

Прабхупада многократно подчеркивал, что единственной причиной, побудившей его приехать с учениками на Мелу, была возможность прославить Господа Кришну, так чтобы другие могли понять важность Движения сознания Кришны. Но если преданные намерены дать сознание Кришны другим, сначала они должны развить его сами. Думать о Кришне постоянно вполне возможно, сказал он и привел в пример индийских женщин, которые носят на голове большие кувшины с водой. Так же, как они научились удерживать кувшин в равновесии и при этом ходить и совершать другие движения, преданный должен всегда помнить Кришну, несмотря на дела и беспокойный ум. А наилучший способ помнить Кришну — это всегда повторять святое имя.

— Я помню, один из учителей в нашей школе говорил, что если вы думаете: «Я сдам экзамен на отлично», то сдадите на хорошо. Если вы думаете: «Я сдам экзамен на хорошо», то, возможно, сдадите на удовлетворительно. А если вы думаете: «Авось как-нибудь сдам на тройку», то провалите экзамен. Это значит, что если вы настраиваетесь на большее, чем способны, то, возможно, выдержите испытание. А что касается *мантры* Харе Кришна, тут Чайтанья Махапрабху говорил, что мало повторять в течение часа — нет, этого недостаточно. Необходимо *практиковаться*, и это на своем примере показал

Харидас Тхакур (который повторял святые имена почти двадцать четыре часа в сутки). Но поскольку мы так не можем, мы должны всегда быть заняты служением Кришне. Так мы будем помнить о Кришне.

Прабхупада сказал, что повторение «Харе Кришна» в точности подобно рыку льва. Так же, как львиный рык распугивает всех мелких животных, пение «Харе Кришна» кладет конец последствиям всех грехов человека. Однако он вновь и вновь напоминал преданным, как важно избегать самого опасного оскорбления — совершения грехов в расчете на силу святого имени.

— Даже если вы пали, вы ничего не теряете. Так утверждает Нарада. Если человек приходит к Кришне и искренне служит Ему, но затем падает, он все равно вернется. Мы видели это своими глазами. Некоторые из наших учеников пали. Но то искреннее служение, которое совершил ученик, останется на его вечном счету. Придет день, и он спасется, так же, как Аджамила.

В последний день пребывания Прабхупады в Аллахабаде к нему в палатку пришел господин Гоуркишор, который пригласил его в Бенарес. Как председатель сорок пятого ежегодного фестиваля в ознаменование посещения Бенареса Господом Чайтаньей господин Гоуркишор попросил Прабхупаду посетить фестиваль в качестве почетного гостя. Прабхупада ответил, что ему нездоровится и что, возможно, вместо него смогут поехать его ученики. Однако господин Гоуркишор настаивал, пока Прабхупада наконец не согласился. Однако сначала Прабхупада хотел посетить Горакхпур.

* * *

Горакхпур

3 февраля 1971 года

Ардха-Кумбха-мела закончилась. Преданные разъехались: кто в Дели, кто в Бомбей, кто в Калькутту. Прабхупада с оставшимися преданными отправился в Горакхпур, что в десяти часах езды по старинной узкоколейной железной дороге. Прабхупада ехал туда по приглашению своего единственного ученика в Горакхпуре, доктора Р. П. Рао (Рамананды), ученого-химика. Рамананда встретил Прабхупаду в Сан-Франциско и там же в 1967 году получил посвящение, а затем вернулся на родину, к жене и четверем детям, чтобы преподавать химию в Горакхпурском университете.

Прабхупада с учениками въехал в тесные комнаты скромного дома Рамананды, и в тот же вечер послушать Прабхупаду собралось около ста человек. Прабхупада уже думал над тем, чтобы построить храм Радхи-Кришны на территории Горакхпурского университета, а также ввести в официальную учебную программу курсы сознания Кришны и соответствующие ученые степени — бакалавра, магистра и доктора философии. Он представлял, как выпускники будут разъезжаться из университета по всему миру, чтобы учить

сознанию Кришны в школах, колледжах и храмах. Он вдохновил Рамананду и группу его друзей сформировать комитет по введению в университете курса сознания Кришны и дал посвящение дюжине учеников. Поскольку все они клялись, что воздерживаются от недозволенных половых отношений, одурманивающих средств, участия в азартных играх и от рождения являются вегетарианцами, он опустил установленный полугодовой испытательный срок. Он попросил их ежедневно повторять шестнадцать кругов и дать сознание Кришны всем жителям города. В его отсутствие они должны поддерживать в доме Рамананды действующий центр ИСККОН и попытаться ввести в университете курс сознания Кришны.

* * *

Бенарес

6 февраля 1971 года

Господин Гоуркишор очень рассчитывал на участие Прабхупады в предстоящем празднике. Кульминацией недельного празднования посещения Господом Чайтаньей Бенареса, по словам господина Гоуркишора, должен был стать парад, и Прабхупада с учениками должны были сыграть в нем не последнюю роль. Газетные статьи, листовки и передвижные репродукторы объявляли по всему городу о приезде Шрилы Прабхупады и его «иностранных учеников». Преданные чувствовали себя какими-то гастролерами, которые приехали выступить по контракту. Единственное, чего не доставало для полного сходства, так это гонорар.

В день процессии Прабхупада ехал в серебристой карете — вроде тех, что обычно используют в пышных свадебных кортежах. Карета была запряжена парой белых лошадей с серебряными коронами и в расшитых пополах. Во главе парада двигалась платформа на колесах с двухметровой статуей Господа Чайтаньи из желтой древесины *нима*. За ней следовала колонна богато убранных слонов. Один слон нес транспарант с надписью «Харер Нама Эва Кевалам», другой вез актеров, одетых Господом Рамой и Ситой, с третьего махали толпе артисты, изображавшие Радху и Кришну, а на четвертом покачивалась картина с Господом Чайтаньей и Его спутниками, совершающими *санкиртану*. Следом за слонами шел украшенный грузовик с открытым кузовом, на котором ехали дети, изображающие поющих и танцующих Господа Чайтанью и Нитьянанду. Затем шли с танцами и *киртаном* несколько профессиональных групп музыкантов, а также «иностранные ученики» Прабхупады.

Вслед за преданными на колеснице ехал Шрила Прабхупада. По обе стороны от него шли двое преданных, обмахивая Прабхупаду *чамарами*. Он сидел, опустив правую руку в мешочек с четками, а левой опираясь на трость. На нем были шелковое *дхоти* и шелковая *курта* с перламутровыми пуговицами. Его лоб украшала широкая полоса сандаловой пасты. Он не

махал рукой, не улыбался, не глядел по сторонам, а спокойно сидел, повторяя на четках «Харе Кришна».

За колесницей Прабхупады шла группа музыкантов, играющих на *шенаях*, а за ними еще несколько групп *киртана*. Завершала парад еще одна статуя Господа Чайтаньи, которую несли восемь мужчин.

Оргкомитет фестиваля объявил, что праздник посетили триста тысяч человек — в два раза больше, чем ожидалось, если бы Прабхупады и его иностранных учеников не было. Однако парад закончился, Прабхупада свое дело сделал — показался на публике, собрал огромные толпы. Больше от него ничего не требовалось. Он устал. Вместе с учениками его отвезли в соседнюю *дхармашалу*, где их ждал пир. Прабхупада выглядел очень серьезным и при первой же возможности отправился к себе на квартиру и вернулся к заведенному распорядку.

Однажды к Прабхупаде зашел студент из Бенаресского университета, повстречавший Прабхупаду на аллахабадской Меле. Отец юноши передал в качестве подарка для Прабхупады биографию Господа Чайтаньи, и, когда юноша показал Прабхупаде фотографию своего отца, Прабхупада сказал:

— Да, твой отец преданный. Почему бы и тебе не получить посвящение?

Юноша колебался. Они прогуливались с Прабхупадой в саду, и Прабхупада сказал:

— От своего отца ты получил семя преданного служения. Теперь ты должен ухаживать за этим семенем.

— Но как я могу обрить голову? — спросил юноша. — Я же учусь в университете.

— Нет, это обычай. Ты должен один раз побрить голову, а потом можешь носить короткие волосы.

— Но как я буду носить *тилак*? Надо мной будут смеяться.

Прабхупада посоветовал юноше не бояться критики. Он должен стать солдатом Кришны. Так же, как правительство награждает своих героев, Кришна наградит Своего преданного за то, что тот терпит ради Него трудности и критику.

— А как насчет *гуру-дакшины*? — спросил студент.

— *Гуру-дакшина* — это просто формальность, — сказал Прабхупада. — В прежние времена был такой обычай, что когда кто-то получает посвящение, он идет по домам. Это знак того, что ты стал слугой своего *гуру*, что ты готов просить для него милостыню. Так что *гуру-дакшина* — это любое пожертвование, которое ты способен дать.

Студент вернулся домой и рассказал обо всем отцу. Тот ответил, что как раз на следующий день будет отмечаться явление Господа Нитьяланды. Этот день очень благоприятен для духовного посвящения.

И вот на следующий день, в Нитьянанда-трайодаши, Шрила Прабхупада дал юноше посвящение, назвав его Ниранджана дас. Когда Прабхупада

спросил Ниранджану, есть ли у него вопросы, тот сказал, что хочет узнать о своих вечных отношениях с Кришной. Кто он: слуга, друг или родитель?

Прабхупада ответил, что в основе всех трансцендентных взаимоотношений с Господом Кришной лежит служение. Повторяя «Харе Кришна», Ниранджана будет становиться все чище и все глубже будет понимать свои отношения с Кришной. Ниранджана спросил, каким образом он сможет понять эти отношения.

— Не торопись, — сказал Прабхупада. — От отца тебе досталась *шраддха* [вера], а теперь ты общаешься с преданными и повторяешь святое имя. Постепенно ты все поймешь.

Ниранджана согласился потерпеть.

Прабхупада попросил Ниранджану организовать для него лекцию в университете, и тот при помощи своего дяди, профессора философии, договорился, что Прабхупада прочитает лекцию утром в день своего отъезда из Бенареса.

В день отъезда Прабхупада пообщался с Джоном Гризером, американским фотографом, присоединившимся к их группе в Сурате. Джон сбрил усы и серьезно подумывал о будущем. Сейчас он пришел, чтобы попрощаться с Прабхупадой — до Бомбея, где они снова встретятся через несколько недель.

Джон нашел Прабхупаду во дворе. Тот наслаждался солнцем и ел из глиняного горшочка *гур* (финиковый сахар). Прабхупада попросил разбить горшочек и раздать кусочки Джону и остальным присутствующим преданным. Пока Джон слизывал *гур* с глиняного черепка, Прабхупада рассказывал о своем детстве в Калькутте.

Джон: *На ритмичном английском, с акцентом, Прабхупада рассказывал о своих детских днях, проведенных в Калькутте. В его рассказе это был красивый город, не такой перенаселенный и грязный, как сегодня. Школьником он любовался великолепными викторианскими зданиями из белого мрамора, окруженными величественными деревьями и просторными лужайками.*

Неожиданно Прабхупада посмотрел на меня и рассмеялся:

— Ну, Джон, — сказал он, — я думаю, Кришна тебя поймал.

Я сказал, что и сам в последнее время так думаю и сейчас Шрила Прабхупада лишь подтвердил мои подозрения.

Когда Прабхупада уезжал из Бенареса, чтобы вернуться в Горакхпур, многие из его учеников ошиблись и поехали не на тот вокзал. Когда Прабхупада и несколько его последователей сидели на вокзале в ожидании поезда, Каушалья спросила:

— Как вам Бенарес, Шрила Прабхупада?

— Нормально, — равнодушно ответил он.

— Вы хорошо отдохнули? — спросила она, пытаясь припомнить какие-то приятные моменты его визита.

— Я могу отдыхать в любое время, — сказал Прабхупада, — но мне нравится быть с учениками.

Обставленный сумками и чемоданами, Прабхупада сидел на скамье, а Тамала-Кришна и Шьямасундара тем временем сломя голову носились по перрону от билетных касс к поезду и обратно. До отправления оставалось совсем мало времени, но где же остальные? Прабхупада наблюдал, как его духовные сыновья спорят с проводником, доказывая ему, что поезд не отправится, пока не подойдут остальные преданные.

— Не ведают, что творят, — сказал Прабхупада и улыбнулся.

* * *

Горакхпур 10 февраля 1971 года

Услышав, что Прабхупада хочет проповедовать в Горакхпуре, Хануман Прасад Поддар, известный редактор издательства «Гита пресс», предложил ему воспользоваться одним из своих домов, в котором когда-то жил сам. Это был двухэтажный дом под названием Кришна-Никетан. Господин Поддар, который теперь лежал прикованный к постели, в другом своем горакхпурском доме, познакомился с Прабхупадой в 1962 году и тогда по достоинству оценил его миссию.

Получив приглашение занять Кришна-Никетан, Прабхупада не стал медлить. Он сказал, что преданные поступили неправильно, упаковав после Ардха-Кумбха-мелы Божества Радхи и Кришны, которые он привез из Калькутты. Им уже поклонялись, поэтому служение Им не должно прекращаться.

— Завтра Божества должны быть установлены, — сказал он и возложил ответственность за подготовку к церемонии на Каушалю и Нанда-Кумару.

Видя, что Нанда-Кумаре и Каушалье нужны помощники, Прабхупада созвал всех учеников, и вскоре уже двадцать американских преданных спешно бегали туда-сюда, готовясь к завтрашнему празднику. Прабхупада велел преданным вымыть от потолка до пола алтарную комнату и возвести алтарь. Он попросил Химавати пожертвовать на служение Божествам ее лучшее сари и в качестве занавеса повесил его перед столиком, который предполагалось сделать алтарем. Он сказал, что за алтарем должен быть фон. Каушалья встала на стол, и Прабхупада стал подавать ей лоскуты цветной ткани, которые она укрепляла на стене. Когда фон был готов, Прабхупада взял покрывало, купленное одним преданным в Аллахабаде, и накрыл им стол-алтарь.

Вечером Прабхупада оглядел алтарную комнату.

— Замечательно, — сказал он.

Прабхупада удалился к себе в комнату, а двое преданных остались на всю ночь шить одежды для Радхи и Кришны. На следующее утро Божества поставили на алтарь и преданные вновь приступили к служению Им, шесть раз в день предлагая Им бхогу и проводя *арати*.

Впервые с тех пор, как преданные приехали в Индию, они снова очутились в атмосфере храма ИСККОН. Жизнь их вновь стала упорядоченной

и спокойной. Потеплело, и многие преданные, здоровье которых в Аллахабаде пошатнулось, почувствовали облегчение. Горакхпурский храм располагался за городом посреди нескольких гектаров сельскохозяйственных угодий; это было спокойное место. В течение дня Прабхупада отдыхал, и солнце, проникая сквозь окно, согревало его тело.

Вечерами на *киртан* и лекцию Прабхупады собирались гости. Читая лекции по Шестой песни «Шримад-Бхагаватам», Прабхупада часто ссылался на комментарий Шридхары Свами, написанный в четырнадцатом столетии.

— Шридхара Свами говорил, что, просто повторяя святое имя — без всяких регулирующих принципов, — человек может обрести освобождение. Как же это понять? Шридхара Свами отвечает, что регулирующие принципы все-таки нужны. Суть в том, что повторение святого имени настолько могущественно, что может немедленно даровать освобождение. Но из-за того, что мы склонны к падению, нам даны регулирующие принципы. Мы должны каждый день, утром, днем и вечером, с преданностью и верой повторять *мантру* Харе Кришна. Так можно избежать многих страданий — просто благодаря повторению святого имени. Итак, надо быть очень внимательными и повторять святое имя с верой. Вы должны знать, что, как только вы произносите святое имя, на вашем языке начинает танцевать Кришна. Насколько же внимательны и почтительны мы должны быть!

Каждый вечер, читая лекции, Прабхупада брал в качестве комментируемого текста отрывки из комментариев Шридхары Свами.

— Итак, Шридхара Свами приводит пример: не зная о существовании хорошего лекарства, человек пробует тысячи и тысячи других лекарств. Аналогичным образом выдающиеся поборники религиозных принципов, ничего не зная о *мантре* Харе Кришна, проводят множество чрезвычайно сложных ритуалов. На самом же деле во всем этом нет необходимости. Все, что нужно, — и Шридхара Свами очень подчеркивает это — просто повторять *мантру* Харе Кришна, не утруждая себя всевозможными ритуалами...

В своей комментарии Шридхара Свами приводит массу цитат из священных писаний, в которых говорится о повторении святых имен Кришны и о высшем благе, которое оно дарует.

— Затем Шридхара Свами говорит: *акхила-чештитам*. Это значит, что любые попытки прославить Кришну приравниваются к повторению святого имени. Когда вы выходите, чтобы проповедовать, чтобы распространять это Движение, люди могут подумать, что вы не повторяете святое имя. Допустим, вы проповедуете свободному члену ИСККОН. Эта проповедь так же хороша, как и повторение *мантры* Харе Кришна, потому, что это — *акхила-чештитам*. Жизнь следует посвятить просто служению Кришне.

Общаясь с индийской аудиторией, Шрила Прабхупада рассказывал и о своей проповеди на Западе. Однажды вечером он вспоминал эпизоды из своей личной жизни, поведав о том, как духовный учитель при первой же их встрече велел ему проповедовать учение Господа Чайтаньи англоязычному миру.

— В тот раз я поспорил с ним. Я сказал, что мы — зависимая нация. Кто будет слушать нас? Он разбил мои доводы. Да. Он был ученым. А кто был я? Я был юнец. И я признал свое поражение.

И Прабхупада тихонько рассмеялся.

Прабхупада рассказывал о тех временах, когда у него в Аллахабаде было свое дело, и о том, как он снова встретил своего духовного учителя и получил посвящение. Он рассказал, как в 1944 году начал издавать «Бэк ту Годхед», как принял санньясу и, наконец, как в 1965 году отправился в Америку. Он вспомнил, как тяжело ему было первое время в Нью-Йорке и как к нему примкнули первые последователи, когда он начал в магазинчике на Второй авеню свое Движение.

— Итак, строго говоря, все началось в 1968 году. Что-то я делал и раньше, в 1966-м, но в 1967-м сильно заболел, поэтому вернулся в Индию. Потом, в 1968-м, я вновь приехал в Америку. В сущности, активная миссионерская деятельность началась с 1968 года. С 1968-го, 69-й, 70-й, а сейчас 1971 год. Итак, за три-четыре года все наши отделения расширились, и теперь благодаря нашей проповеди о движении «Харе Кришна» знают практически по всей Европе и Америке.

Каждое утро, до восхода солнца, Прабхупада садился в алтарной комнате перед учениками и читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам». И каждое утро неизменно выключался свет, погружая всех во тьму. Это были типичные для Индии перебои с электричеством, и Прабхупада молчал, пока какой-нибудь преданный не зажигал рядом с его *вьяса-асаной* две свечи и еще две свечи на алтаре. Длинные тени перемежались с золотистыми отблесками от Божеств Радхи-Кришны, и Прабхупада, в очках и с открытым «Шримад-Бхагаватам» в руке, казался удивительно таинственным.

Однажды утром Шрила Прабхупада спел новую песню, «Джая Радха-Мадхава».

— Я научу вас этой песне, — сказал он.

Произнеся первую строчку, он попросил преданных повторить ее несколько раз. Так, строка за строкой, он прочитал всю песню.

*джайа радха-мадхава кунджа-бихари
гопи-джана-валлабха гири-вара-дхари
йашода-нандана браджа-джана-ранджана
йамуна-тира-вана-чари*

— Выучите ее к завтрашнему дню, — велел он ученикам.

Он попросил Каушалью записать слова на листки бумаги и раздать их преданным. На следующее утро преданные пели эту песню вместе со Шрилой Прабхупадой. На вечерней лекции он объяснил значение этого стиха.

Джайа радха-мадхава кунджа-бихари. Кришна наслаждается во Вриндаване. В этих словах — истинный образ Господа. Он просто

наслаждается. Вриндавана-лила Кришны совершенным образом отображает природу Верховной Личности Бога — Он просто наслаждается.

Все обитатели Вриндавана — гопи, пастушки, Махараджа нанда, Яшода — только и думают, как сделать Кришну счастливым. У них нет иных дел. У жителей Вриндавана нет иных дел, кроме как радовать Кришну. Да и у Самого Кришны нет иного дела. *Йашода-нандана браджа-джана-ранджана йамуна-тира-вана-чари*. Он играет как маленький сын Яшоды, и единственная цель Его — доставлять радость обитателям Вриндавана.

Йашода-нандана браджа-джана-ранджана йамуна-тира-вана-чари. Он гуляет в лесу Вриндавана по берегу Ямуны. Таков истинный образ Верховной Личности Бога.

Но Брахма, Индра, великие полубоги, также бывают сбиты с толку. Порой они не могут понять, как этот пастушок может быть Верховной Личностью Бога. У некоторых из нас тоже появляются такие мысли. Но для тех, кто так думает, существуют свидетельства верховного положения Кришны. *Гопи-джана-валлабха гури-вара-дхари*. Он все время занят тем, что радует обитателей Вриндавана, но когда возникает необходимость, Он, будучи семилетним ребенком, может поднять холм Говардхана или, будучи трех месяцев от роду, убить Путану.

Каждый день во Вриндаван приходило множество демонов. Кришна с друзьями ходил в лес пасти коров и телят, и каждый день Камса посылал какого-нибудь демона убить Кришну. Агхасура, Бакасура, Дхенукасура — их было много.

Итак, Кришна играет, как простой пастушок. Но при этом Он не перестает быть всемилостивым Господом, Верховной Личностью Бога. Таков Бог. Бог — это не плод воображения. Бог есть Бог. Бога нельзя выдумать. Мы должны об этом знать.

На следующий день с утра снова погас свет. Прабхупада запел «Джая Радха-Мадхава», а преданные подпевали. Дойдя до середины песни, он вдруг остановился и стал говорить о том, как Радха и Мадхава наслаждаются Своими вечными любовными играми в рощах Вриндавана.

Вдруг он замолчал. Его закрытые глаза наполнились слезами, и он начал слегка покачивать головой. Его тело задрожало. Прошло несколько минут. В комнате воцарилась мертвая тишина. Преданные, затаив дыхание, смотрели на него. Всем казалось, что в эти мгновения их духовный учитель общается с Кришной. Наконец он вернулся во внешнее сознание, вытер слезы и сказал:

— Сейчас просто пойте «Харе Кришна».

После этого Божества Радхи и Кришны в Горакхпуре стали называть Шри Шри Радха-Мадхава.

Каждый день, пока Прабхупада читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам», Каушалья мыла в храме пол. Однажды утром Прабхупада прервал лекцию.

— Посмотрите на эту девушку, — сказал он.

Каушалья в это время сидела на корточках в противоположном конце комнаты и терла тряпкой пол.

— Это замечательное служение.

На следующий день во время лекции Прабхупада подозвал Каушалью.

— Обычно ты замечательно моешь пол, — сказал он, — но сегодня это похоже на купание вороны.

Прабхупада затряс рукой, словно расплескивая в разные стороны воду.

— Ты не умеешь мыть пол. Я тебя научу.

Прабхупада сошел с *вьяса-асаны* и направился в другой конец комнаты. Преданные последовали за ним.

— Где ведро?

Каушалья принесла ведро. Прабхупада попросил тряпку. Она протянула ему свою. Он опустился на корточки и начал тереть.

— Вот как ты моешь пол, — сказал он. — Ты тратишь много воды. А ты делай это по частям. Каждый участок нужно мыть два раза: сначала мокрой тряпкой, а затем выжатой.

Преданные с удивлением наблюдали за ним. Прабхупада повторил процедуру несколько раз: сначала он мыл участок пола мокрой тряпкой, а затем вытирал его насухо, стараясь не наступать ногами на чистый пол.

— Видишь? — сказал он. — Вот как правильно.

Так он, с одной стороны, поддразнил Каушалью (как он часто делал), а с другой — показал, как важно служить Кришне правильно.

Когда Тамала-Кришна предложил Прабхупаде поехать в Бомбей, чтобы заняться массовой проповедью, тот ответил:

— Сначала посмотрим, хочет ли Кришна, чтобы мы жили в этом месте.

Хамсадуте тоже не терпелось проповедовать, и Прабхупада через несколько дней послал его с группой *брахмачари* в Алигарх и Агру.

Казалось, что в Горакхпуре почти ничего не происходит, но у Прабхупады были планы на этот город. Он по-прежнему договаривался с руководством университета о выделении земли под строительство храма.

Если наша попытка увенчается успехом, это будет беспрецедентный в мировой практике случай, и вскоре этому примеру последуют многие другие колледжи... А если нам удастся открыть факультет сознания Кришны, то студенты смогут получать ученые степени в сознании Кришны и проповедовать по всему миру.

У Прабхупады было три цели: получить возможность обратиться к студентам Горакхпурского университета, ввести *киртаны* на промышленных предприятиях и ввести *киртаны* в домах горожан. Главным препятствием было то, что местные люди не проявляли особого рвения, чтобы помочь ему. Многим нравились вечерние лекции Прабхупады, но реально жертвовать время, средства и энергию на служение Кришне людям было сложнее. Но здесь, по крайней мере, был действующий храм Радхи-Кришны, и Прабхупада

не терял надежды, что директора «Гита пресс» передадут Кришна-Никетан в постоянное владение ИСККОН.

Прабхупада продолжал читать лекции по утрам и вечерам. Три вечера подряд он объяснял один-единственный стих из «Чайтанья-чаритамриты», опровергающий доводы *майявади*, что высшее проявление Абсолютной Истины — безличный Брахман.

— Философы-*майявади* говорят, что Абсолют безличен и нет энергии, отличной от Него. Но Чайтанья Махапрабху заявляет, что у Абсолютной Истины множество энергий. Представьте себе директора крупного предприятия. Если он говорит: «Я присутствую на этом предприятии повсюду», то это правильно. Возьмите, к примеру, Бирлу. Люди говорят: «Фабрика Бирлы». Называют его имя. Хотя Бирла — это конкретный человек и он не присутствует на этой фабрике лично, все говорят: «Фабрика Бирлы». Это значит, что там присутствует энергия Бирлы, его деньги. Если фабрика терпит убытки, страдает Бирла. Если фабрика работает успешно, прибыль идет Бирле. Поэтому на этой фабрике присутствует энергия Бирлы. Аналогичным образом все мироздание — это проявление Кришны. Все есть Кришна, Его энергия. Он представлен в Своей энергии. Это называется одновременным единством и различием, *ачинтья-бхеда-абхеда-таттва*.

Рассказывая о своей проповеди в Америке, Прабхупада упомянул, что Запад на девяносто девять процентов пребывает в *гунах* невежества и страсти. Хотя Америка — богатейшая на земле страна, ее молодежь, к ужасу родителей и правительства, становится хиппи. Таким образом, несмотря на богатство, они несчастны. Однако они готовы к тому, чтобы воспринять духовное знание.

— Такова беспричинная милость Господа Чайтаньи. Теперь вы сами видите, в каком экстазе эти юноши поют святое имя. Они сразу же поднимаются на трансцендентный уровень. Не только здесь, они поют везде — в каждом храме. Преимущество этих юношей и девушек в том, что у них в голове нет мешанины. Без всяких сомнений они соглашаются с тем, что Кришна — Верховная Личность Бога, и безоговорочно принимают наставления Господа Чайтаньи. Поэтому они прогрессируют. Им повезло, что их ум не забит всяческими измышлениями. Они оставили все прочие дела и поверили, что Кришна — Верховная Личность Бога. В Индии мы можем делать то же самое. Что нам мешает? Мы должны это делать. Просто примите как факт: *кршнас ту бхагаван свайам*^[18]. И предайтесь Ему.

Прабхупада отпраздновал День явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати в Горакхпуре. На утреннем собрании он сказал:

— Мы должны отмечать этот день и с огромным почтением молиться Бхактисиддханте Сарасвати Госвами: «Мы служим вам, поэтому дайте нам силу. Наделите нас разумом. Мы действуем под руководством вашего слуги». Так мы должны молиться. И я думаю, что вечером мы должны раздать *прасад*. Придет много гостей, и им можно будет раздать *прасад*.

Прабхупада сказал, что на подношение цветов в полдень нужно пригласить свободных членов и других друзей. Один из преданных спросил насчет пира.

Прабхупада: *Пир значит пури и халава, а также овощи и чатни. Этого достаточно — четыре блюда. Сделайте все просто.*

Тамала-Кришна: *Прабхупада! Хотите, мы приготовим пир для вашего Гуру Махараджи и днем предложим ему? Отдельный поднос с праздничным подношением?*

Прабхупада: *Не нужно отдельного подноса. Традиция такова, что все, предлагаемое Божеству, предлагается и гуру. А гуру предлагает своему гуру. Так это доходит до Кришны. Мы не предлагаем пищу Радхе-Кришне напрямую. Нет. У нас нет на это права. Да и Кришна так не примет. Для чего у нас стоят изображения ачарьев? На самом деле вы должны предлагать подношение духовному учителю, а он предложит своему гуру, который предложит своему... и так далее. Таким образом оно дойдет до Кришны. Так это делается. Вы не можете напрямую обращаться к Кришне или к предшествующим ачарьям. Это невозможно.*

В один из дней Прабхупада посетил Ханумана Прасада Поддара. Господин Поддар только что перенес тяжелую болезнь, но смог сесть и немного побеседовать с гостем. Редактор журнала «Кальян», Хануман Прасад Поддар славился своей религиозностью. Издательство «Гита пресс» печатало огромными тиражами «Бхагавад-гиту», которая стоила сущие копейки, так что даже бедный человек мог приобрести себе эту книгу. По всей Северной Индии в домах у благочестивых индусов, говоривших на хинди, на книжных полках обязательно стояли тома ведической классики, изданной в «Гита пресс». Господин Поддар подружился с Прабхупадой в 1962 году, когда тот приехал к нему в Горакхпур и показал свою рукопись первого тома «Шримад-Бхагаватам». Оценив важность этой работы, господин Поддар дал на нее положительный отзыв и тем самым помог Прабхупаде получить пожертвование на печать книги от делийского промышленника господина Дальмии. Теперь, почти десять лет спустя, Прабхупада показывал господину Поддару свои новые книги: «Кришна, Верховная Личность Бога», «Учение Шри Чайтаны», «Нектар преданности» и журнал «Бэк ту Годхед». Господин Поддар был впечатлен. Оба они выразили друг другу признательность за проделанную работу.

Сурьякант Фогла: *Хануман Прасад Поддар был моим дедом. Когда к нему приехал Прабхупада, он был сильно болен и лежал наверху, в постели. Есть вещи, которые невозможно объяснить словами, но они общались взглядами. Мой дед глазами выражал благодарность, любовь, уважение, и Прабхупада аналогичным образом отвечал ему. Те, кто был там, могли легко заметить и оценить, как они довольны друг другом. Там было много учеников Прабхупады, и все они при виде встречи и беседы этих двух великих, святых людей едва сдерживали слезы.*

Они говорили о духовном мире и восхваляет друг друга за славные дела. Мой дед говорил, что сделанное Прабхупадой незабываемо для всего мира, поскольку перенести нашу индийскую культуру в страны Запада — заслуга в этом полностью принадлежит нашему дорогому Прабхупаде. Он был единственным, кто смог вывезти за пределы Индии Радху-Кришну и святое имя, и сделал это так, как не удавалось никому до него и никому не удастся в будущем.

Поскольку господин Поддар был болен и слаб, примерно через полчаса Прабхупада уехал. Он провел в Горакхпуре две недели и теперь горел желанием отправиться в Бомбей. Оставив двух учеников поклоняться Божествам и развивать проповедь в Горакхпуре, Прабхупада уехал.

* * *

Новая штаб-квартира ИСККОН в Бомбее расположилась в четырехкомнатной квартире на седьмом этаже Акаш-Ганга-Билдинга. Арендная плата составляла около трех тысяч рупий в месяц, а постоянного дохода у преданных по-прежнему не было. Но, поскольку здание находилось в многолюдном и престижном районе, Прабхупада решил пойти на риск. Такая штаб-квартира была необходима ему как база для проповеди, которую он хотел развернуть в Бомбее, и следующим шагом в его проповеднической деятельности должна была стать грандиозная одиннадцатидневная программа в *пандале*.

— Когда вы выходите на охоту, — говорил Прабхупада, — то должны охотиться на носорога. В случае неудачи люди скажут: «Этого и следовало ожидать». Если же охота будет удачной, все удивятся. Никто не останется равнодушным.

Когда в январе Прабхупада созвал собрание свободных членов и спонсоров бомбейского ИСККОН, результат оказался неутешительным — пришло один или два человека. Да и те, услышав о грандиозных планах Прабхупады, засомневались. На фестиваль требовалось более ста тысяч рупий! Хотя некоторые сомневались, что преданные действительно сумеют организовать такую масштабную программу, впоследствии нашлись несколько смельчаков — Сададживатлал, Чандулал Бал, Карттикея Махадевия, Кайлаш Шекшария, Рамчанд Чабрия, Г. Д. Сомани и другие, — которые поклялись приложить все усилия, чтобы помочь собрать средства.

Когда Прабхупада рассказал преданным о своих планах устроить грандиозный праздник в *пандале*, им стало совершенно ясно, что вся их проповедническая деятельность держится исключительно на его вдохновении. Без него они никогда не решились бы на такое дерзкое предприятие, как предстоящий фестиваль в Бомбее. Часто «американских и европейских учеников» Прабхупады упоминали вместе с ним, как бы ставя их в один ряд, однако сами преданные всегда помнили о том, что они всего лишь неразумные

слуги, пытающиеся хоть чем-нибудь помочь настоящему чистому преданному Господа Кришны. Хотя Прабхупада ценил своих учеников, они понимали, что он является полномочным представителем Кришны. Он пользовался их абсолютным доверием и был звеном, соединяющим их с Кришной, все его слова и действия были насыщены духовной энергией. Кришна безграничен, и Шрила Прабхупада, самый близкий друг Кришны, был вправе требовать от них безграничного служения Кришне. В служении Кришне не было ничего невозможного. «„Невозможно“, — говорил Прабхупада, — слово из лексикона дураков».

Однако, когда Прабхупада рассказал им о своих планах, связанных с фестивалем в *пандале*, преданные засомневались. Сумеют ли они собрать деньги? Смогут ли они поставить такой огромный шатер? Где они возьмут столько продуктов? И кто приготовит столько *прасада*? Прабхупада только посмеивался над ними.

— Вы американцы, — сказал он, — но какой от этого прок, если вы не можете сделать ничего выдающегося?

Бомбейский *пандал*, говорил Прабхупада, открывает перед ними замечательные возможности, позволяя соединить американскую изобретательность с индийской духовностью. Он сравнил Америку и Индию со слепым и хромым. Порознь каждый из них совершенно беспомощен, но, объединив усилия, они смогут добиться успеха: слепой будет нести хромого на плечах, а хромой — указывать слепому путь. Америка, поглощенная материализмом и забывшая о Боге, подобна слепому. А Индия, пострадавшая от иностранных нашествий, нищеты и ложных толкований философии Вед, похожа на хромого. Америка — это технический прогресс и богатство, а Индия — духовное знание. Задача Движения сознания Кришны — соединить эти две силы и изменить мир к лучшему. Одним из практических шагов на этом пути должен был стать фестиваль в Бомбее.

Обязанности были распределены следующим образом: Тамала-Кришна занимался сооружением *пандала*, Мадхувиджа — разработкой программы фестиваля, а Шьямасундара — рекламой. Кроме того, Шьямасундара поручил Гирирадже заниматься сбором средств. Вдохновленный словами Прабхупады об «охоте на носорога», Шьямасундара организовал широкую рекламную кампанию с огромными афишами и протянутыми над улицами транспарантами, которые возвещали: «Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада и его американские и европейские ученики. Наука о Боге — лекции на английском языке. Раздача *прасада* и *бхаджаны* — фестиваль «Харе Кришна» на Кросс-Майдан с 25 марта по 4 апреля».

Гирираджа: *Шрила Прабхупада взял Бомбей штурмом. Весь город с волнением ожидал начала фестиваля «Харе Кришна». Мы развесили транспаранты на всех главных перекрестках города, все стены оклеили афишами, по несколько на каждой стене, дали огромные рекламные объявления в газете, с чудесной фотографией Шрилы Прабхупады, стоящего на фоне земного шара, и подписью: «Беседы о бхагавата-дхарме. Фестиваль*

«Харе Кришна». Всемирно известный проповедник культа бхакти, Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами».

День ото дня рекламная кампания набирала силу, и каждый день происходило что-то новое. Наконец за два дня до фестиваля мы установили огромный щит у вокзала Виктория, в самом оживленном месте в центре Бомбея. К этому времени в Бомбее уже не осталось ни одного человека, который не знал бы о фестивале. Каждый бомбеец знал, где и когда он будет проводиться, поэтому на щите огромными буквами были написаны только два слова — «Харе Кришна». К тому времени все уже всё знали, так что этого было вполне достаточно, два огромных слова — «Харе Кришна».

Затем Шьямасундара раздобыл огромный воздушный шар, наполненный гелием, и закрепил его на длинной веревке на Кросс-Майдан. Воздушный шар парил над городом, и к нему был прикреплен вымпел с надписью: «Фестиваль „Харе Кришна“». Это была чисто американская изобретательность, чисто американский размах.

Вдохновленные инициативой Шьямасундары, преданные загорелись духом состязания и с огромным энтузиазмом принялись за работу в своих направлениях. Прабхупада взялся за организацию этого фестиваля, еще находясь на Ардха-Кумбха-меле, а теперь советовал ученикам остерегаться обмана в сделках. Каждый вечер преданные отчитывались перед ним, и он подробнейшим образом расспрашивал их обо всем, что случилось за день. Он хотел, чтобы все было самого высокого уровня: качество работы, цена. Он хотел знать все. Будет ли кухня? Все ли преданные работают в полную силу? Всех ли внесли в список приглашенных? Разосланы ли приглашения? Как насчет уборных? Во сколько обошлась усилительная аппаратура? Острым и критичным умом он исследовал каждую деталь.

Успешно продвигалась работа по сбору средств, за которую отвечал Гирираджа. Он собрал много пожертвований с бизнесменов и напечатал для них памятный буклет. Затем Тамала-Кришна сделал его ответственным за организацию программы в пандале, и практически все связанные с этим обязанности легли на плечи Гирираджи. Через несколько дней, переутомившись, Гирираджа пришел к Прабхупаде, чтобы найти у него утешение. Он сказал, что Тамала-Кришна отказывается помогать ему. Прабхупада велел передать Тамала-Кришне, что, если тот не будет помогать Гири-радже, того освободят от обязанностей по организации программы. Тогда же Гирираджа спросил о применении силы: он часто видел, как преданные кричат на наемных рабочих, а иногда даже толкают их. Прабхупада ответил:

— Силу мы применять не можем. Но мы можем применить хитрость.

И он рассказал историю.

Один мальчик терпеть не мог арифметику. Когда учитель пытался научить его считать, мальчик упрямо отказывался слушать. Потом учителю в голову пришла идея. Он нарисовал на доске трех коров и быка и спросил мальчика:

— Если у хозяина три коровы и один бык, а он покупает еще двух быков, сколько всего у него будет животных?

Учитель нарисовал еще двух быков.

— А потом он продает одну корову и одного быка. Сколько останется?

Так постепенно учитель добился того, что мальчик начал складывать и вычитать. Вдруг один из друзей мальчика догадался:

— Как ты не понимаешь? Он же хитростью заставил тебя учить арифметику!

— Арифметику? — ответил мальчик. — Да я терпеть не могу арифметику!

И больше, как учитель ни старался, он не мог добиться от него ответов.

Этой историей Шрила Прабхупада показал, что некоторым людям не нравится служить кому бы то ни было, и они всячески уклоняются от этого. Преданные не могут заставить их служить, но могут пойти на какую-нибудь уловку, чтобы побудить их к служению. Так все получают благо.

Прабхупада заказал в Джайпуре две пары больших Божеств из белого мрамора (на пожертвование, сделанное Р. Д. Бирлой). Одну пару должны были установить в бомбейском храме, другую же поставить для поклонения в *пандал*, а после завершения фестиваля выслать в один из храмов на Западе. Но преданные беспокоились о том, будут ли Божества закончены и доставлены к сроку. Были у них и другие причины для беспокойств. Сооружение *пандала*, раздача *прасада*, сидячие места, звук — до самого открытия фестиваля трудно было сказать, будет ли все это готово в срок и хватит ли на все денег. Но, направляемые в своих действиях Прабхупадой, преданные работали спокойно и с твердой верой в Кришну.

И им сопутствовал успех. Днем, на открытие фестиваля, пришло десять тысяч человек, и двадцать тысяч было вечером. Преданных, включая тех, кто только что приехал с Запада, было около сотни, но огромная сцена легко вмещала всех и каждому позволяла свободно танцевать в *киртане*. На сцене, на великолепном алтаре с золотыми куполами, утопая в цветах, стояли Радха и Кришна. В центре сцены возвышалась большая красная *вьеса-асана* с балдахинном, предназначенная для Прабхупады. Кроме того, на сцене находился стенд с его книгами. Высокий и просторный *пандал*, вмещавший более тридцати тысяч человек, освещался рядами ламп дневного света, а сцена сияла разноцветными пульсирующими огнями.

В программе были *киртан*, *прасад*, лекция и слайды, потом снова *киртан* и снова *прасад*. Несмотря на свою образованность и стремление подражать Западу, бомбейцы в глубине души были преданными и пришли в восторг от всего этого — от Радхи и Кришны, от *киртана*, от *прасада*. Особенную привлекательность *пандалу* придавало то, что организаторами и участниками программы были жители Запада.

Повара готовили *прасад* там же, на территории *пандала*. Они готовили на каменном угле, помещивая большими веслами в двухметровых чанах *кичри* и *халаву*. Каждый вечер преданные раздавали тысячи порций.

Кульминацией каждого вечера было появление в *пандале* Прабхупады. Он садился на свою *вьеса-асану*, маленькая Сарасвати выходила и надевала ему на шею гирлянду, а толпа бурно аплодировала. Обычно он ждал, пока народ успокоится, но этого никогда не случалось. Поэтому он просто начинал говорить, и его голос звенел, усиленный мощными динамиками. Бизнесмены в белоснежных рубашках со своими холеными женами, которые пели вместе со всеми *мантру* Харе Кришна, теперь молча внимали ему.

Сосредоточенно полуприкрыв глаза, Прабхупада обращался к толпе — самой большой из всех, перед которыми ему доводилось выступать. Прославляя Кришну и критикуя Его врагов, он говорил с особой силой. Он обличал правителей, не обладающих сознанием Кришны, и гуру, не поклоняющихся Кришне. Он подчеркивал необходимость распространения учения Кришны по всему миру, а его духовные братья из бомбейского Гаудия-матха сидели и почтительно слушали.

— Вы видите своими глазами, что люди по всему миру признают эти принципы «Бхагавад-гиты», согласно которым Кришна — Верховный Господь. Все эти юноши и девушки, которые сейчас танцуют в сознании Кришны, — еще четыре года назад они ничего не слышали о Кришне. Конечно, некоторые из них были знакомы с «Бхагавад-гитой», поскольку «Бхагавад-гита» — произведение, широко известное. Но несмотря на то, что в последние сто или двести, или даже больше, лет «Бхагавад-гиту» читают по всему миру, ни один человек не стал благодаря этому *бхактой* Кришны. Все потому, что ее излагали не так, как нужно. Однако с тех пор, как «Бхагавад-гиту» объясняют «как она есть», всего за четыре года, в мире появилось сотни и тысячи *бхакт* Кришны. Такова суть нашей деятельности — представлять все таким, как оно есть, не давая никаких ложных интерпретаций... Такова наша миссия. Такова индийская культура. Люди тянутся к этой культуре, культуре Кришны. Поэтому вы должны научиться излагать «Бхагавад-гиту» как она есть. И тогда благодаря культуре Кришны Индия завоюет весь мир. Можете не сомневаться. Но нам не терпится получить от других помощь. Наше правительство едет в Америку: «Пожалуйста, дайте нам пшеницу. Пожалуйста, дайте нам денег. Пожалуйста, дайте нам солдат». Это просто попрошайничество. Но у нас есть то, что мы можем им дать. Просто побираясь, вы не делаете чести своей стране.

Гирираджа: *Прабхупада проповедовал жителями Бомбея так энергично и убедительно, что послушать его каждый вечер собиралось по меньшей мере двадцать тысяч человек. Шрила Прабхупада говорил, вкладывая в проповедь всю свою силу. При этом он особенно подчеркивал необходимость строго следовать принципам религии. Он знал, что собравшиеся здесь люди — индусы, но они не следовали принципам собственной религии. Прабхупада говорил с необыкновенным напором, и я видел: то, о чем он говорил, многим из собравшихся будет очень трудно принять.*

— У нас есть что дать миру. Это — сознание Кришны... Почему вы пренебрегаете этим сокровищем ведической мудрости? Суть Вед изложена в

«Бхагавад-гите». Поэтому если мы просто попытаемся понять «Бхагавад-гиту» как она есть, мы тотчас же постигнем науку о Боге. Поскольку мы — неотъемлемые части Бога, мы стремимся соединиться с Богом. Именно этого мы ищем. *Анандамайо 'бхйасат*. Бог — *анандамайя* [исполнен блаженства], и мы, будучи неотъемлемыми частями Бога или Кришны, тоже *анандамайя*. Но мы ищем *ананду* [блаженство] в другом месте, в материи. Поэтому мы терпим неудачу. Единственный выход — принять сознание Кришны, тогда вы будете счастливы. Итак, долг каждого индийца — понять эту науку.

Гирираджа: *В то время я думал, что, если бы Прабхупада захотел польстить аудитории или поступиться чем-либо в своей философии, он мог бы собрать миллионы последователей. Но поскольку он проповедовал так смело и напористо, так бескомпромиссно, публике это не всегда нравилось: это было слишком сильным ударом по их чувственным удовольствиям и их сантиментам.*

— Это наука. Это не догма и не пустой звук. Это наука, поведенная Самим Господом и постигнутая всеми *ачарьями*. Кришна говорит: *ачарйопасанам* — мы должны постигать эту науку при помощи *ачарьев*. *Ачарйаван пурушо веда*: тот, кто не следует по стопам *ачарьев*, не может ничего понять. Кришна также говорит: *тад-виджнанартхам*. Так говорится в «Катхопанишад»: *тад-виджнанартхам са гурум эвабхигачхет*. Кришна говорит: *тад виддхи пранипатена парипрашна севайа*. Итак, везде дается одно и то же наставление: «Обратись к тому, кто стоит в цепи ученической преемственности — *эвам парампара-праптам*, — и попытайся постичь „Бхагавад-гиту“ как она есть». Тогда ваша жизнь станет возвышенной и увенчается успехом. Такова наша миссия.

Гирираджа: *Люди были без ума от Прабхупады и ИСККОН. Однажды вечером мы показывали слайды, снятые на Ратха-ятре в Сан-Франциско, и это привело публику в неопиcуемый восторг. Когда же Прабхупада объявил перед десятитысячной аудиторией о том, что собирается устроить Ратха-ятру Джаяганнатхи в Бомбее, зал разразился шумной овацией.*

Каждый день праздник в *пандале* заканчивался триумфом. Туда приходили самые влиятельные граждане Бомбея, и все происходящее производило на них огромное впечатление. Кросс-Майдан был очень удачно расположен: он прилегал к главному деловому району города. Поэтому для сотен тысяч бомбейцев было достаточно легко добраться после работы до *пандала* и присутствовать на вечерней программе. Одни приходили, чтобы послушать лекцию и глубже понять философию преданного служения, другие приходили в основном для того, чтобы взглянуть на Божества, попробовать *прасад* или послушать *киртан*. В любом случае А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада и преданные «Харе Кришна» внесли свежую струю в жизнь города. Фестиваль стал крупнейшим событием в Бомбее.

В один из вечеров Прабхупада на глазах у нескольких тысяч зрителей провел ведическую церемонию бракосочетания и обряд духовного посвящения. В брак вступали Вегаван, преданный из Швеции, и Падмавати

даси из Австралии. Оба совершенно очаровали публику: она в нарядном красном сари, с индийскими украшениями и даже с кольцом в носу, а он — в новеньком белоснежном *дхоти* и *курте*, с обритой головой. Одновременно с ними получили духовное посвящение шесть брахмачари.

Гирираджа: *На публику все это произвело очень сильное впечатление. Прежде всего, их поразил сам вид иностранных преданных, иностранных садху, которые к тому же на глазах у десяти тысяч человек получали духовное посвящение и даже проходили обряд бракосочетания — для бомбейцев это было сенсацией. Во время церемонии Шрила Прабхупада объявил юношу и девушку мужем и женой и упомянул при этом, что она из Австралии, а он — из Швеции. Сказав это, он заключил: «Вот это и есть настоящая Организация Объединенных Наций». Раздался взрыв аплодисментов. Это была волшебная, удивительная программа!*

В последний вечер фестиваля преданные понесли Божества Радхи и Кришны на паланкине к берегу океана. Там Прабхупада прочитал лекцию и провел *киртан* перед двадцатью пятью тысячами людей.

На следующий день «Индиан экспресс» сообщала:

ДОСТОЙНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ФЕСТИВАЛЯ «ХАРЕ КРИШНА» Это было великолепное, достойное закрытие одиннадцатидневного фестиваля «Харе Кришна», который собирал на Кросс-Майдан в южном Бомбее тысячи преданных.

Вечером украшенные *мурти* Радхи и Кришны торжественно пронесли в роскошной *ратхе* по шоссе Диргаум от *пандала* до Чоупатти.

Процессию возглавляли десятки *мандал нама-санкиртаны* со всего города, с громким восторженным пением *маха-мантры* Харе Кришна, а за ними, в элегантной карете, запряженной лошадьми, ехал Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Пока преданные везли *ратху* по шоссе, толпы людей по обе стороны дороги пели «Харе Кришна».

В Чоупатти метровые Божества в ослепительных одеждах, украшенные драгоценными камнями и гирляндами, были установлены на величественную *симхасану* (трон), пожертвованную движению «Харе Кришна» храмом Мадхав-Бауг и храмом Мумбадеви.

Во время праздника Прабхупада каждый день, утром и вечером, читал лекции по «Гите» и «Шримад-Бхагаватам». В шатрах, разбитых специально для праздника, более тридцати иностранных учеников Прабхупады проводили *киртан*, *арати* и показывали фильмы.

Через несколько недель Прабхупада обратится к жителям Бомбея со своей последней публичной речью. После этого он намеревался отправиться в проповедническое турне по крупнейшим городам России.

Фестиваль «Харе Кришна» должен был надолго остаться в памяти бомбейцев, и в своем письме свободным членам ИСККОН Прабхупада уверяет, что это только начало.

По милости Их Светлостей Шри Шри Радхи и Кришны, наш недавний фестиваль на выставочной площади Кросс-Майдан прошел с огромным успехом, и в Бомбее довольно ощутимо возродился дух *бхакти*. Я хотел бы передать всем вам свои особые благословения за то, что вы объединились с нами в служении.

Как вы, возможно, знаете, я планирую открыть в этом благоприятнейшем из городов уникальный образовательный центр сознания Кришны, где сотни людей из других стран смогут обучаться ведическому образу жизни. Одновременно с этим центр будет готовить индийских юношей и девушек для *прачара* (проповеднической деятельности) в зарубежных странах. Мы построим классы, мастерские, общежития, кухню для массовой раздачи *прасада*, лекционный зал, библиотеку и прекрасный храм для прославления Радхи и Кришны.

Сейчас мы стоим на пороге осуществления этого важного проекта и очень рады сообщить вам, что в этом направлении уже достигнут некоторый прогресс.

Вы согласитесь со мной, что этот проект напрямую зависит от вашего активного и непосредственного участия, поэтому я умоляю вас уделить свое драгоценное время Кришне и, несмотря на свою крайнюю занятость, счесть своим долгом поспособствовать этому делу. Есть предложение провести собрание в понедельник, 26 апреля 1971 года, в шесть тридцать вечера по адресу: Акаш-Ганга, седьмой этаж, шоссе Бхулабхай-Десай, дом номер 89, Бомбей-26. На встрече мы обсудим планы и придадим им окончательную форму, чтобы направить наши объединенные усилия на достижение цели. Для преданных Кришны, единомышленников, это также будет хорошей возможностью встретиться, получить *даршан* Божеств и поделиться своими идеями и советами, как ускорить свой прогресс в духовной жизни.

Я очень хочу снова встретиться с вами, поэтому, пожалуйста, не считите за труд посетить нашу встречу; чтобы распространить сознание Кришны среди миллионов и миллионов наших дремлющих братьев и сестер, нам еще многое предстоит сделать!

Сам факт, что такое множество людей признает истинность ИСККОН и движения *санкиртаны*, доказывал, что Шрила Прабхупада представлял учение Господа Кришны как оно есть, без искажений. Его учение не было сектантски замкнутым, а предназначалось для каждого гражданина мира. Он учил любви к Кришне — универсальному принципу, имеющему значение для всего человечества. В своих лекциях в *пандале* он сокрушался, что, хотя Индия известна как колыбель религии, где испокон века сознание Бога пронизывает все общество, лидеры Индии становятся атеистами и коммунистами. Трудно было сказать, смогут ли индийцы, испорченные жаждой чувственных наслаждений и сбитые с толку всевозможными псевдорелигиозными учениями, отличить истину от обмана и придерживаться ее. Однако, по

крайней мере, в Бомбее эта программа в *пандале* прошла с огромной отдачей, и Прабхупада был доволен.

Программа Прабхупады в Бомбее оставалась той же, что и везде: пение, танцы, *прасад*, поклонение Божествам, слушание о Кришне. Это была программа Самого Господа Чайтаньи, хоть и слегка приспособленная к местным условиям. *Санкиртана* была единственным действенным лекарством от болезней современного общества. И все же многие принимали его неохотно. Поэтому Прабхупада как бы наклеил на пузырек привлекательную этикетку: «Праздничное представление! Музыка! Буфет! Гвоздь программы — молодые вайшнавизмы из Америки и Европы!» — хотя само лекарство оставалось тем же.

Этикетка была простая, и в ней не было никакого обмана; в Бомбее все прекрасно знали, что фестиваль «Харе Кришна» в *пандале* был плодом их собственного ведического наследия. Они прекрасно понимали, что лидер движения «Харе Кришна» был великим *ачарьей*, принадлежащим к древней традиции. Но всё это предстало перед ними в таком зрелищном и привлекательном виде, что бомбейцы были покорены.

Мадхувиджа: *Никто не думал, что Прабхупада уедет из Индии. В Индии все Движение держалось на нем одном. Он был его движущей силой. Все происходило только благодаря ему. На Западе Прабхупада давал идею, а преданные работали над ее воплощением; Прабхупада лишь наблюдал, но сам не принимал в проектах настолько активного участия. Но в Индии Прабхупада был в самой гуще событий. Он проверял счета. Он был настолько вовлечен в индийские проекты, что Риши-Кумара, бомбейский казначей, каждый день ходил к Прабхупаде и показывал ему документы. Он активно участвовал во всем. Все Движение в Индии держалось на Прабхупаде. Поэтому никто и не предполагал, что Прабхупада и вправду оставит нас.*

34 Паривраджакачарья реактивного века

Май 1971 года

ШРИЛА ПРАБХУПАДА готовился совершить длительное кругосветное путешествие. Хотя маршрут еще не был определен окончательно, Прабхупада собирался в течение нескольких месяцев посетить целый ряд стран, после этого совершить турне по США, затем поехать в Лондон, а оттуда вернуться в Индию. Некоторое время назад он отправил учеников проповедовать в Австралии и Малайзии и теперь решил поехать туда сам. Он также хотел съездить в Москву и ждал визу и официальное разрешение от советского правительства. Сначала он распространял свое Движение в Америке, посещая самые крупные города страны и проповедуя; там он оставил несколько верных учеников, которые должны были продолжать его дело, и теперь намеревался распространить поле своей деятельности на весь мир.

Шрила Прабхупада путешествовал в настроении Нарады Муни, вечного странника и великого преданного. В Первой песни «Шримад-Бхагаватам» Шрила Прабхупада так перевел его слова:

«Я странствовал по всей Земле, полностью удовлетворенный, смиренный и независтливый... С тех пор по милости всемогущего Вишну я беспрепятственно путешествую и в трансцендентном мире, и в трех сферах материального мира. Это доступно мне благодаря тому, что я непоколебим в своем непрерывном преданном служении Господу. Так я странствую и постоянно пою трансцендентное послание, прославляющее Господа, играя на этой *вине* — инструменте, подаренном мне Господом Кришной и исполненном трансцендентных звуков».

В своих комментариях к «Бхагаватам» Шрила Прабхупада объясняет:

Долг странствующего монаха (*паривраджакачарьи*) — познать творение Бога во всем его разнообразии, путешествуя в одиночестве по лесам, горам, городам, деревням и т. д., чтобы обрести веру в Бога и силу ума и нести людям свет послания Бога. *Санньяси* обязан без страха подвергать себя всем этим опасностям. Образец *санньяси* нынешней эпохи — Господь Чайтанья, который странствовал таким образом по джунглям Центральной Индии, даруя просветление даже тиграм, медведям, змеям, оленям, слонам и другим животным.

В век Кали, объяснял Прабхупада, *санньяса* особенно трудна...

И тому, кто отрекся от семейной жизни, не стоит имитировать таких *паривраджакачарьев*, как Нарада или Господь Чайтанья. Он может расположиться в каком-нибудь святом месте и отдавать все свое время и энергию слушанию и повторению священных писаний, оставленных такими великими *ачарьями*, как шесть Госвами Вриндавана.

При этом сам Прабхупада путешествовал именно как странствующий монах-миссионер, *паривраджакачарья*. Находясь на том высоком уровне, на котором человек, отрекшийся от мира, может просто жить во Вриндаване, постоянно слушая и повторяя священные писания, сейчас он путешествовал, делая это ради блага всего мира. Подобно Нараде, он странствовал по всему миру. Как удачно выразился один индийский корреспондент, он был «*паривраджакачарьей* реактивного века».

Несколько *брахмачари*, не так давно получившие у Шрилы Прабхупады посвящение, уже несколько месяцев проповедовали в тропиках, в Западной Малайзии. Удача улыбалась им: в Малайзии жило порядка миллиона индийцев, многие из которых были богатыми и влиятельными людьми. Во время одной из программ в Куала-Лумпуре, в индуистском храме, один врач из Южной Индии и его жена, юрист по профессии, выразили преданным свою признательность и в качестве пожертвования ИСККОН предложили им дом и землю. Приехав на место и убедившись, что предложение серьезно, преданные сообщили об этом Прабхупаде, и он тут же решил их навестить.

В сопровождении своего ученика Вегавана Прабхупада вылетел из Бомбея в Куала-Лумпур. Поскольку следующим городом, который он намеревался посетить, был Сидней, где в новом храме планировалось провести церемонию установления Божеств Радхи-Кришны, он вез Божества с собой — тех самых Радху и Кришну, которым поклонялись в бомбейском *пандале*. Господь Кришна ехал в багажном отделении, в деревянном ящике, а Шримати Радхарани, завернутая в ткань, находилась на коленях Вегавана. Вскоре после прибытия в Куала-Лумпур Прабхупада уже сидел перед большой аудиторией в доме своих гостеприимных хозяев и читал лекцию.

Я очень рад сообщить вам, что мы быстро добрались до Малайзии, и по приезде нас ожидал замечательный прием, после чего мы выехали за город. Вчера весь день я был очень занят.

Два дня Прабхупада гостил в доме богатого куала-лумпурского торговца, по происхождению — синдхи. Дом у купца был большой и роскошный, с толстыми коврами и большими зеркалами. Но когда Прабхупада узнал, что хозяева едят мясо, он отказался есть в их доме что бы то ни было, кроме фруктов и молока, хотя ученики сами были готовы для него стряпать. Путешествуя по Малайзии, ученики считали, что принимать пищу в домах мясоедов допустимо, если готовить *прасад* в посуде, в которой не готовилось мясо. Но у Прабхупады были более строгие требования.

В одной из комнат дома размещалась большая коллекция мраморных Божеств; здесь рядами стояли около пятидесяти пар Божеств Лакшми-Нараяны и Радхи-Кришны. Однако видно было, что Божества здесь — скорее музейные экспонаты, нежели объекты почитания, поэтому на Прабхупаду коллекция не произвела особого впечатления.

Прабхупада читал лекции в здании ратуши и в храме Лакшми-Нараяны, в основном для индийцев. Он объяснял, что люди могут объединиться лишь на духовной основе.

— Посмотрите на ООН, — сказал он. — У них все больше и больше флагов. А в мире все больше войн. Движение сознания Кришны — вот что будет настоящим ООН.

Прабхупада привез с собой слайды о деятельности ИСККОН и попросил одного из учеников прокомментировать слайд-шоу, время от времени подсказывая, что говорить. Когда появился кадр с лондонской Ратха-ятрой на Трафальгарской площади с ее колонной Нельсона, Прабхупада подсказал преданному:

— Нет больше лорда Нельсона. Теперь будет Лорд Джаганнатха.

Встретившись с четой, предлагавшей им в дар землю, Прабхупада выяснил, что договор содержит несколько важных условий. Врач и его жена сказали, что они отдадут ИСККОН большой участок земли рядом с главной автомагистралью и что возведением храма займется их строительная компания. Однако если за эти два года компания не закончит строительство, врач с женой заберут землю обратно. Прабхупада всегда был готов рассматривать серьезные предложения о пожертвовании земли, поэтому принял договор, даже с этими оговорками. Но он знал, что у таких предложений обычно слишком много условий. Врач и его жена уже намекнули, что управлять храмом будут «индийские брахманы», а ИСККОН отведут лишь алтарь с краю.

Как-то вечером Прабхупада беседовал с этим врачом (тот был гинекологом), и разговор зашел о контроле рождаемости. Прабхупада объяснил, что это греховно, и привел пример. Если кто-то отравит воздух в комнате, где они с врачом сидят, то у них выбор: либо покинуть комнату, либо умереть. Аналогичным образом, объяснил Прабхупада, использовать противозачаточные средства — значит отравлять чрево, лишая душу прибежища, принадлежащего ей по праву.

Врач, как и хозяин дома, в котором остановился Прабхупада, ел мясо, хотя преданные настойчиво уговаривали его от этого отказаться. Прабхупада был мягок.

— Попробуйте прекратить есть мясо, — просил он.

Встреча состоялась в *экадаши*, и Прабхупада решил полностью воздержаться от еды, вновь демонстрируя свое крайнее нежелание принимать пищу в доме человека, употребляющего мясо.

Сидней

9 мая 1971 года

В Сиднее Прабхупаду не ждали. Первая телеграмма, которую они получили, сообщала, что он приезжает, но в следующей говорилось, что «приезд Прабхупады откладывается». Затем пришла третья телеграмма, в которой сообщалось о приезде Бали-Марданы, секретаря Джи-би-си в Австралии. Поэтому, получив четвертую телеграмму с одним только словом — «Приезжает», датой и номером рейса, преданные решили, что речь идет о Бали-Мардане, а не о Прабхупаде. Взяв с собой небольшую гирлянду, преданные поехали в аэропорт. Когда же двери таможенной зоны открылись и оттуда вышел сам Прабхупада, они остолбенели от изумления.

С белым дипломатом в левой руке и тросточкой в правой, в легком чадаре, наброшенном на плечи, Шрила Прабхупада вошел в здание аэропорта. Репортеры, приготовившиеся взять интервью у Бали-Марданы, бросились вперед, один из них спросил, зачем Прабхупада приехал в Австралию.

Прабхупада тихо ответил, что он, подобно коммивояжеру, ездит повсюду. Коммивояжер разыскивает покупателя везде, где только можно, и Прабхупада путешествует по всему миру в поисках людей, достаточно разумных для того, чтобы воспринять его философию.

— Не имеет значения, куда я приехал, — в Австралию или куда-то еще, — сказал он. — Границы устанавливают правительства: «Это — Австралия», но для нас весь мир — земля Кришны.

Один из преданных, встречавших Прабхупаду в аэропорту, бросился звонить в храм. Прабхупада едет!

Сиднейский храм, как и самый первый храм ИСККОН в Нью-Йорке на Второй авеню, 26, представлял собой бывший магазинчик в нижнем этаже дома на главной деловой улице города. На зеркальной витрине магазинчика один из преданных нарисовал Радху и Кришну. Прабхупада вошел в комнату и обнаружил, что в ней нет ничего, кроме простого деревянного алтаря с восьмисантиметровыми Божествами Джаганнатхи и большой, обтянутой тканью *вьяса-асаны*. Пол был покрыт старым ковром. В комнате висел синеватый дымок — это в подвале, на кухне, какой-то преданный неистово жег семена тмина, чтобы приправить обед Прабхупады.

Сохраняя серьезное молчание, Прабхупада не спеша направился к задней двери, чтобы заглянуть во двор. Когда он увидел у стены груды мусора и досок, серьезность на его лице сменилась суровостью.

— Что это такое? — спросил он.

Кто-то попытался объяснить. Прабхупада объяснением не удовлетворился.

Преданный принес стакан молока.

— Слишком горячее, — сказал Прабхупада, и преданный с молоком ушел.

Прабхупада сел на большую *вьяса-асану* и обвел взглядом комнату, всматриваясь в лица. Никто из полутора десятков местных преданных никогда раньше его не видел, и лишь некоторые из них получили посвящение (по

почте). Они ничего толком не умели. Ковер грязен, сказал он; его нужно заменить. Почему на алтаре нет цветов? Он привез Божества Радхи и Кришны, но прежде чем преданные смогут Им поклоняться, все должно стать безупречно чистым. До того как начать поклоняться Радхе и Кришне, преданные должны стать *брахманами*.

Прабхупада увидел, что австралийские преданные практически ничего не знают о сознании Кришны. Первые приехавшие в Австралию преданные, Упендра и Бали-Мардана, открыли центр и уехали, бывая там только изредка. Таким образом, австралийский храм населяли неопытные преданные, которые фактически были предоставлены самим себе. Поскольку никто из сиднейских преданных не умел как следует читать лекции, то на лекциях преданные читали сокращенное издание «Бхагавад-гиты как она есть» — единственную книгу Прабхупады, которая у них была. Однако их непоколебимая вера в Прабхупаду восполняла недостаток опыта.

Они считали его чистым преданным, непосредственно связанным с Богом, принимали его книги как непреложную истину, а Кришну — как Верховную Личность Бога. Но многих практических вещей они просто не знали — не знали, как готовить *прасад*, как читать лекции, как поклоняться Божествам. Они знали, что Прабхупада хочет, чтобы они пели *мантру* Харе Кришна и распространяли журнал «Бэк ту Годхед» на улицах Сиднея, и делали это каждый день. Несмотря на частые аресты, они продолжали заниматься *санкиртаной*. У них была искренность, им не доставало только практической подготовки.

Преданный принес Прабхупаде обед. Приготовлено было ужасно: *чапати* наполовину подгорели, наполовину остались сырыми, овощи приправлены не так, как надо. Прабхупада отругал повара:

— Если не умеешь готовить, почему не сказал мне? Я бы научил.

Он пошел на кухню. Одна преданная пыталась там приготовить *качори*, но у нее ничего не выходило. Хотя технологию она знала — тесто раскатывать тонко, начинку класть точно в центр, а концы ровно слепить друг с другом, — ни у нее, ни у других сделать *качори* не получалось. Прабхупада, взяв те же тесто и начинку, продемонстрировал искусство приготовления идеального *качори*.

Преданные пожаловались, что им трудно делать *чапати*. У них не было открытого огня, только электроплитка. *Чапати* всегда получались либо сухими, либо сырыми или подгорелыми и никогда не вздувались. Однако попытки преданных оправдаться только раздражали Прабхупаду, и он показал, как даже на электрической плитке можно испечь настоящие *чапати*. У него они прекрасно вздувались. Затем, комментируя свои действия, он показал поварам, как готовить простое овощное блюдо. После того как он вышел из кухни, преданные снова попытались сделать *чапати*. Они не вздулись. Казалось, только Прабхупада владеет этим магическим искусством.

На то, что Шрила Прабхупада привез в Австралию Радху и Кришну, имелись свои причины — одни были очевидны, другие столь сокровенны, что только сам он да Радха с Кришной могли их понять. Конечно, он всегда стремился расширить свое Движение, а поклонение Божествам играло в его Движении не последнюю роль. Такова была одна из причин: сделать местных преданных более стойкими и укрепить Движение сознания Кришны в Австралии.

И кроме того, Прабхупада очень любил эти Божества. Они возглавляли торжества в бомбейском *пандале*, а когда программа заканчивалась, он забирал Их к себе в комнату, где мог весь день лично служить Им. Он привез Их из Бомбея в Сидней через Малайзию и теперь намеревался установить Их в этом недавно открывшемся центре ИСККОН. Бесконечная чистота его сердца и его глубокая решимость пойти на любой риск ради Шри Шри Радхи-Кришны непостижимы. Все, что делал Шрила Прабхупада, было настолько серьезным, что стороннему наблюдателю не под силу было постичь внутренний смысл его поступков. Кришнадас Кавираджа писал о Господе Чайтанье: «Я не понимаю глубинный смысл деяний Шри Чайтаньи Махапрабху. Я лишь пытаюсь описать их внешнюю сторону».

Когда Прабхупада приехал в храм, чтобы провести церемонию посвящения и установить Божества, преданные не подготовились к этому должным образом. Алтарь, практически пустой, украшала лишь одна маленькая ваза с цветами, а гирлянд для Божеств преданные не сделали. Прабхупада был недоволен. Однако маленький храм был забит до отказа, гости и преданные толпились у открытых дверей и заглядывали в окно с улицы. Группа операторов с телевидения, включив софиты, снимала происходящее на пленку.

Пока преданные в спешке делали гирлянды, Прабхупада провел церемонию посвящения, в которой участвовали пятнадцать человек. Некоторым он давал первое посвящение, некоторым второе, а некоторым сразу оба. Затем он с любовью омыл Радху и Кришну и провел огненное жертвоприношение. Одевая Божества, он сделал замечание, что одежды изготовлены плохо и преданные должны немедленно сшить новые. Он дал Божествам имена Шри Шри Радха-Гопинатха.

Вайбхави: Он дал посвящение всем, кто был в храме, даже парню, который жил с нами меньше недели, а узнал о сознании Кришны за неделю до того, как переехал в храм; посвящение получили даже те, кто не жил в храме, буквально все, кто был там и занимался хоть каким-то служением. Прабхупада хотел, чтобы сознание Кришны утвердилось в Австралии, и потому давал посвящение всем подряд. Он давал одновременно первое и второе посвящение, так как после установления Божеств в храме должно быть хотя бы несколько брахманов.

Тогда мы совсем ничего не знали. Мы просто были еще не готовы к этому. Даже алтарь был не закончен. Прабхупада объяснил мне, что мы должны

сделать для Божеств гирлянду из цветов. Я сбилась с ног в поисках цветов и нитки для гирлянды.

То же самое повторилось со священными шнурами. Священных шнуров у нас не было. При посвящении в брахманы Прабхупада должен был дать мужчинам священные шнуры, но никто из нас не знал, что это такое. Поэтому мне пришлось сбегать и купить моток какой-то бечевки, и, пока Прабхупада проводил обряд, я сидела в стороне и делала священные шнуры по образцу того, который снял с себя Бали-Мардана.

Я сделала пять шнуров, и тут пришла моя очередь. После жертвоприношения, когда я вышла из комнаты Прабхупады, где он дал мне мантру гаятри, преданные сказали мне:

— Теперь ты брахман, поэтому ты тоже должна носить священный шнур.

Они сказали, чтобы я сделала его сама, но я не стала, так как кто-то вспомнил, что женщинам носить шнур не полагается. Мы тогда практически ничего не знали.

В Сиднейской классической школе, элитном учебном заведении для мальчиков, Прабхупада, во главе процессии, состоящей из его последователей, двухсот учащихся и нескольких преподавателей, прошел с киртаном по школьному двору. Одни дети обезьянничали и смеялись, другие пели мантру, а третьи молча следовали за процессией. Учителя с улыбкой наблюдали за шествием. Киртан завершился в большом зале, в котором были в ряд расставлены стулья. Прабхупада сел в изящное, резное, похожее на трон кресло директора школы, стоящее в центре зала, и заиграл на караталах, продолжая петь «Харе Кришна». Заметив, что подпевают всего лишь несколько школьников, он остановился и оглядел сидящих перед ним детей.

— Ну-с, все вы замечательные ребята. Почему вы не поете с нами «Харе Кришна»? Разве это трудно? Неужели вы не хотите попробовать? «Харе». Скажите: «Ха-ре».

— Харе, — раздалось несколько голосов.

Прабхупада: Все пойте: «Харе».

Дети (слабыми голосами): Харе. (Некоторые захихикали.)

Прабхупада слово за словом повторил вместе с ними всю мантру. Но некоторые дети по-прежнему молчали.

Прабхупада: Всего лишь три слова: «Харе», «Кришна» и «Рама». Разве трудно? Еще раз — «Харе».

Дети: Харе.

Поддразнивая и подзадоривая ребят, Прабхупада пытался растормошить их:

— Э, да вы не можете петь? Вы что — все немые?

Дети рассмеялись.

— Как? Вы не можете спеть три слова? Ну даете! Пойте! Харе!

— Харе.

— Кришна!

— Кришна!

Прабхупада запел, ритмично ударяя в *караталы*, а дети повторяли за ним: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Спустя какое-то время Прабхупада завершил *киртан*. Сидя в своем роскошном, резном кресле, он улыбнулся детям:

— Три слова: «Харе», «Кришна» и «Рама». Вы знаете, кто такой Бог? Может ли кто-нибудь из вас встать и сказать мне, кто такой Бог?

Дети молчали, затем стали перешептываться. Наконец встал один двенадцатилетний мальчик. Его одноклассники засмеялись и захлопали в ладоши.

— О, спасибо, — сказал Прабхупада. — Подойди сюда.

Мальчик подошел.

— Ты знаешь, кто такой Бог? — спросил Прабхупада.

— Да, — ответил мальчик. — Бог — это самоосознание. Бог пребывает в бессознательном уме.

— Спасибо.

Дети снова зааплодировали.

— Нет, подожди. Не уходи, — сказал Прабхупада. — теперь объясни, что ты имел в виду. Что такое самоосознание?

Мальчик: *Это высвобождение способностей бессознательного ума и осмысление себя...*

Прабхупада: *Ты думаешь, ум бессознателен?*

Мальчик: *Ум бессознателен.*

Прабхупада: *Чтобы понять бессознательное, ты должен определить, что такое сознание.*

Мальчик: *Я говорю не о сознании, а о подсознании.*

Прабхупада: *Пока ты не понял, что такое сознание, как ты можешь описать подсознание?*

Мальчик: *Подсознание. Ид.*

Прабхупада: *Подсознание — это отрицательная сторона сознания. Итак, объясни, что такое сознание. Тогда мы сможем понять подсознание.*

Мальчик: *Сознание?*

Прабхупада: *Да. Попробуй понять, что такое сознание. Тогда ты поймешь, что значит «подсознание». Сознание пронизывает все тело. Предположим, я ущипну тебя в любом месте. Ты почувствуешь боль. Это и есть сознание. Ощущение боли и удовольствия — это сознание. Но это сознание индивидуально. Я не могу почувствовать боль и удовольствие, которые испытывает твое тело. Так же и ты не можешь почувствовать мои боль и удовольствие. Следовательно, твое сознание индивидуально и мое сознание индивидуально. Но есть другое сознание, которое может ощущать боль и удовольствие как твоего тела, так и моего. Об этом говорится в*

«Бхагавад-гите». Ты слышал это название, «Бхагавад-гита»? А ты? Кто-нибудь слышал?

Другой мальчик: Да.

Прабхупада: Кто сказал «да»? Пожалуйста, подойди сюда. Спасибо. Очень хорошо. По крайней мере, один из вас знает, что такое «Бхагавад-гита». В «Бхагавад-гите» говорится, что...

И Шрила Прабхупада начал объяснять разницу между материальным телом и душой, а также между индивидуальной душой и Сверхдушой, Кришной.

— Вы личность, или сознающий свое тело. Я сознаю свое тело. Каждый сознает свое тело. Но есть и другая личность, которая говорит: «Я знаю всё обо всех телах». Например, я знаю что-то о своем теле или что-то об этом мире. Аналогичным образом есть другая *атма* (душа), высшая *атма*, которая знает все об этой Вселенной. Иногда Ее называют Богом, или Параматмой, или Кришной, по-разному, в зависимости от языка.

Рассказав о близких отношениях души с Кришной, вечным господином, и о страданиях, которые она испытывает из-за того, что забыла об этих отношениях, Прабхупада закончил свою лекцию.

— Эту науку необходимо ввести в каждой школе и в каждом колледже, чтобы с самого раннего возраста дети понимали, кто такой Бог, как Он велик, каковы наши с Ним отношения и как мы должны жить. Наше Движение сознания Кришны учит этому. Не думайте, что это Движение — очередная секта. Благодаря нам люди обретают сознание Бога. Не важно, к какой религии вы принадлежите. Если, следуя принципам какой-то религии, человек обретает возвышенное сознание Бога, это — прекрасная религия. Таков наш девиз, и мы проповедуем по всему миру. Поэтому я прошу учителей в этой школе с самого начала вкладывать в учеников сознание Бога. Тогда их будущая жизнь будет очень спокойной, исполненной процветания и надежд. Спасибо вам большое. Харе Кришна.

Кроме того, Прабхупада согласился выступить в «Придорожной часовне», что в старой части Сиднея. «Часовня» играла роль центра духовной помощи наркоманам и проституткам. Организатор центра, молодой длинноволосый юноша, одетый как хиппи, встретился с Прабхупадой в храме и сопровождал его в «Часовню». Молодой человек с гордостью рассказывал, как «Придорожная часовня» помогает наркоманам. Однако Прабхупада понял так, что церковь попросту снабжает наркоманов наркотиками.

В «Часовне» какой-то скептик из аудитории бросил Прабхупаде вызов. Прабхупада объяснял, что пение святых имен Бога — единственное, что может реально помочь людям, но этот циник спорил:

— Что хорошего в этом пении «Харе Кришна»?

— Оно спасает вас от смерти! — веско ответил Прабхупада.

12 мая 1971 года

В Сиднее Прабхупада написал предисловие к готовящейся к выходу «Бхагавад-гите как она есть». Компания Макмиллана уже согласилась напечатать книгу без сокращений. Контракт был подписан, книга подготовлена к печати; оставалось только сочинить предисловие.

В предисловии Прабхупада указал, что, хотя его считают основателем Движения сознания Кришны в Америке, на самом деле «родоначальник этого Движения — Сам Господь Кришна». Отдавая все свои заслуги своему духовному учителю, Прабхупада говорил, что его единственная собственная заслуга в том, что он старался представить «Бхагавад-гиту» такой, как она есть, не добавляя ничего от себя.

Вместо того чтобы удовлетворять свои материальные чувства, он [человек] должен удовлетворять чувства Господа. Таково высшее совершенство жизни. Этого хочет и требует от нас Сам Господь, и каждый должен понять эту ключевую мысль «Бхагавад-гиты». Наше Движение сознания Кришны ставит своей целью донести эту истину до всех людей земли, и, поскольку мы передаем содержание «Бхагавад-гиты» как оно есть, без искажений, каждый, кто, изучая «Бхагавад-гиту», действительно стремится извлечь для себя благо, должен воспользоваться помощью, которую предлагает людям Движение сознания Кришны, чтобы понять содержание «Бхагавад-гиты» на практике, под непосредственным руководством Самого Господа. Поэтому мы надеемся, что, изучая «Бхагавад-гиту» в том виде, в каком она представлена на страницах этой книги, люди получают величайшее благо, и, если хотя бы один из них станет чистым преданным Господа, мы будем считать свою задачу выполненной.

Как Прабхупада объяснял в предисловии, он издавал полный вариант «Гиты», чтобы «упрочить позиции Движения сознания Кришны и укрепить его философскую основу». Он намеревался делать это, издавая такие книги, как «Бхагавад-гита». Но также ему придется, как говорил Господь Чайтанья, проповедовать «в каждом городе и деревне» — либо самому, либо с помощью своих представителей, учеников. И куда бы он ни отправился, везде он будет передавать «Бхагавад-гиту» всем, кто согласится слушать.

Назавтра Прабхупада покинет Австралию и отправится в Калькутту, на большой фестиваль в *пандале*, затем в Москву, Париж, Лос-Анджелес...

В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит, что нет Ему слуги дороже, чем тот, кто раскрывает истины «Бхагавад-гиты» преданным. Что бы ни делал Прабхупада: писал ли предисловие к книге, читал ли лекцию проституткам и наркоманам, учил ли преданного правильно делать *чапати* или планировал крупномасштабные проекты — он всегда учил «Бхагавад-гите» и потому всегда был самым дорогим слугой Господа Кришны.

Сложив ладони, Прабхупада стоял перед Божествами Радхи-Гопинатхи. Пробыв в Сиднее меньше недели, он собирался уезжать. Он знал, что преданные в Сиднее не отвечают требованиям, предъявляемым к тем, кто

поклоняется Радхе и Кришне. Знал он и то, что идет на риск, доверяя неофитам поклоняться Им. Однако, будучи *ачарьей*, наделенным особыми полномочиями, и представителем Господа Чайтаньи, он должен был сажать ростки сознания Кришны везде, где они могли пустить корни. Мир нуждался в сознании Кришны. Прабхупада был уверен, что, если его ученики будут следовать его наставлениям — повторять святое имя Кришны и следовать регулирующим принципам, они быстро очистятся.

Однажды он провел такую аналогию: если в материальной жизни человеку, прежде чем занять место судьи, необходимо стать высококвалифицированным юристом, то в сознании Кришны искреннему преданному позволено сначала «занять место», то есть стать *брахманом*, а уж потом по милости святого имени и духовного учителя приобрести необходимые качества. Но у преданных в Сиднее не было совсем никакого опыта, поэтому Прабхупада вынужден был обратиться к Радхе-Гопинатхе с необычной просьбой: «Я оставляю Вас в руках *млеччхов*. Я не могу взять ответственность на себя. Пожалуйста, руководите этими юношами и девушками Сами, дайте им разум, чтобы они могли как следует поклоняться Вам».

* * *

Калькутта

13 мая 1971 года

Прабхупада прибыл на десятидневный калькуттский фестиваль в *пандале* как раз вовремя. По его указанию в Калькутту приехали Гирираджа и Тамала-Кришна, чтобы организовать там такой же фестиваль, как в Бомбее. Прабхупада написал Джаяпатаке Свами, президенту калькуттского храма ИСККОН:

Если в *пандале* на фестивале *санкиртаны* будет возможность для приготовления пищи в огромных количествах, мы организуем ежедневную раздачу *прасада*. Попробуй это организовать. *Пури, халава, кичри*— сколько получится, но чем больше, тем лучше. Тамала-Кришна и Гирираджа знают, как это сделать.

Посетителей было даже больше, чем в Бомбее: каждый день приходило от двадцати до тридцати тысяч человек, в том числе члены парламента и другие высокопоставленные гости. Это было одно из самых масштабных религиозных мероприятий, когда-либо проходивших в Калькутте; весь город узрел мощь движения «Харе Кришна».

С самого утра преданные начинали продавать в киоске книги Прабхупады, петь на сцене *киртан* и раздавать *прасад*. Вечерняя программа открывалась в половине седьмого долгим и мощным *киртаном*, который

достигал своей кульминации, когда на вечернее *арати* Божествам Радхи-Кришны приезжал Прабхупада. Прабхупада читал лекцию, иногда на бенгали, иногда на английском. Затем преданные показывали слайды о сознании Кришны во всем мире, а потом Прабхупада отвечал на вопросы аудитории. После программы люди спешили получить горсточку *прасада* — пищи, предложенной Божествам.

Террористы-наксалиты угрожали Прабхупаде смертью. Эта прокоммунистически настроенная группа уже действовала в Калькутте, когда Прабхупада приезжал туда в 1970 году, но до сих пор они его не трогали. Обычно они действовали по такому сценарию: встречались с влиятельными бизнесменами в их домах или на улице и принуждали их содействовать своим политическим целям. А если бизнесмен отказывался, наксалиты сжигали его дом или предприятие, а порой даже убивали. Наксалиты, добивавшиеся того, чтобы вся Бенгалия отвергла свои религиозные традиции и встала на путь строительства коммунизма, видели, что Прабхупада возрождает в Калькутте религиозный дух. *Пандал* ИСККОН, собирающий гигантские толпы людей, по их мнению, подрывал основы коммунизма.

«Уйди или умри», — гласила записка, которую получил Прабхупада. Он сообщил о записке полиции, но та призналась в своей неспособности помочь. Наксалиты, сказали они, держат в страхе всю Калькутту. Однако Прабхупада не поддался угрозам: никуда он отсюда не уйдет! Даже если они нападут на него — можно ли придумать для вайшнава лучший способ оставить тело, чем погибнуть, проповедуя славу Господа?

На следующий вечер, приехав выступить перед людьми, Прабхупада заметил рядом со сценой группу вызывающе шумных людей, наксалитов. Они протестовали против того, чтобы некоторые из приглашенных гостей занимали почетные места на сцене. Когда один из молодых радикалов закричал, что они сами хотят танцевать на сцене, преданные пригласили их подняться и присоединиться к *киртану*. Наксалиты отступили, но продолжали кричать и нарушать спокойствие. Они начали греметь сиденьями складных деревянных стульев, выкрикивали свои лозунги и угрожали сжечь *пандал*. По толпе пронесся нервный шумок, беспокойство усилилось. После нескольких неудачных попыток навести порядок некоторые преданные стали угрожать бунтарям. Среди слушателей поднялась суматоха.

Чинтамани-пракара-садмасу калпа-вркша / лакшавртешу сурабхир абхипалайантам... Усиленный мощными динамиками, голос Прабхупады разнесся по *пандалу*. Внешне оставаясь безучастным к тому, что происходит в толпе, и полагаясь только на Кришну, он начал петь молитвы из «Брахма-самхиты», и через несколько минут все утомонились. Те, кто хотел уйти, ушли, а те, кто хотел остаться, расселись по местам. Когда толпа успокоилась, Прабхупада начал лекцию.

В тот день он получил еще несколько записок «Уйди или умри», а на следующий вечер наксалиты вернулись и снова стали угрожать сжечь *пандал*.

— Позовите их, — сказал Прабхупада. — Я с ними поговорю.

Преданные считали, что это опасно, но Прабхупада настоял.

В маленькой комнатке за *пандалом* Прабхупада беседовал с враждебно настроенной молодежью. Сначала они были раздражены и говорили грубо, но по мере того, как Прабхупада объяснял им ведическую концепцию коммунизма — с Кришной в центре, — у них проснулся интерес. Они согласились больше не мешать программам в *пандале*.

Ачьютананда Свами: *В последний вечер десятидневной программы на торжественное закрытие пришло более сорока тысяч человек. Я вышел, чтобы купить себе тростникового сока. Когда я выходил, пандал был заполнен до отказа, но, оказавшись на улице, я увидел, что через четверо главных ворот люди продолжают реками стекаться в пандал. Я подумал, что здесь не обошлось без мистической силы Кришны: шатер был уже полон, а люди по-прежнему тысячами входили внутрь. Я подумал, что Кришна, должно быть, растягивает пространство до бесконечности.*

Кульминацией вечера стала большая процессия по Парк-стрит, начавшаяся в *пандале* и закончившаяся у храма ИСККОН на Альберт-Роуд. Божества Радхи-Говинды принесли на паланкине в храм и установили на алтарь. Когда *арати* окончилось, оставшиеся люди разошлись.

В тот вечер Ачьютананда Свами стоял рядом с Прабхупадой в калькуттском храме, возле алтаря.

— Прабхупада, — заметил он, — кто-то вложил флейту в руки Кришне другим концом.

Прабхупада взглянул на Божество. Кришна действительно держал флейту наоборот.

— Кришна всемогущий, — сказал он, повернувшись к Ачьютананде Свами. — Он может играть и с другого конца.

Шрила Прабхупада продолжал бороться за то, чтобы получить участок земли в Майяпуре. Оставив всякую надежду на помощь духовных братьев, он через посредство своих бенгальских друзей вел переговоры с мусульманскими землевладельцами в Майяпуре. Вернувшись из Австралии, Прабхупада послал в Майяпур Тамала-Кришну с указанием не возвращаться, пока земля не будет куплена. Миссия Тамала-Кришны прошла успешно, и через шесть дней он вернулся к Прабхупаде в Калькутту, купив в Майяпуре девять *бигх* земли — больше гектара.

Однако преданным трудно было понять, зачем Прабхупаде земля в Майяпуре. Один из них специально съездил из Калькутты в Майяпур, чтобы посмотреть на новую собственность ИСККОН, и, вернувшись, спросил Прабхупаду:

— Что же мы там будем делать? Это просто большое пустое поле. Там же ничего нет!

— Поскольку там нет заводов и машин, — ответил Прабхупада, — ты думаешь, что там нечего делать. В Майяпуре мы будем петь «Харе Кришна».

Мы построим там большой храм, и преданные со всего мира смогут собираться там и петь «Харе Кришна» в месте рождения Господа Чайтаньи.

28 мая Прабхупада написал:

Вы обрадуетесь, узнав, что мы купили в Майяпуре, месте рождения Господа Чайтаньи, около двух гектаров земли и предполагаем провести там хороший двухнедельный фестиваль, который начнется в Джанмаштами. Тогда же пройдет закладка первого камня в фундамент. Я хочу, чтобы все наши старшие ученики приехали на это время в Индию. У нас сейчас пятьдесят филиалов, поэтому на торжества должен приехать по крайней мере один преданный из каждого центра.

* * *

Июнь 1971 года

Прабхупада готовился к поездке в Москву в течение нескольких месяцев. Помимо желания проповедовать русским людям, у него была конкретная цель — он собирался встретиться с русским профессором-индологом Г. Г. Котовским. Профессор Котовский заведовал отделом Индии и Юго-Восточной Азии в Институте востоковедения Академии наук СССР, и один из учеников Прабхупады, Кришнадас, переписывался с ним уже несколько месяцев, с февраля.

Кришнадас был из Западной Германии. При помощи доктора Бернхардта из Гамбургского университета он узнал имена нескольких русских ученых-индологов и написал им письма. Письмо Кришнадасу, написанное в декабре 1970 года, раскрывает планы Прабхупады по проповеди в России:

Я очень воодушевлен, видя, с каким энтузиазмом ты хочешь проповедовать наше учение русским, и твоя идея разослать письма с помощью доктора Бернхардта очень хороша. Он влиятельный ученый и знает цену нашему Движению. Поэтому, если ты организуешь для меня эту поездку, я готов. Посмотрим, чего хочет Кришна... Если мы сможем поехать в Россию с нашей «Всемирной группой *санкиртаны*», я уверен, что это всем очень понравится и люди увидят, что настоящее движение за мир — это движение *санкиртаны*, пения святых имен: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Поэтому попытайся сделать это.

Шрила Прабхупада учил Кришнадаса, как лучше всего знакомиться и поддерживать знакомство с русскими индологами:

Ты можешь задавать им такие вопросы: «Какова конечная цель жизни? Что вы считаете высшей целью жизни? В чем различие между человеком и животным? Почему во всех цивилизованных обществах существует та или иная религия? Каковы ваши представления о возникновении мира?» Так с помощью наводящих вопросов можно узнать их позицию. Мы готовы пойти на диалог даже с атеистом, при условии, что у него есть определенная философская позиция. Таким образом попытайтесь добиться от профессоров ответов. Если ты сможешь в конце концов открыть в Москве центр, это будет твоей большой заслугой. Что же касается изучения русского языка, в этом нет особой необходимости, но если ты захочешь его выучить, я не возражаю. Я очень хочу, чтобы в России появился храм, и на данный момент я нацелен на то, чтобы открыть наш центр в Москве.

В марте 1971 года профессор Г. Г. Котовский ответил на письмо Кришнадаса:

Спасибо вам за информацию о лекционном туре Свами Бхактиведанты. Если он приедет в Москву, советские ученые, занимающиеся исследованиями индийской культуры, будут очень рады встретиться с ним в Институте востоковедения Академии наук СССР. Буду благодарен, если вы сообщите мне дату прилета Свами Бхактиведанты в Москву и сроки его пребывания в СССР.

Шрила Прабхупада ответил профессору Котовскому сам:

... я понял, что вам и вашему преподавательскому составу будет интересно послушать о культуре и философии Кришны. Эта культура и философия Кришны является древнейшей во всем мире и во вселенной. По крайней мере с исторической точки зрения этой культуре не менее пяти тысяч лет.

Возможно, вы знаете, что я начал это культурное движение в 1966 году, и сейчас оно распространилось по всему миру. В Индии культура Кришны настолько популярна, что даже в буклетах с расписанием рейсов компании «Эйр Индия» правительство предлагает иностранцам посетить Вриндаван, ее колыбель. Я вложил для вас в конверт страничку из последнего, апрельского расписания «Эйр Индия», где вниманию людей представлена культура Кришны.

Я посвятил свою жизнь распространению этой культуры Кришны по всему миру. Я думаю, что, если вы дадите мне возможность говорить о великой культуре и философии Кришны в вашей стране, вам очень понравится наша простая программа. Эта культура устроена столь безупречно, что любой разумный человек ее оценит.

После года проповеди в Восточном полушарии Прабхупада хотел вернуться на Запад и планировал сначала лететь в Москву, а потом в Европу. Прабхупада и его попутчики, Шьямасундара и Аравинда, без труда получили

туристические визы в Россию. Это будет заблаговременно оплаченная и контролируемая государством пятидневная поездка с четким расписанием, установленным советским туристическим бюро.

Капитан Лал, пилот самолета, совершающего рейс до Москвы, считал Прабхупаду важным пассажиром и во время полета вышел к нему. Они поговорили о Движении Прабхупады, о том, сможет ли он читать лекции в Москве, и о Бомбее, где Прабхупада пытался купить землю. Капитан Лал пригласил Прабхупаду в кабину самолета, и Прабхупада сел в кресло позади него, задавая технические вопросы о приборах и самолете. Они договорились еще раз встретиться в Москве.

Прабхупада, его секретарь и слуга быстро и без помех прошли таможенный досмотр и советский паспортный контроль, после чего представитель государственной туристической компании доставил их на лимузине в гостиницу «Националь». Гостиница, расположенная неподалеку от Красной площади, Мавзолея Ленина и Кремля, была дорогая, но скверная. Прабхупаду поселили в темной и тесной комнате, где едва помещались кровать и два стула. Комната Шьямасундары и Аравинды находилась в другом конце коридора, поэтому Прабхупада решил, что Аравинда должен перебраться к нему, создав тем самым еще большую тесноту.

Аравинда сообщил администратору гостиницы, что питаться в ресторане гостиницы они не могут и будут готовить себе сами. Администратор вначале заупрямилась, но в конце концов разрешила им пользоваться кухней для горничных.

Одна проблема была решена, теперь надо было раздобыть продукты, на поиски которых Прабхупада послал Шьямасундара. Через улицу Шьямасундара обнаружил молочный магазин, где можно было купить молоко и кефир, но ему нигде не удавалось найти фруктов, овощей и риса. Прабхупада отправил его обратно. На этот раз Шьямасундара отсутствовал почти целый день и вернулся лишь с парой кочанов капусты. На следующий день Прабхупада послал его за рисом. Когда через несколько часов Шьямасундара принес рис, Прабхупада увидел, что это был дешевый северокорейский сорт, очень твердый. Прабхупада попросил фруктов, и Шьямасундаре пришлось долго бродить по незнакомому городу, прежде чем он отыскал наконец черешню.

Прабхупада оставался спокойным и невозмутимым и придерживался своего обычного распорядка дня. Он вставал рано и сразу садился за перевод; утром, когда еще было прохладно, он выходил на прогулку по пустынным московским улицам. Завернувшись в шафрановый *чадар*, Прабхупада быстро шагал, а Шьямасундара иногда забегал вперед и фотографировал его.

Однажды утром, проходя мимо Мавзолея Ленина, они увидели, как к нему уже выстраивалась очередь.

— Ты только посмотри, — сказал Прабхупада, — вот их Бог. Люди не понимают разницы между телом и душой и принимают тело за саму личность.

Прабхупаде нравилось, что движение на улицах небольшое: троллейбусы, велосипеды, но в основном пешеходы. Проходя мимо старинных нарядных зданий, он видел, как пожилые женщины поливают из шланга широкие улицы.

— Хороший обычай, — сказал он.

Русские, судя по всему, жили более размеренной и упорядоченной жизнью, чем американцы. Эти простые, привыкшие к трудностям люди, не испорченные безудержным гедонизмом, который восторжествовал в Америке, наверняка были благодатной почвой для сознания Кришны, но, лишённые духовной пищи, они выглядели мрачными и недовольными.

Прабхупада поручил Шьямасундаре организовать встречу с профессором Котовским. «Интурист» выделил им машину, гида, и все вместе они поехали к профессору Котовскому, кабинет которого располагался в старинном белом особняке, принадлежавшем Академии наук.

Увидев Прабхупаду, русский профессор, человек средних лет, одетый в серый костюм, встал из-за письменного стола, заваленного бумагами, и пригласил Прабхупаду в свой небольшой кабинет. Профессор Котовский держался несколько неуверенно и был более осторожным, нежели в своих письмах. Когда Шьямасундара упомянул о желании Прабхупады выступить с лекцией перед учеными Академии наук, профессор Котовский сказал, что этого им никогда не разрешат. Прабхупада был явно разочарован.

Однако мгновение спустя Прабхупада как ни в чем не бывало уже разговаривал с профессором Котовским. Он держался как обычно, скромно и вежливо, сидя на конторском стуле с прямой спинкой, а профессор сидел напротив него за своим столом.

Прабхупада: *На днях я читал газету «Московские новости». Проходил съезд коммунистов, и его председатель заявил: «Мы готовы перенять чужой опыт, чтобы совершенствоваться». Я думаю, что ведическая концепция социализма или коммунизма может в значительной мере усовершенствовать идею коммунизма.*

Профессор Котовский внимательно и вежливо слушал рассказ своего заморского гостя о том, как в ведическом обществе *гривастха* обеспечивает пищей всех, кто живет в его доме, даже ящериц, и как он, прежде чем самому приняться за еду, выходит на улицу и созывает всех голодных.

— Таким образом, — продолжал Прабхупада, — в ведической литературе можно найти много ценных идей относительно коммунизма. Я подумал, что эти идеи следует распространить среди мыслящих людей вашей страны. Поэтому я так хотел побеседовать с ними.

Тут у профессора Котовского проснулся академический интерес.

— Интересно, — четко, но с сильным акцентом произнес он по-английски, — что здесь, в нашей стране, сейчас люди проявляют огромный интерес к древней истории, древней мысли.

Он рассказал немного о своих достижениях и достижениях своих коллег, в частности о недавно подготовленной ими брошюре, посвященной обзору советских индологических исследований. Он пообещал подарить экземпляр Прабхупаде.

Профессор Котовский: *Вам интересно будет узнать, что мы опубликовали некоторые из пуран и главы «Рамаяны». На русском языке изданы тома «Махабхараты», и переиздан ее полный перевод. Мы опубликовали также полный перевод «Ману-смрити» с санскритскими комментариями. Интерес к этим изданиям был так велик, что они были распроданы за неделю. От тиража не осталось ни одного экземпляра. Их невозможно было купить на книжном рынке уже через месяц после выхода в свет. В Москве и в СССР читающая публика проявляет огромный интерес к древней ведической культуре, поэтому мы опубликовали много таких книг.*

Прабхупада: *«Шримад-Бхагаватам» — одна из этих пуран. Ее называют «Маха-пураной».*

Он рассказал Котовскому о своем переводе «Шримад-Бхагаватам» — «зрелого плода ведического древа желаний». Если профессору интересно, он может показать ему несколько книг.

Профессор Котовский сообщил, что в библиотеках Москвы и Ленинграда хранятся почти все главные санскритские тексты индийской культуры. Там есть не только древние тексты, но и литература, посвященная современным исследованиям индуизма.

— Индуизм, — вставил Прабхупада, — очень сложный предмет.

И оба они рассмеялись. Профессор Котовский согласился, что индуизм есть нечто большее, чем просто религия, — это целый образ жизни. Но Прабхупада объяснил, что «индуизм» — неправильное название. Ведическую культуру правильнее было бы обозначать термином *варнашрама*. Прабхупада вкратце рассказал о четырех сословиях ведического общества: брахманах, кшатриях, вайшьях и шудрах.

Профессор Котовский: *Вы сказали, что в любом обществе есть четыре сословия, но их не так легко определить. Например, разные социальные классы и профессиональные группы в любом обществе можно объединить в четыре класса, это несложно. Единственная трудность состоит в том, что, например, в социалистическом обществе — в нашей стране и других социалистических обществах — невозможно отличить сословие производителей от класса рабочих.*

Прабхупада приветствовал вопросы профессора. Он тактично продолжал излагать философию сознания Кришны, полученную по *парампаре*, стремясь убедить профессора Котовского ссылками на священные писания, логикой и аргументами.

Цитируя «Бхагавад-гиту», *шастру*, с которой профессор был немного знаком, Прабхупада сказал, что создателем четырех общественных сословий является Господь Кришна. Профессор Котовский тут же возразил, сославшись на теорию советских ученых, согласно которой система *варнашрамы* была

сравнительно недавним добавлением к ведической культуре. Он снова высказал мнение, что при социализме делить общество по варнам и ашрамам не имеет смысла.

Профессор Котовский: С этой точки зрения, по-моему, социалистическое общество коренным образом отличается от всех обществ, предшествовавших ему, потому что различные социальные и профессиональные группы современного Запада вы можете отнести к этим классам, разделив его на брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр: интеллектуалов, класс, занятый производством, то есть владельцев средств производства (например, владельцев фабрик) и чернорабочих. Но у нас нет вайшьев, так как на фабрике есть административный штат, а вы их называете кшатриями; а затем есть шудры — собственно рабочие, но промежуточного класса нет.

Прабхупада: Об этом тоже сказано. Калау шудра-самбхавах. В этом веке практически все люди — шудры. Но если общество состоит из одних шудр, социальный порядок нарушается. Несмотря на то что у вас государство шудр, в нем есть и брахманы, и это необходимо. Без такого разделения обязанностей в обществе наступит хаос. Таково научно обоснованное заключение Вед. Вы можете принадлежать к классу шудр, но для поддержания социального порядка должны дать некоторый шудрам такое образование, чтобы они стали брахманами. Общество не может держаться на одних шудрах.

Прабхупада привел свою обычную аналогию, сравнив общество с человеческим телом. Необходимы все части тела, не только ноги, но и живот, руки и голова.

— В противном случае, — сказал он, — оно не будет функционировать нормально. Начнутся беспорядки.

Чего не хватает современному обществу, сказал Прабхупада, так это понимания цели человеческой жизни.

— Люди не знают о следующей жизни, — сказал он. — Нет такой отрасли знания, которая занималась бы изучением того, что происходит, когда этому телу приходит конец.

Профессор Котовский возразил — вежливо, но решительно:

— Свамиджи, — сказал он, — когда тело умирает, обладатель тела тоже умирает.

— Нет, нет, — быстро ответил Прабхупада. — Этот факт должен быть вам известен. Почему же в университете нет отделения, который бы научно исследовал этот факт? Я предлагаю создать такое отделение. Я утверждаю, что это необходимо. Может быть, правы вы, а может, я, но должна быть отрасль науки, изучающая это. Недавно кардиолог из Торонто, врач, признал существование души. Я переписывался с ним, и он твердо верит, что душа существует.

Прабхупада продолжал приводить доводы:

— Наш метод состоит в том, чтобы получать знание из авторитетного источника.

Профессор возразил, сказав, что все необходимо подтверждать эмпирически. Затем, оборвав речь на полуслове, он вдруг прекратил спор и спросил:

— Много ли филиалов у вашего Общества во всем мире?

Прабхупада заговорил об ИСККОН, о том, что Общество имеет шестьдесят пять филиалов по всему миру, о том, что следующим его местом назначения будет Париж, где его ученики недавно открыли новый центр, и о том, что к его Движению присоединяются главным образом американские юноши и девушки. Он рассказал о четырех запретах (на мясо, на недозволенные половые отношения, на одурманивающие средства и на азартные игры) и о книгах, которые он опубликовал. Все то время, пока Прабхупада рассказывал о деятельности своего Движения, профессор одобрительно кивал.

Вновь перейдя к сравнению сознания Кришны с коммунизмом, Прабхупада сделал вывод, что две эти философские системы вполне согласуются друг с другом. В обеих подчеркивается принцип подчинения некоему авторитету. Преданный подчиняется Кришне, а коммунист — Ленину.

Прабхупада: *Мы живем, подчиняясь, не так ли? Вы не согласны с этим?*

Котовский: *В какой-то мере вы подчиняетесь.*

Прабхупада: *Да, в полной мере.*

Котовский: *Мы, например, должны подчиняться обществу. Всему народу.*

Прабхупада: *Да, всему народу, или государству, или царю, или правительству, или еще чему-нибудь. Это неизбежно.*

Котовский: *Единственная сложность в том, что мы не можем подчиняться правительству или царю. Между подчинением царю, то есть какому-то человеку, и подчинением обществу существует принципиальная разница.*

Прабхупада: *Нет, это только перемена цвета. Но принцип подчинения остается неизменным. Подчиняетесь ли вы монархии, демократии, аристократии или диктатуре — вы должны подчиняться; это факт. Нельзя жить, никому не подчиняясь. Это невозможно. Поэтому мы учим людей подчиняться Всевышнему, который нас всячески защищает, как говорит об этом Сам Кришна (сарва-дхарман паритйаджйа). Никто не может утверждать: «Я никому не подчиняюсь». Ни один человек. Разница только в том, кому он подчиняется. Высший объект подчинения — Кришна. Поэтому в «Бхагавад-гите» Кришна говорит: бахунам джанманам анте джнанаवान мам прападйате — «После многих жизней, проведенных в подчинении кому угодно и чему угодно, когда человек становится по-настоящему мудрым, он подчиняется Мне».*

Профессор Котовский ответил, что за подчинением должно последовать восстание. Пример тому — французская революция, которая была протестом

против власти, но при этом подразумевала подчинение другой власти, простолюдям.

— Значит, таких мер недостаточно, чтобы когда-нибудь положить этому конец, — настаивал профессор. — Подчинение должно сопровождаться восстанием против одних людей и подчинением другим.

Прабхупада: *Но всякому подчинению будет положен конец, когда вы подчинитесь Кришне. Это конечная точка — больше не нужно будет никому подчиняться. Все другие виды подчинения вы должны менять с помощью революций. Но, когда вы приходите к Кришне, этого достаточно. Вы получите удовлетворение. Я приведу вам один пример: ребенок плачет, и люди по очереди берут его на руки. Но он никак не унимается. Однако как только младенец попадает на руки к своей матери...*

Котовский: *Он перестает плакать.*

Прабхупада: *Да, наступает полное удовлетворение. Таким образом, это подчинение, эти перемены власти будут продолжаться в различных видах, но суть всех этих форм подчинения — подчинение майе (материальной иллюзии). Однако чему бы или кому бы вы ни подчинялись сейчас, в конце концов вы должны подчиниться Кришне; тогда вы станете счастливы.*

Прошло всего три дня, а миссия Прабхупады в Москве как будто была выполнена. Встреча с профессором Котовским состоялась, делать больше было нечего. Власти больше ничего не разрешат. Ему не позволили привезти книги, а теперь отказали в возможности выступить публично. Иностранцам нельзя было разговаривать с русскими. Поехать он никуда не мог, разве что на групповую экскурсию. Так, лишенный возможности проповедовать, он сидел в своей комнатухе, принимал массаж, совершал омовения и ел то, что удавалось приготовить Шьямасундаре. Он диктовал письма, повторял на четках мантру Харе Кришна и переводил «Шримад-Бхагаватам».

В тесном автобусе Прабхупада вместе с другими туристами отправился на экскурсию по Москве. Он видел пожилых русских, идущих в церковь, и милиционера, стоящего у входа. Вскоре, однако, поездка его утомила, так что экскурсоводу пришлось взять для него такси и попросить шофера отвезти его в гостиницу «Националь».

Шьямасундара по-прежнему большую часть дня проводил в поисках свежих продуктов. Услышав, что на каком-то рынке можно купить апельсины, он отправился туда через весь город. Его бритая голова, белое *дхоти* и курта привлекали всеобщее внимание, прохожие провожали его взглядами, а на обратном пути, когда уже стемнело, его остановили люди в форме, с красными повязками на рукавах. Судя по всему, они приняли его за местного жителя. Схватив его и заломив ему руки за спину, они орали на него по-русски. Шьямасундара разобрал только слово «документ» и сказал в ответ:

— Дакумьент — отель! Отель!

Поняв, что Шьямасундара — турист, они отпустили его. Он вернулся в гостиницу и рассказал Прабхупаде о том, что произошло.

— Без сознания Кришны Россия погибнет, — сказал Прабхупада.

Однажды Шьямасундара стоял в очереди за кефиром. Неожиданно человек, стоявший за ним, на чистом английском спросил его о йоге.

— Я очень хочу с вами поговорить, — сказал он Шьямасундаре и сообщил ему имя и адрес и время, когда они могут встретиться.

Когда Шьямасундара рассказал об этом Прабхупаде, тот ответил:

— Нет, это шпик. Не ходи.

Два молодых человека, сын индийского дипломата, работающего в Москве, и его друг, молодой москвич, прогуливаясь по улице Горького, увидели необычное зрелище. Выделяясь из безликой городской толпы удручающе одинаковых, серых людей, прямо на них шел высокий молодой человек с бритой головой, с длинным «хвостиком» рыжеватых волос, в развевающихся белых одеждах. Это был Шьямасундара. Для сына индийского дипломата одежды Шьямасундары были не в диковинку, и он подошел к нему. Шьямасундара улыбнулся и сказал:

— Харе Кришна, брат.

Они разговорились. Индийца звали Мадхукар. Русский, Анатолий, немного говорил по-английски и, насколько мог, старался следить за разговором. А разговор становился все более и более серьезным.

— Не хотите ли подняться к нам и познакомиться с моим духовным учителем? — спросил Шьямасундара.

Польщенные, юноши тут же последовали за Шьямасундарой, который привел их в «Националь». Войдя в номер, они увидели перед собой Прабхупаду, который сидел на кровати, довольный и улыбающийся. Аравинда массировал ему стопы. Шьямасундара тут же поклонился Прабхупаде. Анатолий был в полном восторге.

— Заходите, — сказал Прабхупада.

Все трое сели у его ног. Обратившись сначала к Мадхукару, Прабхупада спросил, как его зовут и чем занимается его отец. Мадхукару Прабхупада понравился, и он вызвался принести ему свежих овощей. Его отец занимал высокое положение в индийском посольстве и получал продукты из Индии.

Анатолий казался более заинтересованным, чем его индийский друг, и Прабхупада стал объяснять ему философию сознания Кришны, а Мадхукар переводил. Анатолий расспрашивал обо всем с почтением и благоговением, а Прабхупада, отвечая на его вопросы, старался сообщить ему максимум основных сведений о сознании Кришны, насколько это было возможно за один раз. Прабхупада объяснил разницу между душой и телом, рассказал о вечной взаимосвязи души и Кришны, Верховной Личности Бога. Он говорил о «Бхагавад-гите», о своих храмах в разных странах мира, о юношах и девушках, которые стали его учениками и занимаются бхакти-йогой.

Прабхупада упомянул также о своем желании проповедовать в России, где есть все условия для распространения сознания Кришны, поскольку русские люди восприимчивы к новым идеям и не испорчены чувственными удовольствиями. Он хотел познакомить Россию с литературой сознания

Кришны через библиотеки, читальные залы или любым другим путем. Философию сознания Кришны, сказал он, в России нужно проповедовать самым образованным людям, однако из-за правительственных ограничений делать это следует осмотрительно. У преданных не будет возможности петь и танцевать на улицах, но они могут петь, собираясь друг у друга на квартирах. Тут Прабхупада негромко запел, и молодые люди стали подпевать ему.

Анатолий впитывал в себя философию сознания Кришны с той же жадностью, с какой изголодавшийся человек набрасывается на пищу. Анатолий и его друг проговорили с Прабхупадой несколько часов и, уходя, договорились, что завтра придут опять.

Шьямасундара стал общаться с Анатолием и Мадхукармом. Анатолий изучал в институте восточную философию и был к тому же очень умным и любознательным молодым человеком, которого интересовало все, что происходит в мире. Он был поклонником «Битлз», и Прабхупада рассказал ему о своем знакомстве с Джорджем Харрисоном и Джоном Ленноном. Анатолий и Шьямасундара долго проговорили о чаяниях и надеждах молодежи за пределами России. Шьямасундара объяснял ему, что сознание Кришны является главным принципом, который лежит в основе всех прочих методов духовного самоосознания. Он рассказал Анатолию об основных принципах *бхакти-йоги*, таких как обязательное повторение шестнадцати кругов *мантры* Харе Кришна на *джапа-мале*, вегетарианство и т. д., и подарил ему свой экземпляр «Бхагавад-гиты как она есть».

Прабхупада показал Анатолию, как делать *чапати* и варить рис, и попросил его перестать есть мясо. Анатолий с готовностью принял все: и повторение *мантры* Харе Кришна, и новую диету. Прабхупада обучал Анатолия так, чтобы после его отъезда тот мог заниматься *бхакти-йогой* самостоятельно. Скоро Анатолий почувствует, как в нем происходят перемены и как он прогрессирует в духовной жизни, а спустя некоторое время будет готов получить духовное посвящение. Анатолий обещал рассказать о сознании Кришны своим друзьям. За последние два дня своего пребывания в Москве Прабхупада постарался передать Анатолию все, что только мог. Во встрече с этим пытливым и умным русским юношей Прабхупада увидел истинный смысл своей поездки в Россию.

Прабхупада привел следующий пример: чтобы узнать, готов ли рис, повару достаточно попробовать одно зернышко. Точно так же, познакомившись с одним русским юношей, Прабхупада мог судить о том, что русские люди не удовлетворены жизнью в образцово-показательной стране победившего социализма. Анатолий был готов к тому, чтобы принять сознание Кришны, а это означало, что миллионы людей в России тоже готовы к этому.

Ведический философ Чанакья Пандит говорил, что один распутившийся цветок может оживить целый лес, а огонь, охвативший одно дерево, может сжечь весь лес. С марксистской точки зрения, Анатолий был тем охваченным пламенем деревом, которое, передав сознание Кришны другим, сокрушит

коммунистическую идеологию. А с точки зрения Прабхупады, он был благоуханным цветком, аромат которого донесется до многих людей. Поездка Прабхупады в Россию оказалась не напрасной. Она дала ему счастливую возможность посеять семена сознания Кришны в этой забытой Богом стране.

Так Шрила Прабхупада принес Движение Господа Чайтаньи еще в одну страну мира. Чайтанья Махапрабху некогда предсказал, что движение *санкиртаны* придет в каждый город и каждую деревню мира, однако на протяжении столетий Его слова оставались лишь предсказанием. За то время, которое прошло со дня приезда Прабхупады в Америку в 1965 году, ему удалось посеять семена сознания Кришны в самых разных местах, одно невероятнее другого. И из всех мест Россия была, пожалуй, самым невероятным. Но во время своего короткого, проходившего под надзором властей визита в Москву он посеял в Советском Союзе семена сознания Кришны. Он был подобен игле, а все, кто был хоть как-то связан с Прабхупадой, следовали за ним, как нить.

Профессор Котовский в беседе с ним заметил, что ему, должно быть, скучно целыми днями сидеть в старомодной гостинице. Он не понимал, что Прабхупада был так же трансцендентен Москве, как и любому другому месту в материальном мире. Он приехал сюда, и Кришна послал ему искреннюю душу, принявшую от него дар сознания Кришны. Это не было результатом хитроумной диверсии против советского правительства, а произошло благодаря присутствию чистого преданного Кришны, который искренне желал своей проповедью доставить Господу удовольствие. Отозвавшись на чистое желание Прабхупады, Кришна послал ему одного юношу, от которого это желание передастся другим. Ничто, даже «железный занавес», не могло преградить путь сознанию Кришны. Естественная склонность души — служить Кришне, а естественная склонность Кришны — исполнять чистые желания Своего преданного, и никто не в силах помешать этому.

В последний вечер своего пребывания в Москве Шрила Прабхупада дал Анатолию посвящение, назвав его Ананта-Шанти дасом.

В прощальном письме профессору Котовскому Прабхупада попытался побудить его продолжить переписку.

Вы хотели посмотреть конспекты моих лекций, поэтому я прилагаю к письму введение к циклу своих лекций, а также, если хотите, буду рад послать Вам статьи на следующие темы:

1. Ведический взгляд на социализм и коммунизм.
2. Научная оценка бесклассового общества.
3. Знание в авторитетной традиции.

В письме Тамала-Кришне Прабхупада подвел итоги своего визита в Москву:

Город хорошо спланирован. Огромные дома, широкие дороги. Днем на улицах много автобусов и машин, а поезда в метро гораздо лучше, чем в Америке и Англии. На станциях метро очень чисто. Улицы также моются каждый день. Но здесь довольно трудно найти вегетарианские продукты: мы по-прежнему готовим пищу в моей пароварке, которая спасает нам жизнь. Мы говорили с одним известным профессором, господином Котовским, а Шьямасундара беседовал со множеством выдающихся писателей и музыкантов. С нами сотрудничают двое юношей; один индеец, другой русский. Есть хорошие перспективы для открытия центра, хотя атмосфера здесь не очень благоприятствует проповеди. От посольства помощи не было. Итак, наш визит в Москву оказался не очень успешным, но есть надежда на будущее. Завтра я на один день отправляюсь в Париж, затем на Ратха-ятру в Сан-Франциско, а потом вернусь в Лондон.

* * *

Париж

25 июня 1971 года

Шрила Прабхупада, только что приехавший из аэропорта Орли, лежал на кушетке в конференц-зале индийского туристического агентства. С ним на такси приехали двое его учеников, Арадхана и его жена Шантану, и, кроме них, в комнате никого не было. Вскоре должна была начаться пресс-конференция. Прабхупада сказал, что хочет отдохнуть, и закрыл глаза.

В аэропорту парижские таможенники долго не выпускали Прабхупаду. Все это время его с нетерпением ждали около тридцати европейских преданных, которые прежде его никогда не видели. Они заметили его, когда он шел от самолета в здание аэропорта: он нес свою *санньяса-данду*, к которой был привязан зонтик. Он помахал им рукой, в которой держал мешочек с четками, но затем скрылся из поля зрения преданных за тонкой перегородкой, и только через два часа иммиграционная служба пропустила его.

Парижские преданные не догадались заранее позаботиться о машине для Прабхупады, поэтому, когда он спросил о машине, несколько преданных бросились ловить такси. Когда такси подъехало, Прабхупада вместе с Арадханой и Шантану поехал в индийское туристическое агентство. Остальные преданные остались — они подъедут позже.

Открыв глаза после короткого отдыха, Прабхупада увидел перед собой Арадхану, Шантану и Шьямасундара. С минуты на минуту ожидалось прибытие репортеров и остальных преданных. Когда Прабхупада сел, Шантану предложила ему манго, и Шрила Прабхупада улыбнулся.

Йогешвара: *Я сидел за дверью перед комнатой Прабхупады и жевал кожуру от манго, которое он ел. Сердце в моей груди бешено колотилось. Я не представлял, что будет дальше. Я получил посвящение полтора года назад, но*

еще ни разу не встречался лично с духовным учителем — и вот теперь он был здесь, прямо за дверью!

Вдруг дверь приоткрылась и из нее показалась голова Шьямасундары. Заметив, что я сижу снаружи, он повернулся и сказал:

— Здесь сидит какой-то преданный. Пригласить его, Шрила Прабхупада?

Я заглянул за дверь. Шрила Прабхупада, отдохнувший и исполненный царственного величия, сидел на диване, а его рука покоилась на колене. Отвечая на вопрос Шьямасундары, он жестом руки пригласил всех войти. Впервые в жизни я увидел нечто совершенное — этот его жест. Я вошел и сразу же растянулся в поклоне на полу. Вот тогда я понял: «Сейчас я с духовным учителем!»

Постепенно из аэропорта начали подъезжать преданные, и комната заполнилась. Пока Прабхупада тепло и весело беседовал со своими учениками, вдохновляя их проповедовать и рассказывая им о недавней поездке в Москву, подъехали журналисты. Практически никто из преданных не встречался раньше со своим духовным учителем, и Лочанананда начал одного за другим представлять их Шриле Прабхупаде.

Хари-Виласа: Я подъехал поздно, и когда вошел, испытал смешанное чувство удивления, радости, самодовольства и изумления оттого, что встретил чистого преданного Господа. Я вошел вместе с Гханашьямой, юношей, который начал переводить книги Прабхупады на французский. В комнате почти не было свободного места, и ГханаШьяма сразу же сел где-то сзади. В то время я был президентом храма и очень этим гордился. Поэтому через всю комнату я протиснулся к тому месту, где находился Прабхупада, и сел прямо перед ним. Я посмотрел на него, ожидая, что он посмотрит на меня, улыбнется, окажет какой-нибудь знак внимания, но он словно меня не замечал.

Лочанананда представлял Прабхупаде всех преданных. Он сказал:

— Это ГханаШьяма, переводчик.

— Где? — спросил Прабхупада, и все обернулись, чтобы посмотреть на ГханаШьяму, сидящего у стены.

— Пожалуйста, попросите его встать, — сказал Прабхупада.

ГханаШьяма встал. Прабхупада посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

— О, спасибо тебе большое!

Я сразу же почувствовал себя немного неловко и подумал: «Что я наделал? Я пролез вперед всех и жду, что меня заметят».

Затем Лочанананда сказал:

— А это Хари-Виласа. Он президент храма.

Прабхупада даже не посмотрел на меня. И я понял: да, я совершил большую ошибку. И поскольку он сразу указал мне на мой серьезный недостаток, я начал понимать: «Это мой духовный учитель».

Журналисты начали задавать вопросы, и, хотя подчас вопросы были поверхностны, Прабхупада пользовался ими как поводом подробно рассказать

о философии сознания Кришны и терпеливо отвечал. Конференция продолжалась целый час.

Выйдя из индийского туристического агентства, Прабхупада обнаружил, что опять никто не позаботился о машине, чтобы отвезти его в храм. Пока преданные бегали по улице, пытаясь поймать такси, Прабхупада ждал, стоя на тротуаре, перед кафе.

Полагая, что после напряженной пресс-конференции и долгого перелета из Москвы Прабхупада устал, кто-то из преданных предложил:

— Шрила Прабхупада, не желаете ли присесть на минутку? — и выдвинул из-под столика кафе один из стульев.

— Что это за место?

— Летнее кафе, — ответил преданный.

— Что люди здесь делают? Курят и пьют?

— Да, Шрила Прабхупада, это кафе. Здесь подают алкогольные напитки.

— Нет, — ответил Прабхупада. — *Гуру* не должен сидеть в таком месте.

Приехав в храм, Прабхупада омылся и отведал *прасада*. Завтра он должен был лететь в Лос-Анджелес, поэтому его однодневный визит в Париж был заполнен публичными мероприятиями. После короткого отдыха он снова выехал на проповедь.

Преданные арендовали театр «Олимпия» — огромный зал вместимостью более двух тысяч человек. Но из-за того, что преданные начали рекламировать лекции Прабхупады лишь за два дня до программы, пришло всего сорок человек. Но Прабхупада как ни в чем не бывало прочитал лекцию и провел *киртан*. После этого он отправился на телестудию, чтобы дать интервью.

Когда Прабхупада вернулся в храм, был уже час ночи. Преданным, которые весь день ездили с Прабхупадой, Шьямасундара сказал, что те должны отдохнуть полных шесть часов. Но на следующее утро Прабхупада встал как обычно и в пять утра потребовал объяснить, почему нет *мангала-арати*. Он послал своего слугу разбудить преданных, и когда те заторопились в алтарную, чтобы начать утреннее поклонение, Прабхупада вышел на утреннюю прогулку.

На прогулке Прабхупаду сопровождали Шьямасундара, Аравинда и Хари-Виласа, президент парижского храма. Весеннее утро было солнечным, и Прабхупада, шагающий со своей тростью, казался очень величественным.

Шьямасундара, — спросил Прабхупада, — почему все, кто живет семейной жизнью, в *майе*?

Так и не дождавшись от Шьямасундары ответа, Прабхупада ответил сам:

Это нормально. Таково их положение — находиться в *майе*.

Он сказал, что когда он приехал в Америку, то сначала хотел воспитывать *санньяси*. Но, увидев, что на Западе юноши и девушки общаются друг с другом без всяких ограничений, он решил сначала позволить своим ученикам жениться и завести ребенка, после чего жена могла уехать с ребенком во Вриндаван, а муж — принять *санньясу*. Рассмеявшись, Прабхупада сказал, что,

погрязнув в семейных делах, мужчина все больше привязывается к дому, банковскому счету, домашним животным и много чему еще.

В конце прогулки Прабхупада заговорил о Париже.

Здесь правят три вещи, — сказал он. — Вино, женщины и деньги. Как думаешь, Хари-Виласа? Правда?

Да, Прабхупада, бесспорно, — вино, женщины и деньги.

Прабхупада добавил, что, хотя привязанности к этим вещам очень сильны, Движение сознания Кришны может преодолеть их влияние.

Он сказал, что дома в пригороде Парижа, с их очаровательными огороженными дворами, просто превосходны. Но все это используется ради бессмысленного чувственного наслаждения. Француз может жить в превосходном доме с садом, иметь жену, счет в банке и машину, но, не обладая духовным знанием, он всегда будет привязан к своему дорогому имуществу, и после смерти эта его сильная привязанность заставит его родиться тараканом, крысой или собакой в собственном доме.

Прабхупада спросил Хари-Виласу, как, по его мнению, идет проповедь в Париже. Хари-Виласа ответил, что она, как ему кажется, вполне успешна, однако, возможно, было бы неплохо, если бы у храма была возможность зарабатывать больше денег, открыв какой-нибудь бизнес.

— Твое дело проповедовать, — ответил Прабхупада. — Если есть семейные люди, то пусть они и откроют дело.

Когда Прабхупада и его попутчики вернулись в храм, они увидели, что преданные с нетерпением ждут утренней лекции Прабхупады по «Бхагаватам». Но времени уже не было. Прабхупада должен был немедленно ехать в аэропорт. Он возвращался в Америку.

ХОТЯ ШРИЛЫ Прабхупады не было в Америке около года, по милости Кришны его Движение расцвело, а преданные еще сильнее полюбили своего духовного учителя. Получая отчеты и фотографии с триумфального турне Прабхупады по Индии, его ученики загорались желанием усилить собственную проповедь. К каждому американскому центру присоединялись новые преданные, и старшие передавали им учение Прабхупады. Сотни новичков, принявших своим духовным учителем Шрилу Прабхупаду, с нетерпением ожидали посвящения.

Как же это отличалось от того, первого приезда Прабхупады в Америку в 1965 году! Тогда он бродил по холодным улицам один, не имея ни денег, ни храма, и никто не обращал на него внимания. Порой он подумывал о том, чтобы бросить все и вернуться на корабле в Индию. Но он сохранял непоколебимую веру, и теперь, менее чем шесть лет спустя, в десятках центров ИСККОН по всей Америке ему поклонялись сотни учеников и восторженными толпами бежали ему навстречу.

Лос-Анджелес

26 июня 1971 года

Год назад Прабхупада покидал Лос-Анджелес, обеспокоенный политической неразберихой в местном храме. Вернувшись, он увидел, что преданные оправились от пережитых потрясений. Теперь они с верой выполняли его указания: пели на улицах, распространяли «Бэк ту Годхед» и поклонялись Божествам Рукмини-Дваракадхиши. В пышно украшенном лос-анджелесском храме Прабхупада провел большую церемонию посвящения, приняв несколько десятков новых учеников.

27 июня Шрила Прабхупада вылетел из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско, чтобы принять участие в пятой ежегодной Ратха-ятре. В аэропорту его встречали около двухсот последователей.

— Сколько у вас преданных? — спросил репортер.

— Не счесть, — ответил Прабхупада. — Некоторые это признают, некоторые нет. Признайте, что вы слуга Господа Кришны, и ваша жизнь увенчается успехом.

Проведя два дня в Сан-Франциско, Прабхупада вернулся в Лос-Анджелес и 16 июля вылетел в Детройт. Секретарем Джи-би-си по Среднему Западу был Бхагаван дас. Энергично проповедуя в своей зоне, он открыл центры в Сент-Луисе, Чикаго и некоторых других городах. В аэропорту Детройта Прабхупаду встречали более трехсот преданных, большинство из которых до этого ни разу его не видели.

Сурешвара: Чтобы приветствовать Шрилу Прабхупаду в аэропорту Метро, в Детройт съехались преданные из Восточной Канады и со всего Среднего Запада. В центре зала для встреч стоял красно-золотой трон. Преданные в ожидании Прабхупады танцевали и пели «Харе Кришна». Когда самолет наконец приземлился, океан блаженства вышел из берегов. К самолету приставили трап, но Шрилы Прабхупады не было видно. Я начал волноваться — когда же он войдет? Внезапно раздался общий крик. Я оглянулся. Преданные кланялись.

Урукрама: Шрила Прабхупада вошел в зал. Он сиял, как солнце, и все тотчас распростерлись на полу, но не так, как это обычно бывает во время общего поклона, — в тот миг словно какая-то неодолимая сила бросила нас на колени. Поднявшись, я не мог поверить глазам. Прабхупада! Почти все плакали.

Индрадьумна: В первый раз я увидел Прабхупаду через объектив фотоаппарата и подумал, что на своих фотографиях он выглядит точно так же. До этого я видел его только на снимках, и теперь он был точно таким же, только двигался. Все преданные со слезами на глазах падали ниц. Это было трансцендентно и эмоционально. Я смотрел на старших преданных — как они любят Шрилу Прабхупаду! — и чувствовал себя недостойным и грешным.

Урукрама: Прабхупада оставлял впечатление могущества, но в то же время был нежен и мягок, как прекрасный цветок. Он шел очень медленно, и преданные образовали для него проход. Он подошел к Киртанананде Махарадже, надел на него гирлянду и обнял его. Киртанананда Махараджа обливался слезами экстаза и казался маленькими мальчиком рядом со своим духовным отцом. Затем Прабхупада направился к Бхагавану и потрепал его по голове. Он обнял Бхагавана, и тот тоже заплакал, как маленький ребенок, встретивший отца после долгой разлуки.

Вишвакарма: Я опоздал. Когда я вошел, я боялся даже посмотреть на Шрилу Прабхупаду, потому что считал себя слишком грешным, чтобы смотреть на чистого посланника Бога. Поэтому я стоял позади преданных, боясь поднять глаза. Наконец я понял, что это глупо, ведь созерцать лик чистого преданного Кришны — совершенство для глаз. Я поднял голову и увидел его сидящим на вьяса-асане; он пил воду из стакана. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так пил воду — не касаясь стакана губами. Вода серебряной струйкой лилась из стакана прямо в рот и в горло Шриле Прабхупаде. В несколько глотков он опустошил стакан. Он казался величественным мудрецом из духовного мира. Все преданные пели, а он, довольно улыбаясь, оглядывал их. Все были переполнены трансцендентным блаженством. Я, как и большая часть присутствовавших преданных, не мог сдержать слез.

Прабхупада заговорил.

— Мне очень приятно, что столько преданных, юношей и девушек, примкнули к этому великому Движению, Движению сознания Кришны. Это

очень важное Движение, ибо оно возвращает человеческую цивилизацию на правильный путь. Огромный недостаток современной цивилизации в том, что люди принимают свое тело за себя самого. И поскольку эта ошибка лежит в основе всего, остальное тоже ошибочно. Отождествление этого тела с самим собой — вот источник всех проблем. Но великие философы, ученые, богословы и просто образованные люди не понимают, что именно не так. Недавно я был в Москве. У меня состоялась приятная беседа с профессором индологии, профессором Котовским. И он сказал: «Свамиджи, после смерти этого тела всему приходит конец». Я был поражен, что ученый профессор, занимающий очень ответственный пост, не имеет ни малейшего представления о душе и теле — об их различии, о том, как душа переселяется из одного тела в другое...

Тут по громкоговорителю объявили, что холл необходимо освободить для пассажиров следующего рейса.

— Они говорят о нас? — спросил Прабхупада. — Пора заканчивать? Хорошо. Поехали.

Тем вечером в алтарной комнате центра ИСККОН в Детройте Шрила Прабхупада занял свое место на *вьяса-асане* перед Божествами Господа Джаганнатхи, Субхадры и Баларамы. Один из преданных вел *киртан*, а Прабхупада играл на *караталах*, оглядывая зал, заполненный учениками. Он кивал головой, наслаждаясь их пением и танцем. После *киртана* он прочитал лекцию.

— Посмотрите, как формируется их характер, как они очищаются, как их лица начинают светиться! Все проверяется на практике. Поэтому я прошу вас: воспользуйтесь всеми преимуществами, которые предоставляет этот центр. Приходите сюда. Им управляет один из моих лучших учеников, Бхагаван дас. Он и другие помогут вам. Пожалуйста, приходите в этот храм регулярно, воспользуйтесь этой возможностью.

После лекции Прабхупада спросил, есть ли вопросы. Руку поднял Бахулашва.

— Шрила Прабхупада, что вас больше всего порадует?

— Повторяйте «Харе Кришна», — ответил Прабхупада, и преданные встретили его слова спонтанным «Джая! Джая!».

Прабхупада: *Нет ничего проще. Вы поете. Я очень этому рад. Вот и все. Я приехал в вашу страну, чтобы петь «Харе Кришна» и чтобы и вы пели вместе со мной. Повторяя святое имя, вы помогаете мне. Это приносит мне удовлетворение. Но и само это желание, порадовать меня, замечательно. Это очень хорошее желание. Порадовать меня совсем не сложно. Чайтанья Махапрабху сказал: «Следуя Моему наказу, каждый из вас должен проповедовать и стать духовным учителем». Каков же этот наказ? «Кого бы ты ни встретил, говори ему о Кришне».*

Прабхупада подчеркнул, что если человек хочет проповедовать и быть представителем Кришны, то он не должен искажать Его послание, а должен

повторять то, что говорит Сам Кришна.

— Я здесь впервые, — продолжал Прабхупада. — Однако до меня здесь все организовал Бхагаван дас. В чем его заслуга? Он делал все, как я ему сказал. Вот и все. В этом чудо. В Лос-Анджелесе дела тоже идут очень хорошо. Мой ответственный ученик там — Карандхара. Он тоже сейчас здесь. Он действует согласно моим наставлениям, и у него все получается очень хорошо — просто отлично. Все, кто приходит, очарованы храмом, храмовой жизнью, преданными. Так и надо. Это называется *парампара*. Не выдумывайте ничего от себя.

Когда вечером Прабхупада выходил из храма, к нему подошла мать одного из его учеников.

— Знаете, — сказала она, — эти мальчики действительно вам поклоняются!

— Да, — ответил Прабхупада, — такова наша традиция. Я тоже поклоняюсь своему Гуру Махарадже.

Преданные, обступившие Прабхупаду, переглянулись и понимающе улыбнулись. Хотя эта женщина хотела показать, что подобное отношение со стороны учеников есть нечто исключительное, Прабхупада не придавал этому особого значения. Ученик *должен* поклоняться гуру. Такова традиция вайшнавов, и здесь нет ничего удивительного.

* * *

У Шрилы Прабхупады было столько центров в США, что заезжать в каждый было непрактично. За тот год, что он провел в Индии, в Америке открылось много новых центров — на Западном побережье, во Флориде, в Техасе, на Среднем Западе и на Востоке. Прабхупада говорил, что у него больше владений и домов, чем у любого состоятельного бизнесмена. И если бы ему пришлось заезжать в каждый из них, шутил он, то и за целый год ему бы не удалось объехать их все. Особенно он любил упоминать о ежемесячных расходах своих центров перед индийской публикой.

Прабхупада с гордостью говорил о росте ИСККОН, но при этом никогда не гордился собой и не помышлял использовать ИСККОН для собственного наслаждения. Случалось, что, когда он посещал какой-нибудь очередной центр, квартиру, где он должен был остановиться, готовили в последнюю минуту. Часто его беспокоили шумные соседи. Бывало, что преданные, которые готовили для него еду, толком не умели этого делать. А постоянные путешествия едва ли могли способствовать его здоровью и комфорту в его семьдесят пять лет.

Прабхупада никогда не впадал в самодовольство от того успеха, которого достигло его Общество, и никогда не приписывал этот успех себе. Напротив, он говорил, что успех к ним приходит по милости его духовного учителя и *ачарьев* прошлого. Влияние ИСККОН в мире было по-прежнему небольшим;

люди считали его маленькой, экзотической религиозной сектой. Но благословениями предшествующих *ачарьев* это Общество ширилось и развивалось. Прабхупада давал посвящение все большему числу учеников, и возможности были безграничны.

Господь Чайтанья говорил, что духовный учитель не должен принимать слишком много учеников, ибо это может послужить причиной его страданий. Тем не менее, чтобы расширить Движение Шри Чайтаньи Махапрабху, во время своего летнего турне по США в 1971 году Шрила Прабхупада дал посвящений больше, чем когда бы то ни было до этого. Как уполномоченный представитель Господа Чайтаньи, он хотел, чтобы число преданных постоянно росло. Он понимал, на какой риск идет. Но знал он и то, насколько нуждается мир в преданных. В своем «Нектаре преданности» он писал:

Есть еще одно соображение: не увеличивая числа учеников, невозможно распространять сознание Кришны. Поэтому, порой даже идя на риск, *санньяси*, принадлежащий к школе Чайтаньи Махапрабху, может принять в ученики человека, который не обладает всеми необходимыми для этого качествами. По милости истинного духовного учителя такой ученик сможет постепенно прогрессировать. Однако, если духовный учитель увеличивает количество учеников просто ради дешевых почестей, престижа, он неизбежно сойдет с пути сознания Кришны.

Для проверки готовности ученика к посвящению Шрила Прабхупада всегда руководствовался следующими правилами: кандидат должен был по меньшей мере полгода следовать четырем регулирующим принципам и ежедневно повторять как минимум шестнадцать кругов *мантры*, а также иметь рекомендацию от президента храма и местного секретаря *Джи-би-си*. Прабхупада принимал любого, кто отвечал этим требованиям, и надеялся, что ученик останется искренним и будет соблюдать обеты, данные при посвящении.

Хотя учеников у Прабхупады становилось все больше, каждый из них был тронут его личным отношением к себе. Продолжительным общением с ним наслаждались лишь немногие, большинство учеников видели его только издали, однако любой из них твердо знал: «Прабхупада мой». Каждый мог сказать: «мой духовный учитель». Каждый мог произнести «Прабхупада» и почувствовать себя рядом со своим дорогим другом и благожелателем, который спасал его от смерти. Они знали, что Прабхупада — прямой представитель Кришны и самый могущественный *ачарья*, проповедующий учение Господа Чайтаньи. Искренние ученики не сомневались в том, что имеют с Прабхупадой трансцендентную связь, которую не могут разорвать и которой не могут помешать никакие обстоятельства: ни отсутствие личного общения, ни далекие расстояния. Если они подчинялись наказам Прабхупады, Кришна изнутри помогал им духовно расти. Если они были искренни,

Кришна помогал им становиться более достойными учениками Шрилы Прабхупады.

Любовь, которую питали к Прабхупаде преданные, не была каким-то смутным, неопределенным чувством. Он задействовал их в служении Кришне, и они непосредственно ощущали трансцендентные плоды этого. Однако понять личность Шрилы Прабхупады, постичь глубину любви его учеников к нему и осознать, скольким они были ему обязаны, мог только преданный. Неудивительно, что люди в аэропорту Детройта не понимали, почему преданные, встречая Шрилу Прабхупаду, выражают такой неистовый восторг и пребывают в таком блаженстве.

* * *

Нью-Йорк

19 июля 1971 года

После Детройта Прабхупада посетил Бостон, а затем полетел в Нью-Йорк, где его также встречала большая толпа преданных. Газета «Нью-Йорк дейли ньюс» посвятила его приезду фоторепортаж и статью под названием «Свами, как они вас любят!».

Бхавананда, президент нью-йоркского храма, оформил алтарную комнату бруклинского центра в ярких тонах. *Вьяса-асана* Прабхупады была настоящим шедевром из клетчатой и полосатой ткани разных цветов: пурпурного, ярко-белого, черного и красного. Прабхупаде она очень понравилась.

Двести преданных — многие из них ждали посвящения уже больше года — съехались в бруклинский храм, и Прабхупада проводил церемонии посвящения пять дней подряд, принимая каждый день по два десятка учеников. Юноши и девушки по очереди подходили к Прабхупаде, сидящему на разноцветной *вьяса-асане*, чтобы получить свои четки и духовные имена. Те, кто получал посвящение в *брахманы*, по одному входили в комнату духовного учителя и слушали, как он повторяет для них *мантру гаятри*.

Мадхумангала: *Я вошел в комнату Прабхупады и поклонился. «Подойди сюда», — сказал он. Я подошел и сел рядом с ним. Он начал учить меня мантре гаятри, а я смотрел на него снизу вверх. В окно, прямо за его головой, светило солнце. Он казался горой, Гималаями, а я был песчинкой, камешком. Он был велик, а я ничтожен.*

Риктананда: *Прабхупада повернулся ко мне лицом, и его глаза показались мне бездонными, прекрасными озерами. Я знал, что он всегда сосредоточен на Кришне, и в его глазах отражалось счастье, которое он испытывал. Он сказал мне что-то, а я ответил: «Нет, сэр». Я не мог обратиться к нему по-другому, и, кажется, ему понравилось, что я назвал его «сэр». Очень четким, мягким, ровным голосом он начал учить меня мантре гаятри. Затем он взял священный шнур и грациозно, точным движением, надел его мне на плечо, обернув вокруг шеи. «Теперь, — сказал он, — ты брахман».*

Дайви-Шакти: Прабхупада дал мне маленький листок бумаги с написанными на нем мантрами гаятри. Он читал их мне с закрытыми глазами. Я повторяла за ним, слово за словом. Но когда он дошел до третьей мантры, вместо гурудевайя он произнес слово из пятой мантры. Я не знала, что делать — повторять за ним или прочитать то, что написано на листке. Я прочитала так, как было написано, и Прабхупада, поняв, что оговорился, сразу же поправился. Но потом я вдруг поняла, что не так уж и важно, насколько точно мы произносили мантры. Прабхупада был полностью поглощен мыслями о Кришне, поэтому, несмотря на, казалось бы, допущенную ошибку, он все равно оставался совершенным. Я поняла, что настоящее совершенство преданного служения состоит в том, чтобы следовать за Прабхупадой.

Получив мантру гаятри, я спросила Прабхупаду, могу ли я задать ему вопросы. Он разрешил. «Шрила Прабхупада, — спросила я, — до сих пор я не могла служить вам с неослабным вниманием. Что я могу сделать для вас?» Я молилась о том, чтобы он поручил мне какое-нибудь особое, личное служение ему.

— Повторяй «Харе Кришна», — только и сказал он.

— Может быть, что-то еще? — спросила я.

— Ты замужем? — спросил он в ответ.

— Да.

— Служи своему мужу.

— Мы не ладим друг с другом, — призналась я.

Тогда он посоветовал:

— Будь пуджари — столько всего можно делать!

Его ответ избавил меня от всех моих проблем. В первую очередь я должна была повторять «Харе Кришна». Но помимо этого существовало огромное количество способов служить Кришне. Если не получается что-то одно, можно попробовать другое — «Столько всего можно делать!» Когда он произнес эти слова, я избавилась от всех своих беспокойств.

В Нью-Йорке Прабхупада читал очень серьезные и категоричные лекции по «Шримад-Бхагаватам», в которых делал упор на то, как преданность Кришне проявляется через преданность Движению сознания Кришны. В отличие от других религиозных проповедников, Прабхупада мог предложить слушателям Движение, Общество и, кроме того, целый образ жизни в сознании Кришны. Это давало любому заинтересованному человеку практическую возможность приступить к преданному служению Богу.

На одной из лекций кто-то спросил его, как закоренелый грешник может освободиться от кармы. Прабхупада дал простой ответ:

— Приходите и живите с нами. Вот и все. Разве трудно? Наши ученики живут с нами. Просто приходите и живите с нами, и вы освободитесь от всей кармы. Разве это трудно? Так давайте! Мы дадим вам пищу и кров, мы поделимся с вами замечательной философией. Если хотите жениться, мы

найдем вам хорошую жену. Что вам еще нужно? Приходите и живите с нами! Больше ничего не требуется.

В лекциях Прабхупада постоянно подчеркивал тот же момент: если человек, пытающийся удовлетворить духовные потребности, живет и служит Кришне с преданными ИСККОН, то даже материальные его потребности будут удовлетворены.

— Эти юноши и девушки в сознании Кришны — в наших шестидесяти центрах — живут в лучших домах. Они едят лучшую пищу. Они пребывают в наилучшем сознании. У них лучшие надежды. Все самое лучшее. Даже их внешность. Какое еще материальное счастье вам нужно? У них есть жены, дети, счастье, дом — все, что только можно пожелать. Для человека, обладающего сознанием Кришны, материальное счастье — ничто. Материальное счастье будет валяться у него в ногах и умолять: «Пожалуйста, возьми меня, пожалуйста, возьми меня». Преданному не нужно даже просить об этом. Просто оставайтесь непоколебимыми и просите Кришну: «Пожалуйста, займи меня служением Тебе». И удовлетворение придет само собой. Не беспокойтесь о материальном счастье.

Нанда-Кишора спросил:

— Что произойдет с человеком, обычным прохожим, если мы дадим ему «просто чудо»^[19] или еще какой-нибудь прасад?

Прабхупада: *Произойдет чудо — просто чудо. (Смех.) Он никогда в жизни не пробовал таких изумительных сладостей. Поэтому давайте ему это чудо, и благодаря тому, что он съест эту чудесную сладость, когда-нибудь он придет в ваш храм и сам станет чудесным человеком. Потому-то эта сладость и называется «просто чудо». Так что продолжайте раздавать это «просто чудо» на улицах. Ваша философия — просто чудо, ваш прасад — просто чудо, вы сами — просто чудо. И ваш Кришна — тоже просто чудо. Весь этот путь — просто чудо. Кришна чудесен, и этот путь тоже чудесен. Кто будет это отрицать?*

Киртанананда Махараджа: *Прабхупада — просто чудо!*

Пока Прабхупада находился в Нью-Йорке, планируя через несколько дней вылететь в Лондон, его секретарь сообщил ему, что многие центры США по-прежнему состязаются за право принять его у себя. Прабхупада обронил, что если какой-нибудь центр соберет на его лекцию хорошую аудиторию и оплатит дорожные расходы, а также пожертвует тысячу долларов, то он заедет в этот центр перед тем, как лететь в Лондон.

Услышав об этом, преданные из Гейнсвилла (Флорида) решили принять трансцендентный вызов Прабхупады. Президент храма, Хридаянанда, попросил неинициированного преданного, Дэвида Либермана, найти в Университете Флориды спонсора, готового заплатить тысячу долларов за прием и лекцию Прабхупады. Дэвид обошел в университетском городке все студенческие организации, и в конце концов спонсор нашелся.

Прабхупада согласился принять их приглашение, хотя секретарь сообщил ему, что самолет два часа простоит в Атланте, затем нужно будет лететь в Джексонвилл, а оттуда до Гейнсвилла еще полтора часа езды на машине.

* * *

Атланта

29 июля 1971 года

Десять обитателей недавно открывшегося храма в Атланте организовали для Прабхупады прием во время его двухчасовой остановки в аэропорту. Они приготовили роскошный пир и украсили зал для почетных гостей фруктами, цветами и гирляндами.

Билл Огл: *Хотя внешне Шрила Прабхупада был небольшим, своим появлением он сразу же привлек внимание всего аэропорта Атланты. Когда он шел, с высоко поднятой головой, с каждым шагом грациозно переставляя свою трость, все взгляды были устремлены на него. Этот аэропорт — один из самых оживленных в стране, но все, кто замечал Прабхупаду, взирали на него с изумлением. Служащие аэропорта по собственной инициативе начали освобождать для Прабхупады проход. Но самое поразительное то, что он слушался нас, своих незначительных учеников!*

Прабхупада вошел в зал для почетных гостей, а вместе с ним вошли ученики и еще человек двадцать приглашенных индийцев. Подойдя к переносной вьяса-асане, которую поставили на мраморный стол, Прабхупада не рискнул садиться на нее: вьяса-асана казалась неустойчивой. Однако преданные заверили, что она выдержит, и Прабхупада взошел наверх, сел и начал киртан. После киртана Прабхупада минут пятнадцать говорил, обращаясь к присутствующим.

— Это не какое-то сентиментальное пение. За ним стоит разумнейшая философия, ведические писания. У нас есть множество книг, и вы можете приобрести их в нашем книжном магазине. Где книги?

Повисла долгая пауза. Преданные подготовили всё: фрукты, цветы, кресло, пир, пригласили индийцев — но забыли про книги Прабхупады. Прабхупада молчал, ожидая ответа на заданный вопрос. Наконец один из его старших учеников, Джанамеджая, проговорил:

— Прабхупада, обычно у нас есть книги.

— Хм-м, — только и сказал Прабхупада.

И снова повисло долгое молчание.

— Итак, — Прабхупада посмотрел на слушателей, — есть ли вопросы?

Прабхупада непринужденно беседовал с индийцами, расспрашивая, как их зовут и из каких они мест. Индийцы — в большинстве своем молодые люди с семьями — относились к Прабхупаде с уважением, как к дедушке или

почтенному *свами*. Один индеец, которому на вид было лет тридцать пять, сказал, что на днях получил ученую степень по биологии.

— О, биология, — сказал Прабхупада. — Хм-м, бедные лягушки.

Все присутствующие, кроме биолога, разразились смехом.

— Нет, нет, — запротестовал смущенный биолог. — Почему «бедные»?

— Да потому, что вы их убиваете, — ответил Прабхупада.

— Но ведь это ради научного прогресса, — стал оправдываться биолог. — Оно того стоит! Все это ради развития науки!

— Хорошо, — сказал Прабхупада. — Если я сейчас попрошу вас, пожертвуете ли вы своим телом ради прогресса науки?

Все опять засмеялись.

— Да! Да! Пожертвую! — воскликнул мужчина.

Но чем больше он протестовал, повторяя: «Да! Пожертвую!» — тем смешнее казался, и тем громче смеялись собравшиеся.

— Сколько всего видов жизни на земле? — спросил Прабхупада.

— Пятьдесят миллионов, — ответил биолог.

— О? И вы их все видели?

— Нет.

— Сколько вы видели?

— Может быть, тысяч пять...

— Вы ошибаетесь, — сказал Прабхупада. — Есть 8 400 000 видов жизни. Мы опираемся на научное знание Вед.

Билл Огл: *Когда Прабхупада поел прасад, мы показали ему спектакль «Брахман и сапожник». Я играл Вишну. Это был кошмар. Я должен был играть Вишну, а моя жена — Лакшми, Я лежал, как Господь Вишну, а жена растирает мне стопы. Прабхупада неотрывно смотрел на меня, и мне казалось, что он думает: «Что это за негодяй играет Вишну?» Я думал: «Какой ужас. Зачем я это делаю?» Мне было очень стыдно находиться перед Прабхупадой в таком виде.*

Джаясена играл Народу Муни. За весь спектакль он поклонился, наверное, раз сто, не меньше. Поскольку там был Прабхупада, Джаясена постоянно кланялся всем и вся. И хотя он был Нарадой Муни, он поклонился и сапожнику. Со стороны индийцев слышались голоса. Они недоумевали, как Нарада Муни, такой великий святой, мог кланяться сапожнику — человеку столь низкого сословия.

В этот момент Прабхупада прервал спектакль и начал объяснять:

— На самом деле, — сказал он, — нет ничего дурного в том, что Нарада Муни кланяется сапожнику, ведь сапожник этот — вайшнав. Любой вайшнав достоин того, чтобы ему кланялись, — больше, чем любой брахман.

Прабхупада сказал это, и мы продолжили спектакль. Было здорово!

Когда Прабхупада выходил из зала, чтобы сесть в самолет до Джексонвилла, одна женщина, сидевшая в инвалидном кресле (мать одного из преданных в Атланте), поднялась и бросилась к ногам Прабхупады. Со слезами на глазах она воскликнула:

— Я умираю от рака. Спасите меня! Спасите меня!

Шрила Прабхупада нагнулся и положил руку ей на голову.

— Все хорошо, — успокоил он ее. — Все хорошо.

Когда Прабхупада, в гирляндах из магнолий и красных роз, шел по коридору к самолету, преданным он казался величественным, словно царь. Он излучал золотистое сияние и выглядел могущественным, но при этом скромным. Преданные чувствовали духовную силу, и каждый обещал себе следовать наставлениям Прабхупады. В последний раз они взглянули на него, когда он направлялся по летному полю к маленькому самолету, который должен был доставить его в Джексонвилл. Ветер раздувал его шафрановое шелковое *дхоти* и *курту*. Он обернулся и помахал преданным рукой.

* * *

Гейнсвилл

29 июля 1971 года

Шрила Прабхупада спросил, с какой скоростью едет машина и сколько времени займет дорога до Гейнсвилла.

— Сто километров в час, — ответил водитель. — На дорогу уйдет полтора часа.

Прабхупада рассматривал пейзажи вокруг шоссе — сосновые леса, болота, экзотических птиц. Порой он замечал броненосца, роющегося в земле на обочине дороги. В каналах вдоль дорог росли дикие лотосы и лилии, яркое солнце нагревало чистый воздух.

Поездка в Гейнсвилл была незапланированной — это была особая проповедническая поездка. Прабхупада оставил своего секретаря, Шьямасундара, в Нью-Йорке, а с собой взял только Аравинду, слугу. Он приехал всего на один день, чтобы принести милость Господа Чайтаньи еще в один город. В аэропорту Прабхупада казался серьезным, но, заметив преданных, он широко улыбнулся и, обратившись к Хридаянанде, спросил: «Куда идти?» Он был словно духовный воин, который просит направить его к месту сражения.

Прабхупада прошел по усыпанному цветочными лепестками проходу в храм — арендованное здание рядом со студенческим городком Университета Флориды. С минуту он постоял в алтарной комнате, рассматривая картину, изображавшую Господа Чайтанью и Его преданных. Картина была написана неумело, но искренне. Хридаянанда спросил, не хочет ли Прабхупада отдохнуть, и тот кивнул. Пока преданные пели *киртан*, Прабхупада отдохнул в своей комнате и, вернувшись в маленькую алтарную, сел на большую *вьяса-асану*, обитую синим бархатом. Помимо учеников Прабхупады из Гейнсвилла, Майами, Таллахасси и Нового Орлеана, в храме собралось много студентов и других гостей.

— Мне очень приятно видеть здесь столько юношей и девушек, — начал Шрила Прабхупада, — в этом далеком краю, от которого так не близко до места рождения Господа Чайтаньи.

Прабхупада прочитал лекцию о спасительной милости святого имени Господа. Он рассказал, как один из его учеников присутствовал при смерти своей матери.

— Благодаря тому, что он рассказывал ей о Кришне и о движении «Харе Кришна», ее последними словами, обращенными к сыну, были: «Где же твой Кришна? Он сейчас здесь?» В этот момент она умерла.

За то, что эта женщина произнесла святое имя и подумала о Кришне, сказал Прабхупада, она отправится в духовный мир.

Когда Прабхупада закончил лекцию, одна молодая корреспондентка из университетской газеты подняла руку.

— Я вижу, практически все, кто присутствует здесь, молоды, — сказала она. — Почему?

Прабхупада ответил вопросом:

— Почему в университете столько молодежи?

Девушка на секунду задумалась:

— Ну... Наверное, потому, что этот возраст подходит для учебы.

— Верно, — согласился Прабхупада. — И тот же возраст подходит для сознания Кришны. Старую собаку новым трюкам не выучишь.

Программа, ради которой приехал Прабхупада и за которую Университет Флориды заплатил ему тысячу долларов, должна была состояться в тот же день на территории университета, на площади Америк. Когда Прабхупада приехал, рядом с временной сценой уже собралось несколько сотен студентов, рассеявшихся тут и там на траве, в тени ароматных магнолий. Небо было затянуто тучами, сулившими дождь.

Студенты все подходили, и слушателей собралось уже человек пятьсот. Прабхупада уже был готов начать лекцию, как вдруг заморосило, и Хридаянанда поднялся на сцену, чтобы держать над ним зонт.

Сев на *вьаса-асану*, Прабхупада негромко сказал в микрофон:

— Кто-то курит, — и студенты послушно потушили свои сигареты.

Однако не успел он начать, как затявкала чья-то собака. Прабхупада остановился:

— Что там за собака?

Собака не умолкала.

— Она тоже просит слова.

В конце концов лай прекратился — прекратился и дождь. Но Хридаянанда продолжал держать зонт над головой Прабхупады.

По дороге назад в храм, в машине, Прабхупада попросил послушать запись своей лекции. Услышав лай собаки, он рассмеялся.

— Прабхупада, — сказал Хридаянанда, — лекция была удивительная. Всем понравилось: студентам, преданным, профессорам.

— Хорошо, — сказал Прабхупада. — Харе Кришна.

Но это была не последняя на тот день проповедническая программа. Вечером Прабхупаду ожидало телеинтервью.

Ведущий прочитал вступительное слово, а затем представил зрителям Шрилу Прабхупаду, рассказав, кто такой Кришна с точки зрения Вед, и упомянув, что Шрила Прабхупада состоит в цепи учителей, берущей начало от Господа Чайтаньи. Когда ведущий дал ему слово, Шрила Прабхупада объяснил:

— Движение сознания Кришны пытается пробудить в людских сердцах изначальное сознание того, что все мы — неотъемлемые частицы Кришны.

Ведущий спросил Прабхупаду:

— Кто ваш духовный учитель?

И Прабхупада, смиренно склонив голову, произнес полное имя своего Гуру Махараджи:

— Ом Вишнупада Парамахамса Паривраджакачарья Бхакти-сиддханта Сарасвати Госвами Махараджа Прабхупада.

Ведущий, однако, оказался любителем поспорить.

— Итак, сэр, позвольте спросить, думали ли вы и думаете ли сейчас, что учение о любви к Богу, которое вы проповедуете, отличается — может быть, в лучшую сторону — от учения о любви к Богу, которое было известно в этой стране и в остальном мире в течение многих столетий?

Шрила Прабхупада: *Наше учение самое авторитетное. Это факт. Мы следуем по стопам Господа Чайтаньи. Опираясь на авторитет ведической религии, мы считаем Его Самим Кришной. Например, вы специалист в своем деле. Если кто-то работает под вашим руководством и вы лично учите его: «Делай так и так», его тоже можно назвать специалистом. И когда Господь Чайтанья учил людей сознанию Кришны, это значит, что Сам Бог этому учил.*

Прабхупада постарался ответить в позитивном ключе, чтобы не вовлекаться в конфессиональные споры, в которые пытался втянуть его ведущий. Однако тот не унимался, снова и снова пытаясь вывести Прабхупаду на полемику. Похоже, он хотел представить своего гостя высокомерным и претендующим на исключительность и к тому же настроенным против Америки. Но Прабхупада вновь и вновь подчеркивал, что он совершенно не против других религий и что любой человек в мире может повторять то имя Бога, которое признает его религия.

Ведущий: *Но, наверное, все-таки есть с вашей стороны некоторый элемент недовольства тем, как люди исповедовали религию в этой части света до вашего приезда. Иначе в вашем пребывании здесь не было бы смысла.*

Шрила Прабхупада: *Не только в этой части мира. Практически во всех уголках планеты люди не проявляют особого интереса к Богу. Им больше*

интересны собаки.

Прабхупада отвечал уверенно, опираясь на сильные философские доводы. Но ведущий, используя все свои профессиональные навыки, вновь и вновь пытался найти в его словах какой-нибудь изъян.

Ведущий: Сэр, мне кажется, что, согласно вашим книгам, вы делаете очень большой упор на взаимоотношениях между индивидуумом и Богом.

Шрила Прабхупада: Да. Об этом говорят все религии.

Ведущий: Да, но вы больше уделяете внимания именно этим отношениям, нежели отношениям между одной личностью и другой. Я правильно понял?

Шрила Прабхупада: Прежде всего мы должны восстановить наши утраченные взаимоотношения с Богом. Затем мы сможем понять и свои отношения друг с другом. Если центральное звено отсутствует, отношений практически никаких нет. Вы американец, и другой человек американец, и вы оба чувствуете себя американцами, поскольку есть центр — Америка. Итак, пока вы не постигнете Бога, вы не сможете понять, кто я, а я не смогу понять, кто вы.

Ведущий: Я думаю, в нашей части мира, на Западе, в религии огромный упор делается на то, как одному человеку вести себя с другим, — На этике. А в Движении сознания Кришны...

Шрила Прабхупада: Нас не особо волнует, как один человек ведет себя с другим.

Ведущий: Разве это не является одной из составляющих вашего Движения сознания Кришны?

Шрила Прабхупада: Нет, это не существенно. Мы знаем, что, стоит человеку понять, как вести себя с Богом, и он естественным образом будет хорошо вести себя с другими людьми.

Ведущий: Но возьмем, к примеру, христианство. Вам известно о десяти заповедях? В этих десяти заповедях делается серьезный акцент на отношениях между одним человеком и другим: «Не укради. Не убий». И так далее.

Шрила Прабхупада: Я часто говорю, что Иисус Христос никогда не говорил и не имел в виду, что заповедь «не убий» относится только к людям. Где доказательство? Иисус Христос никогда не говорил, что «не убий» относится только к людям. Не убивай никого из живущих.

Ведущий: Никого из живущих?

Шрила Прабхупада: Никого из живущих. Такова религия.

Ведущий: Эта заповедь никогда не трактовалась подобным образом.

Шрила Прабхупада: Вы трактуете ее по-своему, но Христос сказал: «Не убий». Он не говорила: «Не убивай человека». Почему вы трактуете его слова именно так?

Прабхупада дал своему собеседнику то, чего тот хотел, — полемику, но полемика такого рода не входила в планы ведущего, поэтому он быстро

сменил тему. Он спросил, как по поведению можно распознать истинного последователя сознания Кришны.

Прабхупада: Он совершенный джентльмен. Вот и все... Поэтому я запрещаю своим ученикам есть мясо.

Ведущий: Есть мясо?

Шрила Прабхупада: Да. И по той же причине я запрещаю незаконную половую жизнь. Я запрещаю одурманивающие вещества. Мои ученики даже не курят, не говоря уж об алкоголе и наркотиках.

Когда Прабхупада сказал, что соблюдающий эти четыре правила становится идеальным джентльменом, ведущий поинтересовался, есть ли в Движении сознания Кришны место женщинам. Прабхупада ответил, что женщины и мужчины имеют одинаковые права и следуют одним и тем же принципам. Ведущий спросил, доволен Прабхупада своими успехами или нет, и Прабхупада сказал, что доволен, поскольку к Движению присоединяется всё больше и больше преданных. Ведущий позволил себе усомниться в этом, поскольку из двухсот миллионов американцев в телестудии присутствовало всего около двадцати преданных.

— Продавая бриллианты, — ответил Прабхупада, — не ждите, что за ними выстроится очередь.

Напоследок ведущий спросил, нет ли у Прабхупады серьезных претензий к американскому обществу.

Шрила Прабхупада: Мне не на что пожаловаться. Американская молодежь замечательная. Я, скорее, очень рад, что эти юноши и девушки стремятся к чему-то лучшему. Они разочарованны. Поэтому сейчас, когда у них появилась возможность получить самое лучшее, они приходят к нам.

Ведущий попросил Шрилу Прабхупаду и его последователей спеть «Харе Кришна», и через полминуты эфир закончился. Горячие студийные прожектора погасли, и операторы тут же начали что-то обсуждать. Ведущий вежливо попрощался со Шрилой Прабхупадой — у него не было намерения продолжать беседу, — но Шрила Прабхупада продолжал проповедовать. Для него не имело значения, снимают его или нет. В ведущем он видел не просто служащего телекомпании, но человека, которому можно дать милость Кришны.

Во время интервью они сидели рядом. Прабхупада наклонился к ведущему и сказал:

— Позвольте задать вам вопрос. Если вы больны и хотите вылечиться, как это лучше всего сделать? К кому вы пойдете лечиться: к другу или к врачу? Пойдете к другу?

— Да, — ответил ведущий.

Прабхупада покачал головой.

— Вы пойдете к другу?

— Да.

Ведущий слушал рассеянно, поэтому Прабхупада терпеливо повторил свой пример.

— Попробуйте понять, — сказал он. — Если вы больны, куда вы пойдете: к врачу или другу?

Ведущий так и не понял, что Прабхупада имеет в виду, и поэтому Прабхупада ответил сам:

— Нет, вы не пойдете к другу. Вы пойдете к врачу — к тому, кто знает, как лечить болезни. Именно таков духовный учитель.

Они еще немного поговорили, и Прабхупада и преданные ушли.

Время шло к полуночи, и Прабхупада удалился к себе в комнату. В этот приезд в Гейнсвилл он согласился дать посвящение пяти достойным кандидатам в ученики и даже взял их четки для *джапы*. Но день прошел, а церемония так и не состоялась, и четки лежали у Прабхупады. Джозеф и Сэм, проделавшие долгий путь из Нового Орлеана, Дэвид Либерман с женой Адриенной и паренек по имени Гэри из Гейнсвилла не находили себе места. Не смыкая глаз, они все гадали, не проведет ли Шрила Прабхупада церемонию посвящения утром, перед отъездом.

Аравинда сообщил им, что утром времени на церемонию не будет, но он может спросить у Шрилы Прабхупады, когда он вернет им четки. Оставив преданных беседовать о Шриле Прабхупаде, он пошел к нему в комнату. Вернувшись, он, ко всеобщему удивлению, объявил: «Прабхупада отдаст вам четки прямо сейчас. Он собирается дать вам посвящение у себя в комнате». Преданные взволнованно поспешили в комнату Шрилы Прабхупады.

Прабхупада сидел на кровати. На нем не было рубашки, только *дхоти*, которое он подвернул до бедер и подоткнул под себя, словно набедренную повязку или *гамху*. Тело его было гладким и сияющим. Преданные расселись на полу вокруг его кровати, а он взял их четки и стал повторять на них *мантру*.

Прабхупада протянул четки Гэри:

— Итак, твое имя теперь Дхарма дас. Это значит «тот, кто строго следует всем религиозным принципам».

Дхарма: *На самом деле я очень нервничал, буквально трясся, потому что боялся сделать перед Прабхупадой что-то не так. Я так нервничал, что не мог даже нормально слушать. Но я был счастлив от того, что Шрила Прабхупада принял меня в ученики. Конечно, я знал, что отныне и речи быть не может о том, чтобы уйти из Движения. Вообще-то я никогда не собирался уходить, но в тот момент я официально был зачислен в члены ИСККОН. Даже если бы я и помышлял об этом раньше, теперь об этом не могло быть и речи.*

Затем настал черед Джозефа из Нового Орлеана.

— Как его зовут? — спросил Прабхупада Аравинду. Аравинда прочитал по листку: «Бхагавата дас». Прабхупада улыбнулся и сказал:

— О, Бхагавата дас. Очень хорошо. Есть два *бхагаваты*: *книга-бхагавата* — «Шримад-Бхагаватам» и «Бхагавад-гита» — и человек-*бхагавата*, который идеально следует наставлениям из этих книг. Он является живым

воплощением книги бхагавата. А ты — Бхагавата дас. Это значит, что ты слуга книги-бхагаваты и человека-бхагаваты.

Бхагавата: *Я всегда хотел получить имя, которое бы значило, что я слуга гуру. Поэтому, услышав свое имя, я очень обрадовался. Прабхупада протянул было мне четки, но затем отвел руку и спросил:*

— А каковы четыре регулирующих принципа?

Я перечислил их, и он сказал:

— Очень хорошо.

Затем он опять протянул мне четки, но снова отвел руку и спросил:

— Сколько кругов ты повторяешь?

Я очень гордился собой, поскольку уже пять месяцев повторял в день по двадцать кругов. Я развернул плечи и сказал:

— Вы просите повторять шестнадцать кругов, Шрила Прабхупада. Но я повторяю двадцать.

Шрила Прабхупада отвернулся от меня и сказал:

— Это хорошо.

Он словно говорил мне: «Не хвастайся». Затем он вновь повернулся ко мне:

— Вот твои четки.

Вручая четки Дэйву, Прабхупада сказал:

— Тебя зовут Амарендра. Это значит «лучший среди бессмертных».

Адриенне он дал имя Гаятри даси, а Сэму — Суврата.

Когда Суврата привстал и потянулся за четками, Прабхупада заметил, что на нем нет шейных бус, кантхи-малы. Он отдернул четки и спросил:

— У тебя нет бус? Где твои бусы?

Прабхупада повернулся к Бхагавате дасу:

— У тебя тоже нет бус?

Бхагавата подумал, что сейчас у него отберут четки, и прижал их к животу. Прабхупада повернулся к присутствующим в комнате старшим преданным и начал строго их отчитывать:

— Что с вами? Вы же лидеры, как вы можете об этом не знать? Разве вы не знаете, что при посвящении надо надевать кантхи-малу?

Старшие преданные были напуганы гневом Прабхупады.

— Простите, Прабхупада, — сказал кто-то. — Завтра на огненной ягье кантхи-малы будут.

— Да, — сказал Прабхупада, — нельзя проводить огненную ягью без кантхи-малы. Обязательно должна быть кантхи-мала.

Хотя была уже полночь, Прабхупада поинтересовался, нет ли у преданных вопросов. Бхагавата дас поднял руку.

— Почему, хотя мы находимся на трансцендентном уровне, на нас иногда действуют три гуны материальной природы?

— Представь, что ты на корабле, — ответил Прабхупада. — Когда ты на корабле, я не могу сказать, что ты за бортом. Верно? Итак, ты на духовном корабле. Иначе говоря, ты на духовном уровне. Нельзя сказать, что это не так.

Но волны дают о себе знать, они раскачивают корабль. — Прабхупада жестом показал, как качается палуба.

— Таким образом, о борт корабля бьют волны материальной природы, — продолжал он, — и его раскачивают. Но когда ты становишься опытным капитаном, то даже в самый сильный шторм ты твердо стоишь на ногах и управляешь судном, и оно не качается.

— Как же стать опытным капитаном? — спросил Бхагавата.

— Ты становишься опытным, стараясь не терять энтузиазма и обретая искренность, убежденность, решительность и терпение, — ответил Прабхупада, но, заметив на лице Бхагаваты беспокойство, добавил: — Ты должен быть терпелив. Все придет в свое время.

Сидя на кровати в непринужденной позе, в подвернутом *дхоти*, Прабхупада отвечал на вопросы Бхагаваты так, чтобы все преданные были полностью довольны. А преданные и так уже были довольны — просто тем, что находились рядом с Прабхупадой. Но ответы на вопросы могли вдохновить и удовлетворить не только их, но и остальных преданных. Они передадут слова своего духовного учителя другим, и тогда другие тоже смогут размышлять над этими наставлениями.

У Амарендры тоже был вопрос. Вопрос был таким же, как и сам Амарендра, — напористым и пылким. (До того как стать преданным, Амарендра был лидером студентов-радикалов.) И проповедовать сознание Кришны он хотел так же напористо.

— Шрила Прабхупада, — спросил Амарендра, — как обратить людей в сознание Кришны? Что говорить им во время проповеди? Что сказать такого, что заставит их стать преданными?

В его голосе, низком и сильном, слышался призыв к действию.

— Просто вежливо проси их повторять «Харе Кришна», — ответил Прабхупада. — Согласятся они или нет, их дело. Это касается только их и Кришны. Ты свое дело сделал. Просто попроси их: «Пожалуйста, повторяйте „Харе Кришна“, и тем самым ты исполнишь свой долг перед Господом.

— Как отвратить свой ум от *майи* и направить его на Кришну? — спросил Радхаваллабха.

— Ты должен *тащить* ум, — ответил Прабхупада. — Ты должен силой возвращать его к звукам *мантры*: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе».

И еще раз повторил:

— Ты должен притягивать ум к звуку.

— Ну, хорошо. — Прабхупада окинул всех взглядом. — Теперь все довольны?

— Да, Шрила Прабхупада, — хором ответили преданные. — Спасибо вам большое.

Потом они ушли. Все единодушно признали, что это был главный день и главная ночь в их жизни и они их никогда не забудут.

Прабхупада с несколькими учениками ехал в легковом автомобиле в аэропорт Джексонвилла. Остальные преданные ехали следом в фургоне, прихватив из храма вьяса-асану, чтобы установить ее в аэропорту. По дороге Шрила Прабхупада отдыхал, прикрыв глаза, а ученики на заднем сиденье доедали остатки его прасада.

Хридаянанда: *Это была моя идея — привезти в аэропорт вьяса-асану. Я думал: «Как может мой духовный учитель сидеть на том же месте, где сидят карми?» У меня это просто в голове не укладывалось. Как может Прабхупада поместить свое подобное лотосу тело на то же кресло, на которое садятся карми? Эта мысль не давала мне покоя. Вьяса-асану сделал Амарендра, а у него все получалось массивным, как танк. Вьяса-асана весила, наверное, килограмм двести. Нести ее можно было разве что вчетвером-впятером.*

Итак, первым приехал Прабхупада. Вьяса-асаны еще не было. Он уже направился к посадочным воротам, а вьяса-асану еще не принесли. Я места себе не находил, потому что не хотел, чтобы он садился в обычное кресло. Я считал, что если я позволю ему сесть в обычное кресло, то тем самым нанесу ему страшное оскорбление. Выглянув в длинный коридор аэропорта, я увидел шестерых брахмачари (причем половина из них — босиком), которые волокли вьяса-асану Прабхупады. Более нелепую сцену было трудно себе представить. Прабхупада, не веря своим глазам, смотрел на это с отвращением. В конце концов взмыленные и стонущие брахмачари дошли и буквально уронили вьяса-асану перед Прабхупадой. Прабхупада презрительно смерил ее взглядом, прошел мимо и сел в обычное кресло.

Преданные расселись у стоп Прабхупады и запели молитвы «Гурв-аштака», посвященные духовному учителю. Хридаянанда начал проповедовать людям, которые подошли посмотреть на это зрелище. У него были с собой книги Шрилы Прабхупады, и он стал предлагать их столпившимся вокруг пассажирам. Внимание Прабхупады было больше устремлено на проповедь Хридаянанды, нежели на преданных, рассеявшихся у его ног.

* * *

Посетив за чуть более месяца несколько городов, Шрила Прабхупада собирался лететь в Лондон. Теперь полем его деятельности был весь мир. Он был убежден, что сознание Кришны нужно проповедовать повсюду, и эта убежденность обрела свое практическое выражение в его путешествиях.

Благодаря интенсивным путешествиям и смелой проповеди Прабхупады, старая идея о том, что «Бхагавад-гита» и Кришна предназначены только для индусов, зазвучала как анахронизм, как предрассудок. Прабхупада устранил расовые, религиозные, национальные, половые и классовые барьеры. Индийская традиция, по которой свами не должен пересекать океан, превратилась в суеверие. Возможно, целью этого правила было как-то

защитить менее возвышенных *свами*, но уж точно не воспрепятствовать распространению послания Абсолютной Истины.

Чайтанья Махапрабху желал, чтобы Его имя звучало в каждом городе и каждой деревне, и ни одно предписание Вед не могло этого запретить. Конечно, в ведических писаниях преданному рекомендуется жить в уединенном месте и избегать мирских людей, а также не смущать умы невинных и не проповедовать неверующим. Согласно одному из предписаний Вед, преданный не должен даже смотреть в лицо безбожнику. Однако подобные правила предназначены главным образом для защиты и очищения новичков; бесстрашный *ачарья*, действующий из более высоких побуждений из сострадания, выше подобных правил.

Словно подтверждая это, Господь Кришна обещает: «Мой преданный никогда не погибнет». Искренний проповедник, принявший в сердце наказ Господа Чайтаньи, защищен от скверны этого мира, несмотря на частое общение с мирскими людьми. Такой проповедник обращается к обычным людям — даже с риском для своей духовной жизни, но Кришна защищает его.

Прабхупада был милостив к каждому человеку, в любой точке планеты. Потому-то он и был *джагад-гуру*, духовным учителем всего мира. Быть *джагад-гуру* не значит провозглашать себя лучше других или претендовать на звание лучшего *гуру* в мире. *Джагад-гуру* значит, что, подобно Нараде Муни, проповедник сознания Кришны путешествует повсюду, повсюду проповедует и повсюду принимает учеников. И именно таков был Шрила Прабхупада.

Как-то раз, прибыв в один американский аэропорт, Шрила Прабхупада сказал, что в былые времена *йоги* путешествовали тремя способами: на коврах-самолетах, на голубях и с помощью *мантры*.

— Тогда зачем вы прилетели сегодня «Американскими авиалиниями»? — с вызовом спросил корреспондент.

— Чтобы не отличаться от вас, — ответил с улыбкой Прабхупада.

Но в том, что вместо мистической силы Прабхупада пользовался реактивными самолетами, чуда было не меньше. Чудо заключалось в том, что он путешествовал без остановки и, куда бы ни прилетел, всегда говорил о сознании Кришны, вселял веру в сердца неверующих и превращал падших людей Кали-юги в чистых вайшнавов.

Шрила Прабхупада не только самоотверженно путешествовал по всему миру, движимый состраданием к людям, но и работал над написанием многотомных трансцендентных книг. Его ученики в шестидесяти пяти центрах по всему миру с признательностью брали на себя роль его помощников, убеждая его, что сами смогут проповедовать на местах, чтобы он мог уверенно продолжать открывать новые рубежи сознания Кришны и работать над все новыми трансцендентными книгами. Особенно они хотели освободить ему больше времени для перевода «Шримад-Бхагаватам», поскольку таково было его желание. Прабхупада часто говорил, что если бы он мог все свое время отдать переводу «Шримад-Бхагаватам», то оставался бы на одном месте. Однако позволить себе долгие перерывы в путешествиях он не

мог. Даже если он находил спокойное место, подходящее для углубленной работы над «Бхагаватам», долг звал его в дорогу, и он вновь отправлялся в путь — знакомиться с новыми людьми, начинать где-то *санкиртану*, чтобы обеспечить своему Движению беспрепятственное развитие.

Потому-то Прабхупада и организовал так распорядок своего дня, чтобы, где бы он ни оказался, по меньшей мере несколько часов в день переводить «Шримад-Бхагаватам». Он возил с собой портфель с санскритскими изданиями «Бхагаватам» и комментариями *ачарьев*, а также чемоданчик с диктофоном. И где бы он ни был, он просыпался посреди ночи, садился с диктофоном и книгами на санскрите и бенгали за свой столик и продолжал работу, переводя стихи на английский и начитывая свои «комментарии Бхактиведанты». Таким образом, активные путешествия и перевод могли продолжаться одновременно.

36 В каждом городе и деревне

Лондон,
август 1971 года

ИЗ ФЛОРИДЫ, этого «далекого края», Прабхупада вернулся в Нью-Йорк и через три дня вылетел в Лондон. Там он заболел. 14 августа он написал Тамала-Кришне:

Я болею, уже четыре дня. Солнца нет. Почти все время пасмурно и идет дождь. Это отразилось на моем здоровье, потому что у меня ревматизм.

Прабхупада говорил, что хочет прекратить путешествовать и отойти от управления своим Обществом: «Это тело состарилось, оно уже дает о себе знать». Но у него не было полной уверенности, что его управляющие смогут руководить Обществом без его присмотра.

Прабхупада выговаривал своему секретарю, Шьямасундаре, браня его и других региональных секретарей за то, что они не издают и не распространяют в больших объемах его книги.

— Почему нет книг? — требовательно спрашивал он. Шьямасундара только втягивал голову в плечи, не зная, что и сказать. В конце концов он пообещал немедленно связаться со своими духовными братьями из «Бхактиведанта бук траст».

— Зачем мы основали издательство? — горячился Прабхупада. — Что они сделали? У нас нет запаса больших книг^[20]. Книг на других языках тоже нет — и это после стольких лет обещаний и планов. Почему до сих пор не напечатано полное издание «Бхагавад-гиты как она есть»?

— Ну, — отвечал Шьямасундара, — потому что они...

— Нет! Это *твоя* ответственность, — кричал Прабхупада. — Почему *ты* до сих пор ничего не сделал?

Прабхупада обрушивался на всех секретарей Джи-би-си в лице одного — того, который сидел перед ним. В обязанности Джи-би-си входило следить за тем, чтобы запас книг постоянно пополнялся, чтобы регулярно печатался журнал «Бэк ту Годхед», чтобы аккуратно оплачивались счета и в храмах царила здоровая духовная атмосфера.

— Наше дело, — объяснял Прабхупада, — расширять Движение, распространять сознание Кришны в ученых кругах. Пусть приходит любой философ, ученый или преподаватель — у нас достаточно книг. Но если вы будете работать спустя рукава да спать на ходу, то ничего не добьетесь. Учитесь решимости у нас, стариков. Мы настроены так: умереть, исполняя долг, — большая честь. Это все равно что для полководца встретить смерть на поле

боя. Арджуне было сказано: «Если ты и погибнешь, то все равно останешься в выигрыше». Так медленно печатать — да это просто стыд и срам! Зачем мне переводить, если вы не печатаете? Вы просите: «Удалитесь от дел и занимайтесь переводами». А ради чего я должен переводить? Никто никогда не увидит моих переводов! Я могу написать тома книг. В Японии есть издательство «Дай Ниппон», они согласны печатать в кредит. Почему же вы не печатаете? Вечно одно и то же: «Будет сделано. Будет сделано». А дальше-то что? Зато жаловаться эти лидеры умеют: «Либо он, либо я». Этому безобразию пора положить конец. Если отец кормит семью, долг сыновей — служить ему. Я ваш отец. Я даю вам все необходимое. Почему же вы не служите мне, не печатаете книги? Если человек прочитает только одну книгу и поймет ее, этого будет достаточно, чтобы он обрел сознание Кришны. Неужели вы не понимаете, насколько это важно? Они все время меня спрашивают: «Авторитетна ли такая-то книга?» У них нет времени на то, чтобы прочитать одну из моих книг, зато они вновь и вновь спрашивают о книгах моих духовных братьев. Что же дальше-то будет? Первая песнь «Шримад-Бхагаватам» еще даже не отредактирована и не откорректирована. Что уж говорить о печати! А столько книг еще не напечатано! Так вот, скажи им: на еду из фонда Би-би-ти не тратить ни копейки!

Однажды из Нью-Йорка позвонил Адвайта, менеджер «ИСККОН пресс», — позвонил, чтобы сообщить хорошие новости: через неделю они собираются послать в «Дай Ниппон» негативы пяти больших книг. Кроме того, «ИСККОН пресс» отправило в Европу груз немецких «Ишопанишад». Другие книги на иностранных языках вот-вот должны были выйти из печати. Прабхупада был доволен, и Шьямасундара сообщил об этом своим духовным братьям, секретарям Джи-би-си:

Для Прабхупады, скажу я вам, это лучшее лекарство, чтобы укрепить пошатнувшуюся веру в нас. Дела идут на лад, но все же он просит всех нас регулярно отчитываться о проделанной работе: ему нужна полная и ясная картина ситуации с книгами.

Узнав о том, что его книги выходят в свет, Прабхупада, здоровье которого по-прежнему оставляло желать лучшего, заметно приободрился и продолжил свою работу над переводом «Шримад-Бхагаватам» и комментариями к нему.

Раначора (начинающий преданный из Англии): *Как-то раз я засиделся допоздна, до часу ночи. Я вошел и увидел, что в гостиной Прабхупады горит свет. Я услышал его голос: он говорил в диктофон. Я на цыпочках поднялся по лестнице, стараясь не шуметь, чтобы Прабхупада не узнал, что я не сплю в столь поздний час. Но, проходя мимо его двери, я не устоял перед соблазном остановиться и послушать, о чем он говорит. Я даже попытался заглянуть в замочную скважину, но ничего не мог разглядеть и просто стоял и слушал, как Прабхупада диктует «Шримад-Бхагаватам».*

Вдруг он замолк. Сначала я подумал, что Прабхупада размышляет над формулировкой следующей фразы. Но потом мне показалось, что он подозревает о моем присутствии за дверью, и я в испуге стал подниматься вверх, стараясь не издавать никаких звуков, хотя ступеньки предательски скрипели. Все спали, не только храм, но и почти весь Лондон — был час ночи. Но Прабхупада не спал, он переводил. Говорил он тихо, но в его голосе слышалась великая сила и решимость. В течение всего дня он нес на своих плечах бремя управления и встреч с разными людьми, но по ночам, в те редкие часы, когда наступали покой и тишина, он бодрствовал и диктовал.

В Лондоне Прабхупада приступил к работе над книгой о западных философах, начиная с Сократа. Каждое утро Шьямасундара давал Прабхупаде краткий обзор основных положений того или иного философского направления, а Прабхупада в течение нескольких часов рассматривал его ключевые моменты в свете сознания Кришны. И каждый день Шьямасундара старательно транскрибировал утренние беседы и готовил материал по очередному философу.

14 августа Шрила Прабхупада отмечал Джанмаштами, День явления Господа Кришны. На следующий день, в семидесятипятилетний юбилей Прабхупады, ему по почте пришла книга в мягкой обложке с благодарственными письмами учеников. Во многих поздравлениях на Вьяса-пуджу ученики прославляли Шрилу Прабхупаду за его путешествия по всему миру ради спасения падших душ и за широкий размах его милосердной проповеди.

В этом году вы путешествовали по Индии, лично проповедуя и управляя ИСККОН и своим примером иллюстрируя для нас смысл слова ачарья. А теперь вы путешествуете и вдохновляете преданных в центрах США и Европы.

В этот день Вьяса-пуджи 1971 года мы, ваши родные дети, собрались у ваших стоп, чтобы, насколько возможно, выразить свои чувства. Вашими благословениями все мы, объединившись и забыв о ссорах и интригах, устремимся вперед, как единый великий ИСККОН, чтобы мыслью, словом и делом служить вашей миссии. Шрила Прабхупада, позвольте же нам распространять эти ваши книги — послание Кришны, милостиво доставленное вами в страны Запада. Позвольте нам, оставив все обиды, сотрудничать друг с другом и строго соблюдать регулирующие принципы, оставаясь вашими чистыми представителями. Позвольте нам совершать чистую санкиртану и распространять журналы ради вашего удовольствия. Слава Шриле Прабхупаде!

Все ваши ученики молятся, чтобы вы оставались с нами еще много лет и чтобы с нашей помощью вы смогли уделять время написанию «Бхагаватам», а мы бы взяли на себя миссию вашего Гуру Махараджи.

Но здоровье Прабхупады не улучшалось.

Последние дня четыре или пять я болел; сейчас мне немного лучше, но болезнь принимает новые формы. Я не могу спать по ночам больше двух часов подряд, а днем у меня иногда кружится голова. В остальном же все в порядке. Как и прежде, я повторяю «Харе Кришна» и регулярно работаю над книгами.

Шьямасундара: Мы с Аравиндой спали прямо по соседству с комнатой Прабхупады. Как-то ночью, лежа на нижнем ярусе кровати, я вдруг услышал: «Шьямасундара!» Зов был такой настойчивый, что я вскочил, стукнувшись головой о верхний ярус, и опрометью бросился в комнату Прабхупады. Распахнув дверь, я едва успел подхватить его, теряющего сознание прямо у порога. Лицо его было совершенно серым, и он был легкий, как куколка. Я перенес его на кровать, с ужасом думая: «Господи, что творится?»

Он весь дрожал. Я включил электрообогреватель на полную мощность, подвинул его к самой постели, укутал Прабхупаду в несколько одеял и стал ждать. Прабхупада не шевелился, глаза его были закрыты.

Наконец он пришел в себя и сказал:

— Шьямасундара, принеси черного перца.

Он объяснил, как приготовить пасту из черного перца, и попросил втереть ее ему в лоб. Я бросился на кухню, приготовил пасту и нанес ее ему на лоб. Затем я спросил:

— Вы... Что случилось?

Кажется, он ничего не ответил. Он закрыл глаза. Казалось, он уснул.

Я прилег на полу возле кровати. Спустя какое-то время я услышал:

— Можешь возвращаться к себе. Со мной все в порядке.

В тот день Прабхупада оставался в постели часов до восьми-деяти утра, а когда встал, то выглядел совершенно как обычно. Его дух был настолько силен, что он справлялся даже от таких страшных приступов. Я уверен: все происходящее не имело физического объяснения. Он полностью поправился, хотя ночью явно был на волосок от смерти.

* * *

Как-то раз, общаясь с индийцем, господином Р. Б. Пандьей из Момбасы, что в Восточной Африке, Прабхупада между прочим пожаловался ему на свое здоровье. Господин Пандья сказал, что в Момбасе, где всегда тепло и солнечно и дуют приятные морские бризы, у него есть дом на берегу океана — идеальное место, чтобы поправить слабое здоровье. Господин Пандья предложил Прабхупаде поехать туда и жить там сколько душе угодно. Прабхупада всерьез задумался. Он захотел поехать в Африку — не столько для поддержания здоровья, сколько для проповеди. Три месяца назад он отправил в Восточную Африку Брахмананду Свами и Джаганнивасу, и эта его поездка должна была их воодушевить, а кроме того, давала возможность Прабхупаде

лично заняться расширением Движения сознания Кришны на Африканском континенте. Сначала Прабхупада послал из Лондона в Момбасу Бхавананду и Нара-Нараяну, чтобы те убедились, действительно ли это место подходит для него, как уверял господин Пандья.

Когда Бхавананда и Нара-Нараяна прибыли на место, Брахмананда Свами, проповедовавший в Восточной Африке всего лишь с одним помощником, был невероятно рад встрече с ними, равно как и известию о том, что в скором будущем к ним приедет сам Прабхупада. Ранее Брахмананда Свами проповедовал во Флориде, но Прабхупада попросил его отправиться в Пакистан. Вместе с другим преданным, Джаганнивасой, они тотчас же отправились в путь. Самолет доставил их в Париж, а из Парижа на Восточном экспрессе они проехали через всю Восточную Европу. Но, узнав о вспыхнувшем в Пакистане военном конфликте, Прабхупада написал Брахмананде Свами во Флориду, желая отговорить его от поездки. Но письмо адресата не застало. По дороге в Пакистан, в Турции, Брахмананда и Джаганниваса были арестованы за попытку организовать публичные *кirtаны* и несколько дней провели под стражей по подозрению в христианском миссионерстве.

В конце концов Брахмананда и Джаганниваса достигли Пакистана, где местные студенты плевали в них, оскорбляли, обвиняли в шпионаже и даже угрожали. Бывали дни, когда люди на улицах силой стирали с их лбов вайшнавские *тилаки* и предупреждали, что, если они еще раз появятся на улице, их просто зарежут. Местные индусы уговорили Брахмананду и Джаганнивасу как можно скорее покинуть страну, и те нехотя согласились и направились в Бомбей, чтобы встретиться там со своим духовным учителем.

Тем временем в какой-то газете в Бомбее Прабхупада прочел сообщение, что пакистанские солдаты в Дакке убили четырех миссионеров сознания Кришны. «Я очень беспокоюсь за Брахмананду, — писал он. — Из-за этих дурных известий я весь день не нахожу себе места».

Услышав, что Брахмананда Свами вернулся в Бомбей, Прабхупада пожелал сию же минуту с ним увидеться. Как отец, вновь обретший потерянное дитя, он заключил Брахмананду в объятия и сказал: «Ты рисковал жизнью, исполняя мой наказ». Спустя несколько дней Прабхупада велел ему: «Отправляйся в Африку. Если ты сделаешь это, наша проповедь охватит все континенты».

И вот теперь Брахмананда с нетерпением ждал приезда своего дорогого духовного учителя.

* * *

Найроби
9 сентября 1971 года

Набросив на плечи шерстяной *чадар* и взяв в руки неизменный белый пластмассовый чемоданчик, с которым он путешествовал по свету, Прабхупада сошел с трапа самолета 747-го рейса «Восточно-Африканских авиалиний». В сопровождении секретаря и слуги он прошел, опираясь на трость, по летному полю к зданию терминала. Войдя внутрь, он сел на стул, покрытый тканью, и присоединился к звучащему в зале *киртану*, а вокруг почтительно столпились встречающие его индийцы и африканцы.

Кул Бхушан, журналист и друг Брахмананды Свами, задал Прабхупаде несколько вопросов. Он спросил, чему Прабхупада приехал учить, и Прабхупада ответил: «Современные цивилизованные люди забыли о своих отношениях с Кришной, Богом, и потому страдают. Кто бы вы ни были: индус, мусульманин или буддист — неважно. Не восстановив отношений с Господом, вы не сможете обрести счастье».

— Вы приехали только к индусам? — спросил господин Бхушан.

— Нет, — ответил Прабхупада, — ко всем.

Господин Бхушан: *Восточная Африка, и особенно Кения, — одно из тех мест, где в основном царит гармония в межрасовых отношениях между людьми. Так что же особенного вы можете дать людям Кении?*

Шрила Прабхупада: *Подлинное братство возможно только в том случае, если люди обладают сознанием Кришны. В противном случае братство будет непрочным.*

Господин Бхушан: *Итак, ваши ученики намерены прилагать особые усилия, чтобы достучаться до сердец африканцев, не ограничиваясь одними индусами. Это так? Для Кении это очень важный вопрос.*

Шрила Прабхупада: *Наш метод всегда один и тот же. Однако он настолько эффективен, что подходит для всех. Мы не придумываем для каждого нового места новый способ проповеди. Метод всегда один и тот же — он универсален. Он подойдет каждому.*

Переночевав в Найроби, Прабхупада и сопровождавшие его преданные на маленьком винтовом самолете отправились в Момбасу. Мистер Пандья был в отъезде. Его семья, хоть и без особого энтузиазма, все же приняла Шрилу Прабхупаду у себя в доме. Большой дом был построен по современному проекту — с закругленными углами, окнами в виде иллюминаторов и просторной гостиной с верандой, выходящей на океан.

Стоя у окна своей комнаты, Прабхупада любовался зеленовато-голубым морем, безоблачным синим небом и белым песчаным пляжем в обрамлении пальм.

— Брахмананда сказал мне, что это место — одно из самых красивых в мире, — произнес Прабхупада, обернувшись к присутствующим. — Теперь я вижу, что он прав.

Прабхупада приехал в Момбасу с хроническим кашлем, но прогулки по берегу океана и успокаивающее африканское тепло быстро поправили его здоровье. Как и в Лондоне, Прабхупада продолжал при помощи

Шьямасундары каждый день разбирать основные идеи философов-классиков. Следуя хронологическому порядку, он перешел от Сократа к Декарту.

Шьямасундара: Он (Декарт) говорит: «Я мыслю, следовательно существую». Прежде всего он обнаружил это: «Я существую». В своем определении истины он опирался на эту установку. В его времена не было единого авторитета, который признавали бы все.

Прабхупада: Не велика премудрость. И тысячи лет назад было немало тех, кто понимал, что существует. Это называется атманам манйате джагат: глупцу все окружающие кажутся глупцами. Декарт не первый, кто постиг существование индивидуального «я». Кришна говорит: ахам. Ахам эвасам эвагре: «Я был в начале, и Я останусь, когда все исчезнет». В свою очередь мы тоже говорим: «Я существовал до того, как было сотворено это тело, и буду существовать, когда оно умрет». Это понятие «я» есть как у Бога, так и у нас. В чем же новизна?

Почувствовав себя лучше, Прабхупада снова был готов проповедовать. Момбаса, сказал он, слишком мала для проповеди лучше подойдет Найроби, столица. И он вернулся в Найроби.

Найроби

18 сентября 1971 года

В Найроби Шрила Прабхупада показал на своем примере, как должен проповедовать санньяси. В течение месяца он неукоснительно следовал ведической традиции, останавливаясь в домах принимающих его индийцев не более чем на три дня. Несмотря на хорошую пищу и прекрасные условия для проживания, по истечении положенного времени он переезжал в другую семью. Таковы правила, которым должен следовать санньяси, говорил Прабхупада. Это необходимо, чтобы не привязываться к комфорту и не причинять хозяевам неудобств.

Для Шрилы Прабхупады не было никакой необходимости соблюдать эти элементарные нормы санньясы, ведь он был парамахамсой, санньяси, находящимся на высшем уровне сознания Кришны. Его тело, ум и речь были всецело задействованы в трансцендентном служении Кришне, и потому он естественным образом не испытывал привязанности к материальным удобствам. И все же, чтобы подать пример ученикам, он строго следовал ведической традиции. Такая система кратких визитов дала Прабхупаде возможность не только наглядно продемонстрировать, какой в идеале должна быть жизнь санньяси, но и рассказать о сознании Кришны большему числу семей и принять огромное число приглашений.

Куда бы ни приезжал Прабхупада, везде его принимали как безупречного гуру и уважаемого садху. При этом он тепло общался с хозяевами, завязывал дружеские отношения и, можно сказать, становился старшим членом семьи. Хозяева отводили ему лучшую комнату в доме (обычно свою спальню), а хозяйка с помощницами готовила для него изысканные блюда. Присущее Прабхупаде от природы сознание Кришны делало его представительным и

солидным, а манеры были неизменно благородны. В то же время он был скромен, и эта скромность очаровывала хозяев. Очень скоро он стал другом и наставником многих семей в столице Кении.

Сопровождавшие Прабхупаду западные ученики извлекли немало уроков из его поведения в Найроби. Как-то раз господин Девджи Дамджи Паттани пригласил Прабхупаду освятить алтарную комнату в его доме. Когда Прабхупада приехал, Девджи Дамджи предложил ему сесть на оленью шкуру.

— Мы не садимся на оленью шкуру, — сказал Прабхупада. — Хотя она считается чистой, наши вайшnavы не носят таких шкур и не сидят на них. Это в традиции йогов.

Бхавананда: *Тогда господин Паттани пригласил Прабхупаду сесть на диван, покрытый чистой белой тканью. Прабхупада сел, и ему начали омывать стопы. Я впервые наблюдал за тем, как Прабхупаде омывают стопы — сначала молоком, а затем водой с розовыми лепестками. Потом на стопы нанесли чандану и осыпали их красным порошком кункумы, рисовой мукой и цветами жасмина. Пальцы на его ногах покраснели от кункумы, к ним прилипли зернышки риса и маленькие белые цветочки жасмина. После этого он прочитал лекцию. Никогда прежде я не обращал внимания на стопы гуру. Лишь теперь я понял, что стопы гуру имеют особое значение. И они изумительно прекрасны.*

Прабхупаде было мало проповедовать одним только индийцам. Он хотел проповедовать африканцам. В Кении индийцы и африканцы жили изолированно и не общались друг с другом. Но, поскольку человек, сознающий Кришну, не делает различий между людьми на основе их внешнего облика, Прабхупада говорил, что индийцы обязаны поделиться своей духовной культурой с африканцами.

Прабхупада неоднократно давал понять Брахмананде Свами, что его главная обязанность в Африке — нести сознание Кришны коренному населению континента. Однако из-за неудач в Турции и Пакистане Брахмананда Свами не хотел проводить в Найроби уличные киртаны. К тому же африканцы говорили преимущественно на суахили, были воспитаны в иных культурных традициях и, как правило, были слишком бедны для того, чтобы покупать книги. Поэтому Брахмананда Свами не знал, как можно привлечь их к сознанию Кришны. Обращаться же к индийцам было для него легко и естественно.

Но Прабхупада хотел проповедовать африканцам.

— Это африканская страна! — говорил он. — Африканцы здесь хозяева, и мы должны проповедовать им.

Как и во всем, что он делал в сознании Кришны, Прабхупада сам показал преданным, как осуществить его план. Он воспользовался храмом Радхи-Кришны, который находился в центральной части города, в квартале, населенном преимущественно африканцами. В храме был зал, двери которого выходили на оживленную улицу, и Прабхупада велел преданным устроить в

этом зале *киртан*, оставив двери открытыми. Преданные так и сделали, и через пять минут зал стал наполняться людьми. Это был бедный район города, и люди, пришедшие в храм, были неграмотными и грязными. Но то, что происходило в храме, их очень заинтересовало, и они с восторгом присоединились к *киртану*, улыбаясь, хлопая в ладоши и танцуя.

Брахмананда Свами вышел из храма и направился к соседнему дому, где остановился Прабхупада.

— В храме полно народу, — сказал он, — но вам не обязательно туда приходить. Мы все можем сделать сами.

— Нет, — ответил Прабхупада, — я должен идти.

Брахмананда Свами еще раз попытался отговорить его.

— Нет, нет, я должен идти! — повторил Прабхупада. — Ты проводишь меня?

Когда Брахмананда Свами вернулся в храм вместе со Шрилой Прабхупадой, народу в зале было еще больше, чем несколько минут назад. Когда Прабхупада в шелковом шафрановом одеянии появился в этой темной, плохо освещенной комнате, он, казалось, излучал сияние. Он шел, а толпа расступалась перед ним, и все рассматривали его с нескрываемым любопытством. Поднявшись на возвышение, Прабхупада начал *киртан*, а затем стал говорить. Несмотря на то, что публика понимала только суахили, люди слушали его с уважением. И им очень понравился *киртан*.

Члены индийской общины с опаской отнеслись к тому, что Прабхупада открыл двери их храма для африканцев. Некоторые из них пришли посмотреть, что из этого выйдет. Однако то, что делал Прабхупада, движимый состраданием к людям, произвело на них сильное впечатление. Эта на первый взгляд нехитрая программа обладала такой духовной силой, что могла устранить любые культурные барьеры, стоявшие между людьми.

В этом и должна заключаться миссия Брахмананды Свами в Африке, настаивал Прабхупада, — нести сознание Кришны ее коренным жителям, африканцам. И программа должна быть простой: раздавайте *прасад*, книги и пойте *мантру* Харе Кришна под аккомпанемент барабанов и *карата*. Общество сознания Кришны не должно превратиться в очередную индуистскую религиозную организацию, каких много в Найроби. Индусы, безусловно, должны принимать участие в его деятельности, жертвуя деньги, но проповедовать Брахмананда Свами должен африканцам и из их числа набирать новых членов Общества.

Когда к Прабхупаде в Найроби приехало несколько его чернокожих учеников из Америки, он сказал им:

— Четыреста лет назад ваших предков вывезли отсюда рабами, а теперь, смотрите-ка, вы вернулись сюда как хозяева!

Прабхупада также организовал первый в Найроби уличный *киртан*. Преданные пришли к самому большому дереву в парке Камукунджи, историческому месту, связанному с борьбой Кении за независимость. Когда

они встали под деревом и запели, вокруг них сразу же собралась большая толпа, и многие начали подпевать. Нашлись даже люди, которые стали исполнять некое подобие ритуального танца. Один молодой человек вышел вперед и предложил переводить речь Брахмананды Свами на суахили. Преданные ходили в толпе и раздавали сладкие бунды. Африканцы были в полном восторге. Программа прошла с огромным успехом.

Поспешив к Прабхупаде, Брахмананда Свами сообщил ему о замечательном *киртане*, который они устроили в парке. Брахмананда испытывал то же чувство, что и в 1966 году, когда он сообщил Прабхупаде об успехе первого *киртана* в Вашингтон-сквер-парк, в Нью-Йорке. Теперь, так же как и тогда, их первая попытка увенчалась успехом. Так, вдохновляя преданных собственным примером и подталкивая Брахмананду Свами, Прабхупада всего за несколько дней перенес акцент проповеднической деятельности в Африке с индийцев на африканцев.

В тот вечер, когда была назначена лекция Прабхупады в Университете Найроби, в главной аудитории университета собралось две тысячи студентов-африканцев, сотни людей стояли снаружи, заглядывая в окна и двери. Сначала Прабхупада предоставил слово Бхута-Бхаване, своему чернокожему ученику из Америки. Тот произнес короткую вступительную речь, вставляя фразы на суахили. «Харамби», — начал он, что означало: «Давайте же трудиться сообща на благо всех живущих».

Затем выступил Прабхупада.

— Все в мире только тем и занимаются, что хотят обрести что-либо или сожалеют об утраченном. Вы, африканцы, хотите уподобиться европейцам и американцам, а европейцы потеряли свою империю и теперь оплакивают свою утрату. Так одни все время чего-то хотят, а другие скорбят о своих потерях... Мы приехали в Африку, чтобы пригласить всех разумных африканцев присоединиться к нам. Приходите к нам, изучайте эту философию и распространяйте ее. Вы стараетесь развиваться, поэтому, пожалуйста, развивайтесь в правильном направлении. Не подражайте американцам и европейцам, которые живут, как кошки и собаки. Эта цивилизация обречена. Атомная бомба уже создана, и, как только разразится новая война, их небоскрегам и всему остальному придет конец. Опираясь на истинные знания, постарайтесь понять, в чем заключается цель человеческой жизни. Сделать это вам поможет Движение сознания Кришны. Вот почему мы просим вас: постарайтесь понять эту философию. Спасибо.

Аудитория разразилась аплодисментами, все аплодировали стоя. Такая реакция еще раз доказала, что послание Кришны обращено к человеческому сердцу и предназначено для всех людей, независимо от их политических убеждений, места жительства и социального положения. Когда Прабхупада впервые ступил на землю Африки в аэропорту Найроби, он заверил журналистов, что будет проповедовать африканцам. И он выполнил свое обещание. Он принес жителям Африки то же учение и то же преданное служение, которое до этого принес американцам. То, в чем нуждаются

американцы, и то, в чем нуждаются африканцы, может дать им только сознание Кришны. Сознание Кришны будет находить отклик в сердцах людей всюду, если его будут распространять искренние и разумные люди.

Прабхупада продолжал проводить выездные программы. Принимая участие в популярном телешоу «Мамбо Лео», он продемонстрировал зрителям изображение Господа Чайтаньи, который танцевал и пел в окружении преданных. Ведущий поинтересовался, почему на картине изображены только белые.

— У индийцев кожа бывает разных цветов, — ответил Прабхупада.

— А кто нарисован в центре? — спросил ведущий.

— Это Шри Чайтанья Махапрабху, — объяснил Прабхупада, — Сам Бог.

— Какой еще Бог! — возмутился тучный ведущий. — Что вы имеете в виду? Это же обычный человек!

Прабхупада возмутился еще сильнее ведущего.

— По-вашему, Бог не может прийти в облике человека? Кто Ему помешает?

В одной из своих многочисленных лекций, прочитанных в Найроби, Прабхупада подчеркивал, что достичь мира во всем мире можно, лишь пребывая на духовном уровне. Сознание Кришны — единственная сила, способная погасить существующие конфликты.

— К примеру, индийцы, живущие в Африке, могут быть по-своему довольны жизнью, тогда как африканцы не удовлетворены. Когда одни довольны своей материальной жизнью, а другие нет, возникают трения. И лишь поднявшись на уровень сознания Кришны и посвятив свою жизнь трансцендентному любовному служению Верховной Личности Бога, человек ощущает удовлетворение в уме и душе.

Прабхупада продолжал излагать свои планы помощи африканцам.

— Мы приехали в Африку просвещать людей. Не только индийцев или индусов, но и коренное население, местных жителей. Я рад, что наши последователи выходят здесь на улицы с *санкиртаной*, как это происходит повсюду — в Лондоне, Нью-Йорке и других крупных городах мира. Мы выводим наши группы *санкиртаны* на улицы, и местные жители, как молодежь, так и представители старшего поколения, собираются посмотреть на это зрелище. Им нравится наше Движение.

Таким образом, у нас есть все условия для распространения Движения сознания Кришны повсюду. Сегодня это Движение пришло сюда, и я приглашаю всех присутствующих сотрудничать с нами. Я уверен, что африканские юноши и девушки примкнут к нашему Движению, — вы уже могли убедиться в этом. Среди моих учеников в Америке очень много африканцев.

Пусть никто не говорит, что не может служить Богу, потому что слишком занят, или беден, или оттого, что он черный или белый. Нет. Чистым преданным служением может совершенно свободно заниматься каждый, кто встал на этот путь.

Прабхупада попросил аудиторию помочь преданным открыть в Найроби проповеднический центр.

— Нам необходимо собственное помещение. Без этого мы не сможем расширять здесь наше Движение. Мы нуждаемся в срочной помощи. Дайте нам помещение, и вы увидите, как хорошо пойдут дела. Вы уже познакомились с нашим Движением и убедились, что повсюду в мире ему сопутствует успех. Африка — не исключение. Мы не секта и не делим людей на африканцев и американцев.

Находясь в Найроби, Прабхупада услышал о новом законе, принятом в Танзании, согласно которому через десять лет вся частная собственность в стране должна автоматически перейти к государству, тогда как бывший владелец получит от правительства только десятипроцентную компенсацию. Прабхупада назвал этот закон типичным для Кали-юги. Вместо того чтобы защищать людей, государство принимает законы, не считаясь с их интересами и мнением. Ведическая история сохранила предание о том, как в стародавние времена мудрецы и брахманы наказали царя-нечестивца Вenu, недовольные его дурным правлением. *Садху* обязаны следить за тем, чтобы царь правил справедливо. Но в наши дни в политике дела нигде не идут как надо, а управление обществом лишено какой бы то ни было разумной философской основы.

— Наш долг — попытаться что-то сделать с этим, — объяснял ученикам Прабхупада. — Сейчас нас пятьсот человек, и каждому отпущено по пятьдесят лет. Только подумайте, сколько всего можно успеть! Но для этого нужно полностью посвятить себя этому делу, как поступил я. Иногда вайшнавов критикуют, называя бездельниками. Но Арджуна и Хануман были воинами-вайшнавами. Мой Гуру Махараджа говорил, что о нашем успехе можно будет говорить лишь тогда, когда судьи Верховного суда будут носить *тилак*. Мои духовные братья были за то, чтобы жить в храмах, иметь немного риса на обед и повторять *мантру*. Но что касается нас, сначала — работа, а *самадхи* потом.

Формально термин *самадхи* означает состояние транса, в котором человек полностью погружается в мысли о Кришне и забывает о материальном мире и всех мирских желаниях. Обычно под этим словом подразумевают уединенную медитацию, когда *йоги*, достигший высокого уровня, удаляется в тихое место и там посвящает себя непрерывной медитации и повторению *мантр*. Но Прабхупада своим примером демонстрировал, что не время сейчас преданному уединяться и медитировать — слишком уж серьезная ситуация сложилась в мире. Наоборот, преданный должен изо всех сил трудиться ради распространения Движения сознания Кришны. Это принесет благо как ему самому, так и всему человечеству. А поэтому ученики Прабхупады, как верные слуги своего духовного учителя, должны сейчас активно трудиться, а уж потом, на склоне лет, в пору духовной зрелости, они смогут уединиться в святом месте, чтобы там постоянно петь и слушать о Кришне.

Особое значение Прабхупада придавал активной деятельности. Что он понимал под этим? Проповедь сознания Кришны сама по себе — *самадхи*; по

крайней мере, так было для Шрилы Прабхупады. *Самадхи* подразумевает не только сидение в уединенном месте. Точное значение этого слова подразумевает полное погружение чувств, ума и разума человека в любовное служение Господу Кришне. Таким образом, даже в *самадхи* можно оставаться активным — путешествовать, проповедовать, распространять журналы «Бэк ту Годхед» и петь на улицах. Если преданный непрестанно думает о Кришне и действует ради Него, его следует считать лучшим из йогов. То же велит и Господь Кришна Арджуне: «Всегда помни обо Мне и в то же время сражайся». Шрила Прабхупада был живым олицетворением «активного» *самадхи* — он постоянно слушал и думал о Кришне, прославлял Его и всегда, как солдат, сражался за миссию Господа Чайтаньи

Проповедь Прабхупады в Найроби оказалась особенно действенной. Он утвердил сознание Кришны в новом городе и тем самым дал Брахмананде Свами пример для подражания, продемонстрировав, как нужно распространять сознание Кришны на всем Африканском континенте. А Шьямасундара не устал сообщать своим духовным братьям в Жи-би-си о поразительных успехах Прабхупады.

Темп все время нарастает. Его Божественная Милость начинает осваивать еще одно огромное поле деятельности. Люди валят толпами, проявляя любопытство и задавая серьезные вопросы...

Однажды, завершив длившийся до поздней ночи проповеднический марафон, Прабхупада попросил поесть и обронил: «Видите, я голоден. Я должен все время говорить — в этом моя жизнь. Не давайте мне замолчать...»

Однако Найроби был всего только одним городом, в одной стране, на одном континенте, а Прабхупада мечтал, чтобы сознание Кришны пришло во все города и деревни мира. Успеет ли он всё за свою жизнь — объехать все города, напечатать и распространить книги на всех языках, построить величественные храмы? Нет. Однако он хотел успеть как можно больше в отпущенный ему срок, чтобы обеспечить будущее созданному им Движению сознания Кришны. Он критиковал присущее политикам представление, что, стоит им отойти от дел, как все, ради чего они работали, развалится. Такие политики обычно держатся за свои места и до последнего вздоха сидят в своих кабинетах. Прабхупада, в отличие от них, не имел личных амбиций, зная, что все плоды его деятельности посылает ему Кришна. Как истинный *санньяси*, он отринул мир и мирское честолюбие. Но это отнюдь не сделало Прабхупаду ленивым.

Он выполнял свою миссию, находясь уже на склоне лет, и Господь Кришна вознаграждал его старания. Прабхупада же в благодарность за это продолжал расширять Движение сознания Кришны. Зная, что Господь Кришна хочет затопить весь мир любовью к Богу, Шрила Прабхупада взялся за дело всерьез, начав с магазинчика в Нью-Йорке. Кришна ответил на его попытку, послав ему нескольких последователей и достаточно денег, чтобы внести арендную

плату. И всякий раз, когда Прабхупада начинал что-то новое, Кришна отвечал на это, помогая ему. Так появился второй центр ИСККОН, за ним третий, четвертый... Началось издание книг. А Шрила Прабхупада, пребывая в настроении любовного взаимообмена с Кришной, умножал свои усилия.

Но теперь он был не один: Шрила Прабхупада доверил часть своей работы ученикам. И те из них, кто действительно хотели ему помочь, должны были проникнуться тем же духом самоотверженности и служения.

Участвуя в осуществлении широкомасштабных проектов Прабхупады, ученики порой становились жертвой сомнений. Для горстки преданных поддерживать даже единственный храм в городе было задачей не из легких, а Прабхупада хотел открыть как минимум сто таких храмов. Он хотел, чтобы начатое им Движение просуществовало тысячи лет, и был уверен, что, пока его ученики хранят чистоту, следуя его наставлениям, им будет сопутствовать успех.

Хотя нынешняя эпоха Кали — время, когда люди почти не питают интереса к духовной жизни, — считается наихудшей из всех, Прабхупада не сомневался в пророчествах *ачарьев* прошлого, согласно которым сознанию Кришны суждено принести на Землю Золотой век и охватить весь мир своим влиянием. Да, век Кали — это худшая из эпох, но благодаря святому имени Кришны этот век станет лучшим из всех. Пение святого имени — вот религия, предназначенная для этого века. Люди Кали-юги могут обрести освобождение, просто повторяя «Харе Кришна».

Шрила Прабхупада был послан в этот мир Самим Кришной, о чем свидетельствуют его деяния. Это было ясно еще в детстве, когда пятилетним мальчиком он проводил Ратха-ятру. А в 1968-1971 годах, когда он активно проповедовал, распространяя Движение сознания Кришны, это уже не вызывало сомнений. Прабхупада сравнивал ИСККОН с Варахой, воплощением Кришны, который сначала был размером с большой палец руки, но тут же вырос настолько, что заполнил Собой половину вселенной.

Не стоит думать, что бурное развитие ИСККОН обеспечили современные средства связи и передвижения или организаторские способности ачарьи-основателя. С материальной точки зрения Прабхупада нисколько не был похож на человека, способного управлять международным движением, постоянно разъезжать по миру, писать многотомные труды и заниматься воспитанием тысяч учеников на всех континентах Земли. Он довольствовался простой, размеренной жизнью и не проявлял никакого интереса к таким элементам мирской культуры, как музыка, мода, спорт, политика, искусство, еда, — всему, что не связано с Кришной. Он трудился и путешествовал, движимый одним лишь горячим желанием — дать миру подлинную духовную культуру, посадить семена этой культуры там, где простиралась пустыня материализма.

Поэтому, учитывая, что Прабхупада был полностью лишен мирских амбиций, легко понять, что его стремление проповедовать по всему миру сознание Кришны и расширять духовное движение было полностью

трансцендентным. Он действовал, побуждаемый единственным мотивом: исполнять желания Господа Кришны, Верховной Личности Бога.

Шрила Прабхупада считал себя слугой своего духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, чье послание он старался донести до людей. Это послание, бывшее посланием Самого Господа Кришны, передавалось по цепи ученической преемственности: «Мы — души, вечные слуги Верховной Личности Бога, Кришны. Мы забыли об этом и теперь вынуждены жизнь за жизнью страдать в материальном мире. Но, повторяя „Харе Кришна“, мы можем возродить свои утраченные отношения с Богом».

Несмотря на первые успехи Прабхупады в Америке, некоторые из его духовных братьев в Индии склонны были преуменьшать сделанную им работу. По их мнению, у Бхактиведанты Свами просто оказался подходящий характер, чтобы возиться с западной молодежью — отбросами общества. Однако на самом деле (и Прабхупада испытал это на собственном опыте) молодые люди, среди которых он проповедовал, были не особенно восприимчивы, и нельзя сказать, что он приехал в удачный момент и был радушно встречен толпами послушных учеников, жаждавших услышать «Шримад-Бхагаватам». Секрет успеха Прабхупады — в его упорстве, безграничном терпении и сострадании.

Успех пришел к нему не потому, что настало время реактивных самолетов (хотя Прабхупада с радостью воспользовался этим достижением современной цивилизации), и не потому, что удачно сложились обстоятельства. Не стоит объяснять тот факт, что Шрила Прабхупада смог перенести ведическую культуру с Востока на Запад и обратно, каким-то общественным или историческим феноменом. Нет. Это случилось благодаря воле Кришны и искренности Его слуги.

В «Чайтанья-чаритамрите» (Антья, 7.11) сказано, что, не имея *кришна-шакти*, особой силы, дарованной Самим Господом, невозможно проповедовать пение святого имени:

*кали-калера дхарма — кршна-нама-санкиртана
кршна-шакти вина нахе тара правартана*

«Главная форма религии в век Кали — повторение и пение святого имени Кришны. Тот, кто не уполномочен на это Кришной, не способен проповедовать движение *санкиртаны*». Этот стих, посвященный Шри Чайтанье Махапрабху, применим и к Его слуге, Шриле Прабхупаде. Не будучи уполномочен Самим Кришной, Шрила Прабхупада никогда не сумел бы вдохновить на пение и повторение *мантры* Харе Кришна такое количество людей.

Согласно ведическим писаниям, человек, наделенный сверхъестественными духовными способностями, *кришна-шакти*, именуется *шактьявеша-аватарой*. Хотя слово *аватара* обычно используется по отношению к воплощениям Самого Господа, *шактьявеша-аватарами*

называют тех, кого Господь уполномочил исполнить в этом мире определенную миссию.

Шактьявеша-аватары и миссии, которые они выполняли, описываются в ведических текстах. Например, император Притху был наделен властью управлять государством так, чтобы в центре жизни его граждан находился Бог. Четыре Кумара были наделены энергией духовного знания, а Нарада Муни — энергией преданного служения. Господь Будда, имя и деяния которого упоминаются в «Шримад-Бхагаватам», также был *шактьявеша-аватарой*. Более того, *ачарьи-вайшнав* признают *шактьявеша-аватарами* и некоторых святых, не принадлежавших к ведической культуре и наделенных божественной силой — таких, как Иисус Христос и Мухаммед.

То, чего достиг Шрила Прабхупада в 1968-1971 годах, подтверждает его положение *шактьявеша-аватары*. Своей деятельностью он исполнил пророчество священных писаний:

*пртхивите ачхе йата нагаради грама
сарватра прачара хаубе мора нама*

«Движение *санкиртаны* Господа Чайтаньи охватит весь мир, придя в каждый город и каждую деревню».

Даже с точки зрения истории религий проповедь Прабхупады была продолжением миссии Господа Чайтаньи, явившегося в Западной Бенгалии за пятьсот лет до прихода сознания Кришны на Запад. Ведические писания и *ачарьи-вайшнав* сходятся в том, что Господь Чайтанья — это изначальная Верховная Личность Бога, Сам Кришна, явившийся в Кали-югу в облике чистого преданного. И подобно Господу Кришне, который приходил на Землю вместе с Баларамой, Своей полной экспансией, в эпоху Кали Господь Чайтанья пришел с Нитьянандой — воплощением Баларамы.

Шрилу Прабхупаду можно рассматривать не просто как уполномоченного представителя Бога, но как особое проявление Господа Нитьяланды. Согласно философии Гаудия-вайшнавов, Господь Кришна являет Себя обычным людям через Господа Нитьяланду. Чтобы постичь Бога, индивидуальной душе нужна Его помощь. Эта помощь приходит по беспричинной милости Господа Нитьяланды, которого поэтому именуют изначальным гуру. Хотя Господь Нитьянанда является непосредственной экспансией Господа Чайтаньи, Его главной задачей является служить Господу Чайтанье, спасая падшие души.

Господь Нитьянанда и Его представитель, гуру, не вносят изменения в священные писания или в наставления Господа Кришны, но делают их более доступными и понятными людям. Господь Чайтанья благословил Господа Нитьяланду проповедовать святое имя, стучась в каждую дверь. Эта проповедь, наполненная свойственными Господу Нитьянанде решимостью и состраданием, отличала и Шрилу Прабхупаду. Этот же дух Шрила Прабхупада передал своим ученикам, и те выходили на улицы городов мира, желая поделиться с каждым человеком милостью святого имени Бога.

Наибольшую славу Господу Нитьянанде принесло спасение двух братьев-пьяниц, Джагая и Мадхая, которые напали на Него, когда Он попытался благословить их святым именем. Однако во времена Господа Нитьянанды — и Прабхупада неоднократно подчеркивал это — было всего двое таких грешников, как Джагай и Мадхай, тогда как в наши дни джагаями и мадхаями полон весь мир. И Прабхупада принимал таких джагаев и мадхаев в свои ученики. В полной мере проявляя сострадание Господа Нитьянанды и презрев всякую опасность, он свободно давал людям святое имя.

Даже Сам Господь Нитьянанда, когда Он явился в Индии, не обращался к стольким падшим душам, как Шрила Прабхупада. Нитьянанда не проповедовал людям, находящимся на столь низком духовном уровне или живущим в таких дальних, забытых Богом уголках мира. Однако Он делал это сейчас, через Шрилу Прабхупаду, Своего доверенного представителя. Обретя милость Гауры-Нитая (Господа Чайтаньи и Господа Нитьянанды), Шрила Прабхупада благословлял весь мир любовью к Господу.

Однако сам Шрила Прабхупада никогда, ни прилюдно, ни в кругу близких учеников, не называл себя великим посланником Господа. Всякий раз он лишь подчеркивал свою принадлежность к цепи ученической преемственности, передающей авторитетное знание. И своих учеников он просил занимать ту же позицию: «Мы хотим подготовить множество чистых преданных, чтобы другие люди получили благо от общения с ними. Так чистых преданных будет становиться все больше».

Прабхупада знал, что проповедь сознания Кришны не может быть профессией, или способом зарабатывать деньги. В Индии есть немало профессиональных толкователей и декламаторов «Шримад-Бхагаватам», которые таким образом добывают себе средства к пропитанию. Однако эти люди не способны наставить материалистов на путь преданного служения Господу. Только чистый преданный может изменить сердце материалиста.

Но даже себя Прабхупада никогда не считал чистым преданным. Он всегда называл себя слугой чистого преданного — Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, своего Гуру Махараджи.

Прабхупада молил Господа о том, чтобы до своего ухода из этого мира успеть создать крепкую семью чистых преданных, которая была бы способна распространять учение *парампары* и уберечь его от искажений. Он подчеркивал, что все проповедники Движения сознания Кришны могут стать чистыми преданными, если будут следовать регулирующим принципам, избегать греховной деятельности и каждый день повторять *мантру* Харе Кришна. Только так, сказал Прабхупада, преданные смогут повлиять на других людей.

18 октября 1971 года

Проведя в Африке пять насыщенных событиями недель, Прабхупада был готов к поездке в Индию. Он намеревался посетить Бомбей, Калькутту и Дели. Дав мощный импульс развитию ИСККОН в Индии — получив землю в

Майяпуре, открыв центры в Бомбее, Калькутте и Нью-Дели, — он предусмотрительно оставил несколько групп учеников и в других частях Индии. Проводя фестивали, устраивая *киртаны* и раздавая *прасад*, ИСККОН быстро завоевал признание индийцев. Почетные члены Общества предлагали преданным свои услуги, а взамен получали подарки. Они получали и читали книги и журналы и помогали поддерживать центры ИСККОН.

И это было только начало. Закрепиться в какой-то стране, будь то Индия, Африка, Америка или Россия, несомненно, было огромным достижением. Но одного этого было недостаточно. Хотя сделать для расширения миссии Господа Чайтаньи удалось уже многое, гораздо больше только предстояло сделать. Проповедь сознания Кришны — не та работа, которую в какой-то момент уже можно считать законченной.

Конечно, в каком-то смысле проповедь сознания Кришны есть уже нечто само по себе совершенное и абсолютное. Проповедь Прабхупады всегда была успешной, даже в Индии, когда он проповедовал в одиночку, стараясь донести до людей свое послание через журнал «Бэк ту Годхед», Лигу преданных и переводы «Шримад-Бхагаватам». Он неуклонно следовал трансцендентному наказу Бхактисиддханты Сарасвати и Кришны и потому всегда добивался успеха. Движение сознания Кришны уже существовало в своей законченной, совершенной форме, и теперь, по воле его создателя, Господа Чайтаньи Махапрабху, оно полностью проявилось в этом мире. Но работа по расширению этого Движения и блаженство, *самадхи* самозабвенного и бескорыстного служения миссии Шри Чайтаньи были бесконечны и неисчерпаемы. Сегодня ИСККОН утвердился в Африке, а завтра Прабхупада летит в Бомбей, где Кришна уже обеспечил ему плацдарм. Так, следуя желанию Кришны, он будет колесить по миру, направляя учеников, распространяя книги и неся людям свое послание, пока не достигнет каждого города и каждой деревни.

Приложения

Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том третий (главы 22-28)

В процессе сбора материалов для своей книги об истории движения «Харе Кришна» в шестидесятые-семидесятые годы, мне посчастливилось несколько раз встретиться и побеседовать с А.Ч. Бхактиведантой Свами Прабхупадой. (Беседовали мы и позже.) И я считаю большой честью для себя написать предисловие к этой книге.

Данный труд Сатсварупы даса Госвами — достойная дань памяти человека, сыгравшего одну из ведущих ролей в религиозной истории Америки в шестидесятые и семидесятые годы двадцатого века, пронизанные духом контркультуры. Эта книга снабдит огромным количеством информации как ученых, так и тех, кому интересны и религиозное течение, принесенное Прабхупадой из Индии в Америку, и сама контркультура, то есть та социальная среда, в которой укоренилось и расцвело Движение сознания Кришны в первые годы своего существования.

Из этого тома мы узнаем об одном из важнейших периодов в жизни Шрилы Прабхупады, когда он, не ведая страха, принес и попытался утвердить свое Движение в Хайт-Эшбери, районе Сан-Франциско, бывшем тогда столицей контркультуры всего Западного побережья. Сам факт, что пожилой иностранец, говоривший с сильным бенгальским акцентом и довольно чуждый западной культуре (не говоря уж о контркультуре), мог столь эффективно повлиять на хиппи с Хайт-Эшбери, где сексуальная свобода и употребление наркотиков были нормой жизни, единственным правилом было «делай что хочешь», а послушание любого рода отвергалось как принцип, уже дает некоторое представление о его незаурядных способностях и силе духа. Автор вкратце рассказывает о жизненном пути некоторых первых последователей Шрилы Прабхупады, и из этих историй мы узнаём о напряженных поисках смысла и альтернативного образа жизни, которые приводили многих молодых людей того времени в контркультурную среду, разобщенную и лишенную какой бы то ни было цели. Не сумев найти себя в «традиционных» религиях, эти юноши и девушки обретали истину в учении, которое проповедовал Шрила Прабхупада, и находили практическое подтверждение этой истины в повторении *маха-мантры*, божественных имен Кришны. Читая их рассказы, поражаешься личным качествам Шрилы Прабхупады — целеустремленности, подлинному смирению, глубокой вере, — благодаря которым он мягко уводил своих заблудших учеников от гедонизма к Кришне. Прабхупада не был оторванным от жизни человеком. Он понимал, что не все, кто посещает его лекции, примут сознание Кришны. Однако он верил, что даже мимолетный контакт с сознанием Кришны принесет им осязаемое духовное благо.

Таким образом, эта книга содержит увлекательное и подробное исследование процесса религиозного обращения, столь живо интересующего

психологов и социологов. Мы наблюдаем, как, следуя моральным и духовным принципам под чутким руководством Шрилы Прабхупады, изменяются его ученики. Мы знакомимся с «отошедшими», чье обращение было не настолько полным, чтобы дать им сил устоять перед соблазнами материального мира. Некоторым его последователям, терзаемым сомнениями и внутренней борьбой, обращение давалось медленно и трудно. В этой захватывающей книге читатель найдет множество информации, касающейся процесса обращения и его уровней. Истории преданных, рассказанные здесь, убедительно опровергают те безосновательные утверждения, согласно которым в Движении сознания Кришны применяются некие методы «контроля сознания». Примеры, которые приводит автор этой книги, ясно показывают, что обращение на путь сознания Кришны задействует весь спектр интеллектуальных, эмоциональных и волевых усилий человека.

Не допуская компромиссов в следовании высоким духовным принципам, Шрила Прабхупада, чтобы сделать вайшнавизм более доступным, пользовался теми ресурсами, которые предлагала ему субкультура. Не одобряя употребление наркотиков среди хиппи, которым он проповедовал, Шрила Прабхупада не побоялся появиться на шоу «Мантра-рок данс», на одной сцене с такими звездами, как Дженис Джоплин и «Грэйтфул дэд». Какой контраст! В зале, где ароматы благовоний смешивались с дымом марихуаны, а пульсирующий свет прожекторов мерцал на изображениях сцен из жизни Кришны, Шрила Прабхупада говорил зрителям о неподвластном времени учении сознания Кришны. Затем при помощи поэта Аллена Гинзберга он «завел» публику, и скоро целая толпа танцующих, раскачиваясь, точно колосья на ветру, пела *маха-мантру*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Эта книга, помимо всего прочего, — еще и рассказ о жертвенности Шрилы Прабхупады. Он принес свое послание в Америку в том возрасте, когда большинство престарелых индийцев удаляются на покой, чтобы наслаждаться комфортом в кругу семьи. Как и следовало ожидать, накопившаяся усталость от переездов, лекций и недостаточного сна (ранние утренние часы он посвящал переводам и комментированию священных текстов, которые собрался опубликовать) подорвала его здоровье. Болезнь вынудила его вернуться в Индию и обратиться к ведическим докторам, которым он доверял гораздо больше, чем западной медицине. Однако он не собирался оставаться в Индии, и данный том завершается возвращением Шрилы Прабхупады в Америку, к ученикам, которые с нетерпением ждали его.

Эта книга, вероятно более, чем что-либо другое, открывает нам те удивительные личные качества Шрилы Прабхупады, которые порождали в сердцах его учеников такое глубокое благоговение и любовь к нему. Будучи человеком огромной нравственной силы, великого смирения и святости, он к тому же обладал подлинной отрешенностью от всего мирского. В отличие от многих других гуру, его современников, он довольствовался самыми скромными условиями жизни, делил хлеб и кров со своими учениками. Даже

заболев и приехав на лечение в Дели, где царила изнуряющая жара, он поселился в индуистском храме, в комнате без мебели и кондиционера, служившей его пристанищем еще до поездки в Америку. В эпоху всеобщего лицемерия и цинизма его жизнь являет собой редкий образец для подражания, столь необходимый каждому из нас.

Доктор Дж. Стилсон Джуда,
заслуженный профессор в отставке,
преподаватель истории религии
и директор Библиотеки Теологического союза, Беркли

Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том четвертый (главы 29-36)

В течение пятнадцати лет я изучал традиции поклонения Кришне в Индии. Однако в конце шестидесятых меня не обошла бытующая в академической среде (не говоря уже о широкой публике) точка зрения, согласно которой Движение, начатое Бхактиведантой Свами, представляет собой очередной суррогат очередного индийского гуру — попытку сделать индуизм привлекательным для молодежи. Антикультовое движение, активно развернувшее свою деятельность в середине семидесятых годов, представляло ИСККОН (Международное общество сознания Кришны) как одну из новоявленных сект. Однако, пытаясь лучше разобраться, насколько обоснованны подобные обвинения, я пришел к выводу, что Движение сознания Кришны в Америке — куда более «индийское», чем мне казалось поначалу. Когда в 1980 году мне представилась возможность в течение трех недель пожить в храмах Кришны в Калифорнии, я приступил к интенсивному изучению ИСККОН и с тех пор посетил четырнадцать храмов в Америке и Индии. Остановливаясь в храмах, я подолгу беседовал с лидерами ИСККОН и рядовыми преданными и со временем стал считать многих из них своими добрыми друзьями, а их гуру, Бхактиведанту Свами, — человеком, заслуживающим внимания и вполне достойным того, чтобы о нем написали подобную книгу. Поэтому я приветствую выход в свет его биографии.

Один из главных уроков, которые вдумчивый читатель извлечет для себя из биографии Бхактиведанты Свами, заключается в сложности и глубине взаимоотношений гуру и ученика. Весь огонь критики со стороны родителей и антикультовых организаций направлен на то, что лидер секты, давая волю своим авторитарным наклонностям, якобы требует от своих последователей беспрекословного повиновения. Принято считать, что лидер секты, движимый какими-то корыстными мотивами (жаждой власти или богатства), подчиняет своей воле других, а безропотные ученики слепо и бездумно исполняют любые прихоти и капризы духовного учителя. Читая биографию Бхактиведанты Свами, мы можем убедиться, насколько глупы и несостоятельны подобные представления. На каждой странице этой книги мы обнаружим свидетельства неподдельной любви молодых людей к человеку, который покорила их своей глубокой верой и смирением, а не властью и силой. В первые годы существования ИСККОН в Америке несколько *санньяси*, только недавно получивших посвящение, стали проповедовать еретические идеи об *относительной* роли гуру в духовной организации и в жизни верующего; это серьезно пошатнуло сами основы молодого на тот момент Общества сознания Кришны. Бхактиведанте Свами пришлось волевым решением утвердить в своем Обществе индийскую традицию, согласно которой роль гуру абсолютна: гуру — вечный духовный отец, и принимают его не ради временного удобства.

И все же мы видим, как смущались некоторые юные преданные, наблюдая Бхактиведанту Свами простирающимся в поклоне перед изображением Кришны и собственного гуру, своего предшественника в цепи духовных учителей. Но такова *паршпара*, ученическая преемственность. Гуру — *единственный* канал, по которому преданность ученика бережно передается Господу. То же справедливо и по отношению к учителю самого гуру (хотя некоторые учителя, такие как Бхактиведанта Свами, наверняка могли иметь и непосредственный контакт с Богом). А потому на восклицание матери: «Знаете, эти мальчики действительно вам поклоняются!» — Бхактиведанта Свами отвечал: «Да, такова наша традиция. Я тоже поклоняюсь своему Гуру Махарадже» («Этот далекий край»).

В этом томе биографии Шрилы Прабхупады раскрываются во всей глубине религиозные аспекты взаимоотношений гуру и ученика. Здесь мы сталкиваемся с множеством описаний того, каким образом этот выдающийся *санньяси-вайшнав* старался укрепить веру своих юных американских последователей — веру в Бога и в духовную традицию, чуждую для них, воспитанных в иной культуре. Мы видим, как чем дальше, тем больше — от незамысловатых и нестрогих ритуалов к традиционной *пудже*, совершаемой согласно классическим бенгальским текстам, — пожилой учитель побуждает учеников внимательнее относиться к поклонению Богу. Мы видим, как все полнее — от искренних, но неумелых попыток отпраздновать день рождения гуру к строгим обрядам Вьяса-пуджи, описанным в традиционных бенгальских песнях и молитвах, — ученики Бхактиведанты Свами осваивают древние индийские обычаи почитания духовного учителя как одну из составляющих поклонения Богу. Но что поразило меня более всего, когда я читал эти страницы, — это уровень праведности, который демонстрировал сам Бхактиведанта Свами, глубоко погруженный в восхваление Бога песней, молитвами и танцем. Отсюда видно, что урок, преподаваемый гуру, — не столько в том, что он говорит, сколько в том, что он делает. И кроме того, видно, что последователи Бхактиведанты Свами старались — хоть и не всегда успешно — соответствовать тем высоким идеалам жизни и преданности, которые установил мудрый Бхактиведанта Свами.

Читателя удивит, насколько терпеливыми и изобретательными оказывались ученики Бхактиведанты Свами, пытаясь принести сознание Кришны «в каждый город и каждую деревню», насколько верны они были мечтам своего духовного учителя. Преданность гуру передавалась его духовным детям. Мы видим это и в случае супружеских пар, ставших пионерами Движения сознания Кришны в Англии и достигших при поддержке музыкантов из «Битлз», Харрисона и Леннона, того, чего ранее не удавалось достичь прославленным индийским мудрецам. Мы видим это в учениках, которые, чтобы вернуть веру в Кришну самим индийцам, трудились день и ночь, испытывая на себе все самое неприятное, что может преподнести индийский климат и индийская кухня. Таким образом, понять, в чем кроется секрет успеха ИСККОН в эти годы его становления и развития (1969-1971),

возможно, лишь уделяя должное внимание обеим сторонам этих взаимоотношений, гуру — ученик. Но все-таки именно Бхактиведанта Свами, с его глубокой верой, энергичной проповедью и верностью идеалам, был сердцем той молодой общины верующих, которую мы наблюдали в первые годы существования ИСККОН.

Из этого тома читатель узнает, как утверждались в ИСККОН правила, касающиеся внешнего вида преданных, поведения в храмах и административной структуры Общества. Сформировав Руководящий совет (Джи-би-си), призванный управлять практической деятельностью ИСККОН (издание книг, финансы и т. д.), Бхактиведанта Свами осуществил то, что намеревался осуществить, но так и не успел его духовный учитель, а именно: создать административную структуру, которая объединила бы храмы, расположенные в разных местах, и их лидеров. Сейчас, после ухода Бхактиведанты Свами в 1977 году, мы видим, что Джи-би-си помог ИСККОН выстоять перед бурями, сотрясавшими его как изнутри (сюда относится, например, уход одного из одиннадцати назначенных Шрилой Прабхупадой преемников), так и извне (например, проблемы с налогами и юридические претензии к религиозному статусу ИСККОН в Калифорнии). Это не было бы возможным без централизованного управления. Из этого тома читатель узнает о том, как зарождалось ядро Руководящего совета, и о том, как благодаря Джи-би-си Бхактиведанта Свами смог немного освободиться от административной рутины.

Пообщавшись с Сатсварупой дасом Госвами и посетив ферму, которой он руководил, я увидел, что та же преданность духовному учителю, о которой он пишет в своей книге, живет в сердцах и его учеников. Нет ничего удивительного в том, что даже при наличии столь эффективной системы управления, как Джи-би-си, религиозная община может существовать, лишь пока есть живой пример, живое воплощение исповедуемых ею идеалов и веры, которые в противном случае кажутся далекими и недостижимыми. Критики ИСККОН обращают внимание только на внешние проявления преданности ученика учителю, упуская из виду, что каждый из гуру в свою очередь должен обладать смирением перед Богом и перед своим собственным гуру.

Эту книгу можно счесть авторской удачей, и дело тут не в научной объективности (которой в любом случае мало кто из биографов может похвастаться). Она хороша благодаря искусному сплетению устных рассказов, документированных воспоминаний и явного восхищения ее героем — всего, благодаря чему Бхактиведанта Свами предстает перед читателем живой личностью, реальным (и исключительным) человеком. Мы не только теоретически понимаем, но и своими глазами видим, что именно безраздельная преданность Богу, выражаемая через преданность духовному учителю, одушевляла ИСККОН в первые годы его существования и продолжает делать это до сих пор, о чем говорит сам автор этой книги. Таким образом «Прабхупада-лиламрита» читается как личный (и очень точный) дневник, повествующий о периоде формирования ИСККОН и о его учителе-

основателе. И как и при чтении дневника, очень многое здесь можно разглядеть между строк — наверное, не меньше, чем читая непосредственно о событиях и людях, описанных в этой книге. Это необыкновенно увлекательное жизнеописание, и я всех призываю прочесть его.

Доктор Ларри Д. Шинн,
профессор религиоведения
Оберлинского колледжа,
Оберлин, штат Огайо

Основные события жизни Шрилы Прабхупады в период с 1967 по 1971 г.

16 января 1967 г.

Прибывает в Сан-Франциско.

Март 1967 г.

Приход в Сан-Франциско Господа Джаганнатхи.

26 марта 1967 г.

В сан-францисском храме установлены первые в ИСККОН Божества — Джаганнатха, Баладева и Субхадра.

Май — июнь 1967 г.

Сердечный приступ и выздоровление.

Июнь — июль 1967 г.

Живет в коттедже на побережье недалеко от Сан-Франциско.

Июль 1967 г.

Возвращается во Вриндаван, чтобы поправить здоровье.

14 декабря 1967 г.

Храм в Сан-Франциско на Фредерик-стрит. Возвращается в Америку из Индии после четырех с половиной месяцев проповеди и восстановления здоровья после сердечного приступа.

Январь 1968 г.

Храм в Лос-Анджелесе на бульваре Вест-Пико. Дает интервью для журнала «Лайф».

Май 1968 г.

Храм в Бостоне, на Гленвилл-авеню. Дает лекции в Гарварде и Массачусетском технологическом институте.

Июнь — август 1968 г.

Храм в Монреале, на Парк-авеню. Посылает шестерых учеников (три семейные пары) проповедовать в Лондон.

Сентябрь — октябрь 1968 г.

Посещает центры ИСККОН в Сиэтле и Санта-Фе.

Октябрь 1968 г.

Храм в Лос-Анджелесе, на бульваре Ла-Сьенага.

Декабрь 1968 г.

Приступает к работе над книгами «Нектар преданности» и «Кришна, Верховная Личность Бога».

Март 1969 г.

Вводит более упорядоченное поклонение Божествам и еженедельные праздничные программы.

Май 1969 г.

Появляется на сцене Университета штата Огайо (г. Колумбус) вместе с Алленом Гинзбергом и проводит *киртан*, в котором участвуют две тысячи студентов.

Май — июнь 1969 г.

Впервые посещает Новый Вриндаван — сельскохозяйственную общину в Западной Виргинии.

23 июня 1969 г.

Устанавливает Божества Радхи-Кришны в Лос-Анджелесе, в храме на Ла-Сьенага.

26 июля 1969 г.

Едет на колеснице во время Ратха-ятры в Сан-Франциско.

Август 1969 г.

Посещает центр ИСККОН в Гамбурге, Германия.

11 сентября 1969 г.

Прибывает в Лондон. Селится в Титтенхерсте — загородном поместье Джона Леннона под Аскотом.

Сентябрь — октябрь 1969 г.

Читает лекции в Камден-таун-холле. Читает серию лекций в Конвей-холле. Лекции в Союзе говорящих на английском языке. Участвует в телевизионном ток-шоу «Ночная линия». Едет в Амстердам на съемки телепередачи.

30 октября 1969 г.

Читает лекцию в оксфордской Ратуше.

3 ноября 1969 г.

Переезжает из Титтенхерста в квартиру на Бейкер-стрит, неподалеку от храма на Бери-Плейс.

Декабрь 1969 г.

Переезжает в храм на Бери-Плейс. Получает от Джорджа Харрисона 19 000 долларов на издание первого тома книги «Кришна, Верховная Личность Бога». Достает Божества Радхи-Кришны для храма на Бери-Плейс.

14 декабря 1969 г.

Открывает первый в Лондоне гаудия-вайшнавский храм и устанавливает Божества Радхи-Кришны.

21 декабря 1969 г.

Храм в Бостоне на Бикон-стрит. Посещает «ИСККОН пресс».

Январь — март 1970 г.

Живет в Лос-Анджелесе, в храме на Ла-Сьенага.

Апрель — июнь 1970 г.

Живет в храме на Уотсика-авеню — образцовом храме и всемирной штаб-квартире ИСККОН.

5 июля 1970 г.

Ратха-ятра в Сан-Франциско.

28 июля 1970 г.

Дает нескольким ученикам посвящение в *санньясу*.

29 июля 1970 г.

Формирование Руководящего совета ИСККОН (Джи-би-си).

29 июля 1970 г.

Основание издательства «Бхактиведанта бук траст» (Би-би-ти).

Август 1970 г.

По дороге в Индию останавливается на Гавайях. Токио. Дает наставления ученикам о правильном проведении Вьяса-пуджи. Пишет письмо в Новый Вриндаван, рассеивая распространившиеся заблуждения относительно положения духовного учителя. Заключает контракт с издательством «Дай Ниппон».

Сентябрь 1970 г.

Калькутта. Учреждает программу по привлечению свободных членов ИСККОН.

Октябрь 1970 г.

Бомбей. Дом Кайлаша Шекшарии на Марин-Драйв. Выступает на Садху-самадже, в *панда* на Чоупатти-Бич. Развивает программу по привлечению свободных членов ИСККОН.

Конец октября 1970 г.

Амритсар. Проповедует на «Веданта саммелане». Ежедневно принимает множество приглашений. Увеличивает количество свободных членов ИСККОН. Посещает Золотой храм сикхов. Посещает Рама-тиртха-Саровару, *ашрам* Валмики Муни.

20 ноября 1970 г.

Бомбей. Живет в храме Ситы-Рамы в Чембуре. По приглашению Сумати Морарджи выступает в «Синдия-хаус».

3 декабря 1970 г.

Индур. Гита-джаянти-махотсава.

Начинает в Индуре программу по привлечению свободных членов ИСККОН.

17 декабря 1970 г.

Сурат. Живет в доме Бхагубхая Джаривалы. Ежедневные процессии с *киртаном* по улицам города. В городе объявлены выходные. Проповедует в близлежащих деревнях.

Январь 1971 г.

Бомбей и Калькутта.

Январь — февраль 1971 г.

Аллахабад. Присутствует на Ардха-Кумбха-меле.

Февраль 1971 г.

Горахпур. Живет в доме своего ученика, доктора Р. П. Рао. Формирует комитет по введению в Горахпурском университете курса сознания Кришны.

Февраль 1971 г.

Бенарес. Присутствует на фестивале, посвященном посещению Бенареса Господом Чайтаньей. Едет в процессии в серебристой карете.

Февраль — март 1971 г.

Горахпур. Живет в одном из домов Ханумана Прасада Поддара. Вводит в своих храмах пение *бхаджана* «Джая Радха-Мадхава». Ведет переговоры с руководством Горахпурского университета по поводу земли для

строительства храма ИСККОН. Встречается с Хануманом Прасадом Поддаром, директором издательства «Гита пресс».

Март — апрель 1971 г.

Центр ИСККОН в Бомбее (седьмой этаж Акаш-Ганга-Билдинга). *Панда* на Кросс-Майдан по вечерам собирает до двадцати тысяч посетителей. В письме свободным членам ИСККОН открывает планы по созданию центра в Бомбее.

4 мая 1971 г.

Посещает Куала-Лумпур. Читает лекции в здании ратуши и в храме Лакшми-Нараяны.

9 мая 1971 г.

Сидней. Привозит и устанавливает Шри Шри Радху-Гопинатху. Проводит церемонию посвящения.

Май 1971 г.

Проводит программу в Сиднейской классической школе. Читает лекции в «Придорожной часовне».

12 мая 1971 г.

Пишет предисловие к «Бхагавад-гите как она есть».

13 мая 1971 г.

Прибывает в Калькутту для участия в десятидневной программе в *пандале*. Наксалиты угрожают его жизни. В день закрытия *пандала* читает лекцию перед сорокатысячной аудиторией. Возглавляет процессию к храму ИСККОН на Альберт-Роуд, где помещает на алтарь Радху-Говинду.

Май 1971 г. Июнь 1971 г.

С помощью своего ученика Тамала-Кришны покупает землю в Майяпуре.

Июнь 1971 г.

Москва. Встречается с профессором индологии Г. Г. Котовским. Дает наставления о сознании Кришны русскому юноше, Анатолию.

25 июня 1971 г.

Пресс-конференция в Париже. Выступает в театре «Олимпия». Дает интервью в телестудии.

26 июня 1971 г.

В Лос-Анджелесе дает посвящение ученикам.

27 июня 1971 г.

Сан-Франциско. Присутствует на пятом ежегодном фестивале Ратха-ятра.

Лето 1971 г.

Дает посвящение нескольким сотням учеников в Лос-Анджелесе, Детройте и Бруклине. Гейнсвилл. Читает лекции в Университете Флориды. Дает интервью на телевидении.

Август 1971 г.

Лондон. Заболевает. Выражает недовольство задержками в издании книг.

Сентябрь 1971 г.

Найроби. Дает интервью журналистам. Момбаса. Поправляет здоровье в доме господина Пандьи.

Сентябрь — октябрь 1971 г.

Найроби. Учит своим примером *санньяси*, останавливаясь в каждом доме не более чем на три дня. Подчеркивает важность проповеди африканцам. Организует первый в Найроби уличный *киртан* в парке Камукунджи. Читает лекции в Университете Найроби перед двумя тысячами студентов. Выступает на телешоу «Мамбо Лео».

19 октября 1971 г.

Улетает в Бомбей.

Словарь имен и терминов

Аватара (*аватара*) — воплощение Бога в материальном мире.

Ананда (*ананда*) — духовное блаженство.

Арати (*арати*) — церемония приветствия Господа, сопровождающаяся пением *мантр*, во время которой Ему предлагают пищу, светильник, веер, цветы и благовония.

Арджуна — близкий друг Кришны, которому Кришна поведал «Бхагавад-гиту».

Ачарья (*ачарья*) — совершенный духовный учитель, который учит своим примером.

Ашрамы (в ед.ч. *ашрама*) — четыре этапа или уклада жизни, рекомендованные Ведами: ученичество (*брахмачарья*), семейная жизнь (*грихастха*), жизнь человека, удалившегося от дел (*ванапрастха*), и жизнь в отречении от мира (*санньяса*). Кроме того, *ашрамом* называется место, где живут люди, занимающиеся духовной практикой.

Аюрведический — относящийся к «Аюр-веде», традиционной индийской медицине, основанной на ведических писаниях.

Бабаджи (*бабаджи*) — преданный, отрекшийся от мира и живущий в уединении.

Бабу (*бабу*) — уважительное обращение к мужчине («господин»).

Баладева — см. Баларама.

Баларама (*Баларама*) — первая экспансия Верховной Личности Бога; старший брат Господа Кришны.

Божество — форма, которую принимает Господь, чтобы стать доступным взору поклоняющегося; изображение Бога, созданное из материальных элементов.

Брахма-мухурта (*брахма-мухурта*) — время за несколько часов до восхода солнца, особенно благоприятное для духовной практики.

Брахман — Высший Дух; как правило, под Брахманом подразумевается *брахмаджьоти*, безличное проявление Абсолюта.

Брахманы (в ед.ч. *брахмана*) — священнослужители и учителя; первое сословие в ведической системе общественного устройства.

«**Брахма-самхита**» (*Брахма-самхита*) — богооткровенное писание, в котором Брахма, творец этой вселенной, излагает суть учения Вед и воспекает Верховную Личность Бога.

Брахмачари (*брахмачари*) — ученик, постигающий духовную науку под руководством гуру и хранящий безбрачие (*брахмачарью*).

Бунди — сладость из муки, смолотой из турецкого гороха.

«**Бхагавад-гита**» (*Бхагавад-гита*) — «Песнь Бога», одно из важнейших священных писаний, в котором Сам Кришна раскрыл все основные ведические истины.

Бхагаван (*Бхагаван*) — Верховный Господь, обладающий всеми совершенствами.

Бхагавата (*бхагавата*) — все, что так или иначе связано с Бхагаваном, Верховным Господом, и в первую очередь Его преданный и «Шримад-Бхагаватам».

Бхагавата-дхарма (*бхагавата-дхарма*) — наука преданного служения Верховному Господу (Бхагавану).

Бхаджан (*бхаджана*) — уединенное служение Господу.

Бхакта — см. Преданный.

Бхакти (*бхакти-йога*) — преданное служение Верховному Господу.

Бхактивинода Тхакур (*Бхактивинода Тхакура*) (1838-1914) — выдающийся ачарья Гаудия-вайшнавов, положивший начало проповеди учения Шри Чайтаньи Махапрабху за пределами Индии. Автор многочисленных духовных произведений на разных языках, отец и наставник Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура.

Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур (*Бхактисиддханта Сарасвати Тхакура*) (1874-1937) — могущественный проповедник учения Господа Чайтаньи, духовный учитель А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады.

Бхога — пища, предназначенная для подношения Божеству.

Вайшнав (*вайшнава*) — преданный слуга Всевышнего (Вишну, Кришны, Рамачандры или других форм Бога).

Вайшьи (в ед.ч. *вайшья*) — крестьяне и торговцы, третье сословие в ведической системе общественного устройства.

Варнашрама-дхарма (*варнашрама-дхарма*) — ведическая система деления общества на четыре сословия и четыре этапа духовной жизни. См. также Ашрамы, Варны.

Варны (в ед. ч. *варна*) — четыре сословия ведического общества. См. также Брахманы, Вайшьи, Кшатрии, Шудры.

Веданта (*веданта*) — философия «Веданта-сутры», обобщающая философское учение Вед и провозглашающая Кришну его целью.

«**Веданта-сутра**» (*Веданта-сутра*), или «Брахма-сутры», — произведение Шрилы Вьясадевы, в котором в сжатой форме изложено учение Вед.

Ведический — основанный на Ведах.

Веды — изначальные богооткровенные писания.

Вина (*вина*) — струнный музыкальный инструмент.

Вишну (*Вишну*) — экспансия Кришны, которая создает и поддерживает материальные вселенные.

Вишнудуты (в ед.ч. *вишнудута*) — посланники Господа Вишну.

Врадж, Враджабхуми (*Враджа, Враджабхуми*) — см. Вриндаван.

Вриндаван (*Врндавана*) — вечная обитель Господа Кришны, деревня на Земле, в которой Он пять тысяч лет назад проводил Свои детские игры.

Вришни (*Вршни*) — род, в котором явился Господь Кришна.

Вьяса, Вьясадева (*Вйаса, Вйасадева*) — воплощение Господа Кришны, великий мудрец. В начале Кали-юги записал Веды и составил большинство пуран, «Веданта-сутру» и «Махабхарату».

Вьяса-асана (*вйасасана*) — почетное сиденье, предназначенное для духовного учителя.

Вьяса-пуджа (*Вйаса-пуджа*) — празднование дня явления духовного учителя, которому поклоняются как представителю Вьясадевы.

Гамчха (*гамчха*) — небольшой отрез ткани, который обертывается вокруг нижней части тела (как правило, во время омовения).

Ганджа (*ганджа*) — марихуана.

Гандхарвика (*Гандхарвика*) — одно из имен Шримати Радхарани, вечной супруги Господа Кришны.

Гаудия-вайшнав (в ед.ч. *Гаудийа-ваишнава*) — последователи Чайтаньи Махапрабху.

Гаудия-матх (*Гаудийа-матха*) — миссия, основанная Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати Тхакуром для распространения сознания Кришны.

Гауракишора дас Бабаджи (*Гауракишора даса Бабаджи*) (1838-1915) — духовный учитель Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура.

Гаятри (*гайатри*) — ведическая мантра, которую брахманы повторяют трижды в день.

Ги — очищенное топленое масло, используемое в приготовлении пищи, а также при проведении жертвоприношений.

Гиридхари (*Гиридхари*) — одно из имен Господа Кришны, означающее «Тот, кто поднял холм Говардхана».

«**Гитопанишад**» (*гитопанишад*) — см. «Бхагавад-гита».

Говардхана — священный холм недалеко от Вриндавана, место, где проходили многие из ранних игр Кришны.

Говинда — одно из имен Верховного Господа, Кришны, которое означает «тот, кто приносит радость земле, коровам и чувствам».

Гопи (*гопи*) — девушки и женщины из пастушеских семей Вриндавана. Все они принадлежат к числу самых возвышенных преданных Кришны.

Гопинатха (*Гопинатха*) — одно из имен Кришны, означающее «повелитель гопи».

Госвами (*госвами*) — «тот, кто владеет своими чувствами», титул санньяси.

Грихастха (*грхастха*) — семейная жизнь, которая строится в соответствии с предписаниями Вед; человек, ведущий такой образ жизни.

Гуны (в ед.ч. *гуна*) — в буквальном переводе с санскрита «веревка», а также «качество, свойство». *Саттва-гуна* (*гуна* благости), *раджо-гуна* (*гуна* страсти) и *тамо-гуна* (*гуна* невежества). Под *гунами* понимают три основных начала материальной природы, три «режима деятельности» материальной

энергии, обуславливающей живых существ. *Гуны* определяют образ жизни, мышления и деятельности души, на которую они влияют.

Гуру — духовный учитель.

Гуру-дакшина (*гуру-дакшина*) — подношение ученика духовному учителю в благодарность за полученные знания.

Гурукула — школа духовного учителя.

Гуру Махараджа (*Гуру Махараджа*) — почтительное обращение к духовному учителю.

Гхат (*гхата*) — место для омовения на берегу реки или озера.

Гьяна (*джнана*) — знание, в первую очередь духовное знание.

Дал (*дал*) — пряный суп из гороха.

Дамодара (*Дамодара*) — одно из имен Господа Кришны.

Данда (*данда*) — посох, который носят *санньяси*.

Дандават (*дандават*) — поклон, которым преданный выражает свое почтение Божеству или духовному учителю, падая ниц перед ними.

Даршан (*даршана*) — лицезрение Божества или святого человека.

Деваки (*Деваки*) — мать Господа Кришны.

Джаганнатха (*Джаганнатха*) — «Владыка Вселенной», имя Кришны и одна из наиболее известных Его форм. Самый большой и древний храм Джаганнатхи расположен в городе Пури (индийский штат Орисса).

Джаганнатха-Пури (*Джаганнатха-Пури*) — см. Пури.

Джанмаштами (*Джанмаштами*) — День явления Господа Кришны.

Джапа — негромкое повторение святых имен Кришны.

Джапа-мала (*джапа-мала*) — четки для повторения святых имен Кришны.

Джая (*джайа*) — «Слава!»

Дурга (*Дурга*) — богиня, олицетворяющая материальную энергию. Супруга Господа Шивы.

Духовные братья — ученики одного духовного учителя.

Дхарма — неотъемлемое качество чего-либо; вечное, естественное предназначение живого существа; долг, обязанности человека; мирская религиозность.

Дхармашала (*дхарма-шала*) — постоянный двор для паломников в Индии.

Дхоти (*дхоти*) — традиционная индийская мужская одежда, представляющая собой кусок ткани, особым образом обернутый вокруг бедер.

Имперсонализм — учение, отвергающее личностную природу Абсолюта.

Имперсоналист — см. Майявади.

ИСККОН (от англ, аббревиатуры ISKCON — International Society for Krishna Consciousness) — Международное общество сознания Кришны.

Ишта-гоштхи (*ишта-гоштхи*) — встреча вайшнавов, на которой обсуждаются наставления их духовного учителя.

Йог (*йоги*) — трансценденталист, стремящийся к воссоединению со Всевышним.

Йога — разные виды духовной практики, соединяющей сознание живого существа с Господом.

Кали (1) — олицетворение всех пороков Кали-юги.

Кали (2) (*Кали*) — См. Дурга.

Кали-юга (*Кали-йуга*), век Кали — текущая эпоха, эпоха вражды и лицемерия; последняя в цикле четырех юг, вселенских эпох, периодически сменяющих друг друга. Кали-юга длится 1200 лет полубогов, или 432 000 солнечных лет, и началась она около пяти тысяч лет назад.

Караталы (в ед.ч. *каратала*) — ударный музыкальный инструмент, представляющий собой две небольшие бронзовые тарелочки.

Карма — действия, совершаемые ради наслаждения их плодами, а также последствия такой деятельности.

Карма-йога — деятельность в преданном служении; деятельность в соответствии с правилами и предписаниями Вед.

Карттика (*картттика*) — месяц индийского календаря (октябрь-ноябрь), считается особенно благоприятным для духовной практики.

Качори (*качаури*) — круглый жареный пирожок с пряной начинкой.

Кашинатха Мишра (*Кашинатха Мишра*) — один из близких спутников Господа Чайтаньи.

Ки джая (*ки джайа*) — возглас, указывающий на прославление кого-либо.

Киртан (*киртана*) — один из основных методов преданного служения, заключающийся в пении святых имен Верховного Господа и прославлении Его.

Кичри (*кхичари*) — блюдо из риса и бобовых.

Кришна (*Кршна*) — Верховная Личность Бога в Своем изначальном духовном образе. Источник всех экспансий и *аватар*.

Кришна-бхакти (*кршна-бхакти*) — преданность Господу Кришне. См. Бхакти.

Кришналока (*Кршналока*) — высшая из всех планет духовного мира, на которой живет Сам Кришна.

Кришна-нама (*кршна-нама*) — святое имя Господа Кришны.

Кришна-прасад (*кршна-прасадам*) — освященная пища или какие-либо предметы, которые были поднесены Господу Кришне.

Кункума (*кункума*) — порошок ярко-красного цвета, часто используемый в косметических целях.

Курта (*курта*) — свободная мужская рубашка навыпуск.

Кхади (*кхади*) — домотканый хлопок; одежда из домотканого хлопка.

Кшатрии (в ед.ч. *кшатрийа*) — воины и правители, второе сословие в ведической системе общественного устройства.

Лакшми (*Лакиши*) — богиня процветания, вечная супруга Господа Нараяны.

Лалита (*Лалита*) — одна из близких друзей Шримати Радхарани.

Лилы (в ед. ч. *лила*) — приносящая блаженство трансцендентная деятельность Господа и Его преданных.

Лота (*лота*) — небольшой сосуд для воды.

Мадхавендра Пури (*Мадхавендра Пури*) — великий святой XIV-XV веков, гуру Ишвары Пури, духовного учителя Чайтаньи Махапрабху.

Майя (*майа*) — иллюзия; так называют, главным образом, низшую энергию Верховного Господа, во власти которой находится материальный мир.

Майявада (*майавада*) — философия имперсонализма.

См. Майявади.

Майявади (*майавади*) — философы, которые называют себя последователями той или иной религиозной традиции, однако не признают, что Абсолют является личностью и что существует вечный духовный мир, исполненный разнообразия.

Мангала-арати (*мангала-арати*) — ежедневная служба в ведических храмах, которую проводят до восхода солнца. См. Арати.

Мантра — трансцендентный звук, который освобождает ум от влияния иллюзии.

«**Ману-смрити**» (*Ману-смрти*), «**Ману-самхита**» (*Ману-самхита*) — свод законов, по которым должны строить свою жизнь цивилизованные люди. Составлен Ману, родоначальником человечества.

Масала (*масала*) — смесь специй, используемая в индийской кухне.

Матх (*матха*) — миссия, миссионерская организация; небольшой монастырь.

«**Махабхарата**» (*Махабхарата*) — эпическое произведение, написанное Шрилой Вьясадевой. 100 000 строф «Махабхараты» описывают историю вражды между Пандавами и Кауравами, которая завершилась битвой на Курукшетре. В состав «Махабхараты» входит «Бхагавад-гита».

Маха-мантра (*маха-мантра*) — великая песнь освобождения, мантра, которую ведические писания особо рекомендуют тем, кто живет в эту эпоху (Кали-югу): Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Мела (*мела*) — праздник, фестиваль.

Млеччхи (в ед. ч. *млечча*) — нецивилизованные люди, которые обычно употребляют в пищу мясо. Не входят в ведическую систему общественного устройства.

Мриданга (*мрданга*) — глиняный барабан с двумя мембранами, используемый для аккомпанемента в киртане.

Мурти (*мурти*) — скульптурное изображение Господа, которому поклоняются в храме.

Нама-санкиртана (*нама-санкиртана*) — совместное пение святых имен Бога.

Намачарья (*намачарйа*) — титул, присвоенный Господом Чайтаньей великому святому Харидасу Тхакуру; означает «тот, кто своим примером учит повторять святое имя Господа».

Нанда, Махараджа (*Нанда Махараджа*) — отец Кришны во Вриндаване, царь Враджа.

Нарада Муни (*Нарада Муни*) — великий преданный, один из сыновей Брахмы.

Нараяна (*Нарайана*) — экспансия Кришны, Господь на планетах Вайкунтхи в Своем четырехруком образе.

Нароттама дас Тхакур (*Нароттама даса Тхакура*) — один из самых известных последователей Шри Чайтаньи Махапрабху. Автор многочисленных песен на бенгали, прославляющих Кришну и Радху.

Нитьянанда (*Нитйананда*) — воплощение Господа Баларамы, один из ближайших сподвижников Шри Чайтаньи Махапрабху.

Нитьянанда-трайодаши (*Нитйананда-трайодаши*) — День явления Господа Нитьянанды.

Нрисимха (*Нрсимха*), **Нрисимхадева** (*Нрсимхадева*) — воплощение Верховного Господа в образе человекольва. Пришел на Землю, чтобы защитить Своего преданного Прахладу и убить великого демона Хираньякашипу.

Омкара (*омкара*) — священный звук *ом*, которым начинаются многие ведические мантры и который является воплощением Верховного Господа в звуке.

Пакоры (в ед.ч. *пакора*) — кусочки овощей в тесте, обжаренные в масле.

Пандавы — пять братьев, царей династии Куру: Юдхиштхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева. Великие преданные и друзья Господа Кришны.

Пандал (*пандал*) — большой шатер.

Пандит (*пандита*) — ученый, знаток Вед.

Параматма (*Параматма*) — Сверхдуша, форма Всевышнего, в которой Он находится в каждом атоме и в сердце каждого живого существа.

Парамахамса (*парамахамса*) — преданный Верховного Господа, достигший высочайшего духовного уровня; высшая ступень *санньясы*.

Парампара (*парампара*) — цепь духовных учителей.

Полубоги — правители вселенной и обитатели райских планет.

Прана (*прана*) — жизненная энергия; один из воздушных потоков внутри тела.

Прасад (*прасадам*) — милость Господа; освященная пища или какие-либо предметы, которые были поднесены Господу.

Прахлада, Махараджа (*Прахлада Махараджа*) — великий преданный Господа, сын демона Хираньякашипу. История жизни Махараджи Прахлады описана в Седьмой песни «Шримад-Бхагаватам».

Преданный — преданный слуга Верховного Господа.

Пуджа (*пуджа*) — церемония поклонения Божеству в храме.

Пуджари (*пуджари*) — жрец, который служит Божествам и совершает обряды поклонения.

Пураны (в ед.ч. *пурана*) — священные писания, дополняющие Веды. В Пуранах описаны деяния Бога в разных Его воплощениях, а также деяния Его преданных и содержится множество духовных наставлений.

Пури (*Пури*) — священный город в штате Орисса, на восточном побережье Индии, обитель Господа Джаганнатхи.

Пури (*пури*) — лепешки из пшеничной муки, обжаренные в топленом масле.

Пушпанджали (*пушпанджали*) — торжественное подношение цветов или цветочных лепестков почитаемой личности.

Радха (*Радха*), **Радхарани** (*Радхарани*) — Верховная Богиня, женская ипостась Абсолюта, наивысшее олицетворение энергии Кришны и любви к Нему.

Радхаштами (*Радхаштами*) — День явления Шримати Радхарани.

Рама (*Рама*), **Рамачандра** (*Рамачандра*) — воплощение Верховного Господа в образе идеального царя.

Рама-бхакта (*рама-бхакта*) — преданный Господа Рамы.

Рамананда Рай (*Рамананда Райа*) — великий преданный, с которым Шри Чайтанья Махапрабху обсуждал наиболее возвышенные темы вайшнавской философии; последние восемнадцать лет пребывания Господа Чайтаньи на Земле Рамананда Рай постоянно находился рядом с Ним.

«**Рамаяна**» (*Рамайана*) — эпическая поэма Валмики Муни, в которой описаны деяния Господа Рамачандры.

Расагулла (*расагулла*) — сладость, сделанная из творога и пропитанная сиропом.

Раса-лила (*раса-лила*), **раса** (танец) — танец Кришны с *гопи*.

Ратха — колесница.

Ратха-ятра (*Ратха-йатра*) — праздник, во время которого Господа везут в колеснице; наиболее известна Ратха-ятра Джаганнатхи, символизирующая возвращение Кришны во Вриндаван.

Рикша — средство передвижения, повозка, которую тянет человек.

Рикшавала — человек, управляющий рикшей.

Рудракша (*рудракша*) — красновато-коричневые семена тропического дерева, из которых преданные Господа Шивы делают четки.

Рупа Госвами (*Рупа Госвами*) — один из шести Госвами Вриндавана, непосредственных преемников Шри Чайтаньи Махапрабху, систематизировавших Его учение.

Сабджи (*сабджи*) — тушеные или жареные овощи.

Садху (*садху*) — святой человек.

Сакши-Гопала (*Сакши-Гопала*) — Божество Господа Кришны в Ориссе. Некогда лично подтвердил слова, сказанные брахманом-паломником, за что и

получил имя Сакши, то есть «свидетель».

«Сама-веда» (*Сама-веда*) — вторая из четырех Вед.

Самадхи (*самадхи*) — состояние транса, когда йог полностью погружается в духовное бытие, разрывая все связи с материальным миром.

Самоса (*самоса*) — жареный пирожок с овощной или фруктовой начинкой.

Санатана Госвами (*Санатана Госвами*) — один из шести Госвами Вриндавана, непосредственных преемников Шри Чайтаньи Махапрабху, систематизировавших Его учение.

Сандеш (*сандеша*) — творожная сладость.

Санкиртана (*санкиртана*) — совместное пение святых имен Бога.

Санньяса (*санньяса*) — отречение от мира; согласно Ведам, четвертый этап духовной жизни.

Санньяса-данда (*санньяса-данда*) — См. Данда.

Санньяси (*санньяси*) — человек, принявший *санньясу*, то есть давший обет до конца своих дней вести монашеский образ жизни.

Сарвабхаума (*Сарвабхаума*) — один из ближайших спутников Господа Чайтаньи, великий ученый.

Сари (*сари*) — традиционная одежда индийских женщин.

Свами (*свами*) — см. Госвами.

Сиддха — человек, достигший совершенства в духовной практике.

Снана-ятра (*Снана-ятра*) — праздничная церемония омовения Господа Джаганнатхи.

Субхадра (*Субхадра*) — сестра Господа Кришны, олицетворение Его внутренней энергии.

Сурья (*Сурья*) — бог Солнца.

Танга (*танга*) — деревянная повозка, запряженная лошадью.

Тилак (*тилака*) — благоприятные знаки, которые преданные рисуют освященной глиной на лбу и других частях тела.

Тиффин — плотно закрытая посуда для переноски и хранения готовой еды.

Туласи (*туласи*) — священное растение, которое чтят все приверженцы ведической культуры.

Халава (*халава*) — сладкое блюдо, приготовленное из обжаренной в сливочном масле манной крупы.

Хануман (*Хануман*) — прославленный слуга Господа Рамачандры, один из предводителей войска обезьян, участвовавших в освобождении Ситы.

Хари — Верховный Господь, устраняющий все препятствия с пути духовного развития человека.

Харибол! — приветствие или восклицание, означающее: «Повторяйте имена Хари (Кришны)!»

Харидас Тхакур (*Харидаса Тхакура*) — великий преданный и близкий сподвижник Господа Шри Чайтаньи Махапрабху, который ежедневно повторял триста тысяч имен Бога.

См. также Намачарья.

Хари-нама (*хари-нама*) — святое имя Господа.

Хатха-йога (*хатха-йога*) — физические и дыхательные упражнения для очищения и обуздания ума и чувств.

Чадар (*чадар*) — шаль, накидка, плед.

Чайтанья Махапрабху (*Чаитанья Махапрабху*) — воплощение Кришны, цель которого — изведать высочайшую любовь к Богу и даровать ее всему миру.

«**Чайтанья-чаритамрита**» (*Чаитанья-чаритамрита*) — основное произведение о жизни и учении Шри Чайтаньи Махапрабху. Написано на бенгали Кришнадасом Кавираджей Госвами примерно четыреста лет назад.

Чамара (*чамара*) — белое опахало из хвоста яка.

Чapati (*чапати*) — тонкие лепешки из пшеничной муки грубого помола, которые пекут на открытом огне.

Чатни — острая подливка из овощей или фруктов.

Чинтамани (*чинтамани*) — философский камень.

Шанкарачарья (*Шанкарачарья*) — воплощение Господа Шивы, знаменитый ачарья, который после многих веков господства буддизма восстановил в Индии авторитет Вед. При этом он распространил философию *майявады*, согласно которой все, кроме безличного Абсолюта, является иллюзией.

Шастры (в ед. ч. *шастра*) — священные писания.

Шенай — индийский духовой музыкальный инструмент, похожий на гобой.

Шесть Госвами Вриндавана — непосредственные преемники Шри Чайтаньи Махапрабху, систематизировавшие Его учение: Санатана Госвами, Рупа Госвами, Рагхунатха дас Госвами, Рагхунатха Бхатта Госвами, Гопала Бхатта Госвами, Джива Госвами.

Шива (*Шива*) — одно из воплощений Бога, управляющих гунами материальной природы; отвечает за гуну невежества.

Шиваит (*Шива*) — тот, кто поклоняется Шиве.

Шикха (*шикха*) — пучок волос, который мужчины-вайшнавцы оставляют на затылке.

Шри (*Шри*), **Шрила** (*Шрила*) — формы почтительного обращения.

Шридхара Свами (*Шридхара Свами*) — великий вайшнав, который жил до Чайтаньи Махапрабху и прославился своими комментариями к «Шримад-Бхагаватам», «Бхагавад-гите» и «Вишну-пуране».

«**Шримад-Бхагаватам**» (*Шримад-Бхагаватам*) — самое полное изложение учения Вед, называемое «зрелым плодом древа ведических

писаний». Представляет собой комментарий Вьясадевы к его же «Веданта-сутре».

Шудры (в ед.ч. *шудра*) — рабочие; четвертое сословие в ведической системе общественного устройства.

Шукадева Госвами (*Шукадева Госвами*) — великий мудрец-преданный, сын Вьясадевы, рассказавший «Шримад-Бхагаватам» Махарадже Парикшиту.

Экадаши (*экадаши*) — одиннадцатый день после полнолуния и новолуния, который особенно благоприятен для духовной деятельности. В этот день рекомендуется воздерживаться от употребления в пищу зерна и бобовых.

Ягья (*йаджна*) — жертвоприношение.

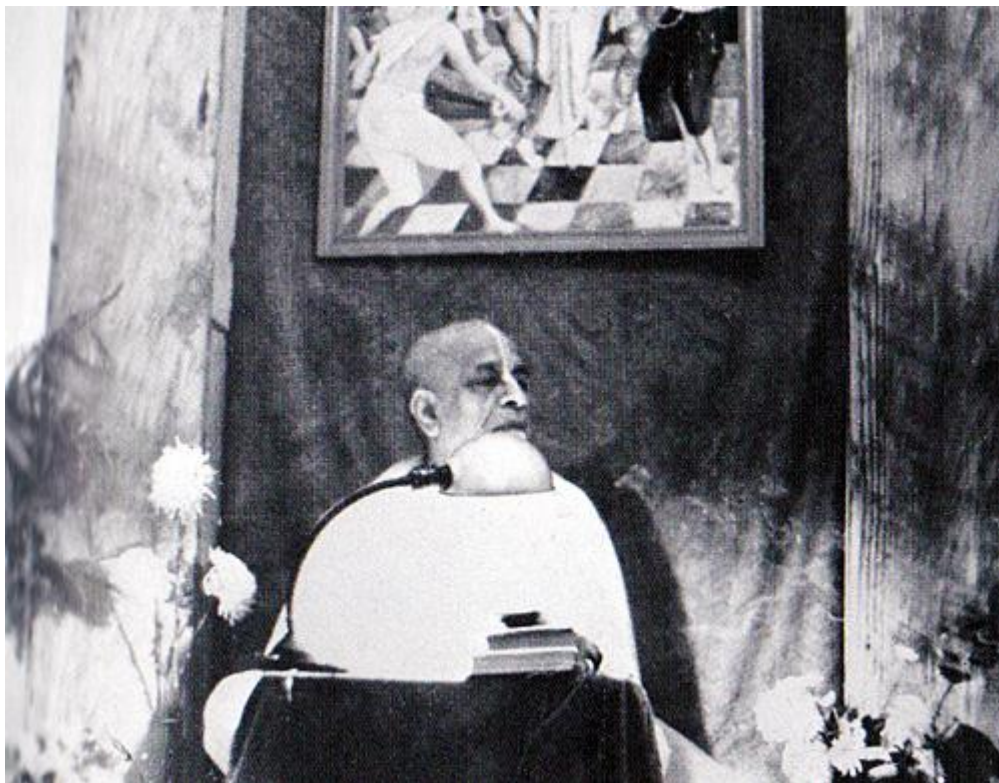
Ямадуты (в ед.ч. *йамадута*) — посланники бога смерти Ямараджи.

Ямараджа (*Йамараджа*) — бог смерти, назначающий наказания грешникам; он является одним из двенадцати величайших знатоков религии.

Ямуна (*Йамуна*) — священная река, протекающая по Вриндавану.

Яшода (*Йашода*) — мать Кришны во Вриндаване, жена Махараджи Нанды.

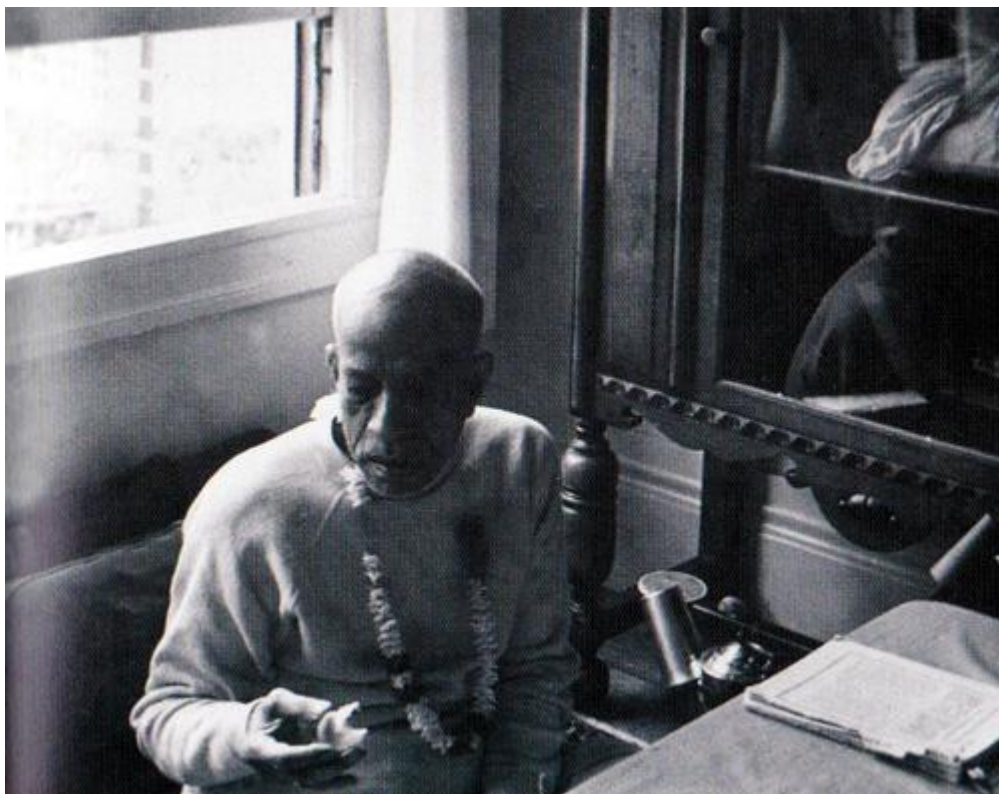
Иллюстрации

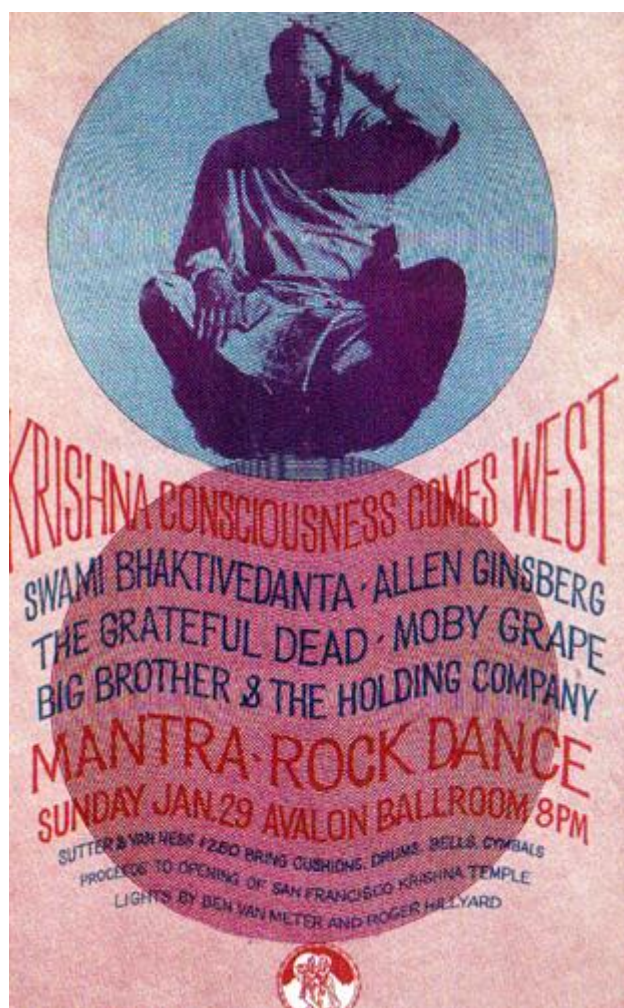
Шрила Прабхупада в сан-францисском храме Радхи-Кришны. Начало 1967 года

За несколько дней до фестиваля «Мантра-рок данс»: Аллен Гинзберг наносит визит Шриле Прабхупаде

Шрила Прабхупада принимает *прасад* за своим столиком

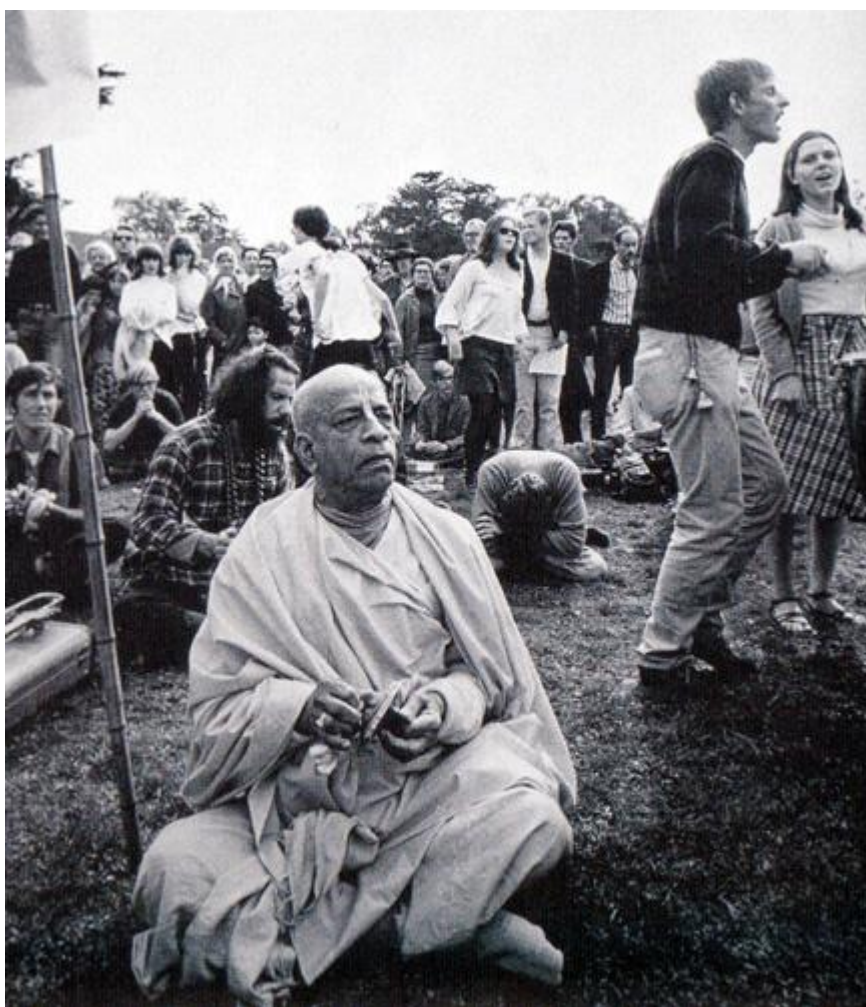
Афиша, извещающая об участии Шрилы Прабхупады в фестивале «Мантра-рок данс»

Шрила Прабхупада входит в двери храма Радхи-Кришны на Фредерик-стрит

Киртан в алтарной комнате храма Радхи-Кришны

Шрила Прабхупада поет маха-мантру в Голден-Гейт-парк

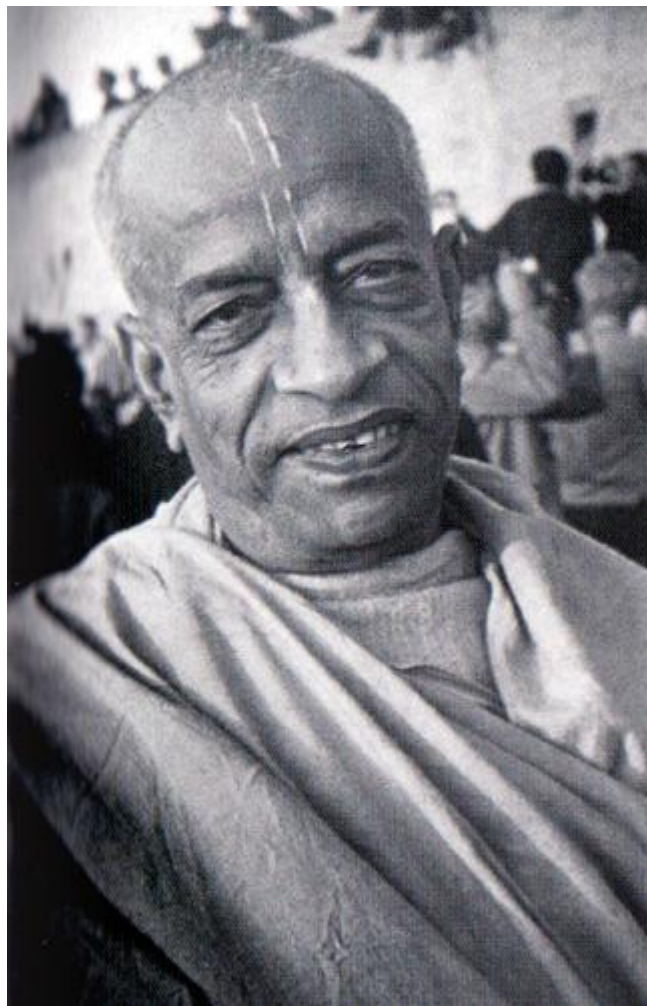

Шрила Прабхупада и несколько его учеников во время утренней прогулки по берегам озера Стоув в Голден-Гейт-парк

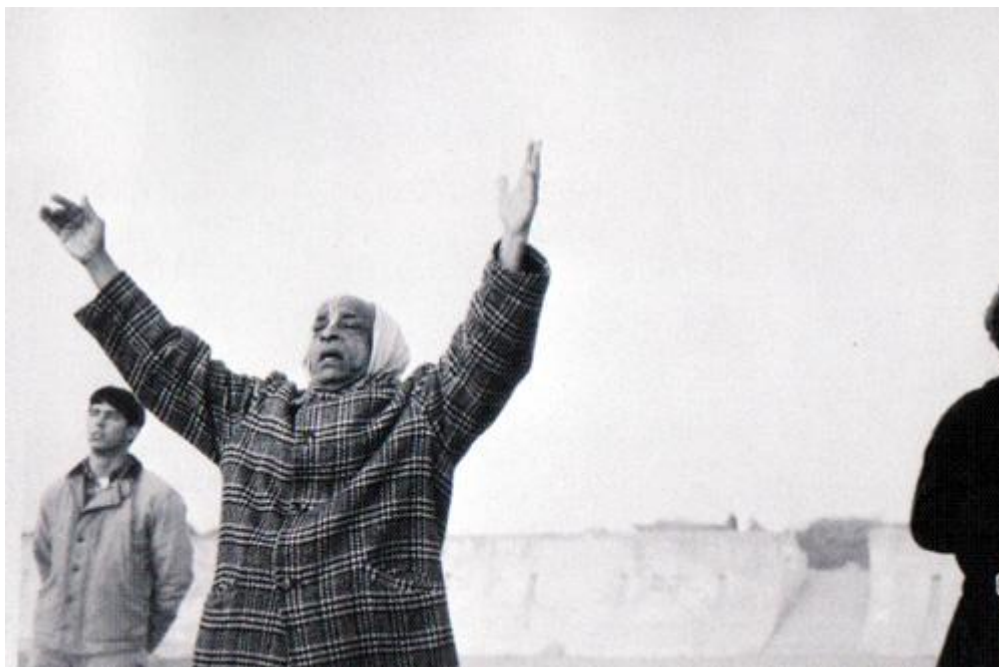

Киртан в Голден-Гейт-парк

Шрила Прабхупада на фоне морской дамбы на пляже Сан-Франциско

Март 1967 года. Шрила Прабхупада и несколько его сан-францисских учеников поют киртан на пляже

Шрила Прабхупада и его нью-йоркские ученики проводят киртан в театре «Вилледж-Ист», на «Собрании во имя всеобщей любви»

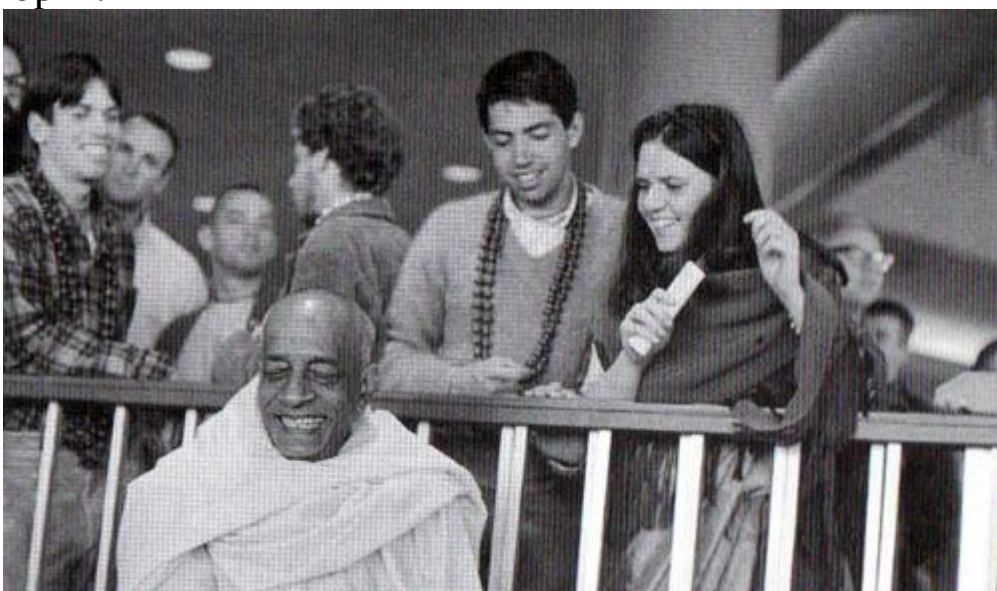
Шрила Прабхупада и его сан-францисские ученики. 1968 год

Божества Джаганнатхи, Баладевы и Субхадры на колеснице (грузовике с открытым кузовом) во время первой американской Ратха-ятры, состоявшейся 9 июля 1967 года

В аэропорту Сан-Франциско. «Джанакши шутя выхватила из рук Свамиджи билет и паспорт».

Шрила Прабхупада с Ачьютанандой и членами семьи Малликов проводит киртан во дворе храма Радхи-Говинды в Калькутте

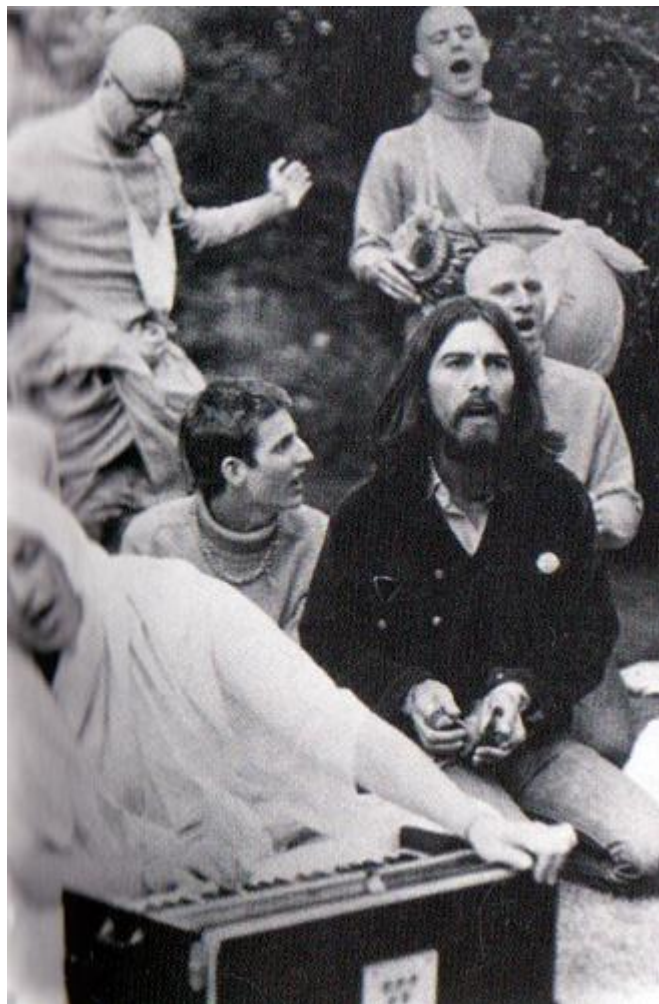
Шрила Прабхупада в доме своей сестры в Калькутте. Справа от Прабхупады сидит Ачьютананда, слева — Рамануджа. На полу сидит Бхаватарини, сестра Прабхупады.

Шрила Прабхупада смотрит на Радху-Говинду, Божества семьи Малликов в Калькутте

Шрила Прабхупада на ферме Новый Вриндаван в июне 1968 года

Джордж Харрисон поет *мантру* Харе Кришна с преданными в Лондоне

Джордж Харрисон и Патти Бойд со Шрилой Прабхупадой и Дхананджаей дасом у дома Джорджа. Англия, 1969 год

Шрила Прабхупада и Сарасвати

Шрила Прабхупада в Конвей-холле. Октябрь 1969 года

У входа в телевизионную студию в Амстердаме. Ноябрь 1969 года

Установление Радхи-Лондон-ишвары. Лондон, 14 декабря 1969 года

Приезд Шрилы Прабхупады в Бомбей 29 сентября 1970 года

Шрила Прабхупада с Сумати Морарджи, владелицей пароходной компании «Синдия»

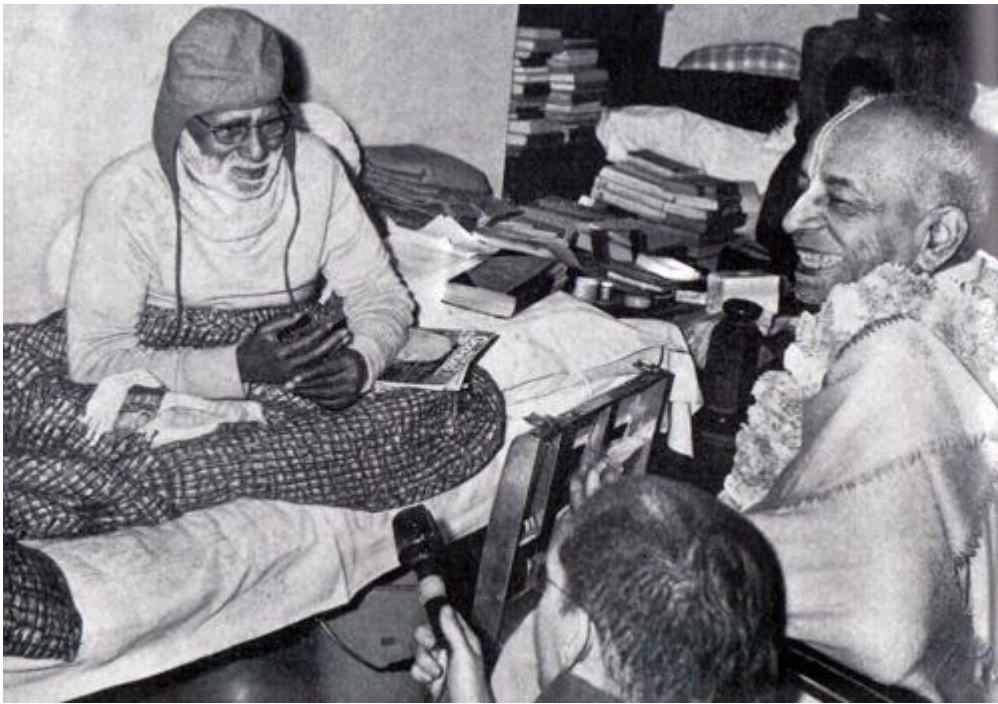
Киратан на улицах Сурата

Преданные поют *киртан* на Садху-самадже в Бомбее

Паломники омываются в месте слияния Ганги и Ямуны, Праяг

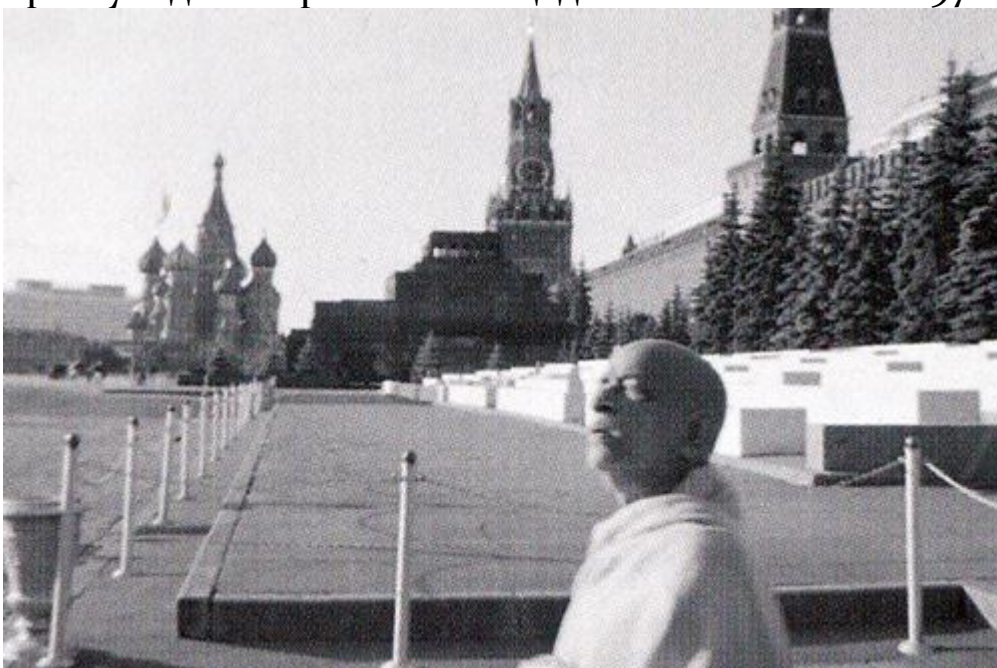
Шрила Прабхупада и Хануман Прасад Поддар. Горакхпур, февраль 1971 года

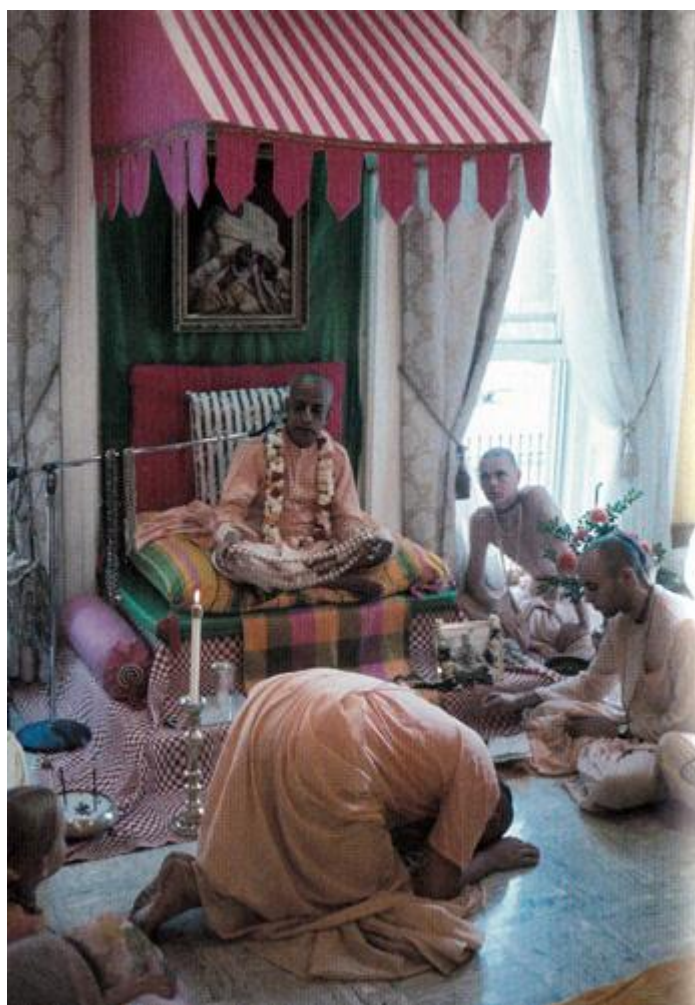

В калькуттском пандале. Апрель 1971 года

Шрила Прабхупада на Красной площади в Москве. Июнь 1971 года

Церемония посвящения в бруклинском храме. Июль 1971 года

Шрила Прабхупада на съемках телевизионной программы в Найроби

Примечания

God's eyes — «глаза Бога», майки с ярким узором в виде концентрических кругов. — *Примеч. пер.*

Система обмена студентами, преподавателями и научными сотрудниками между разными странами. Основана сенатором Дж. Уильямом Фулбрайтом в 1946 году «в целях улучшения взаимопонимания между народом Америки и народами других стран мира». — *Примеч. ред.*

Диггеры — молодежное движение, волонтеры, занимавшиеся бесплатной раздачей пищи и одежды нуждающимся. — *Примеч. ред.*

Эркер — полукруглый, треугольный или многогранный остекленный выступ в стене здания. — *Примеч. ред.*

«В глубоком почтении я склоняюсь перед шестью Госвами — Шри Рупой Госвами, Шри Санатаной Госвами, Шри Рагхунатхой Бхаттой Госвами, Шри Рагхунатхой дасом Госвами, Шри Дживой Госвами и Шри Гопалой Бхаттой Госвами, — которые, ходя по Вриндавану, громко взывали: „О Радхарани, царица Вриндавана! О Лалита! О сын Махараджи Нанды! Где вы теперь? Быть может, гуляете сейчас по холму Говардхана, а может, отдыхаете под сенью деревьев у Ямуны? Где же вы?“ В таком состоянии духа служили они Кришне».

«Фраг», «ватуси», «свим» — так называемые «пляжные танцы», очень популярные в Америке 1960-х годов, с характерным размеренным покачиванием бедер и особыми движениями рук. — *Примеч. ред.*

День поминовения — в США 30 мая, день памятования о погибших в войнах. — *Примеч. пер.*

В Индии распространена система подсчета лет, согласно которой рождение человека отмечается как его первый год. Поэтому, хотя Прабхупаде в 1967 году исполнился семьдесят один год, он пишет, что ему исполняется семьдесят два. — *Примеч. ред.*

Бангладеш. — *Примеч. ред.*

В мае 1968 года (подробнее об этом будет рассказано в 58-й главе) преданные ИСККОН перестали обращаться к своему духовному учителю «Свамиджи», а вместо этого начали использовать титул «Шрила Прабхупада». Поэтому в дальнейших главах имя «Свамиджи» исчезает со страниц книги. — *Примеч. ред.*

«Поскольку люди, слишком привязанные к мирской жизни, не владеют своими чувствами, они постепенно скатываются в ад и раз за разом „жуют пережеванное“. Ничто не пробуждает в них склонности служить Кришне — ни наставления других, ни собственные усилия, ни то и другое вместе. Люди, поглощенные мыслями о мирских наслаждениях, избирают себе лидера или гуру из числа таких же слепцов, как они сами, — слепцов, которые привязаны к внешним объектам, доступным для материальных чувств. Такие люди не способны понять, что цель жизни одна: вернуться домой, к Господу Вишну, и посвятить себя служению Ему. Как слепой, идущий за другим слепым, сбивается с пути и падает в яму, так и материалистичные люди, избравшие своим лидером еще одного материалиста, запутываются в необычайно прочных веревках кармической деятельности и погружаются в бездонную пучину материального бытия, где их снова и снова преследуют тройственные страдания.

Пока закоренелый материалист не осыплет себя пылью с лотосных стоп вайшнава, всецело свободного от скверны мирского бытия, он не разовьет привязанности к лотосным стопам Господа, которого прославляют за Его необычайные деяния. Очистить свою жизнь может лишь тот, кто, обретя сознание Кришны, укрылся под сенью лотосных стоп Верховной Личности Бога» (Шримад-Бхагаватам, 7.5.30-32).

«Cold turkey» («ломка») — так на жаргоне называется особое психическое и физическое состояние наркоманов после внезапного и полного прекращения употребления ими привычного наркотика. — *Примеч. пер.*

[См. примечание на с. 200.](#)

Марвари — каста купцов, банкиров и ростовщиков. — *Примеч. ред.*

Панча-пандава — пятеро братьев Пандавов, чистые преданные Господа Кришны, о которых упоминается в «Бхагавад-гите». Победители в битве на Курукшетре. — *Примеч. ред.*

Нитьянанда — одно из воплощений Господа Кришны. Он низошел вместе с Господом Чайтаньей, чтобы проповедовать пение *мантры* Харе Кришна и освободить падшие души этого века. Он часто вел Себя необычно, не принимая во внимание правила поведения в обществе, и тем самым снискал Себе славу *авадхуты*. Преданные с огромным удовольствием слушают о Его удивительных играх, но никогда не подражают им.

Имя Кришны, Его облик, качества и игры соответственно. — *Примеч. авт.*

«Кришна — Верховная Личность Бога» (Шримад-Бхагаватам, 1.3.28). —
Примеч. авт.

Сладость, приготовленная из сухого молока, сливочного масла и сахара.
— *Примеч. авт.*

Имеются в виду книги «Учение Шри Чайтаньи», «Нектар преданности», «Шримад-Бхагаватам» и «Кришна, Верховная Личность Бога». — *Примеч. авт.*